

Rajko Nahtigal in 100 let slavistike na Univerzi v Ljubljani

Monografija ob 100. obletnici nastanka

Oddelka za slavistiko Filozofske fakultete UL

Urednice:

Petra Stankovska

Aleksandra Derganc

Alenka Šivic-Dular

Rajko Nahtigal in 100 let slavistike na Univerzi v Ljubljani

Monografija ob 100. obletnici nastanka Oddelka za slavistiko Filozofske fakultete UL

Knjižna zbirka: Slavica Slovenica, št. 5

Uredniški odbor zbirke: Vanda Babič, Aleksandra Derganc, Blaž Podlesnik, Petra Stankovska, Alenka Šivic-Dular

Uredile: Petra Stankovska, Aleksandra Derganc, Alenka Šivic-Dular

Recenzenta zbornika: Roland Marti, Matej Šekli

Lektorji: Bojana Maltarič, Mihail N. Sajenko

Pregled angleških povzetkov: Nuša Počič

Tehnično urejanje in prelom: Jure Preglau

Oblikovanje naslovnice: Lavoslava Benčič

Ilustracija na naslovnici: Damjana Škantar

Založila: Znanstvena založba Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani

Izdal: Oddelek za slavistiko

Za založbo: Roman Kuhar, dekan Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani

Ljubljana, 2019

Tisk: Birografika Bori d. o. o.

Prva izdaja, prvi natis

Naklada: 150 izvodov

Cena: 29,90 EUR

To delo je ponujeno pod licenco Creative Commons Priznanje avtorstva-Deljenje pod enakimi pogoji 4.0 Mednarodna licenca (izjema so fotografije). / This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International License (except photographs).

Prva e-izdaja. Publikacija je v digitalni obliki prosto dostopna na <https://e-knjige.ff.uni-lj.si/>

DOI: 10.4312/9789610602491

Kataložna zapisa o publikaciji (CIP) pripravili v Narodni in univerzitetni knjižnici v Ljubljani

Tiskana knjiga

COBISS.SI-ID=301845760

ISBN 978-961-06-0246-0

E-knjiga

COBISS.SI-ID=301869824

ISBN 978-961-06-0249-1 (pdf)

Kazalo vsebine

RAJKO NAHTIGAL IN SLAVISTIKA

Uvodna beseda	9
Biografija Rajka Nahtigala	13
Bibliografija Rajka Nahtigala	21

NAGOVORI NA OTVORITVI mednarodne znanstvene konference

Branka Kalenič Ramšak (prorektorica Univerze v Ljubljani).	37
Roman Kuhar (dekan Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani).	39
Tadej Bajd (predsednik Slovenske akademije znanosti in umetnosti).	41
Andreja Žele (predsednica Zveze društev Slavističnega društva Slovenije).	43
Alenka Šivic-Dular (predsednica Slovenskega slavističnega komiteja).	44

REFLEKSIJA O ZNANSTVENORAZISKOVALNEM DELU PROF. NAHTIGALA

I. Starocerkvenoslovanski spomeniki in besedila, abecedi

Изданиято на Синайския евхологий на Райко Нахтигал и неговото значение за палеославистиката	49
<i>Ивона Карачорова</i>	

The Vienna Glagolitic Projects: Past and Present	63
<i>Heinz Miklas, Robert Sablatnig, Simon Brenner, Manfred Schreiner, Federica Cappa, Guadalupe Piñar, Katja Sterflinger</i>	

Гръцко-славянските корелати в Синайския евхологий в контекста на преводната книжнина от IX–XI век	81
<i>Лора Тасева</i>	

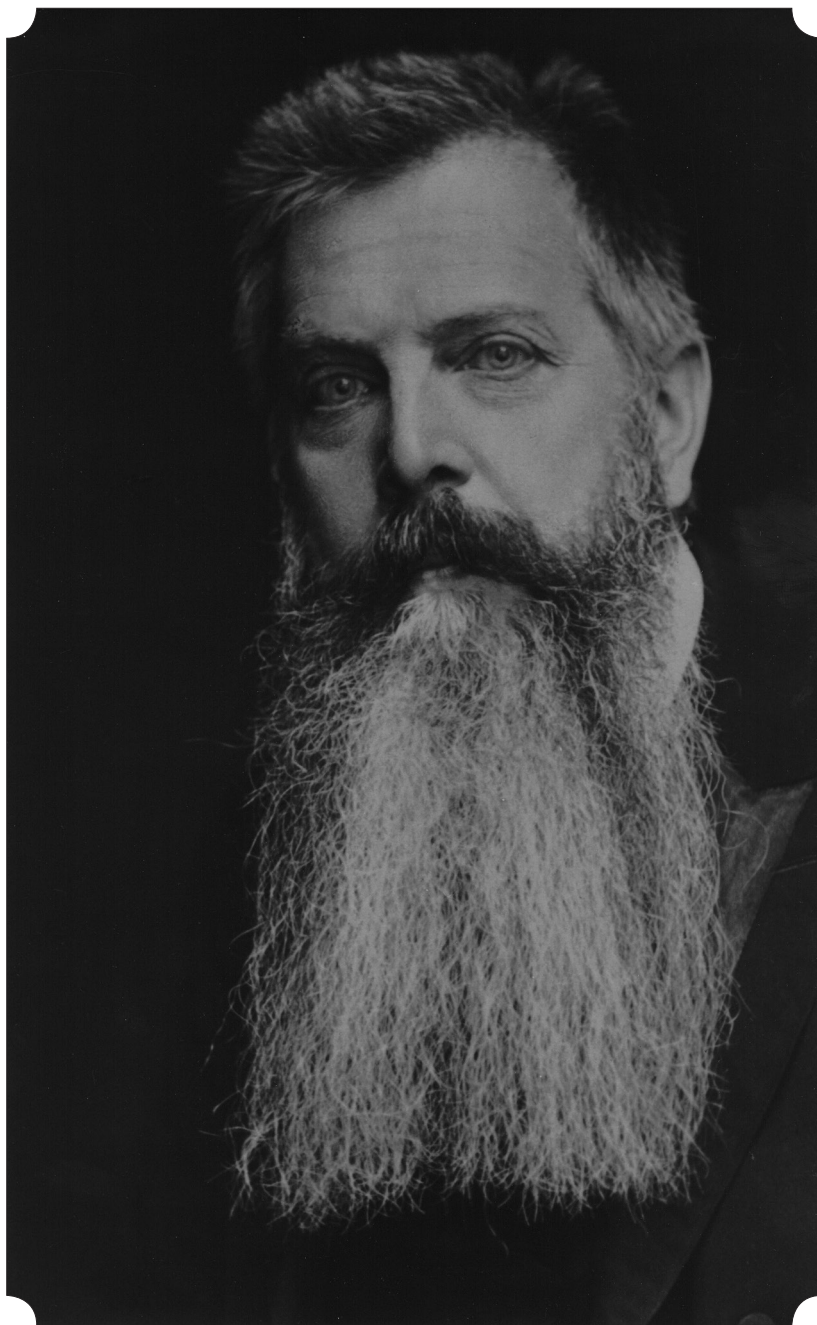
Научные воззрения Райко Нахтигала в свете палеославистической гимнологии.	101
<i>Регина Койчева</i>	

Methodological implications of Nahtigal's remarks on the Acrostich Prayer	111
<i>Catherine Mary MacRobert</i>	

Nahtigalovi doprinosi u okvirima glagoljske paleografije XX. stoljeća	125
<i>Mateo Žagar</i>	

«Proglas k svetemu evangeliju» P. Nahtigala (1943). Опыт реконструкции текста	135
<i>Марчелло Гардзанити</i>	
«Номоканонъ рекъше закону правило и отъчьскыя книгы прѣложи»: въпросъ за преводите на Методий 80 години след студията на Р. Нахтигал	145
<i>Красимир Станчев</i>	
Nahtigalova tekstološka istraživanja hrvatskoglagolskih biblijskih knjiga	153
<i>Vesna Badurina Stipčević</i>	
Nahtigalova obravnava besedil Knjig kraljev v hrvaškoglagolskih liturgijskih knjigah v luči danes dostopnih rokopisov	163
<i>Petra Stankovska</i>	
Anton Žakelj – Rodoljub Ledinski in Mlada Breda 2	173
<i>Marija Stanonik</i>	
Nawiązania południowosłowiańskie w języku starobiałoruskiego „Tristana” (na podstawie rękopiśmiennego Kodeksu Raczyńskich z XVI wieku)	185
<i>Lilia Citko</i>	
Две службы св. Даниилу Московскому: опыт создания барочной княжеской службы.	197
<i>Виктория Легких</i>	
II. Jezikovni sistem slovanskih jezikov, naglas, slovnice	
Райко Нахтигал как исследователь русского и славянского ударения	215
<i>Герхард Невекловски</i>	
Rajko Nahtigal in Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči ter izdaja Slova o polku Igořevě	229
<i>Aleksandra Derganc</i>	
Сослагательное наклонение в поздних церковнославянских переводах восточнославянского происхождения	241
<i>Татьяна Пентковская</i>	

The modal meaning за припомняне of the Bulgarian imperfect tense and its counterparts in other Slavic languages	257
<i>Andrea Trovesi</i>	
Резьянский диалект и грамматикализация славянского глагольного вида	271
<i>Розанна Бенакъво</i>	
III. Slovanska etimologija in imenoslovje	
Идеи Р. Нахтигала в контексте современной науки о праславянском языке.	287
<i>Любовь Куркина</i>	
Staré křesťanské výpůjčky v češtině a slovinštině	301
<i>Jiří Rejzek</i>	
Potrat ve staroslověnině z pohledu etymologického	311
<i>Ilona Janyšková</i>	
Etymologické poznámky k sémantické změně abstraktum → konkrétum některých verbálních substantiv tvořených sufixem -nije ve staroslověnině	319
<i>Helena Karlíková</i>	
Imiona mieszkalców Bielska Podlaskiego na przełomie XX i XXI wieku	327
<i>Michał Mordań</i>	
IV. Rajko Nahtigal – njegovo strokovno, organizacijsko in družbeno delovanje	
Rajko Nahtigal in znanstvene ustanove na Slovenskem (v obdobju 1913–1930)	343
<i>Alenka Šivic-Dular</i>	
Пребывание Р. Р. Нахтигала в России и его вклад в российское языкознание	365
<i>Петр А. Амбросович</i>	
Rajko Nahtigal – portret klasičnega slavista	375
<i>Neža Zajc</i>	
Imensko kazalo	391

Rajko Nahtigal

**RAJKO NAHTIGAL IN
SLAVISTIKA**

Uvodna beseda

Ob bližajoči se stoti obletnici ustanovitve Univerze v Ljubljani, Filozofske fakultete in Seminarja za slovansko filologijo je Oddelek za slavistiko sklenil počastiti ta jubilej s spominom na utemeljitelja slovenske slavistike, akad. prof. dr. Rajka Nahtigala, ki je bil tudi prvi dekan Filozofske fakultete UL in kasneje še rektor Univerze v Ljubljani, za nastanek katere si je od novembra leta 1918 prizadeval. Tako kot so se predavanja na novoustanovljeni univerzi začela šele decembra 1919, po določenem času, potrebnem za ureditev vseh študijskih in delovnih pogojev, tudi naša obeležitev tega jubileja sega v dve letnici – »pripravljalno« leto 2018, ko smo marca na mednarodni znanstveni konferenci, posvečeni refleksiji znanstvenoraziskovalnega, pedagoškega in organizacijskega dela Rajka Nahtigala, gostili slaviste iz desetih držav in skupaj z njimi počastili spomin nanj s pietetnim aktom ob njegovem spomeniku pred Narodno in univerzitetno knjižnico v Ljubljani. Otvoritev konference sta se poleg predstavnikov najpomembnejših slovenskih znanstvenih inštitucij udeležila tudi vnuka Rajka Nahtigala, gospa *Duška Berce Mlakar* in gospod *Anton Berce*, ki sta se ljubeznivo odzvala našemu vabilu. Leto 2019 pa je leto dejanj – izida znanstvenoraziskovalne monografije *Rajko Nahtigal in 100 let slavistike na Univerzi v Ljubljani*, s katero se želimo spomniti Nahtigalovega pomembnega delovanja na znanstvenoraziskovalnem, organizacijskem in tudi družbenem področju.

Univerza v Ljubljani s petimi visokimi šolami (Filozofsko fakulteto, Pravno fakulteto, Teološko fakulteto, nepopolno Medicinsko fakulteto in Tehnično fakulteto) je bila ustanovljena julija 1919, prvo predavanje pa je imel 3. decembra 1919 slovenist prof. Fran Ramovš. Središče za slovenistične in slavistične študije je postal na Filozofski fakulteti ustanovljeni Seminar za slovansko filologijo (1919–september 1937)¹, ki se je v teku časa večkrat preimenoval: Inštitut za slovansko filologijo (september 1937–1959), ponovno Seminar za slovansko filologijo (1959–januar 1961), nato Oddelek za slovanske jezike in književnosti (januar 1961–2002)² ter končno Oddelek za slavistiko (od 2002 naprej) in Oddelek za slovenistiko (od 2002 naprej).³

1 Več podatkov v: *Zgodovina slovenske univerze v Ljubljani do l. 1929*. Ljubljana: Rektorat Univerze kralja Aleksandra prvega, 1929, str. 38–353.

2 Več podatkov v: *Zbornik Filozofske fakultete: 1919–1999* [urednica Jadranka Šumi]. Ljubljana: Filozofska fakulteta 1999, str. 225–293.

3 Več podatkov v: *Zbornik Filozofske fakultete 1919–2009*. Ljubljana: Znanstvena založba 2009, str. 423–435 (–453).

Pričujoča monografija ni prvo delo, katerega namen je počastiti življenje in delo Rajka Nahtigala. Leta 1977 – v letu stote obletnice Nahtigalovega rojstva – je pred *XIII. Seminarjem slovenskega jezika, literature in kulture* potekal tridnevni simpozij *Aktualni problemi slovanskega jezikoslovja* s posebnim ozirom na delovno področje Rajka Nahtigala. Kot rezultat je izšel *Nahtigalov zbornik*,⁴ ki ga je uredil, s predgovorom in uvodnim nagovorom o Nahtigalovem delu opremil eden njegovih vidnih študentov in naslednikov, Franc Jakopin. Zbornik vsebuje 29 prispevkov pomembnih slavistov tistega časa in dokaj bogato slikovno prilogo iz različnih obdobjih Nahtigalovega življenja.

Ko je uredništvo začelo sestavljati pričujočo monografijo in zbirati literaturo o delovanju in življenju Rajka Nahtigala, se je zavedalo, da je bil Nahtigal v burnem političnem, družbenem in kulturnem dogajanju prevratnega časa v slovenskem znanstvenem in družbenem prostoru močno prisoten. Ker so v danes dostopnih virih redki tako podatki o njegovem delovanju, zlasti organizacijskem, kot tudi o današnji živosti njegovih znanstvenoraziskovalnih dosežkov, je uredništvo sklenilo razpravam s konference dodati še kratko biografijo Rajka Nahtigala in celotno posodobljeno bibliografijo, ki bo podlaga za načrtovani projekt digitalizacije Nahtigalovih del (FF UL) in ponatis njegovih izbranih spisov (FF UL).

Monografija se začne s slavnostnimi nagovori na otvoritvi konference 22. 3. 2018, sledijo prispevki, razvrščeni v štiri sklope, ki se navezujejo na Nahtigalovo znanstveno, raziskovalno in organizacijsko delovanje. V prvem, najboljšejnem delu so prispevki, ki se nanašajo na področje raziskav **stare cerkvene slovanščine, slovanskih abeced in tekstologije**, v drugem sklopu so prispevki, povezani z opisom, razlagami in interpretacijo **sistemskih pojavov v slovanskih jezikih**, tretji sklop je posvečen **etimologiji in imenoslovju**, četrti pa refleksiji Nahtigalovega **strokovnega, organizacijskega in družbenega dela**. Prispevki, čeprav ne segajo na vsa področja Nahtigalovih znanstvenih interesov, so tematsko raznoliki, ker sledijo njegovemu široko pojmovanemu pristopu k filologiji – sinhrono jezikoslovje spoznano skozi in skupaj z diahronijo, tekstologijo in dognanji iz drugih ved. Prispevki so raznoliki tudi po pristopu k Nahtigalovemu delu in njegovemu vrednotenju – nekateri povzemajo njegove zasluge in dognanja ter ocenjujejo njihovo veljavnost v sodobni slavistiki ter vpliv nanjo (npr. *Žagar, Badurina Stipčević, Derganc, Neweklowsky, Kurkina*), drugi izhajajo konkretno iz Nahtigalovih misli in dognanj ter jih dopolnjujejo z današnjimi spoznanji (npr. *Stanonik, MacRobert, Kojčeva, Garzaniti, Stančev*), nekateri s pristopi, lastnimi Nahtigalu in njegovemu razumevanju slavistovega dela, obravnavajo posamezna

4 F. Jakopin (ur.): *Nahtigalov zbornik*: prispevki z mednarodnega simpozija v Ljubljani 30. junija–2. julija 1977. Ljubljana: FF UL 1977.

jezikovna vprašanja (npr. *Pentkovskaja*, večina etimoloških prispevkov, *Miklas*). Nezanemarljiva so tudi besedila, ki prinašajo konkretne informacije o Nahtigalovem organizacijskem in znanstvenem delovanju v društvih, krožkih in organizacijah – akademija znanosti, univerza itd. (nagovori na otvoritvi konference, Nahtigalova biografija in bibliografija, prispevki *Ambrosoviča*, *Zajc*, *Šivic-Dular*). Ob omembi Nahtigalovega organizacijskega dela in dela za razvoj stroke na Slovenskem, ki je pogosto temeljilo na ogromnem navdihu brez pričakovanja kakršnekoli nagrade, bi se še posebej od srca rade zahvalile vsem, ki so s podobnim navdihom in žarom prispevali svoje znanje in podporo k nastanku te knjige – Bojani Maltarić, Nuši Počič, Mihailu Sajenku in Petru Zajšku, ter obema recenzentoma za strokovno mnenje.

Od konca življenjske poti uglednega in svetovno znanega slavista Rajka Nahtigala je minilo že šest desetletij – zagotovo doba poklicnega življenja enega človeka –, zato se ga lahko današnje generacije spominjamo samo še prek njegovih del in sporočil tistih, ki so se z njim osebno srečali. Vendar lahko tudi iz teh posrednih virov in v tej monografiji zbranih prispevkov, ki vsekakor odražajo pomembnost Nahtigalovega dela, prepoznamo učinek njegovega pristopa k delu, ki ga je Franc Jakopin jedrnat izrazil v svojem nagovoru ob Nahtigalovem simpoziju leta 1977: »Izžareval je popolno predanost vedi in zaupal v pomen in vrednote dela, ki ga je opravljal« (Jakopin 1977:IX). Upamo, da bo pričujoča publikacija navdihujoča tudi za današnjo dobo in zlasti za današnje mlade študente, ki so preplavljeni s pozivi k praktičnosti, storilnosti, povečevanju učinka in doseganju takojšnjih rezultatov, ter da jim bo pomagala pri uresničevanju njihove študijske in poklicne poti.

Zaključimo s še enim citatom iz Jakopinovega govora, ki marsikaj pove in zlasti odgovori na vprašanje o vlogi slavistike, slavističnih raziskav in humanistike nasploh v današnjem času: »In četudi je bilo Nahtigalovo delo za površnega opazovalca na videz morda odmaknjeno praktični vsakdanjosti, je s svojo splošno veljavo in neprovincialnostjo to vsakdanjost plemenitilo in jo vključevalo v širši slovanski in evropski znanstveno-kulturni kontekst« (Jakopin 1977:X).

Petra Stankovska, Alenka Šivic-Dular, Aleksandra Derganc

Biografija Rajka Nahtigala

Rajko Nahtigal (*14. 4. 1877, Novo mesto–†29. 3. 1958, Ljubljana) je osnovno šolo in dva razreda gimnazije obiskoval v Novem mestu, ostalih šest razredov pa je dokončal v Ljubljani (1889–1895). Že v gimnaziji ga je zanimalo jezikoslovje, še zlasti fonetika, stara cerkvena slovanščina in indoevropska primerjalna slovnica. Na Univerzi na Dunaju je študiral klasično filologijo, slovansko filologijo in indoevropceistiko pri znamenitih profesorjih, kot so bili Vatroslav Jagić (1838–1923), Konstantin Josef Jireček (1854–1918), Václav Vondrák (1859–1925) in Rudolf Meringer (1859–1931). Po dokončanju študija (1900) je bil promoviran za doktorja (1901). Med dvoletnim študijskim bivanjem v Rusiji (Moskva, Peterburg) je raziskoval in izpisoval po arhivih, sodeloval pri ustanavljanju Moskovske dialektološke komisije in se seznanil z znamenitimi ruskimi profesorji, kot so Filip Fedorovič Fortunatov, Aleksej Aleksandrovič Šahmatov, Fedor Evgenjevič Korš in Roman Brandt. Po vrnitvi na Dunaj je kot profesor ruskega jezika nadomestil Matijo Murka na javnem Zavodu za vzhodne jezike (1902), nato postal docent za ruski jezik na eksportni akademiji (1903–1913) in lektor ruskega jezika v seminarju za zgodovino vzhodne Evrope ter v seminarju za slovansko filologijo (1911–1913). Na graški univerzi je postal izredni profesor za slovansko filologijo s posebnim ozirom na slovenski jezik in literaturo (1913), kasneje pa prav tam tudi redni profesor in vodja slavističnega seminarja (1917). V tem obdobju je na povabilo odpotoval na dvomesečno študijsko potovanje v Albanijo (1917). Ob koncu prve svetovne vojne se je dejavno vključil v organizacijske priprave na ustanovitev slovenske univerze v Ljubljani in poleti 1919 med prvimi prejel imenovanje za rednega profesorja slovanske filologije in na novi univerzi kmalu ustanovil Seminar za slovansko filologijo, ki ga je vodil do odhoda v pokoj 1. februarja 1953. Več let je honorarno predaval o starocerkvenoslovanskem jeziku in glagolici tudi na Teološki fakulteti v Ljubljani. Dvakrat je bil dekan Filozofske fakultete (1919–1920, 1934–1935) in enkrat rektor Univerze v Ljubljani (1927–1928). Rajko Nahtigal je bil med pobudniki in ustanovitelji Znanstvenega društva za humanistične vede v Ljubljani (1921), ki mu je v obdobju 1921–1939 tudi predsedoval, ter Akademije znanosti in umetnosti, ki se je kasneje preimenovala v Slovensko akademijo znanosti in umetnosti, in postal najprej njen redni član (1938), nato tudi njen prvi predsednik (1939–1942). Postal je tudi predsednik novoustanovljenega Slavističnega društva (1935–1937), kasnejšega Slavističnega društva Slovenije, danes Zveza društev Slavističnega društva Slovenije. Zasluge ima tudi za načrtovanje in

ustanavljanje slovenskega znanstvenega tiska (tj. časopisov in zbirk), na primer *Časopisa za slovenski jezik, književnost in zgodovino* ter *Razprav Znanstvenega društva za humanistične vede*; v njih je sodeloval kot urednik, bil pa je tudi v uredništvu *Južnoslovanskega filologa* in po drugi svetovni vojni ustanovljene *Slavistične revije*.

Za znanstvene zasluge je bil imenovan za dopisnega člana Slovanskega ústava v Pragi (1929), Srbske kraljevske akademije v Beogradu (1930), Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti v Zagrebu (1931) in za častnega člana Slavističnega društva (1937).

1 Prispevki o R. Nahtigalu

R. Kolarič, Prof. dr. Rajko Nahtigal. Življenje in delo. *Slavistična revija* 1948/1, str. 95–100.

(Z. Bizjak, Spisi prof dr. Rajka Nahtigala. *Slavistična revija* 1948/1, str. 100–105.)

F. Tomšič, Prof. Rajko Nahtigal. *Jezik in slovstvo* 1962/7, 4, str. 97–100.

Geslo o R. Nahtigalu v enciklopedijah in slovarjih (izbor):

Bol'shaja sovjetskaja ènciklopedija (gl. ur. A. M. Prohorov). 3. izdaja. Moskva: Sovjetskaja ènciklopedija, 1969.

Bol'shaja rossijskaja ènciklopedija 22. zvezek (gl. ur. Ju. S. Osipov). Moskva: Bol'shaja rossijskaja ènciklopedija, 2013.

Ènciklopedija »Slova o polku Igoreve«, 1.–5. tom (ur. L. A. Dimitriev, D. S. Lihačev). Sankt-Peterburg 1995.

Enciklopedija Slovenije 7. zvezek (Ur. M. Javornik, A. Dermastia). Ljubljana: Mladinska knjiga, 1993 (avtor gesla: F. Jakopin).

Hrvatska enciklopedija VII. (gl. ur.: A. Kovačec). Zagreb, 2005. (spletna različica – gl. ur. S. Ražić. Leksikografski zavod Miroslav Krleža, 2018, <http://www.enciklopedija.hr/Natuknica.aspx?ID=42811>).

Kirilo-Methodievska enciklopedija. Tom 2. Sofija: UI „Sv. Kliment Ohridski“, 1995 (avtor gesla: V. Menkadžieva).

Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka 3. dio (gl. ur. S. Stanojević). Zagreb: Bibliografski zavod, 1928., str. 30–31 (avtor gesla: F. Ramovš).

Wikipedia v različnih jezikovnih verzijah.

2 Znanstvena dejavnost

Po bibliografski evidenci je Rajko Nahtigal objavil 101 enoto razprav, člankov, ocen, priložnostnih zapisov in osem publikacij (v desetih knjigah). Po znanstveni orientaciji je bil v prvi vrsti slavist filolog, paleoslavist, rusist, slovanski

primerjalni jezikoslovec in zgodovinar slovanske filologije, sodobniki pa so opazili tudi njegov albanistični prispevek.

2.1 Albanistika

Nahtigalovo albanistično udejstvovanje je bilo priložnostno in bolj epizoda v njegovem delu (1908–1923). Začelo se je s sodelovanjem pri albanski slovnici Gj. Pekmezija (1908), njegovega bližnjega prijatelja iz obdobja študija na Dunaju. V njo so vtكاني Nahtigalovi teoretični pogledi na knjižni jezik, za katere je bil deležen priznanja. Zaradi tega ugleda ga je albanska Literarna komisija iz Skadra povabila na študijski obisk v Albanijo (1917), kjer naj bi na mestu samem skušal utemeljiti knjižno (normirano) fonetično in morfološko obliko besed v tistih primerih, ki se v narečju Elbasana in okolice pojavljajo kot dvojnice v severni (gegski) in južni (toskovski) narečni obliki, ter jo uskladil z rabo v spisih Konstantina Kristoferidija, ki je pisal v elbasanskem narečju albanskega jezika. Svoje študijske ugotovitve je objavil v zaključnem poročilu *Die Frage einer einheitlichen albanischen Schriftsprache* (Graz 1917), v katerem je predlagal tudi grafično reformo.

2.2 Slovanska filologija

Rajko Nahtigal se je že v gimnaziji nadpovprečno zanimal za paleoslavistiko in slovansko filologijo, aktiven je bil tudi kot študent. Že v študentskih letih je objavil prvo tehtno oceno knjige L. K. Goetza o slovanskih apostolih (AsIph 1897), v Seminarju za slovansko filologijo je opravljal naloge bibliotekarja (1898–1900) in izstopal tudi v seminarju (npr. predaval je o vzročni zvezi med slovenskim naglasom in kakovostjo slovenskih samoglasnikov, pravilnost te ideje je kasneje dokazal Fran Ramovš z briljantno rekonstrukcijo razvoja vokalnega sistema). Nahtigal je doktoriral pri Vatroslavu Jagiću, enem največjih slovanskih filologov, z razpravo *Ein Beitrag zu den Forschungen über die sogenannte Besěda trehъ svjatitelej* (1901), v kateri se ukvarja z motiviko in jezikom apokrifnih besedil iz ruskih rokopisov 17. stol., ki se uvrščajo v zvrst »vprašanj in odgovorov« in za katera je značilno močno spreminjanje jezikovne strukture. Besedila predstavljajo ljudsko enciklopedijo poučnih in raznorodnih vsebin (tj. apokrifno-bibličnih, kozmogoničnih, eksegetičnih, alegoričnih, eshatoloških in drugih) in so po Nahtigalovih ugotovitvah prek južnoslovanskih besedilnih ustreznic povezana z literarno zvrstjo »vprašanj in odgovorov«, katerih grški izvorniki segajo do cerkvenih očetov 4. stol. (tj. Basilija Velikega, Gregorja Teologa in Janeza Zlatousta). Besedila je razvrstil v tematske skupine in jih povezal

z grškimi prevodnimi viri; izvornike je večkrat mogoče ugotoviti zanesljivo ali z visoko verjetnostjo. Čas nastanka prevodov po Nahtigalu ni popolnoma jasen, vendar je po starosti rokopisov posredno mogoče sklepati, da je del prevodov nastal v 12. oziroma 13. stol., ostali pa v 14. oziroma 15. stol. Kot zakonitost pa Nahtigal ugotavlja, da se besedila praviloma toliko bolj spreminjajo, kolikor bolj se oddaljujejo od prevodnega vira: namreč različni (kasnejši) vrivki spreminjajo prvotno besedilo, vsako tako spremenjeno besedilo pa lahko postaja izhodišče za nastanek novega (mlajšega) besedila.

2.3 Rusistika

Rajko Nahtigal je pomemben delež svojega raziskovanja namenil rusistiki. Še danes se upoštevajo njegovi izsledki s področja razvoja ruskega akcenta (*Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung. I. Substantiva auf Konsonanten*, 1922), pomemben prispevek raziskavam o zgodovini ruskega jezika pa je njegova znanstvenokritična izdaja *Slova o polku Igořevě* (1954) z rekonstrukcijo besedila v domnevno prvotno obliko, prevodom v slovenščino in tehtnimi jezikovno-zgodovinskimi komentarji. S tem delom se Nahtigal uvršča v skupino jezikoslovcev, kot sta bila Isačenko in Jakobson, ki na podlagi jezikovnega gradiva niso dvomili o avtentičnosti besedila. Za slovensko rusistiko pomembno je delo *Ruski jezik v poljudno znanstveni luči* (1946), kjer deloma uporablja primerjalno-kontrastivno metodo pri opisu razlik v razvoju slovenščine in ruščine. Delo je zanimivo tudi metodološko, saj – predstukturalistično – ne ločuje strogo med diahronijo in sinhronijo, pristop, ki v novejšem času – ustrezno reinterpreteriran – postaja spet zanimiv. V dveh člankih v *Slavistični reviji* (*Trenja v ruski lingvistiki*, 1951; *Blo-dnje o staroruskem pismenstvu*, 1954) Nahtigal piše kritično o tedanjih poskusih postavljanja začetkov ruskega knjižnega jezika v čas pred sprejetjem krščanstva in skrajno kritično piše o marizmu.

2.4 Primerjalno slovansko jezikoslovje

Najpomembnejše delo so *Slovanski jeziki*, v katerih je zgodovina slovanskih jezikov razmejena v dva dela, ki se obravnavata ločeno in zaporedno: (a) v prazgodovinsko dobo, ki jo tvori t. i. praslovanščina, vsem slovanskim jezikom skupna faza, v kateri so se razvile tipično slovanske jezikovne inovacije; (b) v zgodovinsko dobo, v kateri so divergentni jezikovni procesi vodili v individualizacijo slovanskih jezikov, kot jih poznamo danes.

2.5 Onomastika, etimologija, leksikologija

Prevladujejo sestavki, v katerih Nahtigal obravnava etimologijo imen osebnosti⁵ in etnosov⁶ ali pa posameznih leksemov,⁷ povezanih s prostorom in časom nastanka in rabe staroslovanskega pismenstva. Od tega močno odstopa etimologija toponima *Doberdob*.

2.6 Nahtigalova družbeno-strokovna publicistika

V bibliografiji se pojavljajo tudi prispevki, s katerimi se je Nahtigal kot strokovnjak in izobraženec občasno odzival na aktualno dogajanje in/ali pojave v širši kulturni javnosti.

V kratkem članku *Menschewiki und Bolschewiki* (1917) razloži pomen in besedotvorno strukturo novih izrazov, kar je bilo tedaj očitno v tisku napačno razlagano.

V daljšem prispevku *Vpliv ruske revolucije na ruski jezik* (1923) Nahtigal na podlagi že objavljenih del (zlasti Karcevskega) strnjeno opiše leksikalne in stilistične novosti v ruščini po revoluciji ter opozarja na družbene in zgodovinske razloge za te spremembe.

Članek *Nekaj kratkih pripomb o pomenu, potrebi in nalogah Akademije znanosti v Ljubljani* (Naša največja kulturna naloga. Ljubljana 1927:11–14.)⁸ se začena z Nahtigalovim credom: »V kulturnem razvitku vsakega naroda se znanost na splošno pojavlja najpozneje, je zato vrh kulture in neobhodni znak končne kulturne dozorelosti in resnično kulturnega nivoja kakega naroda. Iz tega pa izvira za vsak narod, ki se povzpne do takega nivoja kulturna dolžnost, storiti za občno kulturo vsaj to, da znanstveno kolikor mogoče preuči samega sebe, svojo zgodovino in svojo zemljo v vseh ozirih. [...] Vrh tega niso brez znanstvenih izsledkov, brez pravega znanja, tudi noben pouk, izobrazba in vzgoja mladine mogoči. Veda o lastnem narodu v vseh ozirih pa je možna le pri sistematičnem delu v okviru znanstvene organizacije, kakor je to akademija znanosti. [...] Da je pri tem lastni domači jezik najnormalnejše sredstvo in lastno kulturno središče najprimernejši kraj za razpravljanje o samem sebi, o svojem narodu, je umljivo samo po sebi.« V nadaljevanju podaja svoj pogled na splošno usmeritev raziskovalnega programa

5 *O imenu panonskoslovenskega kneza Koclja*. Slovenski jezik III (1939), str. 1–14; *O imenu Kocub*. Slavistična revija II (1949), str. 303–305; *Rastic* za *Rastislav*. Slavistična revija III (1950), str. 140; *Svetovit*. Slavistična revija IX (1956), str. 1–9.

6 *Donesek k zgodovini vprašanja o imenu Hrvat*. Županičev zbornik = Etnolog X–XI (1937–1939), str. 383–413; *Dudlepa – Dudlěbi – Dulěbi*. Slavistična revija IV (1951), str. 95–99.

7 *Prisuha – prešuštvo*. Časopis za jezik, književnost in zgodovino III (1921/22), str. 63–70; *Antikes ‚Pelso‘ für Plattensee ist nicht slavisch ‚pleso‘*. Wiener slavistisches Jahrbuch IV (1955), str. 15–19; *O etimologiji izraza Kosez*. Slavistična revija VIII (1955), str. 164–168.

8 Ponatis v: *Znanstveni vestnik* 2 (1934/1935), str. 17–19.

(zbiranje gradiva, organizacija ekspedicij, izdaja kritičnih edicij, objavo znanstvenih izledkov), delitev na štiri razrede (filološko-historično-filozofskega, juridičnega, prirodoslovno-matematičnega, umetnostnega) in na podrobni delovni načrt še zlasti prvega razreda.

Kratek članek *Alpendeutsche und Slowenen* (Tagespost, 63 Jahrg., Graz 18. Oktober 1918, Nr. 286:2) je odziv na dve trditvi v prispevku v graškem časopisu Tagespost (17. oktobra 1918), ki ju Nahtigal označi za netočni in zavajajoči: (1) da so se južni Slovani naselili v 6. stol., Hrvati pa sredi 7. stol.; in (2) da je slovenski jezik označen kot »künstlich geschaffene slovenische Schriftsprache«.

Ad 1: Ob priseljevanju na jug v 6. stoletju so Slovani splošno poznali etnik *Sloven* (prid. *slověnsk-*), ki se je ohranil do danes. Kasneje se v povezavi z nastajanjem slovanskih kneževin ti uveljavljajo pod novimi imeni, npr. Bolgari, Srbi, Hrvati. Ob tem Nahtigal dodaja, da bi se tudi za današnje Slovence najbrž uveljavilo ime Karantanci, če bi se Karantanija kot politična tvorba obdržala.

Ad 2: O tej oznaki slovenskega jezika Nahtigal meni, da predstavlja »zlobno ignoranco«, saj da vsi moderni jeziki z dolgo pisno tradicijo poznajo (in potrebujejo) posodobitev svojega jezika. Tako tudi slovenščina, ki ima nepretrgano pismensko tradicijo od reformacije, že iz časa pred tem pa spomenik pismenstva, t. i. Brižinske spomenike, ki so bili zapisani v 10. stol. v (tedanjem) koroškem narečju.

Članek *Južno-slovansko-italijansko sporno vprašanje v luči nekih znanstvenih podatkov* (izdala in založila »Omladina« 1919:3–19; tudi v francoskem in angleškem prevodu) je Nahtigal napisal ob koncu prve svetovne vojne (zadnja bitka je bila 11. novembra 1918) kot znanstveno pomoč za razpravo na versajskih mirovnih pogajanjih (pogodba podpisana 28. 6. 1919). Kraljevina Italija je namreč imela ozemeljske zahteve, kot je priključitev iredentističnih ozemelj Trsta in Istre. V razpravi Nahtigal poudarja, da gre za »eno najvažnejših eksistenčnih vprašanj slovenskega in hrvaškega dela južnoslovanskega naroda, nikakor pa ne italijanskega, čigar zahteve po severni in vzhodni obali Jadranskega morja, ki je od naselitve čisto slovansko ozemlje, so enake kakor v sedanji svetovni vojni ustavljeni ‚Drang nach Osten‘, ki je težil po naselitvi tujerodnega ljudstva in po raznarodenju prvotnejšega prebivalstva, tam italijanizacijo, tu germanizacijo«. Opiraje se na statistične podatke z zadnjega predvojnega ljudskega štetja ugotavlja, da je Italijanov v Dalmaciji malo, in še to le v redkih mestih-kolonijah, na tržaško-istrski obali pa Slovenci in Hrvati predstavljajo večino prebivalstva, pri čemer je med Italijani najti tudi poitalijančene Hrvate, ki pa da vsi brez izjeme govorijo beneško narečje. Dalmacija je bila prvotno ilirska, nato romanizirana, po 6. stol. pa poslovanjena. Romanizacija predhodnih govorov je prek vulgarne latinščine potekala po celotnem Balkanu. V kasneje večinoma slavizirani Dalmaciji se je dalmatska

romanščina do konca 19. stol. ohranila na otoku Krku (it. Veglia), ko jo je zapisal in zapise objavil M. Bartoli (*Das Dalmatische, altromanische Sprachreste von Veglia bis Ragusa und ihre Stellung in der apennino-balkanischen Romania*; prim. še Skok, Vince itd.). Po ugotovitvah romanistov je dalmatska romanščina enakovpravna z vsemi drugimi (romanskimi) jeziki, ki so se razvili iz vulgarne latinščine. Italijansko-beneško narečje je v nekatera, pred tem že slavizirana dalmatinska mesta, prodrlo s politično nadvlado Benečanov šele okrog leta 1000. Italijansko-beneško narečje in dalmatska romanščina se med seboj razlikujeta tudi po tem, da se je dalmatska romanščina ohranila posredno, tj. v hrvaščini, kot prevzeto besedje, medtem ko je italijanska beneščina v obliki jezikovnih otokov (v delu mest). V Istri se je v starejših časih govorila istrska ladinščina, ki je retoromansko (in ne italijansko) narečje. Pred prihodom Rimljanov so v Istri živeli ilirski Histri, na Tržaškem pa Karni, ki predstavljajo etnični substrat (podlago) za Furlane, zahodno od Tržaškega pa so živeli Veneti, katerih ime je ohranjeno npr. tudi v imenu Benečije.

3 Namesto sklepa

»Nahtigal je izšel iz najodličnejše slovanske filološke šole Jagičeve in je tej šoli ostal zvest do konca: Izpopolnil je njene metode do skrajnosti in pokazal v njej ravno tako delavnost kakor njegovi predniki in učitelji. Nahtigal je zadnji iz velike šole slovanske filologije 19. stoletja, zadnji člen v verigi njenih najvidnejših zastopnikov: Dobrovsky – Kopitar – Miklošič – Jagić – Nahtigal. Zdi se, da ta struja danes zamira, da današnja doba blazne naglice nima več časa in potrpljenja za tako nadrobno in vestno delo, kakršno so opravljali ti veliki filologi.« (R. Kolarič, *Slavistična revija* I (1948), str. 100.) Temu mnenju R. Kolariča lahko v celoti pritrdimo in dodamo, da je bil Rajko Nahtigal tudi vizionar, ki je stal v prvih vrstah pri prizadevanjih za postavitev slovenskih znanstvenih ustanov in ustvarjanje znanstvene mreže, ker je znanost štel za najvišjo obliko kulturnega življenja vsake narodne skupnosti. In zdi se, da znanosti Rajko Nahtigal ni bil samo brezpogojno zvest in predan, ampak mu je nudila tudi blago zatočišče v trenutkih hudih človeških preizkušenj.

Alenka Šivic-Dular, Aleksandra Derganc

Bibliografija Rajka Nahtigala

1898

Geschichte der Slavenapostel Konstantinus (Kyrillus) und Methodius. Quellenmässig untersucht und dargestellt von Lic. Leopold Karl Goetz altkathol. Pfarrer in Passau. Gotha, Druck von Friedrich Andreas Perthes, 1897. - *Archiv für slavische Philologie* 20 (1898), str. 124–140.

1900

France Prešeren : 1800-1849 / spisal Rajko Nachtigall. - Ljubljanski zvon 20 (1900), [št. 12], str. 720–723.

Slavnostni govor pri dunajski slavnosti Prešernovega rojstva dne 7. marca 1900. – Izšlo v decembrski številki Ljubljanskega zvona z naslovom Prešernov album (ur. Anton Aškerc).

1901

Ein Beitrag zu den Forschungen über die sogenannte »Besëda treh» svjatitelej«. (Gespräch dreier Heiligen) / Rajko Nachtigall. - *Archiv für slavische Philologie* 23(1901), str. 1–95.

Objava 1. dela disertacije.

1902

Ein Beitrag zu den Forschungen über die sogenannte »Besëda treh» svjatitelej«. (Gespräch dreier Heiligen) / Rajko Nachtigall. - *Archiv für slavische Philologie* 24 (1902), str. 321–408.

Objava 2. dela disertacije.

Нěскол'ко замěток" о слěдах" древне-славljanskago паримейника в" хорватско-глаголическој литературě / R. R. Nahtigal". - Moskva : Tipografija G. Lisnera i A. Gešeljja, 1902. - 47 strani.

Cir. - Opombe z bibliografijo tekoče na dnu str. - Izšlo kot poseben odtis iz: Drevnosti : trudy slavjanskoj kommissii Imperatorskogo Moskovskogo arheologičeskago občestva, t. 3 (1902), str. 175–221.

1904

Zusätze und Berichtigungen zu »Ein Beitrag zu den Forschungen über die sogenannte, Besëda treh» svjatitelej« / R. Nachtigall. - *Archiv für slavische Philologie* 26 (1904), str. 472–477.

Dodatek k disertaciji.

1905

Dr. O. Asbóth, Kurze russische Grammatik. Dritte, verbesserte Auflage. Leipzig, F. A. Brochhaus, 1904 / Dr. R. Nachtigall. - *Österreichische Zeitschrift für das Kaufmännische Unterrichtswesen* 1 (1905), str. 158–159.

Dr. Th. v. Kawrayski, Deutsch-russische Handelskorrespondenz. Leipzig, Verlag Göschel, St. Peterburg, M. O. Wolff, 1905 / Dr. Nachtigall. - *Österreichische Zeitschrift für das Kaufmännische Unterrichtswesen* 1 (1905), str. 229–230.

Izšlo tudi v: *Das Handelsmuseum* 20 (1905), str. 316.

1908

L. v. Marnitz, Russische Elementarbuch. 2. Auflage, Leipzig 1908 / Dr. Nachtigall. - *Österreichische Zeitschrift für das Kaufmännische Unterrichtswesen* 4 (1908), str. 140–141.

Pekmezi, Georg: Grammatik der albanesischen Sprache. - Wien : Verlag des albanesischen Vereins »Dija«, 1908. - IV, 294 strani (sodelovanje).

Povezava: <https://archive.org/details/grammatikderalba00pekmuoft/page/n5>.

1909

A. Schirkoff, Étude ethnographique sur les Slaves de Macédoine. Paris. Gauthier-Villars, 1909. 93 ss. / Rajko Nachtigall. - V: *Anthropos* 4, H. 3 (1909), str. 830–832.

Dostopno tudi na: <http://www.jstor.org/stable/40442600>.

1911

A. Leskien, Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Heidelberg, Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1909; A. Leskien, Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik, Texte, Glossar. Fünfte Auflage. Weimar, Hermann Böhlau Nachf. 1910 / Rajko Nachtigall. - *Ljubljanski zvon* 31, št. 11 (1911), str. 611–614; št. 12 (1911), str. 668–670.

Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-DRODDKQO/5919d903-df83-4814-a7de-f6ca58dd5106/PDF>.

Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-CBOCXBM3/972640b9-3471-4bfc-a8a1-c70341721b40/PDF>.

1912

L. Tolstoj, Drei Tode. - Lehrer Karl Iwanowitsch, aus ‚Kindheit‘. - Truppen-schau der verbündeten Armeen bei Olmütz, aus ‚Krieg und Frieden‘. - Beim Holzfällern. Eine Erzählung. - Zwei Briefe aus dem Kaukasus. Mit Akzenten und Kommentar versehen von L. v. Marnitz. Leipzig 1911; R. Gerhard

(Russische Meisterwerke mit Akzenten, Heft 21-22) / Nachtigall. - *Österr. Handelsschulzeitung*, 1912, str. 395–396.

Izšlo v rubriki Literaturbericht.

L. v. Marnitz, Russische Übungsbuch; Zweite Auflage; Leipzig 1911 / Nachtigall. - *Österr. Handelsschulzeitung* 1912, str. 341.

Izšlo v rubriki Literaturbericht.

1915

Dodatek k Freisingensia II / [R. Nachtigall]. - *Časopis za zgodovino in narodopisje* 12 (1915), sn. 2, str. 155–156.

Dostopno tudi na: <http://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-JUKSQHIY/8793f67a-e968-4743-9f37-38ffc0a0b159/PDF>.

Freisingensia. 1, V uzmazi - v uzmaztue / doneski k razlagi jezika brižinskih spomenikov od vseuč. profesorja R. Nachtigalla. - *Časopis za zgodovino in narodopisje* 12 (1915), sn. 1, str. 1–12.

Dostopno tudi na: <http://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-JUKSQHIY/8793f67a-e968-4743-9f37-38ffc0a0b159/PDF>.

Freisingensia. 2, Zastopniki prv. slovan. nosnih samoglasnikov v brižinskih spomenikih / doneski k razlagi jezika brižinskih spomenikov od vseuč. profesorja R. Nachtigalla. - *Časopis za zgodovino in narodopisje* 12, (1915), sn. 2, str. 77–122.

Dostopno tudi na: <http://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-JUKSQHIY/8793f67a-e968-4743-9f37-38ffc0a0b159/PDF>.

1917

Die Bildung der Possessivpronomina im Albanischen und ihre bisherige falsche Auffassung / R. Nachtigall. - *Posta e shqypniës* (Shkoder) 1, nr. 41 (28. priill 1917), str. 3–4.

Izšlo v razdelku Wissenschaft, Kunst und Literatur.

Doberdò-Doberdob : (imenoslovna-dijalektološka študija.) / R. Nachtigall. - *Carniola. Nova vrsta* 8 (1917), str. 163–191.

Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-ZQMVI64D/a7363925-1226-4845-9dce-80c23675c715/PDF>. - Opombe z bibliografijo na dnu str. - Izšlo tudi v zborniku Doberdob večeraj in danes (1988), str. 81–110.

Die Frage einer einheitlichen albanischen Schriftsprache / verfaßt von R. Nachtigall. - Graz : Leykam, 1917. - VI, 29 strani

Menschewiki und Bolschewiki / R. Nachtigall. - *Tagespost* (Graz), Jahrg. 62 (29. Jul. 1917), Nr. 206, str. 3–4.

Got.

1918

Alpendeutsche und Slowenen / R. Nachtigall. - *Tagespost* (Graz), Jahrg. 63 (18. Okt. 1918), Nr. 286, str. 2.

Got.

[Uvod] / za uredništvo A. Kaspret, Fr. Kidrič, R. Nachtigall. - *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino* 1 (1918), str. [I–VIII].

V Nahtigalovi bibliografiji v Slavistični reviji 1(1948) ima uvodno besedilo naslov Oznanilo o izdaji „Časopisa za slovenski jezik, književnost in zgodovino“. – Dostopno tudi na: <http://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-X3PDCQAD/26fb1da4-d7bd-435b-990f-b03a10826d62/PDF>.

Vatroslav Jagić : 1838-1918 / k osemdesetletnici spisal R. Nachtigall. – *Ljubljanski zvon*. - 38 (1918), št. 11/12, str. 724–736.

Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-POVYW2PS/9c834a8d-8aa0-41c1-a1b6-93053f206482/PDF>.

Važnost latinskega dela brižinskega kodeksa in njegovih za vprašanje o postanku in domovini slovenskih odlomkov : (Freisingensia III) / spisal R. Nachtigall. - *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino* 1 (1918), str. 1–63.

Dostopno tudi na: <http://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-X3PDCQAD/26fb1da4-d7bd-435b-990f-b03a10826d62/PDF>.

1919

Južno-slovansko-italijansko sporno vprašanje v luči nekih znanstvenih podatkov / spisal R. Nachtigall. - [Ljubljana] : „Omladina“, 1919. - 19 strani.

Čelni nasl.

Le point de controverse yougoslave-italien sous le jour de quelques données scientifiques / par R. Nachtigall. - Lioubliana : [s. n.], 1919. - 12 strani.

1920

Koren vend- – vond- / R. Nahtigal. - *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino* 2 (1920), str. 123–126.

Izšlo v rubriki Male vesti. - Dostopno tudi na: <http://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-FFWEN8VN/ec872bcb-29ee-49b5-b845-b6e6ec2f80fa/PDF>.

1921

Matija Murko : (ob priliki šestdesetletnice njegovega rojstva) / R. Nachtigall. - *Ljubljanski zvon* 41, (1921), št. 7, str. 416-424; št. 8, str. 477–484.

Navedek iz opomb na dnu nasl. str. prispevka: Članek o prof. Murku je razširjen slavnostni govor, ki ga je pisec gornjih vrst govoril kot Murkov kolega v Gradcu dne 10. marca 1917, ob priliki Murkovega poziva in odhoda na Lipziško univerzo. – Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-QKTTAVK4/9fae7b6c-5385-42da-8da5-d0c18b6120c8/PDF>, <http://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-JO61CEQG/b6926e71-3d72-4e6d-946a-082ab15c1325/PDF>.

Meyer, K. H., Slavische und indogermanische Intonation. Heidelberg 1920. Carl Winters Universtitätsbuchhandlung. (Slavica, herausgegeben von Murko, 2 / Rajko Nahtigal. - *Južnoslovenski filolog* 2 (1921), br. 1/2, str. 158–168.

Oblike po osnovah na u- v starocerkvenoslovanskih spomenikih / R. Nahtigal. – V: *Zbornik filoloških i lingvističkih studija*. - Beograd : Akademsko knjižara S. B. Cvijanovića, 1921. - Str. 87–96.

Izšlo v zborniku, posvečenem A. Beliću.

1922

Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung. I. Substantiva auf Konsonanten / von R. Nahtigal. - Heidelberg : Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1922. - VIII, 300 str.; 20 cm. - (Slavica : Beiträge zum Studium der Sprache, Literatur, Kultur, Volks- und Altertumskunde der Slaven; 7).

Dodatek k razpravi Instrumental sing. fem. -oiq : -oq / R. Nahtigal. - *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino* 3 (1921–1922), str. 71–72.

Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-FQRUXX7R/93654619-1f48-4516-be23-70f0f7c0421c/PDF>. - Razprava Instrumental sing. fem. -oiq : -oq : -q je izšla v isti reviji na str. 1–23.

Instrumental sing. fem. -oio : -oo : (donesek h karakteristikami in klasifikaciji slovenskih jezikov) / R. Nahtigal. - *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino* 3 (1921–1922), str. 1–23.

Opombe tekoče na dnu str. - Na str. 71–72 vsebuje tudi Dodatek k razpravi Instrumental sing. fem. -oiq : -oq : -q. - Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-FQRUXX7R/93654619-1f48-4516-be23-70f0f7c0421c/PDF>.

Prisuha - prešuštvo / Rajko Nahtigal. - *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino* 3 (1921–1922), str. 63–70.

Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-FQRUXX7R/93654619-1f48-4516-be23-70f0f7c0421c/PDF>.

1923

Doneski k vprašanju o postanku glagolice / Rajko Nahtigal. - *Razprave / Znanstveno Društvo za humanistične vede* 1 (1923), str. 135–178.

O elbasanskem pismu in pismenstvu na njem / R. Nahtigal. - *Arhiv za arbanasku starinu, jezik i etnologiju* 1 (1923), sv. 1/2, str. 160–195.

Objavljeno tudi v knjigi njegovih zbranih razprav o albanskem jeziku: Për një gjuhë të përbashkët letrare Shqipë = Über eine einheitliche albanische Schriftsprache, 2015.

Vatroslav Jagič[!] / R. Nahtigal. - *Ljubljanski zvon* 43 (1923), št. 9, str. 465–475.

Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-RKHCUUYO/a492a206-d240-45de-a355-4916694fb650/PDF>. - Prispevek ob Jagičevi smrti vsebuje tudi 11 pisem, ki jih je v letih od 1914 do 1918 pisal R. Nahtigal.

Vpliv ruske revolucije na ruski jezik / R. N. - *Jutranje novosti* 1 (4. nov. 1923), št. 233, priloga 1, str. [1].; (11. nov. 1923), št. 234, priloga 2, str. [2].

1924

Luk. XV 11-32 v prevodu Anastasija in Spyridona Tselio (Tsel' o) iz Agryrokastra : (iz Kopitarjeve delavnice) / R. Nahtigal. - *Arhiv za arbanasku starinu, jezik i etnologiju* 2 (1924), sv. 1, str. 89–106.

Programatične i. dr. opazke h Kosovi razpravi o freisingških spomenikih : (dodatek k moji razpravi „Freisingensia III“ - Freisingensia IV / [Rajko Nahtigal]. - *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino* 4 (1924), str. 171–184.

Avtor naveden v kazalu. - Dostopno tudi na: <http://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-QIYINFN1/c2e2e2bf-e9f1-4e85-9447-31b5bb53940c/PDF>.

1925

Baudouin de Courtenay Jan Ignacy Niecisław, poljski jezikoslovec / NI. - V: *Slovenski biografski leksikon*. - V Ljubljani : Zadržna gospodarska banka, 1925-1991. - Knj. 1, zv. 1 (1925), str. 27.

Pomotoma šifrirano z NI (Nahtigal). - Avtor gesla je F. Ramovš. Podatek o avtorstvu objavljen v bibliografiji F. Ramovša (Slavistična revija 3 (1950), št. 3/4, str. 447). - Dostopno tudi na: <https://www.slovenska-biografija.si/oseba/sbi136088/>.

Starocerkvenoslovanski evhologij / R. Nahtigal. - *Razprave / Znanstveno društvo za humanistične vede* 2 (1925), str. 221–288.

1926

Franc Miklošič : (slavnostni govor o priliki odkritja spomenika v Ljutomeru dne 8. avgusta 1926.) / Rajko Nahtigal. - *Ljubljanski zvon* 46 (1926), št. 10, str. 561–572.

Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-KFJ6T4YG/de0cd477-c1c4-4ab1-a093-622cc2a496e3/PDF>.

1927

Nekaj kratkih pripomb o pomenu, potrebi in nalogah Akademije znanosti v Ljubljani. - V: *Naša največja kulturna naloga : Akademija znanosti in umetnosti; Narodna galerija*. - V Ljubljani : Narodna galerija, 1927. - Str. 11–14.

Objavljeno tudi v: *Znanstveni vestnik* 2 (1934/1935), str. 17–19.

1929

Seminar za slovansko filologijo / [Rajko Nahtigal]. - V: *Zgodovina slovenske univerze v Ljubljani do leta 1929*. - V Ljubljani : Rektorat Univerze kralja Aleksandra Prvega, [1929]. - Str. 338–353.

1935

O pomenu, potrebi in nalogah Akademije znanosti v Ljubljani / Rajko Nahtigal. - *Znanstveni vestnik* 2 (1934-1935), str. 17–19.

Objavljeno tudi v: Naša največja kulturna naloga : Akademija znanosti in umetnosti; Narodna galerija. - V Ljubljani : Narodna galerija, 1927, str. 11–14.

1936

Bugarski jezik / [Rajko Nahtigal]. - V: *Leksikon Minerva*. - Zagreb : Minerva nakladna knjižara, 1936. - Stolp. 182.

Češkoslovački jezik / [Rajko Nahtigal]. - V: *Leksikon Minerva*. - Zagreb : Minerva nakladna knjižara, 1936. - Stolp. 247–248.

Lužičko-srpski jezik / [Rajko Nahtigal]. - V: *Leksikon Minerva*. - Zagreb : Minerva nakladna knjižara, 1936. - Stolp. 827–828.

Poljski jezik / [Rajko Nahtigal]. - V: *Leksikon Minerva*. - Zagreb : Minerva nakladna knjižara, 1936. - Stolp. 1097–1098.

Profesor Matija Murko / Rajko Nahtigal. - *Dom in svet* 48 (1935), št. 3, str. 139–144.
Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-NTQLKFJ6/d59abe29-62d9-4952-9a0d-7efea4ed2f3f/PDF>.

Ruski jezik / [Rajko Nahtigal]. - V: *Leksikon Minerva*. - Zagreb : Minerva nakladna knjižara, 1936. - Stolp. 1226–1227.

Slavenski jezici / [Rajko Nahtigal]. - V: *Leksikon Minerva*. - Zagreb : Minerva nakladna knjižara, 1936. - Stolp. 1284–1285.

Starocerkvenoslavenski jezik / [Rajko Nahtigal]. - V: *Leksikon Minerva*. - Zagreb : Minerva nakladna knjižara, 1936. - Stolp. 1335.

Starocerkvenoslovske študije / R. Nahtigal. - V Ljubljani : Znanstveno društvo, 1936. - 77 str. - (Razprave Znanstvenega društva v Ljubljani; 15. Filološko-lingvistični odsek; 3).

Dostopno tudi na: <https://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-WT5TRNT2/9fd11ba7-2837-40eb-b5a9-38b18d5f73e1/PDF>.

1937

Pisma Ivana Prijatelja s študijskega potovanja 1903-1904 / priobčuje Rajko Nahtigal. - *Ljubljanski zvon* 57 (1937), št. 7/8, str. 301–313; št. 9/10, str. 420–425; št. 11/12, str. 528–534.

Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/>

URN:NBN:SI:DOC-O6WRUUG9/5b7f9e67-0126-4c9d-b2a2-d147a621c1c8/PDF.

Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/>

URN:NBN:SI:DOC-ONNRTUH5/796e78cd-b280-4a3f-8212-46b3278a50ce/PDF.

Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/>

URN:NBN:SI:DOC-BWAKT5LL/dd0c108d-617b-410a-b25c-1bc66bc46bdc/PDF.

1938

Slovanski jeziki / Rajko Nahtigal. - V Ljubljani : Znanstveno društvo, 1938. - 355 strani.

Graf. prikazi.

1939

Donesek k zgodovini vprašanja o imenu Hrvat / Rajko Nahtigal. - *Etnolog* 10/11 (1937/1939), str. 383–413.

Portret. - Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-1QFXW2SB/fe4d5277-c756-4146-aa98-82b09c637e3c/PDF>.

O imenu panonskoslovenskega kneza Koclja / Rajko Nahtigal. - *Slovanski jezik* 2 (1939), str. 1–14.

Dostopno tudi na: <http://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-DLM5IMFI/6fd3e497-3e00-45ed-830f-9057b23d9e92/PDF>.

Uredništvu „Slovenske mladine v Ljubljani / Rajko Nahtigal. - *Slovenska mladina* 2 (1939), št. 1, str. 4.

Izšlo kot odgovor na anketo revije Slovenski jezik z naslovom O slovenski mladini.

1940

Prezrta izdaja I. I. Sreznoveskega slovenskih narodnih pesmi „Mlade Brede“ in ziljskega „reja“ / Rajko Nahtigal. - *Slovanski jezik* 3 (1940), sn. 1/2, str. 28–44.

Dostopno tudi na: <http://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-WLARJXNK/e2deb475-e80e-48de-9ebe-98701d56d08b/PDF>.

1941

Euchologium sinaiticum : starocerkvenoslovanski glagolski spomenik. Del 1, Fotografski posnetek / izdajo priredil Rajko Nahtigal. - Ljubljana : Akademija znanosti in umetnosti, 1941. - XXVI, [214], [VIII] str. - (Dela / Akademija znanosti in umetnosti v Ljubljani, Filozofsko-filološko-historični razred; 1).

Uvod: str. IX–XXVI.

Kopitarjev lastnoročni pripis na Cvetni triodi iz l. 1563. / Rajko Nahtigal. - *Slovenski jezik*. 4 (1941), sn. 1/4, str. 173–174.

Ilustr. - Dostopno tudi na: <http://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-UZVKKX1W/15c09f59-fc12-4cbb-aa11-417f5398e6cf/PDF>.

1942

Euchologium sinaiticum : starocerkvenoslovanski glagolski spomenik. Del 2, Tekst komentarjem : s prilogo posnetka prvega lista odlomka Sinajskega službenika / izdajo priredil Rajko Nahtigal. - Ljubljana : Akademija znanosti in umetnosti, 1942. - LXXII, 423 str., [2] str. pril. - (Dela / Akademija znanosti in umetnosti v Ljubljani, Filozofsko-filološko-historični razred; 2).

Predgovor: str. V–XXVIII.

1943

Rekonstrukcija treh staroslovanskih izvirnih pesnitev / Rajko Nahtigal. - *Razprave / Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Filozofsko-filološko-historični razred 1* (1942), str. 43–155.

1944

Govor akademika Rajka Nahtigala ob proslavi Kopitarjeve stoletnice na občnem zboru Slovenske akademije znanosti in umetnosti 11. avgusta. - *Slovenec 72* (17. avg. 1944), št. 187, str. 2–3.

Izšlo v rubriki Kulturni obzornik. - Objavljeno tudi v: Letopis Slovenske akademije znanosti in umetnosti 2, 1947, str. 185–191. - Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-FNQW1BKK/711c4cae-cc63-4d5f-b973-ef87ed8833e4/PDF>.

Jerneja Kopitarja spisov II. del. Srednja doba, doba sodelovanja v „Jahrbücher der Literatur“ : 1818-1934. - Knj. 1: 1818-1824 / priredil R. Nahtigal. - Ljubljana : Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1944. - XXIX, 442 str., [1] f. pril.

Besedilo v nem., deloma tudi v slov. in lat. - Predgovor: str. IX–XXIX.

Moje znanstveno delo med velikima nočema 1941-1944 / Rajko Nahtigal. - V: *Zbornik Zimske pomoči*. - Ljubljana : Zimska pomoč, 1944. - Str. 547–554.

Portret.

Proslava Kopitarjeve stoletnice v Slovenski akademiji znanosti in umetnosti. - *Ju- tro 24*, (12. avg. 1944), št. 184, str. 3.

Izšlo v rubriki Kulturni pregled. - Vsebuje tudi odlomek iz govora prof. Rajka Nahtigala. - Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-9DR2BH7Z/237a8e96-6b55-4d2a-b184-b0fca15bd69e/PDF>.

Starocerkvenoslovanski imperativ s formantom a (ê) / Rajko Nahtigal. - *Razprave / Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Filozofsko-filološko-historični razred 2* (1944), št. 4, str. 79–96.

Starocerkvenoslovanski part. praes. act. grędeĳ : grędy i pod. / Rajko Nahtigal. - *Razprave / Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Filozofsko-filološko-historični razred 2* (1944), št. 5, str. 99–109.

1945

Jerneja Kopitarja spisov II. del. Srednja doba, doba sodelovanja v „Jahrbücher der Literatur“ : 1818-1934. - Knj. 2: 1825-1834 / priredil R. Nahtigal. - Ljubljana : Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1945. - VI, 419 str.

Na vzpor. nasl. str.: Bartholomaei Kopitarii scriptorum pars secunda. - Besedilo v nem., deloma tudi v slov. in lat. - Uvodna pripomba: str. V-VI.

1946

Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči / napisal Rajko Nahtigal. - V Ljubljani : Državna založba Slovenije, 1946. - XXII, 266, [4] str.

1947

Ob stoletnici smrti Jerneja Kopitarja : predavanje akad. Rajka Nahtigala na slavnostni skupščini dne 11. avgusta 1944. - *Letopis Akademije znanosti in umetnosti v Ljubljani* 2, 1943-1947 (1947), str. 185-191.

Izšlo tudi v: *Slovenec* 72 (17. avg. 1944), št. 187, str. 2-3.

1948

Nekaj pripomb k pretresu Hrabrovega spisa o azbuki Konstantina Cirila / Rajko Nahtigal. - *Slavistična revija* 1, št. 1/2 (1948), str. 5-18.

Dostopno tudi na: <http://dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-RKVVFCWG/f2519e83-a7ac-423b-8171-895c26a98b80/PDF>.

1949

O imenu Koc'1' / R. Nahtigal. - *Slavistična revija* 2 (1949), št. 3/4, str. 303-305.

Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-MSBXAIUK/a2dd9efb-d759-448c-a1a0-6eb3e54c7719/PDF>.

Rus. brazdá „brazdá“ in brazdá „brzda“ / R. Nahtigal. - *Slavistična revija* 2 (1949), št. 3/4, str. 303.

Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-MSBXAIUK/a2dd9efb-d759-448c-a1a0-6eb3e54c7719/PDF>.

Uvod v slovansko filologijo / napisal Rajko Nahtigal. - V Ljubljani : Državna založba Slovenije, 1949. - 119 strani.

1950

O zadnjem poskusu razlage imena češkega naroda / Rajko Nahtigal. - *Južnoslovenski filolog* 18 (1949-1950), str. 49-54.

Ot'č'sky k''nigy : (Žitije Metodovo pogl. XV) / Rajko Nahtigal. - *Razprave*. [Razred 2], Razred za filološke in literarne vede. Classis 2, Philologia et litterae 1 (1950), str. 3–24.

Rastic' za Rastislav / Rajko Nahtigal. - *Slavistična revija* 3 (1950), št. 1/2, str. 140. Odgovor na pripombo A. Vaillanta k članku R. Nahtigala Nekaj pripomb k pretresu Hrabrovega spisa o azbuki Konstantina Cirila, ki je izšel v Slavistični reviji 1 (1948), str. 5-18, v *Revue des études slaves* 25 (1949), str. 122–123. - Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-IB2UN0AG/88f9fae-312b-4b8e-8194-76000245e7c0/PDF>.

Slovo o polku Igořevě : (odlomek iz slovenske prireditve izdaje) / Rajko Nahtigal. - *Slavistična revija* 3 (1950), št. 3/4, str. 369–396.

Vsebuje tudi besedilo sedmih izbranih mest, približno tretjino epa, v štirih različnih verzijah (faksimile, rekonstrukcija, transkripcija, prevod). - Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-QREJVSQB/9a2296df-305a-4cbf-ac3e-2d88c7a1329f/PDF>.

Trdina o Miklošiču : (prispevek k Miklošičevi karakteristiki) / Rajko Nahtigal. - *Slavistična revija* 3 (1950), št. 1/2, str. 189–202.

Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-IB2UN0AG/88f9fae-312b-4b8e-8194-76000245e7c0/PDF>.

„Žrec“ / Rajko Nahtigal. - *Slavistična revija* 3 (1950), št. 1/2, str. 141–142.

Odgovor na prispevek Svetovni nazor starih Slovencev, ki je v št. 6-8 izšel februarja 1950 v tedniku *Tovariš*. - Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-IB2UN0AG/88f9fae-312b-4b8e-8194-76000245e7c0/PDF>.

1951

Dudleipa (Dudlěba) : Dudlěbi -Dulěbi / R. Nahtigal. - *Slavistična revija* 4 (1951), št. 1/2, str. 95–99.

Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-COPDZTVI/bfee42dd-bf0f-4e4d-b153-f1ef824129c0/PDF>.

Trenja v ruski lingvistiki / Rajko Nahtigal. - *Slavistična revija* 4 (1951), št. 3/4, str. 254–262.

Opombe tekoče na dnu strani. - Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-SXC7BFTG/6705e3f4-3faf-4313-9e1a-207435e5b218/PDF>.

1952

Slovanski jeziki / napisal Rajko Nahtigal. - 2., popravljena in pomnožena izd. - V Ljubljani : Državna založba Slovenije, 1952. - XXIV, 335 strani.

Seznam glavnih del in spisov o slovanskih jezikih: str. 291–327.

1954

Blodnje o staroruskem pismenstvu / Rajko Nahtigal. - *Slavistična revija* 5/7 (1954), št. 1, str. 86–98.

Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-FKQDRR1B/aebb3ce7-2f3c-461d-bc05-465215dceb66/PDF>.

Popravki k izdaji „Staroruski ep Slovo o polku Igořevě“, SAZU, Ljubljana 1954 / R. Nahtigal. - *Slavistična revija* 5/7 (1954), št. 1, str. 356–367.

Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-FKQDRR1B/aebb3ce7-2f3c-461d-bc05-465215dceb66/PDF>.

Pri nas neznan ruski prevod Miklošičeve razprave o slovanskem narodnem epu in nekaj pripomb o njej / Rajko Nahtigal. - *Slavistična revija* 5/7 (1954), št. 1, str. 279–280.

Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-FKQDRR1B/aebb3ce7-2f3c-461d-bc05-465215dceb66/PDF>.

Prof. Ramovš o sebi od doktorata do docenture v Gradcu / [uvod] Rajko Nahtigal. - *Slavistična revija* 5/7 (1954), št. 1, str. 9–40.

Vsebuje pisma Frana Ramovša Rajku Nahtigalu od 1915 do 1918. - Nadaljevanje pod naslovom Pisma prof. Ramovša od docenture do profesure je objavljeno v *Slavistični reviji* 8 (1955), št. 1/2, str. 90–104. - Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-FKQDRR1B/aebb3ce7-2f3c-461d-bc05-465215dceb66/PDF>.

Protobolg. ojim- / R. Nahtigal. - *Južnoslovenski filolog* 20 (1953-1954), str. 81–86.

Staroruski ep Slovo o polku Igořevě / slovensko izdajo priredil [ter predgovor, uvod, komentar in slovar napisal] Rajko Nahtigal. - Ljubljana : Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1954. - 136 str., [2] zganj. f. pril. - (Dela / Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Razred za filološke in literarne vede = Opera / Academia scientiarum et artium Slovenica, Classis II: Philologia et litterae; 8. Inštitut za slovenski jezik = Institutum linguae Slovenicae; 5).

Nasl. na prelim. str.: Slovo o polku Igořevě. - Vzpor. rus. besedilo, ki vsebuje Editio princeps 1800, rekonstrukcijo in transkripcijo, in slov. prevod. - Lat. in cir. - Predgovor / Rajko Nahtigal: str. 5-6. - Uvod: str. 7–23. - Komentar: str. 62–96. - Slovar: str. 97–132.

1955

Antikes ‚Pelso‘ für Plattensee ist nicht slavisch ‚pleso‘ / Rajko Nahtigal. - *Wiener slavistisches Jahrbuch* 4 (1955), str. 15–19.

O etimologiji izraza kosez / Rajko Nahtigal. - *Slavistična revija* 8 (1955), št. 3/4, str. 164–168.

Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-XAYIXVSI/c82b18de-8ae7-4b61-b5df-d10e77e191a0/PDF>.

Pisma prof. Ramovša od docenture do profesure / [uvodne besede] Rajko Nahtigal. - *Slavistična revija* 8 (1955), št. 1/2, str. 90–104.

Vsebuje pisma Frana Ramovša Rajku Nahtigalu v letu 1918. - Prvi del pod naslovom Prof. Ramovš o sebi od doktorata do docenture v Gradcu je bil objavljen v *Slavistični reviji* 5/7 (1954), str. 9–40. - Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-J0EQXXSA/60d29a88-a3fb-42ca-99d4-bc28a37321af/PDF>.

Pisma prof. Ramovša od docenture do profesure / [uredil] Rajko Nahtigal. - *Slavistična revija* 8 (1955), št. 3/4, str. 232–246.

Vsebuje pisma Frana Ramovša Rajku Nahtigalu v letih 1918-1919. - Prvi del pod naslovom Prof. Ramovš o sebi od doktorata do docenture v Gradcu je bil objavljen v *Slavistični reviji* 5/7 (1954), str. 9–40, drugi del v *Slavistični reviji* 8 (1955), št. 1/2. - Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-XAYIXVSI/c82b18de-8ae7-4b61-b5df-d10e77e191a0/PDF>.

1956

Neki fonetično napačni nauk v slovenskih slovnica / Rajko Nahtigal. - *Jezik in slovstvo* 1 (1955/1956), št. 8/9, str. 237–239.

Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-AWLKNVD9/ea1f79d1-b979-44ec-b132-8de5d145de35/PDF>.

Svetovit" / Rajko Nahtigal. - *Slavistična revija* 9 (1956), št. 1/4, str. 1–9.

Dostopno tudi na: <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-LZXDVHKG/fc461481-d6ce-4ae7-ab4e-46738af04c67/PDF>.

1957

Dve pripombi k razpravljanju. 1, O Linhartu. 2, O Plečniku / Rajko Nahtigal. - *Naši razgledi* 6 (23. feb. 1957), št. 4, str. 83.

1961

Die slavischen Sprachen : Abriß der vergleichenden Grammatik / von Rajko Nahtigal; [die deutsche Fassung besorgte Joseph Schütz]. - Wiesbaden : O. Harrassowitz, 1961. - XIV, 270 str. - (Bibliotheca Slavica).

Tabele. - Prevod dela: Slovanski jeziki.

1963

Slavjanskije jazyki / R. Nahtigal; perevod so slovenskogo N. M. Elkinov; pod redakcijej i s predislovijem S. B. Bernštejna. - Moskva : Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1963. - 341 str.

Tabele. - Cir. - Prevod dela: Slovanski jeziki. - Predislovie / S. B. Bernštejn: str. 7–11.

1988

Doberdó - Doberdob : (imenoslovno - dijalektološka študija) / R. Nachtigall. - V: *Doberdob včeraj in danes*. - V Doberdodu : Kmečko-obrtna hranilnica, 1988. - Str. 81–110.

Prvič izšlo v: *Carniola* 8 (1917), str. 163–191.

2009

Slavjanskije jazyki / R. Nahtigal; prevod so slovenskogo - N. M. Ėlkina. - 2-izd. - Moskva : RFK-Imidž Lab, 2009. - 345 str. - (Biblioteka žurnala „Drevnjaja Rus“. Voprosy medievistiki; kn. 2).

Cir. - Prevod dela: Slovanski jeziki.

2015

Për një gjuhë të përbashkët letrare Shqipe = Über eine einheitliche albanische Schriftsprache / Rajko Nahtigal; përgatitur nga, [prepared by] Rexhep Ismajli, Marko Snoj; përkthyer, [translation] V. Dashi, N. Berisha dhe B. Ismajli; redaksia, [editorial board] Rexhep Ismajli ... [et al.]. - Prishtinë : Akademia e shkencave dhe e arteve e Kosovës; Ljubljana : Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 2015. - 257 str. - (Botime të veçanta, CL = Special editions, CL / Akademia e shkencave dhe e arteve e Kosovës, Seksioni i gjuhësisë dhe i letërsisë = Academia scientiarum et artium Kosoviensis, Section of linguistics and literature; lib. 54) (Dela / Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Razred za filološke in literarne vede; 66).

Ilustr. - Besedilo v alb., nem. in slov. - 400 izv. - Bibliografi e veprave të Rajko Nahtigal-it = Bibliografija dela Rajka Nahtigala; str. 243–247. - Vsebuje tudi: Die Frage einer einheitlichen albanischen Schriftsprache; O elbasanskem pismu in pismenstvu na njem.

Po kronološkem seznamu spisov prof. dr. Rajka Nahtigala, ki ga je objavil Zvonko A. Bizjak v Slavistični reviji 1 (1948) na str. 100-105, z dodatnimi referencami in spletnimi povezavami na vire objav pripravila *Anka Sollner-Perdih*.

NAGOVORI NA OTVORITVI
mednarodne znanstvene konference
Rajko Nahtigal in 100 let slavistike na
Univerzi v Ljubljani
(22.–23. marca 2018)

Spoštovani predsednik Slovenske akademije znanosti in umetnosti,
spoštovani dekan Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani,
spoštovani udeleženci konference,
cenjeni zbor.

Prisrčno vas pozdravljam v imenu vodstva *Alme Mater Universitas Labacensis*, še posebej v imenu rektorja, prof. dr. Igorja Papiča, ter seveda v svojem imenu. Dobrodošli na Univerzi v Ljubljani, ki kot najstarejša, najboljša in največja univerza v Sloveniji že skoraj sto let z neomajno vero v moč znanosti, umetnosti, izobraževanja ter humanističnih vrednot skrbi za napredek slovenske družbe.

Konferenca, ki jo danes odpiramo, je posvečena velikemu slavistu, profesorju, prvemu dekanu Filozofske fakultete in prvemu predsedniku Akademije znanosti in umetnosti, Rajku Nahtigalu, ter pred 100 leti ustanovljeni slavistični stroki na Univerzi v Ljubljani.

Začetek Univerze v Ljubljani je tesno povezan z delovanjem profesorja Rajka Nahtigala, saj sodi med njene ustanovitelje. Že konec leta 1918, leto dni pred uradno ustanovitvijo univerze, se je Rajko Nahtigal aktivno pridružil delu »vseučiliške komisije«, ki je imela nalogo oblikovati Univerzo na Slovenskem. Iz korespondence Rajka Nahtigala in Frana Ramovša, ki je imel v tej dvorani 3. decembra 1919 prvo predavanje v slovenskem jeziku o slovenskem jeziku, je razvidno, da sta se čutila posebej odgovorna, da poskrbita za stroko, ki naj bi usposabljala za poučevanje v slovenskem učnem jeziku in raziskovalno utemeljevala slavistiko.

Nekaj časa se je razmišljalo, da bi ljubljanska univerza začela provizorno delovati v okviru zagrebške univerze, pri čemer sta se v »vseučiliški komisiji« oblikovali dve skupini – ena je predlagala, naj postanejo slovenski profesorji del pedagoškega kolegija zagrebške univerze, druga skupina, na čelu z Rajkom Nahtigalom, pa je bila odločno za to, da morajo slovenski profesorji tvoriti posebni, samostojni pedagoški kolegij. Februarja 1919 je prišlo do odločitve, da se bo slovenska univerza oblikovala in začela delovati v Ljubljani. Tako je bil 23. julija 1919 podpisan zakon o ustanovitvi Univerze v Ljubljani.

Novembra 1919 je bil profesor Nahtigal izvoljen za prvega dekana Filozofske fakultete, v letih 1927–28, v finančno zelo zahtevnem obdobju, pa je bil rektor naše univerze; pozneje, leta 1939, je postal tudi prvi predsednik takratne Akademije znanosti in umetnosti.

Dragi udeleženci kongresa, draga sorodnika, z različnimi strokovnimi prispevki o Nahtigalovem filološkem delu se boste v naslednjih dveh dneh spomnili velikega slavista, zagotovo pa bomo njegovo ime še velikokrat izrekli v naslednjem letu, ko bomo obeleževali 100. obletnico ustanovitve in neprekinjenega delovanja

Univerze v Ljubljani. Profesor Nahtigal je bil s svojo jasno izrisano vizijo in trdnim prepričanjem o pomenu univerze za razvoj slovenskega naroda med tistimi izobraženci, ki so znali zreti daleč naprej. Tako izostrenega pogleda nam danes žal mnogokrat primanjkuje.

Kot pravi Marcel Proust:

Kakor hitro prihodnost postane sedanjost, izgubi ves čar. Vendar ga bo, to je res, spet pridobila, ko bo obležala daleč za nami na stezah spomina – pod pogojem, da je naša duša dovolj široka in se v njej odpirajo dovolj globoke perspektive.¹

Prepričana sem, da boste v naslednjih dneh začutili to odprtost srca in zbranost misli ter se tako v največji možni meri primerno poklonili profesorju in človeku Rajku Nahtigalu. Naj vam samo še zaželim uspešno delo, gostom pa prijetno bivanje v Ljubljani.

*prof. dr. Branka Kalenič Ramšak,
prorektorica Univerze v Ljubljani*

1 *Radosti in dnevi (Tožbe, sanjarije v otenkih časa)*. Ljubljana: Modrijan. 2017, str. 203, prev. Katarina Marinčič.

Spoštovani predsednik Slovenske akademije znanosti in umetnosti,
 spoštovana gospa prorektorica,
 spoštovani profesorji in profesorice,
 spoštovani gosti, dragi kolegice in kolegi!

8. avgusta 1926 je bil dr. Rajko Nahtigal v Ljutomeru, kjer so odkrili spomenik Francu Miklošiču, slovenskemu filologu, jezikoslovcu in slavistu. Svoj nagovor je začel z naslednjimi besedami:

Majhen narod lahko zapade nevarnosti, da pri ocenjevanju svojih moč, ki so se na kakršen koli način udeleževali na domačem ali splošnem kulturnem polju, rad zaide v pretirano precejevanje ali pa jih ne ume niti ceniti ter jih polagoma popolnoma prezre in pozabi, kar je viden znak kulturne zaostalosti oziroma že narodnega propadanja. Razen tega pa je še pri pripadnikih velikih narodov zelo razširjeno prepričanje, da se sin malega naroda pri vsej svoji genialnosti ne more povzpeti do onih višin kulturne dejavnosti, da bi njegovo delo imelo tudi splošen kulturni pomen.

V nadaljevanju govora dr. Rajko Nahtigal zanika nezmožnost povezave med sinovi malega naroda in visokim nivojem kulturnih dejavnosti. Verjetno ni nobenega dvoma, da tudi on sam – akoprav sin malega naroda – s svojim delom in zapuščino spada v krog tistih, ki si zaslužijo najvišja priznanja ... No, dr. Rajko Nahtigal je leta 1953 dobil Prešernovo nagrado za znanstveno delo, na Filozofski fakulteti pa bomo ob naši stoletnici naslednje leto izdali digitalizirane Nahtigalove znanstvene zapise, pa tudi tiskano verzijo teh del, s tem pa, upam, prispevali k ohranitvi kulturnega pomena njegovega dela.

Prof. Rajko Nahtigal je bil eden izmed prvih štirih profesorjev na Filozofski fakulteti leta 1919 in prvi dekan Filozofske fakultete, nato pa v letih 1934–35 še enkrat. Že na začetku je veliko časa in truda porabil za ustanovitev in organizacijo Seminarja za slovansko filologijo, ki ga je vodil do svoje upokojitve leta 1953. Seminar je bil leta 1962 preimenovan v Oddelek za slovanske jezike in književnosti, leta 2002 pa sta nastala dva oddelka – Oddelek za slavistiko in Oddelek za slovenistiko.

Seminar za slovansko filologijo je do leta 1941 domoval v stavbi nekdanjega kranjskega Deželnega dvorca, nato v Narodni in univerzitetni knjižnici, kamor so študentje slavistike kar na ročnih vozičkih preselili knjižnico in opremo Seminarja oziroma takrat že Inštituta za slovansko filologijo. Leta 1960 je Oddelek za slovanske jezike in književnosti svoj domicil dobil v drugem nadstropju Filozofske fakultete. Vse te prostore omenjam zato, ker bo tudi tokratna konferenca potekala na teh lokacijah.

Dr. Rajko Nahtigal je svojo formalno izobrazbo pridobil na Dunaju. Tam je od leta 1895 študiral slovansko in klasično filologijo ter indoevropistiko. Doktoriral

je leta 1901. Na Dunaju je najprej delal kot lektor ali docent za ruščino, leta 1913 je dobil naslov izrednega profesorja slovanske filologije s posebnim ozirom na slovenski jezik in literaturo na univerzi v Gradcu, štiri leta pozneje pa je bil na isti univerzi imenovan za rednega profesorja.

V času njegovega delovanja na Filozofski fakulteti so pri njem študirali slavisti in slovenisti, ki so naprej razvijali to stroko na Slovenskem – med njimi France Bezlaj, Anton Bajec, France Bernik, Marja Borštnik, Boris Paternu, Franc Jakopin, Martina Orožen, Matjaž Kmecl in mnogi drugi. Oni bi verjetno najbolje lahko povedali, kakšen je bil dr. Rajko Nahtigal kot človek. Odgovor na to vprašanje prepuščam Francu Tomšiču, ki je leta 1962 na tretjem kongresu Zveze slavističnih društev Federativne ljudske republike Jugoslavije o Nahtigalu povedal tole:

Kot človek je bil Nahtigal kljub svojemu velikemu znanju in položaju, ki si ga je s tem znanjem pridobil v naših najvišjih znanstvenih ustanovah, skromen in z vsakomur prijazen. Zavedal se je vrednosti svojega dela, bil nanj po pravici ponosen, bil pa je tudi pravičen do dela drugih. Z znanstvenimi deli si je ustvaril ime velikega znanstvenika, s svojimi dobrimi človeškimi lastnostmi pa si je zagotovil, da nam bo spomin nanj zmeraj lep.

Verjamem, da bo v takšnem spominu ostala tudi tokratna mednarodna konferenca. Iskrene čestitke in zahvala vsem, ki ste sodelovali pri organizaciji tega pomembnega dogodka. Pred nami je mednarodna konferenca, ki v svoji zastavitvi ponuja in obljublja veliko. Zato vam želim, da bi bil tak tudi končni izplen tokratnega srečanja.

*prof. dr. Roman Kuhar,
dekan Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani*

Spoštovana prorektorica profesorica Branka Kalenić Ramšak,
 spoštovani dekan profesor Roman Kuhar,
 spoštovane udeleženke in udeleženci konference,

mednarodna konferenca posvečena znanstvenoraziskovalni dediščini akademika Rajka Nahtigala poteka v letu, ko Slovenska akademija znanosti in umetnosti slavi 80-letnico ustanovitve. Čeprav je bila prva akademija na slovenskih tleh, *Academia operosorum*, ustanovljena že leta 1693, to je v stoletju, ko so bile ustanovljene tudi najpomembnejše evropske nacionalne akademije, štejemo za rojstni dan naše Akademije 12. november 1938, ko je potekala prva akademijska skupščina. Glavna naloga te skupščinske seje je bila izvolitev treh kandidatov za predsedniško mesto Akademije. Na seji je bilo 13 članov, štirje so bili opravičeno odsotni. S tajnim glasovanjem so izbrali pravnika Gregorja Kreka in dva kolega slavista Rajka Nahtigala in Frana Ramovša. S kraljevim ukazom z dne 4. januarja 1939 pa je bil za **prvega** predsednika Akademije znanosti in umetnosti v Ljubljani imenovan Rajko Nahtigal.

V nagovoru na drugi skupščinski seji 28. januarja 1939 je njen prvi predsednik poudaril,

da naš narod pričakuje plodnosne sadove našega truda in dela, s katerimi ga bomo dostojno zastopali v krogu drugih, četudi večjih in bogatejših kulturnih narodov. A to bomo dosegli, o tem sem preverjen, ako bomo složno zastavili svoje moči in v skupni lepi enodušnosti ter bratski harmoniji gradili svojo idealno stavbo. Jaz sem za to pripravljen,« pravi Rajko Nahtigal, »Vi gotovo tudi. V to pomozi Bog!

Cilj prvih slovenskih akademikov je bil jasen, **postaviti trdne temelje slovenski znanosti**. Nahtigal je bil predstavnik generacije, ki se je po prvi svetovni vojni vrnila v domovino in na ljubljanski univerzi dvignila slovensko znanost na evropsko raven. To je tudi generacija, ki je po drugi svetovni vojni v okviru delovanja Akademije ustanavljala prve raziskovalne inštitute.

Z delom za ustanovitev Akademije pa je Nahtigal začel že precej pred letom 1938. Na drugem zasedanju znanstvenega pododseka Kuturnega odseka pri narodnem svetu je že 5. decembra 1918 pripravil načrt akademije znanosti. Leta 1921 je ustanovil Znanstveno društvo za humanistične vede, ki mu je tudi predsedoval. Člani znanstvenega društva so delovali v filološki, historični in filozofski sekciji. Kasneje so postali člani tedanjega prvega razreda Akademije. Za Nahtigala je ustanovitev celovite Akademije, ki je obsegala tudi prirodoslovno-matematični razred, pomenila doseženo stopnjo kulturne dozorelosti slovenskega naroda. Po sile predsednika Akademije znanosti in umetnosti je, kakor preberemo v tedanjem letopisu Akademije, »vršil« do 27. junija 1942.

Tudi danes Slovenska akademija posebno pozornost namenja znanosti. Ker se v znanstvenem okolju pojavljajo številne neetičnosti, ustanovljamo Nacionalni svet

za integriteto v znanosti. Potegujemo se za ustrezno financiranje dolgoročnih nacionalno pomembnih raziskav, kakršne terja, na primer, slovaropisje. Srečujemo se z mladimi znanstvenicami in znanstveniki, tako s tistimi, ki se po doktoratu težko vključujejo v naše univerze in inštitute, kakor s tistimi, ki so že na tujem, a razmišljajo o vrnitvi. Opozarjamo na razdrobljenost našega raziskovalnega okolja in iščemo mehanizme za financiranje razvoja inovacij, ki izhajajo iz raziskovalnega dela.

Akademija se trudi, da je enako delavna, kot je bila njena predhodnica *Academia operosorum*, katere geslo je bilo *Sibi et aliis operosi*. Na akademijski spletni strani se lahko prepričate o številnih posvetih in okroglih mizah, ki redno potekajo na Akademiji. Zaključki številnih posvetov, ki obravnavajo aktualne teme, predstavljajo znanstveno svetovanje politiki.

Na koncu mi ostane le še, da čestitam organizatorjem za pripravo imenitne mednarodne konference o znanstvenoraziskovalni dediščini Rajka Nahtigala, se zahvalim predavateljem, ki so sprejeli vabilo, vsem udeleženkam in udeležencem pa želim zanimivo poslušanje in razpravljanje.

*akad. prof. dr. Tadej Bajd,
predsednik SAZU*

Spoštovani udeleženci simpozija, spoštovani kolegi!

Profesor Rajko Nahtigal je bil tudi prvi predsednik Slavističnega društva Slovenije in s tem stanovski predstavnik slavistične znanosti, tj. znanstvenega področja, ki ima pri nas najbogatejšo in najboljše raziskovalno tradicijo in kontinuum. Stanovsko smo lahko ponosni, da je kot član »prve posadke slovenske slavistike« bil skupaj z Franom Ramovšem, Ivanom Prijateljem in Francetom Kidričem med osnovatelji naših najvišjih raziskovalnih in izobraževalnih ustanov; in tudi po ustanovitvi slovenske univerze je bil vedno pripravljen za vsako akcijo, ki bi vodila k večjemu razvoju slovenske univerze in slovenske znanosti sploh. Znotraj znanstvenoraziskovalnega dela se je zavzemal za danes ne tako samoumeven razvoj slovenskega znanstvenega jezika. Za Nahtigala bi namreč lahko rekli, da je dejansko živel stroko in bil glede na filološko širino eden zadnjih slavističnih klasikov, in to v obdobju kar dveh svetovnih vojn, različnih družbenih in tudi kulturnih preobratov. Mogoče se je ravno zaradi tega toliko bolj zavedal tudi pomena aktualne družbene aktivnosti. Odraz njegovega človeškega altruizma se kaže tudi v prizadevanju za aktivno stanovsko delovanje, in zato tudi ni naključje, da je bil na začetku delovanja različnih ustanov in društev pripravljen prevzeti nehvaležno zagonsko vodenje in usklajevanje del.

Ne glede na to, da so se npr. 1977 zbrali ob obletnici njegovega rojstva, te dni pa se zbiramo bolj ob obletnici njegove smrti, so ravno obdobja jubilejev mogoče spodbuda za podrobnejši popis njegovega šestdeset let dolgega strokovnega in raziskovalnega delovanja, v katerem pomembno mesto zavzema njegova stalna aktivnost za uveljavljanje slovenske znanosti in vzporedno seveda tudi slovenskega znanstvenega jezika. To slednje je še kako aktualno tudi danes in bo aktualno ob bližnjem praznovanju stoletnice slovenske univerze. In tudi pri pregledovanju življenja in dela profesorja Nahtigala se nam lahko samo potrjuje – če parafraziram jubilejnega Cankarja –, da si usodo piše najprej in zlasti stroka sama, zato je v nadaljevanju potrebnega čim več proaktivnega delovanja in povezovanja. Tudi tovrstni mednarodni simpoziji povezujejo, zato vam, spoštovani kolegi, želim uspešno in prijetno strokovno druženje!

*prof. dr. Andreja Žele,
predsednica Zveze slavističnih društev Slavističnega društva Slovenije*

Spoštovani ugledni gostje, dragi sorodniki prof. Rajka Nahtigala, dragi kolegi slavisti!

Te dni mineva 60 let od smrti, lani pa je minilo 140 let od rojstva vélikega slovenskega učenjaka prof. Rajka Nahtigala (1877–1958), zato se na tej znanstveni konferenci poklanjamo njegovemu spominu in bogati znanstveni zapuščini s področja slovanske filologije in rusistike, ki jima je kot znanstvenik in človek predano služil. V člankih in knjigah še danes pogosto presenečajo širina znanja, minucioznost pri jeziko(slo)vnihi, tekstovnih idr. raziskavah in zanesljiva jasnost pri sintetiziranju zanesljivih znanstvenih ugotovitev. Tudi zato z veseljem in nestrpnostjo pričakujemo referate in razprave, ki bodo z večdesetletno časovno distanco pristopali njegovemu delu, vidikom obravnave in posameznim vprašanjem, o katerih je razmišljal tudi prof. Rajko Nahtigal.

V imenu slovenskih slavistov, Mednarodnega slavističnega komiteja, ki bo avgusta letos izpeljal 16. mednarodni slavistični kongres v Beogradu, in tudi v svojem imenu izrekam dobrodošlico vsem udeležencem in želim plodnega dela, prijetnega druženja in dobrega počutja v Ljubljani.

*zasl. prof. dr. Alenka Šivic-Dular,
predsednica Slovenskega slavističnega komiteja,
članica Mednarodnega komiteja slavistov*

**REFLEKSIJA ZNANSTVENO-
RAZISKOVALNEGA DELA
PROF. NAHTIGALA**

I.
Starocerkvénoslovanski spomeniki
in besedila, abecedi

Изданието на Синайския евхологий на Райко Нахтигал и неговото значение за палеославистиката

Ивона Карачорова

Българска академия на науките, София

Обект на статията е една от най-важните работи на Райко Нахтигал в областта на палеославистиката – образцовото издание на глаголическия Синайски евхологий от края на X- началото на XI в. То е осъществено в два тома: фототипно възпроизвеждане на ръкописа (1941) и кирилска транслитерация на текста с разночетения от славянски и гръцки молитвослови, коментарни бележки и индекси на съкращенията, чуждите имена и библейските цитати (1942). В публикацията са представени основните изследвания върху Синайския евхологий, осъществени на основата на Нахтигаловото издание, а също така и на публикувания текст на новооткритата от Й. Тарнанидис част. Авторът излага и своите наблюдения над молитвени текстове в ръкописа (така наречените Василиеви молитви) и подчертава значението на издателските бележки за установяването на историята на текста.

Ключови думи: Синайскиевхологий, глаголическа азбука, кирилска транслитерация, издание на Райко Нахтигал, изследвания.

Синайският евхологий, известен още като Синайски молитвеник, *Euchologium Sinaiticum*, принадлежи към групата от старобългарски ръкописи от периода IX–XI век, определяни като класически. Той е най-нехомогенният от тях. Състои се от служебник, требник и епитимийник. Съдържа служби, треби с медицински предписания и списък с епитимийни указания за всекидневните дейности предимно на свещеници и монаси, но и на миряни, и обединява общественото (храмовото) и частното богослужение. Съставните му части са преведени от различни преводачи от различни езици – гръцки, латински, старобаварски, на различно място и време, има и оригинални старобългарски творби. Синайският евхологий е единственият запазен представител на старобългарската евхологична традиция от периода IX–XI век, създадена под непосредственото въздействие на византийски, както и на латински източници. Приема се, че архетипът на ръкописа се е появил около края на IX век и е пряко свързан с Моравската мисия на Константин-Кирил и Методий и техните ученици (Пенкова, Цибранска 2003:604).

Синайският евхологий е написан от един книжовник със старинна, не съвсем кръгла, глаголица в една колона, средно по 24 реда на страница. Писмото

е дребно и широко. В украсата на ръкописа се откриват две тенденции, които понякога се смесват. При едната взема превес геометричната украса на инициалите, а при другата – растителните и плетенични мотиви, като се използва жълта и зелена основа при оглавленията (Иванова-Мавродинова, Мавродинова 1999:26–33). Трудно е да се направи езикова характеристика на паметника, тъй като е съставен от различни преводни и оригинални текстове. Като цяло се определя като носител на обща западнобългарска редакция. Б. Велчева го определя като двуеров, с четири букви за назализирани гласни и го поставя в една група със Зографското евангелие, Мариинското евангелие, Клоцовия сборник, Асеманиевото евангелие, Рилските глаголически лостове (Велчева 2003). Според П. Пенкова при подробен анализ се открояват три правописно-фонетични пласта. Първият отразява особеностите на солунския говор от X–XI век – меки шушкави гласни, преглас на ъ–ѐ, запазване на ъ в силна позиция в коренни срички, и изясняване в наставки, ъ се изяснява в силна позиция под ударение, но извън ударение в суфикси се пази. Вторият фонетичен пласт е моравски и се характеризира с монофтонгично ъ, лабиализирано о, нелабиализирано високо ъ, засвидетелствани са и граматически моравизми. Третата обща редакция за целия ръкопис се характеризира с непоследователно изпускане на слабите ерове и заместването им с паерчик, с възприемането на надреден знак над н като маркировка за i-огласовка. Приема се, че ръкописът е преписан от един преписвач, който е редактирал текста, или за един редактор (Пенкова, Цибранска 2003:611). Има предположение, че ръкописът е преписан в манастира ”Св. Екатерина” (Велковска 2000, вж. и библиографията там) и преписването му е свързано с ръкописи като Синайския псалтир, псалтира на Димитър Олтарник и др., което според П. Пенкова предполага пътуване на преписвача или на кодекса до Балканите и обратно (Пенкова 2008:35). Според Г. Сване последният препис е направен в Дебър, Охридско по редактирания от Климент Охридски текст на евхология около 900 г. (Svane 1989:38). Въз основа на палеографски съпоставки М. Пантелич смята, че маргиналните бележки в Синайския евхологий и апостолските четива в Киевските листове са дело на една и съща ръка и двата ръкописа са били употребявани в богослужението в края на X в. в гранична област на Южна Хърватия, където източната и западната традиция са били познати и признати (Pantelić 1985:556).

Според Б. Велчева правописът на ръкописа с четири носовки и изписването му със закръглена глаголица го свързват с епиграфиката от Североизточна България, което води до предположението, че този правопис се е появил в североизточен български книжовен център (Велчева 2003, вж. и Велчева 1999).

Синайският евхологий е открит в манастира „Св. Екатерина“ на Синайския полуостров през 1850 г. от архимандрит Порфирий Успенски (1804–1885) – руски църковен деец и историк, археограф, палеограф (Успенски 1856:163). През 1975 г. проф. Йоанис Тарнанидис – гръцки църковен историк, археограф и филолог, открива в библиотеката на същия манастир и идентифицира още 28 листа от ръкописа и днес той се състои от 133 листа.

Първоначално откритата част от ръкописа днес се съхранява в библиотеката на манастира „Св. Екатерина“ – Sin. Slav. Ms. 37, а четири листа от нея – в Санкт Петербург, отнесени там през XIX век от архимандрит Порфирий Успенски два (РНБ, Глаг. 2) и по един от Н. П. Крилов (БРАН, сб. на И. И. Срезневски № 12, сигн. 24.4.8) и от Н. П. Кондаков (РНБ, Глаг. 3). Първото издание на „старата“ част в кирилска транслитерация, в което са допуснати редица неточности, е осъществено през 1882 г. от чешкия езиковед Л. В. Гайтлер (Geitler 1882). Нова транслитерация на глаголическия текст прави в изданието си в две части от 1933–1939 г. Ян Фрџек – чешки славист, византолог и фолклорист (Frček 1933). Той внася корекции в Гайтлеровото издание, част от които са въз основа на гръцкия текст, дава френски превод на текстовете, прави коментар с варианти за лексикалните и граматически особености в съпоставка със старобългарските паметници и гръцкия оригинал, успореден гръцки текст, а при необходимост – латински и старовисоконемски. Двухтомното издание на Р. Нахтигал е третото на „старата“ част – първият том съдържа фототипна репродукция на глаголическия ръкопис, а във втория е публикувана кирилската транслитерация с разчетения по славянски и гръцки молитвослови, коментарни бележки, показалци за съкращенията, чуждите имена и библейските цитати (Nahtigal 1941–1942). Трудът на Р. Нахтигал е преиздаден в английски превод през 1987 г. от Т. Лайсет в Нова Зеландия (Lysaght 1987).

Новооткритата част на ръкописа също се съхранява в манастира „Св. Екатерина“ на Синай (Cod. Slav. 1/N). Издадена е фототипно от Й. Тарнанидис през 1988 г. (Tarnanidis 1988). Изданието е придружено от идентификация на новооткритите листове, палеографско описание на ръкописа, анализ на текста, подредба на тетрадите, предположения за изворите на типа литургия, следван от Константин-Кирил и Методий в Моравия. В последните години излезе ново издание на тази част – разчетен глаголически текст, подготвено от М. Шнитер и Х. Миклас (Schmitter, Miklas 1993). Някои молитви (5а–5б, 6а–6б, 7а–7б по Tarnanidis 1988) в кирилска транслитерация с успореден гръцки текст и разчетения издаде Г. Минчев (Минчев 1998).

Настоящата публикация има за цел да представи известната информация за ръкописа и основните изследвания върху него, направени въз основа на

изданието на Р. Нахтигал, като подчертаят достойнствата и значението на това издание за изучаването на ръкописа и за палеославистиката. Представят се и изследвания на ръкописа, направени след комплектоването на двете части на ръкописа.

От трите издания на „старата“ част най-високо се оценява това на Р. Нахтигал. То се определя като „образцово“. Освен изключително прецизното разчитане, вещото транслитериране и предаване на текста, изключително ценен е изчерпателният критически апарат. За всеки от включените в Синайския евхологий много и различни текстове издателят намира по-късни кирилски преписи, както и паралелни гръцки текстове за сравнение, а където намира за полезно, включва и печатни издания – гръцки и славянски. Това е дълга и сложна издирвателска работа. По този начин той в повечето случаи обхваща цялостната филологическа и текстологическа проблематика на текста и я решава в контекста на други паметници. В коментарите към ръкописа Р. Нахтигал публикува и изследване на надредните знаци в текста, при което показва блестящи познания по глаголическа палеография.

Научният интерес към Синайския евхологий е голям още от неговото откриване. В рамките на около шест десетилетия се появяват три издания, като всяко коригира грешки и пропуски на предходното. Към първото издание на Л. Гайтлер е изработен речник-индекс (Słonski 1934). Изданието на Р. Нахтигал, трето поред, има висок авторитет в палеославистичните среди до днес. Израз на тази висока оценка е и преиздаването му. След появата си именно то е източник за неколкочратното лексикографиране на материала от Синайския евхологий в старобългарските/ старославянски речници – Sadnik, Aitzetmüller 1955, СС, СР, SJS. По него е обработена лексиката на ръкописа за „Речник-индекс на Синайския евхологий“ на П. Пенкова (Пенкова 2008).

Текстът на Синайския евхологий по Нахтигаловото издание е в основата на различни изследвания като единствен представител на славянската евхологична традиция от старобългарския период. Изследвани са особеностите на литургичните текстове и практика (Arranz 1988; Arranz 1989), изследват се ритмичните схеми (Костова 1991), изследват се отделни текстове и проблеми (Vaillant 1960; Шнитер, Кръпова 1990; Stankovska 2000; Дидди 2011), обстоятелствените изречения (Дограмаджиева 1977).

В палеославистиката има различни становища за времето и източниците за създаване на Синайския евхологий. Учените са единодушни, че архетипът на част от сборника е свързан с моравско-панонския период на книжовната дейност на Кирил и Методий и самият превод вероятно е бил направен за нуждата от четива за най-необходимите църковни служби за новопокръстените

славяни. Н. С. Державин определя преписа от около 980–987 г., което се приема и от Р. Нахтигал (Державин 1941; Nahtigal 1942:337) Както показват изследванията при съставянето на оригинала са ползвани вече готовите преводи на изборното евангелие (Дограмаджиева 1994; Bakker 1994), на изборния апостол (Ефимова 1992), вероятно и на Псалтира и Паримейника. Предполага се, че при съставянето на Синайския евхологий е използван готов превод и на Литургията на Св. Петър. Ф. Дворник и Й. Тарнанидис смятат, че именно тази литургия е била преведена от Кирил и е била отслужена при посещението на братята в Рим при папа Адриан (Tarnanidis 1988:105–108). Според М. Аранц братята са познавали тази литургия още от Солун или от Олимп (Arranz 1989:316–340). Според С. Паренти италио-гръцката литургия на св. Петър произхожда от Южна Италия и влиза в славянския Евхологий с посредничеството на Синай (Паренти 1994). По запазените части от Синайския евхологий може да се твърди, че Василиевата и Златоустовата литургия също са били преведени преди служебника в Синайския евхологий (Афанасьева 2005:20–22; Афанасьева 2006:175–192).

В издадената от Нахтигал част от Синайския евхологий е включен и частично запазеният погребален чин, който се състои от 2 молитви над миряни и 2 – над умершим священникомъ ли причетъником, който отразява ранната византийска и славянска традиция с общ чин за погребение на духовник и мирянин. Той е добре проучен от П. Пенкова, която е на мнение, че в този чин се открива ред, характерен за латински по структура, но гръцки по езиков облик, погребален ритуал на италио-гръцка колония във Венеция и Рим. Определени особености от структурата на чина дават основание на авторката да предполага, че чинът е дело на Методий и е свързан с погребението на Кирил в Рим, а впоследствие е бил въведен в практиката на Моравската църква (Пенкова 1987; Penkova 1988; Пенкова, Цибранска 2003:606–607). Още един чин в състава на Синайския евхологий привлича вниманието на изследователите – изповедният, за който е установено, че по състав и форма не се покрива с нито един известните гръцки изповедни устави. Има предположения за западногръцки (Алмазов 1894), латински образци (Суворов 1901), както и за компилация между гръцки и латински извори, дело на един или повече славянски книжовници за нуждите на новопокръстените славяни (Vondrák 1894). Според А. И. Алмазов Изповедният чин в Синайския евхологий се състои от две части: субективна – образец на изповедта и две поучения (пространно предизповедно и след изповедта), и обективна – молитви и псалми след изповедта. За първото поучение В. Вондрак предполага, че е произведение на Климент Охридски, на същото мнение е и Н. Л. Туницкий.

Текстът на изповедния чин в ръкописа е в основата на изследванията на по-късните преписи на този текстов комплекс (Кожухаров 1969; Цибранска 2012). Обект на изследователски интерес е и друга част от Изповедния чин в Синайския евхологий – изповедната молитва (72a–73a), която показва близост със Сант-Емерамската молитва, старобаварски евхемен текст, запазен в четири преписа от периода IX–XI в. от Регенсбург и Райхенау (публикувана у Nahtigal 1942:208–210). Първ прави тази съпоставка В. Вондрак, според когото старобългарският превод е направен от баварския текст. Това мнение се приема дълго време в науката (Фр. Миклошич, И. Графенауер, А. В. Исаченко). Вл. Ягич смята, че това е оригинален славянски изповеден текст, написан в Методиевия кръг, заимстван и преведен от немски духовници през Моравския период (Jagić 1893). В наши дни това мнение споделят Б. Джонов и В. Андреева (Džonov 1977; Джонов 1984; Андреева 1985).

Особено важен и интересен е блокът от молитви над болни, т. нар. „врачевални“ молитви, защото тяхното наличие в Синайския евхологий свидетелства, че тези молитви от гръцкия Евхологий стават известни в славянски превод твърде рано. Голяма част от тях се появяват отново в литургичните ръкописи твърде късно (XV–XVIII в.), но в различен превод, различни по състав и подредба са и отделните евхеменни групи. Гръцки паралели са открити от А. И. Алмазов за първите девет молитви от цикъла за болни, но по състав и подредба преводната молитвена група не съвпада напълно с нито един от известните гръцки източници. Само в този ръкопис освен многото молитви над болни от определена болест са включени и молитви с общо предназначение. Два блока тематично и езиково близки молитви нямат гръцко съответствие. Първият включва молитви с наличие на повелителни форми на глагола *рачити* – *рачи* и започва с *мѡл над главою болацѣмъ* (2863–35a8, 38618–43a20 по Nahtigal 1942; Hahn 1953). Втората група съставят 7 молитви над болни от треска (44a18–51a10), които според А. И. Соболевски са от моравски произход (Соболевский 1900). Повечето от тези текстове се появяват много по-късно в славянската ръкописна традиция, но в нови преводи. Преводите, засвидетелствани, изписани с глаголица в Синайския евхологий, остават изолирани и не влизат в ръкописната традиция с повече преписи. Преводите от Синайския евхологий остават в славянската ръкописна традиция само по преписа в този ръкопис, поставяйки основите на текстологичните проучвания като архаична редакция на съответните текстове.

Пенитенциалът *Злповѣди сѣвъхъ ѡтць* (102a5–10565 по Nahtigal 1942) се състои от правила, приети от църквата, регулиращи поведението на християните, както и съответните наказания (епитимии), за отклоненията от тях.

Преписът в Синайския евхологий, който е подобен на Мерзебургския пенитенциал, е първата писмено засвидетелствана славянска регистрация на текста, и е превод от латински оригинал, пряко свързан с книжовния кръг, създаден около славянските първоучители в Моравия (Vašica 1955, Цибранска-Костова 2006:134, Tsibranska-Kostova 2004, Максимович 2006:134). При съпоставката му с Методиевия превод на Номоканона от 50 титула на Йоан Схоластик са установени значителни съвпадения (Пенкова, Цибранска 2003). Има и предположения, че св. Методий е получил пенитенциала от папа Йоан VIII при назначаването си за архиепископ на Моравия и Панония при 880 година в Рим. Освен в изданията на Синайския евхологий пенитенциалът има и отделно критическо издание с анализ – в *Magnae Moraviae Fontes historici*, t. 4, 1971 (Пенкова, Цибранска 2003, вж. и библиографията там).

Комплектоването на ръкописа с двете му известни части поставя нови изследователски задачи – за общия обем на първоначалната ръкописна книга, за структурата, за източниците на компилиране, за отношението към византийския евхологий. Появиха се публикации, в които се реконструира вероятният състав и подредбата на службите и молитвите. Според Й. Тарнанидис първоначалният ръкопис е включвал около 298 листа (36 тетради по 8 листа, 1 тетрада с 10 листа). Липсват части от началото, средата и края на ръкописа.

Проследява се формирането на старобългарския литургичен комплекс в зависимост от византийските образци от цариградски или провинциален (итало-гръцки и палестински) тип. Сравненията с издадените от С. Паренти и Е. Велковска и от Г. Пасарели гръцки ръкописни евхологии – и двата от итало-гръцки, подкрепят извода, че Синайският евхологий представлява сложна компилация на основата на стар кирило-методиевски протограф и по-късни провинциални допълнения (Passareli 1982; Parenti 1991; Parenti, Velkovska 1995; Velkovska 1996).

С намирането на местата на новооткритите части в ръкописа отново беше поставен и въпросът за реда на текстовете в него. В трите издания на първоначалната част на ръкописа (Geitler 1882; Frček 1933; Nahtigal 1941–1942) требникът е преди служебника. С откриването на „новата“ част се налага мнението, че, както е в повечето гръцки евхологии от това време, в началото е служебникът. Той включва литургия на св. Василий Велики и св. Йоан Златоуст, които са запазени само фрагментарно – последованията на денонощния богослужебен цикъл само молитва за вечерня, утринна 3 и 6 глас, следвани от двете дяконски ектении, молитви за различни случаи от новооткритата част, последованието за водосвет. След служебника е поместен требникът, който започва с фрагмент от Чина за Богоявление,

следват молитви – на подстрижение власом, на братотворение, цикъл с молитви за различни случаи от живота на вярващите, група молитви над болен, Чин за Петдесетница, Изповеден чин, Чин за встъпване в монашество. Преписът на Чина за Богоявление е в основата на текстологическите проучвания върху този текст (Тончева 2017; Афанасьева 2004). Третата голяма част на Синайския евхологий е пенитенциалът Заповяди святых отец, който се състои от казуси и санкции на църковното законодателство относно покаянието на духовните лица и миряните. Първоначално откритата част от ръкописа завършва с апостолски и евангелски четива за различни празници. Новооткритата част добавя накрая богослужебни четения за петата седмица на Великия пост (Пенкова, Цибранска 2003:605–606). И така по своя състав Синайският евхологий е типичен представител на архаичната византийско-славянска традиция на Евхология. Тя обединява общественото (служебник) и частното (требник) богослужение, които по-късно се отделят като самостоятелни книги.

В последно време работих над текстологията на т. нар. Василиеви молитви, наречени още „страшни” молитви или екзорцизми. Това е цикъл от шест молитви, първите две от които приписвани на св. Василий Велики, останалите четири – на св. Йоан Златоуст. Появяват се в южнославянски ръкописни требници и молитвеници от XVII–XVIII в. нататък и са превод от гръцки. Срещат се и в съвременните гръцки евхологии и славянски требници. Молитви от този цикъл се срещат още в Синайския евхологий (л. 51а–56б по изданието на Nahtigal 1942) – две молитви под наслов мол ѿ бесноуѣцимъ с, като втората е без край. Благодарение на точното предаване на текста и завършителните знаци в изданието на Р. Нахтигал установих, че първата молитва е съставна, т. е. състои се от три отделни молитвослова, които нямат собствени оглавления и се обособяват само със завършителни знаци. Два от тях се срещат в късните преписи на цикъла, а третият засега е засвидетелстван само в Синайския евхологий. Текстологичните съпоставки между молитвите в Синайския евхологий и преписи от XVII–XVIII век и сравненията с гръцки текст на молитвите от цикъла показват, че това са два различни превода, като този в евхология остава засвидетелстван само в него и не получава разпространение по преписите (Карачорова под печат). Внимателният прочит на коментарите на Р. Нахтигал към тези текстове в изданието потвърди тези мои наблюдения. В тях авторът дава четения по печатни славянски и гръцки евхологии, наслови на отделни молитви, които свидетелстват за появата на новия превод, както и за постепенното формиране на евхемния цикъл

като ред на текстовете и състав, посочват се и лексикографски източници. По този начин богатите издателски коментарии стават надеждна основа за изследвания върху текстологията и историята на всеки от многобройните съставляващи текстове в Синайския евхологий.

С прецизно транслитерирания текст и с богатия си критически апарат изданието на т. нар. първоначална или „стара“ част от Синайския евхологий е сред най-използваните трудове на Р. Нахтигал, то е получило признанието на научната област като образцово. Плод на над двадесетгодишен труд, то не губи своята актуалност, за което говори използването му в съвременните текстологични, лексикални и литургични изследвания, неколкостранното лексикографиране на ръкописа, както и преиздаването му.

Литература

- Алмазов, А. И., 1894: Тайная исповедь в православной восточной церкви. 1. Общий устав совершения исповеди. Одесса, 206–212.
- Андреева, В., 1985: Старобългарската изповедна молитва от Синайския требник и нейното старонемско съответствие – Сант-Емерамската молитва. *Старобългарска литература* 17, 85–97.
- Афанасьева Т. И., 2004: Чинопоследование Великого освящения воды на Богоявление в славянских служебниках XI–XV вв. *Palaeobulgarica* 28/3, 25–45.
- Афанасьева, Т. К., 2005: К вопросу о порядке следования листов и составе Синайского глаголического служебника XI века. *Palaeobulgarica* 29/3, 17–35.
- Афанасьева, Т. К., 2006: Древнеславянские переводы анафоры литургии Иоанна Златоуста в служебниках X–XIV вв. *Вереница литер. Studia Philologica*. Москва, 175–192.
- Велковска Е., 2000: Денонощното богослужение в Синайския евхологий. *Palaeobulgarica* 24/4, 19–34.
- Велчева, Б., 2003: Правопис на старобългарските паметници. *Кирило-Методиевска енциклопедия* 3. София: Издателство АИ „Проф. Марин Дринов“, 260–261.
- Державин, Н. С., 1941: Euchologium Sinaiticum (К вопросу о времени происхождения памятника). *Державин, Н. С. Сборник статей и исследований в области славянской филологии*. Москва, 216–231.
- Джонов, Б., 1984: Сант-Емерамската молитва и нейното отношение към изповедната молитва от Синайския требник. *Годишник на Софийския университет, Факултет по класически и нови филологии* 74/3, 67–146.

- Дидди, К., 2011: Euchologium Sinaiticum 59a10 члскыа пѣтица. Об одном загадочном чтении в молитве св. Трифону. *Palaeobulgarica* 35/2, 3–13.
- Дограмаджиева, Е., 1977: Обстоятелствените изречения в Синайския евхологий. Jakopin, F. (ur.): *Nahtigalov zbornik*. Ljubljana: Univerza v Ljubljani, 47–66.
- Дограмаджиева, Е., 1994: Участие на Евангелието в изграждането на Синайския евхологий. *Старобългарска литература* 28–29, 62–65.
- Ефимова, В., 1992: Об апостолских чтениях в составе Синайского евхология (в связи с последними открытиями в монастыре св. Екатерины на Синае). *Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур* 26, 4–14.
- Карачорова, Ив., 2018: Василиевите молитви в Синайския евхологий и в славянските ръкописни требници и молитвеници от XVIII–XIX в. *Palaeobulgarica* 42/2, 61–81.
- Кожухаров, Ст., 1969: Една редакция на поместения в Синайския молитвеник Чинъ надъ исповѣдающимъ сѧ в пергаментен препис от края на XIII в. *Константин-Кирил Философ. Юбилеен сборник по случай 1100-годишнината от смъртта му*, 349–367. София.
- Костова, Кр., 1991: Ритмични схеми в Синайския евхологий. *Кирило-Методиевски студии* 8. София: БАН, 121–138.
- Максимович, К. А., 2006: Техника ранних славянских переводов с латыни. *Byzantinoslavica* 64, 124–152.
- Минчев, Г., 1993: Мястото на новооткритите листове от Синайския евхологий сред другите текстове от ръкописа. Филологически и литургически анализ на молитвите от денонощния богослужебен цикъл (λιτουργικῆ ἀκολουθία). *Palaeobulgarica* 17/1, 21–36.
- Минчев, Г., 1998: Дяконската ектения и свещеническите молитви срещу природни бедствия в новите листове на Синайския евхологий. Милтенова, А., Ангушева, А. (ред.): *Медиевистика и културна антропология. Сборник в чест на 40-годишната творческа дейност на проф. Донка Петканова*. София: Мнемозина, 111–132.
- Паренти, С., 1994: Глаголический список римско-византийской литургии св. Петра (Син. глаг. 5/N.). *Palaeobulgarica* 18/4, 3–14.
- Пенкова, П., 1987: Методиево градиво в старобългарската литургична традиция. *Кирило-Методиевски студии* 4, София, 265–271.
- Пенкова, П., 2008: *Речник-индекс на Синайския евхологий*. София: Издателство АИ „Проф. Марин Дринов”.
- Пенкова, Х., Цибранска, М., 2003: Синайски евхологий. *Кирило-Методиевска енциклопедия* 3. София: Издателство АИ „Проф. Марин Дринов”, 604–614.

- Соболевский, А. И., 1900: Церковнославянские тексты моравского происхождения. *Русский филологический вестник* 43, 150–166.
- СР: Старобългарски речник. Т. I–II. Иванова-Мирчева, Д. (гл. ред.), София: БАН, 1999.
- СС: Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв). Цейтлин, Р. М., Вечерка, Р., Блахова, Э. (ред.). Москва: „Русский язык“, 1994.
- Суворов, Н. С., 1901: Вероятный состав древнейшего исповедного и покаянного устава в восточной церкви. *Византийский временник* 8, 1–96.
- Тончева-Тодорова, Хр., 2017: Старобългарският чинъ на свато богочащление. *Текстология и редакции*, Пловдив.
- Успенски 1856: Успенский, П. Второе путешествие в Синайский монастырь в 1850 году с двумя картами Синая. СПб, 1856.
- Цибранска-Костова, М., 2007: Заповѣди стѣхъ ѿць в Синайския Евхологий и западноевропейските пенитенциали. *Старобългарска литература* 37–38, 91–113.
- Цибранска, М., 2012. Из историята на изповедния чин в славянския Юг през XIV в. *Старобългарска литература* 45–46, 1–30.
- Шнитер, М., Кръпова, И, 1990: За някои текстове от византийския и славянския Евхологий през периода X–XVI в. *Старобългарска литература* 23–24, 63–76.
- Arranz, M., 1988: La liturgie de l’Euchologe du Sinai. Ferrugia, E. G., Taft, R. F., Piovesana, G. K. (eds.): *Christianity among the slavs. The Heritage of Saints Cyrill and Methodius*. (Orientalia christiana analecta, 231). Roma: Pont. Institutum Studiorum Orientalium, 15–74.
- Arranz, M., 1989: La liturgie slave du IXe siècle d’après l’euchologe slave du Sinai. Кочев, Н, Шиваров, Н. (ред.): *Международен симпозиум 1100 години от блажената кончина на св. Методий*. София: Синадално изд-во, 1989, 316–340.
- Bakker, M., 1994: The New Testament Lections in the Euchologium Sinaiticum. *Полата књигописна* 25–26, 155–212.
- Dostál, A., 1966: L’Euchologe slave du Sinai. *Byzantion* 36/1, 41–50.
- Džonov, B., 1977: Die angeblichen gotischen Entlehnungen in der altbayerischen Beichte und in St. Emmeramer Gebet. *Palaeobulgarica* 1/3, 60–89.
- Geitler, L., 1882: *Euchologium. Glagolski spomenik manastira Sinai brda*. Zagreb: JAZU.
- Frček, J., 1933: *Euchologium Sinaiticum. Texte slave avec sources grecques et traduction française*. Paris.

- Jagić, V., 1893, A. С. Павлов. Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках югославянского и русского церковного права. М., 1892 (рец.). *Archiv für slavische Philologie*.
- Hahn, J., 1953: Der Imp. rači in Euch. Sin. – Koschmieder, E., Schmaus, A. (eds.): *Münchener Beiträge zur Slavenkunde. Festgabe für Paul Diels*. München, 124–137.
- Lysaght, T., 1987: *Euchologium Sinaiticum XIth century glagolitic manuscript: English translation*. Eigenverlag. New Zealand.
- Nahtigal, R., 1941–1942: *Euchologium Sinaiticum. Starocerkvenoslovanski glagolski spomenik. 1. Fotografski posnetek*. Ljubljana, 1941, 2. *Tekst s komentarijem*. Ljubljana, 1942.
- Pantelić, M., 1985: O Kijejskim I Sinajskim listićima. *Slovo* 35, 5–56.
- Parenti, S., 1991: Influssi italo-greci nei testi eucaristici bizantini dei “Folgi Slavi” del Sinai (XI sec.). *Orientalin Christiana Periodica* 57, 145–177.
- Parenti, S., Velkovska, E., 1995: *L’Euchologio Barberini gr. 336*. (Bibliotheca Ephemerides Liturgicae. Subsidia, 80), Roma.
- Passareli, G., 1982. *L’Euchologio cryptense Г. В. VII (sec. X) (= АНАΛΕΚΤΑ ΒΛΑΤΑΔΩΝ, 36)*. Thessaloniki.
- Penkova, P., 1988: Der Beitrag Methods zu den slavischen Totenoffizien. Trost, K., Völkl, E., Wedel, E. (eds.): *Symposium Methodianum. Beiträge der Internationalen Tagung in Regensburg (17. bis 24. April 1985) zum Gedenken an 1100. Todestag des Hl. Method*. Neuried: Hieronymus, 217–228.
- Sadnik, L., Aitzetmüller, R., 1955. *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*. Heidelberg.
- Schnitter, M., Miklas, H., 1993: Kyrillomethodianische Miscellen. *Anzeiger für slavische Philologie* 22 (Festgabe für Rudolf Aitzetmüller zum 70 Geburtstag), 141–220.
- SJS: *Slovník jazyka staroslověnského*. T. 1, 1–14; T. 2, 15–24; T. 3, 25–40. Kurz, J., Hauptová, Z. (gl. ur.). Praha: Academia, 1958–1987.
- Słoński, S., 1934: *Index Verborum do Euchologium Sinaiticum*. Warszawa: Kasa im. J. Mianowskiego.
- Stankovska, P., 2000: Trojí hlholské o v Euchologiu sinajském. Ambros, P., Bauerová, H., Pojsl, M. (eds.): *Cirillomethodiana. Sborník k uctění památky Mons. Prof. ThDr. Vojtěcha Tkadlčíka*. Olomouc-Praha: Euroslavica, 125–131.
- Svane, G., 1989: *Ældere Kirkeslavisk Litteratur*. Aarhus.
- Tarnanidis, I., 1988: *The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catherine’s Monastery on Mount Sinai*. Thessaloniki: Hellenic Association for Slavic Studies.

- Tsibranska-Kostova, M., 2004: Le premier pénitentiel vieux slave “Zapovedi svetich otec” en tant que modèle de texte. *Scripta & e-Scripta* 2, 243–258.
- Vaillant, A., 1960: L’Euchologe du Sinai. Particularités de l’ange du texte. *Byzantinoslavica* 21, 75–87.
- Vašica, J., 1955: Metodějův překlad nomokanonu. *Slavia* 14, 9–14.
- Velkovska, E., 1996: *Nuovi paralleli graeci dell’ Euchologio slavo del Sinai*. (Filologia slava, 1). Roma.
- Vondrák, V., 1894: Althochdeutsche Beichtformeln im Altkirchen-slavischen und in der Freisinger Denkmälern. *Archiv für Slavische Philologie* 16, 118–132.

Summary: The Edition of *Euchologium Sinaiticum* by Rajko Nahtigal and its Meaning for Palaeoslavistics

The article summarizes the well-known information about the *Euchologium Sinaiticum* – an Old Bulgarian Glagolitic manuscript dating from the 11th century, covering its two parts: the “old” part and the more recently discovered part. The edition of the manuscript by R. Nahtigal, published in 1941–1942, is presented herein. This particular edition is said to be perfect and is also said to provide a precise, and accurate, transliteration, both comprehensive and elaborate within its commentary section. Both individual texts and groups of texts within the manuscript are observed and researched, alongside a review of surrounding research on these texts and the main scientific topics and opinions.

Key words: *Euchologium Sinaiticum*, Glagolitic alphabet, Cyrillic transliteration, edition by Rajko Nahtigal.

The Vienna Glagolitic Projects: Past and Present

*Heinz Miklas (University of Vienna), Robert Sablatnig, Simon Brenner (TU Wien), Manfred Schreiner, Federica Cappa (Academy of Fine Arts Vienna), Guadalupe Piñar, Katja Sterflinger (University of Natural Resources and Life Sciences in Vienna)*¹

The article shortly describes the pre-history and history, character and some results of three subsequent Austrian Science Fund projects engaged in the interdisciplinary analysis and edition of the Glagolitic manuscripts discovered in the great find of 1975 at St. Catherine's Monastery in the Sinai. While the first of them was still dedicated to single manuscripts, the following gradually widened their focus into a complex analysis of all Glagolitic manuscripts preserved in the Sinai and beyond. Likewise, in the current third project the scope of analysis has been extended from the core-disciplines philology, computer vision and materials chemistry also to microbiology (DNA) and conservation-restoration, providing additional insight in the origin and further fate of the manuscripts.

Key words: Glagolitic-Old Church Slavonic manuscripts, Sinai, interdisciplinary investigation

1

One of Rajko Nahtigal's greatest contributions into Slavistics doubtlessly represents his two-volume edition of the Sinaitic Euchologium (Nahtigal 1945–46).² So he would have surely been very interested in the remarkable manuscript-find of 1975 at St. Catherine's monastery, which yielded, besides many others, seven Glagolitic-Old Church Slavonic manuscripts including another part of the Euchologium! Six of these manuscripts were described and partly reproduced in Ioannis Tarnanidis' catalogue of the new Slavonic finds (Tarnanidis 1988), while one fragment was first mistaken for Ethiopian and only in 2011 identified as Glagolitic by the librarian of the monastery, father Justin.³

1 Apart from the authors responsible for the article, the following colleagues, to whom we express our sincere thanks, have so far participated at various times in the projects described here: in Vienna Velizar Sadovski; Markus Diem, Angelika Garz, Melanie Gau, Ernst-Georg Hammerschmid, Florian Kleber, Martin Lettner, Michael Melcher, Maria C. Vill; Ana Čamba, Fabian Hollaus, Dana Hümer, Wilfried Vetter, Florian Wandl; Katsiaryna Ackermann, Patricia Engel, Bernadette Frühmann; and abroad Ioannis Tarnanidis (Thessalonica), Maria Schnitter (Plovdiv), Elena Velkovska and Stefano Parenti (Rome), Catherine M. MacRobert (Oxford), Andrej N. Sobolev (St. Petersburg/Marburg), Viktor A. Baranov (Izhevsk), Tat'jana I. Afanas'eva (St. Petersburg), Nina Glibetić (Notre Dame) and Yavor Miltenov (Sofia).

2 See the articles of I. Karačorova, R. Kojčeva and L. Taseva in this volume.

3 Parts of previously known codices: *Euchologii Sinaitici pars nova* (Sin. slav. 1N), *Psalterii Sinaitici pars nova* (Sin. slav. 2N); entirely new manuscripts: *Psalterium Demetrii* (Sin. slav. 3N), *Medical Folia* (inserted in 3N), *Tropologium* ('Small *Menaem*') *Sinaiticum* (Sin. slav. 4N), "*Missale*" *Sinaiticum* (Sin. slav. 5N) and a single folio with part of the midnight liturgy, possibly belonging to a *Horologion* (Glibetić 2017).

Since Tarnanidis' work a good many palaeoslavists have been engaged in the analysis and edition of the Glagolitic finds, among them also Petra Fetková-Stankovska and C. M. MacRobert, who are contributing to this volume. We can divide the investigation-history into two parts: the early years of mere philological investigation, dedicated to single manuscripts and based almost exclusively on Tarnanidis' catalogue, and the interdisciplinary period, which has gradually widened its focus into a complex analysis of all Glagolitic manuscripts preserved in the Sinai, partly also beyond, and been based also on autoptic work with the originals and new image-material. In this article we will concentrate on the second period which led to three Austrian Science Fund projects centered in Vienna.⁴ Let us first briefly recall their history:⁵

2

The impetus of interdisciplinarity arose from the difficulties in deciphering the so-called Sinaitic Missal 5N,⁶ combined with the brand new introduction of multispectral photography into manuscript research. It was the time when the Archimedes Palimpsest Project was started in the USA (1999–2008),⁷ and two years before Dieter Harlfinger was to launch the European palimpsest project "Rinascimento virtuale" with the technical aid of the Italian company Fotoscientifica (2001–2004).⁸

Encouraged by such endeavours, H. Miklas got in touch with the head of the Codicological laboratory of the Russian National Library in St. Petersburg, Denis O. Cypkin, who had been the first to apply multispectral photography on Slavonic manuscripts.⁹ Equipped with a television (CCD) camera, a set of optical filters and the software Adobe Photoshop®, they started analysing the palimpsest-part of the Zographou-Gospel (Cod. RNL Glag. 1) and could observe such interesting details as its double ruling.¹⁰ Convinced of the great possibilities of such techniques, they worked out a concept for the establishment of a technical laboratory for the

4 "The Glagolitic Sinaitic Sacramentary (Euchologium) Manuscripts" (no. P19608 – 2007–2010; cf. <https://cvl.tuwien.ac.at/project/the-sinaitic-glagolitic-sacramentary-euchologium-fragments/>), "The Enigma of the Sinaitic Glagolitic Tradition" (no. P23133 – 2010–2014, cf. <https://cvl.tuwien.ac.at/project/the-enigma-of-the-sinaitic-glagolitic-tradition-2/>), and "The Origin of the Glagolitic Manuscripts" (no. P29892 – since 2013; cf. <https://cvl.tuwien.ac.at/project/the-origin-of-the-glagolitic-old-church-slavonic-manuscripts/>).

5 Cf. also Miklas 2008.

6 See Miklas 2000. According to our present knowledge this liturgical collection once consisted not only of the 'Missal' (or rather: Sacramentary), but also of the so-called Petersburg Služebnik (the fragments of Krylov and Uspenskij BRAN 24.4.8 & RNL, Glag. 2) as its first part; therefore, the whole collection is better to be named 'Liturgiarium Sinaiticum'. In the following, I shall stick to the name given by I. Tarnanidis, when ms. 5N is concerned only.

7 <http://www.archimedespalimpsest.org/>.

8 <http://www.rinascimentovirtuale.eu/>.

9 Continuing the significant attempts of D. P. Ėrastov, cf. Miklas & Rapp 2015:4, 11.

10 See Miklas & Rapp 2015, fig. 3.

analysis of written heritage. Since Miklas had taken up the work at the Missal (Liturgiarium) in the Balkan Commission of the Austrian Academy of Sciences, they proposed it to the vice-president of the Academy, who immediately promised to support it. Yet, the secretary general saw himself unable to sacrifice the million Austrian shillings they had estimated and advised Miklas to found an association instead. Thus, after another year of preparation, the Vienna Archaeographic Forum (WAF) was established in 2002.

As we noted on its homepage,¹¹ the major goal of our association lies “in the initiation and implementation of interdisciplinary research projects, which shall be followed in due course by appropriate training courses”. This dictum we followed right from the beginning, even if it took a while to succeed. Because our first, large-scale project, which we proposed to the Austrian Science Fund in 2004,¹² was surely planned excellently, but nevertheless failed because of one of the reviews. So we divided it into several single projects, which were launched in the following years, among them the first two Glagolitica projects that went under way in 2007 and 2010, respectively.

Their successful run enabled us to receive a starting grant from the Austrian Federal Ministry of Science and Research and in 2014 to found the Centre of Image and Material Analysis in Cultural Heritage, short CIMA.¹³ Currently, CIMA forms the basis of our third Glagolitica project, which started in March 2017.

3

Structure and aims: All the mentioned projects including CIMA bring together the expertise of three disciplines from three universities: philology from the University of Vienna, computer science from the Computer Vision Lab (CVL) of the TU Wien and materials chemistry from the Institute of Science and Technology in Art (ISTA) at the Vienna Academy of Fine Arts Vienna. For certain specific tasks we are co-operating with colleagues from other Austrian and foreign institutions. Thus, since the beginning our internet editions have been handled by our Izhevsk colleagues under the lead of Victor A. Baranov,¹⁴ and in our new project microbiologists from the Department Biotechnology at the University of Natural Resources and Life Sciences in Vienna (BOKU) and a conservation-restoration expert from the Danube University of Continuing Education, Krems/Austria take part in order to widen our possibilities.¹⁵

11 <https://waf.cvl.tuwien.ac.at/>.

12 Shortly described in Miklas 2004, cf. http://conf.evarussia.ru/eva2004/eng/reports/report_211.html.

13 <http://www.cima.or.at> and <https://hrsm.cvl.tuwien.ac.at/>.

14 On the platform *Manuskript*, see http://mns.udsu.ru/mns/portal.main?p1=55&p_lid=2&p_sid=1.

15 See the details on <https://hrsm.cvl.tuwien.ac.at/team/>.

While the philologists have been mainly engaged in the codicology, palaeography, textology and the editing of the sources, our technical research is in the fields of imaging, image processing and -analysis as well as in the non-invasive analysis of the materials used for the production of the manuscripts.

When you tackle such a venture, you have to have a vision and you must develop a certain working philosophy. Our vision was outlined on the 2004 EVA-conference (Miklas 2004) as a scenario in which the investigation of written heritage will be

- done almost exclusively based on images;
- enabled or improved by special recording-methods;
- more exhaustive, precise, better objectivizeable and less time consuming via automated image analysis; and
- executed with a set of tools which can be applied also by humanity-scholars after a learning-process.

Even if our tools have meanwhile grown considerably, our philosophy has not changed; thus, we are still following four principles:

- (1) harmlessness: The analyses must not harm the objects, neither in the process nor after the investigation;
- (2) mobility: Since the sources are usually preserved in places from where they cannot or must not be removed, the technical instruments we use or develop must be easily transferable;
- (3) rapidity and economy: The application of our instruments must be as quick – and therefore cheap – as possible, without lessening the quality of the analyses. Usually this implies a maximum simplicity of the construction;
- (4) robustness and reliability: This can best be illustrated by the sentence “What we need is a Jeep which works under any condition, not a Ferrari which can only be used under ideal conditions.”

Now let us turn to practice.

3.1

Philology:¹⁶ The philologists propose the objects of investigation, supervise the work, discuss solutions for the technical tasks with the scientists and execute the philological analysis of the sources. We will return to some results at the end.

16 Cf. our previous report on CIMA in Miklas & Rapp 2015.

3.2

*Computer Vision:*¹⁷ Here we are focusing on three major areas – Imaging and Image Processing and Automated Document Analysis. Most important for the examination of the Glagolitic sources, which are partly preserved in a bad condition and predominantly contain palimpsests, has been the digital restoration and readability enhancement via multispectral imaging (MSI) and post-processing. MSI means taking images in various narrow spectral bands which can then be combined in various constellations and further developed.¹⁸ For this purpose a mobile acquisition-system has been established, which can be surrounded by a black tent. Figure 1 shows the system and the range we are using presently – 11 bands reaching from Ultra Violet to Near Infrared (365 to 940 nanometers). For the 365nm illumination, a fluorescence image is acquired additionally to the reflectography image. For specific objects, for instance written with carbon ink or darkened by various influences, we use a special infrared camera called “Osiris” (by Opus Instruments¹⁹). Contrary to our American EMEL colleagues (<http://emel-library.org/>) who are working with a higher amount of photographs, but only one camera, we usually use two, an achromatic for MSI²⁰ and a normal R(ed)G(reen)B(lue) camera to produce also true color pictures and color-separated UV fluorescence images. This is important for three reasons, one of them being that the scholars engaged with them get a “natural” impression of the object; another concerns the production of true color print editions, while the third is to bridge minor gaps within the chosen MSI-range by the wide and uninterrupted range of the RGB-camera under broad-band illumination.

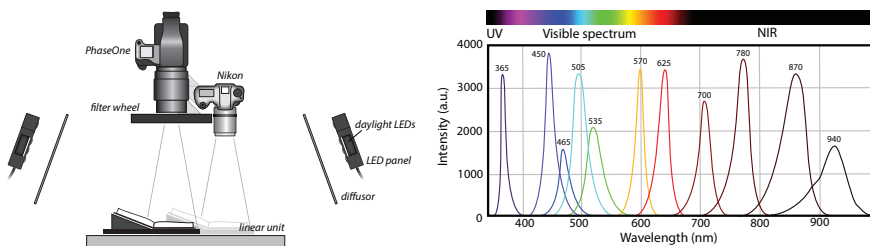

Fig. 1: MSI-setup and wavebands used presently. The image on the right has been created by Bill Christens-Barry (Equipoise Imaging) and has been modified by the authors of the actual work.

¹⁷ Cf. already Sablatnig, Hollaus, Čamba 2015 with further details.

¹⁸ See, e.g., Hollaus, Gau et al. 2015 and Miklas, Brenner, Sablatnig 2017.

¹⁹ <https://www.opusinstruments.com/products/osiris-camera/>.

²⁰ Presently a PhaseOne IQ260 achromatic camera with a resolution of 8984 x 6732 pixels.

The processing-part can best be outlined in illustrations: First, the images have to be aligned to each other or “registered” (Figure 2).

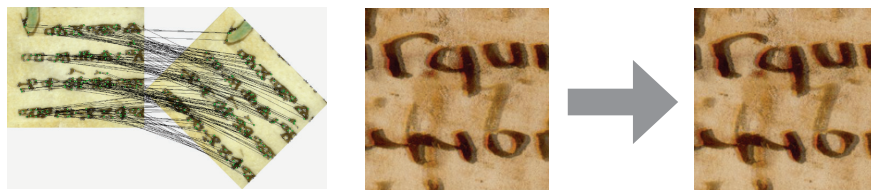

Fig. 2: Coarse Registration – Scale-Invariant Feature Transform (SIFT) based approach (left). Fine Registration – Modality Independent Neighbourhood Descriptor (MIND) approach from medical image processing (right).

Then dimensionality reduction techniques separate different text-layers or segment parts of interest. Finally, mere visual methods can be applied such as pseudo-coloring, in order to further enhance the readability (Figure 3).

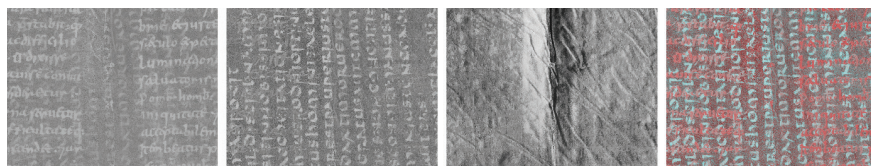

Fig. 3: Layer-separation of a palimpsest (from left to right: overtext, undertext, support) and pseudo-color image.

In the case of the Missal the improvement of techniques led to three stages of readability that caused us to decipher its text three times!²¹

Especially in the first project our computer scientists, urged by the philologists, invested much energy in the development of graphemic tools which were combined in a Tool Box for Manuscript Research (Gau, Vill et al. 2010, Figure 4). Now they are concentrating on subjects such as scribe identification and OCR software.²²

21 Cf. Miklas & Rapp 2015, Fig. 2, showing the first and the last stage and the results of the decipherments.

22 See, e.g., Diem, Fiel et al. 2014, Hollaus, Diem, Sablatnig 2014 and Sablatnig, Hollaus, Čamba 2015.

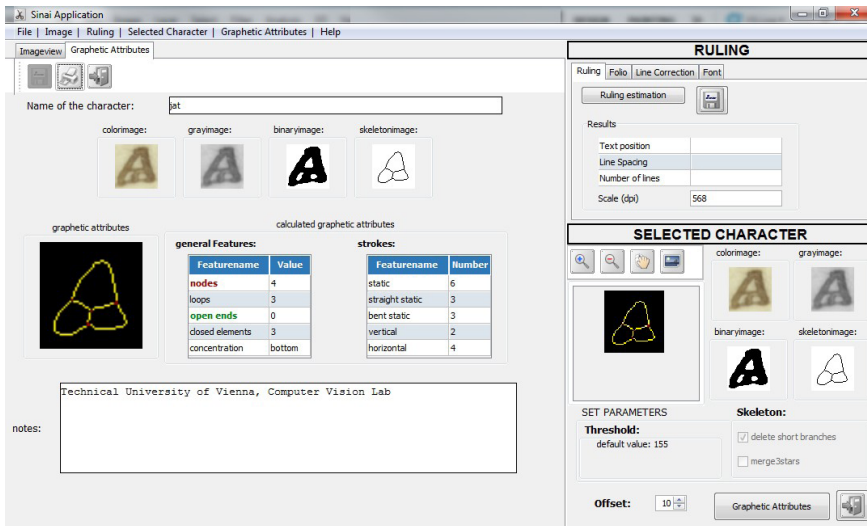

Fig. 4: Tool Box for Manuscript Research – Graphetic character-calculation and Ruling analysis.

3.3

*Material Analysis.*²³ The material analysis concerns the support (so far usually parchment), the inks, pigments, dyes and the binding media used for the manuscript production. After starting with a self-built XRF instrument,²⁴ CIMA now applies, depending on the object and the situation, two to four complementary spectroscopic methods in order to analyze the chemical elements and compounds: the compulsory X-ray fluorescence analysis (XRF), Fourier Transform InfraRed analysis in the reflection mode (rFTIR), and, in addition, either Raman or UV-vis spectroscopy.²⁵ Figure 5 shows the old and the new XRF apparatus, Figure 6 the Raman and rFTIR spectrometers presently used.

²³ Cf. already Schreiner, Vetter, Frühmann, Cappa 2015 with further details.

²⁴ See Schreiner, Vetter et al. 2015, Fig. 1-3.

²⁵ See Frühmann, Cappa et al. 2018.

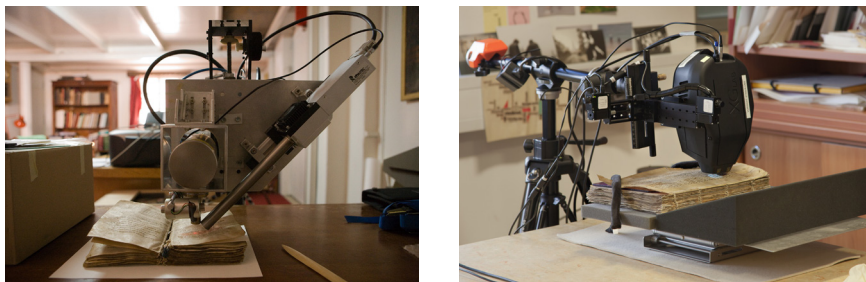

Fig. 5: The self-built XRF spectrometer with the Sinai Psalter in St. Catherine's Monastery (left) and the instrument ELIO (XGLab, Milano, Italy) measuring the Cod. Suprasliensis in the restoration department of the Slovenian State and University Library, Ljubljana (right).

Fig. 6: The rFTIR-system Alpha (Bruker Optics, Ettlingen, Germany) (left) and the Raman spectrometer (Enwave Optronics, USA) at the Austrian National Library, Vienna (right).

These analyses serve three coherent aims: first they lead (paradigmatically) to the chemical identification of the materials (e. g. elemental composition) (Figure 7); secondly, the comparison of the data help (syntagmatically) to determine relationships between objects and contribute to their dating and localization; and thirdly, the results yield a better understanding of certain degradation or alteration phenomena we observe on the objects; thus, for instance, the enigma of the “white” ink in the Sinaitic Missal 5N (Figure 8).²⁶

²⁶ Cf. also the clear example in Miklas & Rapp 2015, Fig. 4.

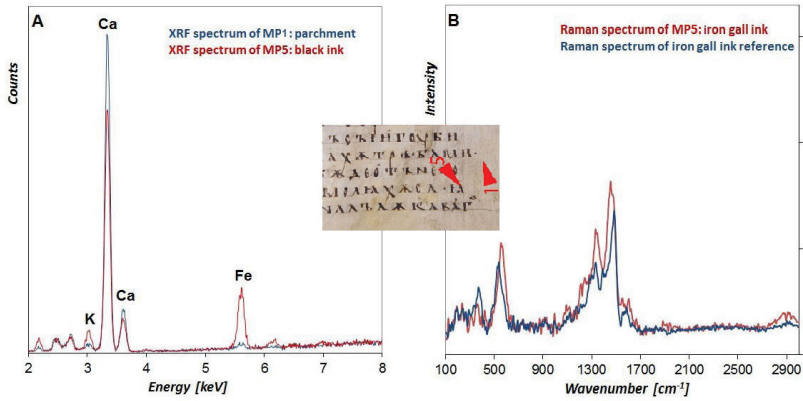

Fig. 7: XRF- and Raman from the parchment and the brown/black ink of a folio in the Cod. Suprasliensis (Ljubljana-part) indicating the presence of iron gall ink applied in the text.

Fig. 8: “White ink” in the Sinaitic Missal 5N.

Thus, some 90 important objects from various traditions (beyond Glagolitic and Cyrillic Old Slavonic also Greek, Latin, Gothic, Old High German, Armenian, Georgian, Nubian, Aramaic, Hebrew, and Ottoman sources) have already been partly or fully imaged, of which about 60 have also been examined by material analysis.

Recently, our microbiologists have started analyzing the DNA (metagenome) of the parchment, which includes the DNA of the animal skin, but also living organisms thriving on the parchment, as bacteria, fungi and viruses. In the case of the Missal they have been able to confirm that the skin is coming from sheep. In it they detected a virus infecting a plant called “Taro” (*Colocasia esculenta*); which was probably first native to Malaysia, then cultivated in tropical India and from there shipped to ancient Egypt. Its high anthocyanine concentration made it possible to be used for inks. This raises the question whether some of the Missal’s inks was composed of anthocyanines gained from Taro, as it was a common plant in Egypt?²⁷ These and other interesting results show completely new possibilities of tracing the provenance and fate of a manuscript!

Therefore, we are presently trying to include analyses of stable isotopes of the parchment collagene, too.²⁸ Naturally, the DNA analyses have been done systematically yet, because (except for the new rubbing method applied for DNA-sampling²⁹) sampling of such precious objects is not allowed only micro samples which are either completely loose or on the verge of breaking off from the folios can be collected.

4

In the end let us return to the Glagolitic manuscripts and add some general results of our investigations: While the first historical hint to the presence of Slavs in the Orient comes from Cosmas’ *Treatise against the Bogomils*,³⁰ the manuscripts of St. Catherine’s library indicate that Slavic pilgrimage to the Christian East must have started about one or two generations earlier in the first half of the 10th century. Presently, we count 81 Slavic manuscripts (at least 84 units) there, 41 (43 units) of which were discovered in 1975; but there are many more scattered over different libraries, such as the Russian National Library in St. Petersburg, the Vatican Apostolic Library, the French National Library in Paris and the Ukrainian National

27 Cf. Grimaldi, Muthukumaran, Tozzi et al. 2018.

28 Such an approach has recently been introduced by our Moscow colleagues under the guide of Elena Ukhanova (State Historical Museum), see Ukhanova & Bogomolov (forthcoming).

29 I.e. the York method, applied successfully for genome analyses, cf. Teasdale, Fiddyment, Vnouček et al. 2017.

30 “... But others who do not go and get shorn according to the law leave for Jerusalem, others again for Rome and other cities, and (thus) exhausting themselves return home (and) deplore the terrible effort ...”, cf. the Old Church Slavonic text in Begunov (1973:351).

Library in Kiev. If we include two well known *membra disiecta* – the Kiev Folia and the Codex Assemanianus – as well as the Sinaitic Glagolitic palimpsests preserved in the Cyrillic Cod. 39 of the old collection³¹ and the so-called Petersburg Oktoich in the fascinating Sinai Miscellany (relevant part: RNL Q.p.I.64³²), 11 of them are written in Glagolitic, the rest in the Cyrillic script. The bordering line between them runs almost exactly along the turn of the 11th/12th centuries.

With the aid of a new, graphemic dating and localization method³³ we can group these Glagolitic manuscripts (here I skip all unidentified or/and undeciphered palimpsests) and their scribes as follows:

- (1) First comes the Kiev Sacramentary, written by two scribes from the area of the former Moravo-Pannonian Empire (then by all likelihood Hungary) around 925-935³⁴ and supplemented by Demetrius approximately in the last decade of the 11th century (cf. sub 4); then follow
- (2) the Aprakos Gospel of Assemani, written by two scribes from Western Bulgaria, the main scribe belonging approximately to the years 986-1006, the complementary scribe to the third quarter of the 11th century;³⁵
- (3) the two liturgical collections Euchologium and Liturgiarium Sinaiticum, written by the probably East Bulgarian scribe in the 1020ies and 1030ies, respectively, the latter with two additions from the third quarter of the 11th century and the end of the 11th century by scribes from the Western Balkans, one of them to be identified with Demetrius;³⁶
- (4) the newly identified folio, recently edited by Nina Glibetić as probable part of a horologion (Glibetić 2017), from the beginning of the 11th century, and a tropologion- or menaion-fragment from the 1080ies (Miklas, Hürner, Gau 2012), both composed by single scribes³⁷ most likely from Duklja (today's Montenegro). Also of the same origin seems to have been Demetrius, whose additions to the Kiev Folia, the Liturgiarium and the Psalter 3N are mentioned sub 1, 3 and 6;
- (5) the Medical Folia, a small fragment with medical prescriptions from the middle of the 11th c., obviously written by a scribe from Istria (Miklas et al. 2012);
- (6) the Psalterium Sinaiticum, written by 11 hands in the second decade of the 11th century,³⁸ and the Psalter of Demetrius 3N, written by four scribes in the

31 See Altbauer & Mareš 1981, Schaeken & Birnbaum (1999:104).

32 See SK XIII, 276–277 (no. 305) and Schaeken & Birnbaum (1999:125).

33 Cf. Miklas & Hürner 2015a and Miklas 2017.

34 Cf. Hürner 2010 with literature.

35 Cf. only Schaeken & Birnbaum (1999:98–100).

36 Scribes B (Demetrius) and C, cf. Miklas (2000:123–125).

37 A correction by another hand on the verso-side of the Horologion fragment is too short to be estimated properly.

38 Cf. also Fetková 2000 with literature.

- third quarter of the 11th century³⁹ (for its later entries cf. sub 4⁴⁰), most of them originating from different parts of Dalmatia,
- (7) and finally the Aprakos Gospel palimpsest of Cod. Sin. 39 and the Petersburg Oktoechos palimpsest, written probably by one hand each in the second half and the end of the 11th century,⁴¹ respectively.

In an attempt to reconstruct the Glagolitic manuscript production of St. Catherine's, we have divided these manuscripts into three categories: (a) those which were definitely written in the Sinai,⁴² (b) those which were very likely written there,⁴³ and (c) others for which a Sinaitic provenance cannot yet be proven for a too limited amount of criteria or seems rather unlikely. General 'Sinaitic' criteria are (beyond the place, where they were discovered):⁴⁴

- one or more palimpsest-layers and/or other traces of material shortage,
- liturgical content,
- Western influences (especially in the content, but also in palaeography etc., cf. Miklas & Hürner 2015),
- similar small measures,
- a comparatively modest outfit,
- and, especially in larger codices, the combination of different scribes and orthographies.

More specific criteria can derive from the codicology, content, secondary entries, etc.

Taken together, out of the 11 Glagolitic manuscripts nine to ten⁴⁵ are likely to have been written in the Sinai, containing parts of some 22 different scribes, plus about 10 hands who corrected or added secondary entries. So we have to do with approximately 32 Slavs who lived and worked in St. Catherine's or nearby, and one or two more to whom we may attribute a donation of a manuscript. While most of these scribes have remained anonymous, an exception represents Demetrius, who

39 See the facsimile edition in Miklas et al. 2012; a critical edition is to appear soon.

40 Furthermore, we observe a Latin minuscule-abcendarium by another, Western hand on fol. 2r.

41 According to earlier estimations (cf. the literature in fn. 30). The fragmentary material of the two texts is insufficient for a proper dating and localization by the given method.

42 This applies at least to the Liturgiarij, the two Psalters, the Horologion fragment and the Oktoechos-palimpsests as well as the later additions of Demetrius.

43 To this group belong the Kiev Folia, the Medical Folia, the Sinaitic Gospel-palimpsest and probably also the Menaion fragment.

44 Cf. already Miklas (2011:40–45).

45 All but the Sinaitic Euchology and the Assemani-Gospel, whose traits are to be further studied. So far, its ('Syriac') textology, remarkable artistic make-up, no less characteristic appearance of the rare 'Sunny Cher' (presently studied by Inna Dimitrova, Sofia, in her doctoral thesis), which unites it with the Sinaitic Psalter and Demetrius' Glagolitic abcendarium in the Medical Folia, and newly discovered palimpsest-traces seem to be the only tokens of a possible Oriental origin. What speak against it, are its splendid calligraphy and making; but, on the other hand, even in present state the Liturgiarij looks very handsomely, too!

deposited his name and a most remarkable prayer-cycle with a tripartite Latin-Greek-Glagolitic abecedarium in the Psalter named after him and added texts and notes in two more, the Kiev Folia and both parts of the Liturgiarius (cf. Hürner 2010, Miklas 2014). From his (Cyrillic) commemoration list in its Petersburg fragment it can be concluded that he belonged to a group of adherents of Saint Romuald of Ravenna, the founder of the Camaldolese, who had spent several years on Istria and founded or renewed the monastery of Michael the Archangel and others there.⁴⁶

As indicated above, at least seven of the Glagolitic sources contain or happen to be palimpsests; apart from the so-called Sinaitic Palimpsest and Petersburg Oktoechos, remnants of underlayers have been discovered in the Sinaitic Psalter and Missal, the Medical Folia, while in Demetrius' Psalter and in the Codex Assemanianus (Figure 9) only weak traces point to a former use.

Fig. 9: Probable palimpsest-folios in the Codex Assemanianus (Vat. slav. 3).

While in four recognizable cases we have to do with one or two (Glagolitic) underlayers, in the case of the Medical Folia we observe altogether three – a Latin, a Cyrillic (or Greek) and a Glagolitic! It does seem significant that one of them (so far tentatively identified with the Latin layer) also contains two miniatures, probably showing St. Michael the Archangel and the Theotokos eleousa.⁴⁷

46 For the whole, vast complex see Miklas, Gau, Hürner (2016:43-68).

47 Cf. Miklas 2018 (forthcoming).

Literature

- Altbauer, M., Mareš. F. W., 1981: Das Palimpsest-Fragment eines glagolitischen Evangeliums im Codex sinaiticus 39 – ein neues altkirchenslavisches kanonisches Denkmal. *Wiener slavistischer Almanach* 7, 253–258.
- Begunov, Ju. K., 1973: *Kozma Presviter v slavjanskich literaturach*. Sofija: BAN.
- Diem, M., Fiel, S., Kleber, F., Sablatnig, R., Saavedra, J., Contreras, D., Barrios, J., Oliveira, L., 2014: ICFHR 2014 Competition on Handwritten Digit String Recognition in Challenging Datasets (HDSRC 2014). Proceedings of the 14th International Conference on Frontiers in Handwriting Recognition (ICFHR). Crete Island, Greece: IEEE, 779–784.
- Fetková, P., 2000: Die Schreiber des neugefundenen Teils des Psalterium Sinaiticum. *Glagolitica - Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur* (ÖAW, Phil.-hist. Kl., Schriften der Balkan-Kommission, Philologische Abt. 41), Wien: ÖAW, 109–116.
- Frühmann, B., Cappa, F., Vetter, W., Schreiner, M. 2018: Three Complementary Non-Invasive Methods Applied to Mediaeval Manuscripts. *Manuscript Cultures* 11, 97–107.
- Gau, M., Vill, M. C., Kleber, F., Diem, M., Miklas, H., Sablatnig, R., 2010: *A Toolbox for Manuscript Analysis. Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology (CAA)*. Making History Interactive. Williamsburg (VA): Archaeopress, 86–92.
- Glibetić, N., 2017: A New 11th Century Glagolitic Fragment from St Catherine's Monastery. The Midnight Prayer of Early Slavic Monks in the Sinai. *Arheografski prilozi* 37, 11–47.
- Grimaldi, I. M., Muthukumaran S., Tozzi G., Nastasi A., Boivin N., Matthews P. J., Van Andel, T. et al., 2018: Literary evidence for taro in the ancient Mediterranean: A chronology of names and uses in a multilingual world. *PLoS ONE* 13(6): e0198333 (<https://doi.org/10.1371/journal.pone>).
- Hollaus, F., Diem, M., Sablatnig, R., 2014: Improving OCR Accuracy by Applying Enhancement Techniques on Multispectral Images. In: Proc. of the 22nd International Conference on Pattern Recognition (ICPR 2014). *IEEE*, 3080–3085.
- Hollaus, F., Gau, M., Sablatnig, R., Christens-Barry, W. A., Miklas, H., 2015: Readability Enhancement and Palimpsest Decipherment of Historical Manuscripts. *Kodikologie und Paläographie im digitalen Zeitalter 3/Codicology and Palaeography in the Digital Age 3*, hrsg. von O. Duntze, T. Schaßan und G. Vogeler unter Mitarbeit von B. Assmann, J. Puhl und P. Sahle (Schriften des Instituts für Dokumentologie und Editorik 10). Norderstedt: Books on Demand, 31–46.

- Hürner, D., 2010: *Paläographie und Graphematik der westkirchenslavisch-glagolitischen Kiever und Prager Blätter im Kontext der sinaitischen Tradition unter besonderer Berücksichtigung der Einträge des Demetrius Sinaiticus*. PhD-Diss. Vienna University (http://othes.univie.ac.at/13004/1/2010-12-11_0509444.pdf).
- Miklas, H., 2000: Zur editorischen Vorbereitung des sog. Missale Sinaiticum (Sin. slav. 5/N). *Glagolitica - Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur* (ÖAW, Phil.-hist. Kl., Schriften der Balkan-Kommission, Philologische Abt. 41), Wien: ÖAW, 117–129, XV–XVI.
- Miklas, H., 2004: Analysis of Traditional Written Sources with the Aid of Modern Technologies, in: *EVA 2004 Moscow Conference – Nov. 29th-Dec. 04th, 2004* (http://conf.evarussia.ru/eva2004/eng/reports/report_211.html).
- Miklas, H., 2008: Zum Gang der Erforschung der glagolitischen Neufunde im Katharinenkloster auf dem Sinai. Moskovich, W., Nikolova, S., Taube, M. (eds.): *The Holy Land and the Manuscript Legacy of Slavs (Jews and Slavs T. 20)*. Jerusalem/Sofia: Hebrew University of Jerusalem & Bulgarian Academy of Sciences, 48–59, 372.
- Miklas, H., 2011: Mount Sinai and the Cyrillo-Methodian Heritage. Nichōritēs, K., Evangelou, E., Athanasiadēs, A. (eds.): *Sparagmata Byzantinoslabikēs Klēronomias. Charistērios Tomos ston Omotimo Kathēgētē Iōannē Chr. Tarnanidē*. Thessaloniki: Ekdotikos Oikos Adelphōn Kyrianidē, 35–53.
- Miklas, H., 2014: Sinajskaja glagoličeskaja psaltyr' Dimitrija. *Starobālgarska literatura* 49-50, 11-27.
- Miklas, H., 2017: The Graphemic Coordinates of the Old Church Slavonic Glagolitic Horologion Fragment from Sinai. *Palaeobulgarica* 41/3, 3–18.
- Miklas, H., 2018 (forthcoming): 'Excavating' the Slavonic Palimpsests in the New Sinaitic Finds. Rapp, C. et al. (eds.): *New Light on Old Manuscripts: Recent Advances in Palimpsest Studies*. Contributions to the Intern. Conference held in Vienna in May, 2018. Vienna.
- Miklas et al. 2012: *Psalterium Demetrii Sinaitici (monasterii sanctae Catharinae codex slav. 3/N), adiectis foliis medicinalibus*. Ad editionem phototypicam praeparaverunt M. Gau, D. Hürner, F. Kleber, M. Lettner, H. Miklas sub redactione H. Miklas. Cum praefationibus sacri monasterii atque Ioannis Tarnanidae (Glagolitica Sinaitica 1). Wien: Holzhausen.
- Miklas, H., Hürner, D., 2015: Westliche Elemente in den sinaitischen glagolitischen Handschriften. Badurina Stipčević, V., Požar, S., Velčić, F. (red.): *Hrvatsko glagoljaštvo u Europskom okružju*. Zbornik radova Međunarodnoga znanstvenoga skupa povodom 110. obljetnice Staroslavenske akademije i 60.

- objetnice Staroslavenskoga instituta Krk, 5. i 6. listopada 2012. Zagreb: Staroslavenski institut, 301–320.
- Miklas, H., Hürner, D., 2015a: A Numerical Approach for Dating and Localising Glagolitic-Old Church Slavonic Documents on Graphemic Grounds. *I. A. Boduën de Kurtenè i mirovaja lingvistika (V Boduënovskie čtenija)*. Meždunar. konferencija. Kazanski federal'nyj universitet, 12-15 oktjabrja 2015 g. Trudy i materialy. / *J. Baudouin de Courtenay and Worldwide Linguistics*. Intern. Conference. Kazan Federal Univ., Oct., 12-15, 2015. Proceedings. Vol. 1. Pod obščej red. K. P. Galiullina, E. A. Gorobec, G. A. Nikolaeva. Kazan': Izdatel'stvo Kazansk. univ., 14-23(http://libweb.kpfu.ru/publication/papers/Baudouin/Baudouin_2015_1/Baudouin_2015_1_014_023.pdf).
- Miklas, H., Gau, M., Hürner, D., 2016: Preliminary Remarks on the Old Church Slavonic Psalterium Demetrii Sinaïtici. Kulik, A., MacRobert, C. M., Nikolova, S., Taube, M., Vakarelijska, C. M. (eds.): *The Bible in Slavic Tradition*. Leiden/Boston: Brill, 21–88.
- Miklas, H., Hürner, D., Gau, M., 2012: Nachträge zum glagolitisch-altkirchenslavischen *Menaëum Sinaïticum* (Cod. Sin. slav. 4/N). *Bibleistika. Slavistika. Rusistika* 2011 (FS for Anatolij Alekseev). Sankt Peterburg, 187–210. (<https://drive.google.com/open?id=0BwBejXXryRcRZkZaTDA0WTZpZWw&authuser=0>).
- Miklas, H., Rapp, C., 2015: The Centre of Image and Material Analysis in Cultural Heritage (CIMA) in Vienna and its Present Activities. Part I: Introduction and Philology. *Palaeobulgarica* 39/1, 3–17.
- Miklas, Ch. (=H.), Brenner, S., Sablatnig, R., 2017: Mul'tispektral'naja s'emka dlja cifrovoj restavracii drevnich rukopisej: ustrojstva, metody i praktičeskie aspekty. *Istoričeskaja informatika* 2017, no. 3, 116–134 (DOI: 10.7256/2585-7797.2017.3.23697; ULR: http://e-notabene.ru/istinf/article_23697.html).
- Nahtigal, R., 1941-42: *Euchologium Sinaïticum: starocerkenoslovanski glagolski spomenik* (Dela, 1; 2). Ljubljana: Akademija znanosti in umetnosti.
- Sablatnig, R., Hollaus, F., Čamba, A., 2015: The Centre of Image and Material Analysis in Cultural Heritage (CIMA) in Vienna and its Present Activities. Part II: Computer Vision. *Palaeobulgarica* 39/1, 18–28.
- Schaeken, J., Birnbaum, H., 1999: *Die altkirchenslavische Schriftkultur. Geschichte – Laute und Schriftzeichen – Sprachdenkmäler (mit Textproben, Glossar und Flexionsmustern) (Altkirchenslavische Studien II)* (Slavistische Beiträge 382). München: O. Sagner, 1999.
- Schreiner, M., Vetter, W., Frühmann, B., Cappa, F., 2015: The Centre of Image and Material Analysis in Cultural Heritage (CIMA) in Vienna and its Present Activities. Part III: Material Analysis. *Palaeobulgarica* 39/1, 29–38.

- SK XIII: Šmidt, S. O. (main red.): *Svodnyj katalog slavjano-russkich rukopisnykh knig, chranjaščichsja v SSSR XI-XIII vv.* Moskva: Nauka, 1984.
- Tarnanidis, I., 1988: *The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St Catherine's Monastery on Mount Sinai.* Thessaloniki: St. Catherine's Monastery at Mount Sinai and Hellenic Association for Slavic Studies.
- Teasdale, M. D., Fiddymment, S., Vnouček, J., Mattiangeli, V., Speller, C., Binois, A., Carver, M., Dand, C., Newfield, T. P., Webb, C. C., Bradley, D., Collins, M. J., 2017: The York Gospels: a 1000-year biological palimpsest. *R. Soc. open sci.* 4: 170988 (<http://dx.doi.org/10.1098/rsos>).
- Ukhanova, E., Bogomolov, E., 2018 (forthcoming): Isotopic analysis ($^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$, $^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$, $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$) as a tool for the localization of medieval manuscript parchment: first results. *El'Manuscript 2018.* International Conference on Textual Heritage and Information Technologies, Vienna and Krems, 14-18 September 2018.

Acknowledgements

The authors express their gratitude to the Austrian Science Fund (FWF) for the financial support of the project “The Origin of the Glagolitic-Old Church Slavonic Manuscripts” (no. P29892), in the framework of which the article was composed.

We are sincerely obliged to the Monastery of the God-trodden Mount Sinai and all other depositories mentioned for the kind permission and support of our work with their manuscripts.

Special thanks go to professor Ioannis Tarnanidis from Thessalonica, who has not only given us the opportunity to continue his work, but also granted us his help in words and deeds.

Unless otherwise stated, all images were made within the projects described (© CIMA).

Povzetek: Dunajski glagolski projekti: preteklost in sedanjost

V članku so prikazani trije zaporedni interdisciplinarni projekti, ki jih je finančno podprl Avstrijski znanstveni sklad (FWF). Ukvarjajo se z najdbami starocerkvenoslovanskih glagolskih rokopisov na Sinaju leta 1975 in njihovim pomenom za celotno glagolsko tradicijo (Rokopisi glagolskega sinajskega sakramentarja /Euchologium/, 2007–2010, Enigma sinajske glagolske tradicije, 2010–2014 in Poreklo glagolskih rokopisov, od leta 2017 naprej). Delo se je začelo kot sodelovanje treh skupin: filologov z Inštituta za slavistiko Dunajske

univerze, računalniških strokovnjakov iz Computer Vision Lab na TU Wien in kemikov-fizikov z Inštituta za znanost in tehnologijo Akademije za likovno umetnost na Dunaju. Da bi se razširile možnosti znanstvenega raziskovanja, so se trenutnemu projektu pridružili člani naslednjih dveh inštitutov: mikrobiologi z Oddelka za biotehnologijo Univerze za naravne vire in znanosti o življenju na Dunaju (BOKU) ter strokovnjak za konzerviranje in restavriranje z Univerze za nadaljnje izobraževanje v Kremisu (Avstrija).

Medtem ko je glavni cilj filološko raziskovanje in izdajanje novih glagolskih rokopisov ter študij njihovega zgodovinskega in kulturnega konteksta, so bili znanstveniki naravoslovci vključeni z namenom zagotavljanja ohranitve rokopisov in besedil (vključno s palimpsesti) v slikah na eni strani ter razvoja tehnik in orodij za snemanje, konzerviranje ter restavriranje in analizo pisnih virov, s katerimi naj bi dopolnili in podprli filološke študije, na drugi strani. Tako je metodologija znanstvene obravnave razdeljena na naslednje naloge:

1. Pridobivanje slike: Ker se rezultati uporabe fotografske tehnike v navadni svetlobi izkazujejo pri danih rokopisih za nezadostne, se uporablja multispektralno slikanje, ki je postalo močno orodje pri znanstveni analizi in dokumentaciji starih rokopisov z »latentnimi« besedili (npr. palimpsesti).

2. Analiza slike: Po snemanju je treba digitalne slike registrirati in analizirati. Pripravljalni koraki obdelave, ki povečujejo berljivost besedila in pripravijo slike za transkripcijo, interpretacijo in restavriranje, so glavni del tehnične analize slike.

3. Analiza materiala: Za dokončanje celovitega opisa rokopisov, pomoč pri ustrezni dataciji in lokalizaciji je treba analizirati material rokopisov. Od začetka je to nalogo opravljala elementarna analiza ISTA z uporabo rentgenske fluorescencence (XRF), skupaj s specifičnimi metodami za analizo spojin, kot so infrardeča spektroskopija s Fourierovo transformacijo (rFTIR), Ramanska spektroskopija in UV-VIS spektrometrija pergamenta, črnih, pigmentov, barvil itd.

Strokovnjaki za konzerviranje in restavriranje zdaj dopolnjujejo raziskave in jih poglobljajo z mikrobiološko analizo DNK in z analizo specifičnih lastnosti pergamentne strukture (npr. iz izginulega besedila), veznega materiala itd. Vzajemno delovanje različnih raziskav omogoča, da pridemo do novih odkritij, in prispeva k razvoju novih metod, ki so lahko koristne za raziskovanje kakršnihkoli predmetov pisne dediščine.

Ključne besede: glagolski starocerkvenoslovanski rokopisi, Sinaj, interdisciplinarne raziskave

Гръцко-славянските корелати в Синайския евхологий в контекста на преводната книжнина от IX–XI век

Лора Тасева

Българска академия на науките, София

Статията предлага един специфичен ракурс към словното богатство на Синайския евхологий. Съпоставят се славянските съответствия в него на гръцките думи, започващи със σ , с тези в още десет преводни паметника от IX–XI в. Въз основа на количествения анализ на данните се установяват сходства и различия в преводаческия избор за едни и същи гръцки думи в различните текстове. Предлагат се обяснения за изведените констатации. Представят се гръцко-славянските корелати, засвидетелствани единствено в Синайския евхологий.

Ключеве слова: старобългарски преводи, гръцко-славянски лексикални корелати, преводачески избор

Синайският евхологий (нататък *ESin*) заслужено се радва на вниманието на учените вече повече от век и половина. Не са много ръкописите, които могат да се похвалят с толкова издания (Geitler 1882; Frček 1933; Nahtigal 1941–1942; Lysaght 1987; Tarnanidis 1988), изследвания¹ и лексикографски описания (Słoński 1934; Пенкова 2008), и които същевременно оставят толкова много отворени въпроси за бъдещи проучвания. Причините за това могат да се потърсят в различни посоки: в неговата старинност, защото той един от най-ранните славянски глаголически кодекси; във факта, че архетипът му, възходящ към края на IX в., е пряко свързан с Кирило-Методиевата дейност в Моравия; в сложния му състав, включващ текстове, нехомогенни не само по време и място на възникване, но и по езикова принадлежност на техните оригинали – гръцки, латински, старобаварски; в предизвикателствата, които поставят новооткритите му части (Tarnanidis 1988; Schnitter, Miklas 1993) и напоследък издирените гръцки паралели и др. (Ševčenko 1982; Arranz 1988, 1989, 2000; Parenti 1988, 1991, 1997; Минчев 1998; Velkovska 1995, 1996; Велковска 2000; Афанасьева 2005б и др.)

В началото на тази статия бих искала да припомня част от научния контекст, засягащ нейната тема. Относно възникването на прототипа на *ESin* в науката е приета следната относителна хронология – предхождат го

¹ Прегледът на изследванията излиза извън задачите на тази статия. За заглавията до 2003 г. виж Пенкова, Цибранска 2003:612–614, а до 2008 – Пенкова 2008.

преводите на Изборното Евангелие, Изборния Апостол, Псалтира, Паримейника и Номоканона (Пенкова, Цибранска 2003:606; Пенкова 2008:25), а вероятно също и Литургията на св. Петър (Arranz 1989), Василиевата и Златоустовата литургия (Афанасьева 2005а). Възниква едновременно или след допълването на Изборния Апостол до Апостол с последования (Ефимова 1992; Пенкова 2008:25–27). Хипотезата, че тълкованията към пророчествата са също преди него, основана на наличието на алузии към тях (Пенкова, Цибранска 2003:606), се натъква на сериозни контрааргументи, защото езиковият анализ на *ESin* не потвърждава връзката му с Преславската книжовна продукция, към която те принадлежат (Пенкова 2008:24).

Специално внимание заслужават някои досегашни изследвания, засягащи лексиката на *ESin* в контекста на преводни паметници от IX–X в. Разглеждайки съюзните средства в обстоятелствените изречения, Е. Дограмаджиева установява висока степен на съвпадение между *ESin* и Супрасълския сборник, следван от Шестоднева, старобългарските евангелски кодекси, Синайския псалтир и оригиналните съчинения на Климент Охридски и Презвитер Козма (Дограмаджиева 1977:52). Тя отбелязва и немалко случаи на необичаен превод, локализиран не само в определени части, а в целия кодекс (Дограмаджиева 1977:60–61). И други изследователи изтъкват спецификата на лексиката в този паметник. Според изчисления на Н. Радович, цитирани от П. Пенкова, хапаксите в *ESin* (употребените само в него думи) съставят 21,3% от словния инвентар на ръкописа (Пенкова 1977:376; Пенкова 2008:9). В отделни статии и в Увода към Речник-индекса на *ESin* П. Пенкова излага своите наблюдения върху лексиката на паметника. Тя обяснява синонимията като следствие от контаминирането на различни извори и говори, а също и от екстралингвистични (културоложки) фактори. Авторката прилага обстоен списък от двойки или тройки синоними, при които често единият е моравизъм, а другият преславизъм (Пенкова 2008:21). Извършената от нея съпоставка на лексикалния състав на *ESin* с вариантите от Евангелието показва по-скоро отсъствие на отличителните за преславските текстове характеристики (Пенкова 2008:24).

След този кратък преглед на изследванията върху лексиката на *ESin*, пристъпвам към същността на настоящото изложение. В него предлагам един специфичен ракурс към словното богатство на този забележителен паметник като съпоставям гръцко-славянските съответствия в него с тези в други преводни текстове от старобългарската епоха. Оценката им се основава на количествени показатели, а не на детайлен семантичен анализ. Целта е да се потърсят тенденции, които обединяват или раздалечават преводаческия избор за едни и същи гръцки думи в различните текстове и да се предложат обяснения за установените факти.

За основен източник служи речник-индексът на *ESin*, изготвен от П. Пенкова, и по-точно т.нар. „Азбучен списък на гръцките съответствия“ (Пенкова 2008:335–371), в който срещу всяка гръцка лема са нанесени славянските ѝ корелати. Речникът обхваща само старата част на кодекса. Затова като допълнение към него използвах представените от Хр. Тончева преводни съответствия от Богоявленския чин в новооткритите листове на Евхология (л. 9г–12v), издадени като „Додатък към речник-индекса на Синайския Евхологий“ (Тончева 2017:252–277).

Съпоставителният материал включва 10 преводни паметника, възникнали през IX–XI в.: Евангелие (по Люсен 1995, нататък *Ev*), Книга на пророк Иезекиил с тълкования от Теодорит Кирски (по Илиева 2013, нататък *Ez*), Книга на 12-те пророци с тълкования (по Златанова 1998, нататък *12Pr*), Катена към Книга на пророк Даниил (по Илиев 2017, нататък *Dan*), Ефремова крмчая (по Максимович 2010, нататък *Efr*), Служебен миней за декември (по Christians 2001, нататък *DekM*), Илина книга (по Крысько и др. 2015, нататък *Il*), Изборник от 1076 г. (по Мушинская 2009, нататък *Izb*), Въпроси и отговори на Анастасий Синайски (по Федер 2011, нататък *ASin*) и Пролог (по Крысько и др. 2011, нататък *ProI*).

Представени са различни жанрове на средновековната литература. По географски признак повечето текстове имат пряка връзка с източнобългарските книжовни центрове. Изключение правят Евангелието, паримейният текст в тълковните пророчества, и архаичните пластове в някои паметници (напр. отделни последования в химнографските книги). Ограниченото присъствие на преводи от западния ареал произтича от състоянието на текстово обвързаната гръцко-славянска лексикография, в която паметниците с великоморавски произход са по-слабо представени. Не се отчитат и данните от Хомилията на Епифаний по превода в Германовия сборник, за който се приема, че възхожда към дейността на Методий или неговите ученици. Причината е, че в гръцко-славянския речник към изданието ѝ (Иванова-Мирчева, Икономова 1975) са включени само тези корелати, при които има вариране в двата превода. Това го прави неподходящ за поставените тук цели. Досегашни изследвания изтъкват редица съвпадения в лексиката и граматиката между Методиевия превод на Номоканона (от 50 титула на Йоан Схоластик) и пенитенциалната част на Синайския Евхологий (Пенкова, Цибранска 2003:610) и в по-широк план на езика на Заповедите на светите отци с този на Кирило-Методиевата школа в западнославянските земи (Tsibranska-Kostova 2004; Цибранска-Костова 2007a:21–22; Цибранска-Костова 2007b:105–107). Липсата обаче на гръцко-славянски речник към Устюжката крмчая, стояща по всяка

вероятност най-близо до този великоморавски правен текст, възпрепятства включването му в съпоставката. Същото се отнася и до *Закона за съдене на хората*, който има славянско-гръцки словоуказател (Илиевска 2004), но не и гръцко-славянски.

Всъщност преобладаването на преславски преводи в съпоставителния контекст не представлява съществен методологически недостатък за това проучване, защото в него лексиката на Синайския Евхологий се разглежда като единно цяло, независимо от нехомогенния състав на изграждащите го текстове. Това изключва възможността зад констатираните прилики и отлики да се търсят локално маркирани тенденции, но не пречи на интерпретирането им с оглед на жанрови и хронологически предпочитания.

Да се изведе статистика за всички гръцко-славянски корелати от 11 обемни текстови корпуса е огромно начинание за обикновена статия. Затова реших да проуча обстойно само една произволна извадка от съответните речници. Спрях се на лексемите, започващи с гр. σ . Предлагам резултатите от извършената пълна съпоставка на средствата за предаване на тези лексеми в *ESin* и в десетте контролни текста, придружени от няколко таблици и диаграми.

1 Гръцко-славянските словници на съпоставяните паметници

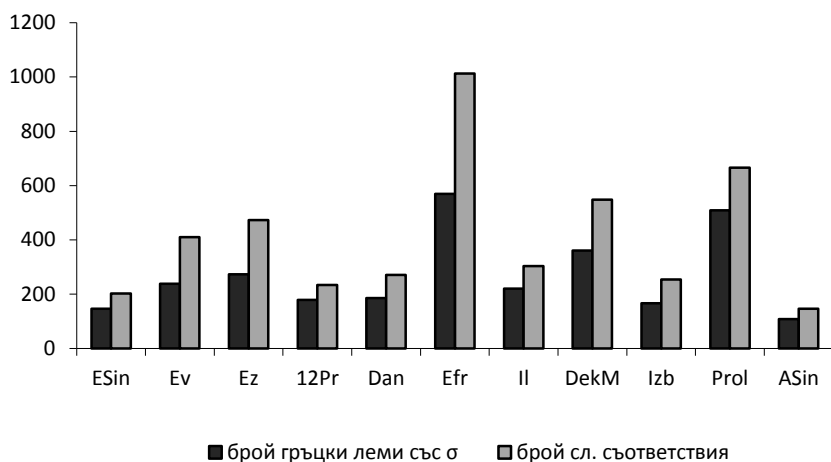
Тъй като фокусът на изследването се поставя върху количествени показатели, трябва в началото да бъдат представени параметрите на всеки от източниците, разгледани независимо един от друг. Таблица 1 дава представа за обема на лексикалната извадка за всеки проучен текст, като отчита броя на гръцките лексеми и техните славянски съответствия, а също и изчислената на тази основа вариативност на преводаческия избор.

Таблица 1: Гръцки лексеми и славянски съответствия, вариативност на избора

	<i>ESin</i>	<i>Ev</i>	<i>Ez</i>	<i>12Pr</i>	<i>Dan</i>	<i>Efr</i>	<i>Il</i>	<i>DekM</i>	<i>Izb</i>	<i>Prol</i>	<i>ASin</i>
брой гръцки лемии със σ	146	238	273	179	186	570	220	361	167	509	108
брой сл. съответствия	203	410	473	234	271	1013	303	548	254	666	146
вариативност	1,4	1,7	1,7	1,3	1,5	1,8	1,4	1,5	1,5	1,3	1,4

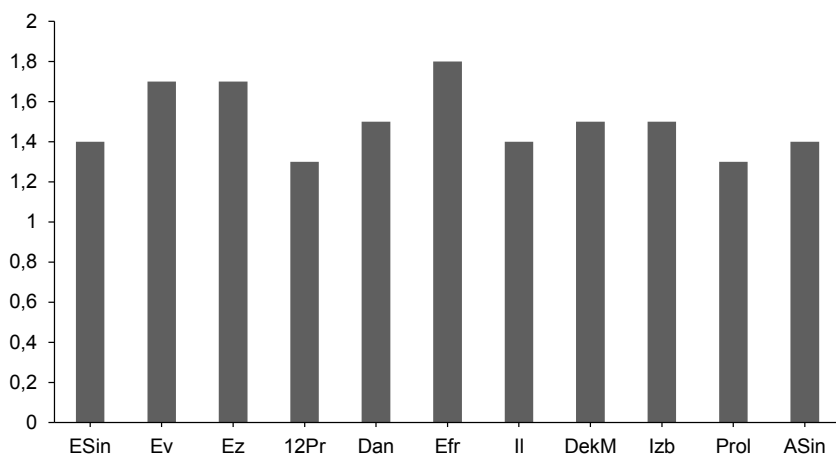
Вижда се, че на общо 146 гръцки лексеми в *ESin* отговарят 203 различни славянски съответствия, т.е. вариативността е 1 : 1,4. Броят на гръцките лемии с начална σ в останалите паметници и техните славянски корелати се резпределя по следния начин: *Ev* – 238 : 410, *Ez* – 243 : 473, *12Pr* – 179 : 234, *Dan*

– 186 : 281, *Efr* – 570 : 1013, *Il* – 220 : 303, *DekM* – 361 : 548, *Izb* – 167 : 254, *Prol* – 509 : 666, *ASin* – 108 : 146. (срв. също диаграма 1)

Диаграма 1: Общ брой на гръцките леми с начална σ и техните славянски съответствия

С най-голямо разнообразие на съответствията се открояват *Efr* – 1,8, *Ev* и *Ez* – 1,7, а с най-малко *12Pr* и *Prol* – по 1,3, следвани от *Il* и *ASin* – по 1,4. Средни позиции заемат *Dan*, *DekM* и *Izb* с по 1,5. Следователно според наблюдаваната извадка *ESin* принадлежи към текстовете с по-слабо изразена синонимия на славянските корелати за една и съща гръцка дума (срв. също диаграма 2).

Диаграма 2: Вариативност на славянските корелати

2 Гръцко-славянските корелати от *ESin* в съпоставка с останалите източници

В контекста на съпоставяните гръцки словници *ESin* съдържа 14 лексеми (ок. 10% от цялата извадка), които се срещат само в него: σημεῖόν, σιτοποιΐα, συγκαταριθμέω, συγκατέειμι, συγκοιτάζομαι, συλλαμπρύνομαι, συναγωνιστής, συναλλοιόω, συναποστάτης, συναπτή, συνασκέομαι, συνεκπίπτω, σύνξενιτεύω, συντρέπομαι². Някои от думите в списъка са полипрефиксални образувания или имат ниска честота в гръцкия, което донякъде предполага отсъствието им в другите източници.

Останалите 132 гръцки думи от словника на *ESin* са засвидетелствани в поне още един паметник, като 17 от тях се срещат в още само по един от контролните речници. Славянските корелати на 4 от тях съвпадат: σημεῖοσις – знаменне, σιτιστά – оупнтънаа, συλλειτουργέω – слоужнтн, συνομιλέω – бесѣдоватн. За останалите 13 са регистрирани различни съответствия: σανθάλιον – плесньце (тук и нататък първият корелат е по *ESin*) / сандална *Ev*, σήπομαι – съгннтн / нзгннтн *Ez*, σκυθρωπάζω – сѣтоватн / дрѣхлествоватн *DekM*, σταυροειδῶς βαπτίζω – кръстнтн / кръстъннмъ образомъ (за σταυροειδῶς) *Ez*, στίφος – мъножество / съставъ, тълпа, плъкъ (x3) *DekM*, συλλειτουργός – слоужнтелъ / съслоужьбъннкъ (x22), слоужьбъннкъ, съслоужьннкъ *Efr*, συμπράττω – поспѣховатн / сѣдѣствоватн, съ нмн дѣятн *Efr*, συναΐδιος – прнсно съ / съпрнсноспъщньнъ *DekM*, συνανίσταμαι – възстаѣтн / съвъскръснѣтн, въскръснѣтн *Efr*, συναπέρχομαι – прнвестн / отнтн, нтн *Efr*, συνεγείρω – съвъздвннѣтн / съвъстатн (x2), въскръснтн *DekM*, συνενόω – прнмѣснтн сѣ / въдннтн сѣ *Prol*, συνέχομαι – въпатн / сѣдръжатн сѣ *Efr*.

В по два още паметника са представени 15 от гръцките леми в *ESin*, като преводът на 5 от тях е идентичен във всички текстове: σκορπίος – скорфън *ESin* / скорпнн *Ev*, *Ez*, σπιθαμή – пѣдь *ESin*, *Prol*, (за σπιθαμιαῖος) *ASin*, συνοδεύω – нтн *ESin*, *Izb*, χορδή – нсрѣнтн *ESin*, *Il*, συνοδία – друужна *ESin*, *Ev*, *Prol*. При останалите думи от групата има вариативност: σειρά – жѣл *ESin* / пленница *Il*, (x9) *DekM*, σεμνότης – чнстота *ESin*, (x6) *Efr*, *Prol*, бескврньно н оугодьно жнтнѣ *ESin* / чнстъ *Efr*, σπινθήρ – нскрѣ *ESin*, *DekM* / главньа *Ez*, σταθμός – мѣрѣ *ESin*, (x4) *Ez*, (за στάθμιον) *I2Pr* / чнсло *Ez*, στενοχορία – печаль *ESin* / тѣснота (x2) *Efr*, тѣга *Izb*, στίγμα – краста *ESin*, рана *ESin*, *DekM* / ѣзва *Efr*, (x4) *DekM*, знаменне *DekM*, στιχηρόν – пѣснь, стнхъ *ESin* / стнхѣрѣ *Efr* и стнхнрѣ *DekM*, στίχος – стнхъ *ESin*, *DekM* / слово *Izb*, συναντάω – оутѣкнѣтн *ESin* / сѣрѣстн *Ev*,

2 Принципиите за лематизация в различните индекси са различни, особено що се отнася до представянето на основната форма на гръцките глаголи. Тук и нататък основните форми на глаголите се дават в 1 лице ед. ч., както е преобладаващата практика, а не в инфинитив, както е в речника на П. Пенкова. Славянските думи се нормализират по правилата на SJS.

(x5) *Prol*, συναρμόζομαι – *ESin* / обрѣжнѣнѣ сѣ *Efr*, съложнѣнѣ *Prol*, συνετίζω – възразоумнѣнѣ *ESin* / разоумъ датн (x2), разоумъна творнѣнѣ, разоумънъ сътворнѣнѣ, оумъждѣнѣ *Dan*.

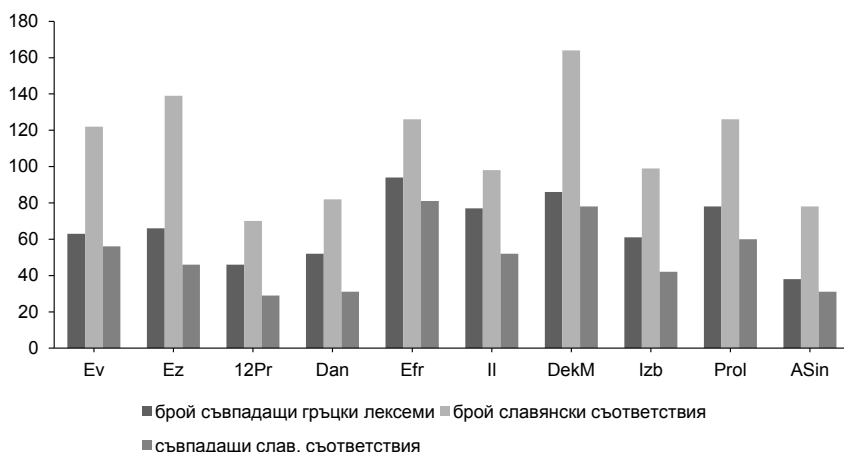
Количествените данни относно общата за *ESin* и останалите текстове лексика са представени във втората таблица. В нея се проследяват само тези гръцки лексеми от контролните източници, които съвпадат с *ESin*, като се отчита дали техните славянски съответствия са идентични или не.

Таблица 2: Обща гръцка лексика в *ESin* и контролните текстове, съвпадащи славянски корелати

	<i>ESin</i>	<i>Ev</i>	<i>Ez</i>	<i>12Pr</i>	<i>Dan</i>	<i>Efr</i>	<i>Il</i>	<i>DekM</i>	<i>Izb</i>	<i>Prol</i>	<i>ASin</i>
брой съвпадащи гръцки лексеми	132	63	66	46	52	94	77	86	61	78	38
брой славянски съответствия	189	122	139	70	82	126	98	164	99	126	78
разнообразие на корелатите	1,4	1,9	2,1	1,5	1,6	1,4	1,3	1,9	1,6	1,6	2,1
съвпадащи слав. съответствия		56	46	29	31	81	52	78	42	60	31
% съвп. сл. съотв. спрямо всички за тези лексеми		43%	32%	41%	37%	59%	51%	48%	40%	47%	38%

От статистическа гледна точка не е изненада, че текстовете с по-богат словник имат по-голямо покритие с този на *ESin*, защото, колкото по-дълъг е списъкът, в който се търсят съвпадения, толкова по-голям е шансът те да бъдат намерени. Затова водещата позиция на *Efr* (99), *DekM* (88) и *Prol* (80) е очаквана. Изненада поднася *Il* (80), която заема шеста позиция по общ брой гръцки лексеми, започващи със σ (срв. таблица 1), но споделя с *Prol* третото място по съвпадения на лексикалния състав с този на Евхология.

Таблица 2 отразява също така и количествените данни за славянските корелати на обследваните гръцки лемни. По абсолютен брой на славянските съответствия за общите с *ESin* гръцки думи челните места се заемат от *DekM* (164), *Ez* (139), *Efr* и *Prol* (по 126) и *Ev* (122) (срв. още диаграма 3).

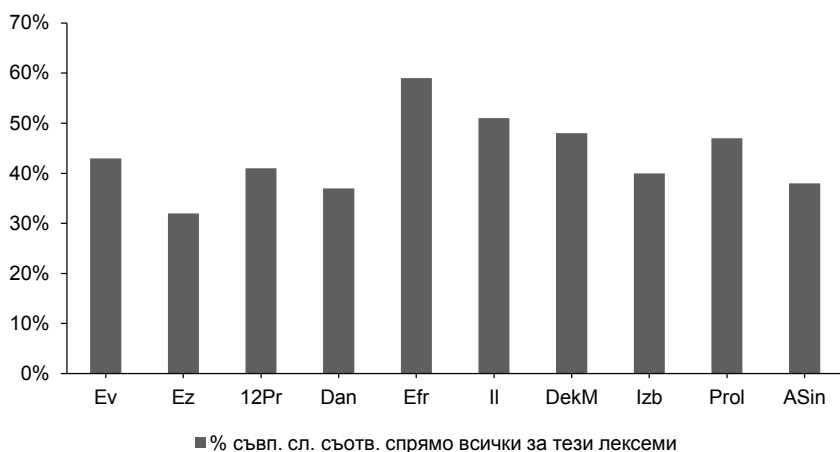

Диаграма 3: Гръцки лекси, общи за *ESin* и останалите текстове, и техните славянски съответствия

Спрямо количеството на превежданите лексеми с най-значително разнообразие на корелатите се открояват *Ez* и *ASin* (по 1: 2,1), следван от *Ev* и *DekM* (по 1: 1,8, докато най-ограничено е то в *Il* (1: 1,3) и *Efr* (1: 1,4), колкото е и в *ESin*.

С оглед на замислената съпоставка от съществено значение са данните за степента на съвпадение на славянските корелати в *ESin* с тези в другите текстове. Като количество те са най-много в *Efr* (81) и *DekM* (78), следвани от *Prol* (60), *Ev* (56) и *Il* (52). Най-малко припокриване с избора в *ESin* показват *12Pr* (29), *Dan* и *ASin* (по 31 съответствия) (срв. още диаграма 3).

За да бъде обаче количествената преценка по-обективна, трябва да се види какъв процент от всички преводни корелати се пада на идентичните с *ESin*. И тези изчисления са отразени в таблица 2. Ясно изразено е съвпадението между *ESin* и *Efr* (59%). С известна дистанция след това се нареждат *Il* (51%), *DekM* (48%) и *Prol* (47%). По-малко сходства в избора на славянски съответствия са установени в *Ev* (43%), *12Pr* (41%) и *Izb* (40%), а най-далеко от *ESin* стои *Ez* (32%), следван от *Dan* (37%) и *ASin* (38%) (срв. още диаграма 4).

Диаграма 4: Сходства в лексикалния избор с *ESin* в проценти

Статистиката показва, че между *ESin* и няколко от проучените текстове – *Efr*, *DekM*, *Il* и *Prol* – се наблюдават по-забележими сходства в областта на лексиката. Те засягат както техните гръцки източници, така и славянските им преводи. Гръцкият им лексикален инвентар се покрива в по-голяма степен с този на *ESin*. Вероятно причините за това са комплексни. От една страна – в богатия словник на *Efr*, *DekM* и *Prol* по-лесно могат да се открият съвпадения за една или друга гръцка дума. От друга страна – три от тези четири паметника (*Efr*, *DekM* и *Il*) застъпват жанрове, които стоят близо до отделни части на *ESin*: химнографските последования до молитвения му дял, а правно-юридическите текстове в *Efr* до пенитенциалната част.

Трите най-обемни текста – *Efr*, *DekM* и *Prol* – се отличават с най-голяма близост до *ESin* също и по отношение на избора на преводни корелати. Тъждествените с *ESin* съответствия съставят 3/5 от всички славянски еквиваленти в *Efr* и около половината в химнографските сборки (*DekM* – 51%, *Il* – 48%), т.е. отново паметниците с частична жанрова близост до *ESin*. Значителна е и степента на съвпадение на корелатите в *ESin* и *Prol* (47%). Близостта между *ESin* и *Efr* може да се обясни с независимо въздействие върху тях от страна на Методиевия Номоканон. По мнение на И. Добрев „Няма съмнение, че старобългарският преводач на $\Sigma\upsilon\nu\tau\alpha\upsilon\mu\alpha$ $\lambda\alpha\nu\nu\nu\theta\acute{o}\nu$ от Фотиевия сборник (отъждествявана с *Efr* – бел. м.) е познавал Методиевия текст или някаква негова обработка от учениците на Кирил и Методий в България и е заимствал оттам отделни части“ (Добрев 1995:831). Вече беше споменато, че езиковата близост между пенитенциалната част на *ESin* и Номоканона

и изобщо с кирило-методиевските паметници от западнославянските земи е многократно изтъквана (Пенкова, Цибранска 2003:610; Tsibranska-Kostova 2004; Цибранска-Костова 2007a:21–22; Цибранска-Костова 2007b:105–107).

Относителната хронология на възникването на отделните преводи би определила посоките на въздействие. В случая обаче акцентът пада върху самия факт, че са налице сходства в лексикалния избор на преводачите в текстовете, различни по време или място на поява, но близки по жанрова характеристика. Следователно при създаването им те, съзнателно или не, са се придържали към утвърдени вече модели, включващи и устойчиви лексикални съответствия. А това предполага повече или по-малко диференциране на лексикалните средства в книжовния език според жанра.

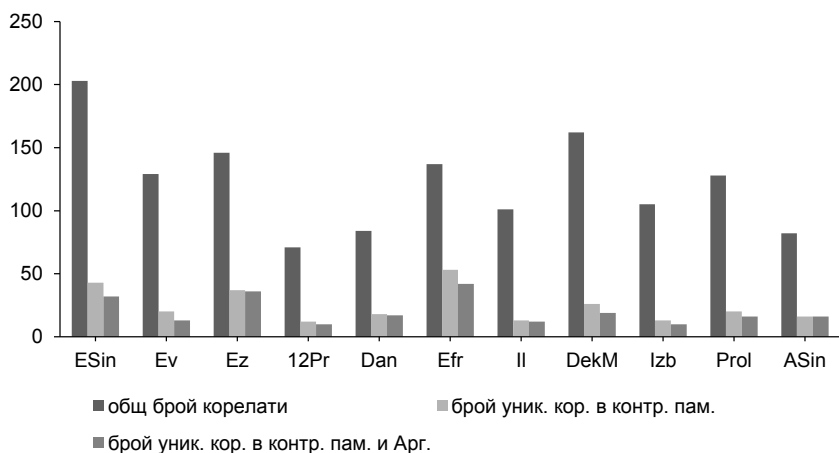
3 Уникални гръцко-славянски корелати

Изследователите вече са отбелязали големия брой хапакси в *ESin* (Пенкова 1977:383–384). Затова не е изненада, че засвидетелстваните само в него гръцко-славянски съответствия също са значителен дял. Разгледани в контекста на десетте контролни паметника, те съставят респектираща група: 43 славянски корелата за дадената гръцка дума са регистрирани единствено в *ESin*, а това прави 21,2% от всички славянски съответствия или всяка пета дума. Справката в речника на М. Аргировски, включващ данни и от други текстове, преведени в старобългарската епоха, като Триода, Апостола, Паримейника, Псалтира (Аргировски и др. 2003), намали броя на корелатите хапакси до 32 (15,8%), което пак остава висок показател за спецификата на словното богатство на *ESin*. За съпоставка представям статистика за уникалните съответствия на същите гръцки лексеми в останалите текстове:

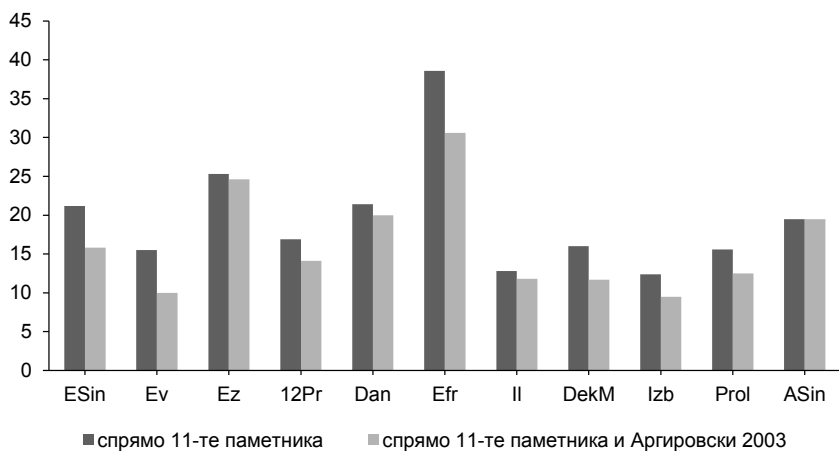
	<i>ESin</i>	<i>Ev</i>	<i>Ez</i>	<i>12Pr</i>	<i>Dan</i>	<i>Efr</i>	<i>Il</i>	<i>DekM</i>	<i>Izb</i>	<i>Prol</i>	<i>ASin</i>
общ брой корелати	203	129	146	71	84	137	101	162	105	128	82
брой уник. кор. в контр. пам.	43	20	37	12	18	53	13	26	13	20	16
%	21,2	15,5	25,3	16,9	21,4	38,6	12,8	16	12,4	15,6	19,5
брой уник. кор. в контр. пам. и Арг.	32	13	36	10	17	42	12	19	10	16	16
%	15,8	10	24,6	14,1	20	30,6	11,8	11,7	9,5	12,5	19,5

Според извадката най-съществен е делът на специфичните корелати в *Efr*, с доста голяма дистанция следват *Ez*, *Dan*, *ASin*. По-рядко се отклоняват от утвърдените съответствия *ESin*, *12Pr*, *DekM* и *Il*, а най-традиционен е изборът в *Izb* и *Ev*. За *Ev* този факт може да се обясни с това, че като хронологически

най-ранен и най-често употребяван от обхванатите текстове той задава моделите за следващите преводачи. Макар по абсолютен брой на корелатите хапакси в извадката *ESin* да стои на второ място, според техния дял спрямо всички славянски съответствия той заема по-скоро средна позиция в контекста на изследваните паметници (срв. също диаграма 5 и 6).

Диаграма 5: Уникални корелати в контекста на контролните паметници и Аргировски и др. 2003

Диаграма 6: Дял в проценти на уникалните корелати спрямо общия брой съответствия в паметника

По-долу изброявам уникалните преводни корелати, които според данните от контролните източници и речника на Аргировски, са засвидетелствани единствено в *ESin*. Добавям и паралелните съответствия по десетте контролни паметника³:

σεμνότης – бескврънно и оугодьно житие // срещу чнстота *ESin*, *Efr*, *Prol*;
чнстъ *Efr*

σκέπη – посъщенне // срещу кровъ *ESin*, *Ez* (2), *DekM* (3); покровъ *Ez*, *DekM*, *Prol*
(2); покровитель *Prol*

σκοπός – съмыслъ // срещу стражъ *Ez* (5); разоумъ *Ez* (2), *ASin* (4); повелѣние *Ez*;
съмотренне *Efr* (7), *DekM* (2), *Prol*; воля *Izb*; мыслъ *Efr*

τὰ σπλάγχνα – объсръдованне // ꙗтрова *ESin*, *II* (2), *DekM* (9), *Prol*; многосръдие
Ev, *DekM* (2); възꙗтръниа *Prol* (2), ꙗтръниа *Prol*

σταυρώω (също med.) – пропннатъ сѧ // срещу распннатъ *Ev*, *ASin*; пропатъ (сѧ)
Ev, *ASin*; распатъ сѧ *Ev*, *12Pr*, *Dan*, *Efr* (5), *DekM* (3), *Prol* (10); распннатъ
ASin

στέγη – храмъ // срещу покровъ *Ev* [срв. покрывати *II* за στεγάζω и дръжати *Izb*
за стéγω]

στενοχορία – печаль // срещу тѣснота *Efr* (2); тꙗга *Izb*

στήλη – тѣло сольно // срещу стѣпъ *Ez* (2), *II* (2); образъ *Efr*; тѣло *DekM* (4)

στίγμα – краста // срещу рана *ESin*, *DekM*; ѣзва *Efr*, *DekM* (4); знаменне *DekM*

στίφος – мнѡжество // срещу съставъ *DekM*; тꙗпа *DekM*; плъкъ *DekM* (3)

στιχηρόν – пѣснь, стнхъ // срещу стнхера *DekM*; стнхера *Efr* [за pl. στιχηρά]

στοιχείω – довьлѣтъ сѧ // срещу оуправити *II*; прѣтварити сѧ *DekM* [за med.]

στράτευμα – снаа // срещу вон *DekM*, *Prol*; воннъ *Ev*; воевати (!) *12Pr*; воннество
Efr, *II*; вонство *II*, *DekM* (5); воннествне *DekM*

συγγνώμη – отъданне, отърада // срещу мнлостъ *Ez* (2), *Efr* (2); мнлованне *Ez*;
помнлованне *Ez*, *Izb*, *ASin*; прощенне *Ez*, *Efr* (4), *Izb*; отъпоущенне *Efr* (6);
невѣждьствне *Efr* (2); разоумъ *Efr* (2); простъинъ *Efr* (2); вѣдѣнне *Efr*; съ-
блаженне *Efr*; не ꙗзри (!) *Izb*

συχωρέω – прѣзърѣтъ // срещу вѣдати *Efr*; дати *12Pr*, *Efr* (8), *Prol* (3);
дати *Efr* (7); ослабити *Efr*; отъдати *ESin*, *Efr*; отъдати *Efr*; отъпоу-
стити *ESin*, *Efr*; отъпоушати *ESin*, *Efr*; повелѣвати *Efr* (2); повелѣтъ *Efr*;
подати *Efr* (2); подати *Efr* (6); попоустити *Ez* (4), *Izb*, *Prol*; попоушати
Ez (5), *ASin* (2); попоущенне *Ez*; послаблѣати *Efr*; поушати *Ez*; пращати *Izb*,
ASin (2); простъ възити *ASin*; простъинъ прнмати *ASin*; простити *Efr* (3), *Izb*

3 За удобство е въведена единна нормализация по SJS. Когато съответствието се употребява повече от един път в дадения паметник, честотата е дадена в кръгли скоби.

- (4), *ASin* (6), *Prol*; просятн *Prol* (3); прощенне грѣхъ *ASin*; прощенне приѣти *ASin*; съкоупитн сѧ *Efr*
- συγχώρησις – нзбытне // срещу отъданне *Efr* (4); отъпустъ *DekM*; прощенне *Ez*, *Izb* (2), *Prol*, *ASin*; поущенне *Ez*; попоущенне *Izb*, *Prol*, *ASin*; простына грѣховъ *ASin*; прощенне грѣхъ *ASin*; прощенне грѣховьное *ASin*
- συμπράττω – поспѣховати // срещу съдѣнствовати *Efr*; съ нми дѣѣти *Efr*
- συνάγω – възвестн // срещу събѣрати (сѧ) *ESin*, *Ev*, *Ez* (14), *12Pr* (14), *Dan* (7), *Efr* (7), *Il* (2), *DekM*, *Izb* (2), *Prol* (9), *ASin*; събѣрати (сѧ) *Ev*, *Ez*, *Efr* (4), *DekM*, *Izb* (2), *Prol* (2); съвъкоупитн *Ez* (2), *12Pr*, *Efr*; нзбѣрати *Ev*; възвестн *Ev*, *Izb*; съннматн сѧ *Ev*; съложитн *Ez*; нзвестн *Ez*; приводитн *DekM*; сънатн сѧ *Prol*; съзвѣати *Prol*
- συνανίσταμαι – възстатн // срещу възкрѣсѣитн *Efr*; съвъскрѣсѣитн *Efr*
- συναπέρχομαι – привестн // срещу отитн *Efr*; нтн *Efr*
- συναρμόζομαι – съставитн // срещу обрѣжитн сѧ *Efr*; съложитн *Prol*
- συνευείρω – съвъздвигнитн // срещу съвъстатн *DekM* (2); възкрѣсѣитн *DekM*
- συνενώω – прииѣсѣитн сѧ // срещу въѣднитн сѧ *Prol*
- συνεργέω – любитн // срещу поспѣшствовати *Ev*; поспѣшатн (сѧ) *Efr*, *Prol*; поспѣватн *Efr*; помагатн *Ez* (2), *ASin*; съдѣѣти *Ez*
- συνέχομαι – възпатн // срещу съдрѣжатн сѧ *Efr*
- συνήθης – въста, овѣтованне // срещу обычанне *ESin*; обычан *Ez*, *Efr*; обычанъ *Efr* (5), *Prol*; по обычаню *Prol*
- συνταγή – овѣщанне // срещу завѣтъ *Izb*
- σωτήριώδης – сватъ // срещу съпасьнъ *ESin*, *Efr* (11), *Il*, *DekM* (3); съпасительнъ *Il*; съпасенообразьнъ *DekM*

Към групата се числи и корелатът σκωληκοκάμπη – ървьнън прѣгъ (sic! Пенкова 2008:365) или по-вероятно ървьнън прѣгъ. Гръцкият композитум не е засвидетелстван в контролните текстове, но съставките му се срещат поотделно: σκώληξ се предава редовно с ървь *Ev*, *Efr*, *DekM*, *Prol*; срещу глагола σκωληκίδω стои ървнѣѣти в *ASin*, така че преводът на първата съставка е обичаен за разлика от този на втората. На съществителното κάμπη редовно съответстват фонетичните дублети жѣѣннца / гжѣѣннца: гжѣѣннца в Паримейника (Аргировски и др. 2003:249), жѣѣннца в *12Pr* (с. 339), оуѣѣннца в Хрониката на Георги Амартол (Истрин 1930: 100), докато сл. прѣгъ предава обикновено ἀκρίς не само в *ESin* (с. 248), но и в Евангелието, Псалтира, Паримейника (SJS 3:506), *12Pr* (с. 261), *Dan* (с. 555), Хрониката на Георги Амартол (Истрин 1930:301), Юдейската война на Йосиф Флавий (Пичхадзе и др. 2004/2:305).

Следните корелати липсват в контролните паметници, но според речника на М. Аргировски имат паралели в други старобългарски текстове:

- σήπομαι – съгннѣтн (също *Ps, ComPs*)⁴ // срещу нзгннѣтн *Ez*
 στοιχείον – вещь (също *Ap, ComPs*) // срещу стoуχнѣна *Efr*; съставъ *Dan* (5), *Efr*,
Il, DekM; грано *Efr*; въображеніе *Efr*
 σκυθρωπάζω – сѣтоватн (също *Ps, Triod*, а за σκυθρωπός в *Ev*) // срещу дѣрѣх-
 льствоватн *DekM*; срв. σκυθρωπός – дѣрѣхлъ, дѣрѣселъ *Ev*, печальнъ *Ez* (2),
 оуныль *Ez*
 σανδάλιον – плесньце (също *Apost*) // срещу сандалнѣ *Ev*
 συναίδιος – прнсно съи // срещу съпрнсносѣщнъ *DekM*
 συναντάω – оутѣкнѣтн (също *Parim*) // срещу сѣрѣстн *Ev, Prol* (5)
 συμπάθεια – мнлосѣднѣ (също *Triod*) // срещу мнлованнѣ *Efr*; мнлостъ *Efr, Il*,
DekM (3); отъпоущеннѣ *Efr*; мнловатн *12Pr, Izb*; мнлостыин *Izb* (2); помнло-
 ваннѣ *Ez*
 συγγενής – родъ (също *Ap*) // срещу ѣжнка *Ez* (3), *Efr* (5), *Ev* [за συγγενίς];
 сѣроднъ *Efr* (2), *Prol*; бланжнка *Efr* (8); бланжнкъ *DekM*; бланжнъ *Efr* (2); рож-
 деннкъ *Il*
 συγγένεια – родъ ѹловѣчь (родъ *Ev, Ap, ComPs, Parim*) // срещу ѣжнка *ESin*,
Ev, Ez, Efr; ѣжнчѣство *Ez* (3), *Efr*; рожденнѣ *Ev*; дѣтѣство *Ez*; сѣроднѣ *Efr*;
 блатородѣство *Efr*; бланжнка *Efr*; прнбланженнѣ *Efr*; прнсннна *Prol*

Проведеното изследване на произволна лексикална извадка от *ESin* – гръцките лексеми, започващи със σ, и техните славянски съответствия, в съпоставка с 10 старобългарски паметника позволява да се изведат следните заключения:

1. По отношение на синонимията на корелатите *ESin* се нарежда сред текстовете с по-ограничена вариативност при подбора на славянските съответствия.
2. По отношение на конкретния преводачески избор *ESin* демонстрира особено голямо сходство с *Efr* и съществено с *Il, DekM* и *Prol*. Една от причините за този факт вероятно е жанровата близост на отделни части на Евхология съответно до правно-юридическите и химнографските текстове, което предполага съзнателно или несъзнателно придържане към утвърдени модели, в т.ч. за преводни корелати.
3. В контекста на изследваните паметници *ESin* съдържа значително количество (43) уникални корелати за изследвания кръг гръцки лексеми, като

4 Използвам съкращенията от Аргировски и др. 2003.

отстъпва само на *Efr* (53). Съотношението между тях и общия брой славянски преводни еквиваленти обаче му отрежда по-скоро средна позиция в рамките на разгледаните тук текстове.

Литература

- Аргировски, М. и др., 2003: *Речник на грчко-словенски лексички паралели*. Редактор М. Аргировски. Соработници Н. Андриевска и А. Ѓуркова, Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“.
- Афанасьева, Т., 2005а: К вопросу о порядке следования листов и составе Синайского глаголического служебника XI века. *Palaeobulgarica* 29/3, 17–35.
- Афанасьева, Т., 2005b: Некоторые особенности состава славянских служебников XI–XIV вв. в сравнении с греческими евхологиями этого периода. Добрынина, Э. *Хризограф*. Т. 2. Москва: Сканрус, 200–208.
- Велковска, Е., 2000: Денонощното богослужение в Синайския Евхологий. *Palaeobulgarica* 24/4, 19–34.
- Добрев, И., 1995: Номоканон. Динеков, П. *Кирило-Методиевска енциклопедия*, 2: И-О. София: Университетско издателство, 825–833.
- Дограмаджиева, Е., 1977: Обстоятелствените изречения в Синайския евхологий. Jakopin, F. *Nahtigalov zbornik ob stoletnici rojstva*. Ljubljana: Univerza v Ljubljani, 47–66.
- Ефимова, В., 1992: Об апостольских чтениях в составе Синайского евхология (в связи с последними открытиями в монастыре св. Екатерины на Синае). *Информационный бюллетен Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур* 26, 4–14.
- Златанова, Р., 1998: *Книга на дванадесетте пророци с тълкования* (Старобългарският превод на Стария Завет 1). София: КМНЦ - БАН.
- Иванова-Мирчева, Д., Икономова, Ж. 1975: *Хомилията на Епифаний за слизането в ада*. София: Издателство на БАН.
- Илиев, И., 2017: *Тълкуванието на Книга на пророк Даниил от Иполит Римски в старобългарски превод*. София: Институт за литература при БАН.
- Илиева, Т., 2013: *Старобългарско-гръцки словоуказател към Книгата на пророк Иезекиил* (Старобългарският превод на Стария Завет 3). София: КМНЦ - БАН.
- Илиевска, К., 2004: *Законъ суднын людьмъ*. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите.

- Истрин, В., 1930: *Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. 3. Греческо-славянский и славянско-греческий словари*. Ленинград: Акад. типография.
- Крысько, В. и др., 2015: *Ильина книга (XI в.). Исследования. Указатели*. Подготовили В.Б. Крысько, И.М. Ладыженский, Т.И. Межиковская. Под редакции В.Б. Крысько. Москва: Издательский центр „Азбуковник“.
- Крысько и др. 2011: *Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. 2. Указатели. Исследования*. Издание подготовили В.Б. Крысько, Л.В. Прокопенко, В. Желязкова, И.М. Ладыженский, А.М. Пентковский, Москва: Издательский центр „Азбуковник“.
- Люсен, И. 1995: *Греческо-старославянский конкорданс к древнейшим спискам славянского перевода евангелий* (Acta Universitatis Upsalensis. Studia Slavica Upsalensia 36). Uppsala: Norstedts Tryckeri.
- Максимович, К., 2010: *Византийская Синтагма 14 титулов без толкований в древнеболгарском переводе. Славяно-греческий, греческо-славянский и обратный (славянский) словоуказатели*. Составил Кирилл А. Максимович. Научный редактор Людвиг Бургманн (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte 27). Frankfurt am Mein: Löwenklau-Gesellschaft e.V.
- Минчев, Г., 1998: *Дяконската ектения и свещеническите молитви срещу природни бедствия в новите листове на Синайския евхологий*. Милтенова, А., Ангушева-Тиханова, А. *Медиевистика и културна антропология. Сборник в чест на проф. Донка Петканова*. София: Мнемозина, 111–132.
- Мушинская, М., 2009: *Изборник 1076 года. Второе издание, переработанное и дополненное. Т. 2*. Издание подготовили М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Гольшченко. Москва: Индрик.
- Пенкова, Р., 1977: *Коментариите на Р. Нахтигал към изданието на Синайския евхологий и днешното състояние на проучванията върху паметника*. Jakopin, F. *Nahtigalov zbornik ob stoletnici rojstva*. Ljubljana: Univerza v Ljubljani, 375–388.
- Пенкова, П., 2008: *Речник-индекс на Синайския евхологий*. София: Академично издателство „Марин Дринов“.
- Пенкова, П., Цибранска, М. 2003: *Синайски евхологий*. Грашева, Л. *Кирило-Методиевска енциклопедия, 3: П-С*. София: Академично издателство „Марин Дринов“, 604–614.
- Пичхадзе, А. и др., 2004: *«История Иудейской войны» Йосифа Флавия. Древнерусский перевод*. Издание подготовили А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин. Т. 1-2. Москва: Языки славянской культуры.

- Тончева, Х., 2017: Додатък към речник-индекса на Синайския евхологий.
Тончева, Х. ЧННЪ НА СВАТО БОГОБЛАЖЕННИКЪ. Пловдив: Университетско издателство „Паисий Хилендарски“, 252–277.
- Федер, У., 2011: *Авва Анастасий Синайски. Въпроси и отговори. Т. 1. Увод и показания*. В. Търново: Университетско издателство „Св. св. Кирил и Методий“.
- Цибранска-Костова, М., 2007а: „Заповеди на светите отци“ в южнославянската кирилска традиция. *Palaeobulgarica* 31/4, 3–26.
- Цибранска-Костова, М., 2007б: ЦАПОВЪДН БГГЪХЪ ВЪЦЪ в Синайския евхологий и западноевропейските пенитенциали. *Старобългарска литература* 37–38, 91–113.
- Arranz, M., 1988: La liturgie de l'euchologe du Sinai. Farrugia, E. *Christianity among the Slavs. The heritage of Saints Cyril and Methodius. Acts of the International congress held on the eleventh centenary of the death of St. Methodius, Rome, Oct. 8 - 11, 1985*. Roma: Pontificio Istituto Orientale, 15–74.
- Arranz, M., 1989: La liturgie Slave du IXe siècle d'après l'euchologe Slave du Sinai. Кочев, Н., Шиваров, Н. *Международен симпозиум 1100 години от блажената кончина на св. Методий. 2*. София: Синодално издателство, 316–340.
- Arranz, M., 2000: La tradition liturgique de Constantinople au IXe siècle au l'eucholge Slave du Sinai. *Studi sull' Oriente cristiano* 4/2, 41–110.
- Christians, D., 2001: *Wörterbuch zum Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember. Slavisch-griechisch-deutsch nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts mit einem Glossar griechisch-slavisch*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag.
- Frček, J., 1933: *Euchologium Sinaiticum. Texte slave avec sources greques et trad. française*. Paris: Firmin-Didot.
- Geitler, L., 1882: *Euchologium. Glagolski spomenik manastira Sinai brda*. U Zagrebu: Hartman.
- Lysaght, Th., 1987: *Euchologium Sinaiticum. XIth Century Glagolitic Manuscript. Photofacsimile of original MS, OCS translation (cyrillic), English translation with introduction and commentary*. Zwettl (New Zealand).
- Nahtigal, R., 1941-42: *Euchologium Sinaiticum : starocerkvenoslovanski glagolski spomenik*, (Dela, 1; 2). Ljubljana: Akademija znanosti in umetnosti.
- Parenti, S., 1988: Due preghiere dei “Fogli slavi del Sinai”. *L' Altra Europa*, 1 (217), gennaio-febbraio, 47–56.

- Parenti, S., 1991: Fonti ed influssi italo-greci nei testi eucaristici bizantini dei "Fogli slavi" del Sinai (XI sec.). *Orientalia Christiana Periodica* 57, 145–177.
- Parenti, S., 1997: *L' Euchologio slavo del Sinai nella storia dell' euchologio bizantino*. Roma: Università "La Sapienza".
- Schnitter, M., Miklas, H., 1993: Kyrillomethodianische Miszellen. *Anzeiger für slavische Philologie* 22/1, 141–120.
- Ševčenko, I., 1982: Report on the Glagolitic fragments (of the Euchologium Sinaiticum?) discovered on Sinai in 1975 and some thoughts on the models of make-up of the earliest Glagolitic manuscripts. *Harvard Ukrainian Studies* 6/2, 119–151.
- Slovník jazyka staroslověnského. T. 3.* Hlavní redaktor Zoe Hauptová. Praha 1982.
- Słoński, S., 1934: *Index verborum do Euchologium Sinaiticum*. Warszawa: Skład Główny.
- Tarnanidis, I., 1988: *The Slavonic manuscripts discovered in 1975 at St. Catherine's monastery on Mount Sinai*. Thessaloniki: Hellenic Assoc. for Slavic Studies.
- Tsibranska-Kostova, M., 2004: Le premier pénitentiel vieux slave „Zapovedi svetih otec“ en tant que modèle de texte. *Scripta & e-scripta* 2, 243–258.
- Velkovska, E., 1995: Fonti greche delle preghiere della tavola dell' Euchologio slavo del Sinai. *Annali dell' Istituto universitario Orientale di Napoli. Slavistica* 3, 35–42.
- Velkovska, E., 1996: *Nuovi paralleli greci dell' Euchologio slavo del Sinai*. Roma: Università "La Sapienza".

Summary: The Greek-Slavonic Correlations in the *Euchologium Sinaiticum* Within the Context of Other 9th–11th-Century Translations

The paper focuses on the Slavonic correlations with the Greek words beginning with σ in the Euchologium Sinaiticum. They are viewed in comparison with the correspondences of the same Greek lexemes in 10 other translated texts dating from the period between the 9th and 11th centuries, belonging to various genres: Euangelium, Book of the Prophet Ezekiel, Book of the Twelve Prophets, Book of the Prophet Daniel, Service Menaia for December, Efremovskaja Kormčaja, Il'ina Kniga, Anastasios of Sinai's Quaestiones et responsiones, Prologue and Izbornik of 1073. The quantitative data concerning the degree of similarity and dissimilarity of the correlations in the Euchologium Sinaiticum and the other texts is given on the basis of the analysis of the respective translation strategies and techniques used. The particular translation decisions in the Euchologium Sinaiticum show great similarity with those in the Efremovskaja Kormčaja, and certain others with those in the hymnographic collections and Prologue. This may be due to the relation of genres with some parts of the Euchologium in regard to the juridical and hymnographic texts, which presupposes

conscious or unconscious adherence to established models, including translation correlations. Special attention is paid to the unique Greek-Slavonic correlation in the Euchologium Sinaiticum, which is significant in number, considering the other texts studied. In comparison with the total amount of Slavonic translation equivalents included, they give it a rather average position in the context of the monuments examined.

Key words: Old Bulgarian translations, Greek-Slavonic lexical correlates, translation decisions

Научные воззрения Райко Нахтигала в свете палеославистической гимнологии

Регина Койчева

Българска академия на науките, София

Ряд научных воззрений Райко Нахтигала находит подтверждение в свете современной палеославистической гимнологии. Выявление этой исследовательской линии является основной темой статьи. С такой целью немалое количество тез и гипотез, изложенных в статье Нахтигала 1948 года „Nekaj pripomb k pretresu Hrabrovega spisa o azbuki Konstantina Cirila”, сопоставлено с заключениями современной палеославистической гимнологии и данными древнеболгарских акростихов. Детальное внимание уделено: 1) присутствию моравизмов в песнопениях, написанных в Болгарии, и заключению Нахтигала о происхождении моравизмов в сочинении *О писменехъ Черноризца Храбра*; 2) данным древнеболгарских акростихов в сопоставлении с выводами Нахтигала о месте в глаголице и функциях нескольких букв.

Ключевые слова: Райко Нахтигал, древнеболгарский, акростих, глаголица, моравизмы

Если бы многочисленные оригинальные древнеболгарские песнопения были известны науке еще при жизни Райко Нахтигала, они без сомнения были бы среди объектов его исследований. Этот научный интерес подтверждается в его замечательном труде о языке и стихосложении древнеболгарской декламационной поэзии и в его подробном комментарии к гимнографическим текстам в Синайском эвхологии. **Ряд воззрений Нахтигала находит подтверждение и дополнительное развитие в свете современной палеославистической гимнологии.** Выявление этой исследовательской линии будет основной темой статьи.

Значительное количество прямых соответствий можно провести между исследованием Райко Нахтигала „Nekaj pripomb k pretresu Hrabrovega spisa o azbuki Konstantina Cirila” (Nahtigal 1948) и данными древнеболгарских акростихов, открытых с 70-х годов прошлого века:

- 1) В этой статье словенский филолог убедительно доказывает наличие отдельных западнославянизмов в тексте Черноризца Храбра. Такими являются форма Растиць, которая передает имя моравского князя Ростислава и по мнению Нахтигала воспроизводит словацкий фонетический облик, и характерное для чешского языка выражение *četyři meždou desáťma*, т.е. ‘четыре между двумя десятками’, передающее число 24 (Nahtigal

1948:15–17). Присутствие этих иноязычных форм приводит ученого к заключению, что „в произведении Храбра, которое /по словам Нахтигала/ может происходить только с юга”, нельзя относить моравизмы к наречию автора, наоборот, они появились в его тексте литературным путем, т.е. через использование письменных источников западного происхождения¹ (Nahtigal 1948:16).

Эта научная позиция получает особую актуальность в свете современной палеославистической гимнологии. Напомню, что аналогичная ситуация известна на примере цикла великопостных трипеснцев и четверопеснцев Константина Преславского. Там, как показывают исследования открывателя цикла – Георгия Попова, один из акростихованных тропарей в молитвенном обращении к равноапостольным братьям упоминает об „изгнанных триязычниками Ваших рабах, странствующих по землям”, а это – однозначная отсылка к драматическим событиям сразу же после смерти святого Мефодия в апреле 885 г. Следовательно, цикл был написан после этих событий, т.е. в Болгарии, где Константин Преславский был священником, а позже – епископом столицы. В то же время акростих произведения содержит моравизм крижънъ (вместо болгарского кръстьнъ). Отсюда видно, что для болгарских церковных писателей IX-го века использование спорадических моравизмов не было необычным явлением (Попов 1985:36–37, 57, 144–145). Таким образом, Нахтигал заочно включается в существующую в научных кругах дискуссию на стороне гимнологов, таких как Георги Попов, Мария Йовчева, Любор Матейко и др., по мнению которых достигшие до нас оригинальные древнеболгарские песнопения были написаны в Болгарии, в подтверждение чего приводятся аргументы в первую очередь литургического, исторического и логического характера (Попов 1985:51,53,56; Попов 1994:22; Йовчева 2003:71–72; Matejko 2004:51). Другую сторону в споре поддерживают Стефан Кожухаров, Хайнц Миклас, Сергей Темчин и др., по мнению которых некоторые из этих гимнов, возможно, были написаны еще в Великой Моравии (Кожухаров 2004:44; Miklas 2004:60; Темчин 2004). Вот как современная гимнология актуализирует научное наследство Райко Нахтигала.

2) Ряд выводов и гипотез Нахтигала о месте в азбуке и функциях некоторых специфических глаголических букв² находят свое доказательство в древнеболгарских акростихах. Это, прежде всего, известные

1 Ср.: „V Hrabrov spis, ki je mogel nastati šele na jugu, je ime seveda prišlo po sporočilih...” (Nahtigal 1948:16).

2 Приношу большую благодарность доц. Андрею Бояджиеву за консультацию по специфическим вопросам глаголицы.

пять циклов стихир с азбучными краегранесиями, которые, по всей вероятности, были созданы еще в IX-ом веке и первые из которых были открыты и опубликованы через 13 лет после смерти словенского ученого: два цикла стихир на Рождество Христово, открытых Климентиной Ивановой и Биляной Йованович-Стипчевич, два цикла на Богоявление, найденных Климентиной Ивановой и Георгием Поповым, и группа погребальных стихир, открытых и опубликованных Вячеславом Загребиным (Иванова-Константинова 1971; Јовановић-Стипчевић 1981; Попов 1982:14–15; Загребин 1981). Эти произведения пять раз повторяют данные о последовательности глаголического алфавита, известные из „Азбучной молитвы” Константина Преславского, которая является одним из объектов исследований Райко Нахтигала, но также содержат и дополнительную информацию. Ниже предлагается сравнительный список начальных словоформ из „Азбучной молитвы” и пяти гимнографических циклов, где к таблице, опубликованной Георгием Поповым в 2003 г. (Попов 2003:34–35) (которая здесь приводится с переставленными колоннами, чтобы самым лучшим образом выделались подобию и различия), добавлены еще и начальные словоформы из цикла погребальных стихир:

	А	Б	В	Г	Д	Е
Глаголическая буква:	Погребальные стихирь:	Цикл стихир на Рождество Христово:	Цикл стихир на Рождество Христово:	Цикл стихир на Богоявление:	Цикл стихир на Богоявление:	„Азбучная молитва” Константина Преславского:
Ѡ	Азь	Аѣгласкиѣ	Анѣгль(с)къѣ	Адаме	Адамово	Азь
Ѣ	Бесмъртны	Бѣ	Безначал'но	Без(д)но	Без	Бѣ
Ѥ	Бась	Весели се	Врът'пе	Вифлѣвимѣ	Вѣ	Видимъимъ
Ѧ	Горькъѣ	Гѣи	Горъи	Горы	Гѣѣтва	Гѣ
Ѣб	Десныѣ	Дн(с)ѣ	Дивит' са	Дланьѣ	Десницею	Да
Э	Іѣг(д)а	Іѣтъствомъ	Іѣтъства	Іѣг(д)а	Іѣтъством	Іѣже
Ѧ	Житие		Животно	Жельѣ		Живоуциимъ
Ѧ	Зѣло		Зѣвъдоѣ	Зѣло		Зѣло
Ѧ	Земла		Землѣ	Земле		Законъ
Ѧ	Имѣѣ		Ис	Избавитѣлю		Иже
Ѧ	Ими		Ироде	Ісѣ		И
Ѧ	Гевны		Геоны	Галилеѣ		Летить
Ѧ	Клетѣ		Колѣна	Колѣн'ма		Къ
Ѧ	Лазарѣ		Лици	Людѣмъ		Людие
Ѧ	Мати		Михѣе	Море		Милости
Ѧ	Неизреченѣи		Нѣбо	Не		Нъ

	А	Б	В	Г	Д	Е
Э	Уксаньне		Увразд	Оцъциение		Оѣе
Ф	Пригрань	При...	Приди	Пошто		Просащоуоуоуоу
Ѡ	Роуцѣ	Ра(д)оуи се	Рече / Ръци	Рѣцѣ	Рѣѣньне	Роуцѣ
Ѳ	Съ	Сътецем' се	Словеса	Сътецѣм се	Тыи [Съи]	Силоу
Ѣ	Ты	Тоучд	Трепетно	Трепетно		Ты
Ѥ / Ѧ	Оупостасно	Оупостасно	Упостас'ми	Оупостасиѣ		Упостасъ
Ѧ			Фарамновы	Фарамна		Фарамша
Ю	Херовими	Хвалоу	Херѡвимоуѣ	Хероувиомоуѣ		Херовьскоу
Ѣ		О	У(т)	О		О
Л		Пѣние	Пѣ(с)ными	Пѣ(с)ми	Пѣ(с)ми	Печаль
Ѡ		Црѣви	Цр(с)твоуѣ	Цр(с)твоуѣ	Цр(с)воу	Цѣломоуѣрньо
Ѥ		Чланине	Чини	Чюдо		Чюдеса
Ш		Широтам'	Шестокрилатъ	Шестокрѣлати	Шестокрилати	Шестыкрилатъ
Ѡ			Шествиа	Шествиа	Шествующа	Шѣтвоуѣ
Ѧ		Инакѡве	Играи	Играи	Играите	Имени
Д		ІАкоже	ІАкоже	ІАко	ІАдръ	ІАѣѣ
Ѡ		Хлѡми	Хвала	Хваллами	Хваллими	Хвалоу
Ѥ (Э Є)		Юже [Ѥже]	Ѥже	ІѤже [Ѥже]	Еюже (sic!)	Юже [Ѥже]
Ѡ		Еюже [Юже (adv)]	Юже (adv)	Юже (adv)		Юнъ
Э (Э Є)	Іѣзыци [Азыци]	Ѥдро [Адро]	Азыци	Ѥзыци [Азыци]		ІАзыкъ [Азыкъ]

Все шесть произведений, без сомнения, были написаны первоначально глаголицей. Это доказываются стихами к букве гервь (Ѡ), наличием трех строф в каждом цикле к трем глаголическим „и”, двумя стихами к двум глаголическим „х” и т.д. Данные произведения свидетельствуют о составе и последовательности глаголической азбуки – такой, какова она была в период и в месте их создания, т.е. в конце IX-го века в Болгарии. **Информация, которую сообщают науке акростиhi этих сочинений, полностью или частично доказывает правильность следующих выводов Нахтигала:**

А) Буква, называемая пе (Ѡ), была введена в глаголицу святым Кириллом с числовым значением 800 между буквами омега (Ѣ) и Ц (Ѡ) (Nahtigal 1948:10). Действительно, в этом месте в акростиhiх после стихир к омеге (в оригинале), которая, как известно, в глаголице имеет числовое значение 700, следуют строфы с начальными словоформами Пѣние, Пѣ(с)ными и Печаль. Однако, ясно прослеживается, что в глаголице в ее болгарской версии IX-го века эта буква обозначала фонему „п”, может быть в качестве

первого компонента греческого пси (ψ) (Велчева 1973:119–120), в то время как Нахтигал связывает имя пѣ с начертанием ꙗ, которое, по его мнению, первоначально относилось к греческому интердентальному спиранту [θ], а в более поздних версиях глаголицы оно было переосмыслено как знак для звука „ф” (Nahtigal 1948:10).

Б) В болгарской глаголице (называемой Нахтигалом „македонской” вероятно в силу того, что в Македонии употребление глаголицы продолжается до позднейшего времени) лигатурный знак Ѣ следовал непосредственно за буквой Ш (Nahtigal 1948:11). Действительно, почти во всех азбучных акростихах присутствуют по две соседние стихиры с инициалом Ш. Этот факт, с другой стороны, отсылает к тезе, поддерживаемой Хайнцом Микласом о том, что „буква ѡ употреблялась в то время в качестве варианта буквы Ш” (Miklas 2004:60–61).

Не углубляясь более в сложную проблематику функций и названия этой буквы, я лишь подчеркну в соответствии с целями доклада следующий факт. Ровно 70 лет назад Райко Нахтигал обращает особое внимание на то, что неправильной является та практика, которую он наблюдает в немалом количестве алфавитных таблиц к грамматикам древнеболгарского языка, помещать глаголический знак Ѣ после омеги (Ѧ), т.е. на месте буквы пе (п), приписывая ему числовое значение (800) пропущенной буквы (Nahtigal 1948:10). Странно, что даже сегодня, после оценки Нахтигала и неоспоримых документов древнеболгарских азбучных акростихов, а также Мюнхенского алфавитного словаря (Kempen 2016:6; Велчева 1973:123), по-прежнему издаются словари и учебники древнеболгарского языка, в которых буква Ѣ стоит отдельно от знака Ш в следующей очередности: Ѧ, Ѣ, Ѧ, Ѣ, Ш (Ѧ, Ѣ, Ѧ, Ѣ, Ѧ) (напр. Старославянский словарь 1999:57; Славова 2017:43) – очередности, которая впервые появилась только в XIV веке, о чем свидетельствует Боряна Велчева (Велчева 1973:120).

В) Два буквенных знака для „х” – хѣръ (ѣ) и хѣмъ (ѣ) – принадлежат первоначальной глаголице (Nahtigal 1948:13). Азбучные акростихи доказывают это заключение словенского ученого. К данному категорическому выводу Нахтигал добавляет и свою хорошо аргументированную гипотезу, впоследствии поддержанную и другими исследователями, что вначале буква, называемая им хѣмъ, обозначала твердый вариант фонемы „х”, а хѣръ – палатализованное „х” в словах, заимствованных из греческого. Позднее, по причине несколько странного вида буквы хѣмъ (ѣ), именуемой в науке „паукообразной” (хотя у паука 8 ног, а не 4 ноги) или более приятным определением „солнцеобразная” (см. Карпенко 1994:76; Миклас 2004:57), эта буква,

как предполагает Нахтигал, в конкретных случаях, напр. в имени „Христос” (срв. ХРѢСЪ – ХРѢСЪ), стала восприниматься как нелепая и была заменена хером (Х), который стал универсальным знаком для обоих „х” – и мягкого, и твердого (Nahtigal 1948:12–13). Подтверждение своей гипотезы видный филолог нашел в употреблении этих двух знаков в средневековой практике, а также в одном пассаже трактата *О письменехъ* конца IX-го или начала X-го веков, где Черноризец Храбр намекает об уже осуществленных изменениях в глаголице. Такая постановка вопроса тоже может найти известное обоснование в древнеболгарских азбучных акростихах. С одной стороны, четыре из них действительно передают одну из букв для „х” заимствованными словами ХЕРОВИМЪ или ХЕРОВЬСКЪ с палатализованной начальной фонемой, а другую из этих букв – различными формами лексем ХВАЛА или ХВАЛИТИ с начальным непалатализованным „х”. С другой стороны, один из рождественских циклов (в колонне Б в таблице), который немало отличается от остальных произведений, воспроизводит обе буквы словами с твердым „х” ХВАЛА и ХЪЗМЪ , что можно интерпретировать и как след начавшегося процесса вытеснения паукообразного знака (Х) хером (Х), так как хер здесь очевидно означает твердое „х”.

- 3) Нахтигал был одним из исследователей, которые пришли к выводу, что **изначальная глаголица имела не монографы для носовых гласных, а диграфы, где второй элемент (€) означал носовой призвук** (Nahtigal 1948:14–15). Акростихи трех древнеболгарских произведений доказывают это предположение по отношению к малому юсу. Два из них – это триодный цикл и канон на Рождество Христово Константина Преславского, которые, как полагает их открыватель, являются одними из самых ранних песнопений (Попов 1985:56; Попов 1997:16). В них зарегистрированы случаи, когда акростиховое € передается тропарем, начинающимся малым юсом, и наоборот – акростиховый малый юс маркируется тропарем с инициалом €. Это можно объяснить только гипотезой о диграммном характере малого юса, чьим первым элементом является именно глаголическая буква Е (Попов 1985:136):

Канон на Рождество Христово Константина Преславского (Попов 1998:21-22):	Триодный цикл трипеснцев и четверопеснцев Константина Преславского (Попов 1985:136-137):
P O Ж Д € ← A[Э€]зъци... N	C Б € ← A[Э€]же... P Ъ T € ← A[Э€]же... C A [Э€] ← €лико...

В приведенных примерах первый элемент диграммы малого юса в тропарных началах **Азъци** и **Аже** воспроизводит целых три раза букву € из акrostиховых пассажей **РОЖДЕН** и **СБЕРЪТЕ СА**, и наоборот: буква € из вводящего тропарного слова **€лико** стенографически передает первый элемент глаголического малого юса.

Особенно примечательно, однако, хотя и совершенно по-другому, диграммный характер малого юса засвидетельствован в стиховом акростихе древнеболгарского анонимного канона на Пятидесятницу, открытым в 2006 г. схимонахиней Ципорой (Верой Цачевой) (схимон. Ципора 2006; см. и Попов 2006:5–6). Там диграмма всегда передается двумя соседними тропарями, первый из которых начинается инициалом € , а второй – реконструированным наречием **Адро**, замененным позднее в процессе преславской редакции канона синонимическим **Скоро** (Попов 2006:25). Вот два из этих случаев – в акростиховых словоформах **РАЗДЪЛЪБА** и **ПОПАЛАШТА** (Попов 2006:23–24, 31–33):

P A З Д Ъ Л Ъ A [Э €]же... € [AДpo]...	П O П A Л A [Э €]гоже... € [AДpo]... Ш T A
--	---

Очевидно, что в данном произведении малый юс, с одной стороны, несомненно является диграфом, так как всегда передается двумя последовательными стихами, но с другой стороны, второй элемент диграфа в тексте

акростиha обозначает носовой призвук, но в тексте тропарей является знаком целого малого юса и передает первую букву наречия **Адро**. Вывод именно такой, так как мы не можем принять, что начальный юс слова **Адро** был диграфом, но участвовал в акростихе только своим вторым элементом, игнорируя первый. Это странное, двойственное положение может найти объяснение в трудах Райко Нахтигала, который отыскал архаичные примеры из Киевских листков и Синайской псалтири, где знак **Є** обозначает именно носовость, напр. в пятикратном написании веларного „н” слова „ангел” как раз с этим знаком в Синайской псалтири: **ⲛⲉⲗⲁⲛⲁ** (ангѣл). С другой стороны, тот же знак позже переосмысливается как специализированное начертание для нейотованного носового гласного „э” (а в кириллице) (Nahtigal 1948:15). Следовательно, **акростих древнеболгарского канона на Пятидесятницу регистрировал неурегулированное переходное состояние, когда практиковалось писать малый юс и как диграф (ЄЄ), и как монограф (Є), т.е. знак Є мог означать как единственно носовость, так и целый „э носовой”.** Такая графическая полисемия отлично соответствует духу времени последних 15 лет IX-го века в Болгарии, когда в творчестве Кирилло-Мефодиевых учеников мирно сосуществуют разноязычные и разнодиалектные словоформы и противоположные модели конструирования произведений.

В заключении мне хотелось бы отметить, что основной целью этой скромной статьи было показать как научное творчество Райко Нахтигала с его глубиной, масштабом и точностью может принести большую пользу даже в областях, в которых видный словенский филолог не имел возможности работать, каковой является древнеболгарская гимнография.

Литература

- Велчева, Б., 1973: Въпросът за ѿ в глаголическата азбука. *Известия на института за български език* 22, 105–124.
- Загребин, В., 1981: Заупокойные стихиры АЗЪБУКОВНЕ в сербском Требнике XIII века. *Археографски прилози* 3, 65–91.
- Иванова-Константинова, К., 1971: Два неизвестни азбучни акростиха с глаголическа подредба на буквите в среднобългарски празничен миней. П. Диневков (отг. ред.) и др. *Константин-Кирил Философ. Доклади от симпозиума, посветен на 1100-годишнината от смъртта му*. София: Издателство на БАН, 341–365.
- Јовановић-Стипчевић, Б., 1981: Текстолошка условљеност састава и броја слова старословенске азбуке према стихирама на Рођење и Крштење у српском препису. *Археографски прилози* 3, 93–121.

- Йовчева, М., 2003: Проблемы текстологического изучения древнейших памятников оригинальной славянской гимнографии. К. Stantchev, M. Yovcheva. *La poesia liturgica slava antica. XIII Congresso Internazionale degli Slavisti (Lubiana, 15-21 Agosto 2003). Blocco tematico n° 14. Relazioni.* A cura di Roma: Dipartimento di Letterature Comparate dell'Universita degli Studi Roma Tre – Sofia: Centro di Studi Cirillometodiani presso l'Accademia Bulgara delle Scienze, 56–78.
- Карпенко, Л. 1994: Глаголицата като отражение на религиозно-философските възгледи на Константин-Кирил. *Проглас* 4, 74–83.
- Кожухаров, С., 2004: *Проблеми на старобългарската поезия*, (Том 1). София: Боян Пенев.
- Попов, Г., 1982: Новооткрити химнографски произведения на Климент Охридски и Константин Преславски. *Български език* 32/1, 3–26.
- Попов, Г., 1985: *Триодни произведения на Константин Преславски (=Кирило-Методиевски студии, книга 2)*. София: Издателство на БАН.
- Попов, Г., 1994: Следи от разпространението на Наумовия Канон за св. апостол Андрей. *Старобългарска литература* 28–29, 10–22.
- Попов, Г., 1997: Новооткрит канон на Константин Преславски с тайнописно поетическо послание. *Palaeobulgarica* 21/4, 3–17.
- Попов, Г., 1998: Канон за Рождество Христово от Константин Преславски. *Palaeobulgarica* 22/4, 3–26.
- Попов, Г., 2003: Акростих в гимнографическом творчестве учеников Кирилла и Мефодия. К. Stantchev, M. Yovcheva. *La poesia liturgica slava antica. XIII Congresso Internazionale degli Slavisti (Lubiana, 15-21 Agosto 2003). Blocco tematico n° 14. Relazioni.* A cura di Roma: Dipartimento di Letterature Comparate dell'Universita degli Studi Roma Tre – Sofia: Centro di Studi Cirillometodiani presso l'Accademia Bulgara delle Scienze, 30–55.
- Попов, Г., 2006: Новооткритият старобългарски Канон за Неделя Петдесетница и неговият византийски образец. *Palaeobulgarica* 30/3, 3–48.
- Славова, Т., 2017: *Старобългарски език*. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“.
- Старославянский словарь 1999: Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес, Л. Пацнерова, М. Бауэрова. *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*. Ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. 2-е изд., стереотипное. Москва: Русский язык, 1999.
- Темчин, С. Ю., 2004: Этапы становления славянской гимнографии (863 – около 1097 года). Часть Первая. *Славяноведение* 2004/2, 18–55.

- Схимонахиня Ципора (Щачева, В.), 2006: Съобщение за новооткрит старобългарски ямбически канон. *Богословска мисъл* 2006/1–4, 212.
- Matejko, L'., 2004: К истории славянского перевода гимнов. P. Žigo, L'. Matejko: *BraSlav2. Zbornik z medzinárodnej slavistickej konferencie, konanej na Filozofickej fakulte Univerzity Komenského v Bratislave dňa 13. a 14. novembra 2003*. Bratislava: Kartprint, 45–53.
- Kempgen, S., 2016: *The Glagolitic 'spidery kh' <ѣ>, its origin and relatives*. [Preprint]. Bamberg: University of Bamberg, 1–23. http://kodeks.uni-bamberg.de/slavling/downloads/SK_Glagolitic_Spidery_kh.pdf.
- Miklas, H., 2004: Гимнографические памятники и развитие древнеславянских письменных систем. P. Žigo, L'. Matejko. *BraSlav2. Zbornik z medzinárodnej slavistickej konferencie, konanej na Filozofickej fakulte Univerzity Komenského v Bratislave dňa 13. a 14. novembra 2003*. Bratislava: Kartprint, 54–63.
- Nahtigal, R., 1948: Nekaj pripomb k pretresu Hrabovega spisa o azbuki Konstantina Cirila. *Slavistična revija* 1, 5–18.

Summary: Rajko Nahtigal's Scientific Views in Light of the Palaeoslavic Hymnology

It is not merely a few of Rajko Nahtigal's scientific views that are confirmed and further developed in light of modern palaeoslavic hymnology. This article principally focuses on tracing the predominant aspects of this line of research. For this purpose, a number of the theses and hypotheses set forth in Nahtigal's 1948 article, "Nekaj pripomb k pretresu Hrabovega spisa o azbuki Konstantina Cirila" (1948), are juxtaposed with the inferences of present-day palaeoslavic hymnology and with information sourced from Old Bulgarian acrostics. A detailed observation is provided: 1) the presence of moravisms in chants written in Bulgaria, and Nahtigal's assertions concerning the origin of the moravisms in the treatise referring to *О писменехъ* by Chernorizets Hrabar; 2) the information sourced from Old Bulgarian acrostics in comparison with Nahtigal's opinion of the alphabetic position of several letters in the Glagolitic alphabet and the functions of several letters, namely: the alphabetic position of the characters ꙗ (пѣ) and ѿ; the phonetic meaning of the two letters for the sound [h]; the initial writing of the letters for the nasal sounds as digraphs (ѣе, ѣе) and the pre-functionalisation of the second component of these digraphs (ѣе), which is a special sign for nasal pronunciation, such as the character for the nasal "e".

Key words: Rajko Nahtigal, Old Bulgarian, acrostic, Glagolitic alphabet, moravisms

Methodological implications of Nahtigal's remarks on the Acrostich Prayer

Catherine Mary MacRobert

University of Oxford, Oxford

This paper argues for renewed consideration of Nahtigal's analysis of the Acrostich Prayer in the light of evidence which has become available since his time and suggests that some of his interpretations are preferable on methodological grounds to recent conjectural interpretations of the text.

Key words: Nahtigal, Acrostich Prayer, Glagolitic alphabet

Over the seventy-five years since Nahtigal published his critical edition of the Acrostich Prayer (Nahtigal 1942-3), new sources for the early history of Glagolitic have come to light and new reconstructions of the text and the alphabet have been put forward. A concise and lucid review of these studies is available (Marti 2004^b), which this paper does not attempt to duplicate. Instead it takes as its starting point their surprising dearth of reference to Nahtigal's edition and his related articles (Nahtigal 1923 and 1948), a neglect which may be explained, but not justified, by the additional textual evidence which has emerged since his time. True, Nahtigal's critical reconstruction of the Acrostich Prayer was based on a handful of MSS, but they did in fact cover the main textual variants.¹ It will be argued that some of the conclusions which Nahtigal reached and the arguments which he used to support them still deserve consideration and on the whole are consistent with the more recent evidence provided by the acrostichs of the Christmas and Epiphany hymn-cycles (Ivanova-Konstantinova 1971, Jovanović-Stipčević 1981, Popov 2013; tabulated in Popov 2003:34–35 and Veder 2004:379–380) and the Sinai abecedarium in the Psalterium Demetrii (Marti 1999, Miklas 2012).

Nahtigal's most notable emendation was to line 12 of the Acrostich Prayer. The acrostich requires at this point a word whose initial letter in Glagolitic would be Ѧ, but the versions extant in Cyrillic attest words starting with the letter л: ЛЕТИТЬ БО НЗИНѢ И СЛОВѢНЬСКО ПЛЕМА in the earliest manuscript, Sin 262; (ї и) ЛѢ ТИ БО ННѢ СЛОВѢНЬСКО ПЛЕМА in the more widespread wording of the manuscripts which

¹ For instance, he mentioned the prefatory address to Naum included in a branch of the manuscript tradition (Nahtigal 1942–3:50) and raised the possibility that the variant reading *непрѣрьдомьа* in the doxology might be a loan from the poem in praise of Simeon (Nahtigal 1942–3:51), rather than a hapax legomenon (Veder 1999:181).

constitute the ‘β’ branch of the textual tradition (Veder 1999:16–17). Nahtigal suggested that Ɑ originally stood, as expected, at the beginning of this line, but in its numerical value of 30,² outside the metrical count of syllables: Ɑ. ⱭѢТЪ ВО НЪМЪ И СЛОВЕНЬСКО ПЛЕМА. He did not specify how the corruption might have occurred, but two possibilities can be envisaged: either, on the assumption that a letter of the Glagolitic alphabet stood in front of each line (Veder 1999:62, 66), the numeral was taken to be a dittography of the alphabetic letter Ɑ – and so omitted; or in the course of transmission it was replaced with its Cyrillic numerical equivalent, the letter л, and taken to be a dittography before the word ⱭѢТЪ – and so omitted. Either way, the genitive plural form ⱭѢТЪ became unintelligible without the numeral and so was liable in its turn to corruption. On the supposition that it was reinterpreted as the modal expression ⱭѢТЬ with a stereotypical dative ТИ added superscript, the reading ⱭѢТИТЬ is explicable as a trivial misreading (Veder 1999:67), even if the failure to discriminate between ε and ѣ is perhaps surprising at the early date by which these changes must have occurred.

Nahtigal’s conjecture, which produces a correct syllable count and a caesura after an odd-numbered syllable in line 12 of the Acrostich Prayer, is paralleled by well known errors and confusions in the Cyrillic transliteration of Glagolitic letters and numerals, for instance in the transmission of the *Vita Methodii* and the treatise of Hrabrŭ. It is patently superior to recent proposals. Lunt’s modified version assumes that the numeral indicated by Ɑ was included in the syllable count of the line, and therefore arbitrarily excises the words ВО НЪМЪ И, in spite of their solid textual support, in order to preserve the metre (Lunt 2000:280). Tkadlčik, who rejects Nahtigal’s suggestion as ‘nemožný’, attempts a semantic defence of ⱭѢТИТЬ, presumably because it is attested in the earliest manuscript (Tkadlčik 1992:366–367); this leaves the majority reading of the ‘β’ tradition unexplained. Mathiesen invokes the similarity of the letters for /d/ and /l/ in both Glagolitic and Cyrillic to justify a conjectural reading дѢТИ (Mathiesen 2014:198). Neither of these accounts explains the absence of expected Ɑ. Veder acknowledges the need to include Ɑ in the acrostich at this point, but suggests that it was represented by a native Slavonic word, дѢТЬ or ѣѢТЬ (Veder 1999:67), even though our sources offer no examples of the sequence /dě/ spelt with Ɑ in words such as дѢЛО, дѢТИ, and historical phonology provides no reason to expect such spellings.

The acrostich hymn-cycles for Christmas and Epiphany, which were discovered after Nahtigal’s time, are clearly based on the same version of Glagolitic as the Acrostich Prayer. As in the Jaroslavl’ hymn to the Trinity (Sobolevskij 1910:13–15), which was known to Nahtigal, line 12 of the Christmas cycle starts

2 Thus providing a plausible approximate dating for the text (Nahtigal 1942–3:61–62).

with the word ГЕВНЫ, thus supporting the view, which he took as established, that Ɑ indicated the outcome of palatalized /g/ before front vowels in loanwords from or through Greek (Nahtigal 1923:136–139, 1942–3:60). The attestations of ГЛЛИЦА or even ГЛДГОЛИ in versions of the Epiphany cycle are difficult to reconcile with this interpretation, but the first at least indicates an association with loanwords, while the second may be an instance of the observable textual fluidity of these compositions.

Nahtigal's treatment of other difficulties in the Acrostich Prayer similarly relied on early evidence and attention to philological probability, for instance in his interpretation of иже and the conjunction и in lines 10–11 of the Acrostich Prayer. He seems to have based his view that ж/ѣ originally stood for post-vocalic and initial /j/ or /j̄/ and з for post-consonantal /i/ primarily on the usage of Zographensis. However, he also went to the trouble of examining the more complex distribution of these letters in the Kiev Folia, where ѣ is also post-consonantal while з is sometimes initial, e.g. in the prefix из- and the *nomen sacrum* иѣ, and regularly post-vocalic in аз = /y/ (Nahtigal 1923:162–164), by contrast to аѣ = /yj̄/.³ In this he anticipated the convergent findings of more recent analyses (Tkadlčík 1956, Vrana 1964, Gotteri 1973, Miklas 2003:201), which detect in the Kiev Folia traces of a systematic contrast between /j/ or /j̄/, represented by ж/ѣ, and /i/ or /ij/, indicated by з. If Nahtigal had had at his disposal the combined evidence of the hymn-cycles and the hymn to the Trinity, which all start line 10 with из (implying a spelling with initial ж/ѣ, unlike the Kiev Folia) but in line 11 deploy loanwords, иродѣ/ѣсь/иезеккииъ, he might have been less sceptical about an association between the letter з and foreign words (Nahtigal 1923:160). If he had had the benefit of recent work on the development of Church Slavonic orthographical practice (e.g. Živov 2006), he might have been moved to consider the possibility that the positional rules followed in Zographensis could be a scribal simplification⁴ of a more complex, phonologically motivated pattern still discernible in the Kiev Folia, but increasingly obscured by sound change.

In his initial discussion of the two Glagolitic letters for /x/ Nahtigal put forward the view, which has come to enjoy widespread assent, that ѣ indicated this sound as realised before front vowels, in loanwords such as херовьскоу in line 24, while ꙗ was originally used in native Slavonic phonological contexts, such as хвалоу in line 33 and the instances of хлѣмъ in Assemanianus and the Psalterium Sinaiticum (Nahtigal 1923:173–174; Koch 2004:442). He suggested a parallelism with the

3 Also in the Rila Folia (Velčeva 1977:460).

4 Comparable to the rule in early Russian Church Slavonic by which ѣ is used in initial and post-vocalic position, а after consonants. This scribal extrapolation from traditional spelling approximates fairly well to etymological distribution.

two letters for /g/; but he did not go to the length of speculating that the same type of contrast might originally have been marked for /k/ as well and that the letter Ψ might have stood for this sound before front vowels, as has recently been argued, admittedly without direct evidence (Miklas 2003:180–181, 2004:396).

Although the the hymn to the Trinity and the hymn-cycles agree with the Acrostich Prayer in their choices of initial word, offering $\chi\epsilon\rho\omicron\nu\upsilon\mu\iota\sigma\kappa\omicron\upsilon\gamma\iota\omicron/\chi\epsilon\rho\omicron\nu\upsilon\mu\iota\mu\iota/\chi\epsilon\rho\omicron\nu\iota\mu\omicron\mu\iota$ and $\chi\epsilon\lambda\lambda\omicron\upsilon$ or, as a variant, $\chi\lambda\upsilon\mu\upsilon\zeta$ at appropriate points (Jovanović-Stipčević 1981:116–117; Popov 1982:9–10), the account of \mathfrak{b} and \mathfrak{t} which Nahtigal followed is not entirely satisfactory, because the relationship between \mathfrak{b} and \mathfrak{t} is not the same as that between \mathfrak{g} and \mathfrak{k} , for two reasons: i. the Greek consonant /g/ had split into two phonemes, /ɣ/ and /j/ (Horrocks 1997:112–113), whereas /x/ had not; ii. presumably as a consequence of this fact, \mathfrak{g} is used as the default for Greek /ɣ/ and Slavonic /g/, \mathfrak{k} only for the distinctive Greek /j/, whereas \mathfrak{b} appears as the default for Greek and Slavonic /x/ in almost all positions and \mathfrak{t} is only met vestigially in two types of initial cluster. Nahtigal seems to have considered this point and dismissed it on the ground that Greek allowed initial /xl/ (Nahtigal 1948:12–13), but he might have given it more weight if he had had the additional evidence of the hymn-cycles for \mathfrak{t} in the initial cluster /xv/, which is alien to Greek. In his publications of the 1940s Nahtigal was more concerned with the inconsistency between the Paris and Munich abecedaria over the order in which \mathfrak{b} and \mathfrak{t} stood in Glagolitic (Nahtigal 1942–3:69); he would presumably have welcomed supplementary evidence on this point from the Sinai abecedarium, in which the position of \mathfrak{b} is consistent with its attested numerical value of 600, while \mathfrak{t} is located towards the end of the alphabet.

Nahtigal did not try to find ways of correlating the enigmatic ‘P2’, represented by $\pi\epsilon\upsilon\lambda\lambda\epsilon$ in line 26 of the Acrostich Prayer, with the letter Ψ . He dismissed as ‘povsem zastarela’ (Nahtigal 1942–3:65) Durnovo’s hypothesis that Ψ occupied this position because of its visual similarity to Greek ψ ; presumably he would have rejected recent argumentation of a similar kind (Veder 1999:75, 174 and 2004:382, Miklas 2003:176–177). He was aware that the association of Ψ with this position in the alphabet was not guaranteed by its numerical value, because \mathfrak{a} , as well as Ψ , could have the value of 800 in later Croatian Glagolitic (Koch 2004) and because the letter \mathfrak{a} was attested with this value in the Grigorovič Parimejnik (Nahtigal 1948:10). His appeal to the evidence of $\pi\upsilon\epsilon\upsilon\lambda\lambda\epsilon$ in the hymn to the Trinity has gained new support from the use of the same word in the hymn-cycles and above all from the Sinai abecedarium, which clearly includes \mathfrak{a} at this point (Marti 1999:187, 192, Miklas 2012).

It must be conceded that Nahtigal’s speculation about the function of ‘P2’ is not his happiest conjecture. He suggested that Glagolitic originally had two letters, \mathfrak{t} ϕ , corresponding to Greek θ and ϕ , which came to be indistinguishable in Slavonic

pronunciation and therefore were reduced to one (Nahtigal 1923:135–154, 1948:10). This surmise is not entirely cogent, even if attractive, because the attested distribution of the two letters appears to be random rather than motivated; but it is typical of Nahtigal's approach that he appealed to the evidence of early Glagolitic manuscripts such as the Kiev and Prague Folia and Assemanianus as well as to the Bosnian Glagolitic alphabet of Radosav, and that he posited a motivation in the Greek sound system and alphabet which must have served as S. Cyril's starting point. An alternative suggestion, which goes back to Rešetar (Nahtigal 1923:140) and has been recently revived (Velčeva 1973 and 2007), that 'P2' stands for Greek ψ in the liturgically important word псалъмъ , which could be glossed with the Slavonic word пѣнь (MacRobert 2010:429), finds some slight support in the acrostichs of the hymn-cycles, especially that for Epiphany, пѣми^5 и пѣми . Neither account is compelling; but either is preferable to the emendation put forward by Mathiesen, who assumes a translational equivalence between $\theta\lambda\iota\upsilon\tau\iota\varsigma$ and пѣръ (Mathiesen 2014:199–200). This is not supported by any textual evidence and is intrinsically dubious, because no less often the Greek word is translated as κρῶβъ (MacRobert 1993:273–274).

In fact on the basis of the earliest abecedaria and the variable practice of manuscripts Nahtigal, like other Slavists of his time, doubted that w was original to Glagolitic (Nahtigal 1923:135, 1942–3:64–65; Jagić 1911/1972:205, Kul'bakin 2008:70–71, Vajs 1932:95). Consequently he was not tempted to explain цѣстоуѣ / цѣствѣ in line 30 of the Acrostich Prayer as a makeshift to indicate w – an unnecessary makeshift, since a writer as competent as the author of the Prayer could have incorporated an appropriate word such as цюждь or цедръ into his text, had he wished. Nahtigal would surely not have countenanced the solution that the ghost-word цѣстоуѣ should be adopted from late MSS and projected back to the period when the Acrostich Prayer was composed (Koch 2004:441, in response to Veder 1999:74–75).⁶ The association of ц with this line can be adequately explained by the shift to Cyrillic transmission: the most striking divergences in the textual tradition of the Acrostich Prayer occur precisely at those points, lines 10–12 and 30–33, where the Glagolitic and Cyrillic alphabets diverge. In their attempts to impose on the text the Cyrillic alphabet which they knew, scribes allowed patent inconsistencies between alphabetic letter and initial word, modified spellings, or omitted lines entirely.⁷

5 This could however be an interpolated scribal reminiscence of Ephesians 5:19.

6 The suggestion that цѣстоуѣ might be a mistake for цѣствѣ at this point in the acrostich (Veder 2004:383) is puzzling, since цѣства is attested in ongoing use.

7 The fact that only the earliest manuscript, Sin. 262, preserves lines 10–12 without omission is a measure of the speed and extent of such corruptions, against which the relatively sophisticated syntax of the Acrostich Prayer provided only partial protection. Acrostich compositions in which each line was a discrete syntactic unit, such as the Jaroslav' Hymn to the Trinity or the text in the Berlin *sbornik*, could readily be modified under Cyrillic influence.

Nahtigal's scepticism about ѡ has gained plausibility from the discovery of early Cyrillic alphabets from Novgorod which do not include ѡ (Zaloznjak 1999:558–560), and from the Sinai abecedarium, which does not have ѡ either after Ѡ, as in some later Croatian versions of Glagolitic, or after ѡ, as in Cyrillic. The fact that the writer of the abecedarium himself used ѡ in his annotations does not guarantee that it figured in his alphabet (*pace* Marti 1999:193): alphabets tend to be conservative, so may retain letters no longer in use and omit innovations (Marti 1999:189, Zaloznjak 1999:544). It is of course possible that ѡ has been lost after Ѡ in the damaged final portion of the Sinai abecedarium; but the evidence for this ordering in early Glagolitic is not substantial (*pace* Marti 2004^a:410–412). Where it is attested in Croatian Glagolitic, e.g. in the Roč abecedarium, it is correlated with, and perhaps occasioned by, the use of ⚭ with the numerical value of 800: ⚭ moves to the appropriate position after Ѡ and ѡ takes its place after Ѡ (Koch 2004:437, 446). In the Munich abecedarium a letter resembling ѡ appears twice, inverted before Ѡ and upright after it; the assumption that the second instance is a distorted form of ѡ is less than secure. An appeal to the Cyrillic textual tradition of Hrabrŭ's treatise as evidence that ѡ was ordered after Ѡ must reckon with the fact that the enigmatic sequence in the Moscow manuscript, ш. ѡ. шь. мъ. ѡ, deserves serious consideration precisely because it constitutes a more difficult reading, in a scribal hand which distinguishes clearly between ш and ѡ (Kuev 1974:429), than the list шѡ. ѡь. мъ. ю in the related manuscript Solovki 913, where the same Cyrillic influence is at work as in the manuscripts which list ѡ immediately after ш.

Nahtigal took a different view: he suggested that шь. мъ. in Hrabrŭ's treatise and the arguable second occurrence of ш followed by Ѡ in the Munich abecedarium constituted links between these witnesses and lines 30–31 of the Acrostich Prayer (Nahtigal 1923:148 and 1948:14). In discussing those lines he assumed that the letters for the *jers* would ideally have figured at this point in the acrostich, and at first he seems to have allowed the possibility that the initial words in these lines, шьствоую and имени, were conventionally associated with Ѡ and Ѡ here and by implication in Hrabrŭ's text. Later, however, he came to the conclusion that the *jers* could not be introduced into the acrostich in the usual way because they could not stand in initial position (Nahtigal 1942–3:65–66). He surmised that instead the *jers* and *jery* were indicated indirectly by the first syllables of three words in sequence, въспримиъ шьствоую изиѡ, i.e. that the author abandoned the acrostic structure here.⁸ The idea that Ѡ might have had an independent status and sound

⁸ This solution relieved him of concern over the apparent numerical discrepancy between the Acrostich Prayer and Hrabrŭ's alphabet of 38 letters (Nahtigal 1923:147–149, 1948:9–10).

value in line 31 (Marti 2000:61–64, 2004^b:18–19) seems not to have occurred to him, no doubt because he saw this letter and ꙗ as positional variants.

However, the acrostichs of the hymn-cycles invite a different inference, that ИМЕНИ in line 31 is intended to represent front *jer*, ꙗ, in the first syllable of words starting with /jǐ/: ИРꙗИ/ИНОГО. This explanation would vindicate Nahtigal's surmise about how the author of the Prayer contrived to include in his text letters which never occur in initial position, while conforming more nearly to the acrostich principle. If Nahtigal had had the additional evidence for *jer* in line 31, he would not necessarily have concluded, as has been recently suggested (Veder 1999:76, 174), that the Glagolitic alphabet known to Konstantin of Preslav had only one *jer*: both historical phonology and the usage of early Glagolitic manuscripts would have inclined him to expect two *jer*s. But might he have been prompted at least to contemplate the possibility that in line 30 of the Acrostich Prayer and the hymn-cycles ШЪТ- stands in the same way for back *jer*, ꙗ, on the assumption, for which there is some manuscript support, that regionally /ʃ/ became hard at an early stage, before the loss of the *jer*s? In that case the choice of initial words in lines 30–31 might have been motivated by the need to differentiate between letters which were very similar in form, by citing them in syllables where no confusion was possible: only front *jer* could occur after /j/, and once /ʃ/ had hardened, only back *jer* could follow it in pronunciation. Probably Nahtigal would have hesitated to draw this conclusion, because evidence for back *jer* after /ʃ/ is found mainly in Cyrillic manuscripts which are thought to derive from East Bulgaria (Kul'bakin 1929:87–90), but are not, of course, contemporary with Konstantin of Preslav.

For while Nahtigal was not averse to conjecture, it is clear that he acknowledged and observed a number of methodological constraints on speculative reconstruction of the alphabet implicit in the Acrostich Prayer:

- there must be at least some attestations to support a conjecture;
- alphabets are likely to be more conservative than scribal practice;
- autochthonous evidence is preferable to xenographic representations of alphabets or words;
- early evidence is preferable to later, especially where Cyrillic influence is possible;
- conjectures must be consistent with Slavonic etymology and historical phonology;
- conjectures must be consistent with the linguistic information available to scribes;
- allowance must be made for the Greek basis of the Glagolitic writing system and for the need to indicate Greek pronunciation.

in the abbreviation $\overline{\text{sk}}$. It deployed two letters for the non-initial *jers*, but had no need for the letter sk ,⁹ because the outcomes of *sk before a front vowel and *stj could be adequately represented by sk , *tj by v and *dj by e .

This Glagolitic alphabet is consistent both with the Acrostich Prayer of Konstantin and with the hymn-cycles attributed to S. Kliment, although the evidence of their other acrostich compositions indicates that these two writers used it in different ways: S. Kliment, perhaps the elder of the two, remained more or less true to Moravian practice in the spelling $\text{p}\text{z}\text{c}\text{r}(\text{e})\text{y}$ ¹⁰ (Popov 1985:44–45), whereas Konstantin opted for Bulgarian pronunciation in the digraphs sk sk (Popov 1985:36, Marti 2004^a:411). If sk was available at this stage, he seems not to have felt a need for it. In the south-east Balkans, among people more familiar with Greek, aids to grecizing pronunciation were not essential and could be gradually abandoned; perhaps Konstantin's use of sk in numerical function and the absence of a sample word with initial sk in Hrabrŭ's Treatise¹¹ mark the beginning of this process. The merger of /j/ and /i/ in South Slavonic rendered the distinction between sk / sk and sk opaque and gave rise, as argued above, to conventional rules for their use extrapolated from their older distribution as well, no doubt, as from their numerical values (Miklas 2003:186–187). The discrepancy between 36 letters in the early acrostich compositions and the claim of 38 in Hrabrŭ's Treatise is a difficulty only if we suppose that S. Cyril's alphabet was handed down in a fixed, authoritative form to the next generation in Bulgaria; but such evidence as we have suggests a more fluid tradition, and Hrabrŭ's assertion may be explained either by later modifications (Vaillant 1955:11) or by his wish to demonstrate parallelism between the Glagolitic and Greek alphabets.

Further back than this we cannot go: we do not have the evidence needed to reconstruct the alphabet which S. Cyril might have devised in Thessaloniki or Constantinople and offered to the Moravians on his arrival in their country. No doubt it was based on a variety of South Slavonic; this means that it must in some respects have been at odds with West Slavonic. We do not know whether SS. Cyril and Methodius tried to impose an orthography based on their own pronunciation or made compromises with local usage in order to promote their evangelizing activity, and the possibility that a ninth-century source might be discovered which would resolve this question is remote. Tempting as it is to supplement incomplete

9 Unless perhaps as a ligature of sk (Vaillant 1955:28), subsequently extended in South Slav usage to the outcome of *tj as well as *sk and *stj.

10 The instances of this word spelt with sk in text (Popov 2013:183–184) are not counter-examples, as z/z would have been changed to sk in the process of copying.

11 The suggestion that sk was represented by sk / sk , corrupted to sk (Veder 1999:93) is open to the same objections as apply to conjectural sk / sk and is inconsistent with the ordering of sample words in Hrabrŭ's list.

evidence with conjectures based on theoretical or typological considerations, it is salutary to bear in mind that there are 'limits to what can be achieved by deductive reasoning' and that 'cautious, fragmentary conclusions [...] must still sometimes carry greater weight' (Auty 1963:11).

References

- Auty, R., 1963: Glagolitic *Ѧ* and *ѿ*: facts, conjectures and probabilities. M. Hraste, Lj. Jonke, M. Ratković. *Zbornik u čast Stjepana Ivšića*. Zagreb: Somborac, 5–12.
- Gotteri, N. J. C., 1973: A Neglected Regularity in the Kiev Missal. *Slavonic and East European Review* 51, 445–447.
- Horrocks, G., 1997: *Greek: A History of the Language and its Speakers*. London-New York: Longman.
- Ivanova-Konstantinova, K., 1971: Dva neizvestni azbučni akrostixa s glagoličeska podredba na bukвите v srednobalgarski prazničen minej. P. Dinekov. *Konstantin Kiril Filosof*. Sofia: BAN, 341–366.
- Jagić, I. V., 1911/1972: Glagoličeskoe pis'mo. *Enciklopedija slavjanskoj filologii*, 3.III. St Petersburg/Leipzig.
- Jovanović-Stipčević, B., 1981: Tekstološka uslovljenost sastava i broja slova staroslovenske azbuke prema Stihirama na Rođenje i Krštenje u srpskom prepisu. *Arheografski prilozi* 3, 93–121.
- Koch, C., 2004: Das Bamberger glagolitische Alphabet. Zur Entstehungsgeschichte der Zeichenfolgen der kroatischen glagolitischen Alphabete. M.-A. Dürrigl, M. Mihaljević, F. Velčić. *Glagoljica i hrvatski glagolizam*. Zagreb-Krk: Staroslavenski institut, Krčka biskupija, 435–452.
- Kuev, K. M., 1974: *Azbučnata molitva v slavjanskite literatury*. Sofia: BAN.
- Kul'bakin, S., 1929: *Le vieux slave*. Paris: Champion.
- Kul'bakin, S., 2008: *Slavjanska paleografija*. Belgrade: SANU, Čigoja.
- Lunt, H. J., 2000: Thoughts, Suggestions, and Questions about the Earliest Slavic Writing Systems. *Wiener slavistisches Jahrbuch* 46, 272–286.
- MacRobert, C. M., 1993: Translation is Interpretation: Lexical Variation in the Translation of the Psalter from Greek into Church Slavonic up to the 15th Century. *Zeitschrift für slavische Philologie* 43, 254–284.
- MacRobert, C.M., 2010: The impact of interpretation on the evolution of the Church Slavonic psalter text up to the fifteenth century. A. Lemaire. *Congress Volume Ljubljana 2007*. (= Supplements to *Vetus Testamentum*, CXXXIII). Leiden-Boston: Brill, 423–440.

- MacRobert, C.M., 2014: On the headings and marginal notes in the two Glagolitic psalter manuscripts in S. Catherine's Monastery on Mount Sinai. M. S. Flier, D. J. Birnbaum, C. M. Vakareliyska. *Philology Broad and Deep: In Memoriam Horace Gray Lunt*. Bloomington, IN: Slavica, 175–185.
- Mareš, F.V., 1971: Hlaholice na Moravě a v Čechách. J. Hamm. A. Nazor. *Glagoljica. Jedanaest stoljeća jedne velike tradicije* (= Slovo 21). Zagreb, 133–200.
- Marti, R., 1991: Slavische Alphabete in nicht-slavischen Handschriften. *Kirilo-Methodievski studii* 8, 139–164.
- Marti, R., 1999: Abecedaria – a key to the original Slavic alphabet: the contribution of the abecedarium sinaiticum glagoliticum. *Thessaloniki – Magna Moravia: proceedings of the International Conference, Thessaloniki 16-19 October 1997*. Thessaloniki: Hellenic Association for Slavic Studies, SS Cyril and Methodius Center for Cultural Studies, 175–200.
- Marti, R., 2000: Die Bezeichnung der Vokale in der Glagolica. H. Miklas. *Glagolitica. Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur*. Vienna: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 54–76.
- Marti, R., 2004^a: Die Bezeichnung der Konsonanten in der Glagolica. M.-A. Dürrigl, M. Mihaljević, F. Velčić. *Glagoljica i hrvatski glagolizam*. Zagreb-Krk: Staroslavenski institut, Krčka biskupija, 401–417.
- Marti, R., 2004^b: Aktuelle Probleme des altkirchenslavischen Schrift- und Lautsystems. *Incontri linguistici* 27, 11–37.
- Mathiesen, R., 2014: A new reconstruction of the original Glagolitic alphabet. M. S. Flier, D. J. Birnbaum, C. M. Vakareliyska. *Philology Broad and Deep: In Memoriam Horace Gray Lunt*. Bloomington, IN: Slavica, 187–213.
- Miklas, H., 2003: Jesus-Abbreviatur und verwandtes: zu einigen Rätseln der glagolitischen Schriftentwicklung am Material der *Azbučnaja Molitva*. W. Honselaar, H. van der Tak, E. de Haard, A. Barentsen, J. Popovski. *Time flies, a Festschrift for William R. Veder*. Amsterdam: Pegasus, 171–204.
- Miklas, H., 2004: Zur Relevanz des neuen sinaitischen Materials für die Entwicklungsgeschichte der Glagolica. M.-A. Dürrigl, M. Mihaljević, F. Velčić. *Glagoljica i hrvatski glagolizam*. Zagreb-Krk: Staroslavenski institut, Krčka biskupija, 390–399.
- Miklas H., 2012: *Psalterium Demetrii Sinaitici monasterii sanctae Catharinae codex slav. 3/N adiectis foliis medicinalibus*. Vienna: Holzhausen.
- Nahtigal, R., 1923: Doneski k vprašanju o postanku glagolice. *Razprave*, I, 135–178.

- Nahtigal, R., 1942–3: Rekonstrukcija treh starocerkvenoslavanskih izvornih pesnitev. *Razprave Akademije znanosti in umetnosti v Ljubljani, filoz-filol-hist. razred*, I, 43–155.
- Nahtigal, R., 1948: Nekaj pripomb k pretresu Hrabrovega spisa o azbuki Konstantina Cirila. *Slavistična revija* 1, 5–18.
- Popov, G., 1982: Novootkriti ximnografski proizvedenija na Kliment Oxridski i Konstantin Preslavski. *Bălgarski ezik* 32, 3–36.
- Popov, G., 1985: Triodni proizvedenija na Konstantin Preslavski. *Kirilo-Methodievski studii* 2.
- Popov, G., 2003: Akrostix v gimnografičeskem tvorčestve učencov Kirilla i Medodija. K. Stantchev, M. Yovcheva. *La poesia liturgica slava antica*. Roma-Sofia: Associazione Italiana degli Slavisti, 30–55.
- Popov, G., 2013: *Starobălgarska cърkovna poezija za Roždestvo Xristovo i Bogojavlenie*. Sofia: Izkustvo.
- Sobolevskij, A. I., 1910: Materialy i issledovanija v oblasti slavjanskoj filologii i arxeologii. *Sbornik Otdelenija ruskogo jazyka i slovesnosti* 88:3.
- Tkadlečik, V., 1956: Trojĭ hlaholské i v Kyjevskĭch listech. *Slavia* 25, 200–216.
- Tkadlečik, V., 1963: Dvě reformy hlaholského písemnictví. *Slavia* 32, 140–166.
- Tkadlečik, V., 1992: K rekonstrukci Abecední modlitby Konstantina Přeslavského. *Slavia* 61, 363–373.
- Trubetzkoy, N. S., 1968: *Altkirchenslavische Grammatik*. Graz-Vienna-Cologne: Böhlau.
- Vaillant, A., 1955: L'alphabet vieux-slave. *Revue des études slaves*, 7–31.
- Vajs, J., 1932: *Rukověť hlaholské paleografie*. Prague: Slovanský ústav, Orbis.
- Veder, W. R., 1999: *Utrum in alterum abiturum erat? A Study of the Beginnings of Text Transmission in Church Slavic*. Bloomington, IN: Slavica.
- Veder, W. R., 2004: The Glagolitic Alphabet as a Text. M.-A. Dürriĝl, M. Mihalević, F. Velčić. *Glagoljica i hrvatski glagolizam*. Zagreb-Krk: Staroslavenski institut, Krčka biskupija, 374–387.
- Veder, W. R., 2008: The Glagolitic Barrier. P. Houtzagers, J. Kalsbeek, J. Schaeken. *Dutch Contributions to the Fourteenth International Congress of Slavists. Ohrid. September 10-16, 2008. Linguistics*. Amsterdam-New York: Rodopi, 489–501.
- Velčeva, B., 1973: Văprosăt za ѡ v glagoličeskata azbuka. *Izvestija Instituta za bălgarski ezik* 22, 105–124.
- Velčeva, B., 1977: Glagoličeskijat i-problem i rilskite listove. *Bălgarski ezik* 27, 456–460.
- Velčeva, B., 2007: Glagolicata i nejnite abecedari do XII v. *Kirillo-Methodievski studii* 17, 108–120.

- Vrana, J., 1964: Glagoljski grafemi ѳ-ѣ, ѣѳ-ѣѣ i njihova ćiriljska transkripcija. *Slavia* 33, 171–181.
- Zaloznjak, A. A., 1999: O drevnejšix kirilličeskix abecedarijax. A. A. Vigasin et al. *Poëtika. Istorija literatury. Lingvistika. Sbornik k 70-letiju Vjačeslava Vsevolodoviča Ivanova*. Moscow: OGI, 545–576.
- Živov, V. M., 2006: *Vostočnoslavjanskoe pravopisanie XI-XIII veka*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury.

Povzetek: Metodološki učinki Nahtigalovih opomb o Akrostišni molitvi

Prispevek poudarja dejstvo, da je Nahtigalova analiza Akrostišne molitve vredna ponovne refleksije v luči besedilnih virov, ki so bili na razpolago šele po Nahtigalovem času. Predvsem zaključuje, da je njegova rekonstrukcija ѣ v 12. vrstici Molitve boljša od novejših predlogov; da je bila njegova skeptičnost glede veljave ѣ dobro podložena; in da so bile pri njegovih drugih predlogih, čeprav manj prepričljivih, upoštevane pomembne metodološke omejitve, ki jih je treba vzeti v ozir pri vsakem poskusu, da se pride do najstarejšega stanja v razvoju glagolice, ki ga je mogoče rekonstruirati.

Ključne besede: Nahtigal, Akrostišna molitev, glagolska abeceda

Nahtigalovi doprinosi u okvirima glagoljske paleografije XX. stoljeća

Mateo Žagar

Sveučilište u Zagrebu, Zagreb

Iako je paleografska dimenzija djela Rajka Nahtigala razmjerno malena u odnosu na druge sastavnice njegova filološkoga opusa, vrijedi na nju ponovno obratiti pozornost, posebice zbog njegova dubokog poznavanja građe, znanstvene intuicije i argumentacijskoga intenziteta. Na tragu učitelja Vatroslava Jagića i mnogih paleoslavista iz prvih desetljeća XX. st. Nahtigal uzore za nastanak glagoljice traži u orijentalnim pismima. Za razliku od prethodnikâ ne pristaje na uvažavanja puke grafičke sličnosti, nego inzistira na pronalaženju jezične (grafematske) povezanosti među određenim slovima glagoljice i slovima uspoređivanoga alfabeta. Pritome posebice vodi računa o fonetskim posebnostima pojedinih glagoljskih fonema/grafema u različitoj fonološkoj okolini i te posebnosti uspoređuje s izgovornim vrijednostima nekih slova u uspoređivanim orijentalnim pismima. Osim što nastoji prodrijeti u jezikoslovnu koncepciju Konstantinova autorstva glagoljske azbuke, ističe važnost završne grafičke stilizacije glagoljice, kojoj također uzore prepoznaje u istočnim pismima. U radu se ti dosezi uspoređuju s dosezima glagoljske paleografije cijelog XX. stoljeća.

Ključne riječi: glagoljska paleografija, glagoljica, Rajko Nahtigal, azbuka

Sredinom XX. stoljeća, kada Rajko Nahtigal napušta ovaj svijet, već su se i najvrsnija slavistička imena specijalizirala za pojedine filološke discipline, no još uvijek s mišlju da je paleoslavistika rodonačelnica svakoj slavenskoj filologiji, koje su se ubrzano od početka XX. stoljeća počele uspostavljati i postupno kidati veze s bazičnim okvirom iz kojega su potekle. Danas pak, šezdesetak godina nakon smrti profesora Nahtigala, čvršće se slavističko jedinstvo pojedinih slavenskih filologija odražava tek u poredbenom jezikoslovlju i paleoslavistici, čiji sve rjeđi predstavnici – uza specijalizacije različitih registara – prate različita znanstvena polja (različitih metodologija) razmjerno čvrsto omeđena i prostorom i vremenom. Pogled na Nahtigalovo djelo umnogome je dakle pogled u drugu filološku epohu, barem iz hrvatske paleoslavističke vizure.

Već i sastav programa upriličenoga znanstvenog skupa govori o raznolikosti tema kojima se ugledni akademik i sveučilišni profesor, utemeljitelj slovenistike bavio, a pogled u njegovu bibliografiju brzo oblikuje u čitatelja dojam kako je riječ o stručnjaku iznimno intenzivna, detaljna i temeljita zahvata, koji nije gubio vrijeme na suvišnosti i ponavljanja, ne nalazeći ni u redundanciji argumentiranja

vrline. Broj Nahtigalovih paleografskih radova neće zasigurno nikome zapeti za oko, jer se zapravo svodi na veliku i intenzivnu, slojevitim znanjima impregniranu, raspravu *Doneski k vprašanju o postanku glagolice* (Nahtigal 1923a) i manje paleografske osvrte u drugim publikacijama, posebice u monografiji o *Sinajskom euhologiju* (1941, 1942).¹ Svejedno, njegov je doprinos upravo u tim radovima vrlo značajan za povijest glagoljske paleografije, i u sinkronoj povijesnoj dimenziji, ali i još uvijek kao izvor plodonosnih zaključaka o počecima glagoljice. U ovome pregledu prvo ću podastrijeti osvrtnja autora uknjiženih glagoljskih paleografija koji su mogli poznavati njegovo djelo (Josipa Vajsa, Stepana Mihajloviča Kuljbakina, Vjekoslava Štefanića, Thorvi Eckhardt), a zatim ću komentirati njegova istraživanja tema koje bi pripadale paleografskim okvirima i njihovu relevantnost u suvremenoj glagoljskoj paleografiji.

Prije svega treba reći da, unatoč razmjernoj brojnosti monografija o glagoljskom pismu (a sveukupno od Jagićeve paleografije (1911) do danas brojimo ih šest) u XX. st., ne postoji konsenzus o tome što one moraju sadržavati. Gotovo sve uključuju pregled raspravljanja kroz povijest slavistike (katkad i iz povijesti onkrajfiloloških znanosti) – o porijeklu glagoljice, o pitanju njezina autorstva, odnosa prema ćirilici, zatim o njezinu grafemskom sastavu (odnosu prema rekonstruiranim fonemima), slovnom redosljedju, sustavu brojevnoga niza, o pravopisu, a ponajviše o raznolikosti i razvoju slovnih oblika (grafomorfologije) – kako bi spomenute monografije mogle biti i praktičnim priručnikom za procjenu mjesta i vremena kakva novopronađenog teksta ili fragmenta. Josip Vajs u svojoj *Rukovėti hlalolské paleografie* (Vajs 1932:12) spominje Nahtigala u nizu onih koji su smatrali da je Crnorizac Hrabar u svojoj raspravi *O pismenima* mislio na glagoljicu (nakon Abichta, Fortunatova, Pogorčlova, Vilinskog i Vondráka), za razliku pak od Jagića koji u tom smislu nije bio eksplicitan, i onih koji su mislili da je riječ o ćirilici, kao što su Lavrov, Sobolevski i Nikolski. Nadalje, Vajs vrlo spremno uvažava Nahtigalove napomene iz rasprave *Doneski k vprašanju o postanku glagolice* o nizu od 38 slova slova u azbuci, te ih na istome mjestu uvrštava u osnovni niz kako ga je prema Crnoriscu predložio Vondrák. Vajs dakle prijanja uz Nahtigalovu interpretaciju o slovu »pe« na 26. mjestu u azbuci (na mjestu slova ꞥ). U poglavlju o podrijetlu glagoljice Vajs posvećuje »profesoru Nahtigalu« (tako ga uvijek u knjizi apostrofira) cijelo manje potpoglavlje u okviru svoga poglavlja o autorstvu i porijeklu glagoljice, pri samom kraju, između komentara dosega Fortunatova i Kuljbakina. Iste godine kada je preminuo njegov učitelj Vatroslav Jagić Nahtigal objavljuje svoje *Doneske k vprašanju o postanku glagolice*. Vajs navodi

1 U izdanju *Sinajskoga euhologija* obradio je samo one paleografske teme koje su bile relevantne za transliteriranje u ćirilicu: obilježavanje predaha dijakritičkim znakovima, interpunkciju, razlikovanje malih i velikih slova, kraćenja (1942:VI–IX).

Nahtigalovo tamošnje tumačenje kako su slova *b*, *p*, *e*, *i* – hebrejsko-samaritansko-ga podrijetla, slova *ž*, *č* upućivala bi na koptske predloške, a za tumačenje slova *č* dolazilo bi u obzir i gruzijsko podrijetlo. I sam pripadnik dominantne slavističke struje koja je tražila pojedinačne uzore za pojedina glagoljska slova, Vajsu se ova tumačenja čine smislenima. Osobito mu je kod Nahtigala prihvatljivo to što se on osvrće na raznolikost materijalnih (fonetičkih) osobina fonema, odnosno to što je u procjeni mogućnosti preuzimanja nekih slova, posebice iz grčkoga, Konstantin zacijelo – kako tvrdi Nahtigal – vodio računa o bliskostima i razlikama slova za grčke foneme prema slavenskim glasovima, pogotovo s obzirom na odnos u pogledu palatalnosti. Tako bi se Konstantin naprimjer radije bio obratio hebrejskom velarnom predlošku (»Koph«) za slovo *k*, nego grčkome gdje ta velarnost nije kontrastna osobina. Sličan je razlog bio i za odustajanje od preuzimanja iz grčkoga kod slova *e* (»jest«); tu bi pak dinamika s prejotacijom u slavenskome jeziku bila ključna razlika. Umjesto toga najvjerojatnije je posegnuo za samaritanskim »he«, doista sličnog izgleda (tri kraka također okrenuta ulijevo), uskoga – kako stoji – izgovora (1923:156). U četvrtom poglavlju svoje paleografije, gdje piše o dva egzogena smjera razmatranja porijekla glagoljice (jedan hebrejsko-samaritanski, a drugi grčki minuskulni), Vajs se ponovno vraća na Nahtigalova tumačenja mogućnosti da su glagoljska slova *i*, *s* preuzeta iz hebrejskih predložaka (Vajs 1932: 51, Nahtigal 1923:165). Spominje Vajs i Nahtigalova propitivanja mogućnosti etiopskog podrijetla nekih glagoljskih slova (uz Šafařika, Lamanskoga i Wesselyja), što i danas opstaje jednom od najprovokantnijih mogućnosti povezanosti s nastankom glagoljice (Vajs 1932:55).² Također, u velikom poglavlju o podrijetlu svakog pojedinog glagoljskog slova Vajs uključuje Nahtigalova tumačenja (posebice s obzirom na njegova prethodnika Vondřaka), i to obično pri kraju slovnog opisa u njegovoj paleografiji, sukladno vremenu stupanja Nahtigala na paleografsku scenu (slova »buki, jest, živeti, iže, kako, on, slovo, frt, črv, ša«). U poglavlju o posebnim i nadrednim znakovima navodi Nahtigalova zapažanja iz *Sinajskoga euhologija* i *Kijevskih listića*, o mogućnostima da označuju aspiraciju, naglasak ili dužinu (Vajs 1932:119, prema Nahtigal 1923:156). Naravno, Vajs se poziva na Nahtigala i pri opisu *Sinajskoga euhologija*, dakako ne prema velikom izdanju iz 1941., nego prema raspravi iz 1925, koja je bila svojevrsna priprema za buduće opsežno monografsko izdanje (1941, 1942).

Kuljbakin je svoju paleografiju napisao nedugo prije Vajsove – vjerojatno 20-ih godina XX. st., dok je radio na beogradskom sveučilištu, a sve do 2008. g., kada je napokon objavljena u Beogradu, stajala je u strojopisu. Razlog zašto se nije šezdesetih godina u Beogradu otisnula, pošto je pronađena u ostavštini

2 Usp. raspravu Geliana Mihajlovića Prohorova (1992).

Aleksandra Belića, bio je upravo u tome što je po nastanku starija od Vajsove pa se – u duhu ideje trajnog i pravocrtnog napretka provjerljivje znanosti – smatrala prevladanom (usp. pogovor Radmile Kovačević u Kuljbakin 2008:027). U tom izdanju, u poglavljima u kojima se propituje porijeklo glagoljice, spominju se i Nahtigalovi *Doneski k vprašanju o postanku glagolice*, kao jedno od posljednjih citiranih djela. Spominju se ondje i pri navođenju zastupnika pretpostavke da su presudnu ulogu imala istočnjačka pisma pri oblikovanju glagoljice (ponovno uz Vondráka, Grunskoga, Fortunatova, Wesselyja), za razliku od niza – kojima se priklanja Kuljbakin – koji smatra da je u njezinoj podlozi uglavnom grčki kurziv. Kuljbakin ističe i neke Nahtigalove interpretacije koje Vajsu nisu bile toliko važne, npr. pitanje porijekla slova »iže s nožicom«, za koje Nahtigal tvrdi da je kasnija varijanta u odnosu na onu s udvostručenim stablom (Kuljbakin 2008:68, Nahtigal 1923:164), ili rekonstruiranje nastanka slova *s* (Nahtigal 1923:135). Kao i Vajs, i Kuljbakin ističe Nahtigalovu tvrdnju o poziciji slova »theta« u najstarijoj glagoljici (Kuljbakin 2008:69, 104, Nahtigal 1923:135). Navodi se i Nahtigalova potvrda da bi Fortunatov mogao imati pravo tvrdeći da je glagoljsko *ž* preuzeto iz koptskoga »dž«, razmjerno bliske fonetske vrijednosti. Za razliku od Vajsa Kuljbakin se koristi i polemičkim tonom kada tvrdi da je glagoljsko *č* zapravo ligatura (*t+š*), pa nema potrebe za zagledanjem u koptski alfabet (Kuljbakin 2008:70–71, Nahtigal 1923:167–168). Kuljbakin je dakle bio otvoreniji unutarnjem, endogenom, rekonstruiranju sustava i oblika glagoljskih slova, iako se ne može reći ni da Nahtigal nije upućivao na unutarnje veze slova: prepoznavao je i on likovnu sličnost glagoljskih slova *g* i *h* s njihovom glasovnom bliskošću, što teško da može biti slučajno. Za razliku od Nahtigala Kuljbakin je posezao i za sličnosti nekih glagoljičkih slova s onodobnim latiničkim kurzivom (*a, k...*).

U drugoj polovici XX. stoljeća – vjerojatno krajem 60-ih i početkom 70-ih godina, oblikovana je još jedna glagoljska paleografija, nedovršena doduše, koja nije do danas ugledala svjetlo dana, ona Vjekoslava Štefanića, danas na raspolaganju u Staroslavenskom institutu u Zagrebu. Prvi citat o Nahtigalu zatječemo u poglavlju o izvođenju podrijetla glagoljice gdje stoji da je ključne argumente protiv Geitlerove hipoteze o albanskoj podlozi postavio upravo Nahtigal, i to u raspravi *O elbasanskem pismu in pismenstvu na njem*, objavljenoj *Arhivu za arbanasku starinu, jezik i etnologiju*, koji je od 1923. do 1926. godine uređivao Henrik Barić (Štefanić:13, Nahtigal 1923b). Na temelju Nahtigalovih *Doneska k vprašanju o postanku glagolice* iz 1923. ustvrđuje Štefanić njegovo opredjeljenje za prevladavanje grčkoga podrijetla, ali s velikim utjecajem hebrejsko-samaritanskih slova, i to na primjerima glagoljskih slova *buky, pokoj, jest* i *i*, dok bi – navodi – slova *živjeti* i *črv* upućivala na koptski. Piše tako Štefanić kako prema Nahtigalu »Ćiril nije

nijedno slovo izmislio nego je u istočnim abecedama tražio ona koja su odgovarala njegovom fonetskom nazoru kojega se držao. Stoga nije iz grčkoga preuzeo E niti K, i to zato što je slavensko *e* bilo i prejotirano (stoga je izveo iz samaritanskog ,he‘, a *k* nije uzeo iz grčkoga alfabeta jer je njegov izgovor mogao biti palatalan (stoga je posegnuo za hebrejskim velarnim slovom ,koph‘)« (Štefanić:19). Nažalost, pet je stranica iz Štefanićeva rukopisa izgubljeno (49–55), i to upravo u poglavlju »Fond glagoljskih slova staroslavenskog razdoblja«, u kojemu bismo i očekivali njegov osvrt na Nahtigalovo tumačenje pozicije i izgovora slova »pe«, o čemu je on – kako smo ovdje već i istaknuli – iscrpno pisao u *Doneskima k vprašanju o postanku glagoljice*. Rapravljajući o grafemskom sastavu i odnosu prema fonemima, Štefanić se uglavnom osvrtao na tada mlađe istraživače koji su već u svoja razmatranja uvrstila spoznaje prethodnika, odnosno u razlaganju nastanka i razvoja postavki ne ide dublje u prošlost kao što je činio s pregledom hipoteza o nastanku glagoljice. Nahtigalov položaj u povijesti glagoljske paleografije odredio je na liniji koja se proteže »od Jagića i Taylora, preko Vajsa, a nastavlja se kroz radove Lehra Splawinskoga, Josipa Vašice, Havranka, Selišćeva i Josipa Kurza.« (Štefanić:29).

U svojoj knjizi *Azbuka* (Eckhardt 1989), objavljenoj 1989. godine, kojoj i u podnaslovu stoji da je svojevrsan uvod u slavensku paleografiju, Thorvi Eckhardt je značajno skratila pregled raznolikih tumačenja podrijetla glagoljice, pa tako Nahtigala – kao svojevrsnog nastavljača egzogenoga niza – više i ne spominje. Isto tako, budući da je svoj uvod u paleografiju »očistila« većine lingvističkih tumačenja, stavljajući naglasak na sociokulturna povijesna tumačenja, tako nije bilo prostora ni za Nahtigalova tumačenja fonološke osnove eventualnog razlikovanja i preuzimanja slova iz kontaktnih pisama. Ipak, Nahtigala se prisjetila u svojoj znamenitoj i iznimno često citiranoj raspravi *Napomene o grafičkoj strukturi glagoljice* (1955:66), koja je obilježila rad cijelog niza istraživača koji su tražili uporišta za kreativno, unutarne izvođenje glagoljičkog pisma, gdje upućuje na jednu posve novu dimenziju Nahtigalova razmatranja podrijetla glagoljice, u osnovi dakle endogena karaktera. Podsjeća nas Eckhardtova da on u poglavlju »Pri-pomnja k individualni stilizaciji glagolske azbuke« (1923:170–172) upozorava vrlo rano na simetričnost slova oble glagoljice, na što je doduše još bio upućivao i Leopold Geitler (no samo u vertikalnoj dimenziji pisma, kod slova *i:s*, *v:d*), a kasnije prihvatio i Trubetzkoy u svojoj *Gramatici* (Eckhardt 1955:66). Zanimljivo je da Nahtigal ovdje kao model izvorne glagoljice postavlja kvadrat podijeljen na 4 manja kvadrata, kao svojevrsan grafički modul (koji će nekoliko desetljeća kasnije u obliku kružnice s osam dijelova postaviti i Vasil i Olga Jončev, 1982), ali i da nad tim kvadratom razmišlja ima li kakve veze s »hebrejskim kvadratnim pismom« i zaključuje da ipak o tome ne može odlučiti (1923:171).

Iako se u suvremenim paleografskim priručnicima i radovima Nahtigal sve manje spominje, po razumljivu načelu da se citiraju neposredniji prethodnici u čije su pak djelo inkorporirane spoznaje starijih predšasnika, upravo su ovakve konferencije i zbornici dobra prigoda da se prisjetimo važnijih prekretnica i doprinosa ključnih autora. Nahtigal nije bio prije svega paleograf, no bavio se nekim ključnim paleografskim temama, i u svakoj od tih njih bio je suveren stručnjak koji je i postigao znatan napredak. Zahvaljujući ovom povodu, naprimjer, jasno se pokazalo kako su traganja za simboličkom i geometrijski kreativnom motivacijom oblikovanja glagoljice kontinuirano pratila i egzogena tumačenja kroz cijelu prvu polovicu XX. stoljeća. Nahtigal je bio autoritet koji je intenzivno zahvaćao temu, koji je izbjegavao ponavljanja i suvišna tumačenja, koji se nije poradi modernih izazova lako odbacivao naslijeđena znanja. Ulazio je u problem prilično izravno, preskakajući postupno strukturirane uvode koji se današnjem čitatelju, kojeg s paleoslavistikom vezuju slabiji konci, mogu činiti neophodnim. Zato se i njegov najveći paleografski doprinos, *Doneski k vprašanju o postanku glagoljice*, sastoji tek od pet ključnih tema, međutim na 42 stranice sitno otisnutoga teksta. Premda je raspolagao golemim znanjem, nije se latio pisanja paleografskog priručnika: isprva zacijelo zato što je Jagićeva paleografija iz 1911. bila vrlo opsežna i temeljita, a kasnije su – do početka drugoga svjetskog – rata) već bile sastavljene i spomenute Vajsova i Kuljbakinova (za koju je vjerojatno znao, iako nije bila objavljena za njegova života), a moguće i zato što se nije intenzivno bavio hrvatskom paleografskom građom, bez temeljita poznavanja koje i nije moguće razumjeti čitav kontinuitet mijene pisma i pisanja glagoljicom.

Podsjetimo se ukratko kojih je to bilo Nahtigalovih pet paleografskih tema. Prva, koja obaseže polovicu rada (gotovo dvadeset stranica, 1923:135–154) upravo je slovo »pe« na čiju su se uporabu, zamjenu mjesta u azbuci, gotovo svi kasniji glagoljski paleografi osvrtili. Ono se nalazi, ističe u cijelom nizu glagoljskih spomenika (posebno azbučnim molitvama), i to između slova *ot* i *ci*, koje je kasnije zamijenilo na tome mjestu slovo *šta* – tvrdi i Nahtigal – ligaturnoga podrijetla, s brojevnom vrijednošću 800. Konstantin Filozof bi ga bio, tvrdi Nahtigal, sam uvrstio u svoju prvotnu glagoljicu pod utjecajem starožidovskog pisma. Glas koji bi ovo slovo označavalo bio bi u toj prvotnoj glagoljici sličan stanju u hebrejskome slovnom nizu – gdje je označavalo pozicijsku inačicu glasa »p« (kada je stajalo ispred suglasnika, a ne – što bi bilo neutralno – samoglasnika). U prvotnoj Konstantinovoj glagoljici slovo toga imena (također preuzeto iz starožidovskoga) bilo bi se koristilo za glas koji u danas nama poznatim azbukvama predstavlja – *thita*, i to za pisanje u stranim riječima (dakle ne nužno adaptirano). Vrlo zanimljivo poklapanje, pa i u označivanju brojevnih vrijednosti (dakle u redosljedu slova),

ni današnjem razmatratelju ne dopušta da samo tako otkloni mogućnost utjecaja starožidovskoga pisma pri oblikovanju glagoljske azbuke. Kao što se još uvijek, Nahtigalovim tragom, može raspravljati i o drugim mogućnostima fonološke pozadine slova »pe« (npr. nije li moguće da je riječ zapravo o pozicijskoj varijanti slavenskoga glasa »p« kada se nađe ispred suglasnika u uvjetima već slabih ili nestalih poluglasa).

Druga je tema naslovljena »Zmisl nekkih negrških elementov v grškem delu glagolice« (1923:154–166). Nahtigal polazi još od Jakoba Grimma koji je upozorio na lijevu orijentaciju nekih glagoljskih slova koja bi mogla odražavati uzore u semitskim pismima (*k*, *e*, *o*). U slovu *o* (»on«), tvrdi, nema dvojbe da je izvedeno prema grčkome (prema dva minuskulna *o*). Slovu *k* (»kako«) odriče bilo kakvu fezu s grčkim, nego je vidi samo s hebrejskim slovom »kof«. Napuštanje ideje o grčkom predlošku tumači upravo – fonetskim razlozima, jer je u hebrejskom ono predstavljalo »zadnjevelarno emfatično k« (a ne iza prednjih vokala palatalno kao u grčkome), kakvo je i bilo potrebno u glagoljici. Slično je tumačenje uslijedilo i s glagoljičkim *e* (»jest«), posve suprotno usmjerenim od grčkoga (nadesno), u čemu se također vidjela motivacija da se upozori na bitno drugačiji (palatalniji) izgovor u staroslavenskom jeziku, pa se – tvrdi – i posegnulo za semitskim »he«. Tom prilikom Nahtigal raspravlja i o smislu označavanja spirita u *Kijevskim listićima*, što također ne bi bila puka kopija grčke ortografije, nego sredstvo za obilježavanje granica među riječima u uvjetima pisanja »in continuo«. Uvrštavanje istih znakova u *Zografsko evanđelje*, gdje stoje i unutar riječi, tumači se oznakom slogovne razdiobe. Koliko znam, kasnije se nitko nije vraćao ovakvu Nahtigalovu tumačenju, pogotovo jer su riječi u *Kijevskim listićima* ionako – sukladno kontaktnoj latinskoj tradiciji – uglavnom dobro razdvojene bjelinama. U okviru druge teme Nahtigal raspravlja i o odnosu glagoljskih slova *i* i *iže*, te varijantama potonjega (sa »suknjicom« – u kojoj opet dopušta mogućnost utjecaja starohebrejskog pisma – ili s »nožicom«), te se zauzima za izvornu posebnost slova »iže« kao prejotiranoga. Ponovno je nastojao pronaći fonološku osnovu udvajanju slova za ono što danas smatramo istim glasom, i za to osnovu traži u *Zografskom evanđelju* i *Kijevskim listićima* (1923:159–166).

Treća je tema naslovljena »Dosedaj še neomenjeni znaki za slovanske, a negrške glasove v glagolici« (1923:166–170). U njoj Nahtigal tumači kako se glagoljska slova *b*, *ž*, *z*, *č* izvode najbolje prema – »semitskoj abecedi«, i pritom najviše polemizira s Vatroslavom Jagićem. Važno je istaknuti da kada god raspravlja o mogućnostima utjecaja iz orijentalnih pisama, čini to s obzirom na fonološku vriednost mogućeg adekvata, npr. u koptskom, armenskom, gruzijskom ili kufijskom (jednom od staroarapskih pisama), a i u pismima nekih drugih naroda koji

se npr. spominju u polemici s »trojezičnicima« u Veneciji (u XVI. glavi *Žitja Konstantinova*): Armena, Perza, Avazga, Ivera (Gruzina), Sugda, Gota, Obra, Tursa, Kozara, Arabljana, Jegupta, Sura i »inih mnozih«.³ Sve to dopunjuje tvrdnjama o poklapanju nekih rješenja/preuzimanja i u brojnoj vrijednosti u slovnom nizu, pa tako nikoga ne može ostaviti ravnodušnim činjenica da se glagoljsko slovo *č* i slično glasovno slovo u gruzijskom poklapaju i u tome što označuju isti broj – 1000.

Čvrst stav o vanjskim uzorima nastanku glagoljice, prije svega grčkominskulnim, pa onda starožidovskim i ostalima orijentalnima, Nahtigal nadopunjuje u četvrtom, najkraćem poglavlju pod naslovom »Pripomnja k individualni stilizaciji glagolske azbuke« (1923:170–172) rečenicama o autorovom kohezivnom činu koji pismo, odnosno alfabet, naposljetku čini jedinstvenim u grafičkom smislu. Iako Nahtigal ondje piše »Le eno je pač brez dvoma, da si Konstantin ni nobenega znaka popolnoma na novo izmislil.«, za njega nema sumnje da je izvršena naknadna stilizacija koja je i novo pismo besumnje autorski oblikovala. I tu se osvrće na simetriju unutar kvadratnog modula, o kojoj smo netom pisali, nabrajajući slova koja bi se lako tako mogla smjestiti (*a, b, v, d, ž, z, ĭ, l, m, p, f, th, c, č, ê*). Osim slova *v, d, f, c* sva se mogu i vertikalno i horizontalno raspoloviti, što znači da im je kvadrat kao modul primjeren. Spominje i ornamentizaciju kao oblik stilizacije, i to »kružić«, koji je – tvrdi – u izvornoj glagoljici bio plosnati, ali i – »lomljenu crticu«.

Na kraju, u petom poglavlju »*hl̆b – t̆b* v Hrabrovi apologiji slovanskih pismenk po rokopisu moskovske duhovne akademije« (1923:172–174) Nahtigal raspravlja ponovno o grafematičkom fenomenu, o jednome mjestu u Hrabrovom spisu (inačice najstarijoj sačuvanoj u rukopisu koji se spominje u navedenom naslovu poglavlja) koje se nadovezuje na prvu temu o slovu »*pe*«, i to o kratici »*hl̆b*« za »*hl̆bm̆b*«, te o odnosu prema slovu pod neslavenskim nazivom »her« (koja je možda bila također kratica za riječ »kerubin«). Ponovno razloge razlikovanju nalazi u kvalitetama izgovora, a slovni izgled ponovno uspoređuje s istočnim pismima. Zanimljivo je da dubletski princip prepoznaje i kod slova *t*, za što ponovno opravdanje nalazi u Hrabrovu tekstu, dok se kao drugo slovo za varijantu toga glasa koristilo se – tvrdi – slovo grčko-ćiriličkoga podrijetla.

Rajko je Nahtigal pomaknuo glagoljsku paleogafiju prema uvažavanju jezičnog okružja, grafematiku je propitivao kroz fonematičku i fonetičku prizmu. U svoje je vrijeme njegov rad bio osobito važan, jer je pridonio svrgavanju »teorije da je treba glagolico do zadnje pičice izvesti le iz grčke pisave« (1923:151). Do odstupanja od glavnog grčkog uzora nije moglo doći, tvrdi, samo tako. Bio je važan »neki notranji razlog, neka psihološka nužnost za odstopanje od glavnega grške vira in pa fonetična sorodnost mora tvoriti podlago dokazovanja.«

3 Imena naroda navedena su prema prijevodu *Žitja Konstantinova* Josipa Bratulića (1985: 77).

Iako svaka suštinski različita teorija ima pretenzije da potisne prethodne, simboličko i geometrijsko tumačenje, koje je prevladalo u drugoj polovici XX. stoljeća, nema – danas se pokazuje – punu snagu da potisne i snagu izvođenja mogućih sličnosti iz drugih, posebice orijentalnih pisama vrlo široka spektra. To se dobro vidi i u suvremenim paleografskim radovima, ali i u »premosnom« djelu Rajka Nahtigala kojeg se itekako isplati ponovno čitati u izvornom obliku.

Literatura

- Bratulić, J., 1985: *Žitja Konstantina Ćirila i Metodija i druga vrela*. Zagreb: Kršćanska sadašnjost.
- Eckhardt, Th., 1955: Napomene o grafičkoj strukturi glagoljice. *Rasprave Staroslavenskog instituta* 2, Zagreb, 59–91.
- Eckhardt, Th., 1989: *Azbuca. Versuch einer Einführung in das Studium der slavischen Paläographie*. Wien-Köln: Böhlau-Verlag.
- Jagić, V. 1911. »Glagoljičeskoje pis'mo«. Grafika u Slavjan. Enciklopedija slavjanskoj filologiji 3 (ur. V. Jagić), Sanktpeterburg.
- Jončev, V.i O., 1982: *Dreven i s'vremenen b'lgarski šrift*. Sofija. B'lgarski hudožnik.
- Kuljbakin, S. M., 2008: *Slavjanskaja paleografija*. Beograd: Institut za srpski jezik SANU.
- Nahtigal, R., 1923a: »Doneski k vprašanju o postanku glagolice«. *Razprave Znanstvenega društva za humanističke vede v Ljubljani* 1, Ljubljana, 135–178.
- Nahtigal, R., 1923b: O elbasenskom pismu in pismenstvu na njem. *Arhiv za arbanasku starinu, jezik i etnologiju*, knj. 1, sv. 1-2, Beograd, 160–195.
- Nahtigal, R. 1925. »Starocerkvenoslovanski euhologij«. *Razprave Znanstvenega društva za humanistične vede v Ljubljani* 2.
- Nahtigal, R., 1941, 1942: *Euchologium Sinaiticum: Starocerkvenoslavenski glagoljski spomenik. I. Fotografski posnetek* (1941); *II. Tekst s komentarjem* (1942). Dela Akademije znanosti in umetnosti, 1, 2. Ljubljana: Akademija znanosti in umetnosti.
- Prohorov, G. M., 1992: Glagolica sredi missionerskih azbuk. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* 45, Sankt Peterburg, 178–199.
- Štefanić, Vj. (strojopis) : *Pregled glagoljske paleografije* (arhiv Staroslavenskoga instituta u Zagrebu).
- Vajs, J., 1932: *Rukověť hláholské paleografie*. Praha: Slovanský ústav.

Summary: Nahtigal's Contribution Within the Context of the 20th Century Glagolitic Paleography

In comparison with other various components of his philological opus, the paleographic dimension of Rajko Nahtigal's work remains relatively modest. Still, it is worth re-examining the said contribution, especially given Nahtigal's extensive knowledge, scientific intuition and argumentative intensity. Following the lead of his teacher, Vatroslav Jagić, and other early-20th century paleoslavists, Nahtigal looks to Oriental scripts as the model for the origins of Glagolitic script. Unlike his predecessors, he refuses to acknowledge a merely graphic resemblance, and instead insists on a linguistic (graphematic) connection between certain Glagolitic letters and the letters of the compared alphabet. He particularly references the phonetic peculiarities of specific Glagolitic phonemes/graphemes in various phonological surroundings and compares them to the phonetic values of certain letters in Oriental scripts. Besides trying to discern the linguistic conception of the Constantine's authorship in regard to the Glagolitic alphabet, he also highlights the relevance of the final graphic stylization of the Glagolitic script, in addition to also recognizing the Oriental influence. This paper compares his achievements and assertions to those founded within the entire span of 20th century Glagolitic paleography.

Key words: Glagolitic script, Glagolitic paleography, Glagolitic alphabet, Rajko Nahtigal, Oriental scripts

«Proglas k svetemu evangeliju» P. Нахтигала (1943). Опыт реконструкции текста

Марчелло Гардзанити

Флорентийский Университет, Флоренция

Среди важнейших исследований о Прогласе к святому евангелию несомненно находится работа P. Нахтигала (1943). В его публикации словенский ученый представляет издание этого произведения по южнославянским и восточнославянским рукописным свидетельствам и тщательную реконструкцию текста с подробным филологическим толкованием. Затем следуют фонетическая транскрипция и словарь реконструированного текста. В свете последующих исследований и подробной интерпретации старославянского произведения, автором которого большинство исследователей считают самого Константина-Кирилла, представляется реконструкция Нахтигала и излагаются еще открытые вопросы в изучении возможно первого стихотворного произведения на старославянском языке.

Ключевые слова: Проглас к святому евангелию, церковнославянская литература, кирилло-мефодиевская миссия, церковнославянская библия.

Проглас святого Евангелия (далее – Проглас), будучи текстом очень кратким, привлекал постоянное внимание ученых с момента своего открытия в 1844 г.¹ Произведение много раз публиковалось и делались неоднократные попытки воссоздать его оригинальную форму и интерпретировать его значение.²

Значительный вклад в эту реконструкцию вносит обширное исследование P. Нахтигала, вышедшее в годы второй мировой войны (Nahtigal 1943). В своем исследовании словенский ученый подробно описывает историю изучения этого произведения, его различные издания и, самое главное, предлагает новое издание краткого поэтического произведения в различных ветвях рукописной традиции. Для восточнославянской ветви ученый отсылает к единственному позднему свидетельству – к кодексу РГБ, f.304.I, N.214 – “Златая цепь” XVI в.³ В то время как сербская традиция ссылается на более

1 Именно А.Ф. Гильфердинг первым идентифицировал РНБ Гильф.2 как четвероевангелие второй четверти или середины XIV в. О датировке см. Турилов 2012:15.

2 Чтобы представить положение исследования в начале нового столетия см. обширную статью, посвященную произведению в Кирилло-Мефодиевской энциклопедии (Станчев, Велинова 2003), в которой работа Нахтигала только упомянута.

3 Сейчас доступна в Интернете по ссылке: <http://old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=1&manuscript=214&pagefile=214-0359> [8. 8. 2019].

древнее свидетельство – четвероевангелие Хил.23 конца XIII–начала XIV вв.,⁴ учитывая варианты из упомянутого РНБ Гильф.2 и так называемого Радиноного Евангелия, ГИМ Хлуд. 13, восходящего к 1308–1311 гг.,⁵ а также к предшествующим изданиям. Ученый дает возможность проследить точное воссоздание стихотворной структуры произведения, которое сопровождается подробным филологическим анализом, “фонетической транскрипцией” и в конце прилагается ценнейший словник реконструированного текста.

В предисловии Нахтигал внимательно учитывает предложения предшествующих ученых: от И. Франко, Й. Иванова до А.И. Соболевского, но, кажется, игнорирует работу Е. Георгиева (1938) и, подчеркивая трудность реконструкции поэтического сочинения, (к которой мы еще вернемся), сосредоточивается по преимуществу на дискуссии об авторстве. Рассматривая различные возможности: от Константина-Кирилла до Константина Преславского, Нахтигал иллюстрирует сомнения и предложения предшествующих ученых, указывая и на предположение о его первоначальном создании на греческом (П. Лавров). Подчеркнув связи со «Сказанием о письменах» черноризца Храбра и Похвалой Кириллу и Мефодию, Нахтигал приходит к заключению, что произведение, созданное для введения полной версии евангелий, то есть четвероевангелия, восходит к моравской эпохе и не исключает руку Константина-Кирилла.⁶ Это подтверждают не только содержание, но и язык, и прежде всего – архаичная лексика.⁷

Текстуальная реконструкция словенского ученого занимает важное место в истории изучения, прежде всего благодаря тщательному филологическому и лингвистическому анализу, которые ее сопровождают, и является отправным пунктом для последующих реконструкций, предложенных Р. Якобсоном (1954, цитируется по изданию 1963) и А. Вайяном (1956), на которые ссылается чаще. Невозможно проследить подробно все доводы Нахтигала, мы ограничимся лишь отбором некоторых примеров, которые иллюстрируют главные аспекты его реконструкции, чтобы с очевидностью представить его последовательный методологический подход. Прежде чем обсуждать отдельные вопросы, необходимо подчеркнуть, что наиболее древняя

4 Мы отсылаем к подробно аргументированному датированию, предложенному А.А. Туриловым (2012:11–14), даже если традиционно кодекс датируется второй половиной—концом XIII века, приблизительно 1282 г.

5 Ср. Турилов 2012:14. Надо отметить, что новые даты, предложенные Туриловым, хронологически сближают все эти пергаментные рукописи евангелий, которые объединены помимо их сербского происхождения, еще и присутствием литургических памятней восточных славян (Турилов 2012:15).

6 Ср. Nahtigal 1943:51–52. Мы отсылаем к нумерации страниц, указанной внизу.

7 Это видно, например, присутствие в стихе 89, согласно его реконструкции, понятия *неприѣзни*. Интересен и вопрос отношения к понятию *храбрьь*, которое объясняется на основе синонимии *храбрьь* / *воишь*, присутствующей в славянской версии священного писания (Nahtigal 1943:52).

южнославянская традиция сохранила текст в его более полной форме, в то время как позднейшая восточнославянская версия свидетельствует о нем только в начальной части (до стихов 44, согласно реконструкции Нахтигала). Несмотря на это, различные исследователи, начиная с Е. Георгиева (1938), считают последнюю более верной оригиналу. Чтобы лучше понять аргументы словенского ученого, сравним их с наблюдениями Вайяна, который постоянно ссылается на исследование и реконструкцию Нахтигала.⁸

Первое, что мы будем учитывать, - это вопрос просодии. Исследуя Проглас, словенский ученый в основном соглашается с суждением Соболевского, по мнению которого, рукописная традиция предлагает измененный текст с лакунами. Это мнение в последующем поддержит и Вайян, считая, однако, что существует возможность преодолеть эти сложности, в противовес Иванову, издателю более древнего свидетельства, который полагал это невозможным.⁹ Приступая к реконструкции Прогласа, словенский ученый в первую очередь считает необходимым идентифицировать форму стиха, проверив ее употребление в различных рукописных свидетельствах.

Общепринятое мнение, что автор привнес в славянское сочинение традиционный стих из византийской гимнографии, которая восходит к стихосложению греческой трагедии, то есть к трехстопному ямбу. По мнению Нахтигала, структура этого стиха, не будучи в состоянии сделать отсылку в славянском тексте на долготу гласных, была строго установлена двенадцатью слогами со стихом, составленным из двух частей: в семь и пять слогов. Цезура, по его мнению, должна была совпадать со смыслом. В последующем Вайян придерживается интерпретации словенского ученого, но предпочитает силлабическую структуру, в которой полустишие из пяти слогов предшествует полустишию из семи слогов. В то время как Нахтигал прилагает усилия, чтобы оставаться близким, по мере возможности, к лекциям рукописной традиции, Вайян проявляет больше свободы, ссылаясь на источники из кирилло-мефодиевской эпохи и вообще черпая из своих обширных лингвистических познаний. Оба однако отмечают присутствие аллитераций и палилогий, типичных в греческой гимнографии. В восьмидесятые годы прошлого века к этой теме обратились К. Станчев и Р. Пиккио. Первый доказал как византийско-славянская гимнография, подражая именно греческой модели трехстопного ямба, в реальности не демонстрирует

8 Французский ученый в своей реконструкции представляет также и перевод на французский Прогласа (Vaillant 1956:21–23). Ранее Франко предложил немецкую версию (Franko 1916:213–214) и Георгиев сопроводил свою реконструкцию переводом на болгарский (1938). Затем Якобсон предложил английскую версию (Jakobson 1954). В более недавнее время Пиккио представил свой вариант реконструкции, которую сопроводил своим переводом на французский (Picchio 1988:315–319).

9 Иванов 1931:339.

никакой строгости в искусстве стихосложения, о чем свидетельствуют разные цезуры и даже стихи, составленные из тринадцати слогов (Станчев 1986). Второй ученый наложил на поэтическую композицию более простую изоколическую структуру на основе логических сегментов, предложенных рукописной традицией (Picchio 1988).

Чтобы понять различие в подходе и в интерпретации, нужно учитывать смелую реконструкцию стихов 16–17, которую предлагает Нахтигал. Если Соболевский отказался предлагать собственную интерпретацию отрывка, то словенский ученый, сравнивая различные рукописные традиции, предлагает два стиха с двумя полустишиями, соответственно в семь и пять слогов.

Слико бо своихъ // доушь лѣпотѣ
Видить, любите бо // радовати сѧ

В последующем Вайян, вдохновленный этим анализом, выдвинул вариант, который предусматривает первое полустишие из пяти слогов.

Юслико оубо своихъ | доушамъ си лѣпотѣ
Радоуѣте сѧ | видѣти и лѣбите

В особенности интересны наблюдения Нахтигала о слове *лѣпота*, присутствующем в сербском варианте и замененном словом *красота* в восточнославянском варианте,¹⁰ что дает возможность Вайяну еще раз подтвердить, что смысл и ритм должны сочетаться.

Сложнее реконструировать стихи 90–91 – результат довольно оригинальной интерпретации Нахтигала, который существенно удваивает число слогов, создавая два стиха, построенных на слове *Христось*.

Боукъви сѧ, / иже бо приметь
Мѣдрость (томоу) / Христось глаголѣть

Вайян отвечает на это, обращаясь к еще более оригинальной интерпретации, в которой отрицает присутствие слова *Христось*, чтобы создать *lectio difficilior ихъ* (sic!).

Боукъви сѧ | имѣже примете,
Мѣдрость ихъ | доуша ваша крѣпить,

Трудности становятся непреодолимыми также от того, что от последней части произведения сохранилось только свидетельство южнославянского

¹⁰ Отмечается однако, что в стихе 30 в обеих рукописных традициях выявляется тот же корень (*лѣпо*, *лѣпости*).

варианта. Возможно именно эта абсолютная свобода в реконструкции породила в последующем затруднение Пиккио, который в своем исследовании хотел выделить различие между возможными реконструкциями, которые накладываются на точную стихотворную модель и истинный *constitutio textus*, который надо считать “текст таким, каким мы его знаем”.¹¹ В связи с этим можно отметить, что Вайян, желая точности в подсчетах в своей интерпретации стихотворной структуры, даже считает варианты *чъл-* / *чл-* в форме слова *чловѣкъ*.

Учитывая структуру произведения в реконструкции, предложенной словенским ученым, можно отметить различные интересные повторения (палитологии) терминов, которые принимают на себя ключевую функцию и занимают чаще всего начало стиха, как, например, *дарь* и *слово*, оба вводимые императивом *льшишис*,¹² к которому можно было бы добавить еще и трижды повторенное *законь* (стихи 32–34).

Заслуживает большого интереса и размышление о лингвистических вариантах, предложенное словенским ученым, которое в некотором случае встречает альтернативные предложения или замечания со стороны французского исследователя. Первая и, возможно, самая значительная из правок, предложенных Вайяном, касается начала композиции. Начиная с рукописных свидетельств обеих традиций, Нахтигал предлагает реконструкцию первого стиха, которая начинается со слова *проглась*, считающееся названием произведения. Французский ученый, отталкиваясь от отсутствия слова в церковнославянской традиции, предпочитает разночтение *приглась есмь* как измененную форму слова *пригласиѣ*, присутствующую в различных славянских источниках.¹³ Кроме того, по мнению Вайяна, речь идет не об одном стихе, но только о названии произведения. Действительно, предложение французского лингвиста вызывает не мало возражений, как за очевидное греческое происхождение славянского *арах*, так и на уровне риторической формы, которая свидетельствует олицетворение Прогласа.

Кроме того, заслуживает внимания употребление слов *къниги* (ср. стихи 31*, 74, 80, 88; *кънижньи*, ср. стих 105) и *боужьви* (ср. стихи 31*, 71, 90): в стихе 31 сербским свидетельствам очевидно противопоставляется восточнославянская

11 Пиккио (Picchio 1988:314) этот строгий подход приводит итальянского ученого к заключению, что помимо самых древних рукописных свидетельств, можно предположить единственное существование некоего анонимного поэтического произведения, построенного на изосиллабизме, который восходит к деятельности первых славянских писателей в эпоху первого болгарского царства. (Picchio 1988:323–324).

12 Cf. Топоров 1995:40.

13 Действительно, в древнеславянском существует только глагол *прогласити* со значением «предсказать» или «запеть» (Цейтлин, Вечерка, Благова 1994, s.v.).

традиция, которая предпочитает первый термин – второму. Краткость восточнославянского фрагмента к сожалению мешает сделать другие сравнения. Словенский ученый осознает сложность проблемы, ссылаясь не только на Учительное Евангелие Константина Преславского, но также на размышления В. Вондрака о вариантах, представленных в добавлениях к лекционарию евангелию (апракосы), чтобы создать четверовангелие (Vondrák 1925:14–15).

Также ценно и наблюдение о присутствии в поэтическом произведении (стих 63) оппозиции *животь / житие*, которую Нахтигал соотносит с греческой парой ζωή / βίος. Вайян однако исключает ее по причине недопустимого стихотворного переноса (*enjambement*), выдвигая предположение, которое предлагает отличную реконструкцию, но более далекую от рукописной традиции (Vaillant 1956:17). Более ограниченные замечания Вайяна относительно анализа разночтения *ноздри* (стих 38), которое надо принять как форму множественного числа, а не двойственного (*ibidem*:15) и относительно идентификации слова *невѣгласъ*, которое отсылается к греческому συνιέντος (ср. Мф.13, 19).

Более сложным является филологический комментарий, потому что предложения реконструкции должны относиться к обширной панораме источников Прогласа, простирающихся от священного писания до произведений кирилло-мефодиевской эпохи. И в этом пространстве словенский ученый показывает свою хорошую подготовку в обеих сферах, представляя в различных случаях интересные варианты реконструкции, которые, как раньше, не всегда разделяются Вайяном. Вызывает удивление, например, критика французского ученого предложения сохранять лекцию *въ седьми вѣкъ* (стих 5), присутствующую только в восточнославянской традиции, которую Нахтигал объяснял не только на основе Похвалы Кириллу и Мефодию и древнеславянских житий, как подсказал Франко,¹⁴ но также прибегая к экзегетическим комментариям Болонской Псалтыри и к славянской версии произведения Иоанна Дамаскина под редакцией Иоанна Экзарха (Nahtigal 1943:58–59). Также рассуждение Вайяна об интерпретации *закона кньѣжина* (стих 33) на основе павловской оппозиции между Законом и Благодатью не кажется нам уместным в доводах, развернутых в Прогласе, более верным которым остается Нахтигал. Более уместной нам представляется, например, отсылка к 1 Фес. 4, 5, касающейся стиха 45. Важно отметить и отсылку Нахтигала вслед за Георгиевым (1938)¹⁵ к Житию Константина (VI, 25) об отличие человека от животных (стих 46).

14 Franko 1916:216-217.

15 Учитывая, что работа Георгиева цитируется по рецензии Й. Вайса (1939), можно заключить, что Нахтигал не имел в своем распоряжении монографии болгарского ученого.

Центральная часть Прогласа (стихи 50–55) ссылается на отрывок из 1 Кор. 14, 5–40 о глоссолалии, согласно интерпретации, предложенной Житием Константина XVI, в особенности стиха 19, в толковании которого можно увидеть один из основных доводов кирилловской полемики с латинским клиром.¹⁶ Нахтигал предлагает реконструкцию, которая иллюстрирует адаптацию библейского цитирования к стихотворной форме.

Ѣко хоштѣ словесъ // пать издрешти,
 Съ разоумомъ / (своимъ глаголати),
 Да и всѣ братина // разоумѣють,
 Неже тѣмъ словесъ // неразоумьнъ

Вайян справедливо отмечает, что стих 51 взят прямо из 1 Кор. 5, 18, но прежде всего на основе павловского цитирования связывает Проглас с так называемым Македонским листком, который французский ученый считает “Вступлением к евангелияру”.¹⁷ В последующем Пиккио справедливо увидел в этом отрывке “семантический ключ” произведения.¹⁸

Не менее важна следующая часть, сконцентрированная на евангельской притче о сеятеле. Нахтигал ясно улавливает, что она ссылается на две различных притчи (стихи 57–64 и 65–72), первое, согласно рассказу Матфея (Мф. 13, 3–9, 18–23), второе следует версии Марка (Мк. 4, 26–29). Вайян внимательно анализирует библейские отсылки, особенно подчеркивая связь со стихом Мф. 13, 23, прочитанном в Прогласе в негативном ключе, исправляя на основе версии Марка свидетельство Хил.23 (стих 66). О метафоре дождя Нахтигал справедливо ссылается на Учительное Евангелие Константина Преславского (Nahtigal 1943:109).

Для заключительной тематики битвы против дьявола (*исприѣзнь*, стихи 80–100) важно сделать ссылку на метафору Павла (Еф. 6, 10–17). В стихе 93 Нахтигал предлагает в особенности изменить единственное число *апостоль* на множественное, однако, спрашивается, не было бы предпочтительнее сохранить единственное число как отсылку к апостолу Павлу, который в своем Послании к Ефессянам цитирует разных пророков. Кроме того, кажется интересной догадка, предложенная Вайяном, исправить *въ снѣ* (стих 98) на *Ѣко сѣно*, которое является отзвуком 1 Пет. 1, 24: *плѣти ѹже | Ѣко сѣно*.

16 Ср. Garzaniti 2001.

17 Французский ученый подчеркивает в этом тексте различную интерпретацию павловского отрывка вслед за толкованием Дионисия Ареопагита. Недавно мы предложили некоторые размышления о сложности византийского толкования касательно этого павловского отрывка (Garzaniti 2018).

18 Picchio 1988:323.

Конечно, сегодня обширный филологический, лингвистический и литературный анализ, предложенный Нахтигалом, также как и размышления Вайяна, необходимо подвергнуть неизбежному пересмотру на основе произошедшего прогресса в исследованиях о древнеславянском языке и о кирилло-мефодиевских источниках. Не следует также забывать и предупреждения, высказанные Пиккио. В последние десятилетия, кроме того, вслед за Якобсоном, который продолжил работать над старославянским поэтическим наследием, участилось размышление о литературной структуре произведения и о его значении.¹⁹

Мы убеждены, что было бы важно проанализировать функцию текста и его место внутри кодексов,²⁰ и изучить если и как в литургических греческих книгах, но прежде всего в переводах использовались введения. Имеется в виду, например, присутствие акростиха Григория Богослова в греческой традиции псалтыри, но также в арабской версии этой литургической книги.²¹ Это помогло бы прояснить серию внутренних знаков, присутствующих в Прогласе, таких как имена евангелистов и притчи о семени-слове. В то же время необходимо учитывать также и ее позднюю рецепцию, как экзегетического текста, как это доказывает его присутствие в восточнославянском сборнике «Златая цепь».

Кроме того должна быть изучена возможная функция Прогласа в контексте кирилло-мефодиевской миссии и ее наследия в переходе из Моравии в Болгарию, не только идентифицировав повторение библейских отрывков и их интерпретацию в кирилло-мефодиевских источниках, но вставляя эти данные в совокупность коммуникативных стратегий славянской миссии. Эта стратегия должна была базироваться на традиционной византийской экзегезе, которая циркулировала в Константинополе в годы патриарха Фотия и должна была подтолкнуть лучше сконцентрировать внимание ученых внутри общих горизонтах классической патристики, начиная с теории духовных чувств Оригена и, с другой стороны, глубже понять личное предпочтение Константина-Кирилла к Григорию Богослову. Именно поэтому недавно мы ссылались на роль вышеназванной греческой антологии *Soterios*, оригинала Сборника Симеона, который был составлен в Константинополе в годы патриарха Фотия. В этом сборнике, в особенности в вопросе LXV, дается

19 Значительный вклад внесло обширное исследование В.Н. Топорова, начатое в 70-е годы, которое предлагает свою реконструкцию и тщательно анализирует некоторые аспекты структуры сочинения, в особенности, роль первого слова стиха и первого стиха, и прежде всего формальное переплетение цитат по принципу “мозаики” (Топоров 1995:17–256, о реконструкции, Топоров 1995:33–36).

20 Думается о его присутствии в наиболее древнем кодексе Хил.23, из которого мы сегодня знаем, что Пант.78 представляет фрагмент (ср. Турилов 2012:408, 418).

21 Retteau 1877:201.

явная отсылка как на тему глоссолалии, так и на притчу о семени, которую мы выявили в центральной части Прогласа.²²

В ожидании более подробного толкования Прогласа на фоне византийской экзегезы, необходимо подтвердить, что исследование Нахтигала и его реконструкция текста представляют еще и сегодня обязательную точку отсчета при изучении этого важного свидетельства о кирилло-мефодиевской миссии и о ее наследии.

Перевод Н.Н. Жуковой

Литература

- Георгиев, Е., 1938: *Две произведения на св. Кирила. Към въпроса за книжовната дейност на славянския първоучител. Истор-лит. проучване*. София: Култура.
- Иванов, Й., 1931: *Български старини из Македония*. София: Държавна печатница.
- Станчев К., 1986: Ритмичната структура на Кириловия Проглас към Евангелието и на произведенията от Преславския стихотворен цикъл (Старобългарският изосилабизъм). *Studia slavica mediaevalia et humanistica Riccardo Picchio dicata*, Т. 2, Roma: Edizioni dell'Ateneo, 645–652.
- Станчев, К., Велинова, В., 2003: Проглас към евангелието. П. Динеков, Л. Гашева, С. Николова. *Кирило-Методиевска енциклопедия*. Т.3. София: Българска академия на науките, 336–340.
- Цейтлин Р.М., Вечерка Р., Благова Э., 1994. *Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков)*. Москва : Русский язык.
- Топоров, В. Н., 1995: *Святые и святость в русской духовной культуре*. Т. I: *Первый век христианства на Руси*. Москва: Языки русской культуры.
- Турилов, А. А., 2012: Сербские отрывки XIII—XIV вв. библиотеки Русско-го Пантелеймонова монастыря на Афоне. А.А. Турилов. *Межславянские культурные связи эпохи средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики*. Москва: Знак, 406–422.
- Franko, I., 1916: *Kleine Beiträge zur Geschichte der kirchenslavischen Literatur*. II. *Vorrede zum Evangelium*“. *Archiv für slavische Philologie* 34, 201–217.
- Garzaniti, M., 2001: Sapienza del vangelo ed esegesi scritturale nell'opera di Cirillo e Metodio. *Russica Romana* 8, 37–43.

22 Ср. Garzaniti 2018.

- Garzaniti, M., 2018: Хощоу пать словесъ... Parlare in lingue e insegnare nella tradizione esegetica bizantina ai tempi di Cirillo e Metodio. Кирило-Методиевски студии 26, София: Българска академия на науките, 19–28.
- Jakobson, R. 1963², 1954¹: St. Constantine's Prologue to the Gospels. *St. Vladimir Seminary Quarterly* 7/1, 19–23.
- Nahtigal, R. 1943: Rekonstrukcija treh starocerkvenoslovanskih izvornih pesnitev. II. Proglas k svetemu evangeliju. *Razprave I, Filoz.-filol.-hist. razred, Akad. znan. in umetn. I, Ljubljana*, 36–82.
- Perreau, J., 1877: Ragguaglio dei Codici arabi del Collegio Urbano Di Propaganda fide. *Bollettino italiano degli studii orientali* 1/1, 198–206.
- Picchio, R., 1988: Quelques remarques sur l'interprétation du Proglas. *Revue des études slaves* 60, 2, 313–324.
- Vaillant, A., 1948: La Préface de l'Évangélique vieux-slave. *Revue des études slaves* 24/1–4, 5–20.
- Vaillant, A., 1956: Une poésie vieux-slave. La Préface de l'Évangile. *Revue des études slaves* 33/1–4, 7–25.
- Vajs, J., 1939: Емилъ Георгиевъ, Две произведения на св. Кирила. София, 1938. (Studia historico-philologica Serdicensa, Supplementi vol.II). *Slavia* 17, 558–567.
- Vondrák, V., 1925: O ksl. překladu evangelia v jeho dvou různých částech a jak se nám zachoval v hlavnějších rukopisech (zvláště též v Nik., Nik.b. a Hval). *Daničičev Zbornik*, Beograd, Ljubljana: SKA 1925 (Posebna izdanja Srpske Kraljevske Akademije 55), 9–27.

Summary: R. Nahtigal, *Proglas k svetemu evangeliju* (1943). A Proposal for the Textual Reconstruction

Throughout the 20th century, some important studies on the Prologue to the Gospels (*Proglas*) were conducted. The essay written by R. Nahtigal (1943) offers an edition of the short poem in accordance with the various branches of the Eastern Slavic and Serbian manuscript tradition, alongside an accurate reconstruction based on its verse structure, accompanied by a broad and comprehensive philological commentary. At the end, there is a glossary of the reconstructed text which is of particular value. Comparison with subsequent studies and textual analysis highlights the importance of Nahtigal's research around reconstruction of the Prologue, which is considered to be the first poetic composition in Church Slavonic language.

Key words: Prologue to the Gospels, Church Slavonic Literature, Cyrillo-methodian mission, Church Slavonic Bible

«Номоканонъ рекъше закону правило и отъчьскыя книги прѣложи»: въпросът за преводите на **Методий 80 години след студията на Р. Нахтигал**

Красимир Станчев

Università degli Studi „Roma Tre“, Рим

В публикацията, на базата на детайлен анализ на известната фраза от XV глава на Пространното житие на св. Методий (ПЖМ) «Тъгда же и Номоканонъ, рекъше закону правило и отъчьскыя книги прѣложи», се подкрепя становището на Р. Нахтигал (Nah-tigal 1950), че Методий не е превеждал Патерик. Авторът задълбочава наблюденията си върху въпросната фраза в съпоставителен славянско-византийски план с цел да приведе убедителни доказателства за това, че наименованието **Номоканон** все още не е било в употреба през IX-X в. дори в самата Византия – твърдение, бегло изказано от него в доклада му на XIV Международен конгрес на славистите в Охрид, 2008. Ако това твърдение се окаже вярно, то налага сериозно преразглеждане на въпроса за времепоявата на тази фраза в ПЖМ и, следователно, за времето и мястото на оформяне на сега познатата ни редакция на житието.

Ключови думи: Методий, Номоканон, отечески книги.

Бих искал още в началото да уточня, че тук ще се спра не толкова на въпроса за самите преводи на Методий, за които се говори в глава XV на Пространното му житие (ПЖМ), колкото на проблема за стойността на това сведение като исторически източник. Но първо да припомня за какво точно става дума. В ПЖМ XV.1, 4–5 четем:

- [1] Потомъ же [...] прѣложи въ бързѣ всѣ книги всѣ испълнь . развѣ макавѣи . ѿ гръчьска языка въ словѣньскѣ . [...]
- [4] Пьсалтырь бо бѣ тъкъмо и евангѣлие съ аплѣмь . и избъраныими слоужбами црквѣныими . съ философѣмь прѣложиль първѣѣ.
- [5] Тъгда же и номоканонъ рекше закону правило . и очьскыя книги прѣложи.¹

¹ Текстът и пунктуацията на ПЖМ са според преписа в Успенския сборник от края на XII – началото на XIII в., който лежи в основата на изданието в Ангелов, Кодов (1973:191 и снимката на с. 182), сверени и с наборното издание на цялостния ръкопис (Князевская, Демьянов, Ляпон 1971:197).

Първата фраза (ПЖМ XV.1) обикновено не буди сериозни съмнения: приема се, че става дума за пълен превод на Библията и по-точно на Стария завет с изключение на спорните Макавейски книги. Като че ли в по-малка степен е обръщано внимание на изричното подчертаване, че преводът е извършен от гръцки език на славянски, а то според мен е много важно в контекста на цялостния проблем за методиевите преводи, още повече като се има предвид, че преводът е извършен от моравския и панонски архиепископ Методий, ръкоположен от римския папа.

Втората от цитираните фрази, ПЖМ XV.4, е интерпретирана и продължава да се интерпретира по различен начин от изследователите, като основният обсъждан проблем е какво трябва да се разбира под «избрани служби». Вече на няколко пъти съм имал възможност да споделя мнението си, подкрепено със сериозни според мен аргументи, че «избрани служби» не трябва да се разбира като превод на отделна книга (химнографска или евхологическа), а като пояснение към двучлена «евангелието с апостола», което визира богослужебните указания за цикъла на устойчивите празници, т.е. за вторите части на Евангелието и Апостола (в случая без значение дали считаме за първични преводите на пълните или на апракосните им форми).²

Третата фраза, ПЖМ XV.5, обикновено се възприема като свидетелство за два превода – на Номоканон и на неясно какви точно «книги на отците».³ В студията си *Отъцьску кнѣгу*, публикувана през 1950, но завършена още през 1947 г., Райко Нахтигал не приема широко разпространеното мнение, че под това название трябва да се разбира Патерик, както предполагат още Шафарик, Рачки, Ягич и мнозина други, като по времето на Нахтигал с особен авторитет се ползува аргументацията на Ван Вейк. Словенският учен от своя страна привежда редица съображения в подкрепа на становището си, изказано години по-рано, че по-вероятно трябва да става дума за Хомилиар от типа на Клоцовия сборник (Nahtigal 1950:16–24). Тази хипотеза по-късно подкрепят и доразвиват Е. Блахова, Д. Иванова-Мирчева, Хр. Кодов и др. През 1978 младият тогава полски учен Ал. Наумов публикува доклад, четен предната година, в който лансира хипотезата, че «отъцьския книги» в ПЖМ XV.5 може би не означава отделен превод, а е втора съставка на славянското пояснение на термина Номоканон.⁴ В подкрепа на тази хипотеза по-късно се изказах и аз⁵ и засега не намирам основание да се отказвам от нея. Но тук бих

2 Вж. Станчев 2008а: 87–89; Станчев 2008б: 21–25; Станчев 2012:62–63.

3 За различните мнения относно израза «отечески книги» вж. статията *Отечески книги* в КМЕ 2:886–891 (автор: Светлина Николова).

4 Naumow 1978, докладът е бил четен на симпозиум върху патериците, проведен в Краков през 1977 г.

5 Вж. Станчев 2008а:84–87; Станчев 2008б:21–25 и Станчев 2012:58–61 и послесловната бел. на с. 71–72.

искал да се спра малко по-подробно на друга една страна на въпроса, само бегло засегната в предишните ми публикации по темата.

Самият термин ‘Номоканон’ (гр. ὁ νομοκάνων) в смисъл на правен сборник, съдържащ апостолски и съборни правила (κανόνες), засягащи вътрешния ред на църквата, както и граждански закони/императорски разпоредби (νόμοι), които третират от гледна точка на светското право свързаните с църковния живот проблеми, не е засвидетелствуван в гръкоезични извори от IX–X в. (предполагамото време на възникване на ПЖМ) и по всяка вероятност не е съществувал. Каноническият сборник на патриарх Йоан III Схоластик (565–577), състоящ се от 50 титула (или глави) основани както на правилата на «закона», т.е. на апостолите, на първите четири вселенски и на шест поместни събора, така и на Нравствените правила на св. Василий Велики (с други думи, светоотчески правила), за който се предполага, че е преведен от Методий, е известен във византийската традиция с названието *Συναγωγή*. Йоан Схоластик е съставител и на още един юридически сборник, известен като Колекция от 87 глави (*Collectio 87 capitulorum*), в който в определен порядък са изложени извадки от новелите на император Юстиниан I засягащи устройството на църквата и брачното право. «Впоследствие анонимен съставител е обединил *Συναγωγή* и *Collectio 87 capitulorum* в един сборник, наречен Н[омоканон]».⁶ Само че е бил наречен така значително по-късно от времето на архиепископ Методий: както вече казах, на гръцки терминът в това си значение е засвидетелствуван за пръв път едва през 1077 г., почти два века след смъртта на славянския първоучител.⁷ В ръкописите не се нарича Номоканон и юридическият сборник, в ново време известен като Фотиев Номоканон, в чиято основа лежи *Σύνταγμα κανονικόν* от края на VI в., приета за основен кодекс на византийското църковното право от Трулския събор (692 г.) и в последствие редактирана и снабдена с ново предисловие от патриарх Фотий.

Нас често ни подвеждат заглавията, давани в ново време от издателите, които съответствуват не на авторското название на публикувания текст, а на съвременните представи за жанра му. Т. напр., в добре познатото издание на Ралис и Потлис от 1852 г. се използват и оригиналното название *Σύνταγμα*, и модерното жанрово название Номоканон. Тази двойна деноминация започва още на титулните страници, а на с. 5 в изданието (арабска номерация,

6 Иван Добрев в КМЕ 2:826. От там са и сведенията за двата юридически сборника на Йоан Схоластик.

7 Не случайно в авторитетния речник на каноничното право под редакцията на Паул Наз четем: «Ce mot, depuis le XIe s., désigne principalement des recueils de lois propres à l'Église grecque, où sont réunis sous des rubriques communes les lois canoniques, et les lois impériales relatives aux matières ecclésiastiques. On appelle encore du même nom un recueil de cas de conscience à l'usage des moines du Mont Athos, et un recueil des livres pénitentiaux de l'Église grecque» (Naz 1957: col. 1014).

основен текст) четем: ΦΩΤΙΟΥ, ΠΑΤΡΙΑΡΧΟΥ ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΕΩΣ, ΕΙΣ ΤΟΝ ΝΟΜΟΚΑΝΟΝΑ ΠΡΟΛΟΓΟΣ – заглавие очевидно дадено от издателите, докато в вътре в текста на предисловието самият Фотий пише така: τὸ σύνταγμα πελοῖμαι (Ράλλης, Ποτλής 1852:7).

Бих могъл да приведа още много примери и ще го направя, но не сега. Тук искам само да отбележа, че на границата между VIII и IX в. терминът ‘Номоканон’ е бил използван, напр. у Теодор Студит,⁸ но в смисъл на ‘Епитимийен номоканон’ който, както знаем, е нещо съвсем различно: съдържа правилата за покаяние и за църковните наказания (canones poenitentiales) и не ми е известно някой да има предвид него, когато говори за Методиев номоканон.

Бих искал още веднъж да подчертая, че приемайки израза «законоуправилно . и оцскыя книги» като едно цяло, аз го виждам (в съгласие с хипотезата на Наумов) като разширено пояснение на гръцкия термин Номоканон в смисъл на юридически сборник от типа на Синагогата на Йоан Схоластик или на Синтагмата на Фотий. Основание за това ми дава, напр., пълното заглавие на Фотиевата Синтаγμα, което има своите съответствия в руските Кормчии:

ΣΥΝΤΑΓΜΑ ΤΩΝ ΘΕΙΩΝ ΚΑΙ ΙΕΡΩΝ ΚΑΝΟΝΩΝ ΤΩΝ ΤΕ ΑΓΙΩΝ ΚΑΙ ΠΑΝΕΥΦΗΜΩΝ ΑΠΟΣΤΟΛΩΝ, ΚΑΙ ΤΩΝ ΙΕΡΩΝ ΟΙΚΟΥΜΕΝΙΚΩΝ ΚΑΙ ΤΟΠΙΚΩΝ ΣΥΝΟΔΩΝ, ΚΑΙ ΤΩΝ ΚΑΤΑ ΜΕΡΟΣ ΑΓΙΩΝ ΠΑΤΕΡΩΝ (Ράλλης, Ποτλής 1852).

Именно в третата част на този тип заглавия, «и отчасти [от правилата] на светите отци», съм склонен да видя обяснението за израза «отчески книги» в ПЖМ. Което означава че, според мен, съставителят или, по-скоро, редакторът на житието или поне на неговата XV глава, наистина е имал предвид Номоканона като юридически сборник, познавайки добре състава му. Но не мога да се съглася с твърдения, неподкрепени с никакви факти, като това на Миодраг Петровић, напр., че «несумъиво је да се термин νομοκάνων или νομοκάνωνον појавио у грчком језику пре него што га налазимо у поменутом *Житију светог Методија*» (Петровић 1990:32–33). Напротив, по всичко личи, че самият термин Номканон започва да се употребява за този тип сборници едва в Комниновата епоха, към края на XI в. И е съвсем логично, че в началото на XIII век го намираме документиран, заедно със славянския му превод, в Номоканона на св. Сава Сръбски който често, по руски образец, бива наричан Кормчая (още един пример за по-късно привнасяне на термин), докато в надслова на най-стария му препис, Иловачкия от 1262 г.,

8 PG XCIX, 1733 A, където Теодор Студит на въпроса какви наказания се полагат при вербално прегрешение (διὰ γλώττις ἀμαρτίας) обяснява, че това не се намира в Номоканона (Τοῦτο οὐκ ἔστιν νομοκάνωνου), а в монашеските и общежителни правила (ἄλλα τῆς μοναχικῆς, καὶ ὡς ἂν εἴποι τις κοινοβιακῆς καταστάσεως ἀκρίβεια, καθημερινῶς ἔχοντα τὰς ἐπιτιμίσεις, ...).

четем, че «тези книги на гръцки език се наричат Номоканон», а «нашимъ ъзыкомъ законоуправило».⁹ Разбира се, най-популярното обяснение е, че св. Сава е познавал Пространното житие на св. Методий и е заел обяснението на термина от там – а, според М. Петровић, или от там, или «из непознатог предлошка *Методијевог Номоканона*» (Петровић 1990:28), което не ми е съвсем ясно какво точно трябва да означава.

Както всички знаем, най-старият препис на ПЖМ, в староруския Успенския сборник, е именно от времето на св. Сава – кр. на XII-нач. на XIII в. В него има и някои други моменти, които у не един изследовател са будили съмнения дали текстът на житието е могъл да възникне в този си вид в края на IX-нач. на X в. Имам своите съмнения и аз и един ден ще ги изложа по-системно. Що се отнася до интересуващата ни глава XV, в нейната първа част, където се говори за превода на старозаветните книги, се намира едно от най-сериозните доказателства за глаголически оригинал на произведението (конфузията между б и 8 в броя на месеците), *ergo* за старинността на първоначалния текст. От друга страна, отсъствието в онази епоха на термин Номоканон с това значение, в което е употребен в края на главата, ме кара да мисля, че текстът е бил подлаган на актуализиращо редактиране през XII в., когато терминът Номоканон вече е съществувал с това си значение, когато благодарение на Теодор Валсамон е получил широко приложение спрямо кодекса на Фотий (който ляга в основата и на повечето славянски юридически сборници) и в сферата на *Slavia Orthodoxa* се е превеждал като Законоправило. С други думи, намирам достатъчно основание да се присъединя към думите на Василий Бильбасов, публикувани през 1871 г.:

Если Дюммлер догадывается, что вся пятнадцатая глава есть позднейшая прибавка, то мы полагаем, не подлежит сомнению, что по крайней мере заключительные ее слова вставлены гораздо позже (Бильбасов 1871:103).

Не мисля, обаче, че става дума за изолирана «вставка». След десетилетия преподавателски коментар на ПЖМ, на периодично връщане към него в различни моменти и в контекста на различни изследователски теми, у мен все повече се затвърждава убеждението, че познатият ни текст е плод на съзнателно идейно-тематично редактиране на едно първоначално агиографско произведение. Това редактиране, според мен, е било извършено между края на XI и края на XII век, много вероятно в източнославянска среда. Поради това аз лично бих се въздържал да употребявам израза «Както знаем от Пространното житие на Методий» когато правим опит да възстановим

⁹ Вж. заглавието в: https://en.wikipedia.org/wiki/File:Savino_Zakonopravilo_-_Ilovichki_prepis_1262.jpg (файл за последен път отворен на 15.07.2018).

биографията на Първоучителя. Според мен, към цитирания паметник, който има безспорни литературни достойнства, трябва да се отнасяме с по-голяма доза критицизъм когато го използваме като исторически извор, защото литературата, както знаем, ни поднася истината която е желана, която е необходима на социума в даден период и регион, а не тази, която наричаме «обективна» – ако, разбира се, целта ни е да търсим именно обективната истина, а не да създаваме «научни митове».

За да избегна излишни дискусии в неправилна посока, искам накрая съвсем ясно да декларирам своята позиция: аз не отричам възможността (теоретическа) Методий да е превеждал юридически сборник, но считам, че анахроничната употреба на термина ‘Номоканон’ в Пространното му житие не може да служи като доказателство за достоверността на такова твърдение.

Литература

- Ангелов, Б. Ст.; Кодов, Хр., 1973: *Климент Охридски, Събрани съчинения*, т. 3: Пространни жития на Кирил и Методий. София: БАН.
- Бильбасов, В. А., 1871: *Кирилл и Мефодий, ч. 2. Кирилл и Мефодий по запад-ным легендам*, Санкт-Петербург.
- КМЕ 2: Кирило-Методиевска енциклопедия, т. 2, И-О. Гл. ред. П. Динеков, София 1995.
- Князевская, О.А., Демьянов, В.Г., Ляпон, М.В., 1971: *Успенский сборник XII-XIII вв.* Москва.
- Петровић, М. 1990: *О Законоправили или Номоканону светога Саве*. Расправе. Београд: Култура.
- Станчев, К., 2008а: О переводческой деятельности Константина-Кирилла и Мефодия в свете интерпретации двух сведений их пространных житий. *Contributi italiani al XIV Congresso Internazionale degli Slavisti (Ohrid, 10-16 settembre 2008)*, Firenze University Press (Biblioteca di Studi Slavistici, 7), 83–100.
- Станчев, К., 2008б: Incognita Cyrillomethodiana. *Старобългарска литература* 39-40, 2008, 16–29.
- Станчев, К., 2012: *Исследования в области средневековой литературы православного славянства*. Kraków (=Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne, tom 7).
- Ράλλης, Γ., Ποτλής, Μ., 1852: *Σύνταγμα των Θείων και Ιερών Κανόνων των τε Αγίων και πανευφήμων Αποστόλων, και των Ιερών και Οικουμενικών και τοπικών Συνόδων, και των κατά μέρος Αγίων Πατέρων*, τ. Α΄, Αθήνησιν.

- Nahtigal, R., 1950: Отъцьскы кнѣгы (Žitije Metodovo pogl. XV). *Razprave Slovenske akademije znanosti in umetnosti. Razred za filološke in literarne vede* 1, 1950, 1–24.
- Naumow, A., 1978: Miejsce pateryka w systemie literatury cerkiewnosłowiańskiej. *Słowo* 28, 1978, 57–65.
- Naz, R., 1957: *Dictionnaire de droit canonique*, t. VI, Paris : Letouzey et Ané.
- PG XCIX: *Patrologiæ cursus completus. Series Græca*, accurate J.-P. Migne, t. XCIX, Parisiis 1903.

Summary: “Номоканонъ рекъше закону правило и отъчьскыя книги прѣложи”: the Question of Methodius Translations 80 Years after the Study of R. Nahtigal

In this article, based on a detailed analysis of the well-known phrase of Chapter XV of the Old-Slavonic Life of St. Methodius, “Тѣгда же и номоканонъ рекъше закону правило и отъчьскыя книги прѣложи”, the author supports the opinion of R. Nahtigal (1950) that Methodius did not translate Paterik. The author explores in further complexity his observations on the phrase in question in a comparative Slavonic-Byzantine plan in order to provide convincing evidence that the term “Nomocanon” was not yet in use in the 9–10th centuries, even in Byzantium itself. If this assertion should prove to be true, it necessitates a significant revision of the question regarding the timing of this phrase in the life of St. Methodius and, therefore, of the time and place which shaped the now-known version of his life.

Key words: Methodius, Nomocanon, Father’s books

Nahtigalova tekstološka istraživanja hrvatskoglagoljskih biblijskih knjiga

Vesna Badurina Stipčević

Staroslavenski institut, Zagreb

Rajko Nahtigal je u djelu *Neskol'ko zametok o slědah drevneslavjanskago parimejnika v horvatsko-glagoličeskoj literature* (1902) istraživao biblijske knjige sačuvane u hrvatskoglagoljskim brevijarima i uspoređivao ih s *Grigorovičevim parimejnikom* te s grčkim i latinskim predlošcima. Njegove su analize i zaključci o tekstualnoj srodnosti brevijarskih glagoljskih prijevoda s parimejnim tekstom potaknuli daljnja istraživanja koja su rezultirala tekstološkim studijama i kritičkim izdanjima mnogih hrvatskoglagoljskih biblijskih knjiga.

Ključne riječi: Rajko Nahtigal, slavenska filologija, hrvatskoglagoljska filologija, hrvatskoglagoljski biblijski tekstovi, parimejnik

1 Uvod

Znameniti slovenski filolog Rajko Nahtigal (1877–1958) značajan je dio svoga djelovanja posvetio istraživanju staroslavenskih spomenika. Fundamentalna su njegova kritička izdanja *Sinajskoga euhologija* i *Brižinskih spomenika*, rasprave o postanku glagoljice, studije iz glagoljske paleografije, tekstologije i jezikoslovlja. Među ranim Nahtigalovim radovima nalazi se obimna studija iz hrvatskoglagoljske problematike: *Neskol'ko zametok o slědah drevneslavjanskago parimejnika v horvatsko-glagoličeskoj literature* (1902). Ovu je raspravu Nahtigal napisao za vrijeme studijskoga boravka u Rusiji, a nakon studija slavenske i klasične filologije te indoeuropeistike i doktorata u Beču 1901. godine.¹

U literaturi se ističe da je Rajko Nahtigal bio pripadnik najistaknutije slavističke filološke škole Vatroslava Jagića, da je bio jedan od velikih filologa, da je disertaciju o spisu *Besjede triju svetitelja* napisao pod Jagićevim mentorstvom. Zanimanje za filološka i tekstološka istraživanja Nahtigal je prenio i na hrvatskoglagoljski korpus, što je za istraživače hrvatskoglagoljske baštine osobito važno. Prilika je da se pri svečanom obilježavanju 100. godišnjice slavistike na Sveučilištu u Ljubljani osvrnemo i na Nahtigalova istraživanja srednjovjekovnih hrvatskoglagoljskih tekstova, kao i na odjek ovih njegovih proučavanja u radovima kasnijih istraživača.

1 Usp. Nahtigal, Rajko, akademik (1877–1958). *Slovenska biografija*. Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Znanstvenoraziskovalni center SAZU, 2013. <http://www.slovenska-biografija.si/oseba/sbi384232/#slovenski-biografski-leksikon> (9. april 2018).

2 Nahtigalova studija *Neskol'ko zametok o slědah drevneslavjanskago parimejnika v horvatsko-glagoličeskoj literature*

Već u prvoj rečenici rada *Neskol'ko zametok o slědah drevneslavjanskago parimejnika v horvatsko-glagoličeskoj literature* koja glasi: »u hrvatskoglagojskoj književnosti sačuvan (je) značajan trag grčkoslavenskoga parimejnika« (Nahtigal 1902:1), Nahtigal je postavio tezu koju će deduktivnim putem dalje objašnjavati i dokazivati. Kao glavni izvor tekstova koristio je izdanje *Ulomci Svetoga pisma obojega uvjeta staroslavenskim jezikom*, koje je u pet knjiga objavio hrvatski filolog i svećenik Ivan Berčić (1864–1871). U toj je ediciji Berčić preuzeo čitanja iz *Biblije* iz dvadesetak rukopisnih i tiskanih hrvatskoglagojskih brevijara i misala. Tekstove je izdao glagoljicom prema biblijskom redosljedju, nastojeći predstaviti što potpuniji tekst pojedinih biblijskih knjiga iz različitih izvora, zbog čega izdanje nije tekstološki ujednačeno. Nahtigal je za analizu izabrao starozavjetne tekstove, i to redom: *Knjigu proroka Jone, Genezu, Izaiju, Knjige kraljeva, Malih proroka, Danijela i Mudrih izreka*, te ih uspoređivao s *Grigorovičevim parimejnikom* (kraj 12. st.), s grčkim *Codex s. Simeonis* (R. Steininger, Augustae Trev. 1834.) i naposljetku s *Vulgatom* (Biblia sacra vulgatae editionis, Paris 1825.). Detaljnije ću opisati Nahtigalova proučavanja *Knjige proroka Jone*, drugih *Prophetae minores* i *Proverbia*.

2.1 Istraživanje hrvatskoglagojskih tekstova *Knjige proroka Jone*

Knjiga proroka Jone pokazala se kao prvi i najbolji primjer komparacije, jer je u cijelosti potvrđena u hrvatskoglagojskim brevijarima i u *Grigorovičevu parimejniku* (*Grig*), što nije slučaj kod ostalih malih proroka (Nahtigal 1902:1–5). Nahtigal navodi Jonin tekst iz, kako kaže, *1. vrbničkog brevijara* (13./14. st.), ali to je zapravo tekst iz *2. vrbničkog brevijara* (14. st.). Ova je pogreška koju je Nahtigal preuzeo od Berčića, ispravljena kod kasnijih istraživača.² Kodeks *2. vrbnički brevijar* sadrži 295 pergamentnih listova formata 36x27 cm, pisan je ustavnim glagoljicom u dva stupca, a danas se čuva u Župnom uredu u Vrbniku na otoku Krku, gdje je vjerojatno i napisan sredinom 14. stoljeća. Rukopis je osobit zbog opširnih i arhaičnih biblijskih čitanja.³

U tekstološkoj analizi Nahtigal je najprije pokazao citate iz *Knjige proroka Jone* u kojima se glagoljski tekstovi i *Grig* međusobno slažu i podudaraju s grčkim tekstom, a razlikuju od *Vulgate*, i takvih je dvadeset primjera (Nahtigal 1902:2–3);

2 Dok su se neki kasniji istraživači, kao npr. Josip Vajs i Vjekoslav Štefanić, kolebali o kojem se kodeksu radi (mislili su i da je dio *1. vrbničkog brevijara* s tekstom Jone u međuvremenu možda izgubljen), Zdenka Ribarova je pouzdano utvrdila da je to *2. vrbnički brevijar* (Ribarova 1987:124).

3 Brevijar je opisan u bibliografijama: Vajs 1910:LXIX-LXII; Mičetić 1911:56; Štefanić 1960:329–335.

zatim navodi dvadeset i pet primjera u kojima se glagoljski prijevodi bolje slažu s grčkim, nego *Grig* (Nahtigal 1902:3–5). Slijede glagoljski citati s očitim utjecajem *Vulgate*, a tih je primjera samo sedam (Nahtigal 1902:5). Nahtigal zaključuje da je parimejni tekst *Jone*, koji je bio predložak glagoljskim maticama, bio stariji i bolje tradiran od *Grig*, a to osobito potvrđuju oni primjeri u kojima se za grčki tekst nalaze potvrde samo u glagoljskim tekstovima.

Nahtigalova istraživanja ovoga hrvatskoglagoljskog biblijskog spisa nastavila je i produbila Zdenka Ribarova u studiji *Knjiga proroka Jone*: »O srodnosti glagoljskoga teksta u Vb2 s parimejnim prijevodom govori već Nahtigal, zaključujući da je tekst u ovom brevijaru prepisan iz arhaičnijega i ispravnijega predloška nego *Grig* i da je utjecaj *Vulgate* u njemu zanemariv. Ovaj se zaključak može proširiti i na ostale (brevijarske) tekstove koji se međusobno razlikuju uglavnom samo po individualnim varijantama, dok je odnos prema parimejnom tekstu, kao i odnos prema *Vulgati* približno jednak za sve njih, što može upućivati na zajedničku pramaticu.« (Ribarova 1987:126). Autorica je obuhvatila sve brevijarske inačice, zaključila je da tri cjelovita teksta *Knjige proroka Jone*, koji su zabilježeni u *2. vrbničkom brevijaru*, *Brevijaru Vida Omišljanina* (1396)⁴ i *1. novljanskom brevijaru* (1459),⁵ sadrže istu verziju koja se neposredno veže uz parimejni prijevod (Ribarova 1987:125). Ovoj glagoljskoj verziji pripada i kraći tekst iz *Dragučkoga brevijara* (1407),⁶ dok svi ostali brevijarski prijevodi pripadaju drugoj verziji, koja se podudara s *Vulgatom*. Ribarova je uspoređivala glagoljske tekstove ne samo s *Grigorovičevim parimejnikom*, nego i s *Lobkovskim parimejnikom* (1294–1320), a neke dijelove i s *Pogodinovim psaltinom* (kraj 12. st.) i *Bolonjskim psaltinom* (1230–1241). Zaključila je da je parimejni tekst, na kojem se temelji glagoljska verzija proroka *Jone*, bliži *Grig*, za koji je pak utvrđeno da u cjelini najbolje čuva osobine prvobitnoga prijevoda (Ribarova 1987:126). Zdenka Ribarova proširila je analizu prijevoda *Jone* i na misalske glagoljske tekstove. Došla je do zaključka da postoje mjesta u kojima se misalski prijevodi podudaraju s parimejnim i brevijarskim tekstom, ali je upozorila i na primjere koji su samostalnije oblikovani od postojećih predložaka (Ribarova 1987:132–136).

2.2 Istraživanje hrvatskoglagoljskih tekstova *Malih proroka*

Nahtigal je tekstološku usporedbu hrvatskoglagoljskih svetopisamskih ulomaka iz Berčićeva izdanja s parimjenim prijevodom i grčkim i latinskim predlošcima

4 *Brevijar Vida Omišljanina*, 1396., Beč, Österreichische Nationalbibliothek, sign. *Cod. slav.* 3. Pergamentni rukopis od 468 listova dimenzija 35x27 cm.

5 *1. novljanski brevijar*, 1459., Novi Vinodolski, Župni ured. Pergamentni rukopis od 466 listova, sastoji se od dva dijela različitih dimenzija (prvi dio 36x28 cm, drugi dio 35,5x24 cm).

6 *Dragučki brevijar*, 1407., Zagreb, Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti, sign. *III b 25*, Pergamentni rukopis od 196 listova dimenzija 29,3x20,6 cm.

nastavio na druge knjige *Malih proroka* (Hošeu, Joila, Amosa, Habdiju, Miheja, Habakuka, Sofoniju i Zahariju) (Nahtigal 1902:33–41). Istraživao je primjere iz *1. vrbničkog*⁷ i *2. vrbničkog brevijara* i došao do pretpostavke da je hrvatskoglagoljska književnost vjerojatno od ranih početaka poznavala ne samo prijevod potvrđen u parimejniku, nego upravo puni prijevod svih dvanaest malih proroka. Za ovaj puni prijevod pretpostavlja da je po arhaičnosti jezika bio blizak parimejnom. Istraživanja hrvatskoglagoljskih *Malih proroka* nastavio je Josip Vajs. Istražio je i u ediciji *Analecta Sacrae Scripturae ex antiquioribus codicibus glagoliticis* Staroslavenske akademije u Krku izdao knjige *Malih proroka* u razdoblju od 1908–1915. godine.⁸ Izdanja *Prophetae minores* kritički su opremljena, glagoljski je tekst (u faksimilu ili otisnut) izdan u ćirilskoj transliteraciji, dodane su varijante glagoljskih kodeksa, dokumentiran je odnos prema grčkomu izvorniku, kao i odnos glagoljskoga i ćirilskoga teksta te je pridodan rječnik (Bauerová 1986:217–226). Svi su tekstovi *Malih proroka* uzeti iz *Brevijara Vida Omišljanina*, koji je izabran zbog cjelovitih čitanja i arhaičnosti jezika i prijevoda. Tekstološki bliske tekstove nalazi Vajs i u *2. vrbničkom brevijaru*, te u *Dragučkom* i *1. novljanskom brevijaru*. Vajs ističe da je hrvatskoglagoljska pismenost zasigurno imala i puni prijevod svih knjiga *Malih proroka*, čime je potvrdio Nahtigalova istraživanja.

Sustavno i temeljito istraživanje hrvatskoglagoljskih proročkih knjiga sprovela je Helene Bauerová u više radova (1986, 1987, 1993, 2000), utvrđujući dvije brevijarske verzije, verziju prema *Septuaginti* i prema *Vulgati*. Osobitu je pažnju autorica posvetila parimejnoj tradiciji proročkih knjiga u hrvatskoglagoljskim brevijarima. U posljednje vrijeme detaljno su proučeni i tekstološki odnosi brevijara koji su pratili latinski tekst knjiga *Malih proroka* (Línek 2015).

2.3 Istraživanje hrvatskoglagoljskih tekstova *Proverbia*

Tekstološke sličnosti glagoljskih tekstova i parimejnog prijevoda, odnosno grčkog predloška, Nahtigal je pokazao na i primjeru *Proverbia* (Nahtigal 1902:44–45). Ističe da kod ovoga hrvatskoglagoljskog biblijskoga teksta postoji i značajan utjecaj *Vulgate*. U proučavanjima drugih istraživača Nahtigalove ekspertize potvrđene su i nadopunjene novim zaključcima. Josip Vajs istraživao je *Proverbia* i izdao tekst iz *1. vrbničkog brevijara* (Vajs 1910:40–70). Tekstološke osobine svih hrvatskoglagoljskih tekstova *Mudrih izreka* temeljito je obradio Václav Čermák, koji razlikuje dvije brevijarske skupine. U korpusu tekstova koju predstavlja *Brevijar Vida Omišljanina* čitaju se tradirani prijevodi bliski parimejnim tekstovima

7 *1. vrbnički brevijar*, 13–14. st., Vrbnik, Župni ured. Sastoji se od 259 pergamentnih listova dimenzija 35x27 cm.

8 Usp. Vajs, J., *Propheta Ioel*, Veglae, 1908; *Propheta Oseas*, Veglae, 1910; *Propheta Habacuc*, Veglae, 1912; *Sophonias-Haggaeus*, Veglae, 1913; *Zacharias-Malachias*, Veglae, 1915.

i grčkim predlošcima, a u grupi kojoj je na čelu *Vatikanski brevijar* 5⁹ iz 14. st. nalaze se redigirani prijevodi prema latinskim predlošcima (Čermák 2001). Naglašava da se izbor čitanja iz *Proverbia* u brevijarima podudara s izborom lekcija u parimejnicima (Čermák 2004:151). Naposljetku, Čermák ističe da i u glagoljskim tekstovima *Proverbia* postoji uvodna formula koja potječe iz parimejnog teksta, na što je upozorio Nahtigal kod proročkih knjiga. U knjigama proroka piše: *tako glagolebь gospodь* za grčko: *Táδε λέγει κύριος*, a u *Proverbia* postoji zaziv: *sine* koji odgovora grč. *vié*, što u biblijskom tekstu niti u latinskom brevijaru nije potvrđeno (Čermák 2004:151).

Osim u glagoljskim brevijarima, tekstološke podudarnosti potvrđene su i između misalskih *Proverbia* i parimejnog prijevoda (Reinhart 1986:80–81). O kompleksnosti glagoljskih biblijskih tekstova svjedoči primjer *Proverbia*, 3,15 u glagoljskim misalima iz 14. stoljeća, *4. vatikanskom misalu*¹⁰ i *Novakovu misalu*¹¹ gdje neposredno iza prijevoda prema *Vulgati* slijedi isti tekst prema *Septuaginti*, a ne postoji paralela u brevijaru, niti u parimejniku (Reinhart 1986:81).

3 Nahtigal – istraživač hrvatskoglagoljskih biblijskih tekstova

Nahtigalovo zanimanje za istraživanje hrvatskoglagoljskih biblijskih, starozavjetnih tekstova u prvom je redu bilo usmjereno na traženje tragova parimejnoga prijevoda, odnosno na proučavanje ćirilometodskoga nasljeđa u hrvatskoglagoljskim spomenicima. Naime, hrvatskoglagoljski biblijski prijevodi nisu jedinstveni, potječu iz različitih vremenskih razdoblja i različitih tekstovnih izvora (Grabar 1986; Tandarić 1993:319–326; Badurina Stipčević 2016:289–291). Po tekstološkim osobinama hrvatskoglagoljske biblijske lekcije dijelom se vežu uz ćirilometodski prijevod *Biblije*, a dijelom su to novi prijevodi sačinjeni prema mlađim latinskim liturgijskim obrascima. Tako *Psaltir*, *Evandjelja* i *Apostol* tekstološki potječu još iz ćirilometodskoga razdoblja i u osnovi im je grčki predložak. Staroslavenske su evanđeoske perikope u hrvatskoglagoljskim misalima sustavno redigirane i prilagođene latinskom tekstu *Vulgate* već vrlo rano, počevši od 12. stoljeća (Reinhart 1990a, 1990b). Prema latinskome tekstu ispravljena su čitava tradirana čitanja ili su samo početne i završne rečenice perikopa prilagođene *Vulgati*. Osim naslijeđenih biblijskih prijevoda postoje i prijevodi nastali na hrvatskoglagoljskome tlu. Deuterokanonske biblijske knjige, kao što su *Knjige o Makabejcima*, *Estera*,

9 *Vatikanski brevijar Illirico* 5, sredina 14. st., Rim, Biblioteca Apostolica Vaticana, sign. *Borg. Illir.* 5. Pergamentni rukopis od 248 listova dimenzija 31x22 cm.

10 *Vatikanski misal Illirico* 4, početak 14. st., Rim, Biblioteca Apostolica Vaticana, sign. *Borg. illir.* 4. U literaturi nazvan najstarijim hrvatskoglagoljskim misalom.

11 *Misal kneza Novaka*, 1368., Beč, Österreichische Nationalbibliothek, sign. *Cod. slav.* 8. Pergamentni rukopis sadrži 271 list dimenzija 32x24 cm.

Tobija, Judita, Knjiga Mudrosti i Propovjednik, prevedene su tijekom srednjega vijeka po uzoru na latinsku *Bibliju, Vetus Latina* i Jeronimovu *Vulgatu* (Badurina Stipčević 1997). Prijevodne se tradicije hrvatskoglagoljskih biblijskih prijevoda međusobno nadopunjuju i isprepliću, tako da kod nekih biblijskih spisa, *Malih proroka, Knjige o Joni, Knjige o Jobu, Mudrih izreka*, postoje dvije verzije. Starija je verzija u nekim tekstovima bliska parimejnim tekstovima grčkoga podrijetla, a mlađa verzija u drugim brevijarima prevedena je s latinskoga predloška ili prijevodnim preinakama prilagođena *Vulgati*. Upravo je Nahtigal dao značajan doprinos istraživanju tekstoloških osobina spomenutih biblijskih knjiga.

Predstavljene Nahtigalove analize pripadaju ranim tekstološkim istraživanjima hrvatskoglagoljskih liturgijskih i biblijskih spomenika, slijede ubrzo nakon Berčićevih i Jagićevih izdanja, a prethode opsežnim istraživanjima J. Vajsa (Tandarić 1993:21–23). Nahtigalovi zaključci, u kojima je naglasio vrijednosti hrvatskoglagoljske biblijske baštine za rekonstrukciju parimejnoga prijevoda i za istraživanje odnosa staroslavenskoga biblijskoga prijevoda prema grčkim izvornicima, usmjerili su mnoga kasnija istraživanja, koja su potvrdila Nahtigalove postavke. Osim spomenutih, potrebno je navesti još neka proučavanja hrvatskoglagoljskih biblijskih spisa u odnosu na parimejne tekstove, kao što je npr. proučavanje knjige proroka Ezekijela u srednjovjekovnim bugarskim i hrvatskim tekstovima (Taseva 1997), zatim uspoređivanje brevijarskih lekcija iz *Knjige o Jobu* s parimejnim Jobovim čitanjima i grčkim predlošcima (Zaradija Kiš 1997:193–207), istraživanje lekcija *Knjige proroka Danijela* u glagoljskim brevijarima i ćirilskim rukopisima (Petkov; Dimitrova 2004), te proučavanje tekstualne tradicije hrvatskoglagoljskih starozavjetnih knjiga (Čermák 2004; Stankovska 2012; Stankovska 2016).

4 Zaključak

Nakon Nahtigalovih proučavanja, tekstološka su istraživanja hrvatskoglagoljske biblijske tematike bila usmjerena prema traženju najbližeg parimejnog predloška glagoljskim tekstovima te prema komparaciji parimejnih i neparimejnih biblijskih prijevoda. Pristupilo se i identificiranju parimejnih čitanja u glagoljskim misalima i usporedbi brevijarskih i misalskih tradicija. Jednako su bila vrijedna i Nahtigalova upućivanja na latinske predloške glagoljskih brevijara, što se u radovima najprije Josipa Vajsa, a kasnije i drugih istraživača, potvrdilo u utvrđivanju dviju brevijarskih verzija, nastalih prema grčkom ili latinskom izvorniku. Nahtigalove su analize i zaključci o tekstualnoj srodnosti brevijarskih glagoljskih prijevoda s parimejnim tekstom potaknuli daljnja istraživanja koja su rezultirala tekstološkim studijama i kritičkim izdanjima mnogih hrvatskoglagoljskih biblijskih knjiga.

Nahtigalov rad *Neskol'ko zametok o slědah drevneslavjanskago parimejnika v horvatsko-glagoličeskoj literature* nezaobilazno je citiran u brojnim studijama u kojima se istražuju staroslavenski i hrvatskoglagoljski prijevodi Biblije. U povijesti proučavanja hrvatskoglagoljske baštine Rajku Nahtigalu pripada istaknuto mjesto, jer je bio među prvim istraživačima hrvatskoglagoljskih biblijskih prijevoda, ali i među prvim istraživačima hrvatskoglagoljskih brevijara.

Literatura

- Badurina Stipčević, V., 1997: Mladi hrvatskoglagoljski biblijski prijevodi, S. Damjanović, *Prvi hrvatski slavistički kongres. Zbornik radova 1*, Zagreb: Hrvatsko filološko društvo, 521–526.
- Badurina Stipčević, V., 2016: The Croatian Glagolitic Bible. The State of the Research. *Studi Slavistici* 13, 283–297.
- Bauerová, H., 1986: Prophetæ minores v charvátskohlaholských breviářích a ve Vajsově edici *Glagolitica*, *Slovo* 36, 217–226.
- Bauerová, H., 1987: *K morfoložickým archaismům textu proroka Jonáše v breviářním a parimejním čtení. Slavica Olomucensia VI.* (AUPO, Fac. phil., Philologica 56.), 197–203.
- Bauerová, H., 1993: K staroslověnskému překladu knihy proroka Joela. *Slavia* 62, 455–462.
- Bauerová, H., 2000: K parimejním a mimoparimejním charvátskohlaholským breviářním textům prorockých knih. *Cyrrillomethodiana. Sborník k uctění památky Mons. prof. ThDr. Vojtěcha Tkadlčíka*. Olomouc-Praha, 69–80.
- Berčić, I., 1864-1871: *Ulomci svetoga Pisma obojega uvjeta staroslavenskim jezikom I-V*. Prag.
- Bezljaj, F., 1939: Dr. Rajko Nahtigal. *Ljubljanski zvon* 59/5, 268–275.
- Čermák, V., 2001: *Starozákonní mudroslovné knihy v charvátskohlaholských breviářích. (Textologická analýza Proverbii)*. Univerzita Karlova v Praze. Filozofická fakulta. Ústav slavistických a východoevropských studií. (rukopisna disertacija).
- Čermák, V., 2004: Historický přehled zkoumání starozákonních perikop charvátskohlaholských breviářů, M.-A. Dürrigl, M. Mihaljević, F. Velčić (ur.). *Glagoljica i hrvatski glagolizam*. Zagreb-Krk: Staroslavenski institut, Krčka biskupija, 149–155.
- Grabar, B., 1986: Ćirilometodski i staroslavenski prijevodi u hrvatskoglagoljskim prijepisima. *Slovo* 36, 87–93.
- Hamm, J., 1960: In memoriam. Rajko Nahtigal (14. IV 1877-29. III 1958). *Slovo* 9–10, 144–145.

- Línek, J.; 2015. *Knihy Malých proroků v charvátskohlaholských breviářiích. Překlad latinské předlohy*. Olomouc: Vydavatelství Filozofické fakulty Univerzity Palackého v Olomouci.
- Mihaljević, M., Vlašić-Anić, A. 2010: Novootkriveni glagoljski fragmenti u riječ-kaj kapucinskoj knjižnici, E. Stadnik-Holzer, G. Holzer (ur.): *Sprache und Leben der frühmittelalterlichen Slaven*, Frankfurt am Main: Peter Lang, 95–124.
- Milčetić, I., 1911: Hrvatska glagolska bibliografija. *Starine* 33. Zagreb: JAZU.
- Nahtigal, R., 1902: *Neskol'ko zametok o slědah drevneslavjanskago parimejnika v horvatsko-glagoličeskoj literature*, Trudy slavjanskoj komisii Imperatorskog moskovskog arheološkog občestva III, Moskva, 1–47 (poseban otisak).
- Petkov, P.; Dimitrova, M., 2004: Perikopi ot Knigata na prorok Daniil v harvatskata glagoličeska knižnina. M.-A. Dürriegl, M. Mihaljević, F. Velčić, *Glagoljica i hrvatski glagolizam*. Zagreb-Krk: Staroslavenski institut, Krčka biskupija, 167–182.
- Reinhart, J. M., 1986: The Sapiential Collection in the Croatian Glagolitic Missal. *Ninth World Congress of Jewish Studies*, Division D, Volume 1, Jerusalem, 77–84.
- Reinhart, J., 1990a: Eine Redaktion des kirchenslavischen Bibeltextes im Kroatien des 12. Jahrhunderts. *Wiener slavistisches Jahrbuch* 36, 193–241.
- Reinhart, J., 1990b: Najstarije svjedočanstvo za utjecaj Vulgate na hrvatskoglagoljsku Bibliju. *Slovo* 39-40, 45–52.
- Ribarova, Z., 1987: Knjiga proroka Jone. *Slovo* 37, 123–159.
- Stankovska, P., 2012: Odkaz přeslavské školy v chorvatskocírkevněslovanských liturgických památkách. *Preslavská knižovna škola. Tom 12*. Šumen, 76–89.
- Stankovska, P., 2016: K problematice zkoumání textové tradice starozákonních textů v chorvatskohlaholských památkách vzniklých do 15. století. T. Kuštović, M. Žagar. *Meandrima hrvatskoga glagoljaštva*. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 491–506.
- Štefanić, V., 1960: *Glagoljski rukopisi otoka Krka. Djela JAZU* 51. Zagreb: JAZU.
- Tandarić, J. L., 1993: *Hrvatskoglagoljska liturgijska književnost. Rasprave i pri-nosi*, Zagreb: Kršćanska sadašnjost, Provincijalat franjevacica trećoredaca.
- Taseva, L., 1997: Knigata na prorok Iezekiil v srednovekovnata b'lgarska i hrvatska knižnina, *Palaeobulgarica* 21/3, 12–30.
- Vajs, J., 1910: *Nejstarší breviář chrvátsko-hlaholský (Prvý breviář Vrbnický)*, V Praze: Král. česká společnost nauk.
- Zaradija-Kiš, A. 1997: *Knjiga o Jobu u hrvatskoglagoljskoj književnosti*. Zagreb: Hrvatsko filološko društvo, Matica hrvatska.

Summary: Nahtigal's Textological Research on Croatian Glagolitic Biblical Books

Rajko Nahtigal, in the article entitled *Neskol'ko zametok o slédah drevneslavjanskago parimejnika v horvatsko-glagoličeskoj literature* (1902), has presented the results of his research concerning Biblical books found in Croatian Glagolitic breviaries, and compared them with *Grigorovič's parimeinic*, as well as with Greek and Latin sources. His analysis and conclusions on the textual similarities between the breviary Glagolitic translations and the parimeinic texts have inspired further investigations, which resulted with more recent textological studies, and modern critical editions of many Croatian Glagolitic Biblical books. Explorations of Croatian Glagolitic Biblical themes, which followed after Nahtigal's work, were mainly focused on seeking the closest parimeinic source of Glagolitic text, along with the comparison of parimeinic and non-parimeinic translations. In addition to this, Nahtigal has shown that Croatian medieval literature embodied not only Greek, but also Latin sources of Croatian Glagolitic Biblical texts. Nahtigal's pioneering philological insights are of the utmost importance for the study of both Old Slavic and Croatian Glagolitic Biblical books.

Key words: Rajko Nahtigal, Slavic philology, Croatian Glagolitic Philology, Croatian Glagolitic Biblical books, parimeinic

Nahtigalova obravnava besedil Knjig kraljev v hrvaškoglagolskih liturgijskih knjigah v luči danes dostopnih rokopisov

Petra Stankovska

Univerza v Ljubljani, Ljubljana

V delu *Něskol'ko zametok o slědah drevněslavjanskogo parimejnika v horvatsko-glagoličeskoj literaturě* je Rajko Nahtigal že leta 1902 prepričljivo pokazal, da so bila v hrvaške glagolske brevirje in misale prevzeta berila 1. Mojzesove knjige (Geneza), Izaije, malih prerokov in Knjig kraljev iz parimejnika. Nahtigal je predpostavil, da je bilo tudi parimejno besedilo tretje in četrte Knjige kraljev prevzeto v hrvaške glagolske knjige, čeprav je imel za nekatere dele teksta na razpolago samo revidirana besedila iz mlajših hrvaškoglagolskih virov. Veljavnost te predpostavke bomo overili z analizo danes dostopnih rokopisov.

Ključne besede: Knjiga kraljev, Sveto pismo, hrvaška cerkvena slovanščina, glagolski misal

V razpravi *Něskol'ko zametok o slědah drevněslavjanskogo parimejnika v horvatsko-glagoličeskoj literaturě* je Rajko Nahtigal že leta 1902 prepričljivo pokazal, da so bila v hrvaške glagolske brevirje in misale prevzeta berila Jonove knjige, Geneze, Izaije in tako imenovanih malih prerokov (Nahtigal 1902:14) iz parimejnika (liturgična knjiga vzhodnokrščanskega tipa, ki vsebuje pretežno starozavezna berila)¹ in ne iz celotnega biblijskega prevoda (torej slovanskega prevoda celih svetopisemskih knjig).² Pri neparimejnih delih besedila v hrvaškoglagolskih brevirjih in misalih je ugotovil ujemanja z latinsko različico biblijskega teksta in ne z grško³ (Nahtigal 1902:8). O Nahtigalovi premišljeni in načrtni metodologiji dela priča to, da beril iz določenih starozaveznih knjig ni izbral naključno, pač pa glede na to, katera so v parimejniku najbolj pogosta (Jonova knjiga je tam v celoti, knjige ostalih malih prerokov, Geneze in Izaije v večjem obsegu) in katerih je relativno

1 Najstarejši ohranjeni rokopis starocerkvenoslovanskega parimejnika je cirilski Grigorovičev parimejnik iz 12.–13. stoletja. Nahtigal ga je citiral iz izdaje R. Brandta (Brandt 1894), ki je obsegala približno polovico rokopisa, mestoma dopolnjenega iz drugih dveh najstarejših slovanskih parimejnikov, iz Zahariinskega (1271) in Lobkovskega (1294–1320).

2 Celotni »četji« slovanški prevod biblijskih knjig je citiral večinoma iz knjižnih izdaj: knjigo Geneze (Mihajlov 1900–1908, v delu izdanem l. 1900), preroka Izaije (Evseev 1897). Dele celotnega prevoda iz Geneze in Izaije, ki jih izdaje niso vsebovale, ter besedilo Knjige kraljev je Nahtigal izpisoval iz neobjavljenih rokopisov 15. in 16. stol., ki so jih hranili v Rumjancevskem muzeju.

3 Za primerjavo z latinskim besedilom je uporabljal Vulgato, z grškim pa izdajo grškega parimejnika R. Steiningerja (Steininger 1834).

malo (berila iz Knjig kraljev⁴). Predpostavljal je namreč, da če so hrvaški glagoljaši izkoristili parimejnik kot vir slovanskih prevodov biblijskih starozaveznih besedil, obstaja velika verjetnost, da so to naredili pri knjigah, ki so v parimejnik zajete v velikem obsegu, kar je potrdil z izsledki svoje analize. Pri berilih iz biblijskih knjig, ki jih parimejnik vsebuje le v majhnem obsegu (Knjige kraljev), si je Nahtigal zastavil kontrolno vprašanje, ali so glagoljaši enako izkoristili parimejne prevode, čeprav se jim je to manj splačalo – večino besedila za brevir in misal bi namreč vseeno morali prevesti sami iz latinščine (Nahtigal 1902:15). Na podlagi analize parimejnih beril iz kraljevskih knjig je Nahtigal zaključil, da so bila tudi ta prevzeta v hrvaškoglagolske knjige v parimejni verziji, vendar se od nje veliko bolj razlikujejo kot besedila Geneze, Izaije in malih prerokov. Domneval je, da so te razlike posledica tega, da je bil iz parimejnega prevzet le manjši del besedila, s tem pa je povezano bolj intenzivno in obsežno prevajanje iz latinščine, kar je lahko vodilo tudi do bolj opaznih popravkov parimejnega besedila. Drugi razlog je videl v tem, da je nekatera berila iz kraljevskih knjig Berčić (Berčić 1864–71) objavil na podlagi mlajših rokopisov ali tiskov iz 15. stol. in da so ti morda že bili precej revidirani (Nahtigal 1902:15).

Kasneje so bila načrtno obravnavana hrvaškoglagolska besedila iz knjige Geneze, in to v času, ko ni bilo znanih več virov, kot jih je imel na voljo Nahtigal (Mihajlov 1912), ter kasneje ob primerjavi z drugimi viri stesl. prevoda (Slavova 1995). Na vrsto je prišla še knjiga preroka Joela (Bauerová 1993) in knjiga preroka Jone v odlični študiji, v kateri je bilo pokazano, da nekatere variante hgl. knjig, ki se razlikujejo od parimejnih, sovpadajo s triodnimi. Ker so bili triodi izdelani na podlagi parimejnikov (Ribarova 1987), rezultati omenjene študije posredno potrjujejo Nahtigalovo hipotezo, da so na nekaterih mestih berila v hgl. knjigah ohranila boljše in izvirnejšo obliko, kot jo poznamo iz parimejnika (Nahtigal 1902:4).

V svoji študiji je Nahtigal obravnaval (1) neparimejna besedila Knjig kraljev iz hrvaškoglagolskih knjig (1Rg1:1–2:1; 1Rg2:11–3,21; 2Rg1:1–3:21; 3Rg1:1–47; 3Rg3:16–28; 4Rg4:1–2; 4Rg4:38; 4Rg5:1–8; 4Rg5:15), pri katerih je ugotovil, da so bila prevedena na podlagi latinskega besedila (Nahtigal 1902:17), (2) parimejna besedila Knjig kraljev iz najstarejših hrvaškoglagolskih rokopisov (3Rg19:3–8; 4Rg2:19–22), pri katerih je ugotovil jasno povezavo s parimejnim prevodom, ter (3) parimejna besedila Knjig kraljev iz mlajših hrvaškoglagolskih rokopisov, pri katerih je ugotovil manj jasno tekstološko sovpadanje s parimejnim besedilom, ki ga je

4 V parimejniku so le berila iz 3. in 4. knjige kraljev (3Rg8:1, 3–7, 9–1; 3Rg17:8–24; 3Rg18:30–39; 3Rg19:3–16 in 4Rg2:6–14, 19–22; 4Rg4:8–37; 4Rg5:9–14 – gl. Ribarova, Hauptova 1998:444–445) za razliko od misala in brevirja, po vzoru katerih sta nastajala hrvaškoglagolska brevir in misal (brevir: 1Rg1:1–2:1 1Rg2:11–3,21; 2Rg1:1–3:21; 3Rg1:1–47; 4Rg1:1–2:25 – gl. Pantelić, Nazor 1977:XXI; misal: 3Rg3:16–28 3Rg17:8–24 3Rg19:3–8; 4Rg2:19–22 4Rg4:1–2, 25–38 4Rg5:1–15 – gl. Štefanić 1973:514).

razlagal tako, da je v mlajših hgl. besedilih biblijski tekst tako spremenjen, da je direktnih povezav manj, vendar je predpostavil, da bi bila v starejših rokopisih verzija bližja parimejni. V našem prispevku bomo ta besedila iz 3. in 4. Knjige kraljev (3Rg 17:8–24 in 4Rg 4:25–37 5:9–14) preučili na podlagi najstarejših danes dostopnih hrvaškoglagolskih rokopisov, primerjali s parimejnim tekstom (Ribarova, Hauptova 1998) ter celotnim, »četjim« prevodom (Dunkov 1995 in 1996)⁵ in preverili, ali je bila Nahtigalova predpostavka o bolj točnem sovpadanju starejših izvodov hrvaškoglagolskega teksta z besedilom v slovanskem parimejniku pravilna. Za preverjanje bomo vzeli besedilo iz misala po kritični izdaji Hrvojevega misala (Štefanić 1973) in najprej preverili mesta, ki jih navaja Nahtigal iz prvotiska misala 1483.

Pri večini primerov, ki jih navaja Nahtigal, je tudi v starejših virih (po Štefanić 1973) enaka različica kot v Berčičevi izdaji (Berčič 1864–71), npr. v 3Rg17:9 in 17:19 pri posameznih besedah iz verzov 3Rg17:20 in 17:21 ali pri 4Rg4:33, 5:12 (Nahtigal 1902:15–16). Nahtigal kot primer sovpadanja navaja posamezne besede ali besedne zveze, pri citiranju širšega konteksta (celega verza) iz več starejših rokopisov lahko dodatno potrdimo, da misalno besedilo dejansko sledi parimejnemu (sovpadajoča mesta so podčrtana):

4Rg4:37 potrjuje Nahtigalovo (1902:16) *na nozi* (Berč⁶) *x na nogu* (Parim), poleg tega na vseh mestih sovpada s parimejnim branjem verzija v Nk, razen zadnjega glagola, ki je enak v Hrv in Ill4:

Mis: ona že pristupl'ši k' elišēju¹ . pripade kь nogama² ego . i pokloni se emu do z(e)mle . i poém'ši³ s(i)нь свои . i⁴ izide⁵ .

1. pristupl'ši k' elišēju| om. Nk; 2. pripade kь nogama| pade na nozi Nk; 3. poém'ši| poëtъ Nk; 4. i| om. Ill4; 5. izide| ide Nk Ro

Parim (=četji): и вниде жена ѿ паде на ногоу его и поклони сѧ эмоу до зема и поатъ сѧ свои ѿзде

3Rg17:16 – iz tega verza citira Nahtigal dve variantni mesti: *vidro* (Berč) - *vodnosъ* (Parim) ter *olěi* (Berč) - *maslo* (Parim), pri tem je od prve dvojice parimejna varianta potrjena v najstarejših prepisih misala (Ill4 Ro), pri drugi dvojici se tudi v najstarejših rokopisih nahaja beseda *olěi*, kar pa je lahko povezano z nujno zamenjavo izraza *maslo* na hrvaškem področju zaradi drugega pomena (= izdelek iz kravjega mleka):

Mis: ot togo d(ъ)ne vidro¹ muki ne oskudě i žbanacъ olěč ne omalit' se² po s(love)si³ g(ospodъ)nju ko⁴ govori² rukoju iliinoju

5 Žal ne moremo preverjati tekstoloških vzlovov pri kronografski verziji celotnega prevoda, ki jih je za tretjo Knjigo kraljev objavila T. Slavova, saj ravno parimejno besedilo v kronografu manjka oz. je v njem sklic na parimejnik (Slavova 2013).

6 »Berč« je okrajšava za Berčičevo izdajo (Berčič 1864–71), sicer pa gre v vseh tukaj navedenih primerih za navajanje iz misala, za katero pri citiranju po kritični izdaji Hrvojevega misala (Štefanić 1973) uporabljamo okrajšavo »Mis«, za parimejno besedilo »Parim« citiramo po (Ribarova, Hauptova 1998).

1. vidro| vodonošь III4 Ro; 2. omalit' se| umali se III4 Nk Ro; 3. s(love)si| g(lago)lu III4 Ro; 4. ko| iže III4 Ro, eže Nk; 5. govori| g(lago)la III4 Nk Ro

Parim: и ѿ того дне водноношь мъжы не wskъдѣть и чванецъ масла не оумалить са по глаголю гдню егоже гла ржкоа илиноа

Četji: ... и съждь мъчньи не оскъдѣ и чьбаньць масла не оумали са по глаголоу господню иже глагола ржкоњ илииноњ

3Rg17:17–18 Nahtigal navaja varianto *bě teška zělo* (Berč), pri čemer rokopis III4 v celoti potrjuje parimejno branje *bě krěpka zělo*, Hrv pa delno *krěp'ka velika*. V 18. verzju v III4 najdemo verjetno najbolj ustrezno obliko glagola *umoriši* glede na kontekst in tujejezični izvirnik. V ostalih virih gre za bolj ali manj pravilno prirejeno formulacijo zaradi sintaktične prilagoditve latinski formulaciji z odvisnikom (*ut ... interficerēs filium meum*) za razliko od uporabe nedoločnika s pomenom namena po vzoru grškega besedila (*εἰση̅θηες ... τοῦ ... θανατῶσαι τὸν υἱόν μου*), sicer pa ima III4 očitno kombinacijo izvirne formulacije z delnim posnemanjem latinskega odvisnika:

Mis: ... bolē s(i)нь ženi¹ gospoe domu² i bolēzany ego³ krěp'ka velika⁴ dokolē⁵ v nemь n/e/ osta⁶ d(u)hь . (18) i r(e)če žena kь ilii pr(o)r(o)ku b(o)žiju⁷ . čto⁸ mani i tebi r(a)be⁹ b(o)ži v'šalь esi ka¹⁰ mni da vspomenuť se¹¹ nepr(a)v(ь)di moe i umrtie¹² s(i)na moego .

1. ženi| om. Nk; 2. domu| add. vdovi Ro; 3. ego| add. bě III4 Nk Ro; 4. krěp'ka velika| krěp'ka zělo III4, teška zělo Nk, ljuta Ro; 5. dokolē| doideže III4 Ro, tako éko Nk; 6. osta| add. i Nk; 7. pr(o)r(o)ku b(o)žiju| om. Nk; 8. čto| add. estь Nk; 9. r(a)be| mužju III4 Nk Ro; 10. ka| om. Ro; 11. vspomenuť se| vspomenul' bi Nk, v'spomenutie Ro; 12. umrtie| umoriši III4 umori Nk Ro;

Parim: и бысть по глѣхъ сихъ и болѣ снѣ господына домоу и бѣ болѣзнѣ крѣпка зѣло доидеже не вста в немь дхъ (18) и рече илиа что мнѣ и тебѣ члвче божи вьниде кь мнѣ вьспоманѣти неправды моа и оуморити сѣна моего

Četji: і бы по сихъ і разболѣ са сынѣ жены господына домоу і бѣ болѣзнѣ его крѣпѣка зѣло ѣкоже і доухъ его избити отъ него (18) і рече жена кь илии чѣто мнѣ і тебѣ чловѣче божи вьниде кь мнѣ [вѣ дом еже] възпомѣнѣть неправдѣ моихъ і оуморит [оуморити оумръвити] сыноу моего

Na podlagi navedenih primerov lahko potrdimo, da je bila Nahtigalova predpostavka o še večjem sovpadanju teksta parimejnika in starejših hgl. spomenikov pravilna, čeprav v nekaterih primerih potrditev variante v starejših virih ni povsem enoznačna:

4Rg4:25 – rokopisi Hrv III4 Ro potrjujejo parimejno varianto *greduču*, za razliko od *iduču* iz Berč (Nahtigal 1902:16), vendar gre tu lahko tudi za naključno podobnost, ker se ostalo besedilo misala bolj priklanja k latinski različici in oddaljuje od parimejne:

Mis: Pride žena sunamitina¹ k' elisěju na² goru kar'melskuju³ . i bis(i)⁴ k(a)ko⁵ vidi⁶ ju elisěi greduču⁷ k' sebi . r(e)če k' eozē⁸ otroku⁹ svoemu . se sunamitina¹⁰ ona

1. sunamitina| sunamit'ska III4, sunamitena Ro; na| v III4 Ro; 3. kar'melskiju| kra'mil'skuju III4 Nk Ro; 4. i bis(i)| egda že Nk; 5. k(a)ko| éko III4 Ro, om. Nk; 6. vidi| vidě III4 Ro, uzri Nk; 7. elisěi greduču| muž' b(o)ži iduču Nk; 8. eozě| jeozě Nk; 9. otroku| sluzi Ro; 10. sunamitina| sunamitěnina III4, sunamitena Ro

Parim: придеси и поидеси до чѣвка бѣжиѣ въ горѣ кармильскѣа и приде до чѣвка бѣжиа въ горѣ и бысть ѣко видѣ елисеи градѣщѣа и рече елисеи къ егезии втрочишиѣ своемѣ се соманѣтънѣни чна

Sicer se pri novi primerjavi ponekod pokaže tudi to, da nekateri primeri sovpadanja, ki jih navaja Nahtigal, ne pričajo o ujemanju parimejnega in misalnega besedila:

3Rg17:12 – čeprav Nahtigal navaja uporabo leksema *polěn'ce* kot dokaz parimejne variante v misalu, nam vpogled v kritično izdajo »četjega« prevoda pokaže, da gre za razliko med rokopisi celotnega prevoda (*drv'ce* v Grigorovičevem rokopisu iz 1544 v nasprotju z večinsko varianto *polěn'ce*, npr. tudi v Rumjancevskem rokopisu iz l. 1537 – gl. Dunkov 1996:321), ne pa za razliko med tradicijo parimejnega in celotnega prevoda. Sicer pa preostanek verza priča o prilagoditvah latinskemu besedilu (krepko):

Mis: ka otgovori¹ . živъ g(ospod)ъ b(og)ъ moi² i /ži/va d(u)ša moē³ k(a)ko ne imamy kruha⁴ takmo⁵ eliko grstъ êti možety muki v' vidri⁶ . i malo olēē v žban'ci i se izbrav'si⁷ dvi polēn'ci nesu⁸ da šad'si⁹ stvoru ono mani i s(i)nu moemu da snive i umreve.

1. ka otgovori| ona že otvečavši reče emu III4 Ro êže otveča Nk; 2. moi| tvoi III4 Ro; 3. /ži/va d(u)ša moē| om. III4 Ro, živa d(u)ša tvoē Nk; 4. ne imamy kruha| u mene est' hlěb' III4, u mene něst' hlěb' Ro; 5. takmo| na III4 Ro; 6. vidri| vodonosě III4 Ro; 7. izbrav'si| az' sьbiraju III4 Ro; 8. nesu| om. III4 Ro; 9. šad'si| v'sd'si III4;

Parim: и рече жена живѣ гдѣ бѣ твои аще ми естъ впрѣснокъ нѣ елико грѣсть мѣкы въ водоноси и мало олѣа въ чванѣци и се азъ сьбиралъ бѣ полѣнѣци и внидѣ и створа себѣ и чадомѣ моимѣ и снѣмы и оумремѣ

lat: quae respondit vivit Dominus Deus tuus quia non habeo panem nisi quantum pugillus capere potest farinae in hydria et paululum olei in lecytho en colligo duo ligna ut ingrediar et faciam illud mihi et filio meo ut comedamus et moriamur

grš: καὶ εἶπεν ἡ γυνὴ τῇ κύριος ὁ θεός σου, εἰ ἔστιν μοι ἐγκρυφίας ἀλλ' ἢ ὄσον δρᾶξ ἀλεύρου ἐν τῇ ὑδρίᾳ καὶ ὀλίγον ἔλαιον ἐν τῷ καψάκη· καὶ ἰδοὺ ἐγὼ συλλέγω δύο ξυλάρια καὶ εἰσελεύσομαι καὶ ποιήσω αὐτὸ ἐμαυτῇ καὶ τοῖς τέκνοις μου, καὶ φαγόμεθα καὶ ἀποθανούμεθα

Pri parimejnem tekstu besedilo v misalu mestoma skoraj v popolnosti sledi latinski različici, ki se v nekaterih primerih lahko pojasni z zgodnjo redakcijo po latinski predlogi (krepka pisava), zato so prisotne tudi podobnosti s parimejnim prevodom (podčrtano), npr. varianta *sarapta/sarefta sidon'ska*, saj dodani pridevnik nima opore niti v grški niti v latinski različici. Ker gre za začetek berila (npr. verzi 3Rg10–13 iz berila 3Rg17:8–16 za torek tretjega postnega tedna), je mogoče, da je bil začetek še bolj prilagojen latinski različici, nadaljevanje pa manj dosledno (3Rg17:14 in naprej):

3Rg17:10

Mis: vstavь iliê³ i ide v sar'patu⁴ **Kada⁵ približi se⁶ k vratomъ** grada vidi ženu vdovicu **z'birajuču** dr'va v'zva ju i r(e)če ei⁷...

3. vstavь iliê| on že **vsta** III4 Ro vstav že Nk; 4. sar'patu| saraptu sidon'skuju III4 Ro saraptu Nk; 5. kada| egdaže III4 Ro, i egda Nk; 6. približi se| pride III4 Nk Ro; 7. ei| add. prinesī mi malo vodi v sьsudě **da pьju**, egdaže ona poide da prineset' emu pakī vzьri v slěd' ee g(lago)le III4 Ro;

Parim: вѣставь¹ поиде въ сарептѣ² и приде въ врата градъ и се тоу жена вдова³ събираше дрѣва и възьпи въ слѣдъ ея илиѣ и рече еи прими ми⁴ мало воды въ сьсѣдѣ и пиѣ⁵

1. вѣставь| и вѣставь илиѣ и L, и вѣставь и Z, 2. сарептѣ| add. сидоньскоую Z, 3. вдова| вдовица Z, 4. прими ми| прими L add. сьсѣдъ и възми оубо L, add. оубо Z, 5. и пиѣ| да пиѣ L, и да пию Z,

lat: **surrexit** et abiit Sarep̄tham **cumque venisset ad portam** civitatis apparuit ei mulier vidua **colligens** ligna et vocavit eam dixitque da mihi paululum aquae in vase **ut bibam**

grš: καὶ ἀνέστη καὶ ἐπορεύθη εἰς Σαρεπτα εἰς τὸν πωλῶνα τῆς πόλεως, καὶ ἰδοὺ ἐκεῖ γυνὴ χήρα συνέλεγεν ξύλα· καὶ ἐβόησεν ὀπίσω αὐτῆς Ἡλίου καὶ εἶπεν αὐτῇ Λαβὲ δὴ μοι ὀλίγον ὕδωρ εἰς ἀγῆος καὶ πίωμα.

Podobno je tudi v berilu iz 4. Kraljevske knjige (4Rg4:25–38 v četrtek petega postnega tedna) besedilo na mestih, kjer se latinski tekst razlikuje od grškega, vsekakor prilagojeno latinščini (4:28 svojilni zaimki, veznik *ašte* brez *jako*; 4:29 *srečēt te človek, kto* za razliko od parimejnega *mož*; 4:30 ni veznika *ašte* v misalih), sicer pa je skoraj enako kot parimejno, zato lahko zaključimo, da je bila prilagoditev slovanskega parimejnega teksta latinščini verjetno narejena že takoj ob prevzemu v misal ali pa se nam latinščini neprilagojeno besedilo ni ohranilo, npr.:

4Rg4:28–29

Mis: (28) ona r(e)če¹ eda² prosihъ s(i)na ot o(tь)ca ego³. eda⁴ ne riħъ t(e)bě⁵ **stvori mene poruganiju⁶**. (29) r(e)če⁷ elisēi k' eozě⁸ prěpoēši črěsla tvoē . i primi⁹ žьzľь moi v ruci tvoi i idi¹⁰ ače **srěcet' te č(lově)kъ** ne bl(agoslo)vi¹¹ ego ače li¹² bl(agolo)vit'¹³ te **kto** ne otvečai emu . da¹⁴ prišadъ vzložī¹⁵ žьzľь moi na lice otročiča .

1. r(e)če| add. **emu** III4 Nk Ro; 2. eda| egda Ro; 3. o(tь)ca ego| g(ospod)ja moego III4 Nk; 4. eda| om. Nk; 5. t(e)běj om. Ro, li Nk; 6. poruganiju| v' poruganie Nk; 7. r(e)čej i r(e)če II4 Nk Ro; 8. eozěj jeozěj II4 Nk; 9. primi| v'zmi Nk; 10. idi| **poidi** Nk Ro; 11. bl(agoslo)vi| **pozdravi** Nk; 12. ače li| i ače Nk; 13. bl(agoslo)vit'| **pozdravit'** Nk; 14. da| na II4 Nk Ro; 15. vzložī| položi Nk;

Parim: (28) вна рече еда просихъ с̄на ѿ г̄да моего ѣко рѣхъ не прѣльсти мене (29) и рече елисеи егезивви прѣпоѣши чрѣсла своѣ и прѣми жезль свои в рѣцѣ свои и **пони** ѣко аще вбращеши мѣжа не блгви его и аще блговитъ та мѣжъ не ѿвѣщаеши емъ и възложи жезль мои на лице втрчицъ

lat: quae dixit **illi** numquid petivi filium a domino meo numquid non dixi tibi **ne inludas** me (29) et ille ait ad Giezi accinge lumbos tuos et tolle baculum meum in manu tua et vade **si occurrerit tibi homo non salutes** eum et si **salutaverit te quispiam** non respondeas illi et pones baculum meum super faciem pueri

grš: ἡ δὲ εἶπεν Μῆ ἠτηράμην υἱὸν παρὰ τοῦ κυρίου μου; οὐκ εἶπα Οὐ πλανήσεις μετ' ἐμοῦ; (29) καὶ εἶπεν Ελισαῖε τῷ Γιεζι Ζώσαι τὴν ὀσφύν σου καὶ λαβὲ τὴν βακτηρίαν μου

ἐν τῇ χειρὶ σου καὶ δεῦρο· ὅτι ἐὰν εὐρῆς ἄνδρα, οὐκ εὐλογῆσεις αὐτόν, καὶ ἐὰν εὐλογῆση σε ἄνθρωπος, οὐκ ἀποκριθήσῃ αὐτῷ· καὶ ἐπιθήσεις τὴν βακτηρίαν μου ἐπὶ πρόσωπον τοῦ παιδαρίου.

Nekoliko drugačna je situacija v berilu 4Rg5:1–15 (v ponedeljek četrtega postnega tedna), iz katerega so v parimejniku samo verzi 4Rg5:9–14. Prvi del, torej 1.–8. verz, je bil očitno preveden iz latinske predloge in nima nobenih skupnih znakov s celotnim stcsl. prevodom Knjige kraljev, v nadaljevanju misalnega berila od 9. verza načeloma ne prepoznamo izrazitih sledi parimejnega prevoda ali grške predloge – na mestih, kjer se grško in latinsko besedilo razlikujeta, sledi Mis latinščini. Edino sovpadanje je v 9. verzu III4 leksem *dv'ri* (proti *vrata* v ostalih misalih), kar je lahko tudi naključje, in v 10. verzu načeloma vsi misali vsebujejo besedilo, ki je dokaj podobno parimejnemu (razen *sedmiceju* Parim x 7 *kratb* Mis), z izjemo mest, ki so različna v grščini in latinščini. Dve mesti v teh dveh verzih morda lahko pričata o uporabi parimejne verzije – ime *Noemanb* Mis, ki ga težko izpeljemo iz latinskega *Naaman*, za razliko od podobnega v Zahariinskem parimejniku *Neoman*⁷. Drugo mesto je uporaba participa *š'db* v III4 (v ostalih Mis je paralelno z latinskim besedilom velelnik *idi*), ki ga lahko razložimo kot prevod participa v grški verziji (v Parim je enako). Kot ilustracijo navajamo samo 9. in 10. verz, v sledečih verzih je situacija zelo podobna:

4Rg5:9–10

Mis: i ide¹ noemanb s² kolesnicami i sta pred' vrati³ domu elisē/ova . (10) i posla⁴ k nemu elisēi sli svoje reki⁵ . idi⁶ i umij' se⁷ 7 kratb v' êr'dani . i primetb zdravie⁸ pl' tvoē . i tako⁹ očistiši se .

1. i ide| pride že III4 Nk Ro; 2. s| add. koni i III4 Ro; 3. vrati| dvb'rmi III4; 4. i posla| posla že III4 Ro; 5. reki| g(lago)le III4 Ro; 6. idi| š'd' III4; 7. i umij' se| pogruzi se III4 Ro; 8. zdravie| iscēlenie III4; 9. tako| om. III4 Ro;

Parim: приде неманъ¹ князь ꙗ҃ръ асоуриѣска на конихъ своихъ и на колесницахъ и ста прѣдъ дверми домоу елисеѡва (10) и посла елисеи соль к нему ꙗ҃ла шедъ измыи са² въ ерданѣ седмицеа и ѡбратитъ са плътъ твоѣ к тебѣ и ѣчистиши са

1. неманъ| неоманъ Z; 2. измыи са| оумыи са L

lat: **venit ergo** Naaman **cum** equis et curribus et stetit ad ostium domus Helisei (10) **misitque** ad eum Heliseus nuntium dicens vade et lavare septies in Iordane **et recipiet sanitatem** caro tua **atque** mundaberis

grš: καὶ ἦλθεν Ναυμαν ἐν ἵππῳ καὶ ἄρματι καὶ ἔστη ἐπὶ θύρας οἴκου Ἐλισαίε. (10) καὶ ἀπέστειλεν Ἐλισαίε ἄγγελον πρὸς αὐτόν λέγων Πορευθεὶς λουσαί ἐπτάκις ἐν τῷ Ἰορδάνῃ, καὶ ἐπιστρέψει ἡ σὰρξ σου σοι, καὶ καθαρισθήσῃ.

V primerjavi s celotnim prevodom prav tako ne vidimo posebnih podobnosti, razen morda v 9. verzu, kjer ima Grigorovičev kodeks iz l. 1544 podobno varianto (*s kolēšnicami svoimi i konmi svoimi*) kot III4 in Ro, kar je vsekakor premalo, da bi lahko razmišljali o kakršnikoli povezavi med obema besediloma.

Zaključek

Potrdimo lahko Nahtigalovo predpostavko, da je bila (3Rg17:8–24) v Berčičevi izdaji na nekaterih mestih uporabljena različica misalnega besedila iz rokopisov in prvotiska 15. stoletja izvor mlajših, prirejenih različic besedila; v prvotnem besedilu misala je bila varianta enaka kot v parimejniku. Vendar se v začetkih misalnih beril tudi v ostalih rokopisih srečujemo z varianto parimejnega besedila, prirejenega po latinski predlogi (3Rg17:8–13), enako kot v večini berila na četrtek petega postnega tedna (4Rg4:25–38). V zadnjem tukaj analiziranem misalnem berilu 4Rg5:1–15 na ponedeljek četrte postne nedelje je prvi del neparimejni (1.–8. verz), preostanek pa je znan tudi v parimejnem prevodu, ki je precej oddaljen od misalnega besedila, sicer pa posamezna mesta nakazujejo dejstvo, da je tudi to besedilo prevzeto v parimejnem prevodu in verjetno zgodaj prilagojeno latinski različici.

Seznam misalov:

- Hrv – Hrvojev misal iz l. 1404, pergament, Istanbul, knjižnica Topkapi Saraj.
Ill4 – Misal Illirico 4 iz pol. 14. stol., pergament, Rim, knjižnica Biblioteca Apostolica Vaticana, sign. Borg. Illir. 4.
Misal 1483 – *Misal po zakonu rimskoga dvora*. Prvotisak 1483, pretisak 1971. Zagreb: Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu 1971.
Nk – Misal kneza Novaka iz l. 1368, pergament, Dunaj, Österreichische Nationalbibliothek, sign. Cod. slav. 8.
Ro – Ročki misal iz l. 1421, pergament, Dunaj, Österreichische Nationalbibliothek, Cod. slav. 4.

Literatura

- Bauerová, H., 1993: *Slovanské překlady profétických textů v církevněslovanských parimejnicích a charvátskohlaholských breviářích*. Habilitační práce. Olomouc.
Berčič, I., 1864–71: *Ulomci svetoga Pisma obojega uvjeta staroslavenskim jezikom I.-V.* Praga.
Brandt, R. 1894: *Grigorovičev parimijnik v sličenii s drugimi parimijnikami*. Moskva., 1894–1901.
Dunkov, D., 1995: Die Methodbibel 7. Die Bücher der Könige. Das erste Buch der Könige. *Die slawischen Sprachen* 47, 1995.
Dunkov, D., 1996: Die Methodbibel 8. Die Bücher der Könige. Das zweite Buch der Könige. *Die slawischen Sprachen* 48, 1996.
Evseev, I. 1897: *Kniga proroka Isaii v drevneslavjanskom perevode*. Sankt Peterburg: „Pečatnaja S. P. Jakovleva“.

- Fischer, B. (ur.), 1983: *Biblia Sacra iuxta vulgatam versionem*. Stuttgart.
- Michajlov, A. V., 1900–1908: *Kniga Bytija proroka Moiseja v drevneslavjanskem preveode*. Varšava 1900–1908.
- Michajlov, A. V., 1912: *Opyt izučenija teksta knigi Bytija proroka Moiseja v drevneslavjanskem preveode*. Varšava 1912.
- Nahtigal, R. 1902: *Něskol'ko zametok o slědah drevněslavjanskogo parimejnika v horvatsko-glagoličeskoj literature*. Sankt-Peterburg.
- Pantelić, M. A., Nazor, A., 1977: *II. Novljanski brevijar. Hrvatskoglagoljski rukopis iz 1495. godine. Župni arhiv Novi Vinodolski*. Fototipsko izdanje. Zagreb-Graz: Staroslavenski institut Svetozar Ritig.
- Rahlfs, A., 1979: *Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes*. Stuttgart.
- Ribarova, Z., 1987: Knjiga proroka Jone. *Slovo* 37, 123–159.
- Ribarova, Z., Hauptova, Z., 1998: *Grigorovičev parimejnik I*. Tekst so kritički aparat. Skopje.
- Slavova, T., 1995: Sledi ot Metodiev prevod na biblejskata kniga Bitie. *Palaeobulgarica* 19/4, 53–70.
- Slavova, T., 2013: Treta Kniga Carstva v s' stava na Arhivnija hronograf (predvaritelni nabljudenija). Panajotov, V. (ur.): *Triantafyllo. Jubileen sbornik v čest na 60-godišninata na prof. d.fil.n. Hristo Trendafilov*. Šumen, 151–163.
- Steininger, R. 1834: *Codex s. Symeonis*. Augustae Trev. 1834.
- Štefanić, V. (ur.), 1973: *Missale Hervoiiae ducis spatensis croato-glagoliticum*. Ljubljana – Graz – Zagreb.

Summary: Nahtigal's Study of the Texts of the Book of Kings in Croatian Liturgical Books in the Light of Nowadays Accessible Manuscripts

By means of new analysis, we confirmed that Nahtigal, in his 1902 study, rightly assumed that reading from the Books of Kings from older manuscripts of Croatian-Glagolitic books, which he did not have at his disposal, would reveal textual variants closer to the translation of Slavic paroimiarion (parimejnik) than the manuscripts he referenced in his study. In addition to this, in some places, even in the oldest known Croatian-Glagolitic manuscripts, variants were found that were the same as those used in the earlier ones, and in other places the comparison of longer parts of the text revealed a greater number of differences when compared to the Old Church Slavonic translation, in regard to the analysis of individual lexemes, as demonstrated by Nahtigal's study.

Key words: Books of Kings, Bible, Croatian Church Slavonic, Glagolitic missal

Anton Žakelj – Rodoljub Ledinski in Mlada Breda 2

Marija Stanonik

Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Ljubljana

Anton Žakelj - Rodoljub Ledinski je najpomembnejši kot zapisovalec folklornih pesmi, zlasti tistih, ki mu jih je zapela mati Ana. Domneva se, da jih je bilo najmanj sedem zvezkov, a ohranjen je le eden. Po tedanji navadi je Žakelj pesmi »olikal«, razširil in jim celo spremenil ritem. Tipičen primer takšne predelave je *Mlada Breda*, ki je objavljena v štirih redakcijah. Prvi zapis iz septembra 1838 šteje 143 vrstic, redakcija za Sreznjevskega 1841 ima 166 vrstic, v *Krajnski Čbelici* 1848 pa je 180 vrstic. To besedilo je Anastasius Grün prevedel v nemščino in v obeh jezikih ju je Janez Bleiweis 1853 ponatisnil v *Novicah*, v Bleiweisovem *Koledarčku* za leto 1856 je razširjena na 235 vrstic, leta 1865 jo je Luiza Pesjak prevedla v nemščino. Poleg nemških prevodov je Rajko Nahtigal odkril še ruske in se posvetil prezrti izdaji I. I. Sreznjevskega slovenskih narodnih pesmi *Mlade Brede in ziljskega »reja«*. Slavist Izmail I. Sreznjevski je 1841 na popotovanju po Sloveniji prišel tudi na Koroško in v Režijo ter tam naletel na slovensko balado *Mlada Breda* v zapisu Antona Žaklja - Rodoljuba Ledinskega. Objavil jo je v zborniku petrograjske akademije z naslovom »Horutanskaja [= Karantanska, op. M. S.] pjasnja«. V ruščino jo je prevedel in l. 1857 objavil V. V. iz Saratova.

Ključne besede: Anton Žakelj - Rodoljub Ledinski, Mlada Breda, balade, variante, redakcije, ženske

Uvod

Antona Žaklja - Rodoljuba Ledinskega so sodobniki cenili predvsem kot zapisovalca »starih« pesmi, pri čemer se je vedno skliceval na mater Ano¹ iz znamenitega Ažbetovega rodu² v Loškem pogorju.³

Kljub temu da sta slovstvena in glasbena folkloristika že od začetka zadržani do Žakljevih zapisov,⁴ ker se niso ohranili izvorniki, ki bi omogočili zane-

1 Zato ga je veliki slavist Rajko Nahtigal (1940:28–44) imenoval »slovenski Filip Višnjić«. To je bil najslavnejši srbski guslar, ki je opeval srbsko vstajo in je njegove pesmi zapisoval Vuk S. Karadžić (prim. Menaše 1994:1009).

2 Iz iste hiše namreč izhaja Anton Ažbe, slavni slikarski učitelj v Münchnu.

3 Besedna zveza je Tavčarjeva (prim. *Slike iz Loškega pogorja*).

4 Karel Štrekelj jo je uvrstil v razdelek Pripovedne pesmi: *Nesrečna nevesta* (Mlada Breda). Še druge variante v *Slovenskih narodnih pesmih I*: št. 102 zapisal Matija Valjavec, Kleče na Gorenjskem, 116 vrstic (Štrekelj 1895-98:162–164), objavljena že v *Slovenski Bčeli* leta 1851; št. 103 zapisal Ledinski iz Ledin v idrijskih hribih, 180 vrstic (Štrekelj 1895-98:164–169); št. 104 zapisal Stanko Vraz iz ljutomerske okolice, 38 vrstic (Štrekelj 1895-98:169–170); št. 105 zapisal Oroslav Caf, Fram na Štajerskem, 43 vrstic (Štrekelj 1895-98:170–171); št. 106 zapisal Oroslav Caf, Fram na Štajerskem, 54 vrstic (Štrekelj 1895-98:171–172); št. 107 zapisal Matevž Ravnikar - Poženčan, 76 vrstic (Štrekelj 1895-98:172–173).

sljivo primerjavo z njegovimi lastnimi posegi vanje, ni mogoče prezreti, da je med njimi edinstvena balada *Mlada Breda*, ki bi v slovenski folklorni epiki lahko imela takšno ceno, kakor jo je v južnoslovanski epiki doživljala slavna *Hasanaginica*.⁵ Na njuno sorodno veličino je ne/hote pokazal Anton Janežič, ko ju je v *Berilu za višje gimnazije in realke* uvrstil eno za drugo, toda Mlado Bredo (Janežič 1868:180–185; Janežič 1870:163–168) pred Hasanaginico (Janežič 1868:185–187; 1870:168–170).

Dragotin Dežman je obžaloval, da je Anastasius Grün prezrl *Mlado Bredo* v zbirki *Volkslieder aus Krain* (Grün 1850). To je Grün, kot prevajalec slovenskih folklornih pesmi, skušal popraviti z objavo prevoda v tržaškem časopisu *Illustriertes Familienbuch des österreichisches Lloyd*,⁶ Bleiweis kot odgovorni urednik pa ga je vzporedno s slovenskim besedilom v treh nadaljevanjih ponatisnil v *Novicah* (Bleiweis 1853:21–22, 25–26, 29–30). Isto redakcijo Žakljeve *Mlade Brede* je v nemščino prevedla še Luiza Pesjak za *Slavische Blätter* (Pesjak 1865:473–479).

Slavist Izmail I. Sreznjevski je 1841 na popotovanju po Sloveniji obiskal tudi Koroško in Rezijo in pri tem naletel na slovensko balado *Mlada Breda* v zapisu Antona Žaklja. Objavil jo je v zborniku petrograjske akademije *Pamjatniki i obrazcy jazyka i slovesnosti ruskych i zapadnych Slavjan* (Sreznjevski 1852-56:427–29) z naslovom »Horutanskaja pjasnja« = Karantanska pesem. Joža Glonar je odkril, da je bila že leta 1857, z naslovom *Molodaja Breda*, prevedena v ruščino. Prevedel in objavil jo je neki V. V. iz Saratova.⁷ Nahtigal (1940:31, op. 11) ni mogel zanesljivo potrditi lastne domneve, kdo se skriva za kraticama.

Joža Glonar je Nahtigala opozoril še na najzgodnejši zapis omenjene balade (Nahtigal 1940:31, op. 11; 34, op. 15), na podlagi katerega je dolgoletni (1919–1953) predstojnik seminarja za slovansko filologijo lahko opravil temeljito filološko analizo dveh Žakljevih zapisov *Mlade Brede*, ker da ta »nehote vzbujata razna vprašanja in zastavlja probleme, ki za svojo rešitev ne zahtevajo le folklorističnega, temveč predvsem še ožjega filološkega dela in metode« (Nahtigal 1940:36).

Štiri Žakljeve redakcije *Mlade Brede*

Mlado Bredo imamo lahko za šolski primer Žakljevih posegov v folklorno besedilo, saj je bila objavljena v štirih redakcijah.⁸ Da res gre za različne redakcije, je najbolj očitno iz dveh različnih verznihih vzorcev, jamskega in trohejskega, in

⁵ Domneva se, da jih je bilo najmanj sedem zvezkov, a ohranjen je le eden.

⁶ Žal ni bilo mogoče ugotoviti niti tega, v katerem obdobju je časopis izhajal, čeprav jih je kopica z zelo podobnim naslovom.

⁷ V *Russkaja Besjada*, Moskva 1857, II,147 sl. (po Nahtigal 1940).

⁸ Zaradi boljše preglednosti se v nadaljevanju upošteva prva in prvotna Nahtigalova (1940:36) opredelitev Žakljevih predelav *Mlade Brede*, ko govori o štirih redakcijah.

dolžine posameznih besedil: prvo obsega 143, drugo 166, tretje 189 in četrto kar 235 verzov. Tudi vrstice v kiticah so različno zložene skupaj.⁹ Spremembe pri njih so si privoščili celo v objavah za šolsko rabo (v Janežič 1870:163–168).

Nahtigal sam najprej filološko primerja tukajšnji besedili 1 in 2, ne nepomembne razlike v pravopisu, diakritičnih znakih, ločilih in razporeditvi kitic. Deloma se dotika tudi narečnih vprašanj, ali sodi Žakljevo narečje v črnovrško, poljansko ali cerkljansko narečje. Ramovš pripisuje Žakljev govor črnovrškemu narečju, medtem ko Nahtigal bolj poudarja poljansko, ker je bila njegova mama doma iz Javorij (Nahtigal 1940:36–37). Vendar se pri primerjalni analizi besedišča naslanja predvsem na informacije Ivana Tominca, poznavalca črnovrškega govora, ki je morda že tedaj pripravljaval Slovar črnovrškega narečja.

Nahtigalova razprava v tej objavi ni dokončana, o čemer priča obljuba na koncu »(Še pride)«, (Nahtigal 1940:44). Da je res mislil na nadaljevanje, kaže napoved, da bi bilo mogoče komentar »razširiti jezikovnoprimerjalno, književno-jezikovno in dialektično«, a da bo o tem govora še pozneje« (Nahtigal 1940:37). Morda je nadaljevanje ostalo kje v arhivu v zapuščini, ker je bilo naslednje leto že vojno leto 1941.

Izostala je primerjava po enakem principu drugih različic *Mlade Brede*, ki jih je v *Slovenskih narodnih pesmih I* objavil Karel Štrekelj (Štrekelj 1895-98). Na Kranjskem sta jih zapisala Matevž Ravnikar - Poženčan (št. 107) s 76 in Matija Valjavec (št. 102) v Klečah na Gorenjskem s 116 trohejskimi verzi. Stanko Vraz (št. 105) v ljutomerski okolici s 43 in Oroslav Caf (št. 106) v Framu pa 54 »verzi neenakomernega ritma« (Nahtigal 1940:37).

Če se je samemu Rajku Nahtigalu zdelo vredno poglobiti v »to nedvomno lepo in izredno zanimivo narodno balado, ki si je priborila, kakor kažejo mnogoteri natisi, izjave in uporabe, toliki sloves« (Nahtigal 1940: 36), kakor pravi sam, je prav in primerno, da kaj reče o njej tudi slovenska slovstvena folkloristika.

Za balado z občečloveško tematiko ni bistveno, kako je ime ženinu Mlade Brede. Imenske variante so zgolj ena od zakonitosti folklorne poetike. Toda vsa tri imena španski kralj, Turek, Židanko nakazujejo njegov orientalski izvor. Turek je prišel v balado najbrž šele v času, ko je vse turško zbujalo strah in grozo (Merhar 1978:241). Židanko najbrž ni domače ime (Merhar 1978:241), temveč domače poimenovanje za Žida, kar zbližuje snov o devetih nesrečno umrlih nevestah, preden se združijo z nesojenim ženinom, s svetopisemsko zgodbo o Raguélovi edinki Sari, ki »je bila

9 I. 12 + 5 + 11 + 6 + 6 + 7 + 5 + 9 + 11 + 7 + 6 + 5 + 7 + 6 + 9 + 5 + 8 + 8 + 5 + 5 = 143 vrstic

II. 1 + 5 + 2 + 16 + 12 + sl. = 166 vrstic

III. 12 + 12 + 10 + 8 + 8 + 10 + 8 + 4 + 10 + 6 + 4 + 4 + 8 + 8 + 8 + 6 + 8 + 9 + 5 + 8 + 10 + 8 + 6 = 180 vrstic.

IV. 14 + 12 + 12 + 8 + 18 + 4 + 6 + 4 + 14 + 15 + 8 + 12 + 4 + 6 + 2 + 6 + 2 + 6 + 2 + 8 + 6 + 8 + 14 + 8 + 12 + 8 + 6 = 235 vrstic.

dana v zakon že sedmim možem, pa je zli duh Asmodej vse pomoril, preden so se združili z njo, kakor je dolžnost žená« (Tob 3,7). Čeprav se jo Tobija obotavlja za-snubiti in ima celo Sarin oče pomisleke, se tokratna zgodba srečno konča.

Enako srečen konec ima knjižna pravljica *Mlada Breda in Deveti kralj*, v kateri je Milčinski (1911; 1953:45–50) prepletel baladno snov s klasično pravljico snovjo. Praviloma je avtorsko poseganje v slovstveno folkloro, poetološko gleda-no, kočljivo, a je v tem primeru umetniško izpeljano.

Oboje samo kot namig za vprašanje, od kod izvirata snov in motivika *Mlade Breda* in na njeni podlagi o razmerju med slovstveno folkloro in literaturo.

Drugače je prvi namen tukajšnje obravnave pregledati štiri redakcije družinske balade z vidika folklorne in Žakljeve avtorske poetike. Veliko je načelnih kritik in obsodb njegovega ravnanja, toda nobene konkretne analize.

1 Prvi zapis iz septembra leta 1838 šteje 143 vrstic.

Najzgodnejši Žakljev zapis *Mlade Breda* je v ljubljanskem Marijanišču odkril slovstveni kritik dr. Jakob Šilc (1886–1961)¹⁰ in ga objavil v *Domu in svetu* (Šilc 1913:278–279). Kot vzgojitelj v omenjeni ustanovi je imel dostop do rokopisne ostaline pesnika Rodoljuba Ledinskega in videl »še mnogo neobjavljenih pesmi« in »sešitek z naslovom *Narodne krajske pesmi ino balade. Zapisane v Ledinah 3. Kimovca* 1838. Sešitek ima »zgoraj v desnem kotu šifro Th. D« »in sestoji iz devetih listov v četverki – v katere je Ledinski zapisoval narodne pesmi.«¹¹

Ta edini, le v objavi ohranjeni zapis iz pozneje izgubljenega snopiča služi za osnovo pri presoji nadaljnjih Žakljevih posegov v *Mlado Bredo*:

Šilc (1913:279) poudarja, da je pesem prepisal natančno po rokopisu. Dodal je tudi Žakljeve lastne popravke, ki se nanašajo predvsem na ločila, a še zmeraj niso popolna. Z objavo Žakljevega prvega zapisa *Mlade Breda* je želel prikazati razlike med Vrazovim in Prešernovim vplivom na zapisovanje slovenskih folklornih pesmi. Žakelj si je z Vrazom dopisoval in se z njim osebno srečal kot bogoslovec v ljubljanskem semenišču, ko sta leta 1841 z Izmailom I. Sreznjevskim skupaj obiskala Ljubljano (Nahtigal 1940:30).

2 Redakcija za I. I. Sreznjevskega v letu 1841 ima 166 vrstic.

Anton Žakelj, rojen v Ledinah nad Žirmi – od tod *Rodoljub Ledinski* (1816–1868) – se je v dijaških letih pod Vrazovim vplivom vnel za ilirizem in folklorno pesem.

¹⁰ Gspan, Cankar 1960–1971:616–617.

¹¹ »in je po obliki podoben onemu, ki je last gosp. Župnika Vrhovnika, samo da ima zadnji šifro Th. C, kar bi se dalo sklepati, da imamo iz l. 1838. večjo serijo zvezkov« (Šilc 1913:278).

Morda ga je prav srečanje s Sreznjevskim spodbudilo, da je znova vzel v roke poleti 1838 zapisano *Mlado Bredo* in tedaj korenito posegel vanjo. Približno za četrtino jo je razširil in prepesnil v rimane trohejske deseterce ter jo 1841 izročil ruskemu slavistu.

Polemiki med Šilcem in Nahtigalom o Vrazovem in Prešernovem vplivu na Žaklja se je pridružil Boris Merhar, ki je celo statistično preučil Žakljevo metrično shemo pri redakcijah *MLADE BREDE*.

Analiza poetike:

Zamenjava prilastkov in sploh marsikdaj drugačen besedni red gre verjetno na račun zaželenega metričnega vzorca.

Hitro opazna sprememba v drugi redakciji je zamenjava časovne perspektive. Kar je v prvi redakciji v pretekliku, je zdaj v sedanjiku. Kar je bilo v sedanjiku, je zdaj v pretekliku. Dvojna pomanjševalnica *megličica* izgine. Je samo še *meglica*.

Namesto *voda*, *gora* se pojavita novi pomanjševalnici *vodica*, *gorica*. Spet drugod se pomanjševalnica celo umakne.

Preveriti bi bilo treba, ali obstaja tudi v drugih starih slovenskih pripovednih pesmih slovanska primera. Že v prvi redakciji *MLADE BREDE* je opazna. Če je tu izjemoma, to pomeni, da je na zapisovalca vplivala naklonjenost južnoslovanski junaški epiki. V drugi redakciji je ta poetični ornament še bolj razvit. Prejšnjim so dodane vrstice, ki se morda zgledujejo po Prešernovih (prim. 22 kitico) iz *Uvoda h Krstu pri Savici*, *Povodnega moža* in *Turjaške Rozamunde*. Znamenje Žakljeve artifičnosti je ponavljanje na način anadiploze, tj. da se ista beseda ali besedna zveza s konca vrstice ponovi na začetku naslednje vrstice:

Ko mi bote balo *nakladali*,
nakladali, v skrinjo jo spravljali (Sreznjevski 1841 = Nahtigal 1940).

V diru se mi Bredin konj *spotakne*,
se spotakne, se mu sedlo zmakne (Sreznjevski 1841 = Nahtigal 1940:40–41).

Od kod Žaklju potreba po tako realistični sceni iz vsakdanjega življenja? Vtis je, da pesem sledi posodabljanju stanovanjske kulture v njegovem času. Že iz stare slovenske literature in etnoloških raziskav je znano, da so bile kamre nekdanj praviloma majhen prostor za starejše, odslužene člane družine. Zato je *kamrico* upravičeno zamenjala izba, v skladu s folklorno poetiko *izbica*.

Žakelj si je prizadeval razločiti bivalno kulturo dveh tedanjih stanov: Od kdaj pa na gradovih ni več črnih kuhinj? *Ognjiše* je mogoče njegova zasilna beseda za današnji štedilnik. Dobro bi bilo poiskati, kdaj Bleiweisove *Novice* začenjajo pisati o njem:

Ampak za černo kuhinjo prašajo : de nevesta za ognjiše praša (1838 : Sreznjevski 1841 = Nahtigal 1940:43).

In ji pokaže belo postljiico : v izbi ji pokaže dve postelje (1838 : Sreznjevski 1841 = Nahtigal 1940:43).

Prvo redakcijo sestavljajo dialogi brez čustvene opredelitve, nekako ploskovito, medtem ko so v drugi redakciji osebe že bolj žive. Pesnik ne more zatajiti svoje pesniške žilice. Standardno folklorno vrstico izvirno preustvari:

Oj teci, teci gorka, frišna kri!: »Teci, teci, serca vir kervavi (Sreznjevski 1841 = Nahtigal 1940:43).

Tragični konec se v prvi redakciji nanaša na žive osebe, v drugi na nesrečni mrtvi par:

Dozdej ste bili svatje vi moji
Zdej bod'te pa pogrebci, svatje vi! (1838; Nahtigal 1940:44).
Ženitvanje ste vi pričakvali, / Bodete pa zdaj ju – pokopali!« (Sreznjevski 1848 = Nahtigal 1940:44).

3 Objava v *Krajnski čbelici* leta 1848 je narasla na 180 vrstic.

Ta, tretja redakcija se največ ponatiskuje vse do naših dni.¹² Anastasius Grün jo je prevedel v nemščino in v obeh jezikih ju je Janez Bleiweis 19. januarja leta 1853 v treh nadaljevanjih ponatisnil v *Novicah kmetijskih, obrtnijskih in narodskih reči* (Bleiweis 1853:21–22, 25–26, 29–30) in vzhičeno pospremil v svet z uredniškim pojasnilom.

Predloga za Sreznjevskega in objava v *Krajnski čbelici* leta 1848 se ločita sem in tja v besednem redu in zamenjavi enozložnih besed. Povečano število vrstic nedvomno izpričuje, da je za objavo v *Krajnski čbelici* (Kastelic 1848) Žakelj *Mlado Bredo* vnovič predelal in v desetercih veliko bolj upošteval cezuro.

Že samo iz enega primera se vidi, koliko si je Žakelj prizadeval s tem besedilom: eksperimentalno ali da bi ga dognal do največje popolnosti:

1. Denite zgorej mi pečo šlarasto (Rokopis 1838) :
2. Pečo šlarasto mi zgor denite (Sreznjevski 1841 = Nahtigal 1940:39) :
3. Šlarasto mi pečo zgor denite (Kastelic 1848:78).

4 V (Bleiweisovem) *Koledarčku* za leto 1856 je razpotegnjena na 235 vrstic.

Četrta redakcija, s pojasnilom: *Narodna balada iz idrijskih hribov*, je bila predelana in razširjena še za 55 vrstic, objavljena v *Koledarčku* za leto 1856 z Bleiweisovim pripisom (Bleiweis 1856).

Še isto leto je bila objavljena v hrvaškem *Nevenu* (Praus 1856). Luiza Pesjak jo je leta 1865 prevedla v nemščino (Pesjak 1865:473–479), koroška čitankarja

12 *Krajnska čbelica* 1848; ponatis: Novo mesto, 1883² (Nahtigal 1940:35). *Pravi Slovenec* 1848; *Novice* = Bleiweis 1853, SNP I = Štrekelj 1895-98; Grafenauer 1921; Bevk 1924 (Nahtigal 1940:36). Merhar 1978; Marjetka Golež & al. 2007.

Anton Janežič (1868) in Jakob Sket (1886) sta jo vključila v čitanke za slovenske dijake (Nahtigal 1940: 32, 35, 36).

V primerjavi z objavo v *Krajnski čbelici* leta 1848 (Kastelic 1848) je v tej, četrti redakciji največ dodanih vrstic v smislu napovednih stavkov.

Prej je zadoščalo že, da peče ne bi pozabili, v četrti redakciji je dodana vrstica, kako naj se z njo ravna. V najdaljšem dodanem odlomku se po obnašanju vidi, da ženin pripada višjemu družbenemu stanu. Pesnik tu pozabi, da ima pred sabo balado, saj se razpoje kot v kakem srednjeveškem epu.

Na višji stan meri tudi zamenjava samostalnikov, *kruh* > *pogača*; *drago vince* > *rebula*, ki poudarjata premoženjsko stanje in gosposkost novega okolja:

Strupa mi bo v *kruhu* ponujala (Kastelic 1848:77) : Ga v *pogači* mi bo ponujala (Bleiweis 1856:47)

Ž njo za mizo *drago vince* pili (Kastelic 1848:78) : Ž njo *rebulo*, *sladko vince*, pili (Bleiweis 1856:48).

Pesnik nadaljuje s kontekstualno dopolnitvijo prvotnega besedila. Ali res le zato, ker je ranjena, ali v skladu s stilom visoke gospode? Medtem ko si v prejšnjih redakcijah *Mlada Breda* sama vzame »pečo šlarasto«, se sedaj obrne na ženina, naj ji jo prinesejo, kar nanese nekaj novih vrstic.

Pomembne so spremembe, ki se nanašajo na smisel sporočila. Med tujo nevesto in tujo deželo je bistvena razlika.

Kaj počet' mi bo, nevesti ptuji! (Kastelic 1848:77) : Kaj počela bom v deželi ptuji? (Bleiweis 1856:46).

Prav tako gre za pronicljivo razliko v naslednjih dveh formulacijah:

V diru se mi *Bredin* konj spotakne (Kastelic 1848:79) : V diru se pa *Bredi* konj spodtakne (Bleiweis 1856:49)

Konj ni Bredina lastnina, zato je druga – v četrti redakciji – smiselno boljša.

Kako resno je Žakelj jemal oblikovanje, se vidi iz primerjave naslednjih dveh kitic:

V *Koledarčku* je dodana čisto nova kitica s psihološko dobro zadeto in oblikovno učinkovito sceno: gospodar bliskovito prepozna položaj in temu primerno odreagira. Hkrati dá vedeti, kdo je kdo:

Mladi ženin pa za stegno segne,
Britko sabljo iz nožnic potegne.
»Ti, in mati!« jaro on zavpije,
In rekoč mu glavo proč odbije (Bleiweis 1856:49–50).

Dodane so vrstice, ki blažijo Bredino postopno neučakanost do cilja in ženinovo prigovarjanje, naj vzdrži. V *Krajnski čbelici* Breda samo enkrat vpraša, kako daleč je do gradu, v *Koledarčku* pa ne trikrat, ampak celo štirikrat:

Ženin Bredi rano zavezuje
Jo tolaži, tak ji beseduje:
»Molči, molči, moja mlada Breda,
Sej že nama turn nasproti gleda« (Bleiweis 1856:50).
»Molči, molči, moja mlada Breda,
Sej že nama turn nasproti gleda«.
»Molči molči moja Breda mlada,
Že se vidi zlata streha z grada«.
»Molči, molči Breda, roža rajska,
Svetijo se tam že okna grajska.«
»Molči, molči moja Breda zlata,
Vidijo se že sreberne vrata« (Bleiweis 1856:51).

Bredinih besed materi tretja redakcija ne komentira, medtem ko se v četrti redakciji pesnik kar ne more posloviti od nesrečne neveste. Materi namenjena vrstica ima spremenjen besedni red, dodano je še pesnikovo slovo z njemu ljubim ponavljanjem v obliki anadiploze in pomanjševalnico v maniri folklorne poetike. Priznati je, da se med seboj lepo dopolnjujeta:

»Deb' saj slišala od mene peti!«
To je Breda še *izgovorila*,
Zgovorila, dušico spustila – (Bleiweis 1856:53).

Medtem ko je v tretji redakciji ljubezen do neveste izražena zastrto, posredno, je v četrti izražena odkrito, naravnost, v prvi osebi ednine.

Prav tako so v tretji redakciji taščine besede sosedom in bratom na koncu nekako vzvišene, ironično brezčutne, neosebne. V četrti redakciji ostane neomajno trda, brez vsakršnih čustev vsaj za sad njenega telesa.

Sklep

Na koncu ostane vprašanje o razmerju med ženskami v tej baladi. Iz kakšnih zgodovinskih razmer izhaja? Ali jo je mogoče navezati na matriarhat? Saj sta obe materi trdi do svojih otrok? Prva pošlje hčer v neznano deželo, čeprav ve, da ji preti nevarnost; druga ne dovoli sinu združitve z nobeno od tujih žensk.

Dosedanji očitki Antonu Žaklju - Rodoljubu Ledinskemu o poseganju v prvotno besedilo so upravičeni, kolikor gre za dosledno folkloristično izhodišče o zapisovanju folklornih pesmi. So pa bili krivični glede na njegovo ustvarjalno nadarjenost.

Z Antonom Slodnjakom nam je lahko žal, da se je pesniški talent Rodoljuba Ledinskega ohranil le v »*prepesnitvah ljudskih pesmi*« (Slodnjak 1979:418).

Literatura in viri

- Bevk, F., 1924: *Mlada Zora*, Narodne pripovedne pesmi. Gorica 1924.
- Bleiwies, J. (ur.), 1853: Mlada Breda. *Novice kmetijskih, obertnijskih in narodskih reči*, 11/6, 11/7, 11/8, 21–22, 25–26, 29–30. (št. 6 <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-MH0M5X4C/247ebcb3-16a4-4794-aac4-3acd24b2cdf/PDF>, št. 7 <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:doc-WQ4P80JG/28e2fbbd-02d5-4716-8828-d8acd67bad07/PDF>, št. 8 <https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-9ETQIURA/bd98f7bc-56a8-4246-b415-3eb617fc7db8/PDF>) = *Novice*
- Bleiweis, J. (ur.), 1856: Mlada Breda. *Koledarček slovenski za prestopno leto 1856*. Ljubljana, 45–53.
- Golež, M. & al. 2007: *Slovenske ljudske pesmi V*. Ljubljana: Založba ZRC, Slovenska matica, 55–56.
- Grafenauer I., s sodelovanjem J. Bezjaka in A. Breznika, 1921: *Slovenska čitanka za višje razrede srednjih in njim sorodnih šol I*. Ljubljana: Jugoslovanska knjigarna.
- Grün, A. (ur.), 1850: *Volkslieder aus Krain*. Leipzig: Weidmann.
- Gspan, A., s sodelovanjem uredniškega odbora 1960–71: *Slovenski biografski leksikon III*. Ljubljana: SAZU.
- Gspan, A., 1979: *Cvetnik slovenskega umetnega pesništva do srede XIX stoletja*. Pregledal in dopolnil Anton Slodnjak. II. knjiga. Ljubljana: Slovenska matica.
- Janežič, A., 1868: *Cvetnik slovenske slovesnosti. Berilo za višje gimnazije in realke*. Celovec: v založbi sestavljavčevi.
- Janežič, A., 1868 (1870): *Cvetnik slovenske slovesnosti. Berilo za višje gimnazije in realke*. Celovec: Šolska knjiga.
- Kastelic, M. (ur.), 1848: Mlada Breda. *Krajnska čbelica 5*. Ljubljana: J. Blaznik, 76–83.
- Menaše, L., 1994: *Svetovni biografski leksikon*. Ljubljana: Mihelač.
- Merhar, B., 1978: *Mlada Breda, Izbor ljudskih pesmi (Kondor 177)*. Ljubljana: Mladinska knjiga, 103–108.
- Milčinski, F., 1911: *Pravljice*. Ljubljana: Lavoslav Schwentner.
- Nahtigal, R., 1940: Prezrta izdaja I. I. Srezniveškega slovenskih narodnih pesmi »Mlade Brede« in ziljskega reja. *Slovenski jezik. Glasilo Slavističnega društva*, 3, 28–44.
- Pesjak, L. (prev.), 1865: *Slawische Blätter, illustrierte Zeitschrift für die Gesamtinteressen des Slaventums* 1, 473–479.
- Praus, J. (ur.), 1856: Mlada Breda. Narodna balada iz idrijskih hribov. *Neven. Zabavni i poučni list*, 5, s. 42–45 (https://books.google.si/books?id=PCRfA AAACAAJ&pg=PP5&hl=sl&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q&f=false).

- Sket, J., 1886: *Slovensko berilo za peti in šesti razred srednjih šol*. Celovec: Tiskarna sv. Mohorja (<https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC:JV0CNS39/c8ed7608-55f3-4235-9809-596bf3e99df0/PDF>).
- Sket, J. 1903: *Slovenska čitanka za V.–VI šesti razred srednjih šol*. Tretja izdaja. Celovec: Tiskarna Družbe sv. Mohorja, 129–134.
- Sreznjevski, I. I., 1852–56: Horutanskaja pjasnja. *Pamjatniki i obrascy jazyka i slovesnosti ruskych i zapadnych Slavjan* I–IV. St. Peterburg, 427–29.
- Šilc, J., 1913: Ledinskega Mlada Breda v prvi redakciji. *Dom in svet* 26/7, 278–279.
- Štrekelj, K. (ur.), 1895–98: *Slovenske narodne pesmi* I. Ljubljana: Slovenska matica. = *SNP I*.
- Valjavec, M. (ur.), 1851: Bredka. *Slovenska Bčela*, 2/23, 173–174 (<https://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC:C5OBXT9C/57f12721-837e-4ddc-bd1b-86ec376c546c/PDF>).

Summary: Anton Žakelj - Rodoljub Ledinski and Mlada Breda 2

Anton Žakelj - Rodoljub Ledinski is the most significant collector of folk songs, especially given the number of those which his mother, Ana, sang to him. It is assumed that they were written in at least seven volumes, but only one was preserved. Following a trend of that period, Žakelj was used to "refining" the songs, which is to say, expanding them and even changing their rhythm. A typical example of such processing is found in *Mlada Breda* (Young Breda), which was published in four editions. The first record, dating from September 1838, counts 143 lines, the redaction by Sreznjevski from 1841 has 166 lines, and in *Krajnska Čbelica*, dating from 1848, has 180 lines. This third edition is tends to be the most reprinted today. This text was translated into German by Anastasius Grün, and Janez Bleiweis reprinted it in both languages in Novice in 1853. It was then extended to 235 lines in the Bleiweis's *Koledarček* (Calendar) in 1856. This version was translated into German by Luiza Pesjakova. In addition to the translations into German, Joža Glonar also discovered Russian translations and took into account the often overlooked edition by Izmail I. Sreznjevskij of Slovenian national folk songs, *Mlada Breda* and *ziljski "rej"*. In 1841, Sreznjevskij was travelling around Slovenia and visited Carinthia and Rezia, where he encountered the Slovenian ballad of *Mlada Breda* in the records of Anton Žakelj - Rodoljub Ledinsky. He published it entitled as "Horutanska song" (Carinthian song) in the almanac of the Saint Petersburg Academy. It was also translated into Russian and, in 1857, was published by V. V. from Saratov.

Despite the fact that verbal and musical folklorists have been cautious around Žakelj's records, because the original which would allow for a reliable comparison of his own interjections into the text has not been preserved. It cannot be ignored that among them is the unique ballad of *Mlada Breda*, which, in Slovenian folklore epics, could have had a price and value as high as the famous *Hasanaginica* in the South Slavic epic.

Dragotin Dežman regretted that Anastasius Grün ignored the ballad of *Mlada Breda* in collection *Volkslieder aus Krain* (Grün 1850). Grün, as a translator of Slovenian folklore songs, tried to correct this by publishing a translation of *Mlada Breda* in the Trieste newspaper, *Illustriertes Familienbuch des österreichisches Lloyd*. The same version of Žakelj's *Mlada Breda* was translated into German by Luiza Pesjak for *Slavische Blätter*.

Mlada Breda can be a case study of Žakelj's interventions in folklore text, since it was published in four versions. The fact that there are significantly different versions is most evident when considering two different verse patterns: the iambic and trochaic, as well as the length of individual texts: the first having 143 verses, the second 166, the third 189, and the fourth 235 verses. The lines in the stanzas are also folded together in different ways. They were changed even in publications intended for educational use.

The analysis of poetics reveals that Žakelj, by expanding the text, followed the modernization of the inhabitant culture in his time.

Key words: Anton Žakelj - Rodoljub Ledinski, *Mlada Breda*, ballads, variants, versions, women

Nawiązania południowosłowiańskie w języku starobiałoruskiego „Tristana” (na podstawie rękopiśmiennego Kodeksu Raczyńskich z XVI wieku)

Lilia Citko

Uniwersytet w Białymstoku, Białystok

Przedmiotem zainteresowania autorki tekstu są wybrane aspekty języka tzw. *Białoruskiego Tristana*, XVI-wiecznego romansu rycerskiego, który zachował się w rękopiśmiennym Kodeksie Raczyńskich w Poznaniu. W opinii historyków literatury, utwór jest translacją jego włoskich redakcji z XV wieku, dokonaną z zaginionej wersji „serbskiej”. Na takie pośrednictwo wskazywać może obecna w starobiałoruskim przekładzie leksyka o proveniencji południowosłowiańskiej, której analizie poświęcono tekst. Wynika z niej, że większość badanych wyrazów odznacza się szerszym (niż tylko serbski) zasięgiem występowania i posiada dokumentację w różnych językach bałkańskich.

Słowa kluczowe: romans rycerski, język starobiałoruski, leksyka południowosłowiańska, redakcja włoska, hipotetyczna redakcja „serbska”

Starobiałoruska wersja legendy o rycerzu Tristanie znana jest z jedyne­go przekazu znajdującego się w rękopiśmiennym Kodeksie Biblioteki Raczyńskich w Poznaniu (sygn. BR Rkp. 94). Zabytek zawiera również inne dzieła literackie i history­graficzne (jak latopis przedstawiający dzieje Litwy od czasów legendarnych do 1548 roku, zwany *Latopisem Raczyńskich* bądź *Poznańskim*¹) oraz dokumenty szlacheckiej rodziny Uniechowskich z Nowogródzczyzny na Białorusi, w której posiadaniu Kodeks początkowo się znajdował. Manuskrypt otwierają przekła­dy dwóch średniowiecznych romansów rycerskich – opowieści o Tristanie i o Bowo z Antony, objęte wspólnym tytułem *Починаеться повесть о витезах с книгъ сэрбскихъ, а зълаца о славномъ рыцэры Трычан[е], о Анцалоте и о Бове и о иншыхъ многыхъ витезахъ доб[рыхъ]*. W tekście Kodeksu opowieść o Bowo jest jednak wyodrębniona jako *Исторыя о княжати Кэвидоне* (ojcu Bowo). Zajmujący kolejne karty rękopisu tekst to *Исторыя о Атыли короли угорьскомъ*, będąca starobiałoruską translacją polskiego tłumaczenia *Historii spraw Atyle* (1574) Cypriana Bazylika, który przełożył łacińskojęzyczny utwór węgierskiego historyka i poety Miklósa Oláha.

1 Jest to *Летописецъ великого князства Литовского и Жомойтского* reprezentujący tzw. drugą redakcję (drugi zwód) latopisów litewsko-ruskich. Dokładniejszą charakterystykę trzech redakcji latopisów Wielkiego Księstwa Litewskiego zawiera monografia L. Citko (2006:24–25).

Średniowieczny romans rycerski nazywany *Białoruskim Tristanem* (BT) stanowi przedmiot szczególnego zainteresowania świata slawistycznego, m. in. dlatego, iż jest to jedyna zachowana słowiańska wersja prozaiczna popularnej legendy o Tristanie i Izoldzie².

Najstarsze hipotezy dotyczące genezy BT pochodzą z końca XIX wieku i zasadniczo nie straciły do dziś na swej aktualności. Opinie A. Brücknera (Brückner 1886:345–391) i A. Wiesiełowskiego (Veselovskij 1888:126) upatrujące w utworze translacje jego włoskich wersji, dokonane z przekładu południowosłowiańskiego, przyjmowane są przez większość współczesnych badaczy. Późniejsze badania włoskich tekstów pozwoliły na bardziej precyzyjne ustalenie potencjalnych źródeł BT. Sławista włoski, S. Graciotti (Graciotti 1971:305–323, 1979:29–43) wskazał utwór *Tristano Veneto* z 1486 roku jako pierwowzór legendy, który ma być najbliższy białoruskiemu przekładowi. Zwrócił uwagę, że około dwie trzecie tekstu białoruskiego oparte są na redakcji weneckiej. Ustalenia te potwierdziła i uszczegółowiła nieco później włoska badaczka E. Sgambati (Sgambati 1977–1979:33–53), dowodząc, że druga (końcowa) część BT wykazuje wpływ innych redakcji, pochodzących z tradycji tokańskiej, takich jak *La Tavola Ritonda* czy *Il Tristano Riccardiano*.³ Nie kwestionuje się zasadniczo również tezy Brücknera i Wiesiełowskiego o istnieniu południowosłowiańskiego („serbskiego”) pośrednika w translacji utworu z języka włoskiego na białoruski. Mimo iż tekstu legendy o Tristanie i Izoldzie w wersji Słowian południowych dotychczas nie odnaleziono, to pośrednie dowody jego istnienia wydają się być wiarygodnymi. W opinii polskiego slawisty Bogusława Zielińskiego, „należą do nich choćby wspólne lub podobne strategie fabularne w literaturze ustnej oraz pisanej, obecne także w tym zabytku, [...] ślady archiwalne niegdysiejszej mody na imiona bohaterów legendy wśród społeczeństw południowosłowiańskich, [...] a także notatka, że w jednej z księgarń w Zadarze znajdował się wolumin z przygodami Tristana” (Zieliński 2018:408). S. Graciotti (Gračyjoci 2016:149) przytacza cytat z inwentarza miasta Zadar z 1389 roku, w którym obok *Tristana* jest mowa również o innych utworach literatury rycerskiej, por. “unus Rimancius *Febi* in littera latina [...] unus Rimancius *Princevalis* in littera latina [...] Item unus Rimancius parvus *Tristani*. Item unus Rimancius scriptus partim in latino et partim in schlavo”. Oprócz “rimanci” (romansów prozą) wymienia się też “unus liber *Alexandri* parvus in littera schlava”. Określenia *in schlavo* czy *in littera schlava* wskazują na alfabet, którym posłużono się przy redakcji ksiąg, stanowiący dowód na istnienie w Zadarze w

2 Istnieją dwie starsze wersje słowiańskiego *Tristana* napisane wierszem. Są to czeskie rękopisy z 1449 i 1483 roku, inspirowane niemieckimi adaptacjami mitu Tristana, głównie Eilharta z Obergu i Gotfryda ze Strasburga.

3 Do wyników badań E. Sgambati akceptująco nawiązała we wstępie do tłumaczenia *Tristana* na język angielski emigracyjna badaczka białoruska Z. Kipel (1988:XXIII).

końcu XIV wieku redakcji romansów rycerskich zapisanych pismem słowiańskim, tj. chorwacką głągolicą. Jednym z nich mogła być historia Tristana i Izoldy.

Legenda o miłości Tristana i Izoldy, posiadająca celtyckie korzenie, chociaż ukształtowana we francuskich i niemieckich redakcjach XII-XIII wieku, rozprzestrzeniła się z czasem na północy (Czechy) i południu Europy, skąd przez Włochy dotarła najpierw na tereny Słowian południowych, potem zaś na Ruś (nie rozszerzyła się jednak w przeciwieństwie do innej powieści – o Bowo – na Rosję⁴).

Teza pierwszych badaczy zabytku o „serbskim” pośrednictwie w przekładzie BT pojawiła się m. in. pod wpływem tytułu, którym objęto w poznańskim rękopisie tekst legendy: *повесть о витезах с книзь сербских*. Analizując przeniesione do słownictwa BT „serbizmy”, sposoby adaptacji włoskich nazw własnych, a także zawarte w fabule utworu elementy kultury Słowian południowych, A. Wiesielowski wskazywał jako obszar translacji z protografu włoskiego Dalmację, głównie Dubrownik (dawną Raguzę) i okolice (Veselovskij 1888:228). Przekonanie o istnieniu serbskiego przekładu wyrażali również dwudziestowieczni historycy języka i literatury Słowian południowych, m. in. tłumaczka BT na współczesną serbszczyznę I. Grickat (1966), a S. Dekanić-Janoski (1977:47–49) i L. Muir (1979:217–227), podkreślając rolę języka serbskiego w pośrednictwie, nazwały BT „serbsko-ruskim Tristanem”. Należy zaznaczyć, że w literaturze poświęconej zabytkowi nie brakuje również głosów sceptycznych, powątpiewających w istnienie południowosłowiańskiego łącznika i stwierdzających, że przekład białoruski mógł powstać bezpośrednio z protografu włoskiego, a środowiskiem sprzyjającym tego typu twórczości mógł być dwór w Wilnie w czasach królowej Bony.⁵ Zawarte w tytule rękopisu białoruskiego określenie „księgi serbskie” dotyczyć by miało nie ich języka (ten był włoski), a jedynie pochodzenia z Serbii.

Wydaje się jednak, że dowodów na językowe pośrednictwo południowosłowiańskie jest sporo. Jak zauważają badacze, Serbia i Chorwacja odegrały rolę swoistego przekaźnika w transmisji literatury zachodnioeuropejskiej na ziemi wschodnich Słowian (Zieliński 2018:410), z którymi łączy te kraje system literacki kręgu cerkiewnosłowiańskiego. Cechuje ów system rozwój literatury starsłowiańskiej w dużej mierze jako piśmiennictwa przekładowego.⁶ Oprócz bogatej w różne gatunki literatury religijnej (apokryfy, hagiografia, poezja religijna,

4 Białoruska wersja romansu o Bowie była podstawą redakcji rosyjskiej. Wprawdzie zachowały się XVII-wieczne spisy utworu, jednak świadectwa językowe (np. onomastyczne – popularność imion bohaterów) dowodzą, że już w XVI wieku opowiadanie o Bowie było szeroko rozpowszechnione w Rusi Moskiewskiej (Brazgunow 2013:10).

5 Por. opinie na ten temat białoruskich historyków literatury, m. in. S. Kowalowa (Kavaljoŭ 2005) i A. Brazgunowa (2013:28).

6 Na tę właściwość literatury cerkiewnosłowiańskiej w Wielkim Księstwie Litewskim zwraca uwagę w wielu swoich publikacjach wybitny sławista i znawca piśmiennictwa i kultury bizantyńsko-słowiańskiej w dawnej Rzeczypospolitej, A. Naumow (por. m. in. Naumow 1996, 2002).

homiletyka), przekładów opowiadań pochodzących ze Wschodu i Bizancjum (jak np. *Cesarzowa Teofano* czy wywodząca się z Indii schryścianizowana powieść moralno-dydaktyczna *Barlaam i Joasaf*, powieści o tematyce antycznej: *Troja*, serbska *Aleksandreida*),⁷ pojawiły się tu również zachodnioeuropejskie romanse rycerskie: *Tristan i Izolda*, *Bowo z Antony*, *Lancelot*. Znamienne jest to, jak podkreśla Zieliński, że „te teksty nie wpłynęły na rozwój oryginalnej serbskiej literatury średniowiecznej, lecz pozostawiły jedynie ślady w literaturze ustnej, gdyż w tej oryginalnej nie pojawiła się proza beletrystyczna” (Zieliński 2018:410).

Analogicznie rzecz się miała w literaturze białoruskiej, w której zarówno utwory religijne jak i świeckie nosiły przeważnie charakter przekładów (Żurański 1967:264–269; Kipel’ 1997:175–181). Tłumaczy się ten stan rzeczy przyczynami kulturowo-historycznymi, głównie opóźnioną terytorialną, polityczną i kulturową konsolidacją ziem białoruskich, wydłużonym formowaniem się społeczności narodowej i warstw społecznych, niedostatecznym rozwojem języka literackiego (Brazgunow 2013:9).

Przyjęcie argumentacji wielu historyków literatury serbskiej, jak też białoruskiej i opowiedzenie się przez autorkę niniejszego artykułu za istnieniem hipotetycznej redakcji serbskiej legendy o Tristanie może być poparte niektórymi przesłankami z zakresu językoznawstwa. Na pewne fakty językowe stanowiące nawiązania do południowosłowiańskiej podstawy tekstu zwrócili uwagę już pierwsi badacze poznańskiego rękopisu A. Brückner oraz A. Wiesiełowski. W warstwie leksykalnej starobiałoruskiego przekładu zidentyfikowali oni wyrazy, które określone zostały mianem „serbizmów”. Do grupy tej zaliczono m. in. wyrazy: *белегъ* ‘znamię’, *нѣякъ* ‘słabo, lekko’, *племѧ* ‘ród’, *част(ь)* ‘cześć, honor’, *кружки*, obok częściej poświadczonego *шранки* ‘szranki’, *отокъ* obok *островъ* ‘wyspa’ (Veselovskij 1888:126).

Weryfikacja wymienionych leksemów przeprowadzona z uwzględnieniem współczesnych źródeł etymologicznych pozwoliła potwierdzić w znacznym stopniu ustalenia Wiesiełowskiego w kwestii ich genezy, jednak część wyrazów potraktowanych przez badacza jako „serbizmy” odznacza się szerszym (niż tylko serbski) zasięgiem występowania. Z pewnością południowosłowiańską proweniencję, udokumentowaną w różnych językach bałkańskich, wykazują następujące leksemy:

БЕЛЕГЪ ‘herb’

Шы^m ... былъ бѣ^s много белега, не та^s, якъ шны шыты (59).

Por. bułg. *бѣлѣз*, serb./chor. *бѣлѣз* ‘znak, symbol’, cs. *бѣлѣзь*; zapożyczenie z języków

7 Te oraz inne legendy i powieści średniowiecznej prozy chorwackiej wydane zostały w ostatnim czasie w opracowaniu V. Badurina Stipčević (Badurina Stipčević 2013).

turecko-tatarskich, por *bilgü* ‘znak’ Vasm I 147; *biljeg* ‘signum, znak’ ERHSJ 150.

ВЕДРО ‘żagiel’

Наради ми доброе су^оно и поставь...одно ле^ккое ведро (23).

Por. serb. *jèdpo* ‘żagiel’ Vasm IV 548, scs i serb./chorw. *jedro* ‘żagiel’ – wtórne znaczenie (< *je/ja* + *dro* < **e-dhro*) ERHSJ 769.

Historyczny słownik języka białoruskiego nie uwzględnia takiego znaczenia leksemu, a przywołując ilustrację tekstową z BT, określa znaczenie wyrazu *ведро* jako ‘wiadro’ (HSBM 3 61). Z pewnością jest to nieporozumienie leksykalne, gdyż kontekst wyraźnie definiuje semantykę wyrazu jako ‘żagiel’ (*Добрая лóдзь ми нарзэдзь і ustaw ... żagiel lekki*).

ЧАСТ(Ь) ‘cześć, honor, szacunek, godność, zaszczyt’

За ча^м Бо^мю да^м ми оди^м дарь (113).

Por. serb./chorw. *čast*, scs *чьсть* ERHSJ 1 298, *част* ‘cześć, honor’ Vasm IV 350.

Do grupy zapożyczeń o proveniencji południowosłowiańskiej (serbskiej) białoruska badaczka T. M. Sudnik (1976) włączyła również leksemy:

ЗАБОЛЬ, ПРЫБОЛЬ ‘pomknął’

И ѿ^м забо^м к нему и вдары^м его всею мо^юю (62); *вселя на конь и прыболь за ни^м бо^мздо* (66).

Por. prsl. **bosti*, **bodŏ* ‘kłuć, uderzać czymś ostrym’ ESSJ 2 223; serb./chor. *pribòsti* ‘przyczcęcić, przybić’. W RHSJ (1935:XI) czasownik *pribosti* w znaczeniu przenośnym ‘pobiegnąć, pomknąć’ został zilustrowany jedynym przykładem użycia zarejestrowanym w Dalmacji.

РАДИТИ, НАРАДИТИ ‘przyrządzić, przygotować’

Ѓна тое трутизны не радила (10); *то^м винень, хто тую трутизну нарадилъ* (10)

Por. serb./chorw. *naréditi* ‘przygotować, przyrządzić; ozdobić’ (<**naréditi*) ESSJ 22 244.

Jednocześnie obecność tego leksemu poświadczają również źródła do języków wschodnio-, jak też zachodniosłowiańskich, por. stbrus. *рядѹтѹ* ‘przygotowywać, przyrządzić; porządkować’ HSBM 31 24, pol. *narządzić* ‘przygotować, sporządzić’ SJP.

Tekst BT dokumentuje również wyrazy o niejasnym znaczeniu, których interpretacji szukać należy być może na gruncie leksyki południowosłowiańskiej.

ГОРАТАНСКИЙ / ГОРОТИНСКИЙ танець

Видечы па^мны такое веселье, та^мцвали горотински^м танец^м, за добро^м п^му Трыца^му, говоречы: „Прывель намь па^м Трыца^м, и чомь намь е^м п^мти и грати до ко^мца дне^м нашы^м!” (67). *Вѣдаю^м Ижота обыча^м Трыцано^м, ижъ ему мило весе^ме, и похвати королеву за рѹку и почала играти гората^мски^м танецъ велми пекне* (103).

Nazwa tańca pojawia się w tekście BT w formie wariantywnej. *Горотинский танец* wykonywany jest przez panny kornwalijskie na cześć Tryszczana, który przywozi królowi Markowi jego przyszlą żonę Iżotę. *Горатанский танец* tańczy Iżota, wzięwszy za ręce królową Żenibrę, by rozweselić rannego Tryszczana. Z ustaleń A. Wiesiełowskiego wynika, że jest to „serbizm” pochodzący od wyrazu *хоро* ‘taniec’. Badacz przywołuje też stosowny fragment z serbskiej powieści o Troi (tekst według F. Miklosicha), gdzie jest poświadczona nazwa tego tańca: „Въ нѣкій днь поведе Елена царица дѣвица хоро играти” (Veselovskij 1888:226).

Obecnie nazwy *horo*, *choro* są używane na określenie tańca ludowego wywodzącego się z dawnych tańców kołowych, zachowującego swą popularność na całym Półwyspie Bałkańskim, szczególnie w Bułgarii i Macedonii, ale też w Rumunii, Mołdawii oraz północno-zachodniej Turcji.

Por. bułg. *хорò* ‘taniec ludowy tańczony w kręgu’ (*играя хоро* ‘tańczyć choro’) OR, mac. *opo*, rum. *hora*, serb./chor. *kolo* ‘taniec’, *hora* ‘korowód’. Od gr. *χορός*, łac. *chorus* ‘taniec’. Łączy się z gr. *χαράτας* ‘gra, żart; radość, wesoła zabawa’, tur. *horata* ‘radość, wesoła zabawa’ ERSJ I 679.

ЪРАШЫ (również singulativum ЪРАШЕЦЬ)

А коли слышалъ, ижъ тые Долние острова полны людства, Иосифъ посла^а та^а набожныхъ люде^а обратати къ Богу наро^а. И обратили вси тые острова, кромѣ о^аного острова, которы^а сѣ зоветь Ърашы. И тамъ мало было иныхъ люде^а, то^ако орашы, а на^а ихъ былъ ораше^а и мѣлъ дванадцать сыно^а, и вси были ора^ацы (73).

W obszernym wywodzie etymologicznym na temat genezy wyrazu A. Wiesiełowskij stwierdza, że słowo *opujau* pochodzi z chorwackiego, częściej notowane jest na północy (poświadczone przez leksykografów kajkawskich Ivana Belostenca i Andreja Jambrešića, Vuk go nie ma) i oznacza ‘olbrzyma, giganta’, co zbliża go z włosk. *orco*. Forma *Orasz*, oddana jako imię własne w BT, może być konsekwencją zniekształconego przez tłumacza zapisu *opujau* (Veselovskij 1888:226).

Por. chorwacko-kajkawskie, czakawskie *orijaš* ‘olbrzym, gigant’ ERSJ II 565; serb./chor. *orijāš* ‘olbrzym, wielkolud’.

СМЕРДОДУГЪ, СМЕРДОДУГА, СМЕРДОДУГИИ (поганин)

Таковы^а обыча^а мае^а Смердодуги^а погани^а: хто и его прыстаницо прыстане^а, ко^адого витеза велии ласкаве будетъ пры^амовати. А коли буде^а пе^ава стража нocy, икинеть витеза на острые муки (114) И пры^аде Смердодуга погани^а и ложницу къ жо^ае^а (114)

Epizod w BT o poganiinie *Smerdodugu* nawiązuje, zdaniem A. Wiesiełowskiego, do jednej z legend Dubrownika o podstępny korszaru, który zwabiał

do siebie przybyszów, by następnie poddawać ich torturom. Wzmianki o nim zachowuje m. in. XV-wieczna włoskojęzyczna kronika Dubrownika, w której ów korsarz określany jest mianem *Swardoduxzi* (przypuszczalnie zniekształcenie od *Swardoduxzi*), paralelnie również jako *Saragino spuzente* oraz *puzzolente* od włosk. ‘cuchnący’ (Veselovskij 1888:228). Zgodnie z legendą, dubrowniczanie uwolnieni zostali spod władzy okrutnego korsarza przez rycerza Rolanda, a świadectwem lokalnej pamięci o tym wydarzeniu jest średniowieczna kolumna Rolanda – symbol wolności i niezależności miasta – zachowana na jednym z placów Dubrownika.

Analogię do tego wydarzenia odnajdziemy w tekście starobiałoruskim, w którym Tristan równie bohatercko uwalnia rycerzy od ich ciemieżcy *Smerdoduga*, w czym dostrzec można pewną paralelę do obrazu Tatarów w eposie staroruskim, gdzie przedstawia się ich jako „śmierdzących” pogan i określa się *Smorodowiczami*, *Smaradonowiczami* (Veselovskij 1888:228).

Por. scs. *смрьдѣ* ‘chłop, człowiek prosty, poddany’, prsł. **smьrdь* od **smьrděti* ‘śmierdieć, wydawać nieprzyjemną woń’ Vasm III 685, SJS IV 132.

Na związki BT ze źródłem południowosłowiańskim wskazywać mogą również poświadczane w nim *nazwy własne*. Ich adaptacja z oryginału włoskiego jest analogiczna do transpozycji onimów w serbskim przekładzie *Aleksandrii* i *Wojny trojańskiej*, które również były tłumaczeniem z włoskiego, a ich autor, według ustaleń Jagića, pochodził z terenów Bośni i północnej Dalmacji (Jagić 1876/77:24–25). W tekście *Tristana* na uwagę zasługują adaptacje kilku imion osobowych z oryginału włoskiego, w których nagłosowe *l* przypuszczalnie zidentyfikowane zostało przez słowiańskiego tłumacza jako rodzajnik określony i poddane redukcji (Veselovskij 1888:136-137), por. *Анцалотъ*, *Анцолотъ*, *Ѓнцалотъ* < wł. *Lancialotto* (l’*Ancialotto*), *Самсижъ* < *Lasancis* (lo *Sancis*), ale *Ленвизъ* < *Languis* (l’*Anguis*).⁸

Wygłosowe łacińskie *s* w nazwach osobowych i geograficznych zakończonych na *-us*, *-es*, *-is*, *-as* zostało oddane w *Tristanie*, podobnie jak w serbskiej *Aleksandrii*, za pomocą *ж*, *ш*, np. *Кандишъ* < wł. *Gandaries*, *Сегурадешъ* < wł. *Segurades*, *Пелишъ* < wł. *Felis*, *Самсижъ* < wł. *Lasancis*, *Мелиядушъ* < wł. *Meliadus*, *Паламидешъ* < wł. *Palatides*, *Лондрешъ* < wł. *Londres*. W śródgłosie *s* ma swój odpowiednik w postaci *ж* w pozycji interwokalicznej, np. *Ижота*, natomiast przed spółgłoską w postaci *ш*, por. *Трыцанъ* < wł. *Tristano*, *Яцоръ* < wł. *Astore*.

Nazwy własne w białoruskim *Tristanie*, a zatem i w hipotetycznej wersji południowosłowiańskiej, dokumentują również charakterystyczny dla najstarszej fazy

8 Włoskie formy cytowanych nazw własnych pochodzą z wydania Polidori (1864).

zapożyczeń imion chrześcijańskich substytut łac. głoski *f* jako *p*: *Пелишъ* < wł. *Felis*, *Перемонтъ* < wł. *Feramonte*.

Niewielka grupa antroponimów odzwierciedla adaptację fleksyjną polegającą na zmianie paradygmatu przyswajanego imienia (z neutrum na masculinum): *Амодоръ* < wł. *Amadore*, *Аудреть*, *Оудреть* < wł. *Adriette*, *Созреморъ* < wł. *Sagratore*, *Бруноръ* < wł. *Brunoro*, *Диwdанъ* < wł. *Dinadano*, *Лиbрунъ* < wł. *Sigurans lo Bruno* (forma przezwiskowa od ap. wł. *bruno* ‘brązowy’), *Игрунъ* < wł. *Agrone*, por. wieloczłonowe określenie identyfikujące rycerza o imieniu *Sigurans lo Bruno*, *cavaliere Agrone* (*Agrone* < *Aragone* < ap. *a dragone* ‘dragon’ (zatem *Sigurans* to rycerz noszący herb z wizerunkiem dragona).

Trudno o jednoznaczną interpretację wariantowości innych antroponimów w BT. Jednego z rycerzy Okrągłego Stołu o imieniu wł. *Chienso*, *Chieso* tłumacz mianuje *Geuszem*, *Keniszem*, a nawet *Każynem*. Ukochana Ancelota *Ginevra* nosi imiona *Ženibra* i *Weliwera*. Otwartą pozostaje kwestia, czy ta kreatywność onimiczna autora jest efektem korzystania z różnych redakcji popularnej legendy, czy też świadectwem jego odczytania i znajomości literatury stanowiącej przedmiot przekładu.

Podsumowując powyższe rozważania, warto zwrócić uwagę na fakt, iż warstwa leksykalna BT, oprócz przytoczonych wyżej elementów o genezie południowosłowiańskiej, wykazuje znaczne nasycenie zapożyczeniami polskimi (*stricte* polonizmami lub pożyczkami przez medium polskie).⁹ Ich obecność tłumaczyć należy w dużym stopniu potrzebami nominacyjnymi języka starobiałoruskiego – koniecznością nazwania nieznanych w kulturze Słowian wschodnich nowych realiów, zjawisk, przedmiotów związanych z życiem i rzemiosłem wojennym stanu rycerskiego. Obok omówionego tu pokrótce słownictwa o proveniencji południowosłowiańskiej (nie można wykluczyć, że niektóre leksemy miały swoje źródło w protografie włoskim¹⁰), tekst BT kryje w sobie pewne zagadki leksykalne trudne do jednoznacznej interpretacji i wymagające dokładniejszych studiów etymologicznych, co być może ułatwiłoby lokalizację niezachowanej tzw. redakcji serbskiej. Z dotychczasowych badań historyków literatury i języka, głównie pierwszych ustaleń A. Brücknera i A. Wiesiełowskiego, potwierdzonych niemal półtora wieku później przez S. Graciotiego (Gračyjoci 2016:148), wynika, że ojczyzną słowiańskiego *Tristana* była Dalmacja, terytorium, które od czasów średniowiecza stanowiło przestrzeń sprzyjającą współistnieniu i wzajemnej symbiozie kultury słowiańskiej i romańskiej. Z dzieł zachodnioeuropejskich obecnych w literaturze tego regionu i stąd rozprzestrzeniających się na kraje europejskiego

9 Problematyce zapożyczeń w BT za pośrednictwem polszczyzny (typu *рыцэръ*, *бляха*, *турнай*, *варцабы*, *ольмаря*, *жупица*, *кунитъ*, *шырмерство* i in.) poświęcony jest artykuł L. Citko (2018).

10 Jako przykłady wskazuje się m. in. wyrazy: *прыньчытъ*, *морнаръ* (Veselskij 1888:127).

Wschodu (Serbię, Bułgarię, Ruś) wywodzą się również romanse rycerskie o Tristanie i o Bowo z Antony, których kopie zachowały się w poznańskim Kodeksie Raczyńskich.

Źródła

- ERHSJ - Skok P., 1971–1974: *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti.
- <https://www.google.pl/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&cad=rja&u-act=8&ved=0ahUKEwjEh=-KYsPPZAhUE5DoKHdFtAwwQFg0gMAE&url=https%3A%2F%2Fwww.scribd.com%2Fdoc%2F32934467%2FPetar-Skok-Etimologijski-Rječnik-Hrvatskoga-Ili-Srpskoga-Jezika&usq=AOvVaw0UrliSKc-tZgQIk3cKq8UpV> [17. 3. 2018]
- ESSJ - Pod. red. O. N. Trubačeva (Vyp. 1–31), A Žuravlëva (Vyp. 32–39), 1974–2014. *Etimologičeskij slovar' slavjanskih jazykov*. Moskva: Nauka.
- OR - Online rečnik <http://www.onlinerechnik.com/> [4. 4. 2018].
- RHSJ - Maretić, T., 1935: *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, Dio XI, U Zagrebu: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti.
- SJP - *Słownik języka polskiego PWN*, <https://sjp.pwn.pl/> [2. 9. 2017].
- Vasm - Fasmer, M., 1986–1987: *Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka*. Moskva: Progress.

Literatura

- Brazgunou, A., 2013: Europejski romans historyczny i rycerski w przekładach białoruskich XV–XVII wieku. *Wschodni Rocznik Humanistyczny*, t. IX, 9–30.
- Brückner, A., 1886: Ein weissrussischer Codex miscellaneus der Gräfllich-Raczyński'schen Bibliothek in Posen. *Archiv für slavische Philologie*, Bd. IX, 345–391.
- Citko, L., 2006: „*Kronika Bychowca*” na tle historii i geografii języka białoruskiego, Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku.
- Citko, L., 2018: Starobiałoruski Tristan jako źródło do historii leksyki. Wybrane zagadnienia z zakresu zapożyczeń. L. Citko. *Języki ruskie w rozwoju historycznym i kontaktach z polszczyzną*. Białystok: Wydawnictwo Prymat, 69–84.
- Dekanić-Janoski, S., 1977: The Serbo-Russian Romance of Tristan and Isolt (Po-vest o Trištanu i Ižoti). J. Hill. *The Tristan Legend: Texts from Northern and Eastern Europe in Modern English Translation*. Leeds: The University of Leeds, 47–49.
- Graciotti, S., 1971: Hrvatska glagoljska književnost kao kulturni posrednik između evropskog Zapada i istočnih Slavena. *Slovo* 21, 305–323.

- Graciotti, S., 1979: "Srpska" istorija Tristana i njegov italijansko-venetski original. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane: Referati i saopštenja*. Sv. 22, Beograd, 29–43.
- Gračyjoci, S, 2016: Pra dasledavanni belaruskaga »Tryščana« ũ Italii. *Belaruski Gistaryčny Agljad* 23/1–2 (44–45), 145–162.
- Grickat, I., 1966: *Povest o Trištanu i Ižoti*. Beograd: Srpska književna zadruga.
- Jagić, V., 1876/77: Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung. *Archiv für slavische Philologie*, Bd. II, 24–25.
- Kavaljoŭ, S., 2005: Litaratura Belarusi poznjaga Rènesansu: žanry tvory, asoby. Minsk: VTAA „Prava i èkonomika“. http://kamunikat.org/usie_knihi.html?pubid=18433.
- Kipel, Z., 1988: Introduction. *The Byelorussian Tristan*, translated by Z. Kipel, Volume 59, Series B, Garland Library of Medieval Literature, New York & London: Garland Publishing.
- Kipel', Z., 1997: Belaruskaja perakladnaja litaratura XV–XVII stst. jak most pamiž Ushodam i Zahadam. *Belarusika, Albaruthenica* 6/2. Minsk: Belaruski knigazbor, 175–181.
- Naumow, A., 1996: *Wiara i historia*. Kraków: Krakowsko-Wileńskie Studia Slawistyczne.
- Naumow, A., 2002: *Domus divisa: studia nad literaturą ruską w I. Rzeczypospolitej*. Kraków: Collegium Columbinum.
- Muir, L., 1979: The Serbo-Russian Tristan and the French Prose Tristan. *Bibliographical Bulletin of the International Arthurian Society* 31, 217–227.
- Polidori, F. L., 1864, *La Tavola ritonda, o L'istoria di Tristano*. T. 1. Bologna: G. Romagnoli. <https://www.google.pl/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&cad=rja&uact=8&ved=0ahUKEwjmpCniMvZAhXGWSwKHRdcBE8QFggUgMAE&url=https%3A%2F%2Farchive.org%2Fdetails%2Flata-volaritonda01bancgoog&usq=AOvVaw2-3SD0tMJ-WRncUz4BnxS> (2. 3. 2018).
- Sgambati, E., 1977–1979: Note sul Tristano bielorusso. *Ricerche Slavistiche* 24–26, 33–53.
- Badurina Stipčević, V., 2013: *Hrvatska srednjovjekovna proza I. Legende i romani*. Priredila i transkribirala Vesna Badurina Stipčević. Zagreb: Matica Hrvatska.
- Sudnik, T. M., 1976: Povest' o Tryščane v poznanskom sbornike XVI v. Legenda o Tristane i Izol'de. [Tekst] : [Perevody], izd. podgot. [predisl. napisal, primeč. sost.] A. D. Mihajlov, Moskva: Nauka. <https://www.google.pl/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&cad=rja&uact=8&ved=0ahUKEwiJ->

1JqIr7LNAhWkNJoKHeFbC0IQFgglMAE&url=http%3A%2F%2Fwysot-sky.com%2F0009%2F168.htm&usg=AFQjCNGpHNqCvSJhJY_rrpAqz0IU-1vPSJg (18. 6. 2016).

Veselovskij, A. N., 1888: Bělorusskija pověsti o Tristaně, Bově i Attilě v Poznańskoj rukopisi konca XVI věka. *Sbornik Otdělenija russkago jazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii Nauk* 44/3. Sankt-Peterburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk, 125–361.

Zieliński, B., 2018: Słowiańskie drogi legendy o Tristanie i Izoldzie. *Białoruski Tristan w zbiorach Biblioteki Raczyńskich w Poznaniu*. Opracowanie i przekład: Lilia Citko. Poznań: Biblioteka Raczyńskich w Poznaniu, 408–413 (w druku).

Žuraŭski, A. I., 1967: *Gistoryja belaruskaj litaraturnaj movy*. T. 1. Minsk: Navuka i tècheŭnika.

Summary: South Slavonic References in the Language of Old Belarusian "Tristan" (Based on the 16th Century Manuscript of Raczyński Codex)

The language of the Old Belarusian translation of a chivalric romance (so-called *Belarusian Tristan*) contain, within the 16th century manuscript of Raczyński Codex, the focus of this article. Literary studies show that the content of the manuscript is close to the 15th century Venetian edition written in Italian (*Tristano Veneto*) and exhibits the influence of Tuscanian tradition (*La Tavola Ritonda, Il Tristano Riccardiano*). The 19th century researchers who studied the manuscript (A. Brückner, A. Веселовский) are of the opinion that the translation was not made directly from an Italian protograph but rather from a "Serbian" source which has not yet been identified. The presence of South Slavonic lexis in the Old Belarusian translation suggests a "Serbian" medium. The results of the analysis of the lexis show that the majority of words appear in several languages (not only in Serbian). They are documented in the various languages of the Balkans. They provide a linguistic argument for the presence of the South Slavonic edition of *Tristan*, written in Dalmatia (in the region of Dubrovnik, formerly known as Ragusa), the territory wherein the coexistence of Slavonic and Romance cultures has been favoured since the Middle Ages.

Key words: chivalric romance, the Old Belarusian language, South Slavonic lexis, Italian edition, hypothetical "Serbian" edition

Две службы св. Даниилу Московскому: опыт создания барочной княжеской службы.

Виктория Легких

Венский Университет, Вена

В статье сравниваются две службы св. Даниилу Московскому, имеющие одинаковую модель – службу св. Александру Невскому, но построенные по разному принципу. Если в первой службе мы видим заимствования из службы-модели практически без изменений, то во втором случае автор, стараясь сохранить модель узнаваемой, создает на основе заимствованного песнопения новое, чаще более торжественное, так что, несмотря на то, что структурно новая служба более строго следует модели, мы можем говорить о создании нового оригинального произведения. В статье рассматриваются приемы, использованные создателем службы, а также некоторые черты княжеской службы, ставшие почти общеобязательными к концу XVII в.

Ключевые слова: гимнография, заимствования, св. Даниил Московский, св. Александр Невский, княжеская служба

30 августа 1652 года произошло обретение мощей св. Даниила Московского, и они были переданы в собор Святого Отца семи Вселенских Соборов. Точное время канонизации святого Даниила Московского до сих пор не определено. Архимандрит Дионисий считал, что это произошло 30 августа 1652 г. (Дионисий 1898:28), в то время как Православная богословская энциклопедия классифицирует время его канонизации как конец XVII - начало XVIII в. (ПБЭ 1904:921), а Е. Е. Голубинский говорит о конце XVIII в. (Голубинский 1903:190). При этом предложение о канонизации появилось уже в XVI веке, когда царь Иван Грозный приказал написать житие князя (ПСРЛ 1908–1913:298). В «Степенной книге» (вторая половина XVI в.) он называется святым с днем памяти 4 марта.¹ Вполне возможно, что тогда же были написаны стихиры и канон, но составление службы было прервано Смутным временем.

Св. Даниилу Московскому существует три службы. Первая подписана именами Семена Альферьева и монаха Сергия. Самая древняя рукопись, содержащая эту службу, - это рукопись второй половины XVI в. из коллекции Ундольского Московской государственной библиотеки (РГБ, ф. 310, № 300). Во время правления царей Иоанна V и Петра I была создана новая редакция, в которой неоднократно упоминалась рака, появившаяся в 1652 году после

¹ Подробнее о неофициальном почитании см. (Lenhoff 1997: 391–416).

обретения мощей. Вторая служба св. Даниилу Московскому была написана в 1711 году иеромонахом Чудовского монастыря и редактором «Типографии» (Печатного двора) Карионом (Истоминим) по заказу Макария, настоятеля монастыря св. Даниила, и старца Кариона (Борина). Еще одна служба св. Даниилу была составлена между 1742 и концом 50-х гг. Она сохранилась в списке втор. пол. XVIII в. (ЦМиАР. КП 3945.6).

Объектами моего анализа стали первая и третья службы,² посвященные святому Даниилу Московскому. Эти две службы были выбраны потому, что в них используется одна и та же модель - служба святому Александру Невскому. Но даже если у обеих служб была одна модель, мы видим разные способы работы с ней, которые показывают не только индивидуальный подход гимнографа, но и стиль и требования разных эпох.

Самая ранняя служба атрибутируется Семену Алферьеву и монаху Сергию, о чем сказано в приписке к службе. Л. И. Алехина заметила, что в приписке упомянут только один канон, хотя служба двухканонная. Исследовательница также обратила внимание на разные стили песнопений (Алехина 2003:137), один из которых построен на заимствовании из службы св. Александру Невскому. В своих ранних работах Л. И. Алехина определяет пласт, составленный из заимствований, как более поздний (Алехина 2003:130). Однако в 2013 г. Л. И. Алехина меняет свою гипотезу, предполагая, что изначально Семеном Алферьевым и иноком Сергием была создана служба св. Роману Углицкому, которая после канонизации св. Даниила Московского была адаптирована для нового святого (Алехина 2013:153–161). Анализируя оба пласта, я заметила, что весь заимствованный пласт заимствован из первой редакции службы св. Александру Невскому, принадлежащей руке монаха Владимирского Рождественского монастыря.³ Более того, сравнение этого пласта с другими службами мниха Михаила показывают их практически полную идентичность и позволяют предположить, что мних Михаил был также автором неоконченной службы св. Даниилу Московскому, которая впоследствии была использована Семеном Алферьевым и иноком Сергием для составления полной службы святому.⁴ Часто заимствованные песнопения расположены даже в тех же самых местах, что и в других службах данного автора:⁵ стихирь на стиховне 1-го гласа на подобен «Небесным чином», стихира-славник 1-го гласа «Радуйся и веселися о Господе...», стихира 6-го гласа по 50-м псалме «Приидите, вси людие, хвалу принесем...».

2 далее, первая и вторая соответственно.

3 Первым об этом авторе упомянул Ф. Г. Спасский (Спасский 2008:144–148)

4 Подробнее см. Легких 2017.

5 Служба св. Петру и Февронии, служба св. Борису и Глебу.

Кроме того, второй канон 1-го гласа св. Даниилу Московскому практически полностью составлен из тропарей, присутствующих в службе св. Александру Невскому, а также в других службах мниха Михаила. В качестве примера можно привести первый тропарь первой песни:

канон св. Александру Невскому 4-го гласа «Тебе в чудесех славна русскимъ странам...» песнь 3, тропарь 1 ⁶	Канон св. Даниилу Московскому 1-го гласа «Благочестивую и вѣнченосного князя Даниила», песнь 1, тропарь 1 ⁷
Благочѣстиа вѣнченоснаго Александра,	Благочестиваго и вѣнченоснаго князя Даниила
съшедшеса, по достоянию въсхвалимъ,	по достоянию восхвалимъ,
и чудесь подателя обилнаго	чудесь подателя обильнаго,
и нынѣ, блаженне, Богови молися о всѣх нас.	спасающаго души наша

Как мы можем увидеть из примера, за исключением незначительного сокращения, изменения в тропаре практически отсутствуют.

Иногда в ранней службе св. Даниилу Московскому можно увидеть небольшое исправление, если заимствованный для службы св. Александру Невскому тропарь содержит отсылку к житию святого-модели, не подходящую ни св. Александру Невскому ни св. Даниилу Московскому, как, например, в третьем тропаре четвертой песни:

канон св. Александру Невскому 8-го гласа «Тебе в чудесех славна русскимъ странам...» песнь 4, тропарь 1 ⁸	канон св. Даниилу Московскому 1-го гласа «Благочестивого и вѣнченосного князя Даниила», песнь 4 тропарь 3 ⁹
Источникъ еси рѣкы чудесь блаженне,	Источиль еси рѣки чудеса, благовѣрнии княже Данииле
и вѣрных напаяющи сердца	вѣрныхъ сердца
и мутныя воды многобожиа иссушилъ еси.	и мутныя воды невѣрїя иссушилъ еси.

Этот тропарь был заимствован мнихом Михаилом из канона свщ. мч. Антипе Пергамскому (первый тропарь третьей песни), но если для канона св. Антипе строка «и мутныя воды многобожиа иссушилъ еси» обусловлена его житием: св. Антипа проповедовал язычникам и был убит за отказ принести языческие жертвы, то в случае со св. Александром Невским эта строка кажется немного странной, так как Русь была уже давно крещена. В тропаре

6 Цит. по минее XVII в. (РГБ. Ф. 304, № 503. Л. 469).

7 Цит. по изданию: (Амфилохий 1873:26).

8 Цит. по минее XVII в. (РГБ. Ф. 304, № 503. Л. 470 об.).

9 Цит. по изданию: (Амфилохий 1873:28).

св. Даниилу Московскому «многобожие» исправляется на более нейтральное «неверие».

Вторая анализируемая служба была написана между 1742 и концом 50-х гг. Первый список службы датируется концом 50-х гг. XVIII в.¹⁰ По мнению Л. И. Алехиной, его можно датировать между декабрем 1757 и февралем 1759 гг. так как в тексте молитвы содержится прошение о здравии великой княжны Анны Петровны, умершей во младенчестве (Алехина 2003:495). Служба была опубликована митр. Платоном в 1791 г. В рукописи имеются исправления, добавленные другой рукой и учтенные при публикации. Каким образом рукопись попала к митрополиту Платону остается неизвестным. По предположению Л. И. Алехиной, рукопись могла быть поднесена ему в качестве памятного дара, так как он был произведен в иеродиакона в Московском Успенском соборе 30 августа 1758 г., т.е. в день Перенесения мощей св. Даниила Московского (Алехина 2003а:501). Эта служба стала наиболее часто используемой в литургической практике.

Первое, что бросается в глаза при сравнении этих служб – повышенный статус службы. Это бденная служба с малой вечерней и несколькими циклами стихир. В ней практически нет прямого заимствования, которым отличается первая служба, однако очень многие песнопения построены «по модели» песнопений из службы св. Александру Невскому, причем так, чтобы модель была узнаваемой. При этом в отличие от первой службы св. Даниилу Московскому, где заимствовались только песнопения авторства мниха Михаила, в новой службе моделью стала бденная служба св. Александру Невскому, отредактированная в конце XVI в., скорее всего, Ионой Думиным, архим. Рождественского монастыря (1584–1588), дописавшим стихиры на литии и малую вечерню, а также отредактировавшим каноны, дописав в них новые тропари. Кроме того, при составлении новой службы создатель опосредованно использовал и песнопения из первой и второй служб св. Даниилу Московскому, хотя прямых заимствований здесь практически нет.

Песнопения, заимствованные из службы св. Александру Невскому, часто встречаются в обеих службах св. Даниилу Московскому, однако, так как во втором случае моделью стала отредактированная Ионой служба, возможен вариант, когда песнопение в редакции мниха Михаила заимствуется только в первую службу, как в приведенном выше примере тропаря «Источиль еси рѣки чюдесь», а новая служба использует песнопение, отредактированное Ионой, перерабатывая и адаптируя модель :

10 ЦМиАР. КП 3945.6.

канон св. Александру Невскому 8-го гласа «Тебе в чудесех славна русскимъ странам...» песнь 4, тропарь 1 ¹¹	канон 4-го глас св. Александру Невскому «Примши въ своемъ срдци...», песнь 3, ирмос 3 ¹²	канон св. Даниилу Московскому 1-го гласа, песнь 4, тропарь 3 ¹³
Источникъ еси рѣки чудесъ блаженне,	Источникъ чудесъ гробъ твой явися неисчерпаемый,	Источникъ чудесъ явился гробъ твой,
и вѣрныхъ напааючи сердца		Богоблаженне княже Данииле,
	от негоже рѣки исцеленей изливаеши	къ нему же вѣрою приходящии,
и мутныя воды многобожиа иссушили еси.	вѣрно память твою творящимъ, блажене.	и кланяющися честнѣй твоей рацѣ,
		желаемая приемлоть исцѣления

В некоторых случаях песнопение, заимствованное в первую службу, в второй сохраняет только инципит:

канон 4-го гласа св. Александру Невскому, песнь 6, тропарь 2 ¹⁴	канон 1-го гласа свв. Борису и Глебу мниха Михаила, песнь 7, тропарь 1 ¹⁵	канон 1-го гласа св. Даниилу Московскому, песнь 7, тропарь 1 ¹⁶	канон 4-го гласа св. Даниилу Московскому, песнь 7, тропарь 2 ¹⁷
Въ всѣхъ странах произыде вѣщание:	Во всѣхъ странах произыде вѣщание	Во всѣхъ странах проиде вѣщание	Во всю Россию пройде слава чудесъ твоихъ, блаженне,
яко граду нашему явися чудотворецъ преславень,	яко нашему славному Вышеграду явишися чудотворцы преславнии	яко граду Москвѣ явися чудотворецъ преславень	имиже просвѣтилъ еси люди твоя,
источить исцѣления множество,	дарующе множество исцѣлени	дарующе множество исцѣлений	иже твоимъ чудодѣйствомъ от всякихъ бѣдъ и напастей избавляеми,
и подаваетъ всѣмъ просящимъ, тѣпле.	всѣмъ приходящимъ и вопиющимъ	всѣмъ, приходящимъ къ нему и вѣрою поющимъ, Господеву;	поютъ Творцу: благословень еси въ храмѣ славы Твояе Господи
	благословен Богъ Отецъ наш	Отцемъ Богъ благословень еси.	

11 Цит. по минее XVII в. (РГБ. Ф. 304, № 503. Л. 470 об.).

12 Цит. по старопечатной минее 1610 г. Л. 272

13 Цит. по старопечатной службе св. Даниилу Московскому: Служба преподобному и благоверному великому князю Даниилу Александровичу Московскому: егоже память положена в Прологе марта 4 дня: а обретение честныхъ мощей празднуется месяца августа 30 дня. Москва, 1791 г. (РГБ, ф. IV. № 245. Л. 15).

14 Цит. по минее XVII в. (РГБ. Ф. 304, № 503. Л. 474 об.–475).

15 Цит. по богослужебному сборнику XVII в. (РНБ, ф. Погодин, № 431. Л. 229 об.).

16 Цит. по изданию: (Амфилохий 1873:33).

17 Цит. по старопечатной службе св. Даниилу Московскому. (РГБ, ф. IV. № 245. Л. 18).

Как мы видим, песнопение, заимствованное в первую службу меняет свое место по отношению к службе св. Александру Невскому, но не меняет его по отношению к другим службам мниха Михаила, созданным на основе службы св. Александру Невскому. В новой службе песнопение сохранило жанр (тропарь канона) и даже новое место в службе (7-я песнь), однако сам тропарь сильно изменен, на связь с моделью указывает только инципит.

Несмотря на практически полное отсутствие во второй службе прямых заимствований, в целом она более следует модели службы св. Александру Невскому. Чаще всего, однако, заимствование сопровождается редактированием и адаптацией текста, оставляя, при этом, узнаваемой модель. Иногда при небольших изменениях для эффекта создания нового песнопения возможна смена жанра. Например, моделью славника 8-го гласа на малой вечерни св. Даниила Московскому, присутствующему только во второй службе, стал первый тропарь седьмой песни канона 4-го гласа. В новом песнопении дописаны некоторые строфы, но в целом изменения совсем незначительны.

канон 4-го гласа св. Александру Невскому, песнь 7, тропарь 1 ¹⁸	канон 4-го гласа св. Александру Невскому, песнь 7, тропарь 1 ¹⁹	славник 8-го гласа на малой вечерни св. Даниила Московскому ²⁰
Днесъ веселия исполняется храмъ Бога нашего,	Днесъ веселия исполняется храмъ Бога нашего,	Днесъ веселия исполняется храмъ Бога нашего,
в немже лежать честныа мощи блаженнаго,	в немже лежать честныа мощи блаженнаго,	въ немже благовѣрный князь Данииль,
		великий нашъ заступникъ,
		мощми святаго почитаетъ
и вси притекающеи обლობязаютъ	и вси притекающеи обლობязаютъ	и всѣхъ вѣрно притекающихъ къ честней его рацѣ освящаетъ,
съ страхомъ святую раку преславнаго. и приемлютъ чудеса.	со страхомъ святую раку преславнаго и приемлютъ изцѣление.	и исцѣление даруя, молится о душахъ нашихъ.

Так как составитель ориентируется на бденную службу, отредактированную Иной, моделью для заимствования также становятся дописанные Иной песнопения. Например, славник 6-го гласа на малой вечерни св. Даниила Московскому построен по модели стихирь на «Господи возвах» на малой вечерни св. Александру Невскому:

18 Цит. по минее XVII в. (РГБ. Ф. 304, № 503. Л. 475).

19 Цит. по старопечатной Минее на ноябрь 1610 г. (РГБ, ф. IV. Л. 275 об.).

20 Цит. по старопечатной службе св. Даниила Московскому (РГБ, ф. IV. № 245. Л. 4).

стихира 1-го гласа св. Александру Невскому на малой вечерни ²¹	славник 6-го гласа св. Даниилу Московскому на малой вечерни ²²
От благочестиваго корене,	Отрасль благоплоднѣйшая Александрова корене быть еси,
святопомазанная розга произшедь.	
плодь произнесе себе, преподобия и правдѣ.	плодь принося добродѣтелей:
	въ преподобии и правдѣ и смирении,
	милостынях же и чистотѣ ревности подражатель быть еси твоему родителю:
	и тѣми свѣтло украсень,
	пространное селение Святыя Троицы быть еси,
	Ейже купно съ родителемъ твоимъ предстоя,
премирно благоюхая вѣрно от душа чтущих тя.	моли мирну быти граду и обители твоей,
о нихже со аггелы Христу молися, блаженне,	и всѣмъ Российскимъ сыновомъ спастися
даровати миръ и велию милость	

Топос «благоплодной отрасли» особо подчеркивается и в отредактированной службе св. Александру Невскому и в новой службе св. Даниилу. Кроме того, первая строфа «Отрасль благоплоднѣйшая Александрова корене быть еси, плодь принося добродѣтели» связывает славник и с тропарем св. Александру Невскому, начинающемуся словами «яко благочестиваго корене пречестная отрасль был еси, блаженне Александре». Здесь мы видим также один из наиболее частых приемов новой редакции, когда в одном песнопении могут быть скомбинированы два песнопения–модели или хотя бы их мотивы. Этот славник связан с третьим тропарем четвертой песни канона св. Александру Невскому, начинающемуся словами «Престолу предстоиши»:

Престолу предстоиши благодати, со всеми Ангелы радуяся днесъ и миру исцеления раздавая богатство, спаси всех нас молитвами твоими, блаженне.

Таким образом середина стихиры св. Даниилу Московскому: «пространное селение Святыя Троицы быть еси, Ейже купно съ родителемъ твоимъ предстоя» опосредованно связана и с этим тропарем. При этом мы видим и непосредственное обращение к данному тропарю как в службе Семена Алферьева и инока Сергия, так и в службе XVIII в. Это один из редких случаев, когда песнопение в новую службу заимствуется с очень несущественными изменениями:

21 Цит. по старопечатной Минее на ноябрь 1610 г. (РГБ, ф. IV. Л. 261).

22 Цит. по старопечатной службе св. Даниилу Московскому (РГБ, ф. IV. № 245. Л. 3 об.).

канон 8-го гласа св. Александру Невскому, песнь 4, тропарь 1 ²³	канон 1-го гласа св. Даниилу Московскому, песнь 1 тропарь 2 ²⁴	канон 1-го гласа св. Даниилу Московскому, песнь 6, тропарь 1 ²⁵
Престолу предстоиши благодати	Престолу убо предстоя благодати	Предстоя присно престолу Троичныя благодати,
со всеми ангелы радуяся днесь	и со всеми ангелы радуяся,	со всеми радуяся аггелы
и миру исцеления раздавая богатство,	днесь миру раздаеть богатство,	и миру исцѣлений богатство подавая,
	тѣмже согласно зовець ему.	
спаси всех нас молитвами твоими, блаженне.	спаси насъ молитвами твоими блаженне	спаси всехъ насъ молитвами твоими

В Иониной редакции службы св. Александру Невскому также используется прием, когда на основе одного песнопения составляется второе. Покажу это на примере славника 2-го гласа второго цикла стихир на литии. Этот славник создан при использовании модели славника первого цикла 4-го гласа службы инока Михаила.

В новой службе св. Даниилу Московскому мы можем найти обращение к обоим песнопениям:

славник 4-го гласа на литии св. Александру Невскому ²⁶	славник 2-го гласа св. Александру Невскому ²⁷	стихира на стиховне малой вечерни 2-го гласа св. Даниилу Московскому ²⁸
Царие и князи вкупѣ,	Приидите богоименити собори.	Царие и князи, и священныхъ собори,
богати и убозии радуется	богопочтении князи купно же со святители	старѣйшины и вельможи,
	и христолюбивое множество.	
свѣтлое днесь торжество празднующих	свѣтло составльше псаломскую пѣснь,	свѣтло днесь възграйте,
общаго заступника блаженнаго Александра.	божественому сему вѣнченосцу Александру, принесемъ рекуше.	и память блаженнаго въ пѣснехъ возвеличимъ.
и въспѣвають убо истиннии безмолвници	радуйся, Троицы поборниче великоименитыи.	
и прости людие.	радуйся, крестоносным царемъ похвало боговѣнчанная.	

23 Цит. по минее XVII в. (РГБ. Ф. 304, № 503. Л. 470 об.).

24 Цит. по изданию: (Амфилохий 1873:26).

25 Цит. по старопечатной службе св. Даниилу Московскому (РГБ, ф. IV. № 245. Л. 4 об.).

26 Цит. по минее XVII в. (РГБ. Ф. 304, № 503. Л. 464–464 об.).

27 Цит. по старопечатной Минее на ноябрь 1610 г. (РГБ, ф. IV. Л. 265).

28 Цит. по старопечатной службе св. Даниилу Московскому (РГБ, ф. IV. № 245. Л. 3 об.–4).

общаго предстателя и помощника и молебника	радуйся христяномъ рогъ богоносныи,	
о душах наших	о нихъже христу моляся, неоскудѣи,	
	даровати мирь, и велию милость.	

Стихира сильно сокращена по сравнению с обеими моделями, «Христолюбивое множество» заменено на «старѣйшины и вельможи». Сокращенная версия стихеры наводит на размышление, что, может быть, при ее создании был использован первый славник, однако сохранение 2-го гласа говорит о том, что, скорее всего, было обращение и ко второму славнику, хотя использованы именно совпадающие части обоих песнопений.

Интересный пример создания нового гимнографического произведения на основе того же славника представлен славником 6-го гласа св. Даниилу Московскому. Новая стихира в первой части довольно точно следует песнопению-модели, при этом вторая часть полностью изменена даже структурно: в славнике св. Александру Невскому мы видим хайретическую часть, составленную по принципу акафистного икоса, в то время как в славнике св. Даниилу Московскому эта часть отсутствует, а вместо нее показана духовная связь св. Даниила Московского со своим отцом.

славник 2-го гласа св. Александру Невскому ²⁹	славник 6-го гласа св. Даниилу Московскому
Приидите богоименити собори.	Приидите празднолюбныхъ собори,
богопочтении князи купно же со святители	Богомъ вѣнчанныи царие со князи,
и христоролюбивое множество.	святители со иереи, монахи со всемъ христоролюбивымъ множествомъ
свѣтло составльше псаломскую пѣснь,	свѣтлый ликъ составльше,
божественному сему вѣнченосцу Александру, принесемъ рекуше.	Давидскую воспоемъ пѣснь доброплодной отрасли Александровой Богоблаженному князю Даниилу:
радуйся, Троицы поборниче великоименити.	сей бо насажденъ въ блаженномъ дому отца своего,
радуйся, крестоноснымъ царемъ похвало боговѣнчанная.	яко финикъ высоковерхий въ добродѣтелехъ процвѣлъ,
радуйся христяномъ рогъ богоносныи,	и даже до преставления вѣренъ бысть подражатель всѣхъ дѣлъ родителя своего:
	и нынѣ съ нимъ въ небесѣхъ купно ликоствуя,
о нихъже христу моляся, неоскудѣи,	молится непрестанно сохранитися отечеству своему и державѣ,
даровати мирь, и велию милость.	Императрицѣ Нашей имркъ,
	побѣду на супостаты даруяи молитвами своими

29 Цит. по старопечатной Минее на ноябрь 1610 г. (РГБ, ф. IV. Л. 265).

Во второй части использован важный для княжеских служб, особенно позднего периода, топос «корня и отраслей», где св. Даниил показан как отрасль своего благочестивого отца. Этот топос также отсылает нас и непосредственно к службе св. Александру Невскому, так как тропарь св. Александру начинается словами «яко благочестиваго корене пречестная отрасль был еси, блаженне Александре», то есть эксплицитно выраженная связь подчеркивается еще и известным песнопением. Кроме того, вторая часть стихир «Приидите празднолюбныхъ собори» развивает уже заданную тему славника малой вечерни.

Нужно заметить, что топос «благой отрасли» вообще активно используется как в новой службе св. Даниилу Московскому, так и в отредактированной службе св. Александру Невскому. Этот важный и для ранних княжеских служб топос становится все более употребляемым после XVI в.

Кроме того, в новую службу св. Даниилу Московскому перенесен еще один важный для св. Александра Невского образ - образ русской звезды. Тропарь св. Даниилу Московскому, включающий этот топос, отчасти следует модели кондака св. Александру Невскому, однако новый тропарь составлен по традиции длинных барочных тропарей и переработанные строфы из кондака св. Александру Невскому являются только частью нового тропаря.

кондак 8-го гласа св. Александру Невскому ³⁰	тропарь 4-го гласа св. Даниилу Московскому ³¹
	Княжения твоего славу отложивъ,
	озаряемый Божественною благодатию,
	богомудре княже Данииле,
	весь разумъ въ срдиѣ от суетнаго мира сего къ зиждительно неуклонно возложилъ еси:
Яко звѣзду русскую днесь почтемъ,	и яко звѣзда на востоцѣ Российскаго государства просиялъ еси:
от востока възсиавшу и на западъ пришедшу:	
	цѣломудриемъ же и равноаггельнымъ твоимъ житиемъ течение добръ совершая,
	вѣру соблюлъ еси непорочну:
всю бо страну сию чудесеы и добротою обогативъ	и по смерти прослави тя Богъ въ чудесеыхъ,
просвѣщая вѣрою чтущихъ память твою, Александре блаженне.	яко источаеши исцѣления вѣрно притекающимъ къ честнѣй рацѣ твоей:

30 Цит. по минее XVII в. (РГБ. Ф. 304, № 503. Л. 473 об.-474).

31 Цит. по старопечатной службе св. Даниилу Московскому (РГБ, ф. IV. № 245. Л. 4).

тѣмъ днесъ празднуемъ ти успение, людие твои суши,	сега ради днесъ празднуемъ оупение твое люди твои.
моли спасти Отечество свое и державу русских князей	Ты же, яко имаша дерзновение ко Христу,
и всѣхъ притѣкающихъ къ рацѣ мощи твоихъ и вѣрно въпяющихъ:	
радуися, граду нашему утвержение.	моли спасти отечество твое, и мирнѣи быти державѣ наслѣдїя твоего.

Еще один важный топос, появившийся в тропаре – отказ от земного царства и от земной славы (Княжения твоего славу отложивъ). Этот топос встречается и в других песнопениях св. Даниилу, например, 4 стихирь первого цикла на «Господи воззвах» начинаются инципитом «Все отложивъ», а первые две прямо перекликаются с тропарем: «Всю отложив временную славу», «Все отложив начальство княжения». Этот топос свойствен многим, особенно княжеским службам, и здесь можно увидеть даже опосредованную связь со службой свв. Борису и Глебу, где говорится о лишении земного царства, например, в стихире 4-го гласа на литии (Земное царство яко въскоре тлѣющее възненавидѣвше и непреходящую жизнь въсприемше. цесареви съ аггльскими воинствы предстояще. съ ними же и молитесь спасти любовию поющих. всечстную и всепразднственную память вашу³²).

Структурно новая служба св. Даниилу Московскому даже более следует службе св. Александру Невскому, сохраняя, например, в качестве стихир на «Господи воззвах» стихирь на подобен «Кыми». При отсутствии прямых заимствований, стихирь включают множество топосов, использованных в службе св. Александру Невскому, и даже при общности этих топосов, все же следует говорить о построении стихир по модели службы св. Александру Невскому.

стихира 2-го гласа св. Александру Невскому на «Господи воззвах» ³³	стихира 2-го гласа на «Господи воззвах» св. Александру Невскому ³⁴	стихира 2-го гласа на «Господи воззвах» св. Даниилу Московскому ³⁵
Кыми похвалными вѣнцы	Кими похвалными вѣнцы	Кими похвалными вѣнцы
вѣнчаемъ блаженнаго.	вѣнчаемъ блаженнаго Александра.	вѣнчаемъ Даниила премудраго
царемъ благочестивым скипетръ, княземъ православным похвала,	царемъ благочестивымъ державу, и княземъ православным похвалу.	князей Российскихъ похвалу:

32 Цитируется по правленной «Пахомиевой» редакции (РГБ, ф. 304, № 646. Лл. 362–362 об.), но в и в неправленной стихире ранних редакций представлен тот же мотив.

33 Цит. по минее XVII в. (РГБ. Ф. 304, № 503. Л. 161 об.).

34 Цит. по старопечатной Минее на ноябрь 1610 г. (РГБ, ф. IV. Л. 263).

35 Цит. по старопечатной службе св. Даниилу Московскому (РГБ, ф. IV. № 245. Л. 5 об.–6).

дивнаго в чудесех, бесплотных съжителя,	дивнаго в чудесѣх. безъплотнымъ сожителя,	
источника божественных исцѣлени неисчерпаемаго	источника божественныхъ исцѣлений неизчерпаемаго.	источника Божественныхъ исцѣлений неоскуднаго
рѣку чудесь многихъ,	рѣку чудесь многихъ,	рѣку чудесь неисчерпаему:
пролитиа даровани духовныхъ	пролитие дарований духовныхъ.	чистое и несквѣрное Святыя Троицы жилище:
		добродѣтелей правило:
		бесплотныхъ жития подражателя:
		небеснаго гражданина:
землю русскую веселяще чюдесь течение	егоже ради Христось, земли Русстѣй	егоже ради Христось варварские полчища низложи,
Александра мудраго въсхвалимъ.	даруетъ миръ и велию милость	имѣяй велию милость.

Из приведенного примера мы видим, что стихира в целом следует стихире св. Александру Невскому: сохранена структура и основные топосы, при этом даже в строках, максимально совпадающих с моделью, присутствует хотя бы небольшое изменение, иногда выраженное в перестановке эпитета, например, в службе св. Александру Невскому мы видим: «источника божественныхъ исцѣлений неизчерпаемаго, рѣку чудесь многихъ», а в стихире св. Даниилу Московскому «источника Божественныхъ исцѣлений неоскуднаго: рѣку чудесь неисчерпаему», т. е. эпитет «неисчерпаемый» переместился на строку ниже «безъплотнымъ сожителя» из стихире св. Александру Невскому превратилось в «бесплотныхъ жития подражателя», опустившись на несколько строк ниже. Кроме того, в стихире появляются и новые строки «чистое и несквѣрное Святыя Троицы жилище:», «небеснаго гражданина». Таким образом, при довольно небольших изменениях, мы получаем новую стихиру. Хотя изменения между редакциями стихире в службе мниха Михала и в службе Ионы незначительно, мы видим, что составитель службы св. Даниилу Московскому использует редакцию Ионы. Это особо видно по последним строкам:

Землю русскую веселяще чюдесь течение	Егоже ради Христось, земли Русстѣй	егоже ради Христось варварские полчища низложи,
Александра мудраго въсхвалимъ.	даруетъ миръ и велию милость	имѣяй велию милость.

Второй пример из этого же цикла показывает то же творческое использование модели:

стихира 2-го гласа на на «Господи возвах» св. Александру Невскому ³⁶	стихира 2-го гласа на на «Господи возвах» св. Александру Невскому	стихира 2-го гласа на на «Господи возвах» св. Даниилу Московскому
Кыми смиренными устнами	Кими смиренными устнами,	Кими радостотворными устнами
въспоиъм блаженнаго.	воспоемъ Александра премудраго.	возвеличимъ Даниила,
слънце превеликое, звѣзду русскую,	слнца пресвѣтлаго. Всечестныя Троица молитвеника,	свѣтлую звѣзду, на мысленнѣй тверди Российской просиявшую:
		теплаго заступника граду нашему:
пресвѣтлую печальным великую утѣху, и отчаяннымъ заступника.	печальнымъ утѣшение, и отчаяннымъ заступника	сущимъ в бѣдахъ скорого поспѣшника:
Александра блаженнаго въспѣвающе. княземъ православнымъ держава,	похвалу земли Русскѣй.	и всѣхъ притекающихъ к нему избавителя:
и всего священства украшение. рѣку милости	рѣку милости воистину и больнымъ врача безмездна,	въ бранехъ мужа непобедима:
въистинну смирения Христова божествена.	смирения Христова подражателя,	егоже ради Христось врагия шатания низложивъ,
и болнымъ врача безмездна.	подающаго велию милость.	людемъ своимъ дарова миръ и велию милость

Цикл стихир св. Даниилу Московскому становится стилистически более совершенным, так как каждая стихира заканчивается формулой «егоже ради Христось ... дарует мир и велию милость», причем в первой стихире «егоже ради Христось Земли Россистѣй даруетъ миръ и велию милость», во второй – «егоже ради Христось Российскимъ людемъ даруетъ миръ и велию милость», в третьей – «егоже ради Христось варварские полчища низложи имѣяй велию милость», а в четвертой – «егоже ради Христось врагия шатания низложивъ, людемъ своимъ дарова миръ и велию милость».

Стоит отметить, что стихиры на «Господи возвах» с этим инципитом – один из самых стабильных элементов всех редакций службы свв. Борису и Глебу. Еще один тропарь из службы св. Александру Невскому, заимствованный и в другие службы инока Михаила и перешедший в обе службы св. Даниилу Московскому, составлен также на основе одной из стихир свв. Борису

36 Цит. по минее XVII в. (РГБ. Ф. 304, № 503. Л. № 503 Л. 161 об.).

и Глебу этого цикла. Этот тропарь не только перешел в обе службы св. Даниила Московскому, но даже не подвергся значительному редактированию во второй службе:

стихира 2-го гласа на «Господи возвах» свв. Борису и Глебу ³⁷	канон 8-го гласа св. Александру Невскому, 1-я песнь, 2-й тропарь ³⁸	канон 1-го гласа свв. Борису и Глебу, песнь 1, тропарь 2 ³⁹	канон 1-го гласа св. Даниилу Московскому, песнь 1, тропарь 3 ⁴⁰	канон 1-го гласа св. Даниилу Московскому песнь 7, тропарь 3 ⁴¹
Кыми пѣнии и пѣсньми похвалимъ	Пѣсми и пѣнми духовными въсхвалимъ блаженнаго,	Пѣснми и пѣнми восхвалимъ блаженных	Пѣсньми и пѣнми восхвалимъ блаженнаго князя Даниила,	Пѣсньми и пѣнми духовными хвалимъ тя, блаженне,
пѣваема Романа силу имущаго на страсть доблестьми	и честную его и многоцѣлѣбную раку, обстояюще и любезно лобызаемъ,		и, честную его и многоцѣлѣбную раку, обступающе любезно облобызающе	и, честную твою и многоцѣлѣбную обстояще раку,
и Давыда купнорывьнителя?	и сице въпиемъ:	вкупѣ сице вопиюще:	сице возопием:	и сице вопиемъ прославльшему тя Творцу:
Оба свѣтилѣ присносияющи,	радуися,	радуитесь преславнии	радуйся, граду своему Москвѣ	благословень еси въ храмѣ славы твоея, Господи.
озаренѣи свѣтъмъ добродѣтели и благочестия,	Отечеству си пресвѣтлии свѣтильникъ,	отечеству своему		
Хрестови бо увѣдѣвша заповѣди Божественныя,	тверды заступникъ.	пресвѣтлии свѣтильницы.	многосвѣтлѣи свѣтильнице и твердый заступникъ.	

В целом можно сказать, что новая служба не только более торжественна и оригинальна, но и более следует традиции русской княжеской службы этого времени. В ней часто встречаются песнопения, начинающиеся наиболее любимыми в русской гимнографии инципитами *Приидите вси празднолюбцы* и *Всяк град и страна...* Эти инципиты были наиболее популярны в княжеских службах 16–17 вв. Очень часто использован тоpos благоплодной отрасли, особенно популярный в поздних княжеских службах. В службе постоянно упоминается обитель князя, разоренная в 1764 г. (Дионисий 1898: 94), но

37 Цит. по июльской минее (РНБ, Софийское собр., № 280. Л. 38 об.).

38 Цит. по минее XVII в. (РГБ. Ф. 304, № 503. Л. 468).

39 Цит. по богослужебному сборнику XVII в. (РНБ, ф. Погодин, № 431. Л. 225).

40 Цит. по изданию (Амфилохий 1875:26).

41 Цит. по старопечатной службе св. Даниилу Московскому (РГБ, ф. IV. № 245. Л. 18).

восстановленная попечением митр. Платона. Кроме того, миролюбивый князь Даниил назван победителем врагов⁴², и подчеркивается его роль защитника и прогонителя варварских полчищ, что не очень соответствует его житию, но соответствует идее поздних княжеских служб, что каждый святой князь покровительствует княжескому роду и дарует победу над врагами. Более четко выражен и важный мотив княжеской службы – преемственность власти и духовное родство святых княжеского рода. Так как преемственность власти касается не только святых, в службе часто встречаются молитвенные прошения за императрицу. Составитель службы отказывается от прямых заимствований, перерабатывая и адаптируя песнопения. Служба становится не только более торжественной, но и более витиеватой. При этом сохраняется узнаваемая связь с главной моделью – службой св. Александру Невскому, подчеркивая преемственность не только княжеской власти, но и святости от отца к сыну.

Сокращения

РГБ – Российская государственная библиотека

ЦМиАР – Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева

Литература

- Алехина, Л. И., 2003: О времени создания первой службы князю Даниилу. *Церковь и время* 24, 127–141.
- Алехина Л. И., 2003а: Служба и житие благоверного князя Даниила московского из собрания ЦМиАР. Кертанова Л. С.: *Макариевские чтения*. Можайск: Терра, 494–505.
- Алехина, Л. И., 2013: Об авторстве и времени создания первой службы благоверному князю Даниилу Московскому (возвращение к теме). Кертанова Л. С.: *Священные войны России: Материалы XX рос. науч. конф. памяти святителя Макария*. Вып. 20. Ред. Можайск: Изд-во Можайск, 153–161.
- Амфилохий (Сергиевский-Казанцев), арх. 1873. *Летописные и другие сказания о святом благоверном великом князе Данииле Александровиче, сыне святого благоверного великого князя Александра Невского, и построенном им за Москвою-рекою Даниловом монастыре*. Москва: Типография А. В. Кудрявцевой.
- Голубинский, Е. Е., 1903: *История канонизации святых в Русской Церкви*. Москва: Университетская типография.

42 стихира на «Господи воззвах».

- Дионисий (Виноградов), арх. 1898: *О святом благоверном Данииле, князе Московском и чудотворце. Краткие сведения*. Москва: Издание Данилова монастыря.
- Легких, В. И. 2017: К вопросу об авторстве служб св. Даниилу Московскому и св. Роману Углицкому. *Fontes Slavia Orthodoxa* 81–96.
- Спасский, Ф. Г., 2008: *Русское литургическое творчество*. Москва: Издательский совет Русской православной церкви.
- ПБЭ 1904: Лопухин, А. П., *Православная Богословская Энциклопедия*. Т. IV. С.-Петербург: типография А. П. Лопухина.
- ПСРЛ: Полное собрание русских летописей: Васенко, П. Г. (ред.) 1908: *Книга Степенная царского родословия*. Т. 21. Ч. 1. С.-Петербург: Типография М. А. Александрова.
- Lenhoff, G. D., 1997: Unofficial Veneration of the Danilovichi in Muscovite Rus. Kleimola, A. M., Lehnhoff, G. (eds.), *Culture and Identity in Muscovy: 1359-1584*. Москва: ИТЦ-Гарант, 391–416.

Summary: Two Services to St. Daniel of Moscow: A Way of Creating a Baroque Princely Service

This paper is devoted to the means of construction for a new type of princely baroque service through the comparison of two services devoted to St. Daniel of Moscow. There are three services devoted to St. Blessed Daniel of Moscow. The earliest one is attributed to Semen Olferiev and the monk Sergius. The oldest manuscript containing this service is a manuscript dating from the second half of the 16th century, from the collection of Undolskij in the Moscow State library. During the reign of the tsars John V and Peter I, a new version was created. This version repeatedly mentioned a reliquarium, which surfaced in 1652. A new service dedicated to St. Daniel of Moscow was written in 1711 by the hieromonk of Chudov's monastery, alongside the editor of "Printing House" Karion (Istomin), commissioned by Macarius, an abbot of Daniel's Monastery, as well as by former deacon Karion (Borin). Another service to Prince Daniel was compiled between 1742 and 1757–1758. The service to St. Alexander Nevsky became a model for this new service. The subjects of the analysis are the first and the third versions of the service dedicated to St. Daniel of Moscow. These two versions were chosen given the same model used for both versions – the service to St. Alexander Nevsky. But even if the model was the same, we can see different ways of working with this model, which shows not only an individual approach of the hymnographer but also the style and requirements of different epochs.

Key words: hymnography, borrowings, St. Daniel of Moscow, St. Alexander Nevsky, princely service

II.
**Jezikovni sistem slovanskih
jezikov, naglas, slovnice**

Райко Нахтигал как исследователь русского и славянского ударения

Герхард Невекловски

Венский университет, Вена

Райко Нахтигал побывал в 1901 и 1902 годах в России, где общался с известными языковедами и славистами, в том числе с Ф. Ф. Фортунатовым, чье акцентологическое учение оказало большое влияние на его научные взгляды. По возвращении в Вену Нахтигал преподавал русский язык в разных учебных заведениях. Можно предположить, что, поскольку он был иностранцем, его особое внимание привлекали сложности ударения в русском языке, чему, конечно, способствовала его любовь к истории языка и сравнительной грамматике славянских языков. Нахтигал пишет о русском и славянском ударении в монографии *Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung* (1922), а также в книгах *Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči* (1946) и *Slovanski jeziki* (1939/1952). В данной работе речь идет об акцентологических установках в трудах Нахтигала.

Ключевые слова: Райко Нахтигал, современное русское ударение, сравнительная грамматика славянских языков, история славянского ударения

1 Интерес к русскому и славянскому ударению

Райко Нахтигал (1877–1958) изучал славянскую филологию с 1895 по 1901 в Вене у Ватрослава (Игнатия Викентьевича) Ягича и других венских профессоров, в том числе В. Вондрака и К. Иречека, а также сравнительное языкознание у Р. Мерингера. У Ягича он написал свою диссертацию «Ein Beitrag zu den Forschungen über die sogenannte Беседа трех святителей» (*Archiv für slavische Philologie* 23, 1901:1–95, 24, 1902:321–408). Ягич являлся крупнейшим славистом девятнадцатого и начала двадцатого веков, изучавшим староцерковнославянский язык – тема, которой занимался также и Нахтигал. Подобно своему учителю, Нахтигал понимал славянскую филологию довольно широко. Об этом свидетельствует его сравнительная грамматика славянских языков (Nahtigal 1938/1952, 1961, Нахтигал 1963). Нахтигал окончил факультет славянской филологии и сравнительного языкознания в 1900-ом году. Сразу же после окончания учебы он – по ходатайству Ягича – уехал в Россию и там еще ближе познакомился с русским языком и русской культурой. В 1901-ом и 1902-ом годах он побывал в Москве и в Санкт Петербурге, где общался с известными языковедами и славистами, в том числе с Ф. Ф.Фортунатовым и

А. А. Шахматовым. К его поколению молодых славистов принадлежали Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново и Н. Н. Соколов (авторы *Опыта диалектологической карты русского языка с приложением очерка русской диалектологии (в Европе)*). Москва 1915 + стенная карта). Нахтигал принимал участие также в основании Московской диалектологической комиссии, был членом комиссии славистов в рамках Московского археологического общества. После своего возвращения в Вену, Нахтигал преподавал русский язык на протяжении десяти лет в разных учебных заведениях Вены, в том числе и в университете. После смерти К. Штрекеля он был избран профессором университета в Граце в 1913-ом году. Об этом Нахтигал упоминает в своей книге *Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči* (Nahtigal 1946:VII–VIII, ср. также Kolarič 1948:95–96, Tomšič 1957:1–2, Tomšič 1958:63–65, и предисловия немецкого и русского изданий книги *Slovanski jeziki*).

Можно предположить, что, будучи иностранцем, Нахтигал обращал особое внимание на русское ударение. Тот факт, что он преподавал иностранцам русский язык, пробудило его особый интерес особенно к русскому ударению, являющемуся чрезвычайно важным фактором при взаимном общении (об этом ср. Nachtigall 1922:26). Конечно, этому способствовала его любовь к истории языка и сравнительной грамматике славянских языков. Впрочем, он упоминает о своем интересе и к словенскому ударению в Nachtigall 1922:12. На семинаре Ягича он, будучи еще студентом, прочел доклад о зависимости между ударением и качеством гласных в словенском языке.

В 1922-ом году, после того как Нахтигал переехал в Люблян (1918) и работал там профессором первого словенского университета, вышла его книга *Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung. I. Substantiva auf Konsonanten* (Nachtigall 1922), которая была задумана как первый том большого сборника работ о русской акцентуации. В предисловии к книге мы читаем, что рукопись была окончена в 1912-ом году. Из-за первой мировой войны и по причине того, что типографский набор был довольно сложным, печатание книги задерживалось. Но это, казалось бы, несчастливое обстоятельство способствовало тому, что Нахтигал позднее смог добавить многочисленные примечания и исправления к тексту. К сожалению, закончить собрание ему не удалось, но Нахтигал обширно описывает правила русского ударения в книге Nahtigal 1946 и, конечно, рассматривает славянское ударение в книге Nahtigal 1938/1952.

2 Закон Фортунатова-де Соссюра

Цель книги Nachtigall 1922 – познакомить читателя с историей русского ударения и с правилами русского современного ударения, а цель книги Nahtigal

1946 – познакомить читателя со всеми уровнями грамматики русского языка, в том числе и с ударением. Его историческое толкование русского и славянского ударения опирается на акцентологический закон Фортунатова-де Соссюра. Этим законом Нахтигал объясняет подвижное ударение в современном русском языке. Де Соссюр сформулировал этот акцентологический закон для литовского языка, а Фортунатов расширил закон для балто-славянского времени, или, другими словами, он доказал, что этот закон действовал также в праславянском языке. Фортунатов приводит данный закон в разных местах своего сочинения, ср. особенно:

Длительная¹ долгота еще в литовско-славянском языке переносила на себя ударение с предшествовавшего слога, если последний не имел сам длительной долготы. (Фортунатов 1897:62)

Словами Нахтигала определение закона Фортунатова следующее:

Wenn nach einer Silbe mit einer Intonation, welche dem heutigen slav[ischen] fallenden oder lit[auischen] schleifenden Ton entsprach, oder welche kurze Vokale besaß, eine andere Silbe mit der entgegengesetzten Intonation folgte, welche dem heutigen slav[ischen] steigenden oder lit[auischen] gestoßenen Ton entsprach, so zog letztere den Wortton an sich. (Nachtigall 1922:7)

Кроме этого закона Нахтигал упоминает в сравнительной грамматике и об акцентологическом законе Хирта, по котором в двухсложных словах с различными слоговыми интонациями ударение перешло со слога с нисходящей интонацией на слог с восходящей интонации, или а) с предпоследнего слога на конечный слог, или б) с конечного слога на предпоследний слог (Нахтигал 1963:53, ср. Nahtigal 1952:22).²

Нахтигал всю жизнь верил в действие закона Фортунатова. Можно добавить, что также и его учитель Вондрак, принимал этот закон за факт (Vondrák 1906:197). Нахтигал повторяет и излагает этот закон также в научно-популярной книге о русском языке (Nahtigal 1946:136, относительно Фортунатова ср. также Lehfeldt 2009:9–10). Данный закон предполагает, что в балто-славянском языке каждый долгий гласный имел свою интонацию, а каждое слово свое ударение. При этом некоторые гласные были всегда долгими, а другие короткими. Длительность гласных являлась нефонологическим признаком. Некоторое время интонации были тоже автоматическими. Можно предположить, что морфемы, большинство которых были односложными,

1 Предполагается, что длительность индоевропейских гласных отвечает восходящей интонации в балто-славянском языке, тогда как короткие гласные имели нисходящую интонацию (Nahtigal 1952:20).

2 Закон Хирта (Hirt 1895:91–94) объясняет некоторые различия относительно места ударения между балтославянским и греческим или стариндийским языками, нпр. стинд. grīvá : рус. грѣва, сх. grīva и др. (Nahtigal 1952:23). Здесь мы могли бы еще привести закон Лескина, по которому, после действия закона Фортунатова-де Соссюра, долгие гласные в конце слова сокращались (см. Garde 1976:193). Этот закон, однако, не влияет на место ударения.

имели определенные свойства, а взаимодействие всех морфем определяло место ударения и интонацию слова.

Закон Фортунатова-де Соссюра объясняет подвижное ударение в праславянском языке. Нахтигал показывает это на примере подвижного русского ударения типа *голова́*³ : *го́лову*, *го́ловы* : *го́лов* : *голова́м*. Полногласие показывает праславянские интонации: словоформы *го́лову*, *го́ловы* имели циркумфлекс (нисходящую интонацию) некогда односложной морфемы **голь-*, а в словоформах *голова́*, *голова́м*, окончание имело акут (восходящую интонацию), и из-за этого окончание привлекало ударение на себя (Nachtigall 1922:8–9).

Известные современники подтверждали точку зрения Нахтигала о глубокой древности этого закона (нпр. Кульбакин 1923/24:727–728), но одновременно отрицали, что в род. п. *го́лов* действовал закон Фортунатова. Они считают, что здесь речь идет о метатонии (Белич 1922/23:172, Кульбакин 1923/24:728).

Синхронная и диахронная части книги (Nachtigall 1922) неразделимы. Число слов, которые обсуждаются, достаточно большое: индекс слов в конце книги охватывает примерно 1900 слов. Нахтигал описывает правила акцентных изменений во всех славянских языках, нпр. сдвиги места ударения в словенском и сербохорватском языках (часто приводит чакавские примеры), или параллели словенского и болгарского места ударения в примерах как слов. *zlató*, болг. *zlatò*, а также качественные и количественные изменения гласных в некоторых славянских языках.

Нахтигал сравнивает русские примеры с соответствиями из других славянских языков, особенно из словенского и сербохорватского, реже и других языков, нпр. *òсень*, диал. мест. п. мн. ч. *в осе́нях*, *осе́нями* = *òсенью*, сх. *jěšēn*, слов. *jesén* (Nachtigall 1922:43).

Польский языковед Е. Курьлович отрицал действие закона де Соссюра еще с 1931-го года, утверждая, что безударные гласные не имели интонаций. Он формулирует свое мнение следующим образом:

Dès 1931 (...) nous avons maintenu que les prétendues lois de Leskien et de Saussure consistaient en un découpage erroné de cause (A) et effet (B), dû à l'intercalation d'un facteur X étranger au phénomène en question.

A = abrègement des voyelles longues en final

B = déplacement de l'accent (...)

X = intonation rude de la finale.

...

3 В Nachtigall 1922 обозначается место ударения в русских примерах знаком ` , в других сочинениях знаком ´. Мы пользуемся во всей статье знаком ` . Все примеры у Нахтигала (1922) в старой орфографии. В нашей статье они переносятся в современную орфографию. В других сочинениях Нахтигал употребляет современную орфографию. В словенских и сербохорватских примерах употребляются условные знаки.

On peut donc parler d'une coïncidence des voyelles longues et brèves en finale absolue comme d'un phénomène fondamental lequel, dans des conditions spéciales, aurait entraîné une différenciation de l'accent: maintien de l'accent devant une ancienne brève, son déplacement sur une ancienne longue qui s'abrège. (Kuryłowicz 1958:205)

Только после второй мировой войны сомнения о законе Фортунатова размножились. Первый, кто энергично выступал против Фортунатова, был Хр. Станг:

... in my opinion, it cannot be stated that Slavonic shows any after-effects of the old intonation difference in final syllables. The long vowels are in principle shortened in the final syllable, and whether these were originally circumflex or acute is of no significance in this case. (Stang 1958:14, и на других местах)

После Станга на реконструкции балтославянского ударения работали, в основном, В. М. Иллич-Свитыч и В. А. Дыбо. Дыбо и его сотрудники доказывали, что у непроемных слов различаются два типа ударения, а именно а) неподвижное ударение на корне и б) подвижное ударение, причем некоторые словоформы имели ударение на окончании, тогда как другие были т.наз. словоформы-энклиномы. У производных слов три типа ударения, а) неподвижное ударение на корне, б) подвижное ударение, в) ударение на суффиксе (Lehfeldt 2009:37–55). Это значит, что концепция толкования акцентологических парадигм менялась от описания фонетических процессов до морфонологических (Дыбо 2006:5).

Главное различие между старой (фонетической) и новой (морфонологической) концепциями славянского ударения состоит в том, что теперь гипотеза двух равномерных интонаций не нужна. Предполагается существование словоформ с определенным автономным ударением и словоформ, ударение которых определяется автоматически в зависимости от их положения. Это – энклиномы (Зализняк 2014:10). Если такая словоформа не связана с кликами, то ударение падает на первый слог, нпр. *гòлову*, *гòловы*, в других словоформах на окончание. Слово типа *берёза* имело неподвижное ударение на втором слоге основы. Сторонники старой концепции говорят в первом случае о нисходящей интонации (циркумфлексе) и о восходящей (акуте) во втором.

3 Ударение современного русского языка

Попробуем резюмировать описание русского ударения по книгам Нахтигала (1922 и 1946).

Имена существительные женского рода на *-ь* имеют три типа ударения: а) подвижное ударение (в балто-славянском нисходящее ударение), причем

в ед. ч. ударение на основе, а во мн. ч. от род. п. на окончании. Одновременно в мест. п. ед. ч. с предлогами *в, на*, а реже *при* – ударение на окончании (1922:35–50, также 1946:152–153), нпр. *связь, связи, в связи* : *связи, связей, связям*; другие примеры *вѡлость, дрѡжди, цѣрковь*, двухсложные с безударными суффиксами *ѡсень, лѡшадь, скѡтерть, ѡбласть*; – б) Неподвижному ударению (1922:51–68) в балто-славянском языке соответствует восходящее ударение; оно реже первого типа. Примеры: *баснь, бить, выль* итд., *pluraletantum гўсли, гўслей / гўсель*, краткие *у*-основы *мѡрковь, свекрѡвь*, двухсложные с ударными суффиксами *колыбѣль, печаль, гортань*, с безударными и ударными префиксами *напѡсть, постѣль, вѣпись, пѡмѡть* итд. – в) Ударение на окончании (1922:68–73) имеется у имен существительных с беглым гласным, нпр. *ложь лжѣ*, у числительных, нпр. *дѣсять дѣсятѣ дѣсятѣю*, и у имени существительного мужского рода *путь пѣтѣ*.

Подвижному типу соответствует в словенском и сербохорватском языках нисходящая интонация (за исключением известных падежей), ср. *вѡлость вѡлости, вѡлости, волостѣй, волостѣм*, слов. *lást lastí lásti, lásti lastí lastém*, сх. *vlást vlásti vlásti, vlásti vlásti vlástima*, а неподвижному типу соответствует в словенском и сербохорватском языках восходящая интонация, прг. слов. *dlàn dláni*, сх. *dlàn dlàna*, причем надо иметь ввиду более поздние изменения этих двух языков, которые точно Нахтигал описывает.

У существительных мужского рода Нахтигал различает следующие три группы (1922:76–257): 1) с передвижением ударения начиная с род. п. мн. ч., 2) с передвижением начиная с им. п. мн. ч., и 3) с конечным ударением. В первой группе различает две подгруппы, а) существительные с окончанием *-ей*, б) существительные с окончанием *-ов* в род. п. мн. ч. В подгруппу а) входят старые *i*-основы или существительные, к ним примкнувшие. У существительных с исконно нисходящей интонацией подвижное ударение (причем в мест. п. нет ударения на окончании); тип *гость гѡстя, гѡсти гостѣй гостѣм*, односложные *гусь, зверь*, *plurale tantum лѡди*, двухсложные с беглым гласным *кѡготь, лѡкоть*, двусложные *гѡлубь, жѣлудь*, на шипящие *мужь, ѡвоц*. Южнославянские примеры соответствуют русским, нпр. сх. *gŏst gŏsta, ljŭdi ljŭdi, gŏlŭb*, слов. *ljudjê ljudí, golŏb*. Они подтверждают передвижение ударения от род. п. мн. ч. дальше, по аналогии *зять зѣтя, зѣтѣй, ѷголь*, сх. *zèt, ŷgal'* (1922:84). Если интонация была восходящая, то ударение неподвижное, нпр. *медвѣдь* (старая *i*-основа), *хѡлон*, мн. ч. *хѡлони, сосѣд*, мн. ч. *сосѣди*. Слов. *sŏsed* (ω = открытое *o*) *soséda* доказывает, что восходящая интонация является более старой. Ударение на окончании в примерах типа *огѡнь огнѣ*. Сюда надо причислить другие имена существительные, которые

имеют постоянное ударение в им. п. мн. ч. на основе, нпр. *гвоздь гвоздѣ, гвѣзди гвоздѣй; конь конѣ, кѣни конѣй*. В группе 1 б) (1922:95–106) находим односложные слова типа *вор вѣра, вѣры ворѣв, волк вѣлка, вѣлки волкѣв, вѣ-тер*. Неодушевленные в мест. п. могут иметь -ѣ; у них в им. п. мн. ч. могут появиться рядом словоформы на -ѣ (*луг, мн. ч. лугѣ лугѣв, рог рѣги / рѣгѣ*). Из *о*-основ сюда причисляются только односложные слова с нисходящей интонацией.

К группе 2) (1922:106–124) причисляются *и*-основы и к ним примкнувшие *о*-основы с нисходящей интонацией. В их состав входят односложные, неодушевленные на твердый согласный, которые в мест. п. ед. ч. почти всегда имеют -ѣ (*чин чѣна чинѣ, верх вѣрха верхѣ*). Встает вопрос, является ли конечное ударение в им. п. мн. ч. старым или оно обусловлено тенденцией к чередованию между единственным и множественным числами. Такое противопоставление преобладает у существительных среднего и женского рода, оно способствовало также ударному -ѣ в им. п. мн. ч. имен существительных мужского рода.

Сравнение со словенским и сербохорватским языками показывает, что интонация была нисходящая в группах 1) и 2), хотя имеются исключения и колебания, ср. *бог : богѣв, сх. bŏg bŏga, слов. bŏg bogŏ; бор борѣ, сх. bŏr bŏra*. Все-таки примеры с конечным ударением или восходящей интонацией в южнославянских языках присутствуют, нпр. *гроб грѣбы / грѣбы, сх. grŏb grŏba, слов. grŏb grŏba, долг долгѣ, сх. dŏg, слов. dŏlg, итд.* Во вторую группу входят – если не учитывать заимствованные слова а) отглагольные корни как *вал, воз, вес, жар* и др., б) *у*-основы и к ним примкнувшие, нпр. *бор, верх, зад, мѣд, стан, сын*, в) основы преимущественно оканчивающиеся на заднебный согласный, нпр. *мозг, мех, стяг, шаг*, и некоторые другие, нпр. *нос, сыр, час*. Создается впечатление, что русский язык отказывается от ударения на основе в им. падеже в отличие от остальных падежей, кроме тех имён существительных, которые обозначают одушевленные существа. У неодушевленных существительных встречается регулярно побочная форма на -ѣ (*бокѣ, бегѣ, векѣ, глазѣ*), тогда как в группе слов с ударением на основе такие формы редкие. Наличие двух форм способствует семантическому различению, нпр. *мехѣ : мехѣ, цветѣ : цветѣ*. Мест. п. на -ѣ / -ю также в связи с *у*-основами (им. п. мн. ч. на -ѣ). Итак, передвижение ударения от им. п. мн. ч. является свойством *у*-основ, а от род. п. мн. ч. свойством *и*- и *о*-основ с нисходящим ударением.

В группе 3) (1922:179–251) мы встречаем ударение на окончании у *о*-основ (с редкими исключениями), у корней и суффиксов, редко у слов с префиксом.

Односложные примеры *двор двора́, грех, нож, ключ, дождь, бич, борщ, врач* итд., с беглым гласным *сон сна, огонь огня́, угол угла́, узел узла́, венók, отец* итд., со старыми суффиксами *вихор, ковёр, кремён, плетён*, с продуктивными суффиксами: *белók, венók, мешók, знатók* итд., двухсложные *лишай лишая́, осётр, комár, журавль, очаг, багаж* итд., с продуктивными суффиксами и ударением на окончании: *овчár, буквár, башимак, дура́к, моря́к, двойник, барсу́к, сунду́к, балы́к, брюха́ч, Москви́ч, грабёж*. Как видно, Нахтигал причисляет сюда заимствования из тюркских языков, у которых о суффиксе говорить нельзя.

Ударение других имен существительных объясняется в книге *Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči* (Nahtigal 1946). В данной книге, конечно, меньше исторических объяснений.

У существительных среднего рода (1946:142–144) различаются четыре типа: а) неподвижное ударение на основе (старая восходящая интонация), нпр. *болото́, богáтство, крѣсло*, б) двусложные со старой нисходящей интонацией, причем ударение в ед. ч. на основе, а во мн. числе на окончании, нпр. *море́ : моря́, поле́, сло́во, зѣрало*. Этот тип расширился на существительные с первоначально восходящей интонацией, нпр. *дело́ : дела́, лето́* (в слов. языке в таких случаях метатонический циркумфлекс, нпр. *дѣла, лѣта*), в) ударение в ед. ч. на окончании, а во мн. ч. на корне, нпр. *селó : сѣла, бедрó, веслó, долотó : долoта, ремеслó* и т. д., г) многосложные производные существительные с постоянным ударением на окончании, нпр. *веществó, торжествó, лезвeё́* (так!) и т. д. У основ на *-теп* ударение в ед. ч. на первом слоге, в мн. ч. на окончании (*имя́ имени́ : именá*, исключение *знáмя*), словоформы с **-et-* имели восходящую интонацию, которая всегда является ударной, нпр. *дитя́, ребята́* итд.

Имена существительные женского рода на *-а* (1946:145–150) имеют четыре типа парадигм: а) при старой восходящей интонации постоянное ударение на основе, нпр. *ворoна, дорoга, ба́ба, гри́ва*, ср. сх. *bàba, grìva*, б) двусложные (при полногласии трехсложные) слова, которые имели нисходящую интонацию на корне; при них место ударения переходит на восходящую интонацию окончания, т.е. на все окончания кроме вин. п. ед. ч. и им.-вин. п. мн. ч., нпр. *голова́ : гoлову, гoловы́ : гoлов головам, вода́, борода́, сковородá, рука́* итд., в) третий тип соответствует типу б), но имеет ударение в вин. п. ед. ч. на окончании, нпр. *женá жену́, сестра́ сестру́* итд., во мн. ч. расширяется ударение на основе: *жѣны жѣнам*. В трехсложных словах ударение оттягивается за один слог, нпр. *высота́ : высоты́*. В типе г) ударение на окончаниях, в большинстве речь идет о производных словах, редко о других: *княжнá* род. п. мн. ч. *княжoн, мечтá, статья́, чертá* и др.

Ударение имен прилагательных (1946:167–171) зависит от подвижного ударения коротких словоформ и их отношения к длинным словоформам. Существует три типа ударения, которые лучше всего иллюстрируются полногласными словами: а) неподвижное ударение (восходящая интонация на основе), нпр. *здòров здорòвый* (сх. *zdràv*), б) подвижное ударение (нисходящее ударение), нпр. *дòрог дорогà дорогòй* (сх. *dràg*), *мòлод молодòй*, в) ударение на окончаниях, нпр. *коротòк короткà короткì корòткий, хорòди*.

Некоторые прилагательные, первоначально принадлежавшие к прилагательным типа а) перешли в тип б), как видно из сербохорватского языка, нпр. *прав правà (pràv)*, *пòлон полнà (pùn)* и др. К типу б) принадлежат такие слова как *бос босà босòй (bòs)*, *глух глухà глухòй (glùh)*, *густ, жив*, итд. У второстепенно ударяемых (производных) прилагательных типа б) ударение у длинных словоформ на последнем слоге основы: *вèсел веселà весèлый, гòлоден голоднà голòдный*. Конечное ударение у примеров *добр добрà дòбрый, высòк, тяжèл, умён, легòк* и т.д. В редких примерах ударение во мн. ч. кратких форм падает на основу: *гол голà голò : гòлы*.

При глаголе (1946:190–204) владел тот же самый акцентологический закон как у имен. Окончания, которые могли привлечь ударение на себя, были 1. лицо ед. ч. наст. вр. -*у*, повел. накл. -*и*, инф. -*ти*, праet. fem. -*à*.

Различаются следующие типы ударения: а) Восходящая интонация на корне I. разряда (тематический гласный -*e*): *лезть лèзу* (сх. *lèsti*), против *нести несù несèи* (сх. *nèsti*), б) Восходящая интонация других разрядов в отличие от нисходящей с ударением на тематическом гласном звуке: II. *двìнуть двìну двинь* (сх. *dìgnuti*), в отличие от *вернùть вернù вернìи* (сх. *vrnuti*), III.₁ *слùшать слùшаю слùшай* (сх. *slùšati*), *умèть*, III.₂ *вìдеть* (сх. *vìdjeti*), *сльìшать* (сх. *slìšati*) в отличие от *сидèть сижè* (сх. *sjèditi*), *лежàть, стоять*, IV. *чìстить* (сх. *čìstiti*), в отличие от *говорìть* (сх. *govòriti*), *носìть*, V.₁ *кùшать* (сх. *kùšati*) в отличие от *читàть читàю* (сх. *čitati*); у производных глаголов ударение как у имени существительного, нпр. *дèлать* от *дèло*; V.₂ *плàкать плàчу* (сх. *plàkati*) : *писàть пишù* (сх. *pìsati*), VI. *радòвать* (сх. *ràdovati*) : *дарòвать* (сх. *daròvati*). Префикс *вы-* у глаголов совершенного вида является ударным, нпр. *выìскочить* : *выскàкивать*.

Некоторые глаголы I. разряда с восходящим гласным по аналогии имеют ударение на окончании, нпр. *кладь кладù* (сх. *klàsti*), *насть*. Глаголы с формантом -*e*-, -*не-* имеют ударение на окончании, если в 1. лице ударение на -*у*, нпр. *несù несèишь, вернù вернèишь*. В классе V.₂ наступила метатония: *писàть пишù* : *пишешь, колòть, молòть*, по аналогии *могù, стонù*. Глаголы

IV. класса нередко имеют метатонию, нпр. *ношу* : *носишь*; гласный *-i-* в основе класса III₂ имел восходящую интонацию: *сижу* *сидишь*.

Прошлое время (причастие на *-л*) подобно как у коротких форм имен прилагательных. Когда корень имел восходящую интонацию, ударение неподвижное: *сесть сел сѣла* (сх. *sjěsti*), а если гласный корня имел нисходящую интонацию, то в женском роде *-à*, нпр. *умер* : *умерла*, *жил* *жило* : *жила*, по аналогии также глаголы V₃ *брал* *брала* и др. В прош. вр. типа б) передвигается ударение в возвратных словоформах на конец, нпр. *начатой* *начат* *начатà*, *начался* *началась*. К типу с ударением на окончаниях слышат только глаголы I. разряда, нпр. *вел* *велà* *велò* *велì*. Причастие на *-ен -и* имеет ударение на окончаниях, если в корне восходящее ударение: *ведён -à -ò -ы*.

4 Вывод

Целью акцентологических работ Нахтигала является описание ударения в современном русском языке и его историческое толкование. Для изучающих русский язык особенно сложным является подвижное ударение. Этим вопросам Нахтигал уделял большое внимание. Также после Нахтигала были разные попытки описания русского ударения как для учебных целей, так и для толкования истории русского языка. Такую двойную цель имеет нпр. Kiparsky (1962); другие авторы предпочитают либо описание современного либо исторического ударения русского языка.

Современники Нахтигала опирались – как и он – на закон Фортунатова-де Соссюра, хотя и с некоторыми различиями. Ван Вайк пишет в предисловии ко второму изданию своей книги, что не совсем согласен с Нахтигалом (1922), потому что тот переносил закон в балтославянское время, но считает, что его книга имеет большое значение как собрание критических наблюдений диалектологически-акцентологического материала (vanWijk 1958:7). Другие авторы (Белич, Кульбакин) соглашаются по поводу значения собрания большого акцентологического материала, хотя иногда возражают относительно его исторической интерпретации.

Нахтигал принадлежал к сторонникам фонетического толкования истории славянского ударения, но он все-таки заметил, что при интерпретации фактов играют роль также семантические, фонетические и морфологические факторы современного языка.

Нам известно, что впервые высказал свои сомнения по поводу действия закона Фортунатова-де Соссюра Курылович в тридцатые годы 20-го века, но только Станг доказал, что этот закон не действовал в праславянском языке (Stang 1958:15–17, 179). Однако оба имели в виду, что ударение исходных

гласных не зависит от интонаций. Нахтигал принимал возражения критиков насчет метатонии. В книге 1946 он использует термин «метатония», говоря о восходящей интонации – независимо от того, исходная ли она или метатоническая («prvotno ali po metatoniji», стр. 136), он приводит также примеры типа *pisàť tiiu̇* : *pišiesi̇* (1946:194).

Фонетическая интерпретация подвижности русского ударения не объясняет все данные. Исследователи говорили об аналогичных изменениях, когда данные не отвечали фонетическим законам, и мало раздумывали о морфологической функции русского ударения. Все-таки, Нахтигал склонялся к тому, что существует тенденция противопоставления чисел, особенно у существительных женского и среднего рода; такая тенденция способствовала также окончанию *-à* у существительных мужского рода (1922:107), иногда с семантическим различием, причем категория одушевленности также играет определенную роль (1922:134, 172). Также он заметил важную роль фонетической формы окончания основы. Окончание на мягкий согласный означало, что исторические *i*-основы мужского рода перешли в целом в группу существительных мужского рода на мягкий согласный (1922:91–92). Несколько раз он говорит о том, что ударение в известных случаях связано с категорией одушевленности. И, наконец, семантика слова тоже играет свою значительную роль, нпр. он заметил, что названия рыбы (*òкунь*, *òмуль*, *лòсось* [так!]) и названия других животных (*гòлубь*, *лèбедь*, *сòболь*) имеют одинаковое ударение, причем их фонетическая форма (двухсложные слова с ударением на первом слоге) также существенна (1922:84).

Таким образом можно сделать вывод, что Нахтигал был сторонником фонетического объяснения русского ударения, но уже видел другие факторы, влияющие на современное русское ударение.

Литература

Сочинения Нахтигала

- Nachtigall, R., 1922: *Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung*. I. Substantiva auf Konsonanten. Heidelberg: Winter.
- Nahtigal, R., 1946: *Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči*. Ljubljana: Državna založba Slovenije.
- Nahtigal, R., 1952: *Slovanski jeziki*. Druga, popravljena in pomnožena izdaja. Ljubljana: Univerza, Filozofska fakulteta. [первое издание 1938]
- Nahtigal, R., 1961: *Die slavischen Sprachen. Abriss der vergleichenden Grammatik*. Deutsche Fassung besorgt von Joseph Schütz. Wiesbaden: Harrassowitz.

Нахтигал, Р., 1963: *Славянские языки*. Под редакцией и с предисловием проф. С. Б. Бернштейна. Москва: Издат. Иностранной Литературы.

Другие авторы

Белич А., 1923 = А. Белић: R. Nachtigal, Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung... *Южнословенски филолог* 3 (1922/23), 170–174. [оценка]

Дыбо, В. А., 2006: Сравнительно-историческая акцентология, новый взгляд: По поводу книги В. Лефельдта «Введение в морфологическую концепцию славянской акцентологии». *Вопросы языкознания* 2006/2, 3–27.

Зализняк, А. А., 2014: *Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь*. Москва: Языки славянской культуры.

Кульбакин, С., 1923/24: R. Nachtigal: Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung... 1922. *Slavia* 2, 726–732. [оценка]

Фортунатов, Ф. Ф., 1897: Критический разбор сочинения Г. К. Ульянова «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке». Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1895 г. *Сборник отделения русского языка и словесности АН* 64/11, 1–158.

Garde, P., 1976: *Histoire de l'accentuation slave*. Tome premier. Paris: Institut d'études slaves (Collections de manuels de l'Institut d'Études slaves, VII/1).

Hirt, H., 1895: *Der indogermanische Akzent. Ein Handbuch*. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner.

Kiparsky, V., 1962: *Der Wortakzent der russischen Schriftsprache*. Heidelberg: Carl Winter.

Kolarič, R., 1948: Prof. Dr. Rajko Nahtigal (1877-1947). *Slavistična revija* 1, 95–100.

Kuryłowicz, J., 1958: *L'accentuation des langues indo-européennes*. Wrocław–Kraków (PAN, Komitet językoznawczy. Prace językoznawcze, 17).

Lehfeldt, W., 2009: *Einführung in die morphologische Konzeption der slavischen Akzentologie*. Mit einem Appendix von Willem Vermeer. 3., verbesserte und ergänzte Auflage. München: Sagner (Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik, 49).

Stang, Ch. S., 1958: *Slavonic Accentuation*. Oslo: Universitetsforlaget.

Tomšič, F., 1957: Prof. dr. Rajko Nahtigal osemdesetletnik. *Slavistična revija* 10, 1–9.

Tomšič, F., 1958: Rajko Nahtigal. *Letopis Slovenske akademije znanosti in umetnosti* 9, 63–67.

- Vondrák, W., 1906: *Vergleichende Slavische Grammatik*. I. Band. Lautlehre und Stammbildungslehre. Göttingen: Vandenhoeck und Rupprecht.
- van Wijk, N., 1958: *Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssysteme*. Zweite Auflage. 's-Gravenhage: Mouton. [первое издание 1922].

Summary: Nahtigal's Research on Russian and Slavic Accentuation

Rajko Nahtigal finished his studies at the University of Vienna in 1900. Following the encouragement of his teacher, Vatroslav Jagić, he went to Russia in order to improve his knowledge of the Russian language and to acquaint himself with new trends in Russian linguistics and slavistics. He spent two years (1901–1902) in Moscow and St. Petersburg. There, he met famous linguists and Slavists such as F. F. Fortunatov, whose accentological theory exerted a significant influence upon him. After his return to Vienna, Nahtigal taught Russian at the University and elsewhere over the course of ten years. One can imagine that he became especially interested in Russian accentuation since he was not a native speaker of that language. His love for the history and comparative grammar of Slavic languages contributed to him making accentology one of his main subjects of research. In 1922, his book *Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung* was published. The book was planned to be the first volume of a comprehensive study of synchronic and diachronic Russian and Slavic accentology. It describes the accent paradigms of Russian substantives with zero endings in the nominative singular. However, Nahtigal's plan remained unfulfilled. In his book *Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči* (1946), he presented a description of Russian phonetics and inflection, which contained, among other things, a comprehensive description of Russian accent paradigms. The origin of Slavic movable stress is also taken into consideration in Nahtigal's comparative grammar *Slovanski jeziki* (first edition 1938, second 1952). Nahtigal's views on Russian and Slavic accentuation are presented in this article.

Key words: Rajko Nahtigal, stress in modern Russian, Slavic comparative grammar, history of Russian movable stress

Rajko Nahtigal in *Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči* ter izdaja *Slova o polku Igořevě*

Aleksandra Derganc

Univerza v Ljubljani, Ljubljana

V prispevku obravnavamo najpomembnejši Nahtigalovi rusistični deli iz obdobja, ko je bil profesor na ljubljanski univerzi: *Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči* in znanstvenokritično izdajo *Slova o polku Igořevě*. Prvo delo je predvsem zgodovinski in primerjalnoslavistični prikaz ruskega jezika, relevanten zlasti za slovenskega bralca, hkrati pa pri opisu fonetike in deloma stilistike (vloga cerkvenoslovanizmov) tudi pomemben prikaz sodobne ruščine. Izdaja *Slova* je zaradi filološke natančnosti in bogatih komentarjev dragocen vpogled v starorusko jezikovno in literarnokulturno zgodovino. Obe deli odlikujeta temeljitost in zanesljivost, zaradi česar še danes nista izgubili aktualnosti.

Ključne besede: Rajko Nahtigal, rusistika, Univerza v Ljubljani, *Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči*, *Slova o polku Igořevě*

1

Rajko Nahtigal velja za utemeljitelja univerzitetne rusistike v Ljubljani. V prispevku bi rada ponovno spregovorila o dveh pomembnih Nahtigalovih rusističnih delih, ki sta nastali v času, ko je bil profesor na ljubljanski slavistiki, in sicer o knjigi *Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči* (1946) in o znanstvenokritični izdaji *Slova o polku Igořevě* (1954) (prim. tudi Derganc 2002). O naglasoslovnem delu *Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung. I. Substantiva auf Konsonanten*, ki je izšlo v Heidelbergu l. 1922, v tem zborniku piše G. Neweklowsky.

Nahtigal je po diplomi na dunajski univerzi pri Vatroslavu Jagiću kot štipendist avstrijske vlade bival v letih 1901–1902 na študijskem izpopolnjevanju v Moskvi in Peterburgu. Kot piše Jakopin, je Jagić Nahtigalu svetoval, kako naj se vživlja v ruske razmere in s kom naj se družijo, da bo čim hitreje prodril v jezikoslovno atmosfero Fortunatova (Jakopin 1977:120).

Sam o svojem bivanju v Rusiji piše Nahtigal v uvodu v *Ruski jezik* (VII–VIII):

»Moje bližje poznanje Rusije in ruskega jezika sega v l. 1901-2, ko sem kot mlad doktor slavistike, učenec V. Jagića, bival na dvoletnem študijskem potovanju v Rusiji, nad eno leto v Moskvi, več mesecev v Leningradu [...]. V Moskvi sem mogel občevati predvsem z velikim ruskim jezikoslovcem F. F. Fortunátovom, v Leningradu z znamenitim rusistom A. A. Šahmatovom, a vrstniki so mi bili poleg drugih kasneje znani rusisti D. N. Ušakov, N. N. Durnovó in N. N. Sokolov. [...] Po povratku na Dunaj sem nad deset let do svojega imenovanja za univerzitetnega profesorja v Gradcu l. 1913 poučeval ruski jezik na zavodu za vzhodne jezike, eksportni akademiji in kot lektor v seminarju za zgodovino Vzhodne Evrope in v seminarju za slovansko filologijo.«

Naj dodam še nekaj Nahtigalovih opomb o Fortunatovu in Šahmatovu, ki so bile dodane pismom Ivana Prijatelja. Nahtigal je namreč po smrti Ivana Prijatelja 1937 objavil Prijateljeva pisma iz Rusije, Poljske in Francije (1903–4) in jih opremil z opombami. O Fortunatovu piše Nahtigal (Prijatelj 1937:307):

»Najslavnejši ruski lingvist, ki je ustvaril rusko lingvistično šolo.«

O Šahmatovu, katerega jezikoslovni nazori na področju rusistike so imeli na Nahtigala, kot bom skušala pokazati, nemajhen vpliv, piše Nahtigal v istem sestavku (Prijatelj 1937:303):

»Eden največjih ruskih jezikoslovcev, tedaj že redni član petrograjske akademije znanosti in direktor prvega oddelka njene biblioteke ter duša oddelka akademije za ruski jezik in književnost, 1864–1920.«

O tesni in naklonjeni zvezi med Nahtigalom in Šahmatovom priča tudi tale opomba (Prijatelj 1937:313, tudi Jakopin 1977:121):

»Moja želja (tj. Nahtigalova želja, op. A. D.) je bila preiti na službo v Rusijo, kar je podprla tudi neka izjava A. A. Šahmatova v pismu name: Ne prihodilo li Vam v golovu, iskat služby u nas v Rossii. Mnogo Vy mogli by poslužit' zdes' slavjanskoj nauke.«

2

Nahtigalov *Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči* je izšel l. 1946, namenjen je bil učiteljem ruskega jezika, kar je bilo verjetno povezano s tem, da se je prva leta po drugi svetovni vojni v slovenskih srednjih šolah poučevalo ruščino v precej večji meri kot pred vojno. O namenu knjige beremo (Nahtigal 1946:V):

»Namen ji (tj. knjigi, op. A. D.) je predočiti ruski literaturni jezik v znanstveni luči, to je, obrazložiti njegove sestavine, pokazati glasovno in oblikoslovno strukturo v sedanjem stanju in v razmerju do praslovanščine ter njenega reprezentanta starocerkvenoslovanščine, a preko njih tudi do slovenščine, in nakazati razvoj literaturnega jezika iz sožitja s cerkvenoslovanskim pismenstvom v stari Rusiji, na podlagi katerega se je z ene strani izoblikoval ruski grafični sistem, z druge pa z ruskim jezikom v sedanji literaturni organično zrasel poseben, obilen cerkvenoslovanski in s tem južnoslovanski sloj s svojevrstno kulturnopomensko funkcijo.«

Že ta citat je značilen za Nahtigalov jezik: dolgi stavki z razmeroma zapleteno strukturo, vendar ni nobena beseda odveč, treba se je posvetiti smislu vsake.

Ta uvodni stavek današnjega bralca tudi nekoliko preseneča, ko premišlja, kaj je v tej knjigi *poljudnega*. Nahtigal to pojasnjuje v naslednjem odstavku (Nahtigal 1946:V):

»Ker pa naj knjiga ne služi le slavistu, učitelju, temveč tudi univerzitetnemu slušatelju in takšnega znanja željnemu inteligentu sploh, so izvajanja podana v kolikor toliko poljudni obliki. Ne samo iz tega razloga je vsaka ruska beseda fonetično transkribirana in opremljena s slovenskim prevodom in glavnim pomenom – saj imajo tudi po poreklu iste besede v ruščini in slovenščini mnogokrat različen pomen.«

Iz teh uvodnih besed lahko sklepamo, da je *znanstveno* obravnavanje jezika za Nahtigala predvsem historično in primerjalnohistorično: pri opisu glasovnega in oblikoslovnega sestava sodobne ruščine se mu zdi pomembno razložiti sodobno stanje glede na zgodovino jezika in glede na njegove odnose do prajezika – praslovanščine ter – ker gre za ruščino za Slovence – primerjati jezikovni razvoj iz prajezika v ruščino in v slovenščino. V svojo knjigo zajame tudi kratek oris zgodovine ruskega knjižnega jezika, pri čemer mu gre predvsem za določitev cerkvenoslovanizmov v sodobni ruščini, ki se jih da – vsaj načeloma – lepo določiti zaradi njihovih diagnostičnih lastnosti, kot jih je ugotovila primerjalna slovanska slovnica. Tisto, kar je Nahtigalu *poljudno* – kot sam izrecno označi fonetično transkripcijo in prevod ruskih besed – bi danes morda ocenili kot *primerno za poučevanje tujega jezika*. Iz tega implicitno nekako izhaja, da problemi poučevanja sodobnega tujega jezika niso neposredno predmet znanosti. Zdi se torej, da se v naslovu in zasnovi knjige jasno kaže odnos historično usmerjenih jezikoslovcev do tega, kaj je predmet znanstvenega raziskovanja pri jeziku: tudi pri opisu sodobnega jezika ima največji razlagalni pomen jezikovna zgodovina. Sodoben opis in to, kar je povezano s poučevanjem tujega jezika, ostaja na robu znanstvenega pre- in poučevanja.

To seveda ne pomeni, da Nahtigal ni zelo dobro poznal problemov pri usvajanju tujega jezika. Iz njegovih izkušenj pri poučevanju ruščine gotovo izhaja misel, da je za dobro praktično obvladanje ruskega jezika potreben pravilen izgovor in naglaševanje, »kar si je treba pridobiti, poleg teoretičnofonetičnega umevanja, tudi s poslušanjem pristnoruske moskovske izreke in branjem akcentuiranih tekstov in verzov« (Nahtigal 1946:V). Še danes velja, da bi bilo najbolje v učbenikih ruščine navajati čim več ruskih zgledov tako, kot jih je Nahtigal: v ruščini z naglasom, čemur sledi izgovor besede v fonetični latinični transkripciji in prevod v slovenščino, torej: »отѣц at'éc 'oče'«. Precej dosledno je opremil ruska lastna imena v besedilu z naglasom: »Ушакóв, Дурновó, Сокóлóв«.

Oris kakega sodobnega jezika, kot ga najdemo v Nahtigalovi knjigi, je dandanes – ko se načeloma precej strogo ločuje sinhrono obravnavanje jezikov od diahronega ter zgodovinska slovnica od zgodovine knjižnega jezika – razmeroma redek, čeprav bi rada opozorila, da nekatere sodobnejše slovnice ruskega jezika vendarle navajajo določene zgodovinske komentarje. Vendar ima tak pristop nedvomno svoje odlike, saj se je treba pri preveč togo pojmovani zapovedi ločevanja sinhronije od diahronije sicer odpovedati vrsti pojasnil, ki jih daje zgodovinsko in primerjalnozgodovinsko (to zadnje je zlasti koristno pri podajanju ruskega jezikovnega sistema Slovincem) jezikoslovje. Z današnjega stališča bi bilo treba te različne pristope le strožje ločevati. Nahtigal marsikdaj vpleta zgodovinsko razlago naravnost v sodobni opis. V poglavju o sodobnem glasoslovju beremo, npr. (Nahtigal 1946:8):

»Le enojen trd ozir. mehak izgovor imajo šumevca spiranta š – ž, afrikata č, sibilant-ska (sičniška) afrikata c ter šumevski skupini šš – žž [...] torej produkti praslovanske palatalizacije. [...] Šumevca š – ž in afrikata c kot produkt praslovanske palatalizacije so se prvotno do XIV. st. izgovarjali mehko (prim. še sedaj mrus. č, npr. отец otec). [...] Po historični pisavi se piše po š – ž še vedno i, po c pa že y. Prim. шить šyt »šivati«, [...] отцы atcy »očetje« itd.«

Seveda taka zgodovinska razlaga lepo pojasni posebnosti ruskega glasoslovnega in pisnega sistema, ki se učencu ruščine sicer lahko zdijo nekakšna naključna zmeda. Vendar bi bilo verjetno danes primerneje ta komentar dati v majhen tisk ali v opombo.

2.1

V poglavju »Glasovi« (Nahtigal 1946:1–92) avtor najprej podrobno oriše sodobni ruski glasovni sistem in njegov odnos do grafičnega sistema, pri čemer, kot omenjeno, pogosto dodaja tako zgodovinske razlage kot paralele s slovenščino (str. 1–56), nato pa izhajajoč iz praslovanskega glasovnega sistema opiše odnos sodobnega ruskega sistema do starejšega stanja – do praslovanščine, stare cerkvene slovanščine in stare ruščine ter do slovenščine (str. 57–92). Nahtigalov oris sodobnega ruskega glasoslovja je natančen in izčrpen, kaže tudi prvine fonološkega opisa, čeprav na splošno velja, da prvi profesorji ljubljanske slavistike strukturalizmu niso bili posebej naklonjeni (Zbornik FF 1989:140). Pri izgovoru ustrezno tedanjemu času opisuje kot knjižni ekajoči izgovor, ikanje pa označi za moskovsko narečno (str. 24).

Pri razvoju glasov iz praslovanščine v sodobne jezike opozarja na eno bistvenih razlik med slovenščino in ruščino: razvoj v smeri nadaljnje palatalizacije in s tem v zvezi nastanek mehkih parnih soglasnikov v ruščini na eni strani ter na razvoj v smeri depalatalizacije in sovpadanja tako obeh redukcijskih vokalov kot *i* in *y* v slovenščini na drugi (str. 59–60). Naštevaje razlik med vzhodnoslovanskimi (vzhs.) in južnoslovanskimi (jsl.) glasovnimi refleksi, ki je pri obravnavi ruščine običajno zaradi posebne vloge jsl. cerkvene slovanščine v ruski jezikovni zgodovini, je za Slovence posebej zanimivo, ker te razlike večinoma označujejo tudi razliko med vzhs. ruščino in jsl. slovenščino (npr. *уха, утро: juha, jutro, осень, озеро: jesen, jezero, зород: grad* itd.). Ob vzhs. polnoglasnih in slovenskih jsl. nepolnoglasnih refleksih opozarja na odraz starega tonemskega naglasa v ruskih oblikah: *вóрон, зóрод* s prvotno padajočo in *ворóна, корóва* s prvotno rastočo intonacijo (str. 78 in dalje).

Ob koncu pregleda poglavja o fonetiki ruskega jezika se mi zdi pomembno poudariti, da je F. Jakopin v svoji slovnici sodobnega ruskega jezika (Jakopin 1968) uporabljal – z manjšimi prilagoditvami – tako fonetično latinično transkripcijo kot Nahtigal, tako transkripcijo pa uporabljamo na rusistiki še danes.

2.2

Poglavje »Oblikoslovje« (Nahtigal 1946:126–205) je nekoliko drugače koncipirano. Nahtigal za vsako pregibno besedno vrsto najprej navede tabelo psl. in stesl. oblik, nato pa komentira sodobne ruske oblike, tu nekoliko redkeje v primerjavi s slovenščino. Novih paradigem tako v knjigi ni in si je treba vzeti zanje sodobno slovnico. Razmeroma veliko prostora je posvečeno naglasnim tipom, dragoceni so zgodovinski komentarji k njim, ki deloma temeljijo na Nahtigalovih lastnih izsledkih, npr. domneva, da je izvor naglasa v im. mn. na končnici pri sam. m. sp. tipa *caды* dualna končnica *u*-jevskih samostalnikov (Nahtigal 1946:VI–VII in 134). Naravno je, da se z razvojem stroke izvor in razvoj nekaterih končnic lahko danes nekoliko drugače razlaga. Vedno bolj se, npr., uveljavlja domneva, da je bil v psl. (in vzhodni slovanščini) im. dvojine osebnega zaimka *vy*, in torej homonimen množinski obliki (Žolobov 1998, Derganc 1998), medtem ko je stesl. *va* sekundarno. Nahtigal navaja samo *va* (str. 154). Iz popolnoma razumljivih razlogov Nahtigal ni mogel upoštevati rezultatov, ki jih je dalo lingvistično ovrednotenje jezika novgorodskih pisem na brezovem lubju (zlasti Zaliznjak 1995).

2.3

V svoji knjigi (1946) Nahtigal tehtno obdela tudi to, kar bi danes imenovali **zgodovina ruskega knjižnega jezika**. Deloma to omenja že v uvodu, več pa v poglavju z naslovom »Cerkvenoslovanski element v sedanjem ruskem literarnem jeziku« (str. 92–126) Nahtigal začenja s kratkim orisom zgodovine ruskega knjižnega jezika. Ta izvajanja so v glavnem v soglasju z mislimi Šahmatova: nastanek pismenstva v Kijeviski Rusiji povezuje s sprejetjem krščanstva v 10. st. in pojavom csl. besedil. Glede prizadevanj npr. Obnorskega, da bi se postavilo začetke staroruskega knjižnega jezika pred to obdobje, Nahtigal kratko meni že v Predgovoru (Nahtigal 1946:X):

»O kakšnem pristoruskem literarnem jeziku pred prenosom stcerkvslov. pismenstva že zbog od tega prevzete pisave ni mogoče govoriti. Da so ruski necerkveni teksti s povsem ruskim necerkvenim pojmovanjem in izrazoslovjem morali zadobiti ruski izraz, je samo po sebi umevno.«

Drugače kot Šahmatov, ki uporablja pogosto izraz stara bolgarščina (Šahmatov 1915:XXXIX), Nahtigal vselej uporablja izraz stara cerkvena slovanščina. O razlogih za tako poimenovanje govori v *Uvodu v slovansko filologijo* (Nahtigal 1949:41 in dalje), poleg Bolgarije pa omenja kot verjeten izvor prinesenega pismenstva tudi Carigrad.

Z reformami Petra I. se je začel ruski jezik polagoma osvobajati csl. vpliva. Po Petrovih reformah se začne porajati »pravi, klasični ruski literarni jezik«, pri katerega nastanku so imeli pomembno vlogo Lomonosov ter drugi literarni

ustvarjalci, ki so »pripravili pot popolnemu razcvetu po takih literaturnih vrhovih« kakor Puškin, Gogolj in Lermontov.

»Ostali pa so seveda po tradiciji v pravopisu in jeziku mnogoteri csl. elementi, ki so organično zrasli z ruskim narodnim jezikom in se ohranili do današnjih dni.« (Nahtigal 1946:95).

»Številni cerkvenoslovanski elementi v ruskem literaturnem in razgovornem jeziku so tudi v kulturnozgodovinskem in sociološkem pogledu zanimivi, ker predstavljajo neke vrste z ruskim jezikom organično zrasle izposojenke za določene pojme [...] višje kulture, knjižne, abstraktne, znanstvene, državoupravne in seveda zlasti cerkvene. Besedotvorno so zložene rabljene v prvi vrsti pri znanstvenih terminih. V mnogih primerih se poleg cerkvenoslovanskih dublet [...] nahajajo tudi domači izrazi v rusko fonetični obliki s prvotnim bolj realnim, konkretnim pomenom.« (Nahtigal 1946:97).

Poglavitni namen tega poglavja je sistematičen prikaz tistih jezikovnih značilnosti, po katerih lahko na podlagi primerjalnozgodovinske metode v knjižni ruščini prepoznamo genetične cerkvenoslovanizme. V tem delu Nahtigal tesno sledi izvajanjem Šahmatova. Nahtigal citira v *Predgovoru* in v *seznamu literature*, pa tudi v samem poglavju (Nahtigal 1946:107) njegov *Очерк русского литературного языка*, 2. izd. (Šahmatov 1930), ki meni ni bil dostopen, pač pa nemški prevod tega dela (4. izdaja iz leta 1941) v knjigi, kjer je dodan komentar G. Y. Shevelova (Šahmatov, Shevelov 1960). Ob primerjavi tega poglavja z delom Šahmatova se izkaže, da mu Nahtigal tesno sledi, a hkrati obravnava gradivo Šahmatova samostojno in suvereno (podrobneje o tem Derganc 2002).

Kritika, namenjena s strani Shevelova Šahmatovu, več ali manj velja tudi za Nahtigala. Gre pač za mladogramatični pristop, ki se prerigorozno opira na fonetične diagnostične lastnosti in manj na konkretno zgodovino posameznih besed. Vsekakor se je fokus raziskav starega vprašanja csl. elementov v ruščini premaknil od genetičnega izvora, ki so ga bolj ali manj uspešno rešili mladogramatiki, proti njihovi funkcionalni, stilistični, tudi simbolni vlogi v vsakokratnem sinhronem prerezu ruskega jezikovnega položaja ob konkretnih raziskavah besedil.

Če smo pripravljene za termini razumeti vsebino, je treba priznati, da se slika zgodovine ruskega knjižnega jezika, ki jo je predstavil Nahtigal (v glavnem po Šahmatovu), ni toliko spremenila, kot dopolnila. Da je tudi Nahtigal čutil, da je bil jezikovni položaj v starejših obdobjih drugačen kot sodobni, priča njegovo izražanje: za prva obdobja uporablja izraz *pismeni jezik*, za nastajajoči knjižni jezik v 18. st. pa izraz *pravi literaturni jezik*.

3

Nad vse pomembna je Nahtigalova izdaja *Slova o polku Igo'evě* (1954). Nahtigal seveda v avtentičnost besedila ni dvomil. Tudi tu bi lahko videli vpliv Šahmatova. Ob tem bi namreč rada opozorila, kako se je Jakobson spominjal, da mu je njegov

učitelj Šahmatov svetoval, naj izlušči izvirno besedilo *Slova*, ki se je po prepričanju Šahmatova jasno kazalo izpod plasti, dodanih ob kasnejših prepisih. Šahmatov je tudi poudarjal arhaične poteze besedišča, oblikoslovja in skladnje, prepletene s kasnejšimi in csl. črtami (Jakobson 1966:654):

»When reading a typescript of my paper on the language and orthography of the Slovo in Musin-Puškin's manuscript /.../, A. A. Šaxmatov, who carefully assigned and outlined crucial research programs to his young listeners, insistently advised me to investigate the linguistic pattern of the ancient text, which, as he believed, distinctly transpires through the easily removable cloak of its late copy. He particularly stressed the remarkably archaic traits in the vocabulary, morphology and syntax of the Slovo, and its interlacement of vernacular and Church slavonic components.«

Tako prepričanje je vodilo pri rekonstrukciji tudi Nahtigala in nikakor ni nemogoče, da ga je deloma pridobil še pri Šahmatovu. Nahtigal pravi, da je naloga rekonstrukcije »določitev stare prvotne oblike jezika«. Pri tem se opira na splošna dognanja o zgodovinskem razvoju ruskega jezika, zlasti pa na arhaizme spomenika samega (Nahtigal 1954:18):

»Iz vsega pregleda sledov arhaizmov v jeziku spomenika jasno pronica slika starorusčine originala XII. stoletja. To nas pa tudi upravičuje v tej smeri rekonstruirati ves ohranjeni tekst.«

A. A. Zaliznjak (2004) je – ob nedavnih ponovnih dvomih o avtentičnosti besedila – na podlagi novih odkritij v zvezi z jezikom novgorodskih pisem ponovno navedel izredno prepričljive dokaze v prid avtentičnosti (Derganc 2007).

Nahtigalova izdaja je zelo pregledna: besedilo je tiskano v 4 stolpcih: prvi stolpec prinaša besedilo prve izdaje iz l. 1800 (z nekaterimi razlagami t. i. temnih mest, ki pa so povsod jasno izpostavljene in v komentarjih razložene), zadnji stolpec prinaša prevod v slovenščino, srednja stolpca pa sta Nahtigalovi jezikovni rekonstrukciji: drugi stolpec besedilo rekonstruira v pisno jezikovno podobo 12. st., tretji stolpec prinaša fonetično transkripcijo rekonstrukcije. Tak filološko korekten način izdaje omogoča bralcu, da vselej loči besedilo prve izdaje od Nahtigalovih posegov vanj. Dodan je popoln slovar spomenika.

Besedilo prve izdaje kaže bralcem staroruskih besedil dobro znano jezikovno sliko: ob nevtralnih, glede južno- ali vzhodnoslovanskega izvora nedoločljivih oblik, nastopajo starejše in mlajše vzhodnoslovanske ter južnoslovanske csl. oblike. V besedilu imamo npr. *пльку* ob *пръсты* in *сердца*; ob novejšem stanju z večino ma izpuščenimi redukcijskimi vokali v šibki poziciji, npr. *трудных*, *Мстиславу*, *княземъ* itd. tudi starejše stanje z ohranjenimi redukcijskimi vokali v šibki poziciji, npr. *Курьска*; v pridevniških končnicah v rod. ed. *нынешняго* ob *синего* itd.

Po Nahtigalovem mnenju so cerkvenoslavizmi prišli v besedilo med prepisovanjem, zato jih v rekonstrukciji odpravlja, odpravlja pa tudi sledove vzhsl. razvoja.

Rekonstrukcija sledi misli o nekdanji idealni čisti vzhodnoslovanski jezikovni podobi, ki jo je mogoče vzpostaviti s poznavanjem predvsem historične fonetike in morfologije. Nahtigal spreminja *аще* v *аче*, *хощу* v *хочю*, *Мстиславу* v *Мьстиславу*, *сердца* v *сьрдьця*, *бъшетъ* v *бъшеть*, *старого* v *старого*, *соколовъ* v *соколь* itd. (Nahtigal 1954:24) in opravi še vrsto drugih sprememb v tem smislu. Spremembe so utemeljene v uvodu in komentarju.

Nahtigal torej zaradi določenih arhaizmov v spomeniku ponovno vzpostavlja vse redukcijske vokale, tudi v šibkem položaju, vzhodnoslovanske morfološke končnice *-ě* v rod. edn. ž. sp. ter im. mn. ž. sp. in tož. mn. m. in ž. sp. samostalnikov na mehek soglasnik, *-ьмь/-ьмь* v orod. ed. sam. m. in sr. sp., *-мь* v 3. os. ed. in mn., *-ого/-его* v rod. ed. pridevnikov itd. Nahtigal še ni mogel vedeti, da novejša ugotovitve o morfologiji novgorodskega dialekta postavljajo splošno sprejeto predstavo, ki pripisuje *-ago* sl. jeziku in *-ogo* vzhodni slovanščini, pod vprašaj (Zaliznjak 1995:103).

Tudi skoraj vse morfeme, ki so v prepisu v nepolnoglasni obliki, je rekonstruiral v vzhodnoslovanske polnoglasne. Tako npr. rekonstruira obliko: *врѣмени* v *веремене*, *по дрѣву* v *по дереву*, *подъ облакы* v *подь оболы* (Nahtigal 1954:24) itd. Nahtigal sicer ob sklicevanju na študijo A. Paschena »Die semasiologische und stilistische Funktion der *trat/torot* – Alternationen in der altrussischen Literatursprache« in na delo Obnorskega omenja, da je pri knjižnih izrazih in izrazih z bolj abstraktnim pomenom bila sl. oblika že v stari ruščini, zaradi česar je pri nekaterih besedah, npr. *страны* in *сьдравы* ohranil nepolnoglasno obliko (str. 14), vendar za veliko večino nepolnoglasnih oblik vendarle predpostavlja v originalu polnoglasne.

Na nekoliko preveč mladogramatično rigorozno rekonstrukcijo je opozoril Jagoditsch v svojem spisu ob 80-letnici Nahtigala (Jagoditsch 1957:311–12). Tudi A. V. Solovjov v svoji recenziji opozarja, da v spomenikih, ki so nastali v času *Slova*, nahajamo skoraj vse zapise, ki jih Nahtigal popravlja (Solovjov 1957).

Sedaj prevladuje mnenje, ki predpostavlja že za čas nastanka epa hibridni jezik ter stilistično, semantično, ritmično itd. funkcijo nepolnoglasnih oz. polnoglasnih oblik. Implikacija takega mnenja je literarna obdelanost jezika *Slova o polku Iгореve*. V tej luči postane Nahtigalova rekonstrukcija predvsem z metodami zgodovinske in primerjalne slovnice vzpostavljen model idealnega jezika.

Dve drugi rekonstrukciji *Slova o polku Iгореve*, Jakobsonova (1948) ter Meščerskega in Burykina (1985), sicer tudi posegata z določenimi normalizatorskimi posegi v besedilo, vendar v manjši meri. Jakobson npr. dopušča pri polnoglasnih/nepolnoglasnih besedah variante. Je pa vsak normalizatorski poseg v besedilo načeloma vprašljiv. Značilna slika prvih stoletij pismenosti pri vzhodnih Slovanih je

le večja ali manjša stopnja normiranosti, sicer pa zlasti hibridni teksti z elementi vzhodne slovanščine in cerkvene slovanščine ter starejših in mlajših oblik.

Vsekakor Nahtigalova izdaja zaradi svoje filološke korektnosti in mnogih zanimivih jezikovnih in kulturnozgodovinskih komentarjev do danes ni izgubila svojega pomena in je prava zakladnica za študij zgodovine ruskega jezika. Jezikovne rekonstrukcije, ki upošteva predvsem izsledke primerjalnozgodovinskega in zgodovinskega jezikoslovja in manj izsledke študija realnih zgodovinskih besedil, seveda ni mogoče pojmovati kot vzpostavljene realne podobe besedila, temveč kot model, aplikacijo vedenja o ruski zgodovinski slovnici.

4

Ob koncu tega prispevka bi rada poudarila, da obravnavani Nahtigalovi deli v veliki meri ohranjata svojo aktualnost in sta spričo svoje znanstvene zanesljivosti in vsestranskosti načetih tem neizčrpen vir za zanimanje in navdih sodobne slovenske rusistike.

Literatura

- Derganc, A., 1998: Nekateri paralele v razvoju dvojine v slovenščini in lužiški srbščini. *Slavistična revija* 46/1–2, 45–55.
- Derganc, A., 2002: Rusistika v delih R. Nahtigala. A. Derganc. *Historizem v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi*. Obdobja 18. Ljubljana: Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik pri Oddelku za slovanske jezike in književnosti Filozofske fakultete, 43–62.
- Derganc, A., 2007: Novejši prispevki k polemiki o avtentičnosti Slova o polku Igoreve. *Slavistična revija* 55/1–2, 389–397.
- Jagoditsch, R., 1957: R. Nahtigals Beitrag zur Igorlied-Forschung. *Slavistična revija* 10/1–4, Rajku Nahtigalu za osemdesetletnico, 306–315.
- Jakobson, R., 1948: *La geste du prince Igor*. New York 1948. Ponatisnjeno v: *Selected Writings IV*. The Hague - Paris: Mouton, 1966, 106–300.
- Jakobson, R., 1966: *Selected Writings IV*. The Hague - Paris: Mouton.
- Jakopin, F., 1968: *Slovnica ruskega knjižnega jezika*. Ljubljana: DZS.
- Jakopin, F., 1977: Krog Nahtigalovih korespondentov – jezikoslovcev in filologov. F. Jakopin. *Nahtigalov zbornik ob stoletnici rojstva*. Ljubljana: UL FF, 119–131.
- Meščerskij, N. A., Burykin, A. A. (ur.), 1985: *Slovo o polku Igoreve*. Vstop. st. D. S. Lihačova i L. A. Dmitrijeva. Sost. L. A. Dmitrieva, D. S. Lihačova, O. V. Tvorogova. Rekonstrukcija drevnerusskoga teksta N. A. Meščerskoga i A. A. Burykina. Biblioteka poeta. Bol'saja serija. Leningrad: Sovetskij pisatel'.

- Nahtigal, R., 1946: *Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči*. Ljubljana: DZS.
- Nahtigal, R., 1949: *Uvod v slovansko filologijo*. Ljubljana: DZS.
- Nahtigal, R., 1954: *Staroruski ep Slovo o polku Igořevě*. Ljubljana: SAZU.
- Prijatelj, I., 1937: „Pisma Ivana Prijatelja s študijskega potovanja 1903–1904.“
Priobčil R. Nahtigal. *Ljubljanski zvon* 57/5.
- Solovjov, A. V., 1957: Novoe slovenskoe izdanie: „Slova o polku Igořeve“. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury Instituta russkoj literatury* 13, 656–664.
- Šachmatov, A. A., Shevelov, G. Y., 1960: *Die kirchenslavischen Elemente in der modernen russischen Sprache*. Wiesbaden: Otto Harrasowitz.
- Šahmatov, A. A., 1915: Očerk drevnejšago perioda istorii russkogo jazyka. Enciklopedija slavjanskoj filologii. Petrograd: Tip. Imperatorskoj Akademii Nauk.
- Zalznjak, A. A., 1995: Drevnenovgorodskij dialekt. Moskva: Jazyki russkoj kul'tury.
- Zalznjak, A. A., 2004: »Slovo o polku Igořeve«: *vzgljad lingvista*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
- Zbornik FF, 1989: *Zbornik Filozofske fakultete v Ljubljani 1919–1989*. Ur. odbor V. Melik in dr. Ljubljana: Filozofska fakulteta.
- Žolobov, O. F., 1998: *Symbolik und historische Dynamik des slavischen Duals*. Beiträge zur Slavistik XXXV. Frankfurt a. M.: Lang.

Summary: Rajko Nahtigal's *Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči* and the Edition of *Slovo o polku Igořevě*

When R. Nahtigal was professor of Slavonic languages at the University of Ljubljana, he wrote two important works on the subject of Russian: *Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči*, and a critical edition of *Slovo o polku Igořevě*.

The first book was intended for Slovenian teachers of Russian and it contains two parts. The first part is a historical outline of Russian phonetics and morphology, often explaining the different development of Russian and Slovenian linguistic phenomena from a common Slavic ancestor. Nonetheless, the phonetic system of contemporary Russian is also presented and a phonetic transcription in Latin letters is used. This system, with a few alterations, is still used in Slovenian Russian studies. The second part explains the important role that Church Slavonic played in the development of written Russian, and provides lists of Church Slavonic elements in contemporary Russian. In this part, Nahtigal mainly follows the ideas of Šahmatov, who he met when spending some time in Russia after his studies, though he comes up with several of his own solutions.

Nahtigal's critical edition of *Slovo o polku Igořevě* is very “philologically transparent” as the text of Editio princeps and Nahtigal's reconstruction are printed in parallel columns. The text is accompanied by a full word list, an introduction and commentaries, explaining the history of the text and Nahtigal's reasons for the solutions he proposes for the

reconstruction. The reconstruction is today regarded as being somewhat too rigorous. The elements of Church Slavonic and later East Slavic development are changed into an ideal Old Russian language of the 12th century. The edition is still important and valuable given its linguistic reliability and interesting solutions.

Also, in this work, Šahmatov's ideas regarding the authenticity of Slovo can be traced. Jakobson recalls how Šahmatov encouraged him "to investigate the linguistic pattern of the ancient text, which, as he believed, distinctly transpires through the easily removable cloak of its late copy" and this is what Nahtigal did in his reconstruction of the text.

Key words: Rajko Nahtigal, Russian Studies, University of Ljubljana, *Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči*, *Slovo o polku Igořevě*

Сослагательное наклонение в поздних церковнославянских переводах восточнославянского происхождения

Татьяна Пентковская

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

В работе рассматриваются формы сослагательного наклонения в киевских и московских переводах на церковнославянский язык XVII в. Установлено, что формы сослагательного наклонения в киевских переводах Бесед св. Иоанна Златоуста на Деяния и Послания св. Апостолов организованы в две парадигмы (типа *реклѣ бымъ* и *реклѣ быхъ*), которые ориентированы на парадигмы грамматики Мелетия Смотрицкого 1619 г. Наряду с этим в них присутствуют формы типа *приидохъ бы*, соотносящиеся с парадигмами грамматики Лаврентия Зизания 1596 г. Несмотря на наличие полонизированной формы 1 л. ед.ч. с *бымъ* в московском издании грамматики Смотрицкого 1648 г., она не встречается на практике в переводах книжного круга Чудова монастыря. Однако в московских переводах известны формы, восходящие к грамматике Лаврентия Зизания.

Ключевые слова: Сослагательное наклонение, Беседы Иоанна Златоуста, книжный круг Чудова монастыря, церковнославянские грамматики, польский язык

Уже в старший период развития книжного языка славян в нем присутствуют две парадигмы сослагательного наклонения с неодинаковым ареальным распространением: с особой формой вспомогательного глагола (**вймь**) и более продуктивная с вспомогательным глаголом в форме аориста (**быхъ**), восходящая, как показывается в новейших исследованиях, к одному из вариантов праславянского плюсквамперфекта. В некоторых памятниках обе парадигмы сосуществуют (Сичинава 2013:170–186). Изменения, происходящие в системе сослагательного наклонения живых славянских языков, в определенной мере отражаются в книжных текстах. Так, в текстах восточнославянского происхождения с XIV в. фиксируются формы сосл. накл. 1 и 2 лица с дополнительной презентной связкой типа **быль бы еси** (Горшкова, Хабургаев 1997:337–338; Зализняк 2004:143; Сичинава 2013:184; Галинская 2015:373). В течение следующего периода такие формы занимают нормативную позицию в соответствующем регионально церковнославянском языке; кроме того, в 3 л. обоих чисел устанавливается форма с неизменяемым **бы** (в памятниках, однако, конструкция типа **бы творили** варьируется с **быша творили**) (Духанина 2008:251–260).

Разнообразие форм сослагательного наклонения демонстрируют памятники, написанные на так называемой простой мове, эти формы по большей части ориентированы на польские парадигмы. Набор таких парадигм для Евангелия В.Н. Тяпинского (не позднее 1580 г.) приводится в работе (Смирнова 2015). Их особенностью является наличие вариантных личных показателей, часть их которых восходит к аористу, а часть к презентным показателям «польского типа» (**бысь пришлолъ, бы пришлоломъ, бысмо пришли** и пр.). Несколько парадигм сослагательного наклонения обнаруживается и в Новом Завете В. Негалевского 1581 г., который является переводом польского Нового Завета М. Чеховича 1577 г.: восходящая к стандартной старшая парадигма типа **быхъ оуттерпелъ** (формы вспомогательного глагола 1 л. мн.ч., впрочем, имеют уже вид **быхмо**), полонизированная парадигма со вспомогательным глаголом в формах **бымъ,¹ бысь**; условно-перфектная парадигма с неизменяемым **бы** и формой перфекта типа **бы бысте были**; условно-плюсквамперфектная парадигма («условное наклонение прош. вр.») типа **быхъ былъ не чинилъ / бы есмо оуживали были** (Назаревский 1911:103–104). В составе этой последней («плюсквамперфектной») парадигмы в зависимости от лица может быть неизменяемая частица **бы**, вспомогательный глагол в перфекте (**есмо были**) и л-форма смыслового глагола, а может быть вспомогательный глагол в форме «старшего» сосл. накл. (**быхъ былъ**) и l-причастие смыслового глагола.

Данные сочинений на простой мове могут быть сопоставлены с данными церковнославянских переводов с греческого языка, выполненных киевскими книжниками в первой четверти XVII в. Это Беседы Иоанна Златоуста на Послания апостола Павла (Киев, 1623 г.) и на Деяния апостольские (Киев, 1624 г.).

Беседы св. Иоанна Златоуста на Послания св. апостола Павла были опубликованы типографией Киево-Печерской лавры в 1623 г.,² а годом позднее там же вышло в свет издание Бесед св. Иоанна Златоуста на Деяния св. апостолов.³ В авторский коллектив входили Памво Берында и Иосиф Святогорец. Для перевода было использовано новейшее издание греческого текста Генри Савилия 1612 г. (Thomson 1993:190).⁴

1 Формы типа **бымъ** в юго-западнорусских текстах появились под воздействием польских и являются следствием слияния частицы **бы** и презентной связки «польского» типа (Булыка, Жураўскі, Крамко 1979:284).

2 Экземпляр данного издания хранится в Музее книги РГБ под № 516. Его оцифрованная версия находится по адресу: <http://old.stsl.ru/manuscripts/staropechatnye-knigi/516?num=4>. Дата обращения 18.04.2018.

3 Экземпляр данного издания хранится в Музее книги РГБ под № 518. Его оцифрованная версия находится по адресу: <http://old.stsl.ru/manuscripts/staropechatnye-knigi/518>. Дата обращения 18.04.2018.

4 К этому изданию восходит текст Бесед в (PG 60), который используется в настоящей работе.

Формы сосл. накл. в этих изданиях разнообразны. Так, чередование форм открывается в нравоучении к Беседе 23-ей на Деяния св. Апостолов: **Рци** во ми, **аще въ великихъ нѣкоего обидѣа́** **бы** еси и **досадила́**, и **тмами** и **поношенми** **шелождь**, **въпала́** **бы** еси въ **рѣцѣ** **досажѣнномѣ**, **онъ же** **вмѣстѣ** **снхъ** **почтилъ** **бы**, и **своихъ** **преподаа́** **всѣхъ**, и **по средѣ** **дрѣвѣ** **при** **ниже** **досажѣнъ** **бывъ**, **при тѣхъ** **бы** **тѣ** **вѣнчала́**, и **река́** **бы** **аки сына** **имѣти** **прискрѣа́** [поле глосса **сна́**], **таже*** [поле ***абіе**] **оумерла́** **бы**, **не тцетъ** **ли** **бы** **вещь** **непщевала́** **еси**; **еда** **бы** **не** **рекала́** **еси**, **хотѣла́** **бы** **емѣ** **живѣ** **быти**, **да** **быхъ** **възмогла́** **емѣ** **ѡдати** **въздарованіа** [поле глосса **междѣ**]; **да** **быхъ** **възмездила́**; **да** **не** **зола́** [и **неблагодаренъ**] **павлюса** **противъ** **блгтлю** (л. 224)⁵ – Εἰπέ δὴ μοι, εἰ τὰ μεγάλα ἠδίκησας εἰς τινα καὶ ὕβρισας, καὶ μυριοῖς αὐτὸν ὀνειδέσει περιβαλὼν, εἰς τὰς χεῖρας ἐνέπεσες τοῦ ὕβρισθέντος, ὁ δὲ ἀντὶ τούτων ἐτίμησε, καὶ τῶν αὐτοῦ μετέδωκεν ἀπάντων, καὶ ἐν τοῖς φίλοις ἐρ’ ὧν ὕβρισθη, ἐπὶ τούτων σε ἐστεφάνωσε, καὶ ἔφησεν ὡς υἱὸν ἔχειν γνήσιον, εἶτα εὐθέως ἀπέθανεν· οὐκ ἂν ζημίαν τὸ πρᾶγμα ἐνόμισας; οὐκ ἂν εἶπες· Ἐβουλόμην αὐτὸν ζῶντα εἶναι, ἵνα δυνηθῶ ἀποδοῦναι τὰς ἀμοιβὰς, ἵνα ἀμείψωμαι, ἵνα μὴ κακὸς φανῶ περὶ τὸν εὐεργέτην (PG 60:181). Распределение форм в греческой фразе соответствует обычной ситуации целевого предложения, в котором конъюнктив аориста обозначает недлительное действие (Соболевский 1999:311). Возможно, что разница в формах сосл. накл. в церковнославянском переводе призвана отразить разницу греческих форм в главной (имперфект индикатива) и придаточной частях целевого предложения.

В пределах одного контекста зафиксированы формы ед.ч. всех трех лиц, из них формы 2 л. ед.ч. с неизменяемым **бы** и дополнительной презентной связкой, что отличает их от форм 3 л. ед.ч., где такой связки нет. При этом в данных памятниках форм со слитной связкой типа **бысь** не отмечено – очевидно, что они не являлись нормативными для их церковнославянского языка.

Особый интерес в данном контексте представляет вариация форм 1 л. ед.ч. со вспомогательным глаголом типа **бымъ** и **быхъ**. Не исключено, что различия в форме сосл. накл. призваны передать различия греческих временных

5 <http://old.stsl.ru/manuscripts/staropechatnye-knigi/518?fnun=133>. Дата обращения 18.04.2018.

Скажи мне: если бы ты причинил кому-либо великие обиды и оскорбления, и после множества сделанных ему неприятностей впал в руки обиженного, а он вместо того почтил бы тебя, сделал бы соучастником всех своих (благ), за сами обиды, нанесенные ему, увенчал бы тебя между друзьями своими и сказал бы, что считает тебя за родного сына, и потом внезапно умер, – не почел ли бы ты этого потерей? – не сказал ли бы: я желал бы видеть его живым, чтобы воздать ему должное, чтобы возблагодарить его, чтобы не оказаться недостойным пред благодетелем? https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_55/23#sel=19:77,19:164. Дата обращения 18.04.2018.

форм в главной и придаточной части целевого предложения с союзом *ἵνα*, однако такое предположение нуждается в верификации на обширном материале.

В 1 л. мн.ч. встретились две формы с дополнительной презентной связкой: Беседа 32-я на Деяния св. Апостолов **Аще выхомъ ѿчаевалиса, не бесѣдо-вали выхомъ: Нинѣ же, оуповающе великаа вамъ прихвѣтати, сѧ вѣщаѣ.** **W** да вы оубо частѣ w тѣхъже глали есмы: ѿ давы ни[же] была инаа каа словесъ вина или попеченіе, но такъ да оудержимъ на^д страстьми на-шыми (л. 299) – *εἰ γὰρ κατεγνώκειμεν, οὐκ ἂν διελέχθημεν· νῦν δὲ ἐλπίζοντες μεγάλα ἡμᾶς κερδαίνειν, ταῦτα φθεγγόμεθα. Εἴθε γὰρ συνεχῶς περὶ τῶν αὐτῶν ἐλέγομεν εἴθε μηδὲ ἦν ἄλλη τις λόγων ὑπόθεσις ἢ φροντίς, ἀλλ' ὅπως τῶν παθῶν κρατήσωμεν τῶν ἡμετέρων!* (PG 60:237).⁶

Еще один пример с дополнительной презентной связкой отмечен в Беседе 41-ой на Деяния св. Апостолов в сочетании с частицей *да* (фактически – в составе союза *давы*): **тѣмъже многоу паче вѣснѣюущихъса горши пребываемъ съгрѣшающе. Но ли такъ пѣнъ не тѣшимъ, ниже развращаемъ зѣнницъ, ниже рѣкъ; и да вы есмы въ телеси сѧ творили, а не въ дшн** (л. 370) – *Ἴρα πολλῶ δαιμονόντων χειρὸν διακείμεθα οἱ ἁμαρτάνοντες. ὅτι οὐκ ἀφρίζομεν, οὐδὲ διαστρέφομεν τὰς κόρας, τὰς χεῖρας; Εἴθε ἐν τῷ σώματι τοῦτο ἐπράττομεν, μὴ ἐν τῇ ψυχῇ* (PG 60:293).⁷

В этих двух однотипных примерах формой сосл. накл. с презентной связкой передается греческий имперфект в сочетании с частицей *εἴθε* в независимом предложении, выражающий неисполнимое желание (Соболевский 1999: 303). Таким образом, во всех трех случаях сосл. накл. с презентной связкой используется для передачи греческого имперфекта (*ἐβουλόμην, ἐλέγομεν, ἐπράττομεν*). Примечательно, что в современных исследованиях имперфект может трактоваться как форма, имеющая то же значение, что и наст. время (актуальность и континуативность в момент референции, относящийся, в отличие от актуального настоящего, к прошлому), то есть как настоящее в прошедшем (Ницолова 2008:282–283).

Подобные формы зафиксированы и в Беседах на Послания, в частности, в 31-ой Беседе на Послание к Римлянам: **Тѣмъ же не взыскоуимо где естѣ, но**

6 Если бы мы не обращали внимания, то и не говорили бы; но мы потому теперь говорим это, что надеемся принести вам великую пользу. *О, если бы мы постоянно говорили об одном и том же!* О, если бы у нас не было ни другого предмета разговоров, ни другой заботы, кроме того, как бы обуздать наши страсти! https://azbyka.ru/otechnik/loann_Zlatoust/tolk_55/32#sel=16:1,16:32. Дата обращения 18.04.2018.

7 Таким образом мы – согрешающие – оказываемся гораздо хуже беснующихся. Но мы не извергаем пены, не извращаем глаз и рук? *О, если бы мы делали это с телом и не делали с душою!* Хочешь ли, я покажу тебе, как душа извергает нечистую пену и извращает умственные очи? https://azbyka.ru/otechnik/loann_Zlatoust/tolk_55/41#sel=22:1,22:45. Дата обращения 18.04.2018.

како бы еѧ оубѣгли есмы (стлб. 493) – Μῆ τοῖνυν ζητῶμεν ποῦ ἐστίν, ἀλλὰ πῶς ἂν αὐτὴν φύγομεν (PG 60:674).⁸ Аористный опатив с ἄν (φύγομεν) обозначает потенциальную возможность совершения действия или наступления ситуации в будущем (modus potentialis) (Соболевский 1999:304). Таким образом, при употреблении в переводе сосл. накл. с презентной связкой (в форме 1 л. мн.ч.) в независимых предложениях (либо в главной части предложения с целевым придаточным) просматривается связь либо с планом настоящего, либо с будущим, однако для верификации этого предположения необходимо больше материала.

Формы сосл. накл. с презентной связкой могут использоваться в условном периоде: Нравоучение к Беседе 10-ой на Послания к Римлянам **И аще оубѡ ѕмѧ вѣдѣли бы есмы вѣгнѣждающагосѧ при ѡдрѣ нашемъ, многѡ бы сѣтворили есмы тѣпаніе такъ того оубити** (стлб. 165)⁹ – Καὶ εἰ μὲν ὄφιν ἐμφωλεύοντα ἐγγωμεν παρὰ τὴν κλίνην τὴν ἡμετέραν, πολλὴν ἂν ἐποιήσαμεθα σπουδὴν ὥστε αὐτὸν ἀνελεῖν (PG 60:483). В обеих частях употреблено сосл. накл. с презентной связкой, при том что в греческом формы аористного индикатива (в аподозисе с частицей ἄν) указывают на modus irrealis (Соболевский 1999:316).

Формы с дополнительной презентной связкой характерны также и для 2 л. мн.ч. Ср. две формы 2 л. мн.ч. в протасисе (форма сосл. накл. с презентной связкой) и аподозисе (стандартная форма сосл. накл. со связкой в аористе) условного периода: Беседа 40-ая на Деяния св. апостолов **Рци во ми: не поношаѧ ли Іουδεѡмъ глѧше Хс. Аще не бы знаменїѧ видѣли есте, не вѣрѡвали бысте** (л. 364) – Εἰπέ δὴ μοι, οὐκ ὀνειδίζων Ἰουδαίοις ἔλεγεν ὁ Χριστός· Ἐὰν μὴ σημεῖα ἴδητε, οὐ μὴ πιστεύσητε (PG 60:285).¹⁰

В следующем случае, однако, находим иное распределение форм в частях условного предложения (форма сосл. накл. с презентной связкой находится в аподозисе): Беседа 35-ая на Деяния св. апостолов **А такъ вѣрнѣ сѣдисте, Глѡвѣ ѡ еже врѣchnittи ми таковыѧ Тайны, не бы врѣчили есте, аще не таковѣ ма сѣдисте** (л. 321) – Ὅτι δὲ πιστὴν ἐκρίνατε, δῆλον ἐκ τοῦ ἐγχειρίσαι μοι τοιαῦτα μυστήρια, οὐκ ἂν ἐγχειρίσαντες, εἰ μὴ τοιαύτην ἐκρίνατε

8 И так, станем спрашивать не о том, где она находится, но как избежать ее <геенны>. <https://azbyka.ru/otechnik/books/download/10806-%D0%91%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%B4%D1%8B-%D0%BD%D0%B0-%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%BA-%D0%A0%D0%B8%D0%BC%D0%BB%D1%8F%D0%BD%D0%B0%D0%BC.pdf>. Дата обращения 21.04.2018.

9 И если бы мы узнали, что притаилась змея у нашей постели, то, конечно, приложили бы все старание к тому, чтобы убить ее. https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_63/10. Дата обращения 21.04.2018.

10 Не в укоризну ли, скажи мне, Христос сказал иудеям: «не уверуете, если не увидите знамений» (Ин.4:48)? https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_55/40. Дата обращения 21.04.2018.

(PG 60:253).¹¹ Аорист **сѣднѣте** в протасисе соответствует также индикативу аориста $\epsilon\kappa\rho\acute{\iota}\nu\alpha\tau\epsilon$, а форма сосл. накл. с презентной связкой соответствует греч. аористному причастию $\epsilon\upsilon\chi\epsilon\iota\rho\acute{\iota}\sigma\alpha\nu\tau\epsilon\varsigma$ (так называемому *participium conjunctum*, эквивалентному придаточному предложению (Соболевский 1999:343) с частицей $\acute{\alpha}\nu$. В греческом тексте здесь описывается ситуация, целиком противоположная действительности (Вы на самом деле поверили мне и вручили эти тайны) (Соболевский 1999:319).

Таким образом, возможно, во 2 л. распределение форм не зависит напрямую от греческого текста, но подчиняется иным принципам – формальным (см. ниже).

Формы с дополнительной связкой в презенсе могут быть сведены в особую презентную парадигму сосл. накл. (сосл. накл. I), в которой, как и в собственно перфекте, в 3 л. обоих чисел связка нулевая:

лицо	ед.ч.	мн.ч.
1	видѣлъ бымъ	видѣли бы есмы
2	видѣлъ бы еси	видѣли бы есте
3	видѣлъ бы	видѣли бы

В рассматриваемых памятниках, как уже было отмечено, зафиксированы многочисленные стандартные формы со спрягаемой связкой в аористе. Однако наряду с такими формами имеются формы с дополнительной частицей **бы** (**видѣли бы выхомъ**), которые отличаются от составной формы с презентной связкой только переносом спрягаемой части связки в пр.вр. (**видѣли бы выхомъ / видѣли бы есмы**).¹²

Издание 1624 г. завершается еще одной гомилией Иоанна Златоуста из цикла «О перемене имен». Это Беседа I (на Деян. 9:1). Здесь в пределах одного контекста отмечены две формы сосл. наклонения 1 л. мн.ч. со связкой в форме аориста и неизменяемым **бы**: **Ваше есть оувѣщати быти члѣками тѣхъ. такоже во иже члѣкиа ѿвращающася пици, терниами же и выиами съ скоты пасѣщася, не бы нарекли выхд члѣка быти. сице оубв иже истинныа и подобающаа члѣтѣи дши, ненавищаа пици, сирѣчь, Бжтвенныхъ словесъ послѣшанїа. въ житейскихъ же съсловїахъ и съборищахъ, прнх стѣда исполненныхъ сѣдшаго и на законопрестѣпныхъ**

11 А что вы (говорит) признали меня верною, очевидно из того, что вверили мне такие тайны, которых не вверили бы, если бы не считали меня такою. https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_55/35#sel=10:238,10:262. Дата обращения 21.04.2018.

12 Подобного рода формы (любили бы бисте) Г.А. Хабургаев отмечает в церковнославянских текстах XIII–XIV вв., расценивая их как свидетельство того, что старая аналитическая форма, унаследованная из скопированных переписчиками оригиналов, уже не воспринимается как форма сосл. накл. (Горшкова, Хабургаев 1997:337).

пожирѹющаго глаголъѣхъ, такоже не бы рекли выхомъ чѣвка быти (л. 506)¹³ – ὑμέτερόν ἐστι πείσαι γενέσθαι ἀνθρώπους αὐτούς. Ὡσπερ γὰρ τὸν ἀνθρωπίνην ἀποστρεφόμενον τροφήν, ἀκάνθας δὲ καὶ βοτάνας μετὰ τῶν θρεμμάτων βοσκόμενον, οὐκ ἂν εἶπομεν ἄνθρωπον εἶναι· οὕτω δὴ τὸν ἀληθῆ καὶ προσήκουσαν ἀνθρωπίνῃ ψυχῇ μισοῦντα τροφήν, τὴν ἀπὸ τῶν θείων λογίων, ἐν δὲ βιωτικοῖς συλλόγοις καὶ συνεδρίοις αἰεὶ αἰσχροῦτος γέμουσι καθήμενον, καὶ παράνομα βοσκόμενον ῥήματα, οὐκ ἂν εἶπομεν ἄνθρωπον εἶναι.¹⁴

Общий контекст предполагает здесь реализацию контрфактивного значения (нет сомнений в том, что ситуация оценивается пишущим как заведомо ирреальная, и ее осуществление *невозможно* ни при каких обстоятельствах) (Добрушина 2016:12).

Подобная форма отмечена и для 2 л. мн.ч. Бесед на Деяния св. апостолов (в нравоучении к 8-ой Беседе): **Реци оуѣво ми, аще ꙗже ꙗже по силѣ сложили есте, аще ма в' вѣдах' видѣли высте послѣднихъ, не бы ли и ѿ плоти, аще мощнѣ было бы, ѿсѣкше дали высте** (л. 57 об.) – Εἰπέ δὴ μοι, εἰ χρήματα ἐκέλευσα εἰσενεγκεῖν, οὐκ ἂν προθύμως ἕκαστος τὰ κατὰ δύναμιν συνεβάλεσθε; εἰ με ἐν κινδύνοις ἑωρᾶτε τοῖς ἐσχάτοις, οὐκ ἂν καὶ ἀπὸ τῆς σαρκὸς, εἴ γε οἶόν τε ἦν, ἀποτεμόντες ἔδοτε ἂν (PG 60:73).¹⁵ Греческие формы указывают в обоих случаях на ирреальный период, то есть оба условных периода представлены как однородные и описывают ситуации, противоположные, с точки зрения пишущего, конструируемым действиям его читателей/слушателей ('если бы я на самом деле попросил денег, вы бы дали', то есть 'если я попрошу, вы дадите' и т.д.). В церковнославянском переводе при этом первое условие описано в формах сосл. накл. I, тогда как второе из них выражено формами сосл. накл. II, то есть распределение двух этих форм в данном случае не следует за греческим.

В целом парадигма сосл. накл. со связкой в пр.вр. в Беседах имеет следующий вид:

13 Ваше дело заставить их быть людьми. Как мы того, кто отвращается человеческой пищи и ест, со скотами, терния и травы, не можем назвать человеком, так точно не можем назвать человеком и того, кто не любит истинной и приличной душе человеческой пищи, т. е. слова Божия, но сидит в мирских собраниях и сборищах, где всегда бездна разврата, и питается нечестивыми речами. https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/chetyre-besedy-o-peremene-imen/#sel=14:47,14:106. Дата обращения 20.04.2018.

14 http://www.documentacatholicaomnia.eu/02g/0345-0407_Iohannes_Chrysostomus_De_mutatione_nominum_MGR.pdf. Дата обращения 20.04.2018.

15 Скажи мне: если бы я велел (вам) внести (за меня) деньги, – не с готовностью ли каждый из вас принес бы по мере сил своих? Если бы вы увидели меня в крайней опасности, не отдали бы вы даже часть своего тела, если бы можно было отнять ее? https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_55/8. Дата обращения 20.04.2018.

лицо	ед.ч.	мн.ч.
1	видѣль быхъ	видѣли (бы) быхомъ
2	–	видѣли (бы) бысте
3	видѣль бы	видѣли быша

Форма 2 л. ед.ч. в этой парадигме не заполнена по формальным причинам: она должна совпасть с формой 2 л. ед.ч. сосл. накл. I. Как уже упоминалось, в силу омонимии грамматических показателей 2 и 3 л. ед.ч. форма со презентной связкой, указывающей на лицо, замещает исконную форму 2 л. ед.ч., что параллельно процессам, проходящим в аористной парадигме (Успенский 2002:249–251).

Следует отметить, что в Беседах зафиксированы формы с неизменяемым **вы** в 1 и 2 лице при наличии во фразе личного местоимения, в частности, в нравоучении к Беседе 38-ой на Деяния: **не хотѣль вы^М сѧ гл҃ати, аще не вы сѧ творили вы** (л. 348)¹⁶ – οὐκ ἐβουλόμην ταῦτα λέγειν, εἰ μὴ ταῦτα ἐπράττετε ὑμεῖς (PG 60:273). В греческом тексте в обеих частях условного предложения употреблены имперфекты индикатива, о которых уже шла речь выше, поэтому церковнославянская форма сосл. накл. протасиса может трактоваться как форма с нулевой презентной связкой.

Итак, материал показывает, что в Беседах представлены формы сосл. накл., относящиеся по крайней мере к двум парадигмам – «наст.» и «пр.» вр., или сосл. накл. I и сосл. накл. II. Наличие двух парадигм сосл. накл. характеризует ряд современных славянских языков, которые могут быть сгруппированы по наличию/отсутствию в них форм с презентной связкой. Так, чешское сосл. накл. различает два ряда форм: нейтральные формы типа *přečetl bych* ‘я бы прочитал’ и маркированные формы с добавочным показателем прошедшего времени типа *byl bych přečetl* ‘я бы прочитал (раньше)’. Второй ряд форм имеет значение потенциального действия в прошлом, которое могло бы реализоваться до начала другого прошедшего действия, но не реализовалось (Скорвид 2017:270). Сходным образом устроенные две формы кондиционала имеет сербохорватский язык: с формами вспомогательного глагола *biti*, в основном идентичными аористным, причем форма *bi* характеризует 3 л. обоих чисел (*radila bih* ‘я бы работала’) и с усложненной формой вспомогательного глагола, равной сосл. накл. I (*ne bi se bio zadovoljio* ‘он не был бы удовлетворен’). Формы сосл. накл. II «усиливают значение невозможности, неосуществимости действия в прошлом, выраженного основным глаголом» (Кречмер, Невекловский 2017:176). Два ряда форм сосл. накл. имеет также

16 Не стал бы я говорить, если бы вы не делали этого. https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_55/38#sel=21:94,21:104. Дата обращения 21.04.2018.

словенский язык: одна из них образуется сочетанием частицы *bi* с *l*-причастием (*jaz bi gledal*), вторая – сочетанием вспомогательного глагола в форме сосл. накл. I и *l*-причастия (*ne bi bil mogel*) (Дуличенко 2017:230).

Сосл. накл. словацкого языка имеет два типа форм: первый тип содержит презентную связку, которая опускается в 3 л.: 1 л. ед.ч. *volal by som* ('я бы звал'), 2 л. ед.ч. *volal by si*, 3 л. ед.ч. *volal by*; 1 л. мн.ч. *volali by sme*, 2 л. мн.ч. *volali by ste*, 3 л. мн.ч. *volali by*. Второй тип образуется сочетанием вспомогательного глагола в форме первого типа и *l*-причастия: 1 л. ед.ч. *bol by som volal*, 1 л. мн.ч. *boli by sme volali*, причем презентный показатель опускается в 3 л. обоих чисел. Сосл. накл. II обозначает действие, которое могло бы осуществиться в прошлом, но не осуществилось (Смирнов 2017:307–308).

В польском языке в сосл. накл. к концу XVI в. формы вспомогательного глагола с личным показателем, восходящим к презенсу, вытеснили формы, восходящие к аористу. При этом формы 1 л. мн.ч. типа *byśmy, byśmy* и *bychmy* некоторое время конкурировали между собой. Формы 3 л. мн.ч. содержат неизменяемый показатель *by* уже в ранних памятниках (Ананьева 2009:252). В старопольском языке имела и сосл. накл. II типа *byłbym zrobił* (Смирнова 2015:58), в настоящее время ограниченное в узусе. Противопоставление двух типов сосл. накл. отражало «разграничение гипотетически возможного действия от реально не осуществленного» (Тихомирова 2017:390–391).

Показатель 1 л. ед.ч. сосл. накл. I **вѣмъ** в Беседах связывает эту форму с соответствующей польской. Однако, в отличие от текстов на простой мове, в Беседах не зафиксированы слитные личные показатели в других позициях. Это свидетельствует о том, что для церковнославянских Бесед, переведенных с греческого, живой польский язык не является непосредственным источником. Как отмечается в работе (Пентковская 2017а), две парадигмы сосл. накл. в Беседах ориентированы на грамматику Мелетия Смотрицкого 1619 г., в которой сосл. накл. I. (наклонения сослагательного, время настоящее) имеет в совершенном виде такую парадигму: ед.ч. **аще вѣмъ, аще бы еси, аще бы челъ/чла/чло**; мн.ч. **аще бы члнсмь, члнстѣ, члн**.¹⁷ При этом церковнославянские формы со спрягаемым в аористе вспомогательным глаголом **вѣти** (сосл. накл. II) типа 1 л. ед.ч. **аще вѣхъ челъ**, 1 л. мн.ч. **аще вѣхомъ члн**, 2 л. мн.ч. **аще вѣстѣ члн**, 3 л. мн.ч. **вѣхъ** или **вѣша члн** определяются как формы сослагательного наклонения преходящего времени (Кузьминова, Ремнева 2000:298). У Смотрицкого, таким образом, варианты сослагательного наклонения

17 Отметим, что в грамматике Смотрицкого формы со слитным личным показателем представлены значительно шире, чем в Беседах. По всей вероятности, в Беседах представлен компромисс между обычными в данный период в церковнославянских текстах формами с презентной связкой «восточнославянского типа» (не сливающейся с частицей *by* в 1 и 2 лицах обоих чисел) и формами, диктуемыми грамматикой и подкрепленными простой мовой.

семантически распределены: форма **БЫМЪ** + *l*-причастие закреплена за настоящим или будущим временем в зависимости от вида основного глагола, форма же **БЫХЪ** + *l*-причастие за прошедшими временами. Кроме того, статус форм с **БЫХЪ** четко определяется как церковнославянский, так как им в передаче на простую мову соответствуют формы сосл. накл. II живого языка, например, для *прешедшего* времени указаны книжная форма *аще быхъ творяль* и некнижная *зды бымъ былъ чиниваль*. Формы же с **БЫМЪ** присутствуют и в церковнославянской, и в простомовной парадигме, например, для *настоящего времени* наклонения *сослагательного вида совершенна* фиксируются формы *аще бымъ твориль* – *зды бымъ чиниль*, в которых различается только лексическое наполнение (Успенский 2002:399).

В Беседах на Послания отмечаются также формы с неизменяемым **БЫ** и основным смысловым глаголом в форме аориста, то есть формы, в которых личный показатель находится не в составе связки. Так, в Беседах на Послания к Римлянам имеются следующие контексты, в которых представлены формы 1 л. ед. и мн.ч.:

Беседа 4-ая **Что же, реци ми, аще бы кто запрѣщаль творити раждати мѡжемъ и на ложе не въсходити, ни ли бы исполнихѡса горости;** (стлб. 53)¹⁸ – *Τί δέ, εἰπέ μοι, εἴ τις ἠπειλεί ποιεῖν τίκτειν ἄνδρας καὶ λοχεύεσθαι, οὐκ ἂν ἐπλήσθημεν θυμοῦ;* (PG 60: 419).

Беседа 12-ая **Аще бо бы не прїидохъ, рече, и глалъ имъ, грѣха не быша имъли** (стлб. 196) – *Εἰ γὰρ μὴ ἦλθον, φησὶ, καὶ ἐλάλησα αὐτοῖς, ἀμαρτίαν οὐκ εἶχον* (PG 60:501). Примечательно, что данная аграмматичная форма 1 л. ед.ч. находится в цитате Ин. 15:22.

Беседа 19-ая **Что оубо глетьъ; аще не Юудей ради, не бы званн быхѡмъ и сѣсѡхѡмса;** (стлб. 344)¹⁹ – *Τί οὖν, φησίν; εἰ μὴ διὰ τοὺς Ἰουδαίους, οὐκ ἂν ἐκλήθημεν καὶ ἐσώθημεν;* (PG 60: 586).

Беседа 19-ая **Что бо речеши, ѡ Иудею; аще бы не быхѡмъ изгнани мы, не высте званн авѣе вы; се же глетьъ иже ѡ языкъ, аще не бы сѣсѡхѡса азъ, не бы равновалъ ты** (стлб. 346)²⁰ – *Τί γὰρ ἂν εἶποις, ὧ Ἰουδαίε; Εἰ μὴ ἐξεβλήθημεν ἡμεῖς, οὐκ ἂν ἐκλήθητε εὐθέως ὑμεῖς; Τοῦτο δὲ λέγει καὶ ὁ ἐξ ἐθνῶν· Εἰ μὴ ἐσώθην ἐγὼ, οὐκ ἂν ἐζήλωσας σύ* (PG 60:587).

18 И скажи мне, если бы кто-нибудь угрожал сделать так, чтобы мужчины носили и рождали детей, то разве мы не исполнились бы гнева? https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_63/4#sel=14:169,14:190. Дата обращения 21.04.2018.

19 Что же, скажет кто-нибудь, неужели мы не были бы призваны и спасены, если бы это не стало нужным ради иудеев? https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_63/19#sel=31:1,31:36;26:196,26:215. Дата обращения 21.04.2018.

20 Но что можешь сказать ты, иудей? Если бы мы не были отвержены, то вы не были бы призваны так скоро? Это говорит и язычник: если бы я не был спасен, в тебе не возникла бы ревность. https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_63/19#sel=31:1,31:36. Дата обращения 21.04.2018.

Эти формы ориентированы на грамматику Лаврентия Зизания 1596 года. В этой грамматике представлено четыре наклонения («образа»): изъявительный или указательный, повелительный, желательный имети или молитвенный, непределный или необавный. Такое число отсылает к переработанной грамматике Филиппа Меланхтона (Кузьмина, Ремнева 2000:10). Желательное наклонение определяется здесь так: **Ѡ желатѣно^м имѣти и^м Молѣтв. Молитвенный обра^з естъ, имже нѣчто быти желяемъ (зычимо) тако, да оучѣ, да бѣю** (л. 52 об.). Ср. определение в грамматике Меланхтона: *Optativus quo optatus, non definitus quid fiat* (Кузьмина, Ремнева 2000:74, 10–11). Данное наклонение у Зизания имеет парадигмы настоящего (да гавляю), мимощедшего (да гавил^л-бы^х), протяженного (да бы гавла^х), пресовершенного (дабы гавла^х) и будущего <времени> (да гавлю) (Кузьмина, Ремнева 2000:78–79).

В парадигме мимощедшего молитвенного делательного обращает на себя внимание противопоставленность устройства системы ед.ч. системе дв. и мн.ч. по месту показателя лица: если в ед.ч. показатель лица находится при глаголе-связке (да гавил^л бы^х, гавил^л бы еси, гавил^л бы), то в дв. и мн.ч. этот показатель находится в составе смыслового глагола (да бы гавиховѣ, гависта бы, бы; да бы гавихомъ гависте бы, гавиша бы). Форма 2 л. ед.ч. с дополнительной связкой, как уже говорилось, обычна для позднего церковнославянского языка, при этом в церковнославянских текстах встречаются формы 1 и 2 л. со связкой в разных числах.

В протяженном и пресовершенном показатель лица находится в составе смыслового глагола во всех позициях, за исключением форм 2 л. ед.ч., например да бы гавла^х, гавла^х бы еси, ла. ло. гавлашебы, бы / да бы гавлаховѣ, вабы. стабы. гавластабы / да бы гавла^хм, гавласте бы. гавлахъбы (протяженное) (Кузьмина, Ремнева 2000:79).

В перемещении личных показателей в составе сослагательного наклонения в парадигмах грамматики Зизания можно видеть влияние простой мовы, в которой под воздействием польского языка с к. XVI в. появляются формы, где личные окончания из вспомогательного глагола-связки перемещаются к смысловому глаголу: *виделехмы / виделехмо / виделесмы* и т.п. (Смирнова 2015:53).

Издания киевских книжников получили известность в Москве. Во второй половине XVII в. они стали одними из источников перевода Нового Завета книжного круга Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского (Пентковская 2017б). Однако в этом переводе в целом находим стандартную для позднецерковнославянского языка московской редакции парадигму сосл. накл. со связкой во 2 л. и неизменяемым бы в 3 л. обоих чисел.

Редкие формы с презентной связкой в 1 л. мн.ч. имеются в предшествовавшем переводе Нового Завета переводе книги Иова, который принадлежит иеромонаху Чудова монастыря Моисею. Источниками перевода Моисея послужили Библия Якоба Вуйка (далее – БВ) 1599 г. и Брестская Библия (далее – ББ) 1563 г. (Исаченко 2002; Пентковская 2016). Перевод представлен в рукописи СПБИИ РАН, ф. 238, оп. 1, № 384, где находим:

Иов. 2:10 **Ѣи же онѣ ꙗвѣща рѣкла еси такъ едина ꙗ же нѣ безꙋмныхъ: аще же мы прїимывахомъ бл҃га ꙗ гдѣ. злаго почто бы есмы восприати не имѣли** (л. 9 об.) – БВ *Ktory rzékł do niego: Jákó iedná z niewiaft balonych rzekłás: JesliŃmy przyęli dobrá z ręki Bożęy / złego czemubyŃmy przyjmowác nie mieli?* (л. 521). Ср. БВ *Ktorey on odpowiedział / Mowiłás to iákó iedná z niewiaft balonych: Jesliżechmy bráli dobrá od Pána / á niebczęfcia przeczże przyjmowác nie mamy.*

При переводе Моисей заимствует чтения из обоих источников, контаминируя их, что отражается и в данном фрагменте. Можно предположить, что выбор форм в условном периоде в опосредованном варианте отражает варьирование показателей *-Ńmy* и *-chmy* в источниках: так, форма **прїимывахомъ** соответствует варианту БВ *Jesliżechmy bráli* (там же и **же** соответствует *że*), а форма **бы есмы не имѣли** передает вариант БВ *czemubyŃmy nie mieli*. Впрочем, аористная форма находится здесь в московской Библии 1663 г. (при отсутствии в ней сосл. накл.): **Онже ворѣвъ на ню и рече: что ты аки едина ꙗ безꙋмныхъ женѣ се гла, аще бл҃га прїахомъ ꙗ рѣки гдѣ, злаго не стерпимъ ли.**

В переводе Моисея встретилась и форма имперфекта с частицей **бы**: Иов 6:14 **имаше бы быти нѣкое добродѣйство показано быти вшлюбленномъ ꙗ ближнего своего, но онѣ вставилъ волзнь всемогꙋщаго** (л. 23 об. – 24) – БВ *Miałoby być iákíe dobrodzieyŃstwo utrapionemu okazáne od bliźniego Ńwego / ále on opuŃcił boiażń wŃbecmocnego* (л. 276).²¹ В польском языке находим инфинитивную конструкцию в сопровождении *by*. Форма **имаше бы** коррелирует с формой *молитвенного протяженного* грамматики Лаврентия Зизания 3 л. ед.ч. типа **павлашебы**.

Возможно, что использование такой формы в книге Иова поддерживается имперфектом, употребленным после союза *якобы* в разделе «Аргумент, сиречь изъявление» (взятом также из Брестской Библии, л. 273–274 об.): **Тѣм же в сей повѣсти срѣти имамы, такъ швъ стѣ: защищаеѣ истиннѣ. обаче же мнително еѣ такъ бы в ней несмысленнъ и нечиннъ вправдалса, егже противници такъ бы чиннъ и мдрѣ защищахѣ нечестивю странѣ свою** (л. 118 об.–119) – БВ *Przytym w tey historyey obáczác mámy / iż*

21 Ср. Синодальный перевод: К страждущему должно быть сожаление от друга его, если только он не оставил страха к Вседержителю. <http://www.patriarchia.ru/bible/iov/6/>.

Job broni słuźney rzeczy / á wśákoź się zda iákoby w niey głupie á nie porządnie postępować miał / á iego zafię nieprzyiáciele iákoby porządnie á mądrze bronili niepoboźney sŵey sŵrony (л. 273 об.).

Подобная форма сосл. накл. с частицей **бы** и аористом встречается в переводе «Солнечника, или Уравнения воли человеческой с волею божиею» Иеремии Дрекслия, выполненном в 1688 г. с польского языка еще одним представителем книжного круга Чудова монастыря монахом Феофаном: 1 л. ед.ч. РГБ, Рум. 99 **аще бы (рече царь) хотѣхъ фѣлиппе искѣсити хотѣнїе мое к себѣ каковымъ либо образѣ^м, не иного ли бы искалъ** (л. 9) – ср. Jeslibyś (rzecze Krol) chciał Philippie doświadczyć chęci moiej przeciwko sobie iákimkolwiek sŵofobem / izalibyś inśwego szukał? (л. 2–3).

В церковнославянском переводе вместо первой формы сосл. накл. 2-ого лица употреблена особая форма сосл. накл. с неизменяемым **бы** и формой аориста 1 л. ед.ч. Таким образом, показатель лица находится не при форме, восходящей к вспомогательному глаголу, а при смысловой части. Вторая форма сосл. накл. 2-ого лица переведена формой, совпадающей с современной, в которой лицо не выражено эксплицитно. Форма **аще бы хотѣхъ** соотносится с формой 1 л. ед.ч. *молитвенного протяженного* грамматики Лаврентия Зизания **да бы гавла^х**.

В 1690-е гг. Евфимий Чудовский выполнил перевод Номоканона XIV титулов с толкованиями Феодора Вальсамона. Самый ранний список этого перевода – рукопись ГИМ, Син. 465 (1690 г.) – является черновиком, написанным самим Евфимием. (Исаченко-Лисовая 1987:113). Здесь также находится аналогичная форма сосл. накл. 3 л. мн.ч. с аористом основного глагола: Син. 465 (толкование Зонары на 10-е правило св. Петра Александрийского) **Аще ѡбъ не падоша бы, глѣтѣть, имели бы прощенїе ѡ превѣсловномъ ихъ дѣянїи** (л. 123 об.) – εἰ μὲν οὖν οὐ πεπτῶκασι, φησὶν, εἶχον ἄν συγγνώμην ἐπὶ τῇ παραλόγῳ αὐτῶν πᾶξει (Ραλλης, Ποτλης 1854:30).

Ср. выше характерную правку в Син. 465 (толкование Феодора Вальсамона на 8-ое правило Петра Александрийского) **аще и вси исповѣданїя изпадиши сотвориша [сверху: ли быша], еже, вѣворѣствити паденїе, и прѣ^дмѣчители, хрѣтїаны исповѣдати себе самыя. показаша [сверху: ли быша] ѡбъ совершенигѣйшее покаянїе** (л. 123) – εἰ καὶ πάντες οἱ ἐκ τῆς ὁμολογίας ἐκπεπτωκότες ἐποίησαν, τὸ ἀναπαλαῖσαι τὴν πτῶσιν, καὶ ἐνώπιον τῶν τυράννων Χριστιανούς ὁμολογεῖν αὐτοὺς, ἐνεδείξαντο ἄν τελειοτάτην μετάνοιαν (Ραλλης, Ποτλης 1854:25). Правка аориста, который формально соответствует здесь греческому аористу в условном периоде (в главном предложении в сопровождении частицы ἄν), на сослагательное наклонение проведена дважды.

Присутствие рассмотренных форм у чудовских книжников, чья лингвистическая компетенция весьма высока, заставляет видеть в подобных образованиях не просто аграмматизм, а, напротив, следование грамматическим правилам, изложенным у Зизания.

Грамматика Зизания становится известна в Москве еще в начале XVII в. По крайней мере часть списков, содержащих великорусские переработки этой грамматики, сохраняет подобные формы сослагательного наклонения (Кузьминова 2012:39, 106).

Таким образом, формы сослагательного наклонения в поздних церковнославянских текстах восточнославянского происхождения разнообразны и могут быть объединены в несколько парадигм, что опосредованно отражает процессы эволюции сослагательного наклонения в живых языках. Спектр форм сослагательного наклонения, обнаруживающихся в книжных текстах, однако, не вполне совпадает с тем, что находится в текстах на простой мове, более интенсивно взаимодействующей как с восточнославянскими диалектами, так и с западнославянскими языками.

Нормативным фильтром на пути проникновения и закрепления «полонизированных» форм являются восточнославянские грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого, на предписания которых и ориентированы в первую очередь рассмотренные церковнославянские переводы как киевского, так и московского происхождения. Примечательно при этом, что несмотря на сохранение западнорусских форм сосл. накл. I в московском издании грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г. (Кузьминова 2007:213–215; Успенский 2002:399), они, судя по всему, не использовались в реальной практике московских книжников, оставшись лишь частью грамматической теории. Напротив, формы грамматики Лаврентия Зизания, не совпадающие прямо с формами сосл. накл. живых славянских языков, нашли непосредственное отражение в лингвистической практике московских книжников из Чудова монастыря.

Литература

- Ананьева, Н.Е., 2009: *История и диалектология польского языка*. Москва: URSS.
- Булыка, А.М., Жураўскі, А.І., Крамко І.І., 1979: *Гістарычная марфалогія беларускай мовы*. Мінск: Навука і тэхніка.
- Галинская, Е.А., 2015: *Историческая грамматика русского языка*. Москва: URSS.
- Горшкова, К.В., Хабургаев, Г.А., 1997: *Историческая грамматика русского языка*. Москва: Издательство МГУ.

- Добрушина, Н.Р., 2016: *Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики*. Прага: Animedia Company.
- Дуличенко А.Д., 2017: Словенский язык. *Языки мира. Славянские языки*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 212–249.
- Духанина, А.В., 2008: *Морфологические нормы в сочинениях Епифания Премудрого (система глагола)*. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Москва: МГУ.
- Зализняк, А.А., 2004: *Древненовгородский диалект*. Москва: Языки русской культуры.
- Исаченко, Т.А., 2002: Книга Иова в переводе монаха Чудова монастыря Моисея (1671 г.): особенности языка и историко-литературный контекст. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 4 (10), 67–75.
- Исаченко-Лисовая, Т.А., 1987: Номоканон с толкованиями Вальсамона в переводе Евфимия Чудовского (конец XVII в.). Особенности языка и перевода. *Вопросы языкознания* 3, 111–121.
- Кречмер, А.Г., Невекловский, Г., 2017: Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский, черногорский языки). *Языки мира. Славянские языки*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 151–211.
- Кузьминова, Е.А., 2007: *Грамматика 1648 г.* Москва: МАКС Пресс.
- Кузьминова, Е.А., 2012: *Развитие грамматической мысли России XVI–XVIII вв.* Москва: МАКС Пресс.
- Кузьминова, Е.А., Ремнева, М.Л., 2000: *Грамматики Л. Зизания и М. Смотрицкого*. Москва: Изд-во МГУ.
- Назаревский, А.А., 1911: *Язык евангелия 1581 года в переводе В. Негалевского*. Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира.
- Ницолова, Р., 2008: *Българска граматика. Морфология*. София: университетско изд-во «Св. Климент Охридски».
- Пентковская, Т.В., 2016: Перевод аргументов к книге Иова 1671 г. на фоне московских библейских переводов с польского языка. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология* 2, 10–39.
- Пентковская, Т.В., 2017а: Сослагательное наклонение в Беседах св. Иоанна Златоуста на Деяния св. апостолов (Киев, 1624 г.). *И.А. Бодуэн де Куртене и мировая лингвистика. Международная конференция (VI Бодуэновские чтения): Труды и материалы*. Казань: КФУ, 228–230.
- Пентковская, Т.В., 2017б: Беседы Иоанна Златоуста на Деяния и Послания апостольские как источники перевода Нового Завета книжного круга Епифания Славинецкого. *Вестник МГУ. Серия 9 (филология)* 6, 7–31.
- Смирнова, Е.А., 2015: Условное наклонение в “простой мове” Евангелия В. Тяпинского около 1580 г. *Slavistica Vilnensis* 60, 51–59.

- Сичинава, Д.В., 2013: *Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект*. Москва: АСТ-Пресс.
- Скорвид, С.С., 2017: Чешский язык. *Языки мира. Славянские языки*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 250–292.
- Смирнов, Л.Н., 2017: Словацкий язык. *Языки мира. Славянские языки*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 293–328.
- Соболевский, С.И., 1999: *Древнегреческий язык*. Санкт-Петербург: Алетея.
- Тихомирова Т.С., 2017: Польский язык. *Языки мира. Славянские языки*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 373–409.
- Успенский, Б.А., 2002: *История русского литературного языка XI–XVII вв.* Москва: Аспект Пресс.
- PG 60 – *Patrologiae cursus completus. Series graeca*. Accurante J.P. Migne. Tomus LX. 1862.
- Thomson, Fr.J., 1993: Slavonic translations available in Muscovy: The Cause of Old Russian's Intellectual Silence and a Contributory Factor to Muscovite Cultural Autarky. В. Gasparov, O. Raevsky-Hughes. *California Slavic Studies. Vol. XVI. Christianity and the Eastern Slavs*. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University California Press, 179–214.
- Ραλλης, Γ.Α., Ποτλης, Μ., 1854: *Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων τῶν τε ἀρίων καὶ πανευφήμων Αποστόλων*. Τ. IV. Αθηνῆσιν: εκ τῆς τυπογραφίας Γ. Хартоφυλακος.

Summary: Conditional Mood in Late Church Slavonic Translations of East Slavic Origin

This paper deals with the forms of conditional mood in Kievan and Muscovite translations into Church Slavonic, dating from the 17th century. It is established that the forms of the conditional mood in Kievan translations of the Homilies of St. John Chrysostom on the Acts and the Epistles of the Holy Apostles arranged into two paradigms (*rekl bym* vs. *rekl bych*) which correspond to the paradigms of Meletius Smotrytsky's grammar of 1619. They also contain forms such as *priidoh* by which correlate with the paradigms of the grammar of Lavrentij Zizaniij of 1596. Despite the presence of a polonized form of the 1st person singular with the auxiliary *bym* in the Moscow edition of Smotrytsky's grammar of 1648, it was not included in the translational practice of the bookmen of the Chudov monastery. However, there are several forms of conditional mood in these translations that go back to the Zizaniij's grammar.

Key words: Conditional mood, Homilies of St. John Chrysostom, Book circle of the Chudov monastery, Church Slavonic grammars, Polish language

The modal meaning *за припомняне* of the Bulgarian imperfect tense and its counterparts in other Slavic languages

Andrea Trovesi

Università di Roma "Sapienza", Roma

Amongst Slavic languages, only Bulgarian (and Macedonian) has retained the imperfect, a synthetic past tense inherited from Protoslav. Apart from its temporal meanings, the Bulgarian imperfect occurs in a variety of modal meanings, which, generally speaking, imply a modification in the epistemic validity of the utterance.

The modal meaning *за припомняне* of the Bulgarian imperfective imperfect is used to ask for previously given but at present forgotten information. Based on previous research work on the subject, the paper aims to investigate whether and to what extent such a meaning can be expressed by verbal morphology in the Slavic languages that have lost the imperfect tense. The languages considered in the paper are: Bulgarian, Serbian (Croatian), Czech, Polish and Russian.

Key words: Bulgarian, imperfect tense, modal meanings, Slavic languages, contrastive analysis

0 Introduction

The imperfect is a synthetic past tense form that Bulgarian and Macedonian have retained, while it has been lost in the other Slavic languages. Besides its temporal meanings, the imperfect displays a wide array of modal usages, one of which is the so-called imperfect *за припомняне*. This modal usage of the imperfect is triggered when the speaker asks for the reactivation of information that was previously obtained but that in the moment of utterance cannot be retrieved, as in sentences (1) and (2):

(1) *Как се казваше?*

(2) *Кога заминаваше влакът ти?*

The aim of this paper is to show how the imperfect *за припомняне* works in Bulgarian and to check whether past tense forms in other Slavic languages are suitable for expressing it. The other Slavic languages that will be taken into consideration are Serbian, Czech, Polish and Russian, where at present only one single analytic past tense form is used. The analysis has been carried out through a questionnaire, in which native speakers have been asked about the acceptability of the modal interpretation *за припомняне* in sentences containing an imperfect

or an imperfective past tense form. The analytical framework applied in this paper is taken from research studies in the Romance languages and reference to them will be consistently made. In Italian and French, for example, the imperfect is a past tense commonly used in its temporal meanings and, despite the differences in frequency, in a wide range of modal usages as well (see for overviews Squartini 2001, Patard 2014 or Trovesi 2018).

Having this in mind, before tackling the main topic, an overview of the functioning of the imperfect will be given, with regard to both its basic temporal meanings, and its secondary modal ones.

1 The imperfect

The vast literature on the imperfect can be divided into two main branches of research, which are highly complementary. The first aims at defining the semantic invariant or the notional configuration of this past tense, in order to explain both the prototypical and the modal usages (“résidence identitaire” Bres 2005:2). The second approach is about setting up the most detailed classification list possible of the uses of the imperfect, mainly of the modal ones.

1.1 Temporal meanings

With regard to its core or temporal usage, the imperfect tense is used in Bulgarian in the following meanings: progressive (3), stative (4) and iterative (5).

(3) *Тя вървеше по улицата и мислеше за бъдещето.*

(4) *В ъгъла стоеше шкаф с книги, върху масата лежаха вестници.*

(5) *Всяка сутрин ставах рано и отивах на лекции.*

1.2 Modal meanings

In addition to its temporal meanings, the imperfect tense displays a rich variety of modal meanings or, in other words, non-temporal meanings, where the time of the event is not necessarily in the past:

Под “модална употреба” разбираме използването на имперфектната форма с цел да се изразят вторични модални отсенки, излизащи извън рамките на нормалната изявителна (или преизказна) модалност на формата, в случаите когато имперфектната форма като че ли изгубва специфичното си темпорално значение и изразява действия, които притежават фактически друга “неимперфектна” темпорална ориентация. (Stankov 1966:131)

There are many and detailed classifications of these secondary meanings. See, for example, Nannoni (2004:15–37) for Italian:

- a. onirico: *Ho sognato che io avevo fame e tu ti mangiavi tutta la torta.*
- b. fantastico: *Peccato che non ci siamo portati via quella bella insegna. Già e poi magari passava un vigile e ci conciava per le feste.*
- c. ludico: *(Facciamo che) io ero il re e tu la principessa.*
- d. conato o imminenziale: *L'aereo decollava già dalla pista, quando il pilota si accorse che un motore perdeva colpi.*
- e. ipotetico: *Se lo sapevo prima, arrivavo in tempo a salutarti.*
- f. epistemico e potenziale: *Vincenzo doveva essere qui, non capisco che cosa gli sia successo.*
- g. attenuativo o di cortesia: *Cosa desiderava, signora?*
- h. ipocoristico: *Aveva fame la mia bambina?*
- i. epistemico-doxastico: *Quand'è che partiva il tuo aereo domani?*
- j. pianificazione: *Domani andavo in biblioteca.*

De Mulder (2012:102–103) for French:

- a. imparfait de politesse ou d'atténuation: *Je voulais vous demander d'intercéder en ma faveur.*
- b. imparfait forain: *Qu'est-ce qu'elle voulait la petite dame?*
- c. imparfait hypocoristique: *un homme, qui garde les enfants de son amie en son absence, tente de consoler le petit garçon d'un gros chagrin en le prenant dans ses bras et dit : – Ch'est un pauvre bébé cha ... il avait le coeur brijé ...*
- d. imparfait préléudique: *Moi, j'étais le gendarme et tu avais volé une voiture.*
- e. imparfait hypothétique: *Si je gagnais le gros lot, je le partagerais avec vous.*
- f. imparfait exprimant un souhait ou un désir: *Ah, si j'avais une fortune!*
- g. imparfait contrefactuel: *Elle mit la main sur le loquet ... un pas de plus, elle était dans la rue.*

And for Bulgarian Stankov (1966:131–144; 1994–1995:196–200)

- a. politesse: *Исках да ви помоля за една услуга.*
- b. rappel: *Вие как се казвахте?*
- c. optativ: *Да можеш да му помогна!*
- d. irréel: *Ако бях по-млад и имах повече пари, бих заминал на работа в чужбина.*
- e. éventuel: *И ако някой влезеше, щеше да види, че в стаята няма никой.*

There are various hypotheses about the rise of the modal meanings of the imperfect (see Nannoni 2004 and Patard 2014 for an overview).

It was once thought that at the origin of such modal meanings lay a metaphoric transposition of temporal and aspectual traits of the imperfect: “La lontananza

temporale diventa metaforicamente una lontananza modale” (Bazzanella 1994:103) (in Bulgarian *транспозиция / преносна употреба*).

Moving away from this explanation and towards a more consistent categorial definition of the imperfect, which enables us to explain both its prototypical and its modal meanings, Patard (2014) maintains that any verbal tense has a “schematic meaning” and all other different uses are to be understood as “extensions” of this schematic meaning: “Non past interpretations of past tenses are pragmatic extensions of the schematic meaning” (Patard 2014:73). According to her theory, the semantics of past tenses is able to trigger modal non-past interpretations operating through a kind of “projection” outside the utterance. This happens when the past tense does not refer to the past time of the propositional contents of the utterance, but merely shows when the epistemic validity of the utterance begins. In other words, the reference point of Reichenbach’s theoretical framework functions as an evaluation point: $R = Ep$ “from which the epistemic validity (V) of the uttered proposition is considered” (Patard 2014:74). This is particularly evident with the Romance imperfect, which can extend the epistemic validity of the utterance up to the present and even further to the future, as in (6):

(6) [*Mary a dit que*] *John restait demain jusqu’à quatre heures.*

2 The modal meaning за припомняне

The imperfect за припомняне (Nicolova 2008:285) or на досециане (Stankov 1983; “valeur de rappel” Stankov 1994–1995:200)¹ is one of the most common modal meanings of the imperfect, especially in spoken varieties of language. It occurs in questions when the speaker asks to retrieve information given in the past but forgotten at the present time.

Patard lists this function in the group of evidential uses (Patard 2014:79) and terms it an “echo question”, as it represents a reply to a statement (albeit ideal) given at an earlier time. Similar views can be found in DeMulder (2012:99) “interprétations épistémiques ou évidentielles”, Squartini (2001:309) “the modal semantics of the imperfect in such cases as [...] basically involving evidentiality” and Berretta (1992), who has systematically described this usage in Italian, naming it “imperfetto epistemico-doxastico”.

The origin of such evidential usage of the imperfect is generally traced at a syntactic level to indirect speech. According to the rules of the *consecutio temporum*, the imperfect is the tense used in place of the present or the future in subordinate clauses introduced by *verba dicendi* (Bazzanella 1990:450–452; Bres

¹ See also Stojanov (1983:332–333), Pašov (1999:145).

2009:13 “Dans ces imparfaits des dires, on a affaire à une subordination énonciative (relayée, en discours indirect, par la subordination syntaxique)” and Patard 2014:75–77; 82–83 “marked interpretations in past reported speech”). This point of view presupposes the elision of the main clause from the underlying structure of the sentence:

(7) *Che cosa c’era al cinema stasera?*

< *Che cosa [hai detto che] c’era stasera al cinema?*

In the literature on the imperfect *за припомняне* in Bulgarian there is no direct reference to the evidential nature of the imperfect. This is not surprising, as Bulgarian has a dedicated mood for expressing evidentiality. Nevertheless, Bulgarian grammars consistently report that the imperfect tense can be used instead of the present in subordinate clauses introduced by verbs such as *чувам, мисля, казвам* generally in the aorist (see Stojanov 1983:329–330; Nicolova 2008:284).

(8) *Той не каза ли как се казваше? > Той [не каза ли] как се казваше?*

(9) *Той не каза ли как се казва?*

2.1 Bulgarian

Bulgarian grammars already offer good insight into the functioning of this modal meaning of the imperfect. According to them, it occurs with imperfective verbs and most frequently with atelic verbs, as in the following examples quoted from Stojanov (1983:333):²

(10) *Как се казваше? Небрежно попита тя. (Dimov)*

(11) *Каква беше поръчката ви? – обърна се тя към Павел без да съзнава точно какво изговаря. (Bolgar)*

(12) *Не живееше ли у вас една учителка? Росица Енева се казва. (Angelov)*

Some examples clearly show that such a meaning can be triggered even when the time of the eventuality follows the time of speech:

(13) *Та в колко часа беше събранието утре? (Stankov 1966:137)*

(14) *Ти утре рано ли заминаваше? (Pašov 1999:145)*

Although the examples reported in Bulgarian grammars are taken mainly from novels, Stankov stresses that the imperfect *за припомняне* is widespread in spoken Bulgarian (Stankov 1966:138). The responses given to the questionnaire by native speakers have proven that this statement holds true:

² Occurrences of imperfect *за припомняне* with modal verbs are not considered in this work. Modal verbs add to this meaning but, at the same time, blur the role played by the imperfect itself in disclosing it.

(15) *Кога беше рожденият ден на Иван?*

(16) *Къде живееше той?*

(17) *Ти къде точно работеше?*

Even sentences with the time of the eventuality in the future are fully acceptable:

(18) *Утре ли беше рожденият ден на Иван?*

With telic verbs the responses of native speakers reveal varying degrees of acceptability:

The sentence (19) is considered correct:

(19) *В колко часа заминаваше влакът ти?*

But when the time of the eventuality is expressly in the future the acceptability level decreases:

(20) *?Ти с кого се срещаше довечера?*

(21) **Ти къде го срещаше утре?*

In these cases other verbal forms are preferred, such as the present (22) or the future in the past (23):

(22) *Ти с кого се срещаш довечера / утре?*

(23) *Ти с кого щеше да се срещаш довечера / утре?*

The following sentence is of particular interest:

(24) *?Утре в колко часа заминаваше влакът?*

First, not all native speakers consider (24) acceptable, which suggests that telic verbal semantics could represent some kind of constraint to the use of the imperfect *за припомняне* in Bulgarian.

Second, those speakers who consider (24) acceptable underline that the information to be retrieved exists for sure, that is because there is an official timetable that fixes the time of departure of the train or because it is known that the decision to leave had been taken. That, in turn, suggests that the imperfect *за припомняне* in Bulgarian lacks the epistemic connotations it has, for example, in the Romance languages.³ The reason for that depends again on the fact that when reporting information in Bulgarian, the renarrated mood has to be used (see (25) and (26) respectively in the past or future in the past):

(25) *Та кога бил рожденият ден на Иван?*

(26) *Кога щял да е рожденият ден на Иван?*

3 Actually, similar comments were made by native speakers with regard to all the Bulgarian examples.

In general, the imperfect conveys a “по-голяма категоричност” (Rusinov / Georgiev 2000:220), as the comparison with the future in the past (Indicative mood) shows. The latter, as in (27), is more overtly contrafactual:⁴

(27) *Той кога щеше да си мие колата?*

2.2 Serbian

In Serbian (Serbo-Croatian) grammars the synthetic past forms, imperfect and aorist, are actually listed among other normative tenses (see Stevanović 1964:346–348; Stanojčić 2010:175–177). Nevertheless, it is explicitly specified, as for example in Mrazović (2009:149), that the imperfect tense: “praktično je iščezao u savremenom govoru, osim u malom delu narodnih govora, nema ga ni u jeziku štampe, radija i televizije. Potisnut je perfektom, a u pričanju (i pisanju) tzv. ‘istorijskim perfektom’ ”.⁵

In the mid 20th century considerable attention was devoted to the imperfect tense in Serbo-Croatian, presumably because it was acknowledged that it was in severe decline. In the works of the linguists that had worked on the topic (Stojićević 1951; Vuković 1955; Stevanović 1953; Sladoević 1953–54; Stevanović 1959), as well in some earlier ones, reference to the imperfect⁶ за припомняне can be found, but labeled as “imperfek(a)t za pravu sadašnjost”.

Vrlo je rijedak imperfekt za pravu sadašnjost, i to samo u pitanjima: što *veljaše?* (tj. što *veliš?* tako se u južnom primorju odzivaju žene i djevojke). V rječn. kod oj čuj, a vi otkle *beste?* (tj. otkle ste?). M. 33, što se ono u planini sjaše? nar. pjes. 1,37. (Maretić 1963(1931):624)

[...] označava jedno stanje koje [...] nije bilo takvo samo u prošlosti nego je takvo i u vreme govora – stalno. (Stevanović 1953-54:49)

In contemporary Serbian, spoken in Belgrade and Novi Sad, there appears to be no trace left of imperfect tense forms with a temporal meaning. Nevertheless, as surprising as it may sound, the only common imperfect forms still in use are the two relics *beše* (*biti*) and *zvaše se* (*zvati se*) in the meaning за припомняне:

(28) *Kako se zvaše onaj lekar?*

(29) *Kada beše Ivanov rođendan?*

where *beše* can occur even with a future time reference:

(30) *Da li sutra beše Ivanov rođendan?*

4 Similarly Stankov (1966:76) “имперфектинте действия тук не притежават характера на неосъщественост, присъщ на действията в бъдеще в миналото.”

5 In fact, nowadays one can still come across the imperfect only in novels or poetry, in some proverbs and sayings, or occasionally in the spoken south-western štokavian dialects (Montenegro).

6 Only imperfective verbs have the imperfect tense.

With other verbs, the imperfect *за припомняне* is not acceptable, not even with atelic verbs (31)–(32) and definitively not with a future time reference (33):

(31) (*) *Gde živiljaše ovaj?*

(32) (*) *U koliko sati polažaše tvoj voz?*⁷

(33) **U kojoj sobi ti rađaše sutra?*

However, amazingly Serbian native speakers asked to elicit a response to the use of past tenses with present or future time reference showed that they perceive very clearly what this is about. In order to convey the modal meaning of the imperfect *за припомняне*, which is requesting information already given, they consistently use *beše*, the third person singular of the imperfect of the verb *biti*, followed directly, without any connector, by the conjugated verb. This structure can be used with all verbs, both telic and atelic, as well as with the time of the eventuality in the present or in the future:

(34) *U kojoj sobi ti beše radiš (sutra)?*

(35) *U koliko sati beše polazi tvoj voz (sutra)?*

(36) *S kime se beše nalaziš (sutra)?*

Despite not being acquainted with the theories and studies about the imperfect *за припомняне* in other languages, Kovačević (2008) explicitly states that such a construction is used to refer to previously given information.

2.3 Czech, Polish and Russian

As to the activation of the modal meaning *за припомняне* in the imperfective past tense of other Slavic languages, testing on Czech, Polish and Russian has shown similar outcomes between them. All three languages display only one analytical past tense form and these forms are unable to trigger the *за припомняне* modal meaning. The results obtained from questionnaires given to native speakers demonstrate that the past tense (imperfective) can have merely past time validity and is not compatible with future time expressions:

Czech

(38) *Kdy byly jeho narozeniny?* PAST

(39) *V kolik hodin odjížděl vlak?* PAST

(40) **V kolik hodin odjížděl vlak zítra?*

⁷ In their temporal meaning (31) and (32) are perceived by native speakers as hypothetically possible: “Samo teoretski, nije u živoj upotrebi u savremenom jeziku. Sem možda u dijalektu.”

Polish

- (41) *Kiedy były jego urodziny?* PAST
 (42) *O której odjeżdżał pociąg?* PAST
 (43) **O której odjeżdżał pociąg jutro?*

Russian

- (44) *Когда у него был день рождения?* PAST
 (45) *Во сколько отправлялся поезд?* PAST
 (46) **Во сколько отправлялся поезд завтра?*

Further confirmation for this has been sought by searching the National language corpora,⁸ where three cases have been found where past imperfectives do not refer to past time reference.

1. clauses where the speaker enquires about a previous intention using the modal verbs *mít* and *mieć*:

- (47) *Úkolem novináře je pak najít klienty, kteří uvázli v zahraničí či na zaplacený zájezd neodletí. Včera ráno mi hledání takových zoufalých “dovolenkářů” odpadlo. Bohužel. Stalo se to mně samému. Už zítra jsem měl cestovat na dovolenou do Řecka s CK Parkam Holidays. Nepoletím. Včera totiž zkrachovala. (Mladá fronta DNES, 2.7.2011)*
- (48) *A zresztą zabrakło cementu. Jutro mieliśmy pojechać po materiały. Było po czwartej. Usiadłem pod kasztanem i napawałem się widokiem przemienionego domu.*

(J. Grzegorzczak, *Chaszcze*, 2009)

2. verbs in the past tense but with a present or future reference that explicitly convey a sense of intention and programming, such as ‘to want’ or ‘to have the intention of’:

- (49) - *А если вот за нее теперь такую сумму...*
 - *Верная лошадь...*
 - *Да... Вот что... Верная?! Знаешь что, голубчик, ты ко мне хотел завтра, кажется, зайти? Да? Хотел? Да?* (A. S. Buchov, *Pervyj opyt*, 1915)

3. past imperfectives are used in Polish and Russian as future in the past forms with a strong focus on the intentionality of the action:

⁸ For Czech: *Český národní korpus* (<https://www.korpus.cz/>); for Polish: *Narodowy Korpus Języka Polskiego* (<http://nkjp.pl/>); for Russian: *Национальный корпус русского языка* (<http://www.ruscorpora.ru/index.html>).

- (50) *W Wejherowie mieszkała ciotka Jakuba, kobieta była w porządku, nie miała nic przeciwko temu, by przenocował u niej z kolegą. Jutro zaś czekała ich Gdynia i dwie fajne panny poznane w wakacje.* (M. Kaszyński, *Skarb w glinianym naczyniu*, 2008)

Still, there are some rare occurrences of the past imperfective when the time reference span extends to the present and future:

- (51) - *Panie Horn, może pan za jakie pół godziny przyjdzie do mnie?*
 - *Dobrze, panie dyrektorze. Ja nawet miałem interes i w tym celu jutro się wybierałem do pana.* (W. S. Reymont, *Ziemia Obiecana*, 1898)
- (52) *Звук этой фамилии толкнул генерала, как электрическая искра. Он живо протянул приезжему руку и произнес:*
 - *Я вас ждал завтра.*⁹
 - *Я поторопился и приехал ранее.*
 - *Прошу вас в мой кабинет.* (N. S. Leskov, *Na požach*, 1870)

Actually, identical uses are reported for Bulgarian, respectively:

- (53) *Кой текст трябваше да подготвите за днес?* (Nicolova 2004:285)
- (54) *А ти не искаше ли да отидеш на море следващата седмица?*
- (55) *На бай Иван Станоев, управител на ведомствената почивна станция Сакар Балкан, предстоеше тежка задача. Утре пристигаше първата смяна от почиващите и тая нощ той трябваше да изготви план за разпределение на хората по етажи и стаи.* (Neznakov, cit. in Stankov 1966:60).

As to (53) and (54), it was already noted above that modal verbs enhance the meaning *за припомняне*, but also shade the role played by the imperfect.

Sentences such as (55) suggest a past intention rather than having an explicit *за припомняне* meaning. Although cognitively very close to them, they should be rather considered expressions of another modal meaning called “предвиждани за реализиране” (Stankov 1966:61).

3 Conclusions

After analysing the modal meaning *за припомняне* in Slavic languages, we can make the following observations.

⁹ Petra Stankovska, editor of the present volume, points to the fact that in Czech the verb *čekat* ‘to wait’ is likely to function in the same manner: *Čekal jsem vás tu až zítra.* (B. Cartland, *Panna v Paříži*, 2006. Překl. Ludmila Havlíková).

1. The Bulgarian imperfect tense is regularly used in the modal meaning *за припомняне*. Nevertheless, compared to the corresponding uses of the imperfect in the Romance languages, its functional range appears restricted to those situations where the eventuality described by the verb is perceived as certain. This is because the wide scope of the *за припомняне* modal usage in the Romance languages and its evidential implicatures are covered in Bulgarian by the future in the past and the renarrated mood.
2. Contemporary Serbian has lost the imperfect tense, but the modal meaning *за припомняне* still survives thanks to the two relic forms (*beše*, *zvaše*) and more productively through the periphrastic structure: *beše* + present tense.
This structure is likely to have emerged from the notional gap that the relatively recent loss of the imperfect has created. As a substitutive periphrastical instrument it expresses a modal meaning that the analytic imperfective past tense form, which has taken over the temporal meanings of the imperfect, cannot fully convey. *Beše* operates as the element expanding the epistemic validity of the eventuality, which is separated from the propositional content carried by the conjugated verb.
3. The analytic past of the other Slavic languages considered is not suitable to express the modal meaning *за припомняне* in any consistent manner. This probably depends on the notional configuration of the imperfect itself, which is clearly not simply a past imperfective. However, how exactly the notional configuration of the Slavic imperfective analytic past tense constrains the activation of this (and other) modal meaning needs further investigation.

Literature

- Bazzanella, C., 1994: *Le facce del parlare. Un approccio pragmatico all'italiano parlato*. Firenze: La Nuova Italia.
- Berretta, M., 1992: Sul sistema di tempo, aspetto, e modo nell'italiano contemporaneo. B. Moretti, D. Petrini, S. Bianconi. *Linee di tendenza dell'italiano contemporaneo*. Roma: Bulzoni, 135–153.
- Bres, J., 2009: Dialogisme et temps verbaux de l'indicatif. *Langue française* 163, 21–39.
- Bres, J., 2005: L'imparfait: l'un et/ou le multiple? A propos des imparfaits 'narrative' et 'd'hypothèse'. E. Labeau, P. Larrivée. *Nouveaux développements de l'imparfait*. Amsterdam-New York: Rodopi.
- Bres, J., Mellet, S., 2009: Une approche dialogique des faits grammaticaux. *Langue française* 163, 3–20.

- De Mulder, W., 2012: Un sens épistémique pour l'imparfait et le passé simple? *Langue française* 173, 99–113.
- Desclés, J.-P., Guentchéva, Z., 2004: Imparfais bulgare et français: confrontation sur une valeur sémantique. *Catégories grammaticales et problèmes cognitifs*. Sofia: Institut de la langue bulgare, Académie des Sciences de Bulgarie, 10–33.
- Guentchéva, Z., 1988: L'aspect et le fonctionnement de l'imparfait imperfectif en bulgare. *Revue des Études slaves* 60/2, 393–404.
- Guentchéva, Z., 1990: *Temps et aspect: L'exemple du bulgare contemporain*. Paris: CNR.
- Guentchéva, Z., 1994: Imparfait, aoriste et passé simple: confrontation de leurs emplois dans des textes bulgares et français. *Studia kognitywne* 1, 163–181.
- Kovačević, M., 2008: O dejtičkoj upotrebi imperfekta. *Srpski jezik* 13, 149–161.
- Maretić, T., 1963(1931): *Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika*. Zagreb: Matica Hrvatska.
- Nannoni, C., 2004: *L'imperfetto tra linguistica e traduzione (francese-italiano)*. Trieste: EUT.
- Nicolova, R., 2008: *Bălgarska gramatika. Morfologija*. Sofija: Universitetsko izdatelstvo "Sv. Kliment Oxridski".
- Pašov, P., 1999: *Bălgarska gramatika*. Plovid: Xermes.
- Patard, A., 2011: The epistemic uses of the English simple past and the French imparfait. A. Patard, F. Brisard. *Cognitive Approaches to Tense, Aspect, and Epistemic Modality*. Amsterdam,-Philadelphia: John Benjamins, 278–310.
- Patard, A., 2014: When tense and aspect convey modality. Reflections on the modal uses of past tenses in Romance and Germanic languages. *Journal of Pragmatics* 71, 69–97.
- Roglić, V., 2000: *Imperfekat u francuskom i srpskom jeziku*. Beograd: Mrlješ.
- Rusinov, R., Georgiev, S. (săst.), 2000: *Enciklopedija na săvremennija bălgarski ezik*. Veliko Tărnovo: IPK "Sveti Evtimij Patriarx Tărnovski".
- Sladojević, Č. P., 1953-1954: O imperfektu u srpskohrvatskom jeziku. *Južnoslovenski filolog* 20, 39–79.
- Squartini, M., 2001: The internal structure of evidentiality in Romance. *Studies in Language* 25, 297–334.
- Stankov, V., 1966: *Imperfektăt v săvremennija bălgarski knižoven ezik*. Sofija: Akademija na naukite.
- Stevanović, M., 1959: Oko značenja imperfekta. *Zbornik filološkog fakulteta* 4/2 (Univerzitet u Beogradu), 119–143.
- Stevanović, M., 1953-1954: Značenje imperfekta prema upotrebi u jeziku P. P. Njegoša. *Južnoslovenski filolog* 20, 39–79.

- Stojanov, S., 1983: *Gramatika na sãvremennija bãlgarski knižoven ezik. Tom 2, Morfologija*. Sofija: Bãlgarska akademija na naukite.
- Stojićević, A., 1951: *Značenje aorista i imperfekta u srpskohrvatskom jeziku*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti.
- Trovesi, A., 2018: Valori modali dell'imperfetto in bulgaro e in italiano. Una rassegna contrastiva. F. Bermejo Calleja, P. Katelhön. *Lingua parlata: Un confronto fra l'italiano e alcune lingue europee* (Kontrastive Linguistik / Linguistica contrastiva, Band 8). Berlin: Peter Lang: 247–265.
- Vuković, J., 1955: *Sintaksička vrednost imperfekta u savremenom srpskohrvatskom jeziku*. Sarajevo: Naučno društvo NR Bosne i Hercegovine.

Povzetek: Modalni pomen za *припомняне* bolgarskega imperfekta nedovršnih glagolov in njegovi ekvivalenti v drugih slovanskih jezikih

Med slovanskimi jeziki je samo bolgarščina (in njej zelo podobna makedonščina) ohranila imperfekt, praslovansko sintetično obliko preteklika. Ta se ob svoji primarni temporalni vlogi uporablja tudi za izražanje različnih modalnih pomenov, ki, na splošno gledano, predvidevajo določeno spremembo v epistemični veljavnosti povedi. Modalni pomen za *припомняне* bolgarskega imperfekta nedovršnih glagolov se aktivira, kadar govorci sprašuje za informacijo, ki jo je že prej dobil, vendar jo je v trenutku govora pozabil. Izhajajoč iz predhodnih raziskav, se pričujoči prispevek osredotoča na vprašanje, ali in kako bi bilo možno isti pomen izraziti s pomočjo glagolske morfologije v tistih slovanskih jezikih, ki so imperfekt izgubili. Med analiziranimi jeziki so: bolgarščina, srbsščina (hrvaščina), češčina, poljščina in ruščina.

Ključne besede: bolgarščina, imperfekt, modalnost, slovanski jeziki, kontrastivno jezikoslovje

Резьянский диалект и грамматикализация славянского глагольного вида

Розанна Бенакьо

Падуанский университет, Падуа

Когда я получила приглашение поучаствовать в конференции, посвященной юбилею Люблянского университета и Отделения славистики (первоначально: Семинар славянской филологии) и, в частности, научному наследию Райко Нахтигала, я искренне обрадовалась и сразу же приняла приглашение.

Я так отреагировала, поскольку вспомнила, что у профессора Райко Нахтигала учился профессор Наталино (Божидар) Радович, долго преподававший славянскую филологию именно в Падуе (примерно с 1970 до 1992), и которого у нас на Кафедре все и до сих пор вспоминают с благодарностью как Учителя.

По свидетельству всех, кто знаком с ним и его работами, в нем ощущалось нечто «необыкновенное» для итальянской славистики, которая связана скорее с филологическими исследованиями древних славянских памятников письменности (текстологического характера), чем с лингвистическими. Радович был представителем другой традиции, которая через Люблянскую школу и Нахтигала уходила своими корнями прямо к Венской школе В. Ягича и В. Вондрака, где придавалось одинаково большое значение как изучению древних памятников письменности, так и изучению языковых явлений в сравнительно-историческом ракурсе. Имею в виду прежде всего работу *Slovanski jeziki* 1938 (1952²) Р. Нахтигала, которая, несомненно, повлияла на I том *Profilo di linguistica slava* 1969 Н. Радовича (*Grammatica comparativa delle lingue slave*), являвшимся на итальянской славистической сцене того времени своего рода уникалом.

Ключевые слова: славянский глагольный вид, грамматикализация вида, сравнительный анализ, резьянский диалект

Мой доклад относится к области сравнительно-исторических исследований славянских языков и посвящен резьянскому диалекту, занимающему, как известно, немаловажное место в сравнительной славистике благодаря своей периферийной позиции в славянском ареале (см. Benacchio 2002).

В таком (сравнительном) ракурсе мы уже обращались к другим морфосинтаксическим чертам резьянского диалекта, таким, как клитики (их местоположение в предложении), артикль (определенный, а также неопределенный) и т.д. (см. Benacchio 1996, 1998, 2002).

Теперь нам бы хотелось обратиться к исследованию вклада резьянского диалекта в изучение эволюции и грамматикализации вида глагола в славянских языках.

Как и в предыдущих работах (см. особенно Бенаккьо, Стэнвейк 2017), анализ проводится на материале корпуса, собранного Х. Стэнвейком в населенном пункте Сан-Джорджо (по-резьянски – Била) (Steenwijk 1992:237–338). Данные дополняются материалом из Steenwijk 2005 (из того же говора Сан-Джорджо).

1 Префиксация

В резьянском диалекте исконно славянские терминативные бесприставочные глаголы участвуют в процессе образования видовых пар в основном посредством префиксации: наряду с основной, бесприставочной, производящей формой глагола (чаще всего НСВ), появляется целый ряд производных форм (СВ), образованных посредством разных приставок. Эти дериваты могут образовывать видовые гнезда, которые содержат до десяти (и больше) глагольных форм СВ.

Только в некоторых случаях новая приставочная форма образует пару с исконной бесприставочной, и мы имеем дело с т.н. «префиксальными видовыми коррелятами». ¹ Это происходит, согласно т.н. «принципу Vey-Schooneveld», тогда, когда семантика префикса и производящего глагола совпадают и значение префикса (чаще всего пространственное, но также и временное, и даже более отвлеченное, метафорическое) как бы стирается, нейтрализуется. В этих случаях вторичная имперфективация не нужна и не появляется.

Обычно можно говорить только об одной «пустой» приставке, хотя бывают случаи, когда на такую роль могут претендовать две, реже и три приставки. ² В большинстве случаев, однако, приставки придают базовой форме определенное лексическое значение, и новый приставочный глагол совершенного вида обязан образовать парный глагол, т.е. создать свой коррелят несовершенного вида посредством т.н. вторичной имперфективации.

Легко увидеть, что резьянский диалект (по крайней мере, в области исконной лексики) ни в чем не отходит от общих принципов славянской

1 См. также термин «естественные перфективы» (Natural Perfectives), противопоставляемый термину «специализированные перфективы» (Specialized Perfectives), употребляемые в работах Л. Янды (см. Janda et al. 2013).

2 Такое явление, хорошо известное и в русском языке, стало предметом пристального внимания в исследованиях последних лет, ведущихся на языковом материале, находящемся в Интернете и в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) в частности. Среди них особое место занимают исследования группы CLEAR о вариативности приставок (Prefix Variation), См. Janda et alii 2013:139–162. См. по этому поводу Зализняк, Микаэлян 2012 (перепечат. в книге Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015:261 и сл.), Петрухина 2014:259 и др.

глагольной деривации, касающейся грамматикализации (точнее, префиксации) категории глагольного вида. В качестве примера, приведем следующее словообразовательное гнездо, образованное на основе простого глагола (simplex) *pīsat*:

<i>pīsat</i> _{НСВ}	‘писать / написать’
<i>napīsat</i> _{СВ}	
<i>pripīsat</i> _{СВ}	‘переписать / переписывать’
<i>pripīšūwat</i> _{НСВ}	
<i>zapīsat</i> _{СВ}	‘записать / записывать’
<i>zapīšūwat</i> _{НСВ}	
<i>pudpīsat</i> _{СВ}	‘подписать / подписывать’
<i>pudpīšūwat</i> _{НСВ}	

Нетерминативные бесприставочные глаголы также могут порождать производные формы СВ посредством префиксации. В данном случае, однако, приставочные глаголы обозначают способы действия. Это в основном префиксы *za-* (инхоативный с.д.) и *po-* (делимитативный с.д.). См.:

<i>pēt</i> _{НСВ} > <i>zapēt</i> _{СВ}	‘петь > запеть’
<i>jökät</i> _{НСВ} > <i>pojökät</i> _{СВ}	‘плакать > поплакать’

Однако такие случаи появляются редко, намного реже, чем в русском языке. См. интересные наблюдения С. Дики и Дж. Хатчесон о том, что в то время как в восточнославянских языках, употребление префикса *za-* с инхоативным значением распространилось широко, в других славянских языках это произошло в гораздо меньшей мере. По их мнению, это связано с различным значением, которое категория вида (точнее, СВ) проявляет в этих двух группах славянских языков:

In Russian (Ru), Ukrainian (Uk), Belarusian (BR) and Bulgarian (Bg), *za-* is highly productive as an ingressive prefix. Farther to the west, its productivity decreases, so that Serbian/Croatian (S/Cr), Slovene (Sn) and Polish (Pol) have fewer such verbs, and Czech (Cz) and Slovak (Sk) use *za-* to derive very few specifically ingressive verbs at all (rather, *za-* is primarily a totalizing prefix) (Dickey, Hutcheson 2003:23).

Подобная ситуация, по мнению двух ученых, характеризует делимитативный префикс *po*, очень распространенный в русском языке, но

редко появляющийся в чешском (кстати, здесь он появляется в основном в соединении с возвратным местоимением): «Thus, Sn and S/Cr share a low productivity of delimitatives in *po-* with Cz and Sk, in contrast to Bg and Ru» (Dickey, Hutcheson 2003:27).

Механизм префиксации в резьянском диалекте мы проиллюстрируем ниже на основе тех префиксов, которые представляются более интересными с точки зрения процесса грамматикализации славянского вида. Это префиксы *z-/s-*, *w-*, *po-/pi-* и *za-*. Об остальных префиксах см. подробно в Бенаккьо, Стэнвейк 2017.

Самый частотный (встречается примерно 100 раз в корпусе) это префикс *z-/s-*. Это самая распространенная приставка в резьянском диалекте, играющая роль «пустого», префикса, придающего исконному (терминативному) глаголу только результативное значение. Он является результатом слияния двух праславянских префиксов, т.е. **jъz-* и **sъ-* (и, хотя в меньшей мере, **vъz-*) (см. об этом Вајес 1959; Dickey 2005). Как принято считать, первому префиксу была свойственна семантика элативного типа, а второй мог выражать два разных значения: центростремительное значение (ср. предлог с творительным падежом) и значение аблативно-нисходящее (ср. предлог с родительным падежом).

Резьянский диалект в этом отношении полностью придерживается модели словенского языка. В самом деле, как убедительно показал С. Дики, в этом языке (подобно славянским языкам западной группы, как чешский, словацкий, серболужицкий и, отчасти, польский) в качестве «пустого» префикса грамматикализировался именно *z-/s-*, в отличие от восточнославянских языков (вместе с болгарским и македонским) где с данной функцией зафиксировался скорее префикс *no-* (Dickey 2000, 2005).

То же самое мы наблюдаем в резьянском диалекте: префикс *z-/s-* чаще других префиксов употребляется с чистовидовым, результативным значением. За ним можно иногда ‘увидеть’ исконное значение одного или другого префикса (**jъz-* или **sъ-*), семантически совпадающее со значением бесприставочного глагола, но такие случаи редки. Например, в следующих глаголах, приставка, как нам кажется, могла бы отражать праславянский **jъz-* (ср. предлог с род. падежом): *cidit / scidit* <minjěštro, mliku> ‘цедить / процедить <бульон, молоко>’; *cipit / scipit* <дугwa> ‘рубить / нарубить <дрова>’; *mлатit / zmlatit* <böb> ‘молотить / обмолотить (фасоль)’; *kašjat / skašjat* ‘кашлять / кашлянуть’, в то время как в следующих отражается скорее префикс **sъ-* (ср. предлог с твор. падежом): *blodit / zblodit* <wödo> ‘мутить / помутить (воду)’; *mystit / zmystit* <karćüfule> ‘разминать / размять (картошку)’; *mišat / zmišat* <minjěštro, mušnik> ‘мешать / помешать <суп, кашу>’.

Однако такие предположения не доказуемы и не столь важны: современный префикс полностью грамматикализирован и выражает просто результативное значение. См. также следующие глаголы: *grabät / zgrabät* <köžo> ‘царапать / поцарапать <кожу>’; *krivît / skrivît* <ružyč> ‘гнуть / согнуть <нож>’; *rüwat / zrüwat* <karčüfule> ‘копать / выкопать <картошку>’; *trest / strest* <jabulke dölu wod jarbula > ‘стрясти/стрясать <яблоки с дерева>’; *gorët / zgorët* ‘гореть/сгореть’.

Второй по частотности глагольный префикс в принятом нами во внимание материале – это *w-*, который, в силу особого фонетического развития резьянского диалекта (говора Билы), может отражать как праславянский префикс **u-* (в большинстве случаев: примерно 70 раз), так и **o-/obъ-*, о котором будет сказано ниже, а также (хотя намного реже) **vъ⁻³*, и **vъz⁻⁴*.

Префикс *w-* (<**u-*>) также полностью грамматикализирован и присоединяется не только к глаголам, выражающим «удаление» (и вообще отчуждение), но и к другим терминативным глаголам. Такое частое употребление, появляющееся в диалекте, который, как было сказано выше, обладает разными архаичными чертами, поддерживает мнение С. Дики, считающего **u-* первым славянским «пустым» префиксом, у которого только на более поздней диахронической стадии развития появилась типичная семантика «удаления от чего-то», которая характеризует его, например, в современном русском языке (Dickey 2015; см. также Klenin 1983). См., напр: *brisat / wbrisat* <plate> ‘вытирать / вытереть <посуду>’; *plivit / wplivit* <wyr> ‘полоть / прополоть <огород>’; *robit / wrobit* <jarbul> ‘рубить / срубить <дерево>’; *bižat / wbižat* ‘убежать / убежать’, *mrit / wmrit* ‘умирать / умереть’.

Проанализированные до сих пор префиксы являются чистовидовыми, т.е. они образуют пару с бесприставочным глаголом. Никакой вторичной имперфективации у них не появляется, так как никакого нового «специализированного» лексического значения они не порождают.

Префиксы, которые мы рассмотрим дальше, наоборот, выполняют разные функции: иногда бывают чистовидовыми, иногда специализированными, а иногда они выражают способы действия. Поэтому для каждого префикса будем представлять отдельно эти три случая.

Префикс *po-/pu-* занимает только третье место по частотности (встречается примерно 50 раз) в нашем корпусе. Как и предыдущие префиксы, он тоже

3 Было обнаружено всего три случая ‘прозрачной’ деривации с помощью этого префикса: *gryzt / wgryzt* ‘грызть / прогрызть’ (где префикс имеет чистовидовую функцию) и *wlyt / wliwat* ‘влиять / вливать’, *wlëst / wlažat* ‘войти / входить’ (где префикс имеет специализирующую функцию).

4 Всего два ‘надежных’ случая: *wzdignut* ‘воздвигнуть’ (см. Vajes 1959:112) и *wstât* ‘встать’. По поводу этого префикса, вполне возможно, что он, хотя и ‘скрыто’, появляется и в виде префикса *z-/s-*, но и в данном случае трудно назвать формы с прозрачной деривацией (см. Vajes 1959:112).

может играть важную роль в процессе перфективации глаголов, образуя «естественные перфективы». См., напр.: *znät / poznät* ‘знать / познать’; *kazat / pokazat* ‘показывать / показать’; *müslit / pümüslit (si)* ‘думать / подумать’; *dijät / pudijät* ‘нюхать / понюхать’.

Однако такие случаи довольно редки. Скорее всего, в резьянском диалекте этот префикс сохраняет (как нам кажется, больше, чем в русском языке) сильный оттенок делимитативности. Более того, он часто ‘конкурирует’ с другими префиксами, которые считаются информантами более нейтральными, и более употребительными в качестве «пустой» приставки. См. напр., следующую пару *süšit / pusüšit <möćanjè>* ‘выпаривать/ выпарить <воду из соуса> [букв. сушить соус]’ наряду с парой *süšit / wsüšit <sënu>* ‘сушить / высушить <сено>’. Оба префикса образуют перфективные формы, являющиеся коррелятами бесприставочного глагола *süšit* ‘сушить’. Значения двух приставочных глаголов, однако, разные: глагол, образованный путем префикса *pu-*, несмотря на то, может считаться естественным перфективом, всё-таки сохраняет оттенок делимитативности, и употребляется для обозначения недлительного действия. Наоборот, префикс *w-* выражает «настоящее» резульативное значение.

Подобное явление наблюдается с приставочными глаголами, образованными от глагола *časät*. Форма СВ, образованная посредством префикса *po-* (*ročasät*), имеет значение сходное с формой, образованной посредством префикса *s-* (*sčasät*), а именно ‘расчесать / расчесывать волосы’. Однако только последний глагол имеет полную парадигму, в то время как от глагола *ročasät*, не образуются, например, причастные формы на *-n*.

О настоящих делимитативных способах действия можно говорить в отношении следующих глагольных образований от нетерминативных глаголов: *ročakat (om čakat)* ‘подождать’ и *pojökat (ot jökat)* ‘плакать / поплакать’, которые, однако, не очень употребительны.

Что касается префикса *za-*, который достаточно хорошо представлен в резьянском диалекте (встречается примерно 40 раз), мы нашли мало случаев употребления его в чистовидовой функции. См.: *štokat / zaštokat <klobasico>* ‘прокалывать/проколоть <сардельку>’, где исконное пространственное значение префикса (которое можно определить как «преодоление предела при движении за сам предел») ‘сливается’ со значением базового глагола.

В большинстве случаев префикс имеет специализирующую функцию, и производный перфективный глагол создает себе партнера несовершенного вида посредством вторичной суффиксации. См.: *byt > zabyt / zabiwat*

<žrěbej> ‘забить / забивать <гвоздь>’; *wrěc* > *zawrěc* / *zawuržüwat* <din stari gužyc> ‘бросать / выбросить <старый нож>’.

Префикс *za-* также может выражать начинательный способ действия. Это касается в основном глаголов деятельности, передающих звуки. См., например: *wpyt* > *zawpyt* ‘кричать / закричать’; *pět* > *zapět* ‘петь / запеть’; *garmět* > *zagyrmnut* ‘греть / загреть’.

Следует отметить, что в данных случаях, кроме префикса, к базовому глаголу прибавляется и семельфактивный суффикс *-ni-*, и этот вариант считается информантами предпочтительным: *blejat* > *zablejnut* / *?zablejat* ‘блеть / заблеть’; *lajat* > *zalajnut* / *?zalajat* ‘лять/залаять’.⁵

2 Суффиксация

Для создания видового коррелята терминативные бесприставочные исконно славянские глаголы резьянского диалекта могут прибегать к суффиксации, играющей имперфектизирующую функцию. Это ‘первичная имперфективация’ по определению Исаченко (1960:170). Исходный бесприставочный глагол играет роль перфективного члена пары (выражающего достижение предела однократного действия), а новый, также бесприставочный – имперфективного (выражающего процесс, ведущий к пределу или многократность).

Имперфективация может реализоваться прибавлением суффикса *-a-*, хотя чаще суффикс реализуется как *-wa-* (или *-ja-*), где *w* (или *j*) является вставным («эпентетическим») элементом, устраняющим хиатус (Исаченко 1960:193).⁶ Нужно добавить также, что очень часто происходит палатализация согласного, который предшествует суффиксу. Могут появляться и другие изменения в корне, отражающие фонетическое развитие характерные для сложного резьянского вокализма. См.:

*püšcat*_{нсв} ← *püstit*_{св} ‘пускать / пустить’
*strijat*_{нсв} ← *strilit*_{св} ‘стрелять / выстрелить’⁷

5 Такое, совсем не редкое, явление, требует отдельного исследования совместно с изучением суффикса *-ni-*, также играющего важную роль в процессе грамматикализации глагольного вида в резьянском. Этой теме будет посвящена отдельная работа.

6 Случаи первичной суффиксации посредством суффикса *-iwa-* совсем редки (точно так, как было редким, употребление суффикса *-ova-* в такой функции в старославянском языке (Schuyt 1990:7, 29–34 e passim). Это в основном глагол *kupiwat*_{нсв} ← *küpi*_{св} ‘покупать / купить’ присутствующий в той же форме уже в старославянском, и сохранившийся также в словенском (*kupovati* / *kupiti*) и в сербо-хорватском (*kupovati* / *kupiti*). См. также *skušiwat*_{нсв} ← *skušy*_{св} ‘прыгать / прыгнуть’ и т.д.

7 См. работу Плунгян (2015) о двухосновной перфективации в русском языке, как раз по поводу такой «аномальной» пары *стрелять* / *выстрелить*. В древнерусском языке форма *стрѣлити* существовала, как форма СВ, и сохраняется как в украинском (*стрілити*) и белорусском (*стрэліць*) так и в русских диалектах.

$\dot{s}i\dot{w}at_{\text{НСВ}} \leftarrow \dot{s}yt_{\text{СВ}}$	‘шить / сшить’
$gnj\dot{i}wat_{\text{НСВ}} \leftarrow gnjyt_{\text{СВ}}$	‘гнуть / согнуть’
$oba\acute{c}awat_{\text{НСВ}} \leftarrow oba\acute{c}\ddot{a}t_{\text{СВ}}$	‘обещать / пообещать’
$daj\dot{a}t_{\text{НСВ}} \leftarrow d\ddot{a}t_{\text{СВ}}$	‘давать / дать’
$gn\ddot{i}wat^{\text{НСВ}}(se) \leftarrow gn\ddot{u}t^{\text{СВ}}(se)$	‘двигать(ся) / двинуть(ся)’

По поводу последнего глагола, который соответствует старославянскому глаголу *гънѣти* (см. русск. *гнуть / согнуть*), стоит напомнить следующее интересное замечание С. Дики о том, что в то время как в восточнославянских и в некоторых западнославянских современных языках этот глагол является глаголом НСВ (см. в русском языке видовой коррелят с префиксом *с-*), в других языках, т.е. в чешском, сербо-хорватском, словенском языках данная форма до сих пор является формой СВ (Dickey 2001:40). Свидетельство резьянского диалекта подтверждает еще раз мнение американского ученого, считающего, что вообще западно-славянские языки используют суффикснчаще всего в качестве нейтрального перфективирующего способа, в то время как восточно-славянские языки предпочитают префиксацию как способ перфективации: здесь данный суффикс выступает скорее как специфический способ выражения семельфактивно-моментального значения.

Первичная имперфективация является остатком более древнего этапа процесса грамматикализации глагольного вида, когда имперфективирующий суффикс *-a-* находился «на грани» акциональной (фреквентативно-дуративной) и аспектуальной функций (см. по этому поводу Mayo 1985:20). В целом, примеры такой суффиксации в резьянском диалекте редки, хотя, как показано выше, они появляются чуть чаще, чем в русском языке.

3 Итоги

Итак, если принимать во внимание способы грамматикализации вида (точнее, образования видовых пар) исконно славянских глаголов, наблюдается полное совпадение с общими принципами глагольной деривации, действующими для большинства славянских языков. Это, например, перфективация посредством префиксации, а также первичная и вторичная имперфективация посредством суффиксации).

Такое совпадение имеет немаловажное значение для диахронического изучения категории славянского глагольного вида, если учитывать периферийность (а также некоторую изолированность) этого диалекта, отличающегося своей архаичностью, а также тем, что он представляет собой «малонормированный» языковой вариант, не основанный на

продолжительной, авторитетной письменной традиции, передаваемый в основном в устной форме.

Иными словами, присутствие столь «солидной» типично славянской модели глагольной видовой деривации (опирающейся на префиксацию и суффиксацию) заставляет нас думать, что такая модель была уже глубоко «заложена» у славянского населения, которое переселилось в резьянскую долину примерно в IX–XI веках (возможно, и раньше, с VII века), тем самым подтверждая гипотезу, что «ядро» славянской видовой системы сформировалось в праславянскую эпоху, еще до распада балто-славянской общности (см. об этом Wiemer 2017, а также обзор литературы по этому вопросу в Ruvoleto 2016:5–29).

Более того, свидетельство резьянского можно считать ключевым при установлении различных этапов диахронического (и географического) развития славянского вида, при этом во многих отношениях подтверждая т.н. East-West Theory of Slavic Aspect, принадлежащую к Стивену Дики (см. особенно Dickey 2000).

Имеется в виду прежде всего более широкое употребление префикса *u-* (а также *z-/s-*) как «пустого префикса» с чисто результативным значением в нашем диалекте (вместе с другими западными), чем в восточных славянских языках, где, по мнению американского ученого, развивался другой «тип» вида, основанный скорее на темпоральной определенности, чем на целостности.

Та же самая теория предполагает меньшую степень развития способов действия в западных славянских языках, чем в восточных. В самом деле, как было сказано, способы действия делимитативный или инхоативный, образованные от нетерминативных глаголов с помощью префиксов *po-* или *za-* появляются очень редко в резьянском диалекте. Более того, иногда делимитативное и инхоативное значения представляются настолько ослабленными, что замечается нейтрализация этих двух префиксов (функций), которые ведут себя просто как результативные глаголы СВ. См. почти синонимическое употребление от глагольных форм *zazibat u pozibat* (< *zibat*) '(по)качать': *Na ga zazibala no malo* и *Na ga pozibala no malo* имеют одинаковое значение 'Она его немного покачала'; то же самое по поводу следующих двух императивных конструкций *Zazibaj ga!* и *Pozibaj ga!* 'Покачай его!'

Свидетельство резьянского диалекта может оказаться значимым и по отношению к другому способу действия, т.е. к семейфактивному, передаваемому вообще в славянских языках посредством суффиксов, восходящих к **-no-* (а также, хотя это спорный вопрос, посредством префикса, восходящего к

праславянскому **ǰbz-*. По этому поводу, точнее по поводу статуса данного суффикса, существуют разные мнения, как показывают и дискуссии, появившиеся особенно в последние годы (см. особенно Dickey 2001; Плунгян 2000; Соколова 2015; Горбова 2016).

Речь идет о том, насколько трудно четко отличить у этих глаголов значение однократности от значения результативности (первое часто ослаблено и смыкается со вторым). Более того, работа над НКРЯ показала, что в живом разговорном русском языке все более и более развивается тенденция к употреблению суффикса *-ну-* как «всеобщего» «универсального» показателя перфективности, т.е. как с функцией передачи семельфактивности, так и создания естественных перфективов, а также для выражения делимитативности.

В резьянском диалекте также, как нам кажется, суффикс *-ни-* обладает достаточно сложной семантикой. Более углубленное изучение использования этого суффикса в этом диалекте, не подверженном нормативизации, может привести к большей ясности в понимании того же феномена в русском и в других славянских языках, в которых только недавно (благодаря языковым корпусам и новым корпусным лингвистическим исследованиям) были обнаружены факты, до сих пор не принимавшиеся во внимание.

На данный момент напомним только об одном феномене (указанном выше), а именно о наличии глаголов (в основном со значением звука), которые образуют форму СВ, с чисто результативным значением, при помощи комбинации префикса *za-* и суффикса *-ни-*. Подобное явление зафиксировано Дики в чешском и в других западнославянских языках (Dickey 2001), оно также имеет место в сербо-хорватском (но практически отсутствует в словенском). Именно поэтому этот феномен в резьянском имеет особое значение и должен быть изучен.

Резьянский диалект может представлять интерес и с других точек зрения, так же подтверждая результаты корпусных исследований о славянских языках и способствуя распространению более гибкого подхода к описанию языковых явлений. В частности, я имею в виду два феномена, часто появляющиеся в резьянском диалекте: феномен видовых троек (см. *wüčít / nawüčít / naučüwat* ‘учить / научить’; *jěst / sněst / snadat* ‘есть / съесть / съесть’; *mazat / namazat / namažüwat* ‘мазать / намазать’; *mučyt > namučyt / namučüwat* ‘замочить/замачивать’), а также феномен образования от простого, базового глагола более одного видового коррелята СВ. См., напр., *tičät / stičät* ‘жечь / сжечь (дрова)’ наряду с *tičät / zatičät* ‘подбрасывать / подбросить дров в огонь’; *mazat / namazat <köžo>* ‘мазать/ намазать <кожу>’ и *mazat / zmazat <däsko>* ‘смазывать / смазать доску’; *trest / potrest <wotrokä, da se zbüdi>*

‘трясти/потрясти <[спящего] ребенка, чтобы проснулся>’ наряду с названной выше парой *trest / strest* <*jabulke dölu wod jarbula*> ‘стрясти/стрясать <яблоки с дерева>’.

Оба эти явления долгое время считались периферийными в отношении видовой системы русского языка, которая традиционно основывалась на понятии регулярной видовой парности и, в целом, не принимались во внимание и в грамматических описаниях других славянских языков. Сравнение с данными из нашего диалекта, представляющего, как мы видели, все типичные черты «славянского» глагольного вида, может оказаться полезным для понимания и принятия этих явлений, как явлений, принадлежащих к системе «живого», «естественного» языка.

Литература

- Бенаккьо, Р., Стэнвейк, Х., 2017: Грамматикализация глагольного вида в резьянском диалекте: исконно-славянская и романская лексика». R. Benacchio, A. Muro, S. Slavkova (eds.), *The role of prefixes in the formation of aspectuality. Issues of grammaticalization*. Firenze, Firenze University Press, 23–39.
- Горбова, Е., 2016: Русские семельфактивы и прототипическая алломорфия. *Russian Linguistics* 40, 57–78.
- Зализняк, Анна А., Микаэлян, И.Л., Шмелев, А.Д., 2015: *Русская аспектология: в защиту видовой пары*. Москва: Языки славянской культуры.
- Исаченко, А.В., 1960: *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология*. Братислава: Изд. Словацкой Академии Наук.
- Петрухина, Е.В., 2014: Русский вид как морфологическая деривационная категория в контексте современных исследований видовой коррелятивности. *Scandoslavica* 54, 253–274.
- Плунгян, В., 2000: ‘Быстро’ в грамматике русского и других языков. Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин. *Слово в тексте и в словаре: Сб. статей к 70-летию акад. Ю.Д. Апресяна*. Москва. Языки русской культуры, 212–223.
- Плунгян, В., 2015: Двухосновная перфективация в русском языке: морфология и семантика. М. Kitajo. *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития*. Kyoto: Universitet Kioto Sange, 21–26.
- Соколова, С., 2015: «Rabotnul na slavu – Gul’ni smelo!». “Nu” as a universal aspectual marker in non-standard Russian. М. Kitajo. *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития*. Kyoto: Universitet Kioto Sange, 271–277.

- Bajec, A., 1959: *Besedotvorje slovenskega jezika. IV. Predlogi i Predpone*. Ljubljana: Slovenska Akademia Umetnosti.
- Benacchio, R., 1996: A proposito dell'articolo determinativo in sloveno: la testimonianza del Catechismo resiano del Settecento. R. Benacchio e L. Magarotto. *Studi slavistici in onore di N. Radovich*. Padova: CLEUP, 1–16.
- Benacchio, R., 1998: Obliko-skladenjske posebnosti rezijanščine. *Slavistična Revija* 46/3, 249–259.
- Benacchio, R., 2002: *I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto*. Udine: Società Filologica Friulana.
- Dickey, S. M., 2000: *Parameters of Slavic Aspect: A Cognitive Approach*. Stanford: CSLI.
- Dickey, S. M., 2001: "Semelfactive" –nq- and the Western Aspect Gestalt. *Journal of Slavic Linguistics* 9/1, 25–48.
- Dickey, S. M., 2005: S-/Z- and the Grammaticalization of Aspect in Slavic. *Slovenski Jezik. Slovene Linguistic Studies* 5, 3–55.
- Dickey, S. M. 2015: *Parameters of Slavic Aspect Reconsidered: The East-West Aspect Division from a Diachronic Perspective*. M. Shrager, et al., *Studies in Accentology and Slavic Linguistics in Honor of Ronald F. Feldstein*. Bloomington IN: Slavica Publishers, 29–45.
- Dickey, S. M., Hutcheson, J.: 2003. Delimitative Verbs in Russian, Czech and Slavic. R. A Maguire, A. Timberlake, *American Contributions to the 13th International Congress of Slavists. 1: Linguistics*: Bloomington, 23–36.
- Janda, L. et alii, 2013: *Why Russian Aspectual Prefixes aren't empty. Prefixes as Verb Classifiers*. Bloomington Indiana: Slavica Publishers.
- Klenin, E., 1983: Verbs of motion prefixed in U- in Old and Modern Russian. V. Markov, D. Worth. *From Los Angeles to Kiev. Papers on the occasion of the Ninth International Congress of Slavists*, Columbus Ohio: Slavica Publishers, 155–168.
- Mayo, P. J., 1985: *The morphology of aspect in seventeenth-century Russian (based on texts of the Smutnoe vremja)*. Columbus Ohio: Slavica Publishers.
- Ruvoletto, L, 2016: *I prefissi verbali nella Povešt' vremennykh let. Per un'analisi del processo di formazione dell'aspetto verbale in russo*. Firenze: Firenze University Press.
- Schuyt, R., 1990: *The morphology of Slavic verbal aspect. A descriptive and historical study* [Studies in Slavic and general linguistics 14]. Amsterdam - Atlanta GA: Rodopi.
- Steenwijk, H., 1992: *The Slovene dialect of Resia. San Giorgio* [Studies in Slavic and General Linguistics 18]. Amsterdam - Atlanta GA: Rodopi.

- Steenwijk, H., 2005: *Piccolo dizionario ortografico resiano/Mali bisidnik za tö jošt rozajanskë pisanjë*. Padova, CLEUP.
- Wiemer, B., Seržant, A., 2017: Diachrony and typology of Slavic aspect: What does morphology tell us? W. Bisang, A. Malchukov. *Unity and diversity in grammaticalization scenarios* [Studies in Diversity Linguistics 16] Berlin: Language Science Press, 239–307.

Summary: Resian and the Grammaticalization of Verbal Aspect from a Comparative Slavic Point of View

Resian, together with the Torre and Natisone dialects, belongs to the group of Slovene linguistic minorities present in Friuli, North-Eastern Italy, along the border with Slovenia. Although exposed to influence exerted by the Romance linguistic area for centuries, the dialect has been preserved rather well, much more so than the remaining Slovene dialects spoken in Friuli. For this reason, from the beginnings of Slavistics, Resian has attracted the attention of scholars who produced numerous studies on the subject. Because of its peripheral position within the Slavic linguistic area, Resian holds a very important position also for Slavic comparative studies, especially with regards to the study of the dual, the imperfect and the pluperfect, the development of the clitics (syntactical position, clitic doubling), the presence of the definite and indefinite article in Slavic languages etc.

In this paper the grammaticalization process of verbal aspect will be analysed from a comparative Slavic point of view. It will be shown that in Resian, the derivational characteristics common to the Slavic languages are well represented (e.g., primary and secondary imperfectivization by means of suffixes and perfectivization by means of prefixes). On the other hand, this dialect also contains some traits that play a crucial role for identifying various diachronical stages of Slavic verbal aspect: a more frequent use, in comparison with other Slavic languages, of suffixes, of the prefixes *u-* (and *z-/s-*) as “empty prefixes” that convey only a resultative meaning etc.

Key words: Slavic verbal aspect, grammaticalization of aspect, comparative analysis, Resian dialect

III.

Slovanska etimologija in imenoslovje

Идеи Р. Нахтигалья в контексте современной науки о праславянском языке¹

Любовь Куркина

Российская академия наук, Москва

В книге Р. Нахтигалья «Славянские языки» впервые в науке 30-х г. XX в. выдвигнут и последовательно реализован принцип иерархии языковых изменений на основе действующих в языке общих закономерностей. Принимаемые Р. Нахтигалем традиционные представления о структуре и развитии праславянского языка претерпели существенные изменения во второй половине XX в. На смену традиционной схемы развития праславянского языка в виде родословного древа приходит новое понимание, основанное на идее изначальной диалектной дробности языка-основы, незамкнутости, подвижности, проницаемости занимаемого им ареала. Исследование Р. Нахтигалья способствовало формированию новых взглядов на праславянский язык и тем самым положило начало нового подхода к изучению процессов, протекавших в исходной системе.

Ключевые слова: праславянский язык, диалектная дифференциация, формирование славянских языковых групп.

В научном наследии Р. Нахтигалья особое место занимает книга «Славянские языки». Эта книга, посвященная праславянской проблематике, впервые увидела свет в 1938 г., вторым изданием книга вышла в 1952 г., в русском переводе с кратким вступлением С.Б. Бернштейна – в 1963 г. Книга, сложившаяся на основе лекционных курсов, прочитанных в университете, опирается на достижения славистики конца 30-х г. XX в. и во многом идет в русле традиционной компаративистики. Это было время, когда в науке господствовал младограмматический подход к изучению языка. Младограмматиками собран и систематизирован большой фактический материал, который стал надежной основой всех последующих исследований праславянского языка. Работы младограмматиков отличает атомарный подход к языковым явлениям, синхронное описание, проекция фактов на одну временную плоскость. Особенности такого подхода нашли отражение в сравнительной грамматике Миклошича, по существу построенной как собрание кратких очерков

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-012-00059 «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении».

отдельных славянских языков: старославянского, словенского, болгарского, сербохорватского и т.д. Синхронный обзор данных отдельных славянских языков представлен и в грамматике Вондрака (Трубачев 2004b:512). Во второй половине XX в. коренным образом меняется парадигма исследования, вводятся новые параметры, открывающие более сложное понимание языковых процессов. Принципы системного подхода к языку, теория волнообразного распространения инноваций, теория языковых контактов, теория субстрата и др. проникают в исследования и определяют новые подходы и новый уровень интерпретации языковых процессов.

Многое из того нового, что входило в науку в первой половине XX в., было воспринято Р. Нахтигалем и вошло в его исследование славянских языков. В книге Р. Нахтигала органично сочетаются традиционные взгляды с новыми идеями, которые постепенно входили в практику научных исследований во второй половине XX в. Новые подходы к пониманию праславянского языка, его истории проходят в книге через анализ фонетики, системы склонения, системы спряжения, акцентологии. Автор исключает из рассмотрения словообразование и лексику, что обусловлено, видимо, слабой изученностью этих сфер языка в первой половине XX в. Видимо, по той же причине отсутствует раздел, посвященный проблеме чередования гласных. Следует заметить, что в первой половине XX в. проблема чередований применительно к славянским языкам была недостаточно разработана, недостаточен был материал по отдельным славянским языкам. Последующие исследования показали, что унаследованные из индоевропейского праязыка модели чередований, в частности чередования *e: o*, сохраняют продуктивность в истории праславянского языка и в силу общих предпосылок в отдельных славянских языках (Кузнецов 1954:27–54).

Праславянская проблематика охватывает много аспектов. Отталкиваясь от книги Р. Нахтигала, мы попытаемся очень кратко остановиться лишь на некоторых аспектах этой проблемы.

Прежде всего остановимся на термине, используемом автором для обозначения языка-основы. Из двух определений исходной системы – *общеславянский* и *праславянский* – Р. Нахтигаль останавливается на термине, принятом в современной науке – праславянский, хотя в первой половине XX в. был более употребителен термин – общеславянский язык (ср. А. Мейе). Со временем произошло разграничение терминов, за ними закрепились разные значения: термин общеславянский стал соотноситься с явлениями, изучаемыми в пределах славянского языкового пространства, с явлениями, распространенными на всей славянской территории или какой-то ее части.

Термин праславянский язык предназначен для обозначения праязыка, лежащего в основе всех славянских языков. Этот термин, определяющий генетические отношения славянских языков, более точно определяет предмет исследования.

Новизна исследования Р. Нахтигала в *системном* и *историческом* подходе к анализу языковых процессов. Р. Нахтигаль отходит от статичного рассмотрения языковых фактов и видит свою задачу в том, чтобы воссоздать процесс развития, проследить взаимосвязь и последовательность изменений в фонетике и грамматике в разные периоды развития праславянского языка. Это придает особое значение исследованию Нахтигала и выделяет его в кругу славистических исследований. Заметим, что проблема развития языка-основы не ставится в таком авторитетном исследовании, каким является «Общеславянский язык» А. Мейе. Как пишет С.Б. Бернштейн, книга А. Мейе – «это не история общеславянского «языка-основы», а только ценное собрание славянских языковых древностей» (Бернштейн 1954:13).

В развитии праславянского языка Р. Нахтигаль различает два периода – доисторический и исторический, в современной терминологии – дописьменный и письменный. Как пишет Р. Нахтигаль, «время, когда славяне говорили еще *более или менее единым языком* (здесь и далее курсив наш) и для которого наиболее существенным признаком был *фонетический закон* исключительно *открытых слогов*, называют *доисторическим, праславянским*» (Нахтигаль 1963: 38). Следующий период – исторический начинается со времени разгрома авар Карлом Великим (768–814 гг.) и с той эпохи, когда после падения редуцированных появились новые закрытые слоги.

Исследование Р. Нахтигала наглядно показывает, что любые изменения в языке являются отражением системных изменений, протекающих на основе общеязыковых закономерностей. Особенно отчетливо это проявилось в разделе фонетики. Как отмечает С.Б. Бернштейн во вступительной статье к книге, Р. Нахтигаль первым *поставил проблему иерархии* фонетических процессов. В своем исследовании он показал основополагающее значение закона открытого слога. Действием этого закона обусловлены многие процессы, вызвавшие коренные преобразования в строе праславянского языка: упрощение групп согласных, монофтонгизация дифтонгов, возникновение носовых гласных, изменение дифтонгических сочетаний *or, ol* перед согласным в начале слова и т.д. Другой процесс, изменивший облик славянских языков, связан с палатализацией согласных. Со ссылкой на заимствования в плане относительной хронологии процессы II и III палатализации отнесены к эпохе, когда славяне пришли в соприкосновение

с готами (ср. гот. *kaisar* и ст.-слав. *цѣсарь*, гот. **kuning* и ст.-слав. *кѣназь*) (Нахтигаль 1963:70).

Завершение праславянского периода Р. Нахтигаль связывает с утратой сверхкратких в слабой позиции. Такого же мнения при определении границы праславянского языка придерживались Трубецкой, Дурново (X–XII вв.). Утрата сверхкратких привела к возникновению закрытых слогов, что вызвало фонетические процессы, определившие рубеж в истории славянских языков. Как пишет Р. Нахтигаль, процесс утраты сверхкратких начался после IX в. прежде всего на юге. В словенских говорах по данным Фрейз. отр. утрата редуцированных датируется 2-й половиной X в., более длительное время редуцированные сохранялись на севере: в древнерусском языке они употреблялись до XII в. (Нахтигаль 1963:145). Как показали новые исследования, в древнерусском языке падение слабых редуцированных не было единовременным актом, время падения зависело от позиции гласного в слове. В берестяных грамотах 20–40-г годами XII в. датируется падение слабых редуцированных в срединном слоге, в 90-е годы XII в.–10-е годы XIII в. процесс падения неконечных слабых редуцированных проходит свою заключительную фазу; начало процесса падения конечных редуцированных отнесено к концу XI – началу XII в. (Зализняк 1993:103–104).

Концептуально значимым и постоянно дискутируемым остается вопрос о структуре праславянского языка: *был ли праславянский язык единым, неделимым и когда появились первые диалектные различия?*

Основываясь на материале, Р. Нахтигаль не мог не отметить отступления в реализации тех или иных тенденций в разных частях славянского ареала. Он последовательно отмечает такие отступления. Так, упрощение групп согласных *tl* и *dl* > *l* не охватило всей славянской территории, и это, как он пишет, сказалось на диалектных различиях праславянского языка (Нахтигаль 1963:42). В восточной и южной славянских группах произошла ассимиляция взрывного с последующим сонорным согласным. Исключение составляют северо-западные русские говоры и северо-словенские говоры, где *tl*, *dl* изменились в *kl*, *gl*. По новым данным упрощение групп *tl* и *dl* > *l* происходит также в западной части нижнелужицкого языка (ср. *buliš* < *bydliš* ‘жить’), среднесловацком диалекте (ср. *salo*, *mylo*), а преобразование в *kl*, *gl* отмечено и в кашубско-словинской области, в среднесловацких диалектах (ср. *meglit*). С палатальной артикуляцией связано изменение начального *je-* перед гласным переднего ряда следующего слога. В противоположность южным и зап.-слав. языкам в вост.-слав. языках (в русской группе) начальное *je-* перешло в *o-*, ср. русск. *один*, *озеро* и ст.-слав. *единь*, *езеро* (Нахтигаль 1963:74) и т.д.

К перечню диалектных явлений можно добавить обнаруженное в берестяных грамотах и северо-западных русских говорах отступление от последовательной реализации так называемой II палатализации в древненовгородском диалекте, ср. *кѣле* ‘цел’, *кевь*, *кевка* ‘цевка’ и т.п. (Зализняк 2004:42–43).

Р. Нахтигаль соотносит нарастающие диалектные различия с эпохой, близкой к созданию письменных памятников. Предполагается, что процесс миграций, который приходится на середину I тыс., способствовал усилению диалектных различий. Традиционно считается, что в и.-е. эпоху и ранний период самостоятельного развития праславянского языка отсутствовало диалектное членение. В период распада праславянского языка диалектные различия касались частностей, превалировало общее (Бернштейн 1961:50–51). Это означает, что изначальная система была едина, неделима, диалектно не дифференцирована. Эта идея проходит через многие работы. А. Мейе писал о том, что «славянские языки представляют собой продолжение почти единого наречия» (Мейе 1951:1). Х. Бирнбаум полагает, что до 500 г. общий для всех славян язык, хотя и распространенный на значительной территории, «был еще в большой степени однородным», «был еще в высокой степени единообразным» (Бирнбаум 1987:22, 23).

Из идеи относительно поздней диалектной дифференциации вытекает положение об *особом статусе старославянского языка* в кругу славянских языков. По Нахтигалью исходное состояние отражает старославянский язык и один из древнейших памятников – Фрейз. отр. Древний литературный язык, так наз. старославянский язык, именовавшийся *словѣньскъ*, был языком славянских апостолов Константина-Кирилла († 869) и Мефодия († 885), родившихся в Солуни. «Этот язык может служить для нас историческим представителем праславянского языка, так как имеет все его существенные признаки» (Нахтигаль 1963:32). Во введении к книге «Общеславянский язык» А. Мейе пишет: «Общеславянский язык, как бы близок он ни был к историческому периоду, в письменности не засвидетельствован. Но одно счастливое обстоятельство ставит лингвиста, изучающего общеславянский язык, в более благоприятные условия, чем, например, германиста или кельтолога. Лингвист располагает переводами, написанными особым языком, отличным от общеславянского, принадлежащим к южнославянскому типу, точнее – македонскому, очень близкому к типу болгарских говоров. Говор, на который опирался этот письменный язык, язык текстов в значительной мере *тождествен* тому, чем был бы общеславянский язык» (Мейе 1951:7), «формы старославянского языка в большинстве случаев совпадают с восстанавливаемыми формами» для общеславянского языка (Мейе 1951:9–10).

Следует отметить, что старославянский язык не был народно-разговорным языком (Ван-Вейк 1957:17). Он имел статус книжного языка. Язык первых письменных памятников разделяет особенности языков и диалектов восточной части ю.-слав. ареала.

Встает вопрос: в каком отношении находятся с исходной системой современные славянские языки и славянские языковые группы? *Можно ли говорить о прямой связи структуры исходной системы с современной дифференциацией славянских языков?*

Р. Нахтигаль специально не останавливается на этом вопросе, в книге лишь говорится о противопоставлении севера и юга на славянской территории. Это означает, что Р. Нахтигаль следует традиционной схеме деления славянского языкового пространства, по которой вслед за первым разделением исходной монолитной системы на два диалекта – западный и восточный – происходит расщепление восточного диалекта, выделение в его составе южнославянского праязыка и как следствие этого процесса – образование нового противопоставления север – юг. Следующую, третью фазу в перегруппировке праславянских диалектов связывают с процессом сближения южных славян с предшественниками чешских и словацких племен. Соответственно при осмыслении проблемы генетических истоков южнославянской языковой группы акцентируется внимание на производности южных славян от восточных или подчеркиваются преимущественные связи южных и западных славян, и на этом основании строится гипотеза о западнославянском происхождении южных славян.

В подавляющем большинстве работ в системе праславянского языка видят зеркальное отражение современного деления славянских языков. Некая исходная ступень предполагается на плоскости праславянского языка для каждой из славянских языковых групп и даже отдельных языков.

Существенные изменения в понимании праславянского языка и его структуры связаны с расширением материальной базы, с привлечением данных лексического уровня. Это стало возможным благодаря развернувшимся в послевоенное время работам над атласами славянских языков, появлением большого количества диалектных словарей. Большой опыт лингвогеографического изучения лексики, а также работы по реконструкции праславянского лексического фонда, подвели к более сложному пониманию языковых отношений. Сложная мозаичная картина распределения лексических связей показала, что восстанавливаемые по совокупности данных древнейшие изоглоссы имеют более сложную конфигурацию и не укладываются в традиционную схему деления исходной системы сначала

по вертикали на запад и восток, а затем по горизонтали с вычленением двух ареалов – северного и южного.

Ключевым, определяющим для этногенетических построений стало *понимание праславянского языка как системы сложной, развивающейся, диалектно дифференцированной*.

Исследования показали, что диалектные связи имеют разную глубину во времени. При рассмотрении славянской лексики на и.-е. фоне обнаружилось, что отдельные диалекты поддерживали более тесные связи с балтийскими языками, чем остальные славянские диалекты. На IV Международном съезде славистов в 1958 г. В.М. Иллич-Свитыч высказал предположение об особой связи с балтийскими языками болгаро-македонских говоров. Приведенный им материал изолекс позволил сделать вывод об особом положении на древней карте диалектов, лежащих в основе болгарского и македонского языков: первоначально они занимали северную периферию праславянской территории и граничили с балтами (Трубачев 2004a: 291). Эта идея положила начало многим исследованиям, которые показали участие отдельных сербохорватских, а также словенских лексем в изоглоссах с балтийскими языками (ср. лит. *gõžti* ‘разрастаться, неуклюже шагать’ ~ болг. *газя*, с.-хорв. *г”зити* ‘переходить, наступать ногами’, лит. *kietas* ~ болг. *чѣтав*, с.-хорв. *чим* ‘целый, невредимый’, лит. *alsúoti* ‘тяжело дышать’ ~ лхна ‘подуть, повеять’, и т.д. (Трубачев I 2004a:293–294). Проблеме внутриславянских и собственно словенских лексических связей с балтийскими языками посвящены и работы Ф. Безлая (ср. Bezłaj 1967). Новый материал подводит к пересмотру генетических связей, а в ряде случаев намечаются уточнения по линии конкретизации изоглоссных связей внутри славянского языкового пространства (Нимчук 1984:294–313 с литературой).

В процессе исследования славянской лексики встала *проблема выявления древнейшего пласта* в словарном составе отдельных славянских языков (ср. Orłóš 1958:267–283; Radewa 1963:171–199 и др.) и в общем словарном фонде славянских языков. Параллельно в Кракове и Москве развернулась работа по реконструкции праславянского лексического фонда. Принципиально новым стал переход от корневой этимологии, объединения слов в одно этимологическое гнездо по корневому принципу (ср. словарь Бернекера: Berneker 1908–1913) к поискам цельнолексемных соответствий. Этот принцип, введенный в практику исследований Ф. Славским в «Этимологическом словаре польского языка» (особенно 2-й том), стал основополагающим для новых словарей, решающих задачи реконструкции и этимологизации лексики

эпохи распада праславянского языка, – «Słownik prasłowiański 1–8» (Kraków, 1974–2001–) и «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» 1–41– (Москва, 1974–2018–).

Изучение лексики в лингвогеографическом плане и работа над словарями показали более сложную картину распределения диалектных связей и подвели к переосмыслению самого механизма развития праславянского языка. Прямолинейные схематичные построения в духе теории родословного древа, построенные исключительно на данных фонетики, морфологии, уступают место более сложным представлениям о процессе развития, вытекающим из положения о динамичности праславянского языка, незамкнутости, проницаемости занимаемой им территории. «Необходимо считаться с подвижностью праславянского ареала, – пишет О. Н. Трубочев, – с возможностью не только расширения, но и сокращения его, вообще, – с фактом сосуществования разных этносов даже внутри этого ареала, как и в целом – со смешанным характером заселения древней Европы, – далее с неустойчивостью этнических границ и проницаемостью праславянской территории» (Трубочев 1982:12). Праславянский язык, видимо, характеризовала сложная система диалектных отношений, которая неоднократно перестраивалась под воздействием многих факторов лингвистического и экстралингвистического характера (давление субстрата, процессы интерференции и интеграции на смежной территории, факторы культурно-исторического характера и т. п.).

Каждая из славянских языковых групп стала результатом сложного развития, многоступенчатой перестройки диалектных связей, консолидации разных диалектов уже в эпоху, когда славяне окончательно освоили новую территорию. Как показывают последние исследования, западнославянская языковая группа сложилась на основе консолидации трех диалектных групп: чешско-словацкой, лехитской и серболужицкой, причем серболужицкие диалекты, для которых прослеживаются древние генетические связи с юго-восточными диалектами праславянского, лишь на сравнительно позднем этапе развития сблизилась с прапольским диалектом и постепенно вошли в сферу влияния диалектов лехитской группы (Шустер-Шевц 1983:33–60).

Развитие противопоставления на южнославянской территории связывают с двумя потоками славянских миграций, которые шли через Дакию и Паннонию. Углублению различий способствовало и то обстоятельство, что на новых землях славяне испытали на себе разностороннее культурное влияние (в западной части преобладает влияние позднеримской культуры, в восточной – греческой), их развитие протекало в разных системах государственных образований. Противопоставление двух южнославянских ареалов, во

многом обязанное интеграции диалектов в новых культурно-исторических условиях, перекрыло и таким образом стерло более древнюю диалектную структуру южнославянских языков.

Известно, что южные славяне пришли на Балканы и в Восточные Альпы не раньше VI–VII вв. Поддается реконструкции непрерывное развитие одного из идиомов, объединившим словенско-кайкавско-чакавские диалекты (подробнее см.: Куркина 1993:36–46; Snoj 2012:73–91). А. Белич определял этот идиом как «первое южнославянское языковое единство», историческая непрерывность которого прослеживается во времени (Belić 1921). Он положил начало словенскому языку. Для исследования этой группы диалектов в лингвоэтническом плане первостепенное значение имеет книга И. Поповича «История сербохорватского языка» (Popović 1960:гл. I, VII). Факт определенно выраженной неоднородности южнославянской языковой группы были причиной того, что некоторые слависты (Рамовш, Коларич, Копечный, Поржезинский, Ляпунов, Мирчев) ставили под сомнение существование южнославянского праязыка, хотя и допускали, что южнославянские племена до прихода на Балканы некоторое время жили вместе в северной или северо-восточной Паннонии. Опуская разные теории, объясняющие противопоставление западного и восточного ареалов на южнославянской территории, лишь отметим, что не последнюю роль в этом играли процессы миграции. По отражению редуцированных И. Гъльбов предполагает участие трех миграционных потоков, двигавшихся разными путями с севера из-за Дуная, в освоении болгаро-македонской территории: первый поток двигался из той задунайской области, которая контактировала с будущими польскими диалектами, прошел через Мизию и Фракию и занял Родопы и соседние районы; второй поток, более мощный, направлялся из восточных районов задунайской земли, эти племена заселили область к югу от Стара Планина, на запад от Черного моря, далее прошли в Македонию и на юг Пелопоннеса; третий поток продвигался с северо-запада, из Паннонии, по течению рек Тимок и Морава (Гъльбов 1964:227).

Известны прямо противоположные подходы к пониманию истоков вост.-слав. языковой группы: с одной стороны, концепция вост.-слав. единства, единства древнего новгородского диалекта и всего древнерусского, древневосточнославянского языка (Трубачев 1992:48–49), с другой, – концепция генетической неоднородности раннеславянских племенных объединений Восточной Европы, формирования древнерусского языкового единства из гетерогенных компонентов (ср. Хабургаев 1979:226 и след.). На основе анализа берестяных грамот А.А. Зализняк приходит к выводу

о существовании диалекта, не выводимого из традиционно предполагаемого вост.-слав. языка-основы: «в целом древненовгородский предстает как сильно обособленный славянский диалект, отличия которого от других вост.-слав. диалектов в части случаев восходят к праславянской эпохе» (Зализняк 1984:51). Целый ряд специфических «невост.-слав.» признаков, отмеченных в древненовгородском диалекте, объединяет предков новгородских словен и предков кривичей с западными славянами. С.Л. Николаев, продолживший это направление исследований, пишет о том, что диалект, еще не тронутый общевост.-слав. конвергентными процессами, представлял собой особый позднепраславянский диалект, входивший вместе с северными зап.-слав. диалектами в единый лингвогеографический ареал (Николаев 1990:62; Николаев 1994:25).

Вывод о вторичном, позднем сложении русского языка из гетерогенных компонентов, о двух этноязыковых потоках с севера и с юга не принимает О.Н. Трубачев. Он пишет о преемственном развитии праславянского в восточнославянском: «все вост.-слав. языковое пространство в целом целесообразно рассматривать как периферию общеславянского ареала» (Трубачев 2003:275–275).

Как видим, за последние полвека существенно изменилось понимание структуры и развития праславянского языка. Но это обстоятельство не умаляет достоинств книги Р. Нахтигала, работа над которой протекала в 30-х г. XX в. Эта книга не устарела, она стоит в одном ряду с работами А. Мейе, Ван-Вейка и др. и принадлежит к числу исследований, к которым постоянно обращаются слависты. Непреходящую ценность имеют материал, на который опирается исследование, и анализ этого материала. Впервые в книге в таком объеме используются данные словенского языка. Идея системного и исторического подхода, последовательно проводимая Р. Нахтигалем, заложила основы нового подхода к анализу развития языка.

Принятые сокращения

болг. – болгарский, вост.-слав. – восточнославянский, гот. – готский, зап.-слав. – западнославянский, лит. – литовский, общевост.-слав. – общевосточнославянский, ст.-слав. – старославянский, с.-хорв. – сербохорватский; ср. – сравни.

Литература

- Бернштейн, С.Б., 1954: Основные задачи, методы и принципы «Сравнительной грамматики славянских языков». *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 1. Москва: Наука, 5–23.
- Бернштейн, С.Б., 1961: *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*. Москва: Наука.
- Бирнбаум, Х., 1987: *Праславянский язык. Достижения и проблемы в его реконструкции*. Перевод с английского. Москва: Прогресс.
- Ван-Вейк, Н., 1957: *История старославянского языка*. Перевод с немецкого В.В. Бородич. Москва: Изд. Иностранной литературы.
- Гъльбов, И., 1964: Еровите застъпници и българското диалектно членение. *Изв. на Института за български език*. Кн. XI. София.
- Зализняк, А.А., 1984: Наблюдения над берестяными грамотами. Горшкова, К.В.: *История русского языка в древнейший период*. Москва: Издательство Московского университета, 101–108.
- Зализняк, А.А., 1993: Падение редуцированных по данным берестяных грамот. *Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика*. Москва: Наука, 82–105.
- Зализняк, А.А., 2004: *Древненовгородский диалект*. Второе издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003. Москва: Языки славянской культуры.
- Кузнецов, П.С., 1954: Чередования в общеславянском «языке-основе». *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 1. Москва: Наука, 24–67.
- Куркина, Л.В., 1993: Паннонославянская языковая общность в системе диалектных отношений праславянского языка. *Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов*. Москва: Наука, 36–45.
- Мейе, А., 1951: *Общеславянский язык*. Перевод со второго французского издания. Перевод и примечания проф. П.С. Кузнецова. Под редакцией С.Б. Бернштейна. Москва: Издательство иностранной литературы.
- Нахтигаль, Р., 1963: *Славянские языки*. Под редакцией и с предисловием проф. С. Б. Бернштейна. Москва: Издательство иностранной литературы.
- Николаев, С.Л., 1990: К истории племенного диалекта кривичей. *Советское славяноведение* 1990/4, 54–63.
- Николаев, С.Л. 1994: Раннее диалектное членение внешние связи восточнославянских диалектов. *Вопросы языкознания* 1994/3, 23–49.
- Нимчук, В.В., 1984: Карпато-украинско-южнославянские языковые параллели и тождества (История и перспективы). *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*. Москва: Наука, 294–313.

- Трубачев, О.Н., 1982: Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики. *Вопросы языкознания* 1982/4, 10–26.
- Трубачев, О.Н., 1992: *В поисках единства*. Москва: Наука.
- Трубачев, О. Н., 2003: *Этногенез и культура древнейших славян*. Москва: Наука.
- Трубачев, О. Н., 2004a: О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи). *Труды по этимологии. Слово-История-Культура*. Т.1. Москва: Языки славянской культуры, 260–297.
- Трубачев, О.Н., 2004b: Синхрония, диахрония – und kein Ende ... *Труды по этимологии. Слово-История-Культура*. Т.1. Москва: Языки славянской культуры, 511–521.
- Хабургаев, Г.А., 1979: *Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза*. Москва: изд. Московского университета.
- Шустер-Шевц, Х., 1983: Возникновение западнославянских языков из праславянского и особенности серболужицкого языкового развития. *Вопросы языкознания* 1983/2, 33–50.
- Belić, A., 1921: Les rapports mutuels du serbo-croate et du slovène. *Revue des études slaves* I, 20–27.
- Berneker, E., 1908-1913: *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg.
- Bezljaj, F., 1967: *Eseji o slovenskem jeziku*. Ljubljana: Mladinska knjiga.
- Meillet, A. 1924₁ (1934₂): *Le slave commun (seconde édition revue et augmentée avec le concours de A. Vaillant)*. Paris: Honoré Champion.
- Orłoś, T. Z., 1958: Element prasłowiański w dzisiejszym słownictwie czeskim. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej* 3, 267–283.
- Popović, I., 1960: *Geschichte der serbokroatischen Sprache*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Radewa, S., 1963: Element prasłowiański w dzisiejszym słownictwie bułgarskim. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej* 4, 171–199.
- Snoj, M., 2012: O jeziku naših prednikov na prelomu prvega tisočletja. Grdina, I. idr. (ur.): *Slovenci v zgodnjem srednjem veku. Zbornik člankov*. Ljubljana: Svetovni slovenski kongres, 73–92.

Summary: Ideas of R. Nahtigal in the Context of the Proto-Slavic Language

In his book, during the 1930's, R. Nahtigal implemented a very systematic and advanced principle of the hierarchy of changes based on the existing linguistic laws, which occurred for the first time in science. The book reflects the traditional views on the structure and development of Proto-Slavic language. With the expanded material, the understanding and the perception of the original language has changed, as well as the basis from which the original idea of dialect differentiation and territory occupied by such dialects arose. The value of the book lies in the origin of a new concept of Proto-Slavic language. It is based on rich material and for the first time, there are data of the Slovenian language contained in such a large volume. The book occupies a special place among the fundamental literature on slavistics.

Key words: Proto-Slavic language, principles of development of the Proto-Slavic language, formation of Slavic linguistic groups

Staré křesťanské výpůjčky v češtině a slovinštině

Jiří Rejzek

Univerzita Karlova, Praha

Čeština a slovinština jsou důležité tím, že na jejich území pronikaly první křesťanské misie ze Západu a že předchůdci Slovinců a Čechů (Moravanů) se s většinou křesťanských termínů zřejmě seznamovali mezi prvními ze slovanských kmenů. Zkoumání českých a slovinských podob tak může přinést cenné poznatky pro zjišťování historie konkrétních křesťanských výpůjček. Slovanským křesťanským termínům je věnována již celá řada příspěvků (některými se zabýval i R. Nahtigal), ale přesto u většiny z nich nedokážeme najít jednoznačný zdroj a cestu přejetí a vyložit bez problémů hláskové substituce. V tomto příspěvku se znovu zabýváme historií slov *církev/cérkev*, *biskup/škôf* a *kříž/križ* a snažíme se na pozadí dosavadního bádání upřesnit dobu a cestu přejetí.

Klíčová slova: křesťanské výpůjčky, etymologie, historie, pračeština, praslovinština.

Předchůdci Slovinců a Čechů (Moravanů) žili na územích, která byla již od časných dob vystavena pronikání západního křesťanství, a tak se mezi prvními seznamovali s většinou křesťanských termínů. Detailní zkoumání českých a slovinských podob, zvláště těch, které se od sebe hláskově liší, je tak důležité pro zjišťování historie konkrétních křesťanských výpůjček. Ačkoliv k původu slovanských křesťanských termínů již existuje bohatá literatura, je u většiny z nich těžké najít jednoznačný zdroj a cestu přejetí a vysvětlit hláskové substituce. V tomto příspěvku znovu otevřeme otázku původu a historie tří důležitých křesťanských výpůjček, které do češtiny, resp. slovinštiny nepochybně přišly západním prostřednictvím, přitom však jsou detaily těchto přejetí nejasné. Jde o slova *církev/cérkev*, *biskup/škôf* a *kříž/križ*.

Zřejmě jednou z nejstarších výpůjček souvisejících s křesťanstvím je slovo pro 'kostel, svatyni'. Většina historických podob ve slovanských jazycích se dá vyvodit z psl. podob **cъrky* či **cъrky*. Stč. *cierkev* i sln. *cérkev* se vyvozuji z druhého tvaru, i když výchozí podobu nezachovávají. Iniciální *cě-* místo *ci-* se vysvětluje analogií podle jiných slov na *cě-* (Moszyński 1977:286; Snoj 1994:512), ale roli mohlo hrát i kolísání mezi *i* a *ě*, které ve slovanských jazycích nacházíme (srov. stč. *mier* vedle etymologicky náležitého *mír*) (srov. Vondrák 1906:31–32; Pronk Tiethof 2013:104).

Stsl. zná obě základní podoby, první (ve formě *cъrky*) se však vyskytuje výrazně častěji. Druhou najdeme jen v ojedinělých dokladech v Kyjevských listech (gen.

sg. *circъve*), Frizinských památkách (lok. pl. *circvah*) a Žaltáři sinajském (ak. sg. *circъovъ*) (ESJS 2:96). Zdá se, že stsl doklady rovněž naznačují geografickou a kulturněhistorickou distribuci obou podob – podoba **cъrky* je základem slov pro ‘kostel’ ve vsl., bulh. a mak., zatímco k výchozímu **cъrky* ukazují podoby v zsl. jazycích a slovinštině, v s./ch. nářečích jsou kontinuanty obou forem. Okrajově se ovšem pokračování formy s redukováným vokálem objevuje ve stč. (*crkev*) (Gebauer 1903–1916:146) a naopak podoby s neredukovaným vokálem a metatezí ve str. (*crěkvъ* – akuz., *crikev*, *crekva*) (Snoj 1994:511). Pro řadu autorů je ovšem areálový rozdíl v distribuci obou základních forem natolik výrazný, že uvažují o dvojitým přejetí slova, jehož základem je nepochybně ř. *kyri(a)kón* ‘dům páně, chrám’ (od *kýrios* ‘pán’), ovšem cesty přejetí jsou velmi diskutabilní.

S myšlenkou o dvojitým přejetí slova do psl. přišel Nahtigal (1936:17–18). Podle něj je podoba *cir(ъ)ky* přejata ze sthn. (stbav.), konkrétně z dat. sg. *chirichun*, nejspíš v oblasti Karantánie, odkud se slovo dostalo do panonskomoravské slovanštiny. Podoba **cъrky* pak přišla do slovanštiny skrz cyrilometodějskou misii z balkánské oblasti, konkrétně z (krymské) góštiny. Tuto myšlenku pak rozvíjí Moszyński (1977), který modifikuje jen některé detaily. Za východisko formy **cir(ъ)ky* považuje stbav. *kirkō* (předtím např. Schwarz 1926:289), gótský zdroj uvádí jako **kyrikō*, které se ve slovanských ústech změnilo na **kŕky*, jež se pak druhou palatalizací změnilo na **cŕky*. Důležité svědectví tu podávají staroruské (novgorodské) podoby *krъkvъ*, *krkvi*, které implikují (pokud vyloučíme zvratnou analogii), že výraz musel dorazit na Rus ještě v podobě s iniciálním *k-* (Moszyński 1977:284, 287).

Proti gótskému původu lze uvést řadu námitek. Tou nejčastější je, že slovo není v góštině doloženo, je tam pouze *aikklesjo* ‘dům páně, kongregace’ a *gudhūs* ‘dům páně, synagoga’ (srov. Snaj 1994:510; Pronk Tiethof 2013:103; Moszyński 1977:287). Samozřejmě to úplně nevylučuje možnost, že slovo v góštině existovalo, ale věrohodnost výkladu to snižuje. Rovněž historické okolnosti přejetí z góštiny příliš nenasvědčují. Křesťanství Gótů v nadčernomořské oblasti trvalo před vpádem Hunů a zničení gótského panství (375) jen krátce. I kdyby Slované slovo pro svatyni zachytili, v dalších několika generacích by je zřejmě ztratili, protože by se s denotátem prostě nesetkávali. Navíc pokud by slovo bylo přejato ve 4. stol., muselo by projít již 1. palatalizací, nikoli druhou (srov. Snaj 1994:510). Moszyński uvažuje i o pozdějších kontaktech Gótů se Slovany na Balkánském poloostrově (srov. i Blažek 2000:26), ale to je velmi hypotetické. Mezi gótskými výpůjčkami také nejsou žádné vztahující se ke křesťanství.

Stejně tak je nepravděpodobné přejetí přímo z lidové řečtiny, které zastávají např. Skok 1971–74 či Borys 2005. Řecké slovo se totiž používá pouze v konstantinovské době, poté z úzu mizí (Brückner 1957:59; Snaj 1994:510), navíc

neznáme žádnou jinou řeckou výpůjčku, která by se zařadila k slovanským *ī*-kmenům (Moszyński 1977:288).

Vše tedy nasvědčuje tomu, že zdroj přejetí je třeba hledat v západogermánské oblasti. Násloví ukazuje, že v době přejetí musela působit 2. palatalizace (námitky v ESSJa 3:198–199, že přední vokály nediftongického původu nemohly podléhat 2. palatalizaci, jsou neopodstatněné), jejíž začátek se datuje zhruba do první poloviny 7. stol., působit mohla snad až do konce 8. stol. (Šekli 2014:249). Pak by se snad v první vlně bavorských misí ještě stihla projevit. Lze však uvažovat i o dřívějším přejetí. Nejde totiž o křesťanskou výpůjčku v pravém slova smyslu – Slované se se slovem pro sakrální stavbu spojenou s novým náboženstvím mohli seznámit dlouho před vlastním přijetím křesťanství. Zajímavý precedens máme přímo v germánštině. Západní a severní Germáni totiž zřejmě přejali slovo pro kostel v souvislosti se stavebními aktivitami konstantinovské epochy v římských koloniálních městech (Kolín, Trevír) rovněž více než půldruhého století před jejich christianizací (EWD:656), jinak je těžké tuto germánskou přejímku vysvětlit (románské a keltské jazyky, ale i góština vycházejí z lat. *ecclesia* z ř. *ekklēsia*). Zatím se opomíjí představa, že by psl. slovo pro ‘kostel’ mohlo být přejato ze západní germánštiny jako všeslovanská výpůjčka podobně jako např. **kьnędzь* či **kupiti*, které rovněž označovaly pro Slované do té doby neznámou realitu. Slované tak, možná v době Sámovy říše, mohli slovo pro křesťanskou svatyni – výrazný stavební a kulturní prvek krajiny, o němž se jistě mezi Slované šířilo povědomí – přijmout a rozšířit po celém slovanském území i do oblastí, které měly být christianizovány až o čtyři století později, podobně jako se přejetí z ř. *kyrikón* rozšířilo k severním Germánům, kteří přitom začali přijímat křesťanství až od 10. stol. Západogermánská podoba **kirikō* vyhovuje cílovému **cьr(ь)ky/*cīr(ь)ky* lépe než sthn. *kirihha*, *chiricha*, u něhož Nahtigal kvůli zakončení musí vycházet z dativu plurálu, zatímco bavorská podoba *kirkō* je jen konstrukt. Pro všeslovanskou výpůjčku by mohl hovořit i fakt, že zatímco většina křesťanských termínů v polštině je z češtiny, u stp. *cerkiew*, *cyrkiew*, *cyrki* to zřejmě není. Přejetí z češtiny uznává Moszyński (1977:286), polské etymologické slovníky o něm však mlčí (srov. Ślawski 1952 I:56; Brückner 1957:59; Borys 2005:54). Extrémní názor má Bańkowski (I, 2000:115–117), který předpokládá přejetí slova už v 1. pol. 6. stol. z východolatinšského (balkánského) **cīrukūs* z ř. lidového *eis k̄yriouoikous* ‘do kostela’. Motivací pro toto krkolomné vysvětlení je zřejmě snaha objasnit tvrdý jer po *r*, na nějž ukazují podoby jako č. *cerkve*, p. *cerkwe*. Schůdné vysvětlení má snad Snój (1994:512), když předpokládá, že při přejetí došlo ke zdloužení první slabiky a zániku vokálu ve slabice druhé. Vzhledem k neobvyklosti skupiny typu *CīRC* se však po *r* vkladný polovokál znovu vytvořil, ovšem tvrdý.

Otázkou zůstává, zda jde o jedno, či dvě různá přejetí. Nakonec se přikláníme k těm autorům, kteří uznávají jedno přejetí s různými výsledky a vyrovnáváním tvarů (srov. Snój 1994:512), i když je nápadné, že zdloužená podoba (iniciální *kī-*) se vyskytuje na území, které víceméně odpovídá předpokládané Sámově říši, zatímco jinde je hláskoslovně očekávanější *ki-*.

Výrazný formální rozdíl je mezi č. *biskup* a sln. *škòf*. Zde se předpokládají dvě časově a zřejmě i místně odlišná přejetí. Sln. *škòf* má obdobu pouze v chorv. (istrijském) *škòf* (Skok 1971–74:157), pozdně psl. *biskupъ* má kromě češtiny pokračování i v dalších zsl. jazycích (v hl. *biskop* je *-o-* zřejmě pozdější) a je dost pravděpodobné, že do nich slovo přešlo právě prostřednictvím češtiny. Na druhé straně je zřejmé, že vsl. *biskup* (ukr. i *býskup*) je přejetí z polštiny (ESJS I:62). V jsl. se zdá být staré s./ch. *biskup*, zatímco sln. *biskup* a mak. *biskup* jsou evidentně dosti mladá přejetí ze s./ch. (ve sln. možná i z č.). V csl. je *biskupъ* doloženo právě jen v charvátských hlaholských rukopisech, jinde jsou podoby přejaté z řečtiny (*episkopъ*, (*j*)*episkupъ*, *piskupъ*). Vzhledem k brzkému sthn. přejetí jiných slov souvisejících s církevní hierarchií jako *popъ* a *papežъ* (doložených ve stsl.) bychom ovšem předpokládali, že slovo bude na Moravě známo již před příchodem byzantské misie a že bude přejato jako výše uvedené případy.

Slovanská slova pro ‘biskupa’ nověji důkladně analyzoval Boček (2010:99–107). U obou skupin výrazů připouští v podstatě možnost původu germánského i románského, u varianty *biskupъ* však podle něj méně hláskových problémů skýtá původ románský. Ten navrhl už předtím někteří jiní badatelé (Titz 1930–31; Skok 1971–74; Habovštiak 1996). Většina etymologických výkladů ale počítá se sthn. přejetím (např. Janko 1948; Fasmer 1964–1973; Machek 1968; Borys 2005; Newerkla 2011). To, jak už bylo naznačeno, přináší několik hláskoslovných problémů. Skupina *sk* se od pol. 8. stol. začíná ve sthn. měnit na *šk* (ESJS I:63; Boček 2010:103), změna ovšem postupuje různě rychle v prostoru i čase a u slova cizího původu se mohla i zpoždovat. Substituce *u* za *o* ve druhé slabice naznačuje přejetí před dovršením změny *a > o*, ovšem substituce otevřeného něm. *o* slovanským *u* není zase tak samozřejmá (Boček 2010:106). Obě tyto změny by ukazovaly spíš na časnější přejetí (přelom 8. a 9. stol.), pak je však problémem vysvětlit zachování *i* v první slabice (čekali bychom *ь*, protože vznik pravých jerů následuje až po labializaci *a > o*, srov. Šekli 2014:27). Musí se tedy hledat nějaké kompromisní řešení. Janko (1948:185) uvažuje o dlouhé výslovnosti první slabiky způsobené lidovou etymologií ve sthn. (*bī-scof* ‘přihlížitel, dozorce’), snad lze nepravidelnosti v hláskových substitucích přičíst vlivu knižních tvarů řeckých a latinských (srov. např. Boček 2010:107).

Z hlediska areálového je zajímavý fakt, že slovo se zdá mít centrální postavení na dvou územích, která spolu nesousedí – na českém, odkud se zřejmě šíří do

dalších západoslovanských jazyků, a charvátském, odkud také expanduje do okolních jazyků. Jak jsme již zmínili, závažný je fakt, že slovo není ve stsl. ani csl. doloženo jinde než v charv.-hlah. rukopisech. To by mohlo naznačovat, že přejetí je až povelkomoravské. Machek (1968) považuje č. *biskup* za výpůjčku ze saštiny kvůli koncovému *p* a poukazuje na to, že první český biskup byl Sas Dětmár. Předpoklad koncového *p* ale vůbec není nutný, v té době by se takto substituovalo i něm. *f*. Také je pravděpodobné, že slovo pro biskupa k nám přišlo dřív než se založením českého biskupství.¹ Ovšem saská stopa by nemusela být lichá – ve 20. letech 10. stol. se mocenské centrum východofranské říše přesouvá s Jindřichem Ptáčníkem do Saska, a pokud bychom tedy byli nepřijali toto slovo velkomoravským prostřednictvím, bylo by pravděpodobné, že k nám přišlo právě v této době z oblasti saské. Tím by se vysvětlilo zachování *sk* a samozřejmě i *bi-* v první slabice – v době existence pravých jerů by se sthn. *i* realizovalo jako *i*. Jediným problémem je *u* za sthn. *o*. Tady se musíme uchýlit k spekulacím (např. větší zavřenost *o* v koncové zavřené slabice před *p*, srov. novější *kalup* z něm. *Gallop*, jinak srov. i Boček 2010:106). Při tomto výkladu však lze těžko spojit č. *biskup* se stejně znějícím *s./ch.* slovem, pro něž je saský původ vyloučen. Skok (1971–1974, I:157) pro *s./ch* slovo předpokládá románský původ, srov. i výše.

Sln. *škôf* je potom specifická výpůjčka na slovinském a nejzápadnější části chorvatského území. Obecně se předpokládá sthn. původ, i když Boček ukazuje, že ani románský původ není vyloučen. Vokalismus slova ukazuje na přejetí po labializaci *a > o* a před vznikem pravých jerů (sthn. *biscof* > *bškof* > *škof*), což by odpovídalo zhruba polovině 9. stol. Otázkou je ale koncové *f*, které se objevuje až u mladších výpůjček poté, co se stává součástí sln. fonologického systému. Podle Greenberga (2002:132) se tak děje až v 11. stol., připouští ale, že na konci slova to mohlo být dřív (druhým podobným případem je *škâf* ‘nádoba na vodu’ ze sthn. *skaph*), nejspíš ale až po zániku a vokalizaci jerů, což ovšem zase protirečí výkladu násloví. Jisté je, že v jiných starých sln. křesťanských výpůjčkách jako *pòp* či *pòst* je sthn. *f* substituováno *p*. Zřejmě i kvůli těmto rozporům Snój v Bezlaj 4 (2005: 59) uvádí pro přejetí slova *škôf* poměrně široké časové rozmezí 800 – 1000. Pro zjištění historie slova bychom ovšem potřebovali přesnější určení. Zásadnější tu pro nás bude vývoj v násloví, který ukazuje celkem jednoznačně na přejetí před vznikem pravých jerů. Greenberg (2002:132) datuje nejstarší slova *s f* až do 10. stol., protože předpokládá, že jeho proniknutí do sln. bylo umožněno zánikem slabých jerů na konci slov a vznikem opozice znělá – neznělá. Ve slovech *škôf* a *škâf*

1 Slovo *biskup* se objevuje na třech místech 1. stsl. legendy o sv. Václavu v edici podle Novljanského druhého breviáře (Vajs 1929:36–37) i v rekonstrukci Weingarta a Kurze (1949:193–194): *prizъva Vratislavъ [...] biskupa etera, imenъь Notara [...] vъzътъ biskupъ otroka, postavî jъ na krylě stepenъnjemъ prědъ oltar' em [...] blagoslovî enъjemъ biskupa togo pravъdъnjajego i molitvami jego načetъ otrokъ rastî.*

však na konci žádný vokální element nebyl (na rozdíl od *popъ* ze sthn. *pfaffo*), a tak tu neznělé sthn. *f* mohlo být realizováno dříve, snad tedy již kolem pol. 9. stol. Ještě dodáme, že sln. *škâf* má obdobu v č. *škop(ek)*, jehož vokalismus prozrazuje přejetí ještě před labializací *a > o*, tudíž nejpozději začátkem 9. stol. Do korutanské oblasti by tedy bylo slovo dorazilo se zpožděním několika desetiletí a reflektující již jiné hláskové substituce.

Pokud tedy předpokládáme přejetí podoby *škôf* kolem roku 850 v korutanské oblasti ze sthn., sotva si lze představit, že by v několika předchozích či následujících desetiletích došlo k přejetí výrazně rozdílné podoby *biskup(ъ)* rovněž ze sthn. Navrhujeme tedy takovýto scénář: Slovo pro biskupa pronikalo ještě před příchodem byzantské misie na panonské území a přilehlá území obývaná Slovany působením akvilejského patriarchátu a bavorských misí. Výsledkem prvního působení byla podoba *biskupъ* (k možným románským zdrojům srov. Boček 2010:104n.), které se udrželo v Slavonii a Dalmácii, zatímco bavorské misie přinesly slovo v podobě *škof*, která se držela v západní části jihoslovanského území. Je možné, že tyto podoby pronikaly i na Velkou Moravu, ale po příchodu byzantských věrozvěstů se ve staroslověnině – možná autoritou obou bratří, možná proto, že spolu soupeřily dvě příliš rozdílné podoby – prosadily podoby odvozené od ř. *episkopos*. Je otázkou, zda podoba *biskupъ* žila na Velké Moravě vedle toho v ústní tradici a po přesunu mocenského centra do Čech se tu prosadila, nebo tu byla zdrojem slova saština, jak bylo naznačeno výše. Shodná podoba č. a s./ch. slov by při dvou různých přejetích a značné variantnosti hláskových substitucí byla překvapující a málo pravděpodobná, ale možné je i určité kompromisní řešení, totiž že okrajová velkomoravská podoba *biskupъ* (román. původu) pronikla do Čech, kde byla podpořena podobným tvarem saským (*biskop/biskup*).

O severoitalském zdroji slov. *križъ*, se většinou nepochybuje (jako východisko se uvádí román. **krô(d)že* či **krû(d)že*). Předpokladu něm. prostřednictvím (sthn. *krûzi*), které se objevuje především u starších autorů (Miklosich 1886:141; Gebauer 1894–1929, 1:487; Holub, Kopečný 1952:191) vadí substituce koncového *ž* za *z* (Boček 2010:88), ta ale není nemožná. Závažnější argument je to, že stejný či podobný vývoj prodělala i jména *Rimъ* (< *Rōma*) a *Žid* (< *Jūd-*), která něm. prostřednictvím vyložit nelze. Hláskový vývoj je opět nejistý (problém činí vysvětlení přechodu *ū > y > i*). Zatímco přejetí před delabializací *ū > y* (obvykle kladenou do 8.–9. stol.) je chronologicky snad přijatelné, druhá fáze změny je problematictější. Tradiční vysvětlení počítá s jsl. splynutím *y, i > i* a následným šířením jsl. podoby k severním Slovanům (ESJS 6:367; Boryš 2005:268). Splynutí *i/y* se ovšem klade až do 10. stol. a to je už příliš pozdě na šíření slova k západním (severním) Slovanům (srov. např. Shevelov 1964:384, 268, který preferuje vyložit tento vývoj psl. přehláskou,

podobně Šekli 2014:236). S touto myšlenkou přišel již Boháč (1908), který předpokládal, že cizí *r* bylo přejato jako palatální slovanské *r'*, protože mu bylo artikulačně bližší než zadní tvrdé *R*. Vlivem tohoto palatálního *r'* pak došlo k psl. přehlásce $\bar{u} > \bar{i}$ (podrobněji k výkladům Boček 2010:82–90, který přebírá první část Boháčovy myšlenky k vysvětlení palatalizovanosti *r'*, jinak ale počítá s delabializací $\bar{u} > y$ a splnutím *y/i* v jsl. a následným šířením na sever). Je otázkou, zda v době přejetí slova je ještě možno počítat s působností psl. přehlásky (podle Šekliho 2014:236 cca 500–700). Křesťanské výpůjčky z románštiny ve slov. jazycích se obvykle spojují s misijními aktivitami akvilejského patriarchátu na přelomu 8. a 9. stol. v oblasti Karantánie a Panonie, je tu tedy zhruba sto let prodleva. Z hlediska relativní chronologie je patrné, že přehlásky fungují ještě po progresivní palatalizaci (Shevelov 1964:268; Šekli 2014:235). Ta působila ještě na začátku 9. stol. (přesvědčivé argumenty u Shevelova 1964:350), její začátek je možno klást do 2. pol. 7. stol. Slovo pro ‘kříž’ jako základní křesťanský symbol zase zřejmě patří k nejstarším křesťanským výpůjčkám, mohlo tedy snad být přejato již někdy ve 2. pol. 8. stol. Počítat ale pro tuto dobu s působností psl. přehlásky je i tak dost problematické.

Vzhledem k chronologickým těžkostem obou zmíněných variant tedy nelze opominout ani výklad svým způsobem nejjednodušší, totiž sporadickou změnu $ry > ri$ (srov. Kiparski 1934 a po něm Machek 1968:302). Řadu příkladů na změnu $ry > ri > ři$ v češtině uvádí Gebauer (1894–1929, 1:348). Pokud bychom tedy o této změně uvažovali, na rozdíl od Kiparského bychom ji kladli až do pračeského období. Jak připomíná Siatkowski (1996:207), slovo *křížb* je ve stsl. a csl. doloženo jen velmi omezeně – ve Frizinských památkách v podobě *cruz*, třikrát v charv.-hlaholském kánonu vatikánského misálu (CanMis) v podobě *krže*, v Pražských zlomcích v adj. *krізьнь* (stsl. jinak pro ‘kříž’ užívá výraz *krbstь*). Zápis *cruz* bývá vykládána různě, rozhodně však neodráží *i*. Obě další památky jsou výrazně mladší. Ruská csl. zřejmě přes csl. památky převzala podoby *kržb*, *kryžb*, *kryžь* (ESJS 6:367), které rovněž neukazují na csl. *i*. Nabízí se tedy myšlenka, že přejatá podoba dorazila ke Slovanům v podobě *krūžb*, která se vzápětí náležitě změnila na *kryžb*. Tato podoba (doložená snad jen ve Frizinských památkách) fungovala jako periferní dubleta k většinovému *krbstь*, jehož motivace není zcela jasná (ESJS 6:379). V 10. stol. došlo k splnutí *y/i* v jsl. jazycích, čímž vysvětlíme dnešní sln. a s./ch. podoby. Asi ve stejné době by pak na české půdě došlo ke změkčení $ry- > ri-$, které se pak odrazilo i v dalších zsl. tvarech, které byly z češtiny přejaty. Jde ovšem o sporadickou změnu, která se ve stč. projevuje většinou dubletami (*stříc*, *skřítí* apod., srov. však i lexikalizované *řičeti*, *řihati*); pro slova *kříž*, *Řím* bychom museli předpokládat její bezvýhradně provedení. To je určitá slabina tohoto výkladu, ovšem slabá místa – jak jsme viděli – mají i výklady ostatní.

Literatura

- Bańkowski, A., 2000: *Etymologiczny słownik języka polskiego* I–II. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN.
- Bezlaj, F., Snoj, M., 1976–2007: *Etimološki slovar slovenskega jezika* 1–5, Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti.
- Blažek, V., 2000: Keltové – Germáni – Slované. Lingvistické svědectví o kontinuitě a diskontinuitě osídlení střední Evropy. In: *Čeština: univerzália a specifika*. Brno: Masarykova univerzita, 9–29.
- Boček, V., 2010: *Studie k nejstarším romanismům ve slovanských jazycích*. Praha: Nakladatelství LN.
- Boháč, A., 1908: Slabika *ri-* v slov. *rimъ, križъ*. *Listy filologické* 35, 223–226.
- Boryś, W., 2005: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo literackie.
- Brückner, A., 1957: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa: Wiedza powszechna.
- ESJS, 1989–: *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* 1–, red. A. Erhart, E. Havlová, I. Janyšková. Praha: Academia.
- ESSJa 1973–: *Etimologičeskij slovar' slavjanskich jazykov. Praslavjanskij leksičeskij fond* 1–. O. N. Trubačev. Moskva: Nauka.
- EWD, 1995: *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. W. Pfeifer. München: Deutscher Taschenbuch Verlag.
- Fasmer, M., 1964–1973: *Etimologičeskij slovar' ruskogo jazyka* 1–4. *Perevod s nemeckogo i dopolnenija O.N. Trubačova*, Moskva: Izdatel'stvo Progress.
- Gebauer, J., 1903–1916: *Slovník staročeský* 1–2. Praha: Česká grafická společnost Unie.
- Gebauer, J., 1894–1929: *Historická mluvnice jazyka českého* 1–4. Praha: F. Tempský.
- Greenberg, M. L., 2002: *Zgodovinsko glasoslovje slovenskega jezika*. Maribor: Aristej.
- Habovštiak, A., 1996: Stará kresťanská terminológia z lingvisticko-geografického aspektu. *Slavia* 65, 20–22.
- Holub, J., Kopečný, F., 1952: *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha: SPN.
- Janko, J., 1948: Zas jednou o českých výrazech *mnich, biskup a papež*. In: *Slovenské studie. Sbírka statí, věnovaných univ. prof. dr. Josefu Vajsovi k uctění jeho životního díla*. Praha: Vyšehrad, 182–188.
- Kiparski, V., 1934: *Die gemeinlavischen Lehnwörter aus dem Germanischen*. Helsinki: Druckerei der Finnischen Literaturgesellschaft.
- Machek, V., 1968: *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha: Academia.

- Miklosich, F., 1886: *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien: Wilhelm Braumüller.
- Moszyński, L., 1977: Najstarsze zasięgi słowiańskich form obocznych *círky//cir(ʰ)ky. In: *Nahtigalov zbornik ob stoletnici rojstva*. F. Jakopin. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 281–292.
- Nahtigal, R., 1936: *Starocerkvenoslovanske študije*, Ljubljana: Učiteljska tiskarna.
- Newerkla, S. M., 2011: *Sprachkontakte Deutsch-Tschechisch-Slowakisch*. Zweite Auflage. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang.
- Pronk Tiethoff, S., 2013: *The Germanic loanwords in Proto-Slavic*. Amsterdam – New York: Editions Rodopi B.V.
- Shevelov, Y., 1964: *A Prehistory of Slavic*. Heidelberg: Carl Winter.
- Schwarz, E., 1926: Bemerkungen zur slavischen Lehnwörterkunde. *Archiv für slavische Philologie* 40, 284–292.
- Siatkowski, J., 1996: Przedcyrylometodejska i starobulgarska terminologia chrześcijańska w języku polskim. In: *Czesko-polskie kontakty językowe*, Warszawa: Energeia, 203–216.
- Skok, P., 1971–1974: *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* 1–4. Zagreb: JAZU.
- Sławski, F., 1952–: *Słownik etymologiczny języka polskiego* 1–. Kraków: Towarzystwo miłośników języka polskiego.
- Snoj, M., 1994: Naglaševanje praslovanskih –y/-uv-osnov ženskega spola. *Slavistična revija* 42/4, 491–528.
- Šekli, M., 2014: *Primerjalno glasoslovje slovanskih jezikov I. Od praindoevropsčine do praslovanščine*. Ljubljana: Filozofska fakulteta.
- Titz, K., 1930–31: Nejstarší vrstva českých slov církevních a kulturních. *Slavia* 9, 19–35.
- Vajs, J., 1929: *Sborník staroslovanských literárních památek o sv. Václavu a sv. Lidmile*. Praha: Česká akademie věd a umění.
- Vondrák, V., 1906: *Vergleichende Slavische Grammatik I*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.
- Weingart, M., Kurz, J., 1949: *Texty ke studiu jazyka a písemnictví staroslověnské-ho*. Praha: Karlova universita.

Summary: Old Christian loanwords in Czech and Slovenian

The ancestors of Slovenians and Czechs (Moravians) lived in territories that were exposed to the penetration of Western Christianity from early on and thus they were among the first Slavic peoples to become acquainted with Christian terms. Close analysis of Czech and Slovenian forms thus can reveal the history of specific Christian loanwords in more detail. Although there is prolific special literature as to the origin of Christian terms in Slavic languages (some of them were also dealt with by R. Nahtigal), most of them do not have a clear source, the line of borrowing and sound substitutions. In this paper, the origins and histories of the words *biskup/škòf*, *kříž/kříž* and *církev/cérkev* are reconsidered in an attempt to precisely define the time and route of the borrowing.

For Slavic **cir(ь)ky/*cbr(ь)ky*, a new idea is suggested, that the word can be a Common Slavic borrowing from the West Germanic **kirikō*, perhaps from the period of Samo's kingdom.

Slovenian *škòf* is interpreted as an OHG borrowing from about 850, while the Croatian *biskup* as a borrowing from the Romance area (Patriarchate of Aquileia). The question is if Czech *biskup* is of the same origin (the route to the Czech lands would be unclear, since the word is not attested to in Great Moravia and in classical Old Church Slavonic), or from Saxon.

For Slavic *křížь* (and also *Rimь*), both an explanation with the South Slavic merger *y/i* and the following spread to the Slavic north and that reckoning with the Common Slavic fronting $\bar{u} > \bar{i}$ are chronologically problematic. Therefore, the Proto-Czech sporadic change *ry > ri* cannot be ruled out in these two instances.

Keywords: Christian loanwords, etymology, history, Proto-Czech, Proto-Slovenian.

Potrat ve staroslověnštině z pohledu etymologického

Ilona Janyšková

Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky, Brno

V příspěvku zjišťujeme, jaké lexikální prostředky používala staroslověnština, respektive církevní slovanština pro potrat. Lexikální materiál byl čerpán z pětisvazkového pražského Slovníku jazyka staroslověnského. Těžiště článku spočívá v etymologické analýze těchto lexémů, tedy určení jejich původní sémantické motivace, a v nacházení případných paralel v ostatních slovanských jazycích.

Klíčová slova: jazykověda, etymologie, staroslověnština, církevní slovanština, potrat

Cílem příspěvku je etymologický výklad, tedy určení původní sémantické motivace staroslověnských, respektive církevněslovanských lexémů pro potrat. Pokud je nám známo, z hlediska etymologie nebyla těmto výrazům dosud věnována pozornost.¹ Studie vychází z lexikálního materiálu obsaženého ve Slovníku jazyka staroslověnského (SJS).

1 *zmet'nikъ*

V charvátskohlaholském textu starozákonní knihy Job v Novljanském II. breviáři je doloženo substantivum *zmet'nikъ*² v tomto kontextu: *ili ěko zmet'nikъ skrveno nepostoěti ili iže zaěeti ne viděše světa* (Job 3,16) / nebo jako zahrabaný potrat – nebyl bych tu, jako nedonošený plod, který nespátril světlo³. Autoři SJS (4:291) normalizují slovo v podobě *ꙗmetьnikъ* ‘potrat, zmetek’. Vzhledem k existenci varianty *iz'metakъ* v Novljanském I. breviáři je snad možno pro *zmet'nikъ* předpokládat původní tvar **izmetьnikъ*. Církevněslovanské slovo pro potrat patří do rodiny praslovanského slovesa **mesti*, které má ve slovanských jazycích řadu významů od ‘mést, zametat’ přes ‘prudce se hnát, zvedat se, vířit (o bouřce, dešti, větru, listí, sněhu apod.)’ až k ‘házet, vrhat, metat’. Posledně jmenovaný význam ‘házet, vrhat, metat’ mají i staroslověnská slovesa *mesti*, *metati*, podobně i prefigovaná *izmesti*, *izmetati* ‘vyhodit’. Společným východiskem je indoevropský slovesný kořen **met-*, který je – vzhledem k zmiňované široké škále významů – spojen s představou prudkého krouživého pohybu, z něhož lze uvedené významy

1 V rámci studie o postavení ženy ve velkomoravské společnosti se tématem potratu zabývala historička Lubomíra Havlíková (Havlíková 2009).

2 V řecké předloze je *ἔκτρομα* ‘potrat’. Výše uvedená verze je ovšem přizpůsobena podle latiny, srov.: aut sicut **abortivum absconditum** non subsisterem vel qui concepti non viderunt lucem (Stankovska 2018:30–31).

3 Ekumenický překlad Bible z roku 1979.

dobře vysvětlit.⁴ Csl. *zmet'nikъ* 'potrat' tak implikuje představu *'něčeho vyhozeného, vyvrhnutého, odstraněného'. Jako sémantickou paralelu je možno uvést ruské *выкидыши* 'potrat', 'potracený, nedonošený plod', derivát slovesa *выкинуть*, *выкидывать* 'vyhodit, vyhazovat', dial. *отбросыи* 'ребенок, родившийся мертвым, выкидыш' (SRNG 24:123), derivát slovesa *отбросить* 'odhodit'.

Také v češtině se můžeme setkat s výrazy pro potrat, které mají svůj původ v rodině slovanského *mesti*. Na rozdíl od výše uvedeného církevněslovanského výrazu jsou však omezeny na zvířata a ojedinele i na rostliny.⁵ Ve veterinárním lékařství znamená termín *zmetání* 'potrat, abortus, vypuzení plodu z dělohy zvířat před ukončením období březosti', slovesa *zmetati*, *změsti*, *pometati* znamenají 'vrhat, vrhnout mládě před ukončením březosti, potratit', *zmetek* je pak 'nedonošený plod, potracené zvířecí mládě' (SSJČ, PSJČ), v nářečích středočeských a severovýchodočeských i 'nedonošené, potracené dítě' (ALJ). Tyto výrazy jsou v českých nářečích bohatě doloženy, zde jen několik příkladů (ALJ): *Jalůvka pometala* 'jalovice potratila' (Slovácko), *To je velká škoda, že ta naše straka letoj zmetala!* (jihočeské), *Diš kráva zmetala, a tîle přide dřu na svjet, je to zmetek* (severovýchodočeské); kráva, která pometala, je *pometalka*, *pometalica* (ALJ). Ve staré češtině je ojedinele doloženo substantivum *zmetanie* 'potrat' (ESStč), v ukrajinských nářečích *змітка* 'кобыла, у которой постоянно бывают выкидыши' (Hrinčenko 1907–1909, 2:166).

2 *izvr'g'kb*

V charvátskohlaholském breviáři Víta z Omišlje je na stejném místě textu starozákonní knihy Job (Job 3,16) pro nedonošený plod, potrat výraz *izvr'g'kb*: *ili ěko izvr'g'kb izlaze iz ložesnb⁶ matere* (Pechuška 1935:55). V církevněslovanských apoštolářích je *izvragъ* 'nedochůdče, nedonošenec' užito v přeneseném významu, srov.: *poslé že vsěchъ, jako izvragu, javi se tьně* (SJS 1:728). Slovní spojení *izvrěšti otroče* 'způsobit potrat' je doloženo v Euchologiu Sinajském v části obsahující staroslověnský penitenciál Zapovědi svętyichъ отьсъ: *ašte kotoaraa žena izvrězetъ otroče v⁷ lět(a) da pokaet' se o chlěb(ě) o vod(ě) / jestliže některá žena potratí dítě, nechť se kaje 3 roky o chlebu a vodě* (MMFH 4:142).

Substantiva *izvr'g'kbъ*, *izvragъ* i sloveso *izvrěšti* 'vyvrhnout, vyhodit' patří do rodiny psl. **vergti*, **vьrgō* 'vrhnout, hodit' (> stsl. *vrěšti* 'hodit, vrhnout, mrštit'), dobře doložené ve slovanských jazycích. Moskevský praslovanský slovník (ESSJa

4 Podrobněji k slovanskému materiálu i k etymologickému výkladu v. ESJS 8:462–463.

5 *Pometání jest ona nemoc, již květy dokonale nenasazují plodu, nebo když nenesou semen* (Presl 1848:326).

6 SJS 1:729 má chybně *dožesnb*, jež opravuje v SJS 5:440.

7 Tento grafém označuje číselnou hodnotu.

9:99n) rekonstruuje na základě stsl. *izvragъ* a str. *изворогъ* ‘nedochůdče, zmetek, potracený plod’ (Sreznevskij 1893–1903, 1:1042, SRJa 6:129) psl. **jъzvrogъ*, deverbativum s *o*-stupněm ablautu od psl. prefigovaného slovesa **jъz-vъrgati*. To je možno chápat jako frekventativum od psl. **jъz-vergti/*jъz-vъrgti*. V rámci rodiny psl. **vergti/*vъrgti/*vъrgati/*vъrgnŕti* je možno nalézt řadu příkladů ze slovanských jazyků, které se týkají našeho tématu,⁸ jako jsou slovinské *izvréči* ‘potratit (o zvířatech)’: *kobila, krava, ovca je izvrgla* (Pleteršnik 1894–1895, 1:351), slovenské *zvrhnúť* ‘(o zvířatech) potratit plod’: *Mali v hospodárstve škodu: ošípaná im zvrhla* (SSJ 5:774), běloruské dial. *звэргнуць* ‘(o zvířatech) potratit’: *Карова, кабыла звергла, так усе жыўёлы* (SBrH 2:285), ukrajinské dial. *звергати*: *Померуи діти, недоноски, що мати звергла* (Hrinčenko 1907–1909, 2:128).

V csl. *izvrъgъkъ* ‘potrat’ můžeme opět vidět původní význam **‘něco vyvrhnoutého, vyhozeného’*.

Psl. **vergti* se vysvětluje buď z ie. kořene **uer-g-* ‘točit, kroutit’, rozšířené podoby ie. kořene **uer-* tv. (Pokorny 1959–1969:1154), přičemž sémantický posun **‘točit, kroutit’* → ‘hodit’ je dobře představitelný, nebo z ie. kořene **uerg^m-* ‘házet’ (LIV:689; Derksen 2008:515).⁹

3 iskaza

V Ustůžském rukopise Metodějova Nomokánonu, slovanském překladu sborníku byzantského církevního práva Jana Scholastika, je pro potrat zaznamenán výraz *iskaza*: *o ubiistviichъ volъnychъ i nevolъnychъ i o izdrězajuštichъ sę saměchъ, i o iskazachъ*¹⁰ *i dētoubiistvēchъ, i o svъdūštichъ ja.* / O vraždách dobrovolných a nedobrovolných a o těch, kteří se sami vykleštují. A o potratech a vraždění nemluvnat a o spoluvinících na tom (MMFH 4:258). Postverbale *iskaza* (< stsl. *iskaziti* ‘zničit’, ‘vyklestit’) patří do rodiny slovanského *kaziti* ‘ničit, poškozovat, kazit’,¹¹ jež ve staroslověnštině znamená vedle ‘kazit’ i ‘vykleštovat, kastrovat’ (SJS 2:4). Csl. *iskaza* ‘potrat’ je tedy spojeno s představou záhuby, zničení plodu.

8 V případě češtiny je možno v této souvislosti uvést snad české dial. (jihozápadočeské) *povrhel* ‘předčasně snesené, nedonošené vejce s měkkou skořápkou či bez ní’ (ALJ), ‘vejce bez skořáčky’ (ČJA 1999:508–510, 512). Zajímavý je i doklad z bulharských nářečí: bulharské dial. *изврълям* ‘v řadě poslední narozené dítě v rodině’, deverbativum od slovesa *изврълям* ‘vyhazovat, vyvrhovat’, vysvětlují bulharské etymologické slovníky (Mladenov 1941:91; BER 2:24) ze slovanského *chnъrliti* ‘hodit, vyhodit’, jež Mladenov (1941:91) a Machek (1968:206) řadí do rodiny slovanského *vergti, vъrgŕ*; pak původní význam bulharského dialektismu by byl **‘to, co bylo vyhozeno, vyvrhnuto’* (v. Janyšková 2006:129).

9 K příbuzným slovům v ie. jazycích a k dalším etymologickým výkladům v. ESJS 18:1088–1089.

10 V řecké předloze je *περι φθορίων* (rozuměj *φαρμάκων*) ‘prostředky k usmrcování a vyhánění plodu’ (MMFH 4:258, pozn. 22); srov. *φθόρια*, jež může stát i samostatně bez *φάρμακα* a mít význam ‘medicamenta abortus efficientia’ (Stephanus 1829, 9:782).

11 Deriváty stsl. slovesa *kaziti* mají své místo také například ve sféře nemocí, jak dokládají stsl. slova *prokaza, prokaženije* ‘malomocenství’ (SJS 3:352–353); toto onemocnění má za následek zničení částí končetin a znetvoření nemocného (podrobněji Janyšková 2014:325).

Prefigované imperfektivní *iskažati* je doloženo v památce Někotoraja zapovedь neboli Svjatych Apostol pravilo (českocírkevněslovanský penitenciál z 11. stol. uchovaný v ruskocírkevněslovanském opise ze začátku 15. stol.) pouze jedenkrát ve spojení *skažajušti v sobě otroča*, jež SJS (1:789) normalizuje v podobě *iskažati otroče* ‘hubit dítě (potratem)’. Derivát *prokaziti* ve spojení *prokaziti otroče* znamená ‘způsobit potrat’: (Euchologium Sinajské) *ašte kotoraa žena blǫdъ sъtvorъši toli prokazitъ otroče v’ sebě*; (Někotoraja zapovedь) *ašte žena... neprazdna budetъ i prokazivši otroča i idetъ vъ cъbrkvъ* (SJS 3:353).

Praslovanské **kaziti* ‘ničit, poškozovat, kazit apod.’ nemá přesvědčivý výklad, nejčastěji se chápe jako kauzativum k **čeznǫti* ‘mizet, zanikat’.

4 *tlěnije*

Ve stejné památce, tedy v Ustůžském rukopise Metodějova Nomokánonu, je pro potrat zaznamenán i výraz *tlěnije* v tomto kontextu: *o ženachъ ljuby dějavъšichъ i pogublejuštichъ ražajemaja imi i tьštaštichъ se tlěnija tvoriti*¹² | *prъvyi zakonъ povelě do ischoda ne prijatamъ byti. my že, miloserdněje izъobrěťše, ustavichomъ i*¹³ *lětъ ispolniti po stepenemъ ustavnymъ* / Co se týče žen, které se dopouštěly smilství a hubily, co se jim narodilo, a pokoušely se provádět potraty, dřívější zákon nařizoval, aby nebyly přijaty až do smrti. My však jsme učinili milosrdnější náleze a rozhodli jsme, aby splnily pokání desíti let podle stanovených stupňů (MMFH 4:337).

Stsl. *tlěnije* ‘tlení, zkáza, záhuba’, též ‘pomíjivost, porušitelnost’ je verbální substantivum odvozené od slovesa *tlěti* ‘tlít, kazit se, zanikat’. Kontinuanty praslovanského slovesa **tlěti* znamenají vedle ‘tlít, hnít, rozpadat se, práchnivět, trouchnivět’ i ‘doutnat, hořet bez plamene, dohořívát’.¹⁴ Slovo nemá jednoznačnou etymologii, v podstatě existují dva výklady. Podle jednoho je psl. sloveso denominativum od psl. **tbo* ‘zem, půda, podlaha’, podle druhého výkladu se odvozuje od ie. kořene **telH-* ‘být tichý, mlčet’ s předpokládaným sémantickým vývojem **‘být tichý, mlčet’* → ‘hořet slabým plamenem’ → ‘pomalu se rozkládat, tlít’ (ESJS 17:1009).

Původní sémantická motivace csl. výrazu pro potrat *tlěnije* je tak spojena s představou tlení, postupného rozkladu plodu.

5 Závěr

Původní sémantická motivace staroslověnských lexémů pro potrat doložených ve Slovníku jazyka staroslověnského spočívá v představě potratu jako ‘vyhození,

12 V řecké předloze je *φθόρεια ποιῆν* (MMFH 4:337).

13 Tento grafém označuje číselnou hodnotu.

14 Srov. například české dial. *tlet* ‘doutnat’ (ALJ).

vyvrhnutí, odstranění plodu' (*zmeťnikъ, izvrъgъkъ*), 'zničení plodu' (*iskaza*) a 'tlení, postupného rozkladu plodu' (*tblěnije*). Z lexikálního materiálu SJS pouze víme, že potraty existovaly,¹⁵ nevíme však, jakým způsobem se potrat prováděl, jaké abortivní prostředky se používaly. K účinným, současně však k velmi nebezpečným lidovým abortivům patřila již v dávných dobách například chvojka klášterská / *Juniperus sabina*,¹⁶ která byla ve středověku často vysazována v klášterních zahradách, používaly se lektvary a nálevy i z jiných rostlin, například z rozmarýny lékařské / *Rosmarinus officinalis* aj. Naproti tomu z úryvků z výše uvedených právních památek (*Zapovědi světyichъ отьсъ, Někotoraja zapověď, Nomokanonъ*) se dozvídáme, jakým způsobem se trestal potrat; zjišťujeme, že žena, která záměrně potratila, byla odsouzena v závislosti na tom, zda k otěhotnění došlo v důsledku smilstva a cizoložství, či ne. Evidentní je, že potraty, praktikované od pradávna, byly zřejmě až v křesťanství hodnoceny a trestány jako provinění proti božím zákonům.

Literatura

- ALJ: *Archiv lidového jazyka* uložený v dialektologickém oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR v Brně.
- BER: *Bălgarski etimologičen rečnik* 1–. Red. V. I. Georgiev et al. Sofija: Izdatelstvo na Bălgarskata akademija na naukite 1971–.
- ČJA 1999: *Český jazykový atlas* 3. Praha: Academia.
- Derksen, R., 2008: *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden – Boston: Brill.
- ESJS: *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* 1–. Red. E. Havlová, A. Erhart, I. Janyšková. Praha: Academia 1989–2008, Brno: Tribun EU 2010–.
- ESSJa: *Etimologičeskij slovar' slavjanskich jazykov. Praslavjanskij leksičeskij fond* 1–. Red. O. N. Trubačev, A. F. Žuravlev, Ž. Ž. Varbot. Moskva: Nauka 1974–.
- ESStč: *Elektronický slovník staré češtiny*, přístupný na adrese <http://vokabular.ujc.cas.cz> [citováno ze dne 13. 3. 2018].
- Havlíková, L., 2009: Žena a potrat. K otázce přejímání římsko-byzantského práva a řecké terminologie ve slovanském prostředí. M. Kulhánková, K. Loudová. *Epea pteroenta. Růženě Dostálové k narozeninám*. Brno: Host, 97–106.
- Hrinčenko, B., 1907–1909: *Slovar' ukrajins'koji movy* 1–4. Reprint: Kyjiv: Vydavnyctvo Akademiji nauk Ukrajins'koji RSR 1958–1959.
- Janyšková, I., 2006: Názvy pro poslední dítě v rodině. I. Janyšková, H. Karlíková. *Studia etymologica Brunensia* 3. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 127–141.

15 O existenci potratů u starých Slovanů psal Niederle 1916:220–221.

16 O účinnosti abortiva svědčí německý dial. název chvojky klášterské *Kindermord* (Marzell 1943–1958, 2:1099).

- Janyšková, I., 2014: Původ staroslověnských názvů nemocí, jejich příznaků a projevů. *Slavia* 83, 323–332.
- LIV: *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstamm-bildungen*. Red. H. Rix. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag 2001.
- Machek, V., 1968: *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha: Academia.
- Marzell, H., 1943–1958: *Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen* 1–5. Leipzig: Verlag von S. Hirzel.
- Mladenov, S., 1941: *Etimologičeski i pravopisen rečnik na bálgarskija knižoven ezik*. Sofija: Knigoizdatelstvo Christo G. Danov.
- MMFH: *Magnae Moraviae fontes historici / Prameny k dějinám Velké Moravy* 4: *Leges – Textus iuridici – Supplementa*. Brno: Universita J. E. Purkyně 1971.
- Niederle, L., 1916: *Život starých Slovanů. Základy kulturních starožitností slovanských* 2/1. Praha: Nákladem Bursíka & Kohouta.
- Pechuška, F., 1935: Staroslověnský překlad knihy „Job“. *Časopis katolického duchovenstva* 101, 1–63.
- Pleteršnik, M., 1894–1895: *Slovensko-nemški slovar* 1–2. Ljubljana: Knezoškofijstvo.
- Pokorny, J., 1959–1969: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern – München: Francke Verlag.
- Presl, J. S., 1848: *Počátkové rostlinosloví*. Praha: V komisi u Kronbergra a Řivnáče.
- PSJČ: *Příruční slovník jazyka českého* 1–8. Praha: Státní nakladatelství 1935–1957.
- SBrH: *Slovník belaruských hovorak paŭnočna-zachodnjaj Belarusi i jaje pahra-ničča* 1–5. Minsk: Navuka i technika 1979–1986.
- SJS: *Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae* 1–4. Red. J. Kurz, Z. Hauptová. Praha: Academia, Euroslavica 1966–1997. 5: *Ad-denda et corrigenda*. Red. Z. Hauptová, V. Konzal, Š. Pilát. Praha: Euroslavica 2010–2016.
- Sreznevskij, I. I., 1893–1903: *Materialy dlja slovarja drevne-russkago jazyka* 1–3. Sanktpeterburg: Imperatorskaja Akademija Nauk.
- SRJa: *Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv.* 1–. Moskva: Nauka 1975–.
- SRNG: *Slovar' russkich narodnych govorov* 1–. Moskva – Leningrad/Sankt-Peterburg: Nauka 1965–.
- SSJ: *Slovník slovenského jazyka* 1–6. Bratislava: Slovenská akadémia vied 1959–1968.
- SSJČ: *Slovník spisovného jazyka českého* 1–4. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd 1960–1971.

Stankovska, P., 2018: Pevod knigi Iova i jego tekstologičeskije charakteristiki v sochranivšichsja chorva glagoličeskich breviarijach XIV-XV vv. *Starobālgaristika* 42/1, 19–37.

Stephanus, H., 1829: *Thesaurus Graecae linguae* 1–9. Nachdruck: Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt 1954.

Summary: Abortion in Old Church Slavonic Language from an Etymological Point of View

The Old Church Slavonic and Church Slavonic vocabulary listed in the Old Church Slavonic Dictionary (SJS) also contains lexemes denoting abortion. These are *zmet'nikъ*, *izvrъgъkъ*, *iskaza* and *tlěnije*. Church Slavonic *zmet'nikъ* (< *izmetъnikъ) belongs to the family of the Slavonic verbs *mesti*, *metati*, its original meaning is *‘‘what is thrown out, thrown away, removed’’; the semantic parallel is Russian *выкидыши* < *выкинуть*, *выкидывать*, vernacular *отбросыи* < *отбросить*. Church Slavonic *izvrъgъkъ* is derived from the Slavonic verb *vergti* ‘‘throw’’, its original meaning is also *‘‘something thrown out’’. Church Slavonic *iskaza* belonging to the family of Slavonic *kaziti* is associated with the idea of destruction of the foetus. Church Slavonic *tlěnije* is a verbal noun derived from the verb *tlěti*, its original semantic motivation is associated with the idea of a gradual decay of the foetus. The lexical material of the Old Church Slavonic Dictionary documents the existence of abortions, but it is not clear how the abortion was performed and what abortifacients were used.

Key words: linguistics, etymology, Old Church Slavonic, Church Slavonic, abortion

Etymologické poznámky k sémantické změně abstraktum → konkrétum některých verbálních substantiv tvořených sufixem *-nije* ve staroslověnštině¹

Helena Karlíková

Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky, Brno

Příspěvek pojednává o verbálních substantivech ve staroslověnštině, která jsou tvořena produktivním sufixem *-nije*, a to o těch, u nichž došlo ke změně jejich původního abstraktního významu ve význam konkrétní. Autorka se pokouší zjistit jednak významové okruhy, v jejichž rámci významová změna nastala, jednak okolnosti, za kterých k této změně došlo. Ukazuje též reflexe některých stsl. abstrakt ve staré češtině a dalších sl. jazycích.

Klíčová slova: staroslověnština, verbální substantiva, sufix *-nije*, etymologie, sémantická změna, slovanské jazyky

Verbální substantiva tvořená stejným způsobem jako participia perfecti passivi jsou kategorií obecně slovanskou, zděděnou z praslovanštiny. Staroslověnské památky evidují substantiv tohoto typu několik stovek. Psl. sufix **-bje*,² pomocí něhož se tato substantiva, jak známo, tvoří, se přimyká k formantům *-t* nebo *-n*, které jsou součástí sufixů tvořících právě participia perfecti passivi, tedy sufixů *-tb*, *-ta*, *-to*, *-nb*, *-na*, *-no*, resp. *-enb*, *-ena*, *-eno*. Výsledkem této de facto sekundární derivace jsou nově vyabstrahované sufixy **-n-bje*, **-t-bje*, které rozšířily svůj původní rozsah užití (Ślawski 1974:85–86) a současně ztratily rys pasivnosti, který si zachovávají v participiích perfecti passivi. Mohou se jimi proto tvořit verbální substantiva od všech sloves všech konjugací, a to i od těch, která nemají participium pf. pass. (srov. stsl. бѣжати ‘běžet, utíkat, utéci’ a бѣжаніе ‘běžení, útěk’), a používají se i k derivaci od substantiv (srov. stsl. стаѣ ‘stáj’ a derivát стаѣніе ‘stavení, stavba’). Distribuce alomorfů *-n* a *-t*, které jsou připojovány za verbální kmen, je regulována tím, zda je kmen otevřený, nebo zavřený: *-n* se připojuje ke kmeni zakončenému vokálem, *-en* ke kmeni končícímu konsonantem; *-t* se připíná především ke kmenům končícím na nazální vokál, případně na *-r*.

Jak bylo mnohokrát popsáno v příslušných gramatikách, společně všem verbálními substantivům tvořeným sufixy *-n-bje*, *-t-bje* jsou rod (jsou neutra) a flexe

1 Příspěvek vznikl za podpory projektu *Staroslověnské dědictví v staré češtině*, financovaného Grantovou agenturou České republiky (č. 18-02702S).

2 Historie tohoto psl. sufixu sahá do indoevropského prajazyka, je kontinuantem ie. sufixu **-ijo-* (Vaillant 1950:136–140).

a také to, že jsou typicky singularia tantum. Se slovesy, od nichž jsou utvořena, sdílejí význam, tzn. vyjadřují události (děje a stavy), a typické slovesné kategorie (slovesný vid i aktionsart). Přítomnost verbálního kmene se projevuje i dalšími vlastnostmi verbálních substantiv, jak formálními (mohou přijímat reflexivní zájmena), tak např. tím, že jsou svým primárním významem abstrakta. Mnohé z nich ovšem dokládají posun významu směrem k jeho konkretizaci.

Jak bylo řečeno, staroslověnština dokládá velké množství substantiv tohoto typu, zaznamenává je *Slovník jazyka staroslověnského* (dále *SJS*), z jehož materiálu vycházím. Ne u všech těchto substantiv k naznačenému významovému posunu došlo a ne vždy je z kontextu jasné, zda k tomuto posunu došlo skutečně, nebo jde jen o interpretaci překladatele, resp. autora příslušného slovníkového hesla. Problém spočívá v tom, že změna abstraktum → konkrétum se nijak neprojevuje ve formální stránce substantiva, probíhá pouze v rovině významové, a dále v tom, že často koexistují vedle sebe jak abstraktní, tak konkrétní význam u jednoho a téhož verbálního substantiva (např. ДАРОВАНИК ‘darování’ i ‘dar’, ДАЃНИК ‘dávání’ i ‘dar’). Navíc některá verbální substantiva svůj primární abstraktní význam ztratila a zachovávají si pouze význam konkrétní. A je třeba zdůraznit podstatnou věc, že nelze pravděpodobně předvídat, kdy k těmto významovým změnám dochází.

Ve svém příspěvku se chci vzhledem k obsažnosti materiálu zaměřit na substantiva zakončená na suffix -НИК.

V případě, že došlo k významovému posunu abstraktum → konkrétum, lze pojmenovat několik směrů, kterými se tato změna mohla ubírat. Substantivum pak vyjadřuje nikoli události, ale okolnosti asociované s významem verbálního kmene. Vyjadřuje tedy např.:

- a) výsledek události: např. stsl. ОДѢЃНИК ‘oblékání’ (1x Slepč³) v duchu děje slovesa ОДѢЃТИ ‘odívat, oblékat’ a konkrétní význam ‘oděv, šat; pokrývka; přehoz; závoj’; МѢШЕНИК, ВѢМѢШЕНИК ‘těsto’ k МѢСИТИ ‘mísit, smíchávat’, ВѢМѢШАТИ ‘mísit, hnít’ (1x VencNik); ЗКЛАДНИК ‘stavení, budova’ a ‘stvoření, tvor, tvorstvo’ k ЗКЛАДИТИ ‘stavět’ a ‘tvořit’;
- b) původce děje: např. ОБЛАДАДНИК ‘vláda’ (vedle původního významu ‘ovládání’) k ОБЛАДАДИТИ ‘ovládat, vládnout, panovat’; ОБЪЩЕВАНИК ‘společenství’ (1x Bes) k ОБЪЩЕВАТИ (СА) ‘účastnit se, podílet se’;
- c) objekt děje: např. ВѢСНИТДНИК ‘chovný dobytek, chov’ (1x Supr) k ВѢСНИТАТИ ‘vyživit, vychovat’;
- d) prostředek děje: např. КРѢМЛКНИК ‘pokrm, potrava’ ke КРѢМЛИТИ ‘krmit, živit, sytit’; НАПОКНИК ‘nápoj’ k НАПОИТИ ‘napojit, dát pít; zavlažit, zalít’; ПИТѢНИК ‘potrava, píče’ k ПИТѢТИ ‘sytit, živit’; ОБАЗДНИК ‘páska, stuha’

3 Zkratky stsl. a csl. památek v celém textu jsou podle úzu používaného v *SJS*.

- (1x Supr) k ОБВЪЗДТИ ‘obvázat, uvázat; svázat, spoutat’; СТЪЖПАННИК, csl. СТЪЖПЛЕННИК (Miklosich 1862–1865:901) ‘krok; chůze’ k СТЪЖПНТИ ‘šlápnout’, СТЪЖПАТИ ‘stoupat, kráčet’;
- e) vlastnost vyplývající z děje: např. stsl. КЪЧЕННИК ‘domýšlivost, pýcha’ ke КЪЧНТИ СЪ ‘chlubit se, napařovat se’; ОБЪДАДНИК (1x Nom), ОБЪДЕННИК (1x Ostr), ОБЪДАДНИК ‘obžerství’ k ОБЪДАТИ ‘obědvat’; ПИИНИК ‘opilost’ (1x Gl) k ПИТИ ‘pít’;
- f) psychosomatické stavy: např. stsl. БЪСОВАДНИК, ВЪЗБЪШЕННИК ‘zběsilost, zuřivost, posedlost’ k БЪСНТИ СЪ ‘běsnit, šíleně zuřit’, ВЪЗБЪШАТИ ‘uvádět v zběsilost’; НЕГОДОВАДНИК ‘nevole, rozhořčení’ k НЕГОДОВАТИ ‘rozhorlovat se, zlobit se, být nespokojen’; СКРЪБЪЕННИК ‘žal, zármutek’ ke СКРЪБЪЕТИ ‘trápit se, soužit se, být zarmoucen’;
- g) názvy smyslů: např. ОБОНИНИК ‘čich’ (1x Bes) k ОБОНИТИ ‘ucítit vůni, přivonět, očichat’; ВНАДЪЕННИК ‘zrak’ (ale též ‘vidění, podívání; schopnost vidět; podoba, vzhled’) k ВНАДЕТИ ‘vidět’; КАСАНИК ‘hmat’ ke КАСАТИ СЪ ‘dotýkat se; týkat se’;
- h) místo: např. ВЪЛЪЗЕННИК ‘vstup, vchod’ (Bes) k ВЪЛЪСЕТИ ‘vstoupit, vejít’; ВЪСХОЖДЕННИК ‘výstup, vstup; vycházení’ k ВЪСХОДНТИ ‘vycházet (nahoru), vystupovat’;
- i) pojmy z křesťanské terminologie: např. ВЪСТАВЛЪЕННИК ‘vzkříšení’ k ВЪСТАВЛЪЕТИ ‘stavět, strojit; křísit’; МИЛОВАННИК ‘milosrdenství’ k МИЛОВАТИ ‘mít slitování, být milostiv; milovat’; КАЗАНИК ‘poučování/poučení, napomínání, napomenutí’, ale i ‘kázání, praedicatio’ (Bes) k КАЗАТИ ‘ukazovat; poučovat; přikazovat’, (v Bes) ‘kázat, hlásat’, СЪКАЗАНИК ‘homilie’ k СЪКАЗАТИ ‘vyložit, vysvětlit; sdělit; zvěstovat; poučit aj.’.

Přesto, nebo možná spíše právě proto, že staroslověnština dokládá velké množství verbálních substantiv tvořených prakticky bez omezujících podmínek od všech typů sloves, perfektiv i imperfektiv, neprefigovaných i prefigovaných, ve všech oblastech slovní zásoby, jeví se jako nemožné formulovat smysluplné generalizace o tom, kdy dochází ke konkretizaci a kdy ne, případně kdy zůstávají u daného deverbativa oba významy, tedy jak abstraktní, tak konkrétní a jaký konkrétní význam verbální substantivum získá. O nepředvídatelnosti tohoto procesu svědčí i to, že mnohdy vedle sebe koexistují ve stejném významu jak verbální substantivum na -НИК, tak substantivum tvořené paralelně od stejného kořene, např. СЕЛНЩЕ ‘sídlo, příbytek’ (derivát substantiva СЕЛО ‘sídlo, statek’) a СЕЛЪНИК ‘příbytek’ (k denominálnímu slovesu СЕЛНТИ); případně od téhož kořene v různých ablautových stupních, např. СМЪХЪ ‘smích’ a СМНННИК ‘smích’ k СМННТИ СЪ ‘smát se’ aj.

Z obrovského množství verbálních substantiv na -НИК jsem pro potřeby svého příspěvku vybrala tři; každé z nich představuje z etymologického hlediska specifickou kategorii, která se v rámci této množiny substantiv opakuje, ačkoli se nedá říct, že jde o kategorie nejtypičtější. Všechna tři zvolená substantiva jsou doložena jen marginálně. První z nich je derivátem doloženého slovesa s nejasnou etymologií. Druhé se vyznačuje absencí příslušného slovesa, konečně třetí má nejasný význam:

1) Stsl. substantivum ΛΑΪΝΙΚ je doloženo ve stsl. textech třikrát (2x Supr, 1x Bes), a to ve významu ‘záloha, nástrahy’ (srov. např. *сѣбрати...рабѣмъ на лаѣнникъ сѣвѣтѣмъ мжжа ἐπὶ τὸ ἐνέδραν θεῖναι* – Supr 514,27). Je odvozeno od slovesa ΛΑΪΤΗ ‘číhat’; význam tohoto slovesa je v případě substantiva posunut k vyjádření místa, kde se skrytě čeká, případně toho, co toto číhání obnáší, tedy nástrahy. Abstraktní význam kopírující slovesný děj toto verbální substantivum nemá. Stsl. sloveso ΛΑΪΤΗ nemá odpovídající výrazy v žádném ze slovanských jazyků a totéž platí i o jeho substantivním derivátu. Jasný není ani jeho původ. Jedním z možných výkladů je ten, který spojuje toto sloveso s ie. kořenem **lā(i)-* < **leH₂-* ‘být skryt’ (tak už Osthoff 1895:310–311), který je nejspíš obsažen i v ř. (homér.) *λήθω* ‘jsem skryt, nepozorován’, *λανθάνω* téhož významu a v lat. *latēre* ‘být skryt’ (srov. nověji Derksen 2008:268; Beekes 2010:831). Toto ΛΑΪΤΗ spojil už Miklosich (1886:159) a po něm též např. Machek (1968:318) nebo Trubačev (ESSJ 14:21, 23) s psl. **lakati*, jehož kontinuanty jsou např. stč. *lákati* ‘činit nástrahy; vábit’, č. *lákat* ‘vábit’, hl. *lakać* ‘číhat’, dl. *lakaś* téhož významu a ‘vyčkávat’. Pokud spolu s Trubačevem segmentujeme psl. **lajati* jako **laj-ati*, pak lze v **lakati* vidět suffix **-kati* (srov. podrobně ESJS 7:398–399) a předpoklad vztažení těchto sloves k ie. **leH₂-* se jeví jako pravděpodobný.

2) Stsl. *сръваник* ‘polévka, šlichta’ je hapax legomenon, doloženo 1x v Supr (*такъ многа лѣта сѣтвори сръваникъ тѣмъ прѣмъ ѿ нѣ се съ фирмишѣтосъ кнѣмъ пепеломъ растварѣше ти тако ѿдѣше τροφήν μόνον ἄρτον λαμβάνων* – Supr 297,13). Na rozdíl od předešlého slova není ve staroslověnštině ani církevní slovanštině doloženo sloveso, jehož je *сръваник* derivátem. Ostatní slovanské jazyky ovšem odpovídající sloveso mají, jde o kontinuanty buď psl. **serbati* (např. sln. *srébati*, slk. *strebat*, stč. *střebati*, č. (*v*)*střebati*, hl. *srěbać*, dl. *srēbaś*, p. dial. *strzebać*, str. *cepebatu* aj.), nebo psl. **sъrbati* (např. b. *сърбам*, mk. dial. *срба*, p. dial. *siorbać*, r. dial. *сѣрбать* aj.), vše s významem ‘vtahovat do sebe, srkat, hlasitě polykat apod.’ a dalšími významy přenesenými. Jde o slova onomatopoeického původu, paralelně tvořené útvary lze najít napříč indoevropskými jazyky: lit. *srėbti*, lot. *strēbt* ‘srkat’, lat. *sorbēre* ‘srkat, vtahovat do sebe’, het. *šarāpi* ‘srká’ a mnoho dalších (podrobně ESJS 14:869). Význam substantiva *сръваник* lze

popsat schématem: ‘srkáni’ → ‘to, co se srká’ → ‘tekutina, polévka’. V této souvislosti je zajímavé zmínit stč. substantivum *srbenie* ‘srkáni’, hapax legomenon doložený v latinsko-českém slovníku Klementinském (ESSČ), což je jediný doklad ve staré češtině zachovávající původní znění kořene ještě bez vkladného *-t-*, vedle očekávaného *střěbánie* ‘srkáni, požívání po doušcích řídký (tekutý) pokrm (tj. takové konzistence, že se dá vsrkávat)’.

3) Substantivum *кованик* je odvozeno od slovesa *ковати* ‘kovat’. Je to hapax legomenon doložené pouze v Bes: *или жт<ъ>поудъ блисцанинн кованиню не нмоутъ* (Bes 10, 45aβ9). SJS (2:34) uvádí *кованик* jako samostatné heslo, ale bez udání významu a s poznámkou, že jeho význam je nejasný. Vazba *блисцанинн кованиню* v citovaném dokladu naznačuje, že *кованик* tu není užito ve významu abstraktním, korespondujícím významu slovesného kmene, ale velmi pravděpodobně tu má nějaký konkrétní význam. Pro určení významu je důležité zasadit toto substantivum do širšího kontextu. V pasáži, která předchází užití substantiva *кованик*, se mluví o „osudovém losu“ lidí narozených v určitém znamení, např. kdo se narodí ve znamení Vah, stane se peněžoměncem (v staroslověnštině jde o výraz *златникъ*). V citované pasáži se dále poukazuje na to, že v mnoha římských provinciích peněžoměnci nejsou, což by podle astrologů mohlo znamenat, že se lidé narození ve znamení Vah v těchto zemích nevyskytují: *да или того въ ннхъ знаменнн нѣстъ* (Bes 10, 45aβ6–8), anebo že *блисцанинн кованиню не нмоутъ* (Bes 10, 45aβ9). Právě spojení substantiva *кованик* v dativu adnomiálním ve vazbě se substantivem *блисцаник*, shodou okolností rovněž verbálním substantivem, zde v konkrétním významu ‘lesk, třpyt’, naznačuje (s ohledem na celkový kontext), že v něm *кованик* neoznačuje činnost, ale spíše kujný materiál, tedy kov, přesněji řečeno ‘opracovaný kov’, pravděpodobně ‘peníze’, a celou pasáž pak lze interpretovat jako ‘(země, které) nemají třpytivý kov, tj. peníze’, tzn. jde o země chudé, bez peněz, proto se v nich nemohou vyskytovat ani peněžoměnci, jak se uvádí v širším kontextu (podrobně viz Karlíková 1994). Směr významového vývoje od abstrakta ke konkrétnímu ostatně naznačuje i participium perf. pass., utvořené od slovesa *ковати*, *кованъ*, které dokládá význam ‘tepaný (tedy opracovaný)’ ve spojení *понтѣ...въ тръбахъ ковандахъ* (Ps 97,6 Sin), v němž jde nejspíš o tepané dechové hudební nástroje (Sedláček 1900:338 překládá toto místo ‘trubte na táhlé trouby’). Stsl. *ковати* je pokračováním psl. **kovati* s kontinuanty ve všech slovanských jazycích s významy ‘kladivem opracovávat kov’, ‘bít, tlouci, klepat’, též ‘razit mince’ (v mk., srb., charv., sln., stč., slk. st., p.). Ie. kořen se rekonstruuje jako **keH₂u-* ‘bít, tlouci’. Významový vývoj pro psl. **kovati* lze vyjádřit schématem ‘bít’ → ‘bít kladivem (do kovu)’ → ‘kovat’ (podrobněji ESJS 6:349).

Jedním ze závěrů, který je možné udělat na základě analýzy představené v mém příspěvku, je ten, že verbální substantiva na jedné straně vykazují vlastnosti, které lze popsat jakožto generalizace – způsob tvoření a primární dějový význam. Na straně druhé však mají i vlastnosti, které se jako generalizace formulovat nedají – především změnu významu od abstrakta ke konkrétnu a sémantický výsledek této změny. Etymologii ovšem samozřejmě zajímají právě tyto posledně jmenované vlastnosti. Ukazuje se, že speciální charakter těchto substantiv vyžaduje z hlediska etymologie přistupovat ke každému z nich jako k svébytnému jazykovému objektu a pravděpodobně bez ambicí na formulování zevšeobecňujících závěrů.

Literatura

- Beekes, R., 2010: *Etymological Dictionary of Greek*. With the assistance by Lucien van Beek, 1–2. Leiden–Boston: Brill.
- Derksen, R., 2008: *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden–Boston: Brill.
- ESJS: *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* 1–14. Praha: Academia 1989–2008, 15–18– Brno: Tribun EU 2010–2016–.
- ESSČ: *Elektronický slovník staré češtiny*, přístupný na adrese <http://vokabular.ujc.cas.cz>.
- ESSJ: *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Москва: Наука 1974–.
- Karlíková, H., 1994: K významu stsl. substantiva *kovanije*. *Slavia* 63, 177–179.
- Machek, V., 1968: *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha: Academia.
- Miklosich, F., 1862–1865: *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*. Wien: Wilhelm Braumüller.
- Miklosich, F., 1886: *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien: Wilhelm Braumüller.
- Osthoff, H., 1895: Griechische und lateinische Wortdeutungen. *Indogermanische Forschungen* 5, 275–324.
- Sedláček, J. V., 1900: *Výklad posvátných žalmů, obsahující překlad z lat. Vulgaty i z původního znění a úplný výklad Žaltáře*, 1. Praha: Knížecí arcib. knihtiskárny.
- SJS: *Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae* 1–4. Praha: Academia 1966–1997. 5: *Addenda et corrigenda*. Praha: Academia 2010–2016.
- Sławski, F., 1974: *Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego*. Sławski, F. (red.). *Słownik prasłowiański* 1. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk: Zakład narodowy imienia Ossolińskich.
- Vaillant, A., 1950: *Grammaire comparée des langues slaves* 1. Paris: IAC.

Summary: Etymological Notes on the Semantic Change Abstractum → Concretum of Some Verbal Nouns Formed with the Suffix *-nije* in Old Church Slavonic

The verbal nouns formed with the suffixes *-nije* and *-tije* are a general Slavonic category and Old Church Slavonic documents record several hundreds of such nouns. By their primary meaning, they are abstract nouns expressing events and states. However, in many of them the meaning was changed in the direction to its concretization. The change abstractum → concretum does not manifest itself in any formal way; it concerns only the meaning. The abstract and concrete meaning very often exist side by side for one single verbal noun (e.g. ДАРОВАНИИК “giving” as well as “gift”). Moreover, some verbal substantives lost their primary abstract meaning, retaining only the concrete one. On the basis of the analysis of selected Old Church Slavonic verbal nouns formed with the suffix *-nije*, the author concludes that the special character of this type of noun requires that each of them be treated from the perspective of etymology as an autonomous linguistic object. It is probably not possible to generalize when the concretization of the meaning took place and when not, or when both meanings of a given deverbative were retained, i.e. the abstract and concrete one, and what concrete meaning the verbal noun would acquire.

Key words: Old Church Slavonic, verbal nouns, suffix *-nije*, etymology, semantic change, Slavic languages

Imiona mieszkańców Bielska Podlaskiego na przełomie XX i XXI wieku

Michał Mordań

Uniwersytet w Białymstoku, Białystok

Przedmiotem artykułu jest analiza współczesnych imion mieszkańców Bielska Podlaskiego – miasta leżącego na pograniczu polsko-wschodniosłowiańskim. W tekście zaprezentowano popularność imion, także pod względem etymologii religijno-kulturowej i pochodzenia językowego. Zwrócono uwagę na formy graficzno-brzmieniowe oddzielnych jednostek nazewniczych w kontekście wariantywności imion. Wskazano także grupy antroponimów typowych dla mieszkańców miasta identyfikujących się z narodowością polską (z reguły katolicy) lub wschodniosłowiańską (zazwyczaj prawosławni). Badany zbiór, obejmujący imiona mieszkańców średniego i starszego pokolenia porównano z zasobami z lat 1890–1909 i 2001–2010, co pozwoliło dostrzec podobieństwa i różnice w zakresie frekwencji poszczególnych antroponimów na przestrzeni stu lat.

Słowa kluczowe: językoznawstwo, onomastyka, antroponimia, imiona, wielokulturowość

Przedmiotem analizy w niniejszym artykule są imiona współczesnych mieszkańców Bielska Podlaskiego – miasta leżącego w północno-wschodniej Polsce, obecnie w województwie podlaskim.

Bielsk Podlaski od samego początku swojego istnienia zasługiwał na miano miasta wielokulturowego. Do dnia dzisiejszego występują tu tradycje polska i wschodniosłowiańska. Wpływy innych etnosów, obecnych w społecznej panoramie miasta na przestrzeni stuleci, tylko w niewielkim stopniu przetrwały do czasów współczesnych. Nośnikiem pamięci o nich pozostają niektóre nazwy własne. System antroponimiczny Bielska i jego okolic ukształtował się zatem wskutek oddziaływania wielu kultur i języków, z wyraźną jednak dominacją komponentu polskiego i wschodniosłowiańskiego.

Bazą materiałową imion omawianych w tym opracowaniu jest *Białostocka książka telefoniczna* na 2006 rok. Spis abonentów, zamieszkałych na terenie Bielska Podlaskiego obejmuje 6849 imion, w tym 3200 męskich i 3649 żeńskich.

W dalszej części przyjrzymy się tej grupie antroponimów pod względem ich popularności, także z perspektywy motywacji religijno-kulturowej i pochodzenia językowego. Ponadto zostanie zwrócona uwaga na formy graficzno-brzmieniowe niektórych imion, nierzadko będących konsekwencją specyficznych uwarunkowań geopolitycznych, kulturowych i społecznych. Zostanie też przedstawionych

kilka uwag na temat zróżnicowania konfesyjnego mieszkańców miasta jako czynnika determinującego występowanie oddzielnych jednostek imienniczych w przestrzeni miejskiej. Omówiona zostanie również frekwencja imion bielszczan średniego i starszego pokolenia w nawiązaniu do imion nadanych sto lat temu i na początku XXI wieku.

1 Popularność imion

W badanym materiale można wyróżnić kilka grup imion pod względem częstotliwości ich użycia.

W zbiorze antropimów męskich o najwyższej frekwencji¹ znalazły się kolejno imiona: *Jan* (247), *Mikołaj* (205), *Jerzy* (170)/ *Jur* (1) (=171), *Eugeniusz* (156), *Andrzej* (148), *Aleksander* (114), *Włodzimierz* (108), *Miroslaw* (99), *Piotr* (88), *Stanisław* (86), *Józef* (74), *Stefan* (64), *Tadeusz* (64). Do imion średnio popularnych należy zakwalifikować następujące: *Michał* (58), *Bazyl* (36)/ *Bazyli* (19) (=55), *Krzysztof* (54), *Sławomir* (54), *Jarosław* (52), *Anatol* (47)/ *Anatoli* (3)/ *Anatoliusz* (1) (=51), *Wiesław* (50), *Antoni* (48), *Marek* (47), *Leon* (42), *Grzegorz* (41), *Kazimierz* (41) i in.

Najliczniejszy zbiór tworzą imiona najrzadsze: *Ireneusz* (13), *Mieczysław* (13), *Romuald* (13), *Artur* (12), *Czesław* (12), *Dymitr* (11), *Robert* (11), *Teodor* (11), *Witalis* (8)/ *Witalij* (2)/ *Witaliusz* (1) (=11), *Zygmunt* (11), *Bogusław* (9), *Bolesław* (9), *Ignacy* (8), *Jacek* (8), *Lech* (8), *Leonid* (5)/ *Leonidas* (3) (=8), *Wacław* (8), *Arkadiusz* (7), *Cezary* (7), *Lucjan* (7), *Wincenty* (7), *Igor* (6), *Marcin* (6), *Szymon* (6), *Borys* (5) itd. Imion męskich, które wystąpiły w analizowanym zbiorze tylko jeden raz, było 36. Należą do nich m.in.: *Adrian*, *Afanazy*, *Alfons*, *Ali*, *Alojzy*, *Armando*, *Bogumił*, *Dominik*, *Eliasz*, *Eligiusz*, *Emil*, *Erwin*, *Eustachy*, *Kuźma*, *Leonard*, *Lesław*, *Lew*, *Ludgard*, *Mitrofan*, *Oksenty*, *Przemysław*, *Radostaw*, *Sylwester*, *Wadym*.

W imiennictwie żeńskim jako najczęstsze wystąpiły imiona: *Maria* (242), *Irena* (197), *Halina* (184)/ *Galina* (5) (=189), *Anna* (176), *Walentyna* (150), *Barbara* (135), *Krystyna* (121), *Helena* (104)/ *Olena* (1) (=105), *Nina* (105), *Eugenia* (91), *Elżbieta* (90), *Teresa* (83), *Zofia* (81), *Alina* (75), *Ewa* (73), *Janina* (72). W grupie imion średnio popularnych znalazły się: *Danuta* (69)/ *Danusia* (1) (=70), *Nadzieja* (68), *Jadwiga* (67), *Wiera* (64), *Lidia* (61), *Olga* (61), *Ludmiła* (55)/ *Ludomiła* (1) (=56), *Grażyna* (48), *Jolanta* (48), *Zenaida* (28)/ *Zinaida* (19) (=47), *Małgorzata* (43) i in.

1 Z. Abramowicz (1993:72) w swojej monografii poświęconej imionom chrześnym białostoczan wyróżnia 3 podstawowe grupy imion pod względem ich frekwencji: imiona najpopularniejsze (od 2% w górę), imiona średnio popularne (od 0,5% do 2%) i imiona mało popularne (poniżej 0,5%).

Najniższą frekwencję wykazują imiona: *Genowefa* (16), *Stanisława* (16), *Wanda* (16), *Urszula* (14), *Justyna* (13), *Ala* (6)/ *Alla* (6) (=12),² *Marta* (11), *Renata* (11), *Aniela* (10), *Józefa* (10), *Julia* (10), *Świetłana* (8)/ *Swietłana* (2) (=10), *Tatiana* (10), *Franciszka* (9), *Klaudia* (8)/ *Klawdia* (1) (=9), *Magdalena* (9), *Taisa* (7)/ *Tajsja* (1) (=8), *Edyta* (7), *Hanna* (7), *Izabela* (6)/ *Izabella* (1) (=7), *Kazimiera* (7), *Lilla* (3)/ *Lila* (2)/ *Lilia* (1)/ *Liliana* (1) (=7), *Monika* (7), *Romualda* (7) itd. Jednokrotnie w zbiorze antropimów żeńskich wystąpiły 42 imiona, np.: *Adela*, *Albertyna*, *Aleutyna*, *Alfreda*, *Bernarda*, *Blanka*, *Bolesława*, *Domna*, *Eudokia*, *Filomena*, *Kinga*, *Kira*, *Ksenia*, *Larysa*, *Leila*, *Leontyna*, *Lija*, *Marina*, *Matylda*, *Nela*, *Neonila*, *Nikodema*, *Olimpiada*, *Paraskiewa*, *Pelagia*, *Rachela*, *Teodora*, *Wiktoria*, *Zyta*.

2 Uwagi o formach graficzno-brzmieniowych imion

Każde imię, bez względu na jego postać graficzno-brzmieniową stanowi formalnie oddzielną jednostkę nazewniczą, ponieważ w takiej postaci pojawia się w oficjalnych dokumentach identyfikujących każdego nosiciela z osobna. Można jednak zauważyć, że niektóre formy są wariantami fonetycznymi i/lub morfologicznymi tego samego antropimów i w powszechnym mniemaniu traktuje się je jako odmianki jednego imienia. Jako różne postaci tego samego imienia należy więc rozpatrywać formy *Anatol*, *Anatoli* i *Anatoliusz*, *Bazył* i *Bazyli*, *Bogdan* i *Bohdan*,³ *Wiacesław* i *Wiczesław*, *Witalis*, *Witalij* i *Witaliusz*, *Leonid* i *Leonidas*, *Lilia*, *Liliana*, *Lila* i *Lilla*,⁴ *Lucja* i *Łucja*,⁵ *Ludmiła* i *Ludomila*,⁶ *Marzanna*, *Marzenna* i *Marzena*, *Świetłana* i *Swietłana*,⁷ *Anetta* i *Aneta*, *Nona* i *Nonna*, *Heronima* i *Hieronima*, *Izabela* i *Izabella*.

2 Oddzielnego komentarza wymagają imiona *Alina* i *Ala/Alla*. Pierwsze pochodzi z języków germańskich i jest skróceniem im. *Adelina*, *Adelajda* (Fros, Sowa 2004, 1:114; Bubak 1993:35). Zdrobnieniem od *Aliny* jest forma *Ala* (Bubak 1993:35). W związku z powyższym można by uznać im. *Ala* i *Alla* jako nieoficjalne warianty im. *Alina*. Należy jednak mieć na uwadze, że w Bielsku Podlaskim mieszka pewna liczba kobiet, wyznania prawosławnego, ochrzczonych imieniem *Alla*. W dokumentach świeckich (w odróżnieniu od metryk kościelnych) osoby te często figurują pod spolszczoną wersją tego imienia, tj. *Alla*. Wariant *Ala* należy więc uznać w badanym środowisku raczej jako pozbawioną geminaty odmiankę im. *Alla* (< cerk. *Alla*), nie zaś – jako spieszczenie od im. *Alina*. Bardziej jest bowiem prawdopodobne użycie w oficjalnych dokumentach spolszczonej wersji imienia pełnego niż odmianki o charakterze hipokorystyczno-deminutywnym. Zob. na ten temat Abramowicz (1993:266). Por. też im. *Halina* i komentarz do niego.

3 Wg H. Frosa i F. Sowy (2004, 1:470–471), imię to zostało przejęte przez Słowian od irańskich Scytów. Na gruncie polskim miało postać *Bogdan*, ale od XIX wieku pod wpływem języków ruskich w powszechnym użyciu zaczęło funkcjonować w wariantcie *Bohdan*.

4 Zob. Bubak 1993:197. Jako wyrażenie hasłowe występują formy *Lilia* i *Liliana*. Wariant *Lila* pojawia się w językach południowosłowiańskich (bułgarskim, macedońskim, serbochorwackim), zaś odmianka z podwojonym *l* mogła powstać pod wpływem języków zawierających geminatę w formach rodzimych tego imienia, por. angielskie *Lillian*, niemieckie *Lill*, *Lilli*, *Lilly*, norweskie *Lilly*, szwedzkie *Lilli*.

5 Są to warianty jednego imienia, przy czym forma z *l* jest bardziej zbliżona do łacińskiej lub powstała pod wpływem języków zachodnioeuropejskich (Fros, Sowa 1998, 3:672).

6 W 1819 r. w Tygodniku Polskim wydrukowano romans pt. *Żeliszaw i Ludomila* (Fros, Sowa 1998, 3:642).

7 Źródła cerkiewne podają, że im. *Świetłana/Swietłana* jest słowiańskim odpowiednikiem semantycznym greckiego im. *Fotyna* (zob. np. Kalendarz prawosławny 2009:35).

Wariantowość niektórych jednostek podyktowana została faktem, że część imion zapisano albo w postaci obowiązującej w języku polskim, albo w formach tożsamych lub zbliżonych do wariantów cerkiewnych, np. *Halina* – *Galina*,⁸ *Zenaida* – *Zinaida*, *Klaudia* – *Klawdia*, *Serafina* – *Serafima*,⁹ *Taisa* – *Tajsja*. Pod wpływem języka rosyjskiego (i form cerkiewnych) utrwaliły się również warianty typu *Anatoliusz* (ros./cerk. *Анатолій*), *Witaliusz* (ros./cerk. *Виталий*), zapewne przez analogię do imion typu *Евгений* – *Eugeniusz*, *Арсений* – *Arseniusz* itd.

Podobnie imiona *Jur*, *Suzy* i *Olena* funkcjonują w przestrzeni miejskiej jako ekwiwalenty językowe im. *Jerzy*, *Zuzanna* i *Helena*. Nosiciele tych pierwszych urodzili się poza terytorium Polski, ale od dawna zamieszkują na terenie Bielska Podlaskiego.

Imiona *Danusia* (< *Danuta*) i *Tonia* (< *Antonina*) należy rozpatrywać w kontekście okazjonalnego użycia form deminutywnych w funkcji wariantów oficjalnych.

Jako różne zostały potraktowane imiona, które we współczesnym nazewnictwie są powszechnie uważane za odrębne, choć formalnie stanowią odmianki jednego antroponuimu, por. *Andrzej* i *Jędrzej*,¹⁰ *Stefan* i *Szczepan*,¹¹ *Leon* i *Lew*, *Jan* i *Janusz*, *Leszek*, *Lesław* i *Lech*, *Wacław*, *Wiesław*¹² i *Wiaczesław/Wieczesław*.¹³ Różne w rzeczywistości, choć pozornie zbliżone ze względu na swoją postać są też inne imiona, jak np. *Leonila* i *Neonila*,¹⁴ *Lilla/Lila/Lilia/Liliana* i *Lija*, *Marina*

8 W polskiej literaturze onomastycznej imię *Halina* bywa czasami objaśniane jako utworzone od im. *Alina* przez dodanie nagłosowej głoski *h*. Jednocześnie dopuszcza się powstanie tego imienia pod wpływem ros. *Galina* (Fros, Sowa 2004, 1:113; 1998, 3:6; Bubak 1993:128). W taki sposób zostało ono potraktowane w niniejszym opracowaniu. W świadomości mieszkańców Bielska *Halina* jest odpowiednikiem cerkiewnej formy *Galina*. W kalendarzach prawosławnych wydanych jednocześnie w polsko- i rosyjskojęzycznej wersji formy *Halina* i *Galina* odnoszą się do tej samej świętej, męczennicy Haliny z Koryntu (III wiek) (Kalendarz prawosławny 2009). Autorowi niniejszego tekstu znanych jest wiele bielszczanek o imieniu *Halina*, w odniesieniu do których w nieoficjalnych sytuacjach używa się form typu *Gala*, *Galka* itp. Niektórzy badacze doszukują się związku im. *Halina* z im. *Helena* (zob. Fros, Sowa 2004, 1:114; 1998, 3:6; Bubak 1993:128–129), co jest spowodowane wystąpieniem formy „pośredniej” *Helina* (zob. np. Malec 1994:365). Autorki *Słownika imion* (Janowowa et al. 1991:17, 121, 123–124) umieszczają antroponimy *Alina*, *Halina* i *Helena* w oddzielnych hasłach.

9 Por. ros., cerk. *Серафима* (Bubak 1993:277; *Spis imion prawosławnych...* 2011:54). Pochodzi od hebr. im. *Seraphim*. W łacinie zamieniono wygłosowe *-im* na *-in* (Fros, Sowa 2004, 5:228).

10 Jako argument należy potraktować fakt, że oba imiona zostały wykorzystane w nominacji jednej osoby.

11 Formy *Stefan* i *Szczepan*, jak podkreślają H. Fros i F. Sowa (2004, 5:382), obecnie uważa się jako dwa odrębne imiona. W rzeczywistości ten drugi wariant jest przystosowaniem fonetycznym formy łacińskiej *Stephanus* do języka polskiego. W hagiografii tylko imię pierwszego męczennika jest zapisywane w formie *Szczepan*, w odniesieniu do pozostałych świętych stosuje się imię *Stefan*.

12 *Wiesław* – od *Wielisław* (zob. Fros, Sowa 2007, 6:98).

13 *Wacław* i *Wiaczesław/Wieczesław* są wariantami jednego imienia w wersji polskiej i wschodniosłowiańskiej. W świadomości mieszkańców miasta są to dwa różne antroponimy, przy czym *Wacław* jest im. występującym wśród miejscowych katolików, zaś im. *Wiaczesław/Wieczesław* noszą osoby wyznania prawosławnego. Co ciekawe, w *Spisie imion prawosławnych...* (2011:65), cerkiewno-słowiańska forma *Вячеслав* tłumaczona jest zarówno jako *Wiaczesław*, jak i *Wacław*. Większe podobieństwo (w kontekście subiektywnego postrzegania zjawisk językowo-onomastycznych) można by przypisać imionom *Wiesław* i *Wiaczesław/Wieczesław*, ponieważ imiona te, choć różne genetycznie, mają na badanym terenie wspólne odmianki hipokorystyczne, tj. *Wiesiek*, *Wiesio* itp.

14 W *Kalendarzu prawosławnym* wydany przez Patriarchat moskiewski (1998:97) jedna ze świętych występuje zarówno pod imieniem *Леонилла*, jak i *Неонилла* (Лагонийская, II wiek n.e., pamięć 16 stycznia wg starego stylu), ale już druga postać figuruje tylko jako *Неонилла* (Сирийская, III wiek n.e., pamięć 28 października wg starego stylu). Takie same dane (włącznie z datami liturgicznego wspomnienia) poświadcza *Słownik imion rosyjskich* (Тихонов и др. 1995:538, 581), co upoważnia do rozpatrywania tych imion jako oddzielnych.

i *Małgorzata, Ala/Alla* i *Alina, Alicja*.¹⁵ Wspólny rdzeń semantyczny również nie może uprawniać do potraktowania niektórych imion jako odmianek jednego antroponimu, por. *Walery* i *Walerian, Leon, Leoncjusz* i *Leonid, Domna* i *Dominika, Leona* i *Leontyna*.

Analiza diachroniczna wykazuje, że pewna grupa imion to derywaty od innych antroponimów (niekiedy również odnotowanych wśród mieszkańców Bielska Podlaskiego). Niemniej, w imiennictwie współczesnym są one uznane jako oddzielne jednostki nazewnicze, sformalizowane w mniejszym lub większym stopniu, np. *Jacek* < *Hiacynt, Janusz* < *Jan, Nina* < *Antonina, Janina, Annina* (< *Anna*),¹⁶ *Leszek* < *Lestek, Lestko* (< *Lścimir, Lścisław*), *Lech* < *Letsław, Lesław*, może wtórnie od *Leszek, Marianna* < *Maria, Maryna* < *Maria, Marzanna* < *Maria*,¹⁷ *Hanna* < *Anna*.

Jako osobne zakwalifikowano również te imiona, które są derywatami imion używanych w Polsce, ale powstałymi na gruncie innych języków i które jednocześnie nie są związane z obcym pochodzeniem ich nosicieli (jak np. cytowane wyżej *Jerzy* i *Jur, Helena* i *Olena, Zuzanna* i *Suzy*¹⁸), np. *Anita* (niem.) < *Anna, Izabela/Izabella* (hiszp.) < *Elżbieta*,¹⁹ *Alicja* (ang.) < *Elżbieta* (?).

3 Motywacja religijno-kulturowa i pochodzenie językowe imion

Tabele pokazują udział poszczególnych grup imion z punktu widzenia motywacji religijno-kulturowej i etymologii językowej. Na podstawie danych statystycznych można ustalić frekwencję jednakowych (niepowtarzających się) imion, jak też stwierdzenie ilościowego (i procentowego) uczestnictwa imion w zakresie łącznej liczby ich użycia.

Źródła imion męskich	Liczba imion	Liczba użyć imion
Imiona biblijne ST	8 (6,1%)	165 (5,1%)
Imiona biblijne NT	14 (10,7%)	740 (23,1%)
Imiona świętych starochrześcijańskich (do V w.)	48 (36,6%)	1250 (39,1%)
Imiona świętych średniowiecza i nowożytnych	33 (25,2%)	512 (16,0%)
Imiona inne	28 (21,4%)	533 (16,6%)
Razem	131 (100%)	3200 (100%)

15 Na temat im. *Ala, Alla, Alina* zob. wyżej.

16 W opracowaniach z zakresu onomastyki polskiej im. *Nina* objaśniane jest zazwyczaj jako derywat od *Antonina, Janina, Annina* (Bubak 1993:242; Fros, Sowa 2000, 4:402). M. Malec (1994) w ogóle nie notuje go w swojej monografii. Mając na względzie uwarunkowania etniczno-religijne na badanym obszarze należy bez wątpienia uznać im. *Nina* jako samodzielną jednostkę nazewniczą (por. Janowska et al. 1991:201) motywowaną postacią św. Niny (Nino), Oświecicielki Gruzji (Kalendarz prawosławny 2009:20).

17 Por. Fros, Sowa 2000, 4:104.

18 Osobami obcego pochodzenia w Bielsku Podlaskim są też nosiciele imion *Leila, Marina, Ali, Abdulla, Armando*.

19 Por. też im. biblijnej królowej *Isabel* (Fros, Sowa 1998, 3:163).

W nazewnictwie męskim najwyższy odsetek reprezentują imiona świętych starochrześcijańskich. Wedle liczby niepowtarzających się antroponomów drugie miejsce zajmują imiona nawiązujące do świętych średniowiecza i epoki nowożytnej. Tuż za nimi lokują się imiona, które nie są bezwarunkowo związane z wpływem czynników sakralnych lub ich religijna motywacja nie została dostatecznie poświadczona w źródłach liturgicznych. Najmniejszy udział wykazują imiona biblijne. Uwzględniając łączną sumę użycia wszystkich imion, antroponimy motywowane imionami postaci nowotestamentowych zajmują drugie miejsce.

Pochodzenie językowe imion męskich	Liczba imion	Liczba użyć imion
semickie (hebrajskie, aramejskie, arabskie)	17 (13,0%)	556 (17,4%)
greckie	31 (23,7%)	1301 (40,6%)
łacińskie	28 (21,4%)	352 (11,0%)
greckie lub łacińskie	2 (1,5%)	9 (0,3%)
germańskie	18 (13,7%)	148 (4,6%)
słowiańskie	28 (21,4%)	737 (23,0%)
inne	7 (5,3%)	97 (3,0%)
Razem	131 (100%)	3200 (100%)

Niezależnie od przyjętej metody, najbardziej produktywnie w imiennictwie męskim okazały się antroponimy pochodzenia greckiego. W zakresie liczby imion drugą lokatę zajęły *ex aequo* imiona łacińskie i słowiańskie. Mniejszą popularnością cieszyły się imiona pochodzenia germańskiego i semickiego. Zestawienie uwzględniające sumę wszystkich użyć imion wskazuje, że imiona słowiańskie zajmują drugie miejsce, natomiast imiona łacińskie ułożyły się dopiero na czwartej pozycji i zostały wyprzedzone przez antroponimy o genezie semickiej.

Źródła imion żeńskich	Liczba imion	Liczba użyć imion
Imiona biblijne ST	7 (4,3%)	286 (7,8%)
Imiona biblijne NT	7 (4,3%)	447 (12,2%)
Imiona świętych starochrześcijańskich (do V w.)	62 (37,8%)	1806 (49,5%)
Imiona świętych średniowiecza i nowożytnych	19 (11,6%)	347 (9,5%)
Imiona inne	69 (42,1%)	763 (20,9%)
Razem	164 (100%)	3649 (100%)

Największy odsetek w zakresie liczby imion żeńskich zanotowano wśród antroponomów nieposiadających *stricto* religijnej motywacji. Imion świętych starochrześcijańskich jest nieco mniej. Zdecydowanie rzadziej sięgano do imion świętych średniowiecza i nowożytnych. Z imion biblijnych korzystano sporadycznie. Zestawienie uwzględniające liczbę wszystkich użyć imion wskazuje na wyraźną dominację imion świętych okresu starochrześcijańskiego. Stanowią one

niemal połowę całego zasobu. Imiona motywowane postaciami błogosławionych oraz niepoświadczone jednoznacznie w literaturze hagiograficznej znalazły się na drugim miejscu. Mniej popularne okazały się imiona biblijne nowotestamentowe, imiona świętych średniowiecza i czasów nowożytnych oraz imiona biblijne zaczerpnięte ze Starego Testamentu.

Pochodzenie językowe imion żeńskich	Liczba imion	Liczba użyć imion
semickie (hebrajskie, aramejskie, arabskie)	19 (11,6%)	754 (20,7%)
greckie	44 (26,8%)	1356 (37,2%)
łacińskie	42 (25,6%)	552 (15,1%)
germańskie	13 (7,9%)	115 (3,1%)
słowiańskie	18 (11,0%)	273 (7,5%)
inne	28 (17,1%)	599 (16,4%)
Razem	164 (100%)	3649 (100%)

Ranking obejmujący repertuar niepowtarzających się imion pokazuje, że połowę tego zbioru tworzą łącznie antroponimy proveniencji greckiej lub łacińskiej (w zbliżonych proporcjach względem siebie). Na trzeciej pozycji znajdują się imiona wywodzące się z języków innych, niż wymienione w niniejszym zestawieniu²⁰ lub imiona, dla których różne źródła podają rozbieżną etymologię. Dalsze miejsca zajmują imiona semickie, słowiańskie i germańskie. W zakresie liczby użyć imion przeważają imiona pochodzenia greckiego. Antroponimy łacińskie, zdecydowanie mniej produktywne, znalazły się na czwartej pozycji ustępując miejsca imionom semickim oraz imionom o innej etymologii. Imiona słowiańskie i germańskie cechują się niską frekwencją użycia.

4 Osobliwości w nadawaniu poszczególnych imion uwzględniające zróżnicowanie etniczno-konfesyjne mieszkańców

Jak wiadomo, zasadniczy filar antroponomastykonu na obszarze Słowiańszczyzny tworzą imiona wywodzące się ze wspólnego dziedzictwa religijnego chrześcijan. Miana te sięgają czasów starotestamentowych i w znacznym stopniu wzbogacone są imionami świętych starochrześcijańskich. Po ostatecznym podziale Kościoła na Wschodni i Zachodni obydwie odłamy istnieją niezależnie od siebie. W każdym z nich grono świętych jest sukcesywnie powiększane o nowe postaci. Większość kanonizowanych osób nosi imiona znane już wcześniej w liturgii i źródłach hagiograficznych. Czasami jednak wraz z uznaniem danej osoby za świętą w obrządku wschodnim lub zachodnim uzupełnia się jednocześnie repertuar imion kalendarza prawosławnego lub katolickiego.

20 M.in. perskie, litewskie, frankofońskie, hiszpańskie, arabsko-hiszpańskie, anglosaskie, włoskie, węgierskie.

Pomimo faktu, że znakomita większość imion nawiązuje do świętych Kościoła sprzed jego podziału, to pewne antroponimy uważane są powszechnie za „typowo prawosławne”, nadawane w rodzinach o korzeniach wschodniosłowiańskich. Przeciwną grupę tworzą imiona „typowo katolickie”, obecne niemal wyłącznie wśród miejscowych Polaków.

Imionami typowymi dla bielszczan narodowości ruskiej (Białorusinów, Ukraińców, „tutejszych”, jak często określają samych siebie) są m.in. *Bazył/Bazyli, Sergiusz, Wiaczesław, Dymitr, Rościsław, Lew, Mitrofan, Oksenty* (< cerk. *Auksencjusz*), *Wadym, Nadzieja, Wiera, Luba, Zenaida, Tamara, Raisa, Świetłana, Taisa, Zoja, Eufalia, Nona/Nonna, Leonila, Miropia, Aleutyna, Eudokia, Ksenia, Larysa, Neonila, Paraskiewa, Olimpiada*. Imionami częściej kojarzonymi ze społecznością prawosławną (ruską) są też: *Anatol, Aleksy, Igor, Borys, Leonid, Nina, Lidia, Olga, Ludmiła, Tatiana* i inne (por. Abramowicz 1993:76–80, 113–115, 192–209, 256–267, 309, 335, 359).

Większość z tych imion związana jest z Biblią lub okresem starochrześcijańskim (o czym już wspomniano wyżej). Dlatego teoretycznie mogłyby być nadawane także w rodzinach polskich katolików. W polskiej kulturze nazewniczej imiona te nie znalazły uznania lub są obecne w stopniu minimalnym. Przyczyny takiego stanu rzeczy mogą być różne. Po pierwsze, niektóre imiona (lub pamięć o świętych noszących je) w Kościele katolickim nigdy nie należały do popularnych. Można również przypuszczać, że część antroponimów była od zawsze kojarzona z kulturą nazewniczą obszarów z dominującym obrządkiem bizantyjskim. Chodzi tu przede wszystkim o terytoria współczesnej Rosji, Białorusi, Ukrainy, ale też m.in. o obszar Bałkanów, por.: *Arseniusz* – „częste w chrześcijaństwie wschodnim, w Polsce mało używane” (Fros, Sowa 2004, 1:270); *Bazyli* – „popularne na Rusi” (Fros, Sowa 2004, 1:375), „W Polsce Bazyli nie należało do imion częstych, dziś spotykane jest wśród ludności prawosławnej w Białostockiem” (Bubak 1993:53); *Lew* – „Do dziś imię Lew w Polsce należy do imion b. rzadkich, natomiast częste było w jęz. rosyjskim” (Bubak 1993:195); *Sergiusz* – „dziś uważane za i[mię] rosyjskie” (Bubak 1993:278); *Dymitr* – „Dzisiejsza polska forma Dymitr przejęta została od Słowian wschodnich (z Rusi Czerwonej) i używana jest dla osób stamtąd pochodzących [...]. Imiona te (Dymitr i Demetriusz – M.M.) nie są dziś u nas nadawane” (Bubak 1993:79); *Nadzieja, Wiera, Luba* – „Imię Nadzieja [...] używane jest też b. rzadko w czasach najnowszych, zaś Wiara i Miłość w ogóle w Polsce nie są nadawane. Natomiast są one popularne w jęz. rosyjskim jako Viera, Nad’ezda i Lubow, a także w innych językach” (Bubak 1993:238); *Tamara* – „na gruncie polskim nowe i rzadkie, częste u Rosjan, którzy przejęli je zapewne z Gruzji [...].” (Bubak 1993:296), „w

Polsce występuje rzadko i uważane bywa za imię rosyjskie” (Fros, Sowa 2004, 5:411); *Nonna* – „dziś spotykane wyjątkowo” (Bubak 1993:242); *Ksenia* – „w Polsce b. rzadkie” (Bubak 1993:187), „Upowszechniło się przede wszystkim na Bałkanach i dawnych polskich ziemiach wschodnich będących pod wpływem chrześcijaństwa wschodniego” (Fros, Sowa 1998, 3:546); *Larysa* – „W Polsce b. rzadkie, w nowszych czasach występuje pod wpływem jęz. rosyjskiego, gdzie jest częste” (Bubak 1993:189); *Anatol, Anatoliusz* – „Należy dziś w Polsce do imion rzadkich” (Bubak 1993:38); *Aleksy* – „Dziś należy do imion rzadkich” (Bubak 1993:34); *Igor* – „rosyjskie i[mię] m[ęskie] [...]. W Polsce należy do imion rzadkich” (Bubak 1993:143); *Leonid* – „w Polsce jest rzadko używane, najczęściej noszą je ludzie wywodzący się z kresów wschodnich. Spotykane jest częściej w kręgu jęz. wschodniosłowiańskich” (Bubak 1993:193); *Nina* – „dziś w Polsce jest przede wszystkim skróconą formą od żeńskiego imienia Antonina lub Janina” (Bubak 1993:242); *Olga* – „Imię w Polsce rzadkie, dość częste natomiast u Słowian Wschodnich” (Bubak 1993:245); *Ludmiła* – „Dziś w Polsce nie należy do imion popularnych i nadawane jest rzadko” (Bubak 1993:200); *Tatiana* – „i[mię] ż[ęńskie] przejęte do Polski z jęz. rosyjskiego” (Bubak 1993:296); *Daria* – „popularne w Rosji i na Ukrainie” (Fros, Sowa 1997, 2:14).

Pewne imiona, które wystąpiły wśród mieszkańców Bielska Podlaskiego są na tyle specyficzne, że nie są w ogóle odnotowane w źródłach polskich. Cytowane w niniejszym artykule opracowania J. Bubaka (1993), M. Malec (1994) oraz W. Janowowej et al. (1991) nie uwzględniają m.in. im. *Mitrofan* (w polskiej wersji czasami jako *Metrofan*), *Wadym, Eufalia, Leonila, Miropia, Neonila, Aleutyna*. Niektóre antroponimy są poświadczone w pracach polskich onomastów, np. im. *Auksencjusz* (Janowowa et al. 1991:40; Malec 1994:297²¹), *Zenaida* (Janowowa et al. 1991:285), *Raisa* (Janowowa et al. 1991:229²²), *Świetlana* (Janowowa et al. 1991:256), *Taisa* (Janowowa et al. 1991:257²³), *Zoja* (Janowowa et al. 1991:286²⁴), *Eudokia* (Malec 1994:354²⁵), *Paraskiewa* (Janowowa et al. 1991:223²⁶).

Warto w tym miejscu zwrócić uwagę na kilka jeszcze innych imion, które wystąpiły w formach wschodniosłowiańskich, mimo istnienia odpowiedników

21 W formie derywowanej *Oksenty(j)*.

22 Pod hasłem *Raida*. Chyba nie bez znaczenia pozostaje fakt, że w źródłach cerkiewnych św. Raisa występuje także pod imieniem *Iraida* (zob. np. Kalendarz prawosławny 2009:189).

23 Przy hasle słownikowym *Taida*. Por. cerk. *Taisija* (Kalendarz prawosławny 2009:189; Fros, Sowa 2004, 5:406). Zob. też poprzedni przypis.

24 Jako postać wyjściową autorki słownika podają formę łacińską *Zoe*.

25 Pod hasłem *Awdotyja*. Poświadczone również w *Słowniku imion* (Janowowa et al. 1991:89), chociaż pod głównym hasłem *Eudoksja*, co należy uznać za nieścisłość spowodowaną błędnym umieszczeniem dwu oddzielnych imion jako wariantów jednego antroponimu, por. Malec 1994:354, 360; Kalendarz prawosławny 2009:185, *Spis imion prawosławnych...* 2011:101.

26 Pod hasłem *Prascewia*.

polskich: *Lija* (por. pol. *Lea*²⁷, cerk. *Lija*), *Kuźma* (pol. i cerk. *Kosma*), *Marina* (pol. *Maryna*, cerk. *Marina*), *Serafima* (pol. *Serafina*, cerk. *Sierafima*) oraz *Afanazy*, które można uznać za polsko-wschodniosłowiańską formację hybrydalną (pol. *Atanazy*, cerk. *Afanasij*).

Odmienne zasób reprezentują imiona typowe dla bielszczan narodowości polskiej (zob. Abramowicz 2003:34–54, 113–160, 256–263). Należą do nich przede wszystkim imiona słowiańskie (*Stanisław*, *Kazimierz*, *Zdzisław*, *Władysław*, *Zbigniew*, *Wojciech*, *Leszek*, *Mieczysław*, *Czesław*, *Bogusław*, *Bolesław*, *Lech*, *Bronisław*, *Bogumił*, *Lesław*, *Przemysław*; *Bożena*, *Stanisława*, *Kazimiera*, *Czesława*, *Władysława*, *Bronisława*, *Wacława*, *Zdzisława*, *Bolesława*), germańskie (*Ryszard*, *Karol*, *Ludwik*, *Edmund*, *Adolf*, *Alfons*, *Henryk*, *Alojzy*, *Gustaw*, *Hubert*, *Roch*, *Zygmunt*; *Jadwiga*, *Henryka*, *Genowefa*, *Gertruda*, *Romualda*, *Ryszarda*, *Adela*, *Bernarda*, *Blanka*, *Zyta*), litewskie (*Witold*, *Danuta*, *Grażyna*), anglosaskie (*Artur*, *Edward*) i inne (*Franciszek*, *Teresa*, *Marianna*, *Janina*, *Wanda*, *Elwira*, *Kinga*). Ponadto, niemal wyłącznie wśród mieszkańców o polskich korzeniach można spotkać niektóre imiona łacińskie (*Feliks*, *Kamila*, *Regina*, *Cecylia*, *Celina*, *Scholastyka*, *Waleria*, *Zyta*) i greckie (*Szczepan*).

Zacytowane imiona, obce wiernym obrządku wschodniego, są nadawane na chrzcie w Kościele katolickim.

Zjawiskiem, na które warto zwrócić uwagę przy analizie antroponimii na obszarach kulturowo mieszanych, jest uczestnictwo dwuczłonowych imion słowiańskich w podsystemach imienniczych uwarunkowanych przynależnością etniczno-konfesyjną mieszkańców. Znakomita większość tych antroponimów występuje niemal wyłącznie wśród Polaków-katolików (zob. Abramowicz 1993:34–35, 114, 256–257, 262, 374, 384–477), por. w Bielsku Podlaskim: *Czesław*, *Stanisław*, *Kazimierz*, *Zdzisław*, *Władysław*, *Wojciech*, *Mieczysław*, *Bogusław*, *Bolesław*, *Bronisław*, *Bogumił*, *Przemysław*. W środowisku Rusinów-prawosławnych spośród imion rodzimych pojawiają się jedynie *Rościsław* i *Wiaczesław/Wieczesław*, uznawane na badanym terenie za „bardziej wschodnie”. Do wspólnych można zaliczyć imiona *Jarosław*, *Mirosław*, *Sławomir* i chyba *Włodzimierz*, chociaż to ostatnie nieco częściej bywa utożsamiane z osobami z wschodniosłowiańskiego kręgu religijno-kulturowego. Wśród antroponimów żeńskich daje się zauważyć jeszcze większą polaryzację. Poza im. *Mirosława* i *Ludmiła*, obecnych w obu grupach etnicznych (drugie kojarzone w lokalnej społeczności jako częstsze wśród kobiet prawosławnych), pozostałe antroponimy występują tylko w imiennictwie bielskich katolików, por. *Stanisława*, *Kazimiera*, *Czesława*, *Władysława*, *Bronisława*, *Wacława*, *Zdzisława*, *Bolesława*.

27 Por. Janowowa et al. 1991:166.

5 Imiona bielszczan w perspektywie diachronicznej

Analizowane zestawienia frekwencyjne warto porównać z imionami nadanymi w mieście na przełomie XIX i XX wieku (w latach 1890–1909).

Połowa spośród najbardziej produktywnych antroponimów męskich (o frekwencji powyżej 2%) wystąpiła jednocześnie w analogicznym zbiorze sprzed stu lat. Są to imiona *Jan, Mikołaj, Aleksander, Włodzimierz, Piotr, Józef*. Pozostałe imiona popularne obecnie, w imiennictwie historycznym były nadawane rzadziej. *Jerzy, Eugeniusz, Andrzej, Stanisław* należały do grupy średnio popularnych, imię *Stefan* wystąpiło tylko jeden raz, zaś *Mirosław* i *Tadeusz* w ogóle nie figurują w spisie z przełomu XIX i XX wieku.

Relatywnie częstsze w dokumencie współczesnym są imiona *Marcin, Arkadiusz, Romuald, Wacław, Witold, Franciszek, Wiktor*, a przede wszystkim *Henryk, Tomasz, Kazimierz* i *Stefan*. Z drugiej strony, inne imiona, np. *Antoni* i *Michał* zdecydowanie częściej wybierano przed I wojną światową. Niektóre antroponimy poświadczone są sporadycznie zarówno w zbiorze historycznym, jak i współczesnym, np. *Edmund, Sylwester, Przemysław, Mitrofan, Mateusz, Ludwik, Leoncjusz, Eustachy, Arseniusz, Adolf, Auksencjusz, Lew* i in.

Szereg imion identyfikujących bielszczan sto lat temu nie pojawiło się w spisie z 2006 roku, choć ten ostatni jest ponad sześciokrotnie bogatszy od historycznego: *Teofan, Trochym, Tychon, Tymoteusz, Serafin, Rajnold, Pius, Onufry, Nikifor, Napoleon, Mojżesz, Wawrzyniec, Ksawery, Konrad, Klemens, Hipolit, Hieronim, Dionizy, Alfred, Joachim, Eutyminiusz*. Wyloniły się natomiast inne imiona, niepoświadczone w dokumentach z przełomu XIX i XX wieku, np. *Krzysztof, Sławomir, Jarosław, Anatol, Marek, Zdzisław, Janusz, Ryszard, Roman, Waldemar, Dariusz, Zbigniew, Bogdan, Wojciech, Ireneusz, Artur, Czesław, Robert, Bogusław, Jacek, Lech, Witalis, Cezary, Lucjan, Igor, Szymon, Feliks, Rościsław, Zenon, Karol, Łukasz, Daniel, Sebastian, Alfons, Bogumił, Leonard, Roch, Wadym* i in.

Podobne tendencje obserwujemy w imiennictwie żeńskim. Kilka najpopularniejszych imion w zbiorze współczesnym wystąpiło na najwyższych pozycjach w repertuarze historycznym: *Maria, Anna, Helena, Eugenia, Zofia, Janina*. Nie wszystkie imiona produktywne w zasobie z przełomu XX i XXI wieku były chętnie wybierane sto lat temu. Rzadziej korzystano na przykład z im. *Elżbieta*. Imiona *Ewa, Barbara* i *Nina* cechują się jeszcze niższą frekwencją użycia w okresie sprzed I wojny światowej. Imiona *Halina* i *Walentyna* wybrano tylko jeden raz, natomiast im. *Irena, Krystyna, Teresa* i *Alina* w ogóle nie figurują w zestawieniu dawnym.

Część imion posiada podobny status, jeśli uwzględnimy częstotliwość ich użycia. Niezależnie od okresu małą popularnością (zazwyczaj z jedno- lub dwukrotnym

poświadczeniem) odznaczają się imiona *Nikodema, Michalina, Konstancja, Julita, Felicja, Pelagia, Olimpiada, Leontyna, Kamila, Apolonia, Amelia*.

Nieco częściej w wykazie współczesnym pojawiły się za to imiona *Tatiana, Lucja/Lucja, Klaudia, Władysława, Franciszka, Marta, Wanda, Stanisława*, a ponadto im. *Jadwiga* i *Luba*, choć te dwa ostatnie antroponimy formalnie należą do grupy średnio popularnych w obu przedziałach temporalnych. Warto także zwrócić uwagę m.in. na imiona *Aleksandra, Marianna, Nadzieja, Wiera*, które w wykazie z przełomu XX i XXI wieku zaklasyfikowano jako przeciętne, natomiast w imiennictwie historycznym uzupełniają zestaw imion wybieranych najczęściej.

Trzeba również zauważyć, że szereg imion obecnych sto lat temu nie wystąpiło współcześnie. Są to m.in. *Teofila, Teodozja, Seweryna, Rozalia, Milica, Matrona, Ludwika, Feuronia, Melania*. Ich miejsce zajęły inne antroponimy (poza cytowanymi wyżej: *Irena, Krystyna, Teresa* i *Alina* także *Danuta, Ludmiła, Agnieszka, Wiesława, Bożena, Regina, Beata, Iwona, Tamara, Dorota, Raisa, Henryka, Genowefa, Urszula, Izabela, Mariola, Cecylia, Gertruda* i inne).

Większe zróżnicowanie dostrzec można konfrontując zasób imion bielszczan dorosłych z zestawieniem frekwencyjnym najmłodszych mieszkańców, tj. urodzonych w pierwszej dekadzie XXI wieku.

W zakresie imion męskich, cieszących się dużą popularnością wśród obywateli pełnoletnich jedynie dwa imiona, tj. *Mikołaj* i *Piotr* wystąpiły w metrykach najnowszych. Imię *Jan* będące imieniem o najwyższej częstotliwości użycia w pokoleniach ojców i dziadków, w latach 2001–2010 znalazło się w grupie średnio popularnych. Pozostałe antroponimy cechuje jeszcze mniejsza produktywność na początku XXI wieku, np. *Jerzy, Andrzej, Aleksander, Józef, Tadeusz* są wykorzystywane sporadycznie, *Eugeniusz* i *Stanisław* występują tylko jeden raz, imion *Włodzimierz, Mirosław* i *Stefan* nie odnotowano w ogóle. Na miejscu tych antroponimów pojawiły się inne imiona, które wystąpiły w spisie abonentów w charakterze średnio popularnych (*Michał, Krzysztof, Paweł*) albo wykorzystywanych sporadycznie (*Jakub, Mateusz, Szymon, Gabriel, Maciej, Karol, Dominik*) bądź też takie, które wcześniej nie wystąpiły w ogóle (*Dawid, Bartosz, Bartłomiej, Kacper, Patryk, Damian, Kamil*).

Straciły aktualność imiona *Sławomir, Wiesław, Anatol, Henryk, Władysław, Waldemar, Edward, Leszek, Witold, Ireneusz, Mieczysław, Romuald, Czesław, Wiaczesław, Dymitr, Teodor, Zygmunt, Ignacy, Lech, Waclaw, Witalis, Lucjan, Wincenty, Feliks, Leonid, Rościsław, Bronisław, Zenon, Leoncjusz, Ludwik, Walerian, Edmund, Walery, Zenobiusz, Eustachy, Lew, Adolf* i in. Pojawiły się m.in. *Błażej, Krystian, Maksymilian, Miłosz, Oliwier, Oskar, Konrad, Kornel, Eryk,*

Norbert, Alan, Brajan, Kasjan, Olaf, Gracjan, Kewin, Orest, Natan, Amadeusz, Dylan, Karion, Nikodem, Nestor itd.

Podobna tendencja zaznacza się także w żeńskim systemie imienniczym. Tylko dwa imiona: *Maria* i *Anna* – wystąpiły w grupie najczęściej wybieranych (powyżej 2%), zarówno w repertuarze obejmującym osoby dorosłe, jak i w zasobie reprezentującym najmłodszą generację bielszczanek. Pozostałe antroponimy, najpopularniejsze wśród kobiet w wieku powyżej 18 lat, znalazły się na dalszych pozycjach w rankingu „najnowszym”: imiona *Ewa* i *Zofia* należą do zasobu średnio popularnych, *Barbara, Elżbieta, Halina, Helena* były wybierane jeszcze rzadziej, *Irena, Nina, Teresa* i *Walentyna* wystąpiła tylko jeden raz, zaś obecności imion *Alina, Eugenia, Janina* i *Krystyna* nie stwierdzono w ogóle w spisach z lat 2001–2010.

Nie nadawano w czasach najnowszych imion *Danuta, Nadzieja, Wiera, Grażyna, Jolanta, Lucyna, Luba, Wiesława, Bożena, Marianna, Regina, Zenaida, Mirosława, Tamara, Henryka, Genowefa, Stanisława, Marzanna/Marzena, Renata, Józefa, Franciszka, Władysława, Kazimiera, Bronisława, Cecylia, Zoja, Scholastyka, Eudokia, Paraskiewa, Zyta*.

Pojawiły się za to imiona niewystępujące wśród osób średniego i starszego pokolenia: *Oliwia, Maja, Martyna, Patrycja, Roksana, Sandra, Angelika, Lena, Nikola, Laura, Kornelia, Iga, Milena, Wanessa/Vanessa, Eliza, Estera, Jagoda, Malwina, Marlena, Karina, Aurelia, Żaneta* i in.

6 Podsumowanie

Celem powyższych rozważań było wskazanie wśród imion współcześnie używanych przez bielszczan średniego i starszego pokolenia antroponimów odznaczających się dużą, średnią i małą produktywnością. W zbiorze imion męskich najczęściej wystąpiły się imiona *Jan, Mikołaj, Jerzy, Eugeniusz, Andrzej*, w zasobie żeńskim – *Maria, Irena, Halina, Anna, Walentyna*. W oparciu o dane statystyczne stwierdzono, że w imiennictwie męskim najbardziej produktywne okazały się imiona proveniencji greckiej motywowane postaciami świętych starochrześcijańskich. Podobną tendencję stwierdzono w odniesieniu do antroponomastykonu żeńskiego, choć ten zbiór upoważnia do wysunięcia nieco innych wniosków w przypadku zestawienia obejmującego niepowtarzające się imiona (zob. wyżej).

Przy ekscerpcji materiału źródłowego zwrócono uwagę na formy graficzno-brzmieniowe oddzielnych jednostek nazewniczych w kontekście wariantywności imion. Wskazano także grupy antroponimów typowych dla mieszkańców miasta identyfikujących się z narodowością polską (z reguły należących do Kościoła katolickiego) lub wschodniosłowiańską (zazwyczaj osoby wyznania prawosławnego).

Porównanie wykazu imion mieszkańców Bielska Podlaskiego średniego i starszego pokolenia z zasobami z lat 1890–1909 i 2001–2010 pozwoliło dostrzec podobieństwa i różnice w zakresie frekwencji poszczególnych antroponimów na przestrzeni stu lat.

Literatura

- Abramowicz, Z., 1993: *Imiona chrzestne białostoczan w aspekcie socjolingwistycznym (lata 1885–1985)*, Białystok.
- Bubak, J., 1993: *Księga naszych imion*, Wrocław.
- Fros, H., Sowa, F., 1997–2007: *Księga imion i świętych 1–6*, Kraków.
- Janowowa, W., Skarbek, A., Zbijowska, B., Zbiniowska, J., 1991: *Słownik imion*, Wrocław–Warszawa–Kraków.
- Malec, M., 1994: *Imiona chrześcijańskie w średniowiecznej Polsce*, Kraków.
- Kalendarz Prawosławny 2009*, Wydanie Warszawskiej Metropolii Prawosławnej. *Spis imion prawosławnych w brzmieniu polskim i staro-cerkiewno-słowiańskim*, 2011, Warszawa.
- Pravoslavnyj cerkovnyj kalendar' 1998*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarchii.
- Tichonov, A. N., Bojarinova, L. Z., Ryžkova, A. G., 1995: *Slovar' russkich ličnych imen*. Moskva.

Summary: First Names of People from Bielsk Podlaski at the Turn of the 21st Century

The paper presents an analysis of contemporary first names of people living in Bielsk Podlaski, a town in the Polish-East Slavonic borderlands. The popularity of individual names is presented, also in terms of religious and cultural etymology and linguistic origin. Attention is paid to the spelling and phonetic forms of onomastic units in the context of the name variants. Groups of anthroponyms typical of town citizens identifying themselves with Polish (usually Roman Catholics) or East Slavonic nationality (usually Orthodox) are identified. The analysed dataset of first names of middle-aged and old-aged citizens is compared against the datasets from the periods 1890–1909 and 2001–2010, and similarities and differences in the frequency of individual anthroponyms over a century are revealed.

Key words: linguistics, onomastics, anthroponymy, first names, multiculturalism

IV.

**Rajko Nahtigal – njegovo strokovno,
organizacijsko in družbeno delovanje**

Rajko Nahtigal in znanstvene ustanove na Slovenskem (v obdobju 1913–1930)

Alenka Šivic-Dular

Univerza v Ljubljani, Ljubljana

Prispevek osvetljuje kronologijo procesa ustanovitve *Časopisa za slovenski jezik, književnost in zgodovino* in *Znanstvenega društva za humanistične vede v Ljubljani* kot organskega predhodnika filološko-historičnega razreda načrtovane Akademije znanosti in umetnosti.

Ključne besede: filologija, slovanska, biografija, Rajko Nahtigal

Kot soustanovitelj ima Rajko Nahtigal neminljive zasluge za najvišje znanstvene ustanove, *slovensko univerzo* (1919) in *Akademijo znanosti in umetnosti* (1938), poleg tega pa je bil med pobudniki in gonilnimi silami pri oblikovanju revijalne znanstvene infrastrukture. F. Ramovš je že v jubilejnem zapisu ob 50-letnici Rajka Nahtigala poudaril dva njegova organizacijska dosežka:

(1) da je skupaj z Antonom Kaspretom ustanovil znanstveno glasilo *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino* (v nadaljevanju: ČJKZ) oziroma da je bil ta celo večinoma njegovo delo (Ramovš 1927:243);

(2) da je ustanovil *Znanstveno društvo za humanistične vede* v Ljubljani (v nadaljevanju: ZDHV) »z delokrogom, ki obsega posle, kakršne vrši pri znanstvenih akademijah filozofsko-historični razred in predstavlja tedaj skromen, a resen začetek ljubljanske akademije znanosti« (Ramovš 1927:243).

Projekta nista bila povsem ločena, temveč sta se med seboj ne samo naključno večkrat staknila, ampak je njuna povezava nepogrešljiva tudi za uspešno znanstveno delovanje, katerega sestavina je objavljanje. Oba vzporedno sta nastajala in se umeščala v obstoječe mreže v obdobju 1916–1921. V članku bom skušala rekonstruirati korake v njenem nastajanju (ustanavljanju) in dokumentirano pokazati stične točke, kot to omogoča pregledana arhivska ostalina, korespondence in priložnostni viri.

Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino (1918–1931)

Rajko Nahtigal je bil na univerzi v Gradcu 24. septembra 1913 imenovan za izrednega profesorja slovanske filologije s posebnim ozirom na slovenski jezik, za rednega profesorja pa 8. 10. 1917 (AU 40/628, Osebni stanovski izkaz; Curriculum vitae). Prihod v Gradec pomeni nov začetek v njegovem pedagoškem,

znanstvenem in organizacijskem delovanju. Svoje raziskave je jezikoslovno in filološko usmeril na področje slovenskega jezika in na sledi starocerkvenoslovenskega slovstva v vzhodnoalpskem prostoru, poleg tega so ga študijske potrebe spodbudile k objavljanju v slovenskem jeziku. Prvi razpravi iz zgodovine slovenskega jezika *Freisingensia* I in II (Nahtigal 1915a,b) je objavil v *Časopisu za zgodovino in narodopisje* (dalje: ČZN). Časopis je urejal Anton Kaspret, ki je bil nad dvajset let profesor na gimnaziji v Gradcu in kjer sta z Nahtigalom navezala trdne znanstvene in človeške stike. ČZN je bil kot glasilo *Zgodovinskega društva v Mariboru* (1903–[2019]) ustanovljen leta 1904 zaradi raziskovanja zgodovine slovenske Štajerske, ker da nam »prav zgodovinsko znanstvo [...] kaže zvezo prešlih časov z dogodki sedanjosti«. Zdi se, da je bilo področje društvenega delovanja že na začetku vsebinsko razširjeno tudi na »slovensko narodopisje, zgodovino slovenskega slovstva in slovensko jezikoslovje« (ČZN 1904a:1–2), najbrž tudi po zaslugi Matije Murka, in enako vsebinsko orientacijo je odražal tudi ČZN, ki je bil označen kot strogo znanstven. Vendar pa uresničevanje deklarirane vsebinske zasnove ni bilo samoumevno; prve resnejše pripombe na uredniško politiko časopisa oziroma na filološke in slovstvenozgodovinske prispevke (namesto ‚čisto zgodovinskih‘) so se pojavile po natisu razprav o slovenski toponimiji po nemškem Štajerskem in o slovanskih prvinah v besedišču štajerskih Nemcev, ki ju je napisal K. Štrekelj, profesor na graški univerzi in Nahtigalov neposredni prednik na stolici. Podobno se pripombe pojavijo vsaj še ob Nahtigalovih razpravah o jeziku Brižinskih spomenikov (Nahtigal 1915a,b) in očitno je bilo, da so bila takšna besedila za povprečno izobraženega bralca prezahtevna. Kaspret se je na očitke že prvič odločno odzval (ČZN 1911:119–120). Skliceval se je najprej na zasnovo, sprejeto ob ustanovitvi društva in časopisa, nato pa na dejstvo, da strokovna društva v znanstvenem smislu zaradi (majhnega) »števila slovenskih znanstvenikov« še niso toliko napredovala, da bi bila stroga omejitvev na objave samo z enega področja smiselna, zato primanjkljaj dopolnjujejo objave kakovostnih in po svetu opaženih jezikoslovnih prispevkov. Pri tem je daljnovidno poudaril, da bo specializacija revij mogoča šele s porastom števila področnih znanstvenikov, »ko bo rešeno vprašanje ustanovitve velike slovenske šole«, ki je trenutno pomaknjena v prihodnost. Pripravo zanjo pa da predstavlja tudi ČZN (ČZN 1911:120).¹ Temu smemo pridružiti še finančno podhranjenost,² trenja med urednikom A. Kaspretom in sodelavci časopisa ter tehničnim urednikom

1 Prim. Kaspretov dobesedni navedek: »In če bodo merodajni krogi vprašali rodoljubne zastopnike Slovencev: *Kaj pa je vaš narod stvaril na polju znanstev?*, tedaj jim bodo lahko in ponosno med drugim predložili tudi dosedanje letnike Časopisa za zgodovino in narodopisje!«.

2 Zgodovinsko društvo v Mariboru se iz finančnih težav, v katerih se je znašlo že leta 1910, ni izklopalo, tako da uredništvo tudi v *Pozivu* kot najhujšo oviro pri delovanju omenja »pomankanje gmotnih sredstev in sodelavcev« (Friš 2013:133–135; ČZN1915: nepaginirano).

in korektorjem F. Kovačičem zaradi uredniških, tehničnoizvedbenih, operativnih (tj. Kovačičeve nenatančnosti) in komunikacijskih razlogov. Nesoglasje je razvidno iz korespondence, npr. med urednikom A. Kaspretom in predsednikom društva Pavlom Turnerjem, med Turnerjem in F. Kovačičem že vsaj od leta 1910 (Friš 2013:131–133), še zlasti pa iz korespondence med Kaspretom in Kovačičem, ohranjene v Pokrajinskem arhivu Maribor, kjer se med drugim omenja Kovačičeva »samolastnost« (SI_PAM/1517/001/012_00235 Korespondenca Kaspret, Antona Francu Kovačiču z dne 29. maja 1915).

Zaradi trenj in nezadovoljstva je postajalo sodelovanje med glavnimi udeleženci težavno, celo nemogoče, zato je zamisel o novem časopisu, ki bo brezpogojno na voljo tudi zahtevnim jezikovnozgodovinskim besedilom, postajala čedalje realnejša. Kaspret je sicer že leta 1911 svojemu časopisu pripisoval vlogo mozaičnega kamenčka v kulturni podstati, na kateri bo lahko delovala slovenska univerza, ni pa v njem mogel še videti eminentnega glasila, ki bi služilo najvišjim intelektualnim potrebam jezikoslovnih raziskovalcev. Vendar pa se zdi, da sta se Kaspretova predanost gradivno verodostojni, metodološko kontrolirani in intelektualno poglobljeni znanstveni razpravi in podobno Nahtigalovo naziranje ujela tudi pri vprašanju znanstvenosti in odgovornosti do znanstvenega prostora pred celotno družbeno skupnostjo, ki so že sevale v daljnosežne Nahtigalove organizacijske načrte po prihodu v Gradec. O tem je Nahtigal pisal v svojem življenjepisu: »Potrebo takega obče slovenskega strogoznanstvenega filološkohistoričnega časopisa [...] je čutil podpisani že takoj po prihodu na svoje novo mesto v Gradec. Za strogoznanstveno jezikoslovno razpravo ni bilo po vsem slovenskem svetu nikjer pravega mesta, a koliko je moral od tega trpeti samo že pouk v materinščini, si je lahko predstavljati« (AU 40/628 Curriculum vitae³).

Tudi Kaspretova odločitev za ustanovitev novega znanstvenega časopisa je najbrž zorela dalj časa, a je začela dobivati jasnejše obrise leta 1916. Pravni zgodovinar Metod Dolenc (1875–1941) je namreč v nekrologu A. Kaspretu zapisal, da mu je junija 1916 ob obisku v Gradcu Kaspret zaupal, da se je odpovedal uredništvu ČZN in da bo skupaj s F. Kidričem in »vseučiliškim profesorjem R. Nahtigalom izdajal nov Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino« (Dolenc 1920: 703–704). Vendar je preteklo še več mesecev, preden je na začetku morda še intimno in na pol zaupno odločitev Kaspret v začetku januarja 1917 izrazil kot namig Ramovšu, kmalu za tem pa še s pisnim odstopom od dolgoletnega urednikovanja ČZN. V Mariboru se hrani Kaspretovo pismo, datirano »V Nemškem Gradcu, na dan sv. Antona puščavnika 1917« (tj. 17. januarja 1917), v katerem Kovačiču

3 Osebno napisani Curriculum vitae ob prijavi za profesorsko mesto na Univerzi v Ljubljani je datiran »Gradec, 17. decembra 1918«.

sporoča, da »po dvanajstletnem trudapolnem, a nehvaležnem urejevanju in sodelovanju« odlaga »odborništvo in uredništvo ‚Časopisa‘« zaradi težav in zaprek, ki ovirajo uspešno izdajanje, še posebej krčenje števila sodelavcev in odhodi tistih,⁴ »ki jih pripoznani učenjaki zelo cenijo in spoštujejo«, za kar brez ovinkarjenja krivdo naprti Kovačiču, ki da mu je to znano (SI_PAM/1517/00237_00237 Korešpondenca Kaspret, Antona Francu Kovačiču). Odstop je bil sprejet in uredništvo časopisa je na seji 17. februarja 1917 na predlog odbora prevzel dotedanji društveni tajnik France Kovačič (ČZN 13, 1917:108).

Prvi namig o nameravani ustanovitvi znanstvenega glasila⁵ je Ramovš dobil od Kaspreta in se nanj v **8. pismu »Bad Aussee, 3. I. 1917«** Nahtigalu prav tako odzval z namigom »in zdaj samo upam, da kmalu pride čas, ko bo stvar prišla na javen trg. Da bi le še srečen bil nadaljnji potek!« (Nahtigal 1954:15), naravnost pa Nahtigala sprašuje (»Tudi za novi časopis kaj morda?«) šele v **10. pismu »Admont, 21. I. 1917«** (Nahtigal 1954:16). Ramovš je bil že v **11. pismu »Admont, 7. II. 1917«** obveščen tudi o nameravanem (po)vabilu naročnikom: »Na Vabilo sem zelo radoveden. Dobro ga sestavite, ker je tudi od reklame mnogo odvisno« (Nahtigal 1954:16). O obsežnem »oklicu«, a brez natančnejše datacije, govori tudi Nahtigal: »Potrebo novega znanstvenega časopisa je podrobno obrazložil v oklicu (str. I–VIII)« (AU 40/628. Curriculum vitae). Vabilo (povabilo, oklic, prospekt) se ni arhivsko ohranilo – ali še ni bilo najdeno –, zato ga posredno in fragmentarno poznamo samo iz drugih virov. Sklepati smemo, da bi bilo lahko sestavljeno že februarja 1917, prvič pa razposlano pred Nahtigalovim potovanjem v Albanijo (aprila 1917); tudi Dolenc omenja, da je prospekt za novi časopis od Kaspreta prejel na Krasu šele aprila 1917 (Dolenc 1920:704). Pri sestavljanju imenika naročnikov, ki jim je bilo vabilo namenjeno, je že tedaj s Kaspretom sodeloval tudi Ramovš. Vsekakor pa v **13. pismu »Kamnik, 15. VI. 1917«** Ramovš Nahtigalu že omenja pičel odziv naročnikov (»doslej baje 25«).⁶ Priprave na izdajanje časopisa so takoj na začetku zajele tudi tehnikalije, npr. potrebo po črkovnem naboru, s katerim so bile težave že pri ČZN, saj sklicujoč se na pogovor z Nahtigalom ob srečanju v Ljubljani 11. aprila 1917, sporoča, da bo »skupina črk za vokale [...] velika«, zato meni, naj »med vojno to stvar pustimo«, in dodaja »stroški za

4 Kaspret omenja K. Štreklja, I. Prijatelj, F. Kidriča, J. Glonarja, L. Pintarja in R. Nahtigala; pri Nahtigalu omenja tudi motiv odhoda (tj. noče, da bi mu kdo izmed odbornikov očital, »da njegovi spisi ne dopadejo«), a omenja tudi zelo pozitivne in verodostojne odzive na članka, ki se jim pridružuje tudi sam.

5 V sestavku še ni upoštevano gradivo v pismih R. Nahtigala, ki jih hrani Biblioteka SAZU, Fond Fran Ramovš Korešpondenca N–O v mapi št. R 46/III-124 (najstarejše je pismo iz Gradca z dne **23. junija 1917**, ki pa ne spreminja splošne slike, podane v prispevku).

6 Da je bil imenik potencialnih naročnikov provizoričen in ni zajel vseh zainteresiranih, dokazuje Ramovšovo **14. pismo »17. VII. 1917«** o Breznikovi užaljenosti, ker »mu uredništvo ni poslalo povabila na naročbo lista«, čeprav je on – Ramovš – o tem govoril s Kaspretom še »v februarju« in da »tudi Škrabec o listu ne ve še nič« (Nahtigal 1954:20).

transkripcijske znake bi bili [...] sedaj ogromni – torej je le najbolj pametno, da počakamo s celo robo« (Nahtigal 1954:18). Nato se v pismih o časopisu ne govori več, kar dokazuje, da je načrtovani izid prvega snopiča poleti 1917 padel v vodo. Ramovš Nahtigalu šele v **30. pismu »Lj. 9. III. 1918«** spet sporoča, da je prejel njegovo »pismo z imenikom«, da je »že na delu« in prosi, da »prav v kratkem pošljete par Vabil!⁷ kolikor ravno morete. Imam mnogo upanja!« (Nahtigal 1954:37). – V **32. pismu »Ljubljana 25. III. 1918«** pa Ramovš piše: »Glede časopisa je bilo po mojem mnenju vse premalo reklame. Zdaj, ko sem v Ljubljani, mi je marsikaj olajšano in upam, da bom storil marsikaj v korist. Zato Vas prosim, da mi pošljete imena vseh ustanovnikov in naročnikov, da sem malo orijentiran. Upam si spraviti kakih 30 novih naročnikov na dan. Hočem se poprijeti z vso agilnostjo tega agitatoričnega posla. Dalje imam načrt – če bo šlo gladko, kdo ve, ali ne spravimo kakih 10.000 vkup. Na to delo pa bom lahko šel šele, ko bo prvi snopič tiskan, da človek nekaj pokaže. Tudi glede metode ofenzive Vam bom še sporočil kaj več; treba bo najprvo oficijelnega povabila in tu doli osebne intervencije; to drugo bom po posredovalnih osebah radevolje opravil jaz. Cilj te ofenzive pa so možje: Pollak, Jakil, Derganc, Zorman.⁸ Ti štirje se bodo zagotovo odzvali in ne z majhnimi vsotami. Prosim Vas torej, da mi takoj pošljete že prej omenjeni imenik. Imam tudi par pomagačev, ki bodo šli z navdušenjem v ogenj, tako da sigurno računam z dobrim uspehom« (Nahtigal 1954:38–39).

V **33. pismu »Lj. 18. IV. 1918«** pa Ramovš poroča najprej o prejemu vabil, o skorajšnjem izidu prvega snopiča (»včeraj sem bil pri Bambergu: I. snopič izide prihodnji teden«), o tehnični prilagoditvi svoje razprave (»Glede moje razprave o Dalm. bibliji sem črke tako priredil, da jo bo zdaj tiskarna lahko tiskala in da lahko izide v II. snopiču.«), nato se vrne k vabilom in napotkom v zvezi z njimi: »Vabila sem vsa izdal in upam, da se kmalu oglasijo novi naročniki. Rabil bi jih pa še kakih deset in če jih imate še na razpolago, bi prosil zanje. Ko bo prvi snopič na svetlem, bo takoj treba ubrati pot do Pollaka in Zormanana. Uredništvo naj sestavi tozadeven oklic, oziroma pismo in priloži prvi snopič, ter pošlje vse na adresata: Karl Pollak, Ljubljana, Dunajska cesta in Ivan Zorman, veletrgovec. V pismu omenite, da jih v kratkem posetim jaz, ki jim bom ustmeno temeljiteje razložil celo zadevo. Potem meni takoj sporočite, da bom vedel, kdaj so že prejeli pisma. To pot imam za dobro; event. ukrepe in navodila mi blagovolite še sporočiti.« (Nahtigal 1954:39–40.)

V **34. pismu »Ljubljana 7. V. 1918«** Ramovš omenja prejem že razposlanih dodatnih vabil in pismu prilaga Imenik (Nahtigal 1955:90–91), v **35. pismu**

7 Nahtigal je v podčrtani opombi pojasnil: »Tikalo se je Časopisa za slovenski jezik, književnost in zgodovino«.

8 To so pomembni slovenski industrialec, veletrgovec in zdravnik.

»Ljubljana 11. V. 1918« naznanja izid prvega snopiča (Nahtigal 1955:92) in v **38. pismu** »Ljubljana 5. VI. 1918« poudarja Jagičevo priznanje prvemu snopiču ter da bo v naslednjem snopiču ob Jagičevi 80-letnici treba »kaj reči« (Nahtigal 1955:95). Šele Ramovševo **42. pismo** »Ljublj. 10.VII. 1918« omenja, da je umestno in razveseljivo »da bo nova številka posvečena Jagiču« in da bi bilo dobro, če bi jo uvajala njegova fotografija in primeren Nahtigalov sestavek (Nahtigal 1955:97). V naslednjih Ramovševih pismih med 40. pismom »Ljubljana 17.VIII. [1918]« in 48. pismom »Ljubljana 28/11. 1918« prevladujejo uredniška in tehnična vprašanja nadaljnjih snopičev, med njimi šele konec novembra 1918 tudi prošnja Nahtigalu, naj se (po možnosti podpisana) Jagičeva fotografija posreduje na Dunaj za izdelavo tiskarskega klišeja, da bi »takoj po novem letu izšla druga dva snopiča« (Nahtigal 1955:232), poleg tega pa Nahtigalu napoveduje, da bo sprožil »debato o vašem mnenju glede akademije in našem časopisu kot nekakim njenim glasilom« in o finančni podpori (tj. »/da/ pa dobi Časopis državno podporo, je sigurno in hočem to vzeti takoj v pretres.«) ter da sprejema souredništvo Časopisa kot zadolženi za »historično in sedanjo slovensko dialektologijo (Nahtigal 1955:235).

Izhajanje prvega letnika je predstavljeno bibliografsko pomanjkljivo, saj se kot izdajatelj navajajo samo »Prijatelji slovenske znanosti« (Šlebinger 1930: 50; Munda 1964:54) in 1918 kot letnica izida (Munda 1964:54).⁹ Da pri izdajanju štirih snopičev prvega letnika zadeve niso tekle gladko, kažejo tri variante kazala oziroma vsebine, ki se med seboj deloma prekrivajo oziroma ne odražajo vsebine zvezkov povsem natančno. V prvi dvojni zvezek sta npr. umeščeni »Vsebina« (bržkone se prvotno nanaša samo na prvi snopič) in »Vsebina I. letnika (1918)« (bržkone se nanaša že na vezani zvezek oziroma na dvojno številko 1–2), medtem ko je v drugi zvezek, sestavljen iz snopičev 3–4, ponovno umeščena »Vsebina« (vsebuje več bibliografskih enot, kot jih ima ta zvezek). Prvi letnik je torej izšel po snopičih, kasneje zvezanih v dva zvezka in z dvema letnicama, in sicer kot dvojni snopič 1–2 (leta 1918) in dvojni snopič 3–4 (leta 1919). Ramovš v **33. pismu** Nahtigalu navaja, naj bi prvi snopič prišel iz tiskarne proti koncu aprila 1918, a je »izšel šele majnika meseca 1918. I.« (Dolenc 1920:704; Nahtigal 1955:92). Ker je bil drugi snopič po Nahtigalovem navedku v življenjepisu 17. decembra 1918 »tudi že domala natiskan«, sta bila torej oba snopiča konec leta 1918 najbrž že pripravljena za vezavo v skupni zvezek (tj. dvojno številko 1–2) z letnico 1918, ko naj bi bilo dokončno izbrano tudi ime (AU 40/628. Curriculum vitae). Vezani prvi letnik je posvečen 80-letnici rojstva Vatroslava Jagića (6. julij 1838–5. avgust

⁹ Munda navaja samo za II. letnik ČJKZ, da je izšel v 800 izvodih in dveh dvojnih zvezkih, prvi zvezek s snopičema 1–2 v začetku marca 1920, drugi s snopičema 3–4 pa sredi januarja 1921 (Munda 1964:54, št. enote 230).

1923) – ta ga je prejel junija 1919 (Dolinar 2001:38) – in izkazuje določeno mero improvizacije in tudi prehitevanja pred doseženo končno sestavo prispevkov prvega letnika. To dokazujejo tri različice kazala oziroma vsebine: »Vsebina« (tj. bržkone k prvemu snopiču), »Vsebina I. letnika (1918)« (tj. verjetno k snopičema 1 in 2 skupaj) in »Vsebina« (tj. k celotnemu letniku). Začenja se s portretno fotografijo jubilaranta Vatroslava Jagića, sledijo pa zahvala za izkazano pozornost in dobre želje novemu časopisu na pot v pismu »Beč, 15. maja 1918«. Ni skrivnost, da je Jagić prvi snopič prejel takoj po natisu leta 1918 in se nanj odzval ter da je uredništvo odziv uvrstilo na čelo »celotnega« jubilejnega zbornika leta 1919, ki je bil dopolnjen z bibliografskimi enotami drugega snopiča (in naslednjih snopičev). Uredništvo se je zavedalo provizoričnosti prvega zvezka in je neljubo zamudo v *Izjavi uredništva* opravičevalo z izrednimi razmerami vojnega časa, prav tako tudi tematsko nepopolnost glede na program, obljubljen v vabilu (tj. »Še nima književnih poročil in nameravanega, po možnosti popolnega kritičnega obzora vseh najvažnejših, nalogam časopisa odgovarjajočih znanstvenih vesti (revije v poštevh prihajajočega znanstvenega dela, važnejših osebnih vesti, nekrologov itd.)«). Vendar pa uredništvo obljublja, da bo pomanjkljivost v prihodnjih snopičih odpravilo tudi s pregledi »poslednje dobe znanstvenega dela o predmetih, spadajočih v področje našega časopisa« (ČJKZ 1918/1–2:111). Zaradi povedanega ne preseneča, da je drugi zvezek (tj. dvojni snopič 3–4) izšel šele spomladi leta 1919, priloženo pa mu je bilo obvestilo, da je upravo časopisa z drugim letnikom prevzela Slovenska matica (Dolinar 2001:33–34; Kidričevo pismo Ramovšu »Dunaj 29/5 19«).

Na platnicah prvega zvezka se kot kraj izida navaja »1918 Ljubljana – Gradec – Dunaj«, ¹⁰ drugega pa »1919 Ljubljana«, kot izdajatelj pa »prijatelji slovenske znanosti«. V uredništvu so bili najprej trije ustanovitelji: A. Kaspret, F. Kidrič in R. Nahtigal (1918, prvi zvezek), nato se jim je na Nahtigalovo pobudo pridružil še F. Ramovš (1919, drugi zvezek), po smrti A. Kaspreta (1920) se uredništvo ni več spreminjalo.

Načrtno zasnovan program časopisa na osmih straneh (tj. I–VIII) je vsebovalo vabilo naročnikom. Drobci programa, ki so se ohranili po besedilih *Izjava uredništva* in *Pripomnje uredništva* (ČJKZ I/1–2:111–112; ČJKZ II/3–4:243), odsevajo filološki uredniški koncept (razprave, književna poročila, kritični pregled važnejših, nalogam časopisa ustreznih znanstvenih novic, nekrologe itd.). Ne smemo pa spregledati v vabilu predvidene ustanovitve (učenega) društva, v katerem bodo »prijatelji slovenske znanosti« kot najodličnejši možje (κατ' ἑξοχῆν) v svojstvu deležnikov podjetja pospeševali preučevanje »slovenskih predmetov«, ¹¹ uredni-

10 Kaspret in Nahtigal sta takrat živela v Gradcu, Kidrič na Dunaju.

11 V nadaljevanju so navedene finančne obveznosti za deležnike in/ali naročnike.

štvo pa bo morda poleg glasila začelo izdajati tudi posebne znanstvene knjige (ČJKZ 1918:112). Vendar se finančna pričakovanja očitno niso izšla, in to je bistveno zaviralo ustanovitev časopisa. Že dolgo je znano, da je izhajanje časopisa na začetku finančno podprl prav Anton Kaspret (ČJKZ II, 1920: nepaginirano;¹² ES 5, 1991:12; Friš 2013:126, op. 15). Obetavna rešitev finančnih težav se je zdel predlog v **32. pismu »Ljubljana, 25. III. 1918«**, v katerem Ramovš Nahtigalu daje v premislek zamisel, ki je bila sprožena v filološkem odseku¹³ Slovenske matice pod vodstvom J. Šlebingerja: »Možno bi bilo, da bi naš časopis dobival od Matice letno podporo kakih 1000 Kron, dasi ne bi bil v nobenem oziru vezan na Matico, ampak popolnoma avtonomen. Sčasoma bi – če ne bi bilo drugače – lahko prešel v Matico, t.s. pravi, da bi ga Matica vzdrževala, da bi bil nekak organ filološkega odseka; seveda je s tem združeno, da dosedanji odsek odstopi in tvori novi odsek dosedanje uredništvo časopisa, kar ni nikakršna težavnost izpeljati.« (Nahtigal 1954:39)

Predlog predvideva dve fazi: (a) Prva bi pomenila, da *Matica* časopis finančno podpira, avtonomnost pa najbrž pomeni, da bi ostal zunaj *Matičinega* knjižnega programa. (b) Druga faza pa bi pomenila: da je časopis vključen v *Matico*, da ga *Matica* v celoti finančno podpira, da postane glasilo filološkega odseka, pri tem pa predvideva odstop dotedanjih članov pododseka in imenovanje dosedanjih urednikov ČJKZ vanj.

Kako so dogovori s *Slovensko matico* potekali naprej in kdo vse je bil vanje vključen, iz doslej znane dokumentacije poznamo slabo. Kakor koli že, spomladi 1919 naj bi založništvo ČJKZ prevzela *Slovenska matica*. V **52. pismu »Ljubljana 17. II. 19«** Ramovš poziva Nahtigala, naj s Kaspretom hitro določita pogoje, pod katerimi bi *Slovenska matica* časopis lahko prevzela v svoje okrilje; prek Šlebingerja je izvedel o Mantuanijevi ideji, naj bi časopis ohranil samo jezikoslovno-literarni del, zgodovinskega pa bi se preneslo v nov časopis, nastali po združitvi s *Carniolo* in *Časopisom za zgodovino in narodopisje* (Nahtigal 1955:243). Iz pregledane dokumentacije ni znano, ali je Nahtigal poslal tak predlog ali se je pogajal samo ustno. Vendar pa se je kmalu izkazalo, da majhno število naročnikov

12 V nekrologu prof. Kaspretu je uredništvo med drugim poudarilo »njegovega nesebičnega truda za organizacijo znanstvenega dela pri nas«, da je kot eden glavnih ustanoviteljev in dolgoletni urednik mariborskemu ‚Časopisu‘ branil »z moško odločnostjo resni znanstveni značaj« in da je »sprejel in izvedel z mladeniškim ognjem l. 1917., sredi občnega duševnega mrtvila, misel, da bi se osnovalo slovenskemu znanstvu dostojno osrednje glasilo, naš pričujoči ‚Časopis‘«, in še posebej, da je tiho »dal na razpolago v imenu skrivnostnega mecena glavnico, ki je omogočila izdajo novega lista, in niti mi, ki smo mu bili takrat najbližji, nismo vedeli, da je bil ta dobrotnik – on sam.« (ČJKZ 2, 1920:136–137.)

13 Izraz *filološki odsek* ni enomen. Na odborovi seji »14. marca 1916« – namesto pravilne 1918 – (SI AS) je potekalo personalno konstituiranje odsekov, a omenja se samo *Znanstveni odsek* (pododsek?) s štirimi pododseki: za: 1. zgodovino in zemljepis, 2. narodopis, 3. literarno zgodovino, 4. prirodopis; J. Šlebinger je bil član 2. in 3. pododseka.

ob visokih tiskarskih stroških draži naklado in predstavlja precejšnje finančno breme za *Slovensko matico* kot založnico, zato se je državna pomoč videla kot nujnost.¹⁴ O storjenih korakih za pridobitev finančne podpore za Časopis, ki »mnogo stane«,¹⁵ se je poročalo na odborovi seji **11. maja 1920** (SI AS), na kateri je bil navzoč tudi R. Nahtigal. Povedano je bilo, da so prošnjo na prosvetnem ministertvu v Beogradu zavrnilo z utemeljitvijo, da centralna vlada nima finančnega kritja zanjo, da pa bi se dalo podpreti vnos namenske postavke v proračun Deželne vlade v Ljubljani. Zadeva se je končala z dodelitvijo samo enkratne podpore za leto 1919/1920. Propad možnosti proračunskega financiranja je imel dolgoročne posledice: **Zapisnik** Občnega zbora z dne **13. junija 1920** (SI AS), ki so mu bila priložena nova pravila o organizacijsko-finančnem poslovanju, je iz tajnikovega *Poročila Matice slovenske* za leti 1918 in 1919 povzel, da je »lansko pomlad« (tj. leta 1919) odbor »prevzel v svojo zalogo ČJKZ«, ki pa bo zaradi maloštevilnih naročnikov, visokih tiskarskih stroškov in »brez izdatne državne pomoči« v prihodnje nehal izhajati. Poudarjeno je bilo, da Matičino premoženje ne zadošča za izdajanje strogo znanstvenih stvari in ponovno je prevladalo že uveljavljeno stališče, naj Matica zalaga samo leposlovje in poljudno znanstvo ter si prizadeva za »podjetnejše založništvo«. Tako se je Matica nepreklicno odrekla izdajanju ČJKZ, ki se omenja samo še v **zapisniku** odborove seje **27. januarja 1921** (SI AS) pod 10. točko po izidu tretjega in četrtega snopiča drugega letnika, ko je bilo treba povišati »letno naročnino od 25 na 60 kron« (tj. do višine realnih stroškov za vse štiri snopiče).

Po neuspešni finančni navezavi ČJKZ na *Slovensko matico* je uredništvo pri njegovem izdajanju vztrajalo, čeprav financiranje ni bilo sistemsko rešeno, kar je vplivalo na rednost izida in na združevanje snopičev v letniku. V takšnih okoliščinah je v obdobju 1918–1931 ugledalo luč sveta osem letnikov v enajstih zvezkih (oziroma 32 snopičih), ob tem pa v letih 1922, 1923, 1925 in 1928 časopis ni izšel.¹⁶

14 Prim. Ramovšev **48. pismo »Ljubljana 28/11. 1918«**, kjer je ta zamisel nastala najbrž že v znanstvenem pododseku Narodnega sveta SHS.

15 Glede na to, da pri *Matici* leta 1919 ni bil registriran izid nobenega snopiča ČJKZ, se podatki nanašajo na obdobje 1919/1920.

16 1. letnik (1918 in 1919) sestavljata dvojna zvezka 1–2 in 3–4.

2. letnik (1920) sestavljata dvojna zvezka 1–2 in 3–4; izdajo je podprla Slovenska matica. Snopič 1–2 je izšel v začetku marca 1920, snopič 3–4 pa sredi januarja 1921 (Munda 1964:54, št. 230).

3. letnik (1921) sestavljata dvojna zvezka 1-2 in 3-4; izdajo so omogočili uredniki (F. Kidrič, R. Nahtigal in F. Ramovš).

4. letnik (1924) sestavlja zvezek 1–4; izdajo je omogočil Seminar za slovansko filologijo.

5. letnik (1926) sestavlja zvezek 1–4; izdajo je omogočil Seminar za slovansko filologijo.

6. letnik (1927) sestavlja zvezek 1–4; izdajo je omogočil Seminar za slovansko filologijo.

7. letnik (1928) sestavlja zvezek 1–4; izdajo je omogočil Seminar za slovansko filologijo.

8. letnik (1931) sestavlja zvezek 1–4; izdajo so omogočili uredniki (F. Kidrič, R. Nahtigal in F. Ramovš).

Znanstveno društvo za humanistične vede v Ljubljani

Na Slovenskem je nenadomestljivo prosvetno-izobraževalno in kulturno vlogo imela *Slovenska matica* (1864–[2019]): kot osrednje založniško, kulturno in znanstveno društvo (ES 11, 1997, 415–416) je po svojih močeh skrbela za širjenje izobrazbe med narodom, podpirala slovensko slovstvo in izdajala »dobre, čisto znanstvene in tudi ljudstvu primerne knjige«. Skrb za širjenje izobrazbe se je lažje vezala na poljudnoznanstvena besedila različnih področij kot pa na vrhunsko znanstveno ustvarjalnost, ki ji ljudske množice ne morejo zlahka slediti. Ker je znanost predvsem zbirni pojem za metodološko razvidno sledljivost raziskovanja (predmetne stvarnosti), ki omogoča ponavljanje in preverjanje znanstvenih ugotovitev, povrh pa je še razdrobljena na mnoga raziskovalna polja znotraj naravoslovja, humanistike in družboslovja, je razvidna njena specifična zoženost. V zgodovini *Slovenske matice* se je večkrat problematiziral prav znanstveni del knjižnega programa, npr. predlog strogo znanstvenega časopisa ali mesečnika (B. Raič, zapisnik 36. Skupščine *Matičinega* odbora **dne 16. svečana** 1876 v Letopisu *Matice Slovenske za leto 1876*, 220), uvrstitev izvornih znanstvenih razprav v *Letopis* (pod urednikoma Levcem 1882–83 in Lahom 1884–1887), ustanovitev *Zbornika Slovenske matice*, namenjenega znanstveni in znanstveno-poučni publicistiki (1899–1912), programski načrt znanstvene publicistike (Ilešič 1909,4–7), interdisciplinarno in projektno sestavljen znanstveni odsek.

Ko je *Slovenska matica* po preklicu obdolitve, da je prestopila »statutarni delokrog«, spet lahko obnovila delovanje na **seji** provizornega odbora **16. julija 1917** (SI AS), so udeleženci med drugim tudi izvedeli, »da se dvorni svetnik Šuklje zanima za Slovensko matico« in da »dunajski literarni krogi,¹⁷ med njimi zlasti dr. Prijatelj«, vidijo finančno rešitev za *Matico*, če bi se »preobrazila v akademijo, ki bi imela primerno trajno državno subvencijo«. Vendar omemba tedaj ni zbudila nobenega odmeva. Ko je temu sledila ostra kritika *matičinega* knjižnega programa¹⁸ in zahteva po »strogo znanstvenem slovstvu«, se je odpirala priložnost tudi za radikalnejše zahteve po prenovi *Matice*. V **zapisniku** *Občnega zbora Slovenske matice* za leti 1918 in 1919 z dne **13. junija 1920** (SI AS) res najdemo zapis o tem, da je odbor iz potrebe po času primerni prenovi *Matice* »letos spomladi mnogo razpravljal« o dveh predlaganih usmeritvah, in sicer: (a) ali naj Matica postane zametek slovenske

17 Podatek osvetljuje neko dogajanje v ozadju (»kuloarno«), vendar samo iz podanega ni mogoče določiti časa, kdaj je bila ta izjava povedana, če sploh samo enkrat. I. Prijatelj je ostal na Dunaju vsaj do prevrata 1918, po tem času je bil zastopnik Nar. vlade v Lj. za likvidacijo umetniških in znanstvenih zbirk na Dunaju (<https://www.slovenska-biografija.si/oseba/sbi469364/> - dostop 2. 5. 2019).

18 Kritika se je usmerila v izdajanje (mnogih tudi nepotrebnih) virov k znanstvu (in v prevlado »jezikovno-zgodovinskih spisov, ostalo le kot poljudno znanstvo«) in se zavzela za »strobe znanosti« (tj. v smislu naravoslovja), a je dosegla samo delitev knjižnega odseka na dva pododseka (P. Grošelj, **zapisnik seje** knjižnega odseka *Slovenske Matice dne 27. oktobra 1917* (SI AS)).

Akademije; (b) ali naj Matičino založništvo postane še podjetnejše in izdaja samo leposlovje in poljudno znanstvo. Kot je razvidno, se zapisnik nanaša na dve, za nas odločilni leti, zato je nedvoumna rekonstrukcija povezav med udeleženci, dogovorov in časa precej otežena. Prav tako ni razvidno, po čigavi pobudi se je sej odbora priložnostno udeleževal Rajko Nahtigal, npr. ob pogovoru o preoblikovanju *Matice* v akademijo, o financiranju ČJKZ. Sploh prvič se Nahtigal omenja kot odbornik v **zapisniku** z izrednega občnega zbora dne **28. februarja 1918** (SI AS), katerega namen »je omogočiti plodovito delovanje društva«. Zapisnik žal ne navaja ne razprave ne razpravljalcev,¹⁹ zato ostaja zakrito, kaj se je takrat sploh dogajalo. Skoraj zanesljivo pa je z razpravo morala biti vsaj posredno povezana ideja (tj. »povezava s filološkim odsekom«), zabeležena v Ramovševem – pri ČJKZ že omenjenem – **32. pismu** Nahtigalu »**Ljubljana 25. III. 1918**«.

To ponovno navajamo zaradi sklepnega dela zapisa: prim. »Sčasoma bi – če ne bi bilo drugače – lahko prešel v Matico, t.s. pravi, da bi ga Matica vzdrževala, da bi bil nekak organ filološkega odseka; seveda je s tem združeno, da dosedanji odsek odstopi in tvori novi odsek dosedanje uredništvo časopisa, kar ni nikakršna težavnost izpeljati. Prosim Vas, da mi v kratkem o vsem tem poveste svoje misli, da mi pa predvsem pošljete imenik.«

Ker se v drugi fazi predvideva odpoklic voljenih članov odseka in njihovo nadomeščanje z uredniki ČJKZ, bi to pomenilo precejšen poseg v organizacijsko avtonomnost Maticе.

Medtem ko je izdajanje ČJKZ spomladi 1919 dejansko prešlo pod okrilje *Slovenske matice*, je razprava o njenem preoblikovanju prišla na dnevni red šele konec leta 1919, na seji odbora dne **23. decembra 1919** (SI AS). V 5. točki **zapisnika** je popisana razprava o morebitnem preoblikovanju *Maticе* v Akademijo, prvič omenjenem na seji julija 1917. Najprej je Prijatelj poudaril, da je bila *Matica* »ustanovljena, da pomore tam, kjer privatno založništvo ne more, in da okrepi narodno obrambo«. Zdaj »v svobodni državi« se je spremenila »podlaga društvu« in to bi se moralo odražati tudi na *Matici*. Poudaril je, da je na Slovenskem usoda znanosti nejasna, da pa v Srbiji in na Hrvaškem za znanstveno slovstvo skrbita akademiji znanosti, zato njuni matici lahko izdajata samo kakovostno leposlovje (srbska) in/ali manj rednih kot izrednih naslovov (hrvaška). Povedal je, da bi že avstrijske oblasti *Matici* vrnile med vojno zaplenjeno imetje in ji zagotovile redno letno subvencijo pod pogojem, da se »izpremeni v znanstveno«,²⁰ kot se je ukra-

19 V zapisniku pa so med 60 prisotnimi zabeleženi naslednji slavisti: A. Breznik, I. Grafenauer, F. Ilešič, R. Nahtigal, M. Pleteršnik, I. Prijatelj, J. Šlebinger. Od teh so bili tudi člani Pododseka za literarno zgodovino in jezikoslovje naslednji: A. Breznik, I. Grafenauer, M. Pleteršnik in J. Šlebinger.

20 Prim. Българско Книжовно Дружество iz Braille (1868–1876, 1911–), ki je izdajalo *Periodičesko spisanije na българското книжовно дружество*, se prav tako šteje za prednika Bolgarske akademije znanosti.

jinsko društvo *Ševčenko*.²¹ Povedal je še, da si je na Dunaju za to prizadeval že dr. Šuklje in da je skupaj še z nekaj gospodi sestavil »nova primerna pravila«,²² a je zaradi prevrata vse propadlo. Izvajanje je Prijatelj končal z mislijo, da je *Slovenska matica* izgubila obrambno vlogo, zato bi ustanovni člani morali iskati novih smeri in/ali posnemati hrvaško oziroma srbsko matico, ali pa »/seči/ pod rame univerzi, kjer bi tvorila v bodoči znanstveni družbi s svojimi fondi in obveznostmi poseben razred.«²³ Vprašanja Prijatelj še nima za perečega, ker je znanstveno delo-

21 Presenetljiv organizacijski in vsebinski razvoj društva *Ševčenko* je I. Prijatelj slovenski javnosti predstavil že aprila 1917. Začetni listi so bili posvečeni politiki in literaturi, iz njih izšlo društvo *Prosveta* je izdajalo leposlovne in šolske knjige (1867), nato pa je *Ševčenkovo društvo*, primerljivo s slovensko *Matico*, razvoj ukrajinske književnosti podpiralo z lastnimi izdajami knjig in časopisov in podeljevalo književno nagrado (1873). Kljub nakupu tiskarnice (iz donacij) in tisku poceni knjig se je društvo znašlo v dolgovi (in v 11 letih natisnilo samo dva letnika časopisa *Pravda* in znanstveno delo Omeljana Ohonovskega o ukrajinskem jeziku). Sledi prevzem družinskega lista *Zorja* (1885–1897) in njegova sprememba v *Literarno-znanstveni Vistnik* (1898–1905), ki ga potem prepusti *Založniški zadrugi*; oba časopisa sta bila žarišče ukrajinske literature. Zaradi znanstvenih potreb »med gališkimi in zlasti še med ruskimi Ukrajinci« je bila občnemu zboru (maj 1890) predlagana in na občnem zboru (marec 1892) sprejeta sprememba *Ševčenkovega društva* v znanstveno društvo skupaj s sprejemom društvenih pravil z naslednjimi določili: Namen *Ševčenkovega društva* je »podpirati in razvijati ukrajinsko znanost in umetnost, zbirati in hraniti vsakršne spomenike, starožitnosti in znanstvene predmete. V dosego tega cilja naj služijo znanstvene razprave iz ukrajinske in slovanske filologije, iz zgodovine ukrajinske književnosti ter umetnosti, iz zgodovine in arheologije Ukrajine, kakor tudi iz ved filozofskih, političnih, ekonomskih in pravnih, matematičnih, prirodopisnih z geografijo in medicino vred; predavanja in diskusije; shodi znanstvenikov in umetnikov; izdaja znanstvenih del; nabiranje materialov za knjižnico in muzej; nagrade in podpore učenjakom, književnikom in umetnikom; vzdrževanje knjigarne in tiskarne. Društvo se deli na tri znanstvene sekcije: zgodovinsko – filozofsko, filološko, matematično – prirodoznanstvo – medicinsko. V dosego nadaljnje podrobne organizacije se more vrhu tega deliti še v komisije. Društvo poroča o svojem delovanju na občnih zborih in na sejah odbora, sekcij in komisij. Seje sekcij se morajo vršiti vsak mesec, občni zbor se shaja enkrat na leto. Društvo sestavljajo pravi člani (letnina 6 kron), ustanovniki (enkratni znesek 100 kron) in častni člani. Odbor sestoji iz predsednika, 5 članov in 2 namestnikov. Razen tega pripadajo odboru tudi predsedniki ali referenti posameznih sekcij in komisij.« Na občnem zboru je bil potrjen 7-članski odbor, ki mu je poverjena organizacija znanstvenega društva *Ševčenko*. Ko je galicijsko cesarsko namestništvo društvena pravila potrdilo (novembra 1892), je odbor začel zbirati prispevke za društveno glasilo *Zapiski znanstvenega Ševčenkovega društva*; prva knjiga z 212 stranmi je izšla konec leta 1892 pod uredništvom predsednika društva dr. Celevyča. Na drugem občnem zboru (maja 1893) so se konstituirale prve znanstvene sekcije, »dejanska ognjišča in torišča naučnega življenja in dela v društvu«, v katere so se člani lahko prosto včlanjevali. – Po znanstveni reformi društva se člani delijo na prave in navadne člane. Prve prave člane (z znanstveno kvalifikacijo in brez denarnih prispevkov) je odbor pozval v ustrezne sekcije (junija 1899): 12 v zgod.-filozofsko, po 10 v drugi dve. Navadni člani so imeli samo pravico do naročanja društvenih publikacij. Novih ustanovnikov pa se ni več sprejemalo. Z reformo je društvo dobilo skoraj docela značaj akademije znanosti. – **Izdajateljska produkcija društva:** predstavljeno je nad sto knjig iz let 1893–1913. – **Finančno stanje društva:** sestavljajo (a) »darila rodoljubnih mecenov«; (b) subvencije dežele in države, npr. galicijska dežela daje 2000 K (1894) in 2000 K (1895), država daje 2000 K (1895). S povečanjem števila znanstvenih izdaj se dvigujejo letne subvencije, npr. galicijska dežela daje 17.000 K (1913), država 30.000 K (1913) brez vračunane podpore bukovinskega deželnega odbora in izredne državne podpore za nakup hiše; skupni prihodki društva okrog 111.000 K (1912). Prijatelj prispevek končuje z besedami VI. Hnatjuka (*Dilo* 1917, št. 59): »S kakimi slabotnimi močmi so pristopili Ukrajinci pred četrtoletjem k stavbi hrama narodnega znanstva in koliko so dosegli; in to pri ne ugodnih razmerah. Ali se je nadejal kateri od članov, navzočih na občnem zboru (marca 1892) takih rezultatov svojega delovanja, kakor jih vidi pred seboj danes, ako jih je doživel? Mislim, da je prišel sedaj čas, da bi storili Ukrajinci še en korak naprej in posegli že lahko po *ukrajinski akademiji znanosti*.« (Prijatelj 1917: 9.)

22 Usoda »novih pravil« Ivana Prijatelja mi ni znana.

23 Pod sintagmo »bodoča znanstvena družba« je morda mišljeno znanstveno društvo, kot je leta 1921 ustanovljeno *Znanstveno društvo za humanistične vede*, sintagma »poseben razred« pa označuje znanstveni razred kot vsebinsko enoto učne družbe (podobno kot stoji v programu *Znanstvenega društva Ševčenko* ali pa, če sodimo po Kraigherjevemu dodatku, celo že *akademije znanosti*).

vanje univerze šele v začetkih. Razprava, v kateri so sodelovali Nahtigal, Prijatelj, Mantuani, Senekovič, Šlebinger in tajnik Pugelj, je morala biti burna, zaradi česar jo zapisnik pomanjkljivo posnema. Zapisano je samo, da je »gospod odbornik Nachtigall« pojasnil razliko v odločanju, ki je bistvena: pri *Matici* odločajo člani, znanstvena družba pa tega »ne bi mogla trpeti«. Nato je dodal še Prijatelj, »da bi se člani spremenili v naročnike«. – Na tej točki se je izkazalo, da predlagana sprememba premočno posega v uveljavljena pravila, da bi jo odborniki lahko sprejeli. Z besedami »zveza z znanstveno družbo ni potrebna«, »/d/enar za leposlovje mora ostati leposlovju«²⁴ in znanstvo »ostane poljudno« jo je odločno zavrnil in tako razpravo končal Alojz Kraigher.

Zapisniku je priložen z roko spisani dostavek A. Kraigherja z dne **15. januarja 1920**, ki sta ga podpisala oba s Prijateljem. Dejstvo, da je Kraigher svojo razpravo dopolnil, jasno dokazuje, da so strasti na seji zavrle racionalni pogovor in duhove razdelile na dva tabora (tj. predlogu nasprotnega in morda pogojno naklonjenega), ki se nista zmogla poslušati. Na slabo pripravljeno sejo in provizorično predstavljen in utemeljen predlog na seji morda kaže tudi Kraigherjev dostavek: »Podpisani overovatelj zapisnika dostavljam: V poročilu o referatu gospoda drja Prijatelja se premalo jasno pove /.../,²⁵ kako bi načrtovana znanstvena akademija izgledala. Obstajala bi iz treh (ali več) znanstvenih oddelkov ter iz leposlovnega oddelka, ki bi ga tvorila naša sedanja Matica.²⁶ V poročilu o moji izjavi popravljam: Nisem rekel, da zveza z znanstveno družbo ni potrebna. Rekel sem, da za danes ni aktualna. Sicer sem pa tako zvezo celo pozdravljaj, ker se mi je zdelo, da bi ravno taka zveza dvignila niveau našega delovanja in ker bi v taki zvezi, ki bi poznala naročnike, ne pa članov, v nekem /.../ in strokovnem oziru /odpadla?/ kritika in razločevanje članov laikov«.

Pobudnik in sklicatelj pripravljalnega sestanka za ustanovitev *Znanstvenega društva za humanistične vede v Ljubljani* je bil Rajko Nahtigal, na njem pa so kot soustanovitelji sodelovali predstavniki vseh strok iz delokroga društva: zgodovinar F. Kos, literarni zgodovinarji I. Grafenauer, I. Prijatelj, F. Kidrič in filozof F. Veber. Sestanek je najbrž potekal konec julija 1921, na dan datacije društvenega pravilnika (»Ljubljana, dne 28. julija 1921«), ki so ga sprejeli in podpisali naštetih ustanovniki. Koliko je nastajal v medsebojnem dogovoru, ni jasno, zanesljivo pa marsikaj kaže, da je vsaj osnutek zanj sestavil Nahtigal. Društvena *Pravila*

24 Iz zapisnika se vidi, kako si Matico predstavlja A. Kraigher: »Matica bi morala biti najcenejša, a pisateljem najvabljivejša. Njena izdavanja naj bi bila taka, da bi si štel vsak književnik v čast, če bi njegovo delo Matica sprejela. Izdajajo najboljše in najboljše plačane knjige. Odbor bi se moral skrbiti, ker je tako obširen, kakor je sedaj preokoren in nepotreben.«

25 Takole označenih mest se mi ni posrečilo prebrati.

26 Iz tega se zdi mogoče sklepati, da naj bi *Slovenska matica* po prvotnem načrtu predstavljala jedro kasnejšega umetniškega razreda pri Akademiji in da se je šele nekoliko kasneje na to mesto umestila Narodna galerija.

Znanstvenega društva za humanistične vede v Ljubljani (skrajšano: ZDHV) so dokument, ki je bil Pokrajinski upravi, oddelku za notranje zadeve v Ljubljani, predložen v odobritev 3. avgusta 1921, odobren 1. septembra 1921, ustanovni sestanek pa je bil 5. oktobra 1921 (ES 15, 2001:210).

Izvod **pravilnika** hrani Arhiv RS pod signaturno številko 9136, drugega z rokopisnimi popravki in dopolnili pa Biblioteka SAZU ZDHV. Pravilnik na šestih tipkanih straneh je razčlenjen v 9 razdelkov (tj. I–IX), ki se členijo v 32 paragrafov (tj. 1–32), ti pa naprej v alineje, označene s črkami. Pravilnik po preišljeni in vsestranski temeljitosti pomeni dognano izhodišče tudi za pravilnik akademije znanosti, katere ustanovitev je ves čas načrtoval in pripravljaval. Vsebuje naslednje teme:

Razdelek I, »Ime, sedež, namen in delokrog društva« vsebuje paragrafe 1–5 s po več alinejami:

Paragraf 1 določa: »Društvo se imenuje ‹Znanstveno društvo za humanistične vede v Ljubljani›.«

Paragraf 2: »Namen društva je: strogo znanstveno gojiti in pospeševati filozofske, filološke in historične vede.«

Paragraf 3: »Da ta svoj namen doseže, društvo (a) sprejema in izdaja izvirne znanstvene razprave in dela iz imenovanih strok, ki jih društvu predlagajo njegovi člani ali po njih posredovanju drugi znanstveniki, (b) prireja javna predavanja in znanstvene seje, (c) organizira seje in shode znanstvenikov ter podpira znanstvena potovanja, (d) vzdržuje strokovno knjižnico.«

Paragraf 4: »Poslovni jezik je slovenski.«

Paragraf 5: »Imetje društva obstoji: (a) iz državne podpore, (b) iz daril in volil, (c) iz društvenih izdaj, (d) iz dohodkov iz društvenih prireditiv.[...] Društveni imetek se ne sme nikoli in pod nobenim pogojem porabiti v kake druge namene, kakor te, ki so določeni v pričujočih pravilih.«

Razdelek II, »Društveni člani« vsebuje paragrafe 6–13 s po več alinejami.

Paragraf 6 našteva člane: »(a) pravi, (b) dopisujoči, (c) častni člani.«

Paragraf 7: »Za prave in dopisujoče člane imenuje zbor one, predvsem domače znanstvenike, ki so si s svojimi strogo znanstvenimi deli pridobili posebnih zaslug za vede, ki jih goji društvo. Pravi člani morajo biti državljani Kraljevine Srbov, Hrvatov in Slovencev.«

Paragraf 8: »Pravi člani imajo pravico: (a) prisostvovati sejam in razgovorom društva, (b) glasovati, staviti predloge in interpelacije na sejah in občnih zborih, (c) biti voljen v odbor, (d) uporabljati društveno knjižnico in drugo društveno

znanstveno gradivo, (e) prejemati nagrade za svoja dela, obelodanjena v društvenih izdanjih, ter dobivati od društva podpore v znanstvene svrhe.«

Paragraf 9: »Dopisujoči člani imajo pravico: vdeleževati se občnih zborov, društvenih prireditev in s posvetujočim glasom sej oddelkov, v katerih morajo prevzemati posebne naloge, vlagati dela, predavati in poročati; v knjižnici imajo iste pravice kakor pravi člani.«

Paragraf 10: »Za častne člane imenuje na vtemeljen predlog odbora občni zbor osebe, posebno zaslužne za vede, ki jih goji društvo, ali pa za društvo samo. [...] Častni člani imajo iste pravice, kakor pravi člani, a niso deležni gmotnih sredstev društva.«

Paragraf 11: »Pismeni predlog za sprejemanje novih članov se stavi v znanstveni seji po kakem pravem članu, v prihodnji znanstveni seji se pa po poprejšnji debati sklepa o stavljenem predlogu. Odbor predloži izvolitev občnemu zboru v potrjenje.«

Paragraf 12: »Člani, ki se osebno ne morejo udeležiti znanstvenih sej in občnih zborov, se morajo dati zastopati po kakem drugem pravem članu društva s pismenim pooblastilom; en član more zastopati samo enega nenavzočega člana.«

Paragraf 13: »Članstvo preneha vsled izstopa ali izključitve.«

Razdelek III, »Delovanje društva« vsebuje paragrafe 14–17 s po več alinejami.

Paragraf 14: »Društvo goji vse panoge filozofskih, filoloških in historičnih ved, kakor so npr. teoretično filozofijo, zgodovino filozofije, jezikoslovje, zlasti slovensko in slovansko, dialektologijo, zgodovino literature, občno in domačo zgodovino in nje pomožne vede, starinoslovje in narodopisje s posebnim ozirom na proučevanje domovinskih posebnosti in starožitnosti. Vse to v razpravah, monografijah in kritičnem priobčevanju gradiva. [...] Dela in izvestja društva se objavljajo v skupnem glasilu in posebnih publikacijah. [...] Vsa dela izdaja društvo v slovenskem in srbo-hrvatskem jeziku. Izjemoma more društvo izdati kako delo tudi v kakem drugem jeziku; v tem slučaju se izda tudi slovenski posnetek. O publikacijah, izdanih v narodnih jezikih, izdaja društvo posnetke v svetovnih jezikih.«

Paragraf 15: »Znanstvene seje društva se vrše po potrebi, ako mogoče, vsak mesec.«

Paragraf 16: »Predmete znanstvenih sej tvorijo: (a) sprejemanje znanstvenih del in razprav, ki jih vlagajo člani v svrhu izdaje v društvenih publikacijah, (b) znanstveni pomenki, diskusije, ekskurzije referati o novih pojavih na polju ved, ki jih goji društvo, (c) predlogi znanstvenega značaja, namenjeni odboru in preko njega eventuelno občnemu zboru, (d) predlaganje članov, (e) posvetovanje o publikacijah in določanje referatov in razprav, (f) snovanje znanstvenih oddelkov in organizacija njih dela. [...] Sklepi znanstvenih sej so veljavni, ako je navzoč predsednik oziroma njegov namestnik, poleg njega pa vsaj še 1/3 članov. Sklepa se z navadno večino.«

Paragraf 17: »V svrhu kakih posebnih znanstvenih smotrov se po sklepu znanstvenih sej ustanavljajo iz društvenih članov znanstveni oddelki. Poslovník v duhu občega programa jim potrjuje društveni odbor. [...] Na predlog kakega še delujočega oddelka more društvo pozvati tudi zunaj stoječe strokovnjake. Oddelki se tvorijo samo v znanstvene svrhe in njih sklepi so podvrženi odobrenju znanstvenih sej. Oddelek se istim potom razpusti, kadar je završil svojo nalogo, ali pa tudi iz drugih razlogov.«

Razdelek IV, »Odbor« vsebuje paragrafe 18–23 in nekaj alinej.

Paragraf 18: »Društvo vodi odbor, ki ga voli občni zbor z navadno večino za dve leti.«

Paragraf 19 »Odbor sestoji iz predsednika in petih članov. Voli ga občni zbor izmed pravih članov. Odstopivši (?) /.../ smejo biti /.../ izvoljeni. [...] Odbor se izvoli na dve leti in z navadno večino. Odbor izvoli še predsednikovega namestnika, tajnika in njegovega namestnika, knjižničarja in blagajnika. [...] Razen tega so člani odbora načelniki oddelkov. [...] Odborovim sejam morejo posamezni oddelki poslati svojega referenta. Ta se vdeležuje odborovih sej le s posvetovalnim glasom; samo v zadevah svojega referata ima sklepajoč glas. [...] Blagajnikov delokrog določi poseben poslovnik.«

Paragraf 20 določa: »Predsednik, tajnik in vsaj polovica odbora mora stalno bivati v Ljubljani.« Paragraf 21: »Odbor se bavi z vodstvom in upravo društva na ta način, da izvršuje sklepe znanstvenih sej in občnih zborov v oni meri, v kolikor mu dovoljujejo društvene finance, sklepa in polaga vsakoletne račune in nosi odgovornost za društveno delovanje, sklicuje znanstvene seje, redne in izredne občne zборе in rešuje spore med oddelki.«

Paragraf 22 govori: »Predsednik sklicuje in vodi odborove seje, določa dnevni red, pazi na izvažavanje društvenih pravil, zastopa društvo v javnosti in pri oblastvih, podpisuje s tajnikom društvene dopise. V njegovi odsotnosti vrši njegove dolžnosti in pravice njegov namestnik; v odsotnosti tega najstarejši član odbora.«

Paragraf 23 določa: »Odborove seje se vrše po potrebi, sicer pa najmanj petkrat na leto. Za sklepčnost je treba razen predsednika navzočnosti najmanj treh članov odbora. Sklepa se z navadno večino. Pri enakosti glasov odloča predsednik.«

Razdelek V, »Občni zbor« vsebuje paragrafe 24–28 in več alinej.

Paragraf 24 določa: »Redni občni zbor se vrši vsako leto; odbor je dolžan 14 dni pred rednim občnim zborom obvestiti člane o dnevu, uri in programu zborovanja in objaviti dan občnega zbora vsaj v dveh ljubljanskih dnevnikih.«

Paragraf 25 določa sklepčnost: »Za sklepčnost občnih zborov je potrebna navzočnost najmanj 1/2 članov. Ako prvi občni zbor ni sklepčen, se stvari čez četrto ure nov občni zbor, ki je sklepčen ob vsakem številu navzočih članov. Sklepa se z navadno večino odnosno osebno navzočih in zastopanih po pooblastilih. Samo za izpremembo pravil in za razpust društva se zahteva 2/3 vabljenih članov.«

Paragraf 26: »Na občnem zboru predseduje društveni predsednik ali njegov namestnik. V slučaju potrebe vodi poseben predsednik, ki ga v tako svrhu izvoli občni zbor.«

Paragraf 27 po alinejah (a–g) določa pravice in dolžnosti občnega zbora.

Paragraf 28 določa: »Na pismo zahtevo z navedbo namena, ki jo poda vsaj ena tretjina pravih članov, mora odbor sklicati najkasneje v 14 dneh izredni občni zbor. Predmet izrednega občnega zbora tvori samo zadeva, zaradi katere je bil sklican.«

Razdelek VI, »Upravna komisija«.

Paragraf 29: »Upravna komisija treh članov nadzira gospodarstvo društva, kontrolira račune in kako se gospodari z društvenim imetkom. Člani odbora, njih namestniki in društveni uradniki ne morejo biti člani upravne komisije.«

Razdelek VII, »Razsodišče«.

Paragraf 30 določa: »Spore članov z ozirom na društvene zadeve in vprašanja o izključitvi članov rešuje razsodišče, v katero imenuje vsaka stranka po enega zastopnika. Ta dva si privzameta še enega svetovavca, ki je predsednik razsodišča. Ako se glede osebe ne moreta sporazumeti, določi žreb, kdo izmed predlaganih naj bo tretji razsojevalec. Proti sklepu razsodišča ni priziva na občni zbor.«

Razdelek VIII, »Razpust društva«.

Paragraf 31 določa: »Ako bi se društvo razšlo ali razpustilo, pripada imetje v upravo Filozofski fakulteti ljubljanske univerze, dokler se ustanovi drugo znanstveno društvo enake vrste, ki naj dobi premoženje.«

Razdelek IX, »Ustanovitev društva«.

Paragraf 32 določa: »Podpisani pripravljalni odbor skliče ustanovni občni zbor, na njem imenuje prve prave člane in vrši društvene posle do prvega rednega občnega zbora.«

Znanstveno društvo za humanistične vede v Ljubljani (1921–1939), ki mu je predsedoval Rajko Nahtigal, je izdalo 18 zvezkov publikacije z naslovom

Razprave. Med njimi je šest številk umeščeno v pet zvezkov (I-1923, II-1925, III-1926, IV-1928, V/VI-1930) pod skupnim imenom *Razprave Znanstvenega društva za humanistične vede* s skupaj 34 znanstvenimi razpravami. Pri ostalih dvanajstih številkah *Razprav* (7-1930, 8-1936, 9-1930, 10-1931, 11-1936, 12-1936, 13-1936, 14-1936, 15-1936, 16-1939, 17-1939, 18-1940) pa gre za monografije pod skupnim imenom *Razprave znanstvenega društva* (1930–1939), ki so po zgledu akademij že razvrščene v posamezne odseke:

1. Filološko-lingvistični odsek (5 monografij): K. Oštir: *Drei vor-slavisch-etruskische Vogelnamen* (8), I. Grafenauer: *Karolinška katekeza ter izvor Brižinskih spomenikov in čina nadb ispovedajatiimь se* (13), R. Nahtigal: *Starocer-kvenoslovanske študije* (15), A. V. Isačenko: *Narečje vasi Sele na Rožu* (16) in F. Bezljaj: *Oris slovenskega knjižnega izgovora* (17).
2. Historični odsek (5 monografij): F. Kidrič: *Dobrovský in slovenski preporod njegove dobe* (7), N. Radojčić: *Teodosijevi pogledi na društveno i državno uređenje Srbije* (9), M. Kos: *Conversio Bagoariorum et Carantanorum* (11), A. Ocvirk: *Teorija primerjalne literarne zgodovine* (12) in F. Zwitter: *Prebivalstvo na Slovenskem od XVIII. stoletja do današnjih dni* (14).
3. Filozofski odsek (1 monografija): C. Logar: *Analiza zavesti* (18).
4. Etnografsko-geografski odsek (1 monografija): A. Melik: *Kozolec na Slovenskem* (10).

Zapisniki s sej odbora in občnih zborov ZDHV niso ohranjeni (ali pa doslej niso bili objavljeni); le izjemno redki fragmenti o društveni dejavnosti, ohranjeni večinoma v arhivu Biblioteke SAZU (fond Znanstveno društvo za humanistične vede), potrjujejo neutrudno prizadevanje tudi za ustanovitev akademije znanosti. V **zapisniku** odborove seje dne **27. 10. 1921** pod 6. točko (SI AS) se prvič omenja ZDHV, ki prosi za dovoljenje, »da bi smelo zborovati v Matičini posve-tovalnici.« – Iz **dopisa** Policijski direkciji v Ljubljani z dne **31. januarja 1930** izvemo za občni zbor ZDHV 20. febr. 1930 v prostorih Slovanskega seminarja na Univerzi v Ljubljani z naslednjim dnevnim redom: (1) poročila predsedstva in odbornikov; (2) poročilo upravne komisije; (3) volitve predsednika in odbornikov za 1930–1932. – Ohranjen je tudi **dopis z dne 1. febr. 1930**, s katerim predsednik obvešča neimenovanega naslovnika o istem občnem zboru 20. febr. 1930 in mu pošilja dnevni red, ki vsebuje tudi spodaj podčrtano dodatno vsebinsko točko: (1) poročila predsednika in odbornikov o poslovanju; (2) poročilo upravne komisije o poslovanju odbora; (3) predlog odbora o nadaljnji akciji za ustanovitev AZU v Ljubljani in poživljenju društvenega življenja (podčrtala A. Šivic-Dular); (4) volitve predsednika in odbornikov (1930–1932); (5) slučajnosti; zaradi pomembnosti

točke (3) prosi za udeležbo.²⁷ – Ohranjen je Nahtigalov **dopis z dne 4. nov. 1930** neimenovanemu naslovniku z osebnim *Vabilom na izredni občni zbor ZDHV* 7. nov. 1930 v prostore Narodnega doma, kjer »bo poročal o korakih, ki so bili storjeni za reorganizacijo in poživljenje društva v smislu sklepov zadnjega občnega zbora ter nadaljnjih novih ukrepih. – Ohranjeno je **obvestilo** o Občnem zboru ZDHV v Ljubljani **6. maja 1934** z naslednjim dnevnim redom: (1) Poročila predsednika in odbornikov; (2) Poročila upravne komisije; (3) volitev predsednika in odbornikov za 1934–1936; (4) slučajnosti. – Ohranjeno je sporočilo z dne 9. maja 1934, v katerem Nahtigal policiji sporoča imena izvoljenih članov odbora ZDHV: R. Nahtigal (predsednik); Dragotin Lončar, gimn. direktor (namestnik); dr. Fran Ramovš (tajnik); dr. Fran Veber (namestnik); dr. A. Breznik, gimn. prof. (blagajnik); dr. Milko Kos (knjižničar).

Namesto sklepa

Sestavek vsebuje na arhivsko gradivo oprto kronologizacijo tako geneze ideje o znanstvenem glasilu za humanistiko na Slovenskem kot tudi večletnega iskanja načina finančne umestitve *Časopisa za slovenski jezik, književnost in zgodovino*, ki bi zagotavljala vsebinsko avtonomnost; v nadaljevanju sledi še pregled izdanih zvezkov (1918–1931). Že začetni koncept, ki ga je zasnoval Rajko Nahtigal, je ob časopisu dopuščal tudi ustanovitev znanstvenega društva v podporo. Ker zamisli ni bilo mogoče uresničiti niti v mreži obstoječih ustanov (*Slovenske matice*), je bil med pobudniki ustanovitve *Znanstvenega društva za humanistične vede v Ljubljani* (1921) kot zametka filozofsko-historičnega razreda bodoče *Akademije znanosti in umetnosti* (1938), ki je razvidna iz društvenega pravilnika in tudi iz razvrstitev objavljenih monografij po odsekih (1930–).

Okrajšave, viri

AU 40/628: Arhiv univerze 40/628. Personalna mapa: dr. Rajko Nahtigal. Curriculum vitae.

Biblioteka SAZU: Arhiv Biblioteke SAZU v Ljubljani, fond Fran Ramovš Korepondenca N–O v mapi št. R 46/III-124.

Biblioteka SAZU ZDHV: Arhiv Biblioteke SAZU v Ljubljani, fond Znanstveno društvo za humanistične vede.

ČZN 1904a: Odbor: Predgovor. Uredil Anton Kaspret. *Časopis za zgodovino in narodopisje* I, 1–2.

27 Naslovnik bi bil lahko J. Mantuani, ki se je 4. febr. 1930 opravičil, ker da je v bolnišnici.

- ČZN 1904b: Društvena poročila. 1. Ustanovitev društva. – 2. Ustanovni občni zbor dne 23. majnika. – 3. Prva odborova seja. – 4. Druga odborova seja dne 6. vinotoka 1903. – 5. Tretja odborova seja dne 22. decembra 1903. – 6. Četrta odborova seja dne 1. marca 1904. *Časopis za zgodovino in narodopisje* I, 102–110.
- ČZN 1911: Odbor: Izjava. *Časopis za zgodovino in narodopisje* 8, 119–120.
- ČZN 1915: Poziv. *Časopis za zgodovino in narodopisje* 12, nepaginirano.
- ČZN 1917: Odbor Zgodovinskega društva. *Časopis za zgodovino in narodopisje* 13, nepaginirano.
- ČJKZ 1918: Izjava uredništva. *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino* I/1-2, 111–112.
- ČJKZ 1919: Pripomnja uredništva. *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino* I/3-4, 243.
- ČJKZ 1920: Uredništvo: Prof. Anton Kaspert. *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino* II, nepaginirano.
- ES: *Enciklopedija Slovenije* 1–16, uredniki M. Javornik, D. Voglar, A. Dermastia, Ljubljana 1987–2002. Prim. gesla: Anton Kaspert, 5, 1991, 12 (avtor B. Grafenauer); Slovenska matica, 11, 1997, 415–416 (avtor: V. Melik); Znanstveno društvo za humanistične vede, 15, 2001, 210 (avtor T. Ferenc).
- SI AS: Arhiv Republike Slovenije. Fond Slovenska Matica v Ljubljani. SI AS 621/172, tehn. št. 44, Zapisniki sej odbora in odsekov Slovenske matice v Ljubljani 1917, 1918, 1919 1920, 1921.
- SI_PAM KFK: Pokrajinski arhiv Maribor, fond Korespondenca Franca Kovačiča.
- SI_PAM ZDM: Pokrajinski arhiv Maribor, fond Zgodovinskega društva v Mariboru.

Literatura

- Dolenc, M., 1920: Prof. Anton Kaspert. *Ljubljanski zvon* XL (1920)/1, 700–704.
- Dolinar, D., 2001: *Pisma Franceta Kidriča Franu Ramovšu*. (Korespondence pomembnih Slovencev /Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Razred za filološke in literarne vede; 12). Ljubljana: Znanstvenoraziskovalni center SAZU.
- Friš, D., 2013: Anton Kaspert in Franc Kovačič – uredništvo Časopisa za zgodovino in narodopisje (1904–1917). *Studia Historica Slovenica* 13/1, 123–142.
- Ilešič, F., 1909: Poročilo o delovanju Matice Slovenske 1909/10. *Letopis Matice Slovenske za leto 1910*, 4–7.
- Munda, J., 1964: *Bibliografija Slovenske matice*. Ljubljana.
- Nahtigal, R., 1915a: Freisingensia. Doneski k razlagi jezika brižinskih spomenikov. I. V uzmazi – v uzmaztve. *Časopis za zgodovino in narodopisje* 12, 1–12.

- Nahtigal, R., 1915b: Freisingensia. Doneski k razlagi jezika brižinskih spomenikov. II. Zastopniki prvotnih slovanskih nosnih samoglasnikov v brižinskih spomenikih. *Časopis za zgodovino in narodopisje* 12, 77–122.
- Nahtigal, R., 1915c: Dodatek k Freisingensia II. *Časopis za zgodovino in narodopisje* 12, 155–156.
- Nahtigal, R., 1954: Prof. Ramovš o sebi od doktorata do docenture v Gradcu. *Slavistična revija* 5–7, 9–40.
- Nahtigal, R., 1955: Pisma prof. Ramovša od docenture do profesure. *Slavistična revija* 8, 90–104, 232–246.
- Prijatelj, I., 1917: Petindvajsetletnica Ševčenkovega znanstvenega društva v Ljovvu. *Slovenski narod* 50/92, 9.
- Ramovš, F., 1927: Prof. Rajko Nahtigal (1877–1927). *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino* 6/1–4, 242–245.
- Šlebinger 1930: *Publikacije Slovenske Matice od leta 1864 do 1930*. Ljubljana: Slovenska Matica.

Summary: Rajko Nahtigal and Slovenian Scholarly Institutions (1913 –1930)

The article uses archival material to present the chronology and circumstances under which the idea developed for several years to establish *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino* (Journal for Slovenian, Literature, and History), the first scholarly journal for the humanities in Slovenia, and to determine its most appropriate institutional framework in order to ensure its conceptual autonomy and especially sufficient and stable funding. Because no long-term connection with the Slovenian Society (*Slovenska matica*) in Ljubljana was ever established, from 1918 to 1931, under the pressure of constant financial improvisation, the journal was issued in only eight volumes of four fascicles each. Even its original concept designed by Rajko Nahtigal already envisaged the establishment of a scholarly society as the journal's support environment. However, under the circumstances of that time this idea was probably impossible, and it also was never realised under the journal's aegis. Therefore, Nahtigal in particular was among the main initiators and founders of the new Ljubljana Scholarly Society for the Humanities (*Znanstveno društvo za humanistične vede v Ljubljani*) established in 1921, which was planned to encourage and cover the publication of journals and, later on, books. Even back then, the society was conceived as the rudiment of a philology-history section, i.e., one of the sections of the later Academy of Sciences and Arts (1938), which had always been the ultimate goal. This is demonstrated by the 1921 rules of the society—as well as the later introduction of special sections within the society (for philology and linguistics, history, philosophy, and ethnography and geography), which are cited as the issuers of volumes (1930). Through all his activities, Nahtigal supported the development of scholarship as the finest proof of the cultural development of the entire

community, acknowledging that scholarly work can only be successful with a suitably organized structural network of institutions (dedicated to research, communication, and education) and that, due to its qualitative role in generating public goods, including cultural ones, it must also be supported through public funds. In this sense, Rajko Nahtigal was not only a philologist, but he also envisioned the modern knowledge-based society.

Key words: philology, Slavic, biography, Rajko Nahtigal

Пребывание Р. Р. Нахтигала в России и его вклад в российское языкознание

Петр А. Амбросович

Белорусское общественно-культурное товарищество (БОКТ), Санкт-Петербург

U padadzienu matar'jale зроблена sprobа ў рэўнае ступіні разгледзець тэму ўласных узajemадачыніеўняў slavista R. Nachcihala z Rasiјaj, rasiјskim movaznaўstvam i kalehami-navukoўcami. Аўтар tolкі zakranuў vialikuju i vaўnjuu тэму, jakaja nasamreč patrabuje прaciаhлаha i detalovaha vyvučэўня. Padrychtoўka matar'jahu da dрукu ўрэўнiла mianie - usiebakova hetaje темaj, здајецца, pakul nie zajmalisia. Tut жосć jašče miesca dla znachodak. Ja ў, kaniešnie, nie ўжаўlajusia pieršaadkryvalnikam тэму. Dla ўыроkahа karystalnika tekst дајецца na гuskaje movie.

Ключевые слова: российское языкознание, пребывание в России, Р. Р. Нахтигал, письма Ягича, славистика

Словенский филолог Райко Райкович Нахтигаль¹ (1877–1958), славист, лингвист, исследователь старославянского языка и письменности, сравнительной грамматики славянских языков, истории словенского языка, древнерусской литературы и русского языка знаком (конечно) и российским учёным и культурной общественности. Он известен публикациями памятников славянской письменности «Синайский требник» (Nahtigal 1941–42) и «Слово о полку Игореве» (Nahtigal 1954). Его «Славянские языки» (Nahtigal 1938, 1952 гг., перевод на русский язык - 1963 г.) до сих пор остаются одним из авторитетных источников по славянской филологии.

Р. Нахтигаль интересовался прежде всего старославянской проблематикой, древнерусским и современным русским языком, славянским сравнительно-историческим языкознанием и историей славянской филологии. Ещё во время учёбы в Венском университете под руководством акад. И. В. Ягича Нахтигаль занялся вопросами фонетики и акцентологии словенского языка, под его руководством знакомился с памятниками древней славянской письменности, изучал палеографию. Будучи студентом 3 курса, опубликовал рецензию на труд Гетца «Geschichte der Slavenapostel Konstantinus (Kyryllus) und Methodius» (Nahtigal 1898). Под влиянием И. В. Ягича написал свою докторскую диссертацию «Ein Beitrag zu den

¹ Написание фамилии я даю в тексте так, как оно встречается в российских источниках и у его коллег - с мягким окончанием

Forschungen über die sogenannte «Беседа трёх святителей» (Gespräch dreier Heiligen)» (Nahtigal 1901), её выводы он дополнил во время своей научной командировки в Россию (Kolarič 1948:96).

Труды Нахтигаль получили отклик в русских научных кругах. Его статья «К вопросу об исследовании так называемой Беседы трёх святителей» (Nahtigal 1901, 1902), была одобрена Т. Д. Флоринским: «Работа основана» – писал он – «на внимательном изучении сохранившихся текстов памятника и посвящённой ему литературы. Она ещё не кончена. Автор представил историко-литературный обзор предшествующих исследований и приступил к анализу известных текстов данного апокрифа» (Флоринский 1902:107–108).

Р. Нахтигаль в 1895–1900 гг. учился на философском факультете Венского университета, где слушал лекции известных славистов своего времени – Игнатия Ягича, Вацлава Вондрака и др. В университете изучал славянские языки, в особенности русский. В 1900 году по ходатайству И. В. Ягича был командирован в Россию (Москва, Петербург), где пробыл два года. Сама командировка началась в 1901 году. Конкретные даты начала и конца командировки мне пока установить не удалось (как не удалось узнать подробности о его местопребывании в Санкт-Петербурге), но из писем (см. ниже) видно: до конца 1900 года Райко был ещё в Вене. Приехав в Россию, Нахтигаль много занимался в книгохранилищах, слушал лекции русских славистов, познакомился с Ф. Ф. Фортунатовым, Е. Ф. Коршем, Р. Ф. Брандтом и другими учеными (Šivic-Dular 2017). Участвовал в деятельности Славянской комиссии Императорского Московского археологического общества и в создании «предвестника» Московской диалектологической комиссии – Московского кружка для научного изучения русского языка.

«Моё более близкое знакомство с Россией, – вспоминал впоследствии Нахтигаль, – приходится на 1901–1902 годы, когда я в качестве молодого доктора славистики, ученика В. Ягича, два года учился в России, более года – в Москве, несколько месяцев в Ленинграде, а во время каникул – в деревнях Дмитровского и Подольского уездов Московской губернии, а также Трубчевского уезда Орловской губернии. В последнем близко соприкасаются все три наречия или языка восточных славян: велико-, бело- и малорусский или украинский языки... В Москве я имел возможность общаться прежде всего с великим русским языковедом Ф. Ф. Фортунатовым, в Ленинграде – со знаменитым русистом А. А. Шахматовым, а сверстниками моими были, наряду с другими, известные позднее русисты Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов» (на русском: Чуркина 1986:186 по Nahtigal 1946:VII–VIII).

Я думаю, что Р. Р. Нахтигаль поехал изучать Трубчевский уезд Орловской губернии с подачи Н. Н. Соколова – Соколов пригласил его на свою родину, в очень интересное место.

О контактах Райко Райковича в России мы ещё порассуждаем ниже. Из изученного и просмотренного мною материала я буду называть здесь лишь те источники, в которых удалось найти что-то конкретное по данной теме. Готовя материал для этой публикации, я изучал письма И. В. Ягича А. А. Шахматову - в основном это дело 134-3-1758 в СПФ АРАН. А также письма И. В. Ягича Ф. Ф. Фортунатову – дело 90-3-111 в СПФ АРАН. Эти письма я и буду здесь цитировать. Известно – Ягич обожал Фортунатова, Корша и Шахматова. Правда, письма И. В. Ягича к Ф. Е. Коршу находятся в Москве (дело 558-4-412 в АРАН). Конкретнее: письма Ф. Е. Коршу от Игнатия (Ватрослава) Викентьевича Ягича, хорватского филолога-слависта, академика с 1880 г. 30 писем. Охватывает 1876–1912 гг. 60 листов.

Дело 90-3-111 в СПФ АРАН – письма И. В. Ягича Ф. Ф. Фортунатову²

Л. 44 (Вена, 11/24 января 1901 г.): «Из молодых подаёт надежды др. Нахтигаль (словинец), которого Вы вероятно скоро увидите. Он отправляется в Москву для изучения русского языка, чтобы потом мог быть у нас лектором этого языка. С практической целью он, конечно, постарается соединить и научную. Я рекомендую Вам его и прошу облегчить ему возможность извлечь пользу из своего пребывания в Москве».

Дело 134-3-1758 в СПФ АРАН – письма И. В. Ягича А. А. Шахматову

Л. 184 (Вена, 1 июня н. с. 1901 г.): «... Как мне писали из Москвы (Нахтигаль) и здесь рассказывали (Иберсбиргер)³ Вы затевали нечто в роде бывшей моей мечты - нечто в роде Grundrissa». И. Ягич, очевидно, имеет в виду «Энциклопедию славянской филологии». Её ещё называли Grundriß или Handbuch или Compendium.

Дело 90-3-111 в СПФ АРАН – письма И. В. Ягича Ф. Ф. Фортунатову

Л. 4606 (Вена, 8/21 января 1902 г.): «Я очень благодарю Вас за любезный приём, оказанный нашему Нахтигалю. Он один из лучших наших молодых

2 В текстах я стараюсь придерживаться правописания Ягича. Пояснения даю, чтобы не перегружать заметками текст.

3 По всей видимости имеется в виду Ганс Иберсбергер (1877–1962) - австрийский историк, профессор, директор Института истории Восточной Европы.

людей. Жаль, что у него здоровье не совсем прочное. Я желал бы, чтобы он у нас со временем габилитировался, хотя теперь для славян в Австрии на университетах немецких мало *штатов* (неразб.), а славянские ||^{п. 47} ограничиваются своими националами. Чехи берут чехов, поляки поляков, хорваты хорватов, сербы сербов - куда же деть словинцев?».

Дело 134-3-1758 в СПФ АРАН – письма И. В. Ягича к А. А. Шахматову

Л. 2280б (Вена. 9/22. 12. 1902 г.): «Я и не думал, чтобы Вы могли дать какое бы то ни было пособие Нахтигалю. Я спрашивал только, не могло ли бы быть для него какое нибудь поручение со стороны Отделения. Он бедствует, но отчасти сам виноват: не умеет взяться за дело так, что бы оплачивалось - хоть бы сначала в очень умеренных размерах. К сожалению я вчера узнал у нас в мини- ||^{п. 229} стерстве, что [там, *неразб.*] у них денег нет. Он подаёт большия надежды, но я боюсь, что и ему не суждено долго жить. Итак я боюсь, что и этот молодой человек, как в своё время Облак,⁴ прекратит свою деятельность преждевременно. Впрочем Облака я ставлю выше. У меня ни прежде ни после не было такого ученика. Кому мне сдать нашу кафедру, наш институт после моего ухода ? Вондрак⁵ всё же не удовлетворяет меня. Мой зять,⁶ надеюсь, через год получит свою кафедру, но то будет кафедра сербохорватского языка и литературы! Как легко было бы решить этот вопрос, если бы жив был Облак! Ваш И. В. Ягич (подпись)».

Дело 134-3-1758 в СПФ АРАН – письма И. В. Ягича к А. А. Шахматову

Л. 274⁷ (Вена, 17/30 ноября 1903 г.): «... Вы сами согласились со мною, что Нахтигалю можно бы дать пособие из 7 000 [рублей на издание энциклопедии Grundriß на 1904 год]. Но отчего же почти также кому нибудь другому? Я понимаю вашу осторожность, но поймите и Вы моё положение ... ||^{п. 2740б} Идеализма 65-летнего старика не поддерживает Отделение [разумное издательское дело - по словарю], оно смотрит на всё это другими глазами».

Л. 2750б (точной даты и места написания нет, декабрь 1903 г.): «... Я бы только хотел уяснить ещё следующие пункты:

1) согласно ли Отделение, чтобы из имеющихся 7 000 на 1904 год в случае надобности оно же (не я), но по моему предложению, дало некоторые

4 Ватрослав Облак (1864–1896) - словенский славист.

5 Вацлав Вондрак (1859–1925) - чешский филолог.

6 Милан Решетар (1860–1942) - сербский югославист, языковед, историк, зять И. В. Ягича.

7 Здесь и далее идут письма Ягича Шахматову.

пособия предполагаемым сотрудникам - укажу, напр., на Брока⁸ в Кристиании, или на Нахтигалья у нас в Вене, которому вы уже задали тему,⁹ но пока он не мог исполнить ее за неимением средств?».

Л. 2790б. (Вена?, 11/24 января 1904 г.): «... В таком же размере [250 рублей] желательно поддержать профессора Штрекеля¹⁰ (если Нахтигаль откажется, ему нездоровится) насчёт словенских говоров».

Приведу ещё 3 цитаты из позднейших писем И. В. Ягича, поскольку в них упоминается и представитель российской науки В. А. Богородицкий.¹¹

Дело 134-3-1758 в СПФ АРАН – письма И. В. Ягича к А. А. Шахматову

Л. 360 (Вена, 10/23 апреля 1905 г.): «Я хотел бы в июне месяце устроить здесь в Вене маленькое совещание лингвистов-филологов по части славянских языков. Кроме Брока и Богородицкого хотелось бы привлечь ещё Розвадовского¹² (из Кракова), а у нас уже Решетар и Нахтигаль. Всё зависит от Брока, пожелает ли к сроку приехать».

Л. 3640б (Вена, 29 апреля или 12 мая 1905 г.): «Вот на пример, если Брок в конце июня приедет в Вену, если к тому времени здесь будет Богородицкий, мой зять и Нахтигаль - я бы очень желал сделать по крайней мере попытку пригласить сюда же Розвадовского».

Л. 3710б (Вена, 10 июля/27 июня 1905 г.): «Недельки две тому назад приехал в Прагу (через Берлин) проф. Брок и остался занятый изучением своего предмета там же дней десяток. Потом он приехал в Вену, где подждал его уже проф. Богородицкий. Я устроил маленькое предварительное совещание, в котором приняли участие Брок, Богородицкий, Решетар, Нахтигаль, Пивко¹³ (словенец) и Жилинский¹⁴ (галичанин). Сошлись в том, что пока Брок должен продолжить изучение отдельных языков (с этой целью он уже после 4-дневного пребывания здесь уехал в Любляну), потом же осенью приступить к делу».

8 Олаф Брок (норв. Olaf Broch; мы встречаем в письмах и написание: Броч), 1867–1961, норвежский филолог, славист, переводчик, историк. За многие века существования названный здесь город викингов по прихоти власть предрежащих несколько раз менял наименование - Осло или Опсло (1050–1624), Христиания (1624–1877), Кристиания (1877–1924) и опять Осло (с 1924 г. по сегодняшний день)

9 «Заданную тему» для Р. Нахтигалья определить по делам 1-1-212 или 1-1-214 (Протоколы II отделения за 1901 и 1902 гг. соответственно) не удалось. И также за 1903 год (дело 1-1-216).

10 Драготин Штрекель (Кароль) (1859–1912) - словеский филолог-славист, лингвист и фольклорист.

11 В. А. Богородицкий (1857–1941) - российский лингвист, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук, один из основателей казанской лингвистической школы.

12 Ян Михал Розвадовский (1867–1935) - польский лингвист, профессор индоевропейских языков.

13 Др. Людевит Пивко (1880–1937) - словенский педагог и политик.

14 Кто такой здесь Жилинский - установить пока не удалось. Анализ переписки Ягича позволяет предположить, что это И. М. Зилинский, 1879–1952, украинский диалектолог и фonetист.

Нахтигаль являлся членом комиссии славистов при Московском археологическом обществе, читал там лекции (Nahtigal 1946:VII–VIII). Переписки А. А. Шахматова с Р. Р. Нахтигалем в архивах, видимо, нет. Я посмотрел материалы 1901 и 1902 гг. «О составлении годовых отчётов Отделения (ОРЯС)» и «О командировках и научных поездках» в ОРЯС (1901 и 1902 гг.). Также в библиотеке – Отчёты ОРЯС за 1901, 1902 и 1903 гг. Но найти что-либо ценного пока не получилось.

Далее материалы о работе Р. Р. Нахтигала в Кружке для изучения русского языка (г. Москва) я дам одной подборкой, не разрывая на общую хронологию событий в статье:

Дело 197-1-1 в СПФ АРАН – протоколы [о заседаниях] Московского кружка для научного изучения русского языка. 1901–1904 гг.

Л. 1: 1-е заседание Кружка для изучения русского языка (Москва, квартира А. Д. Григорьева - Б. Афанасьевский пер., д. Ефремовой, кв. 1). Прения по докладу Н. Н. Дурново «Деепричастия на -мши в русском языке». По мнению докладчика, на образование этих деепричастий оказали влияние причастия настоящего и прошедшего времён страдательного залога. Р. Р. Нахтигаль, указывая на слово *тмцо* в одном из великорусских говоров, предполагал фонетическое происхождение «м» в окончании этих деепричастий и обратил внимание докладчика на то, что деепричастия на «ёмши» образуются исключительно от глаголов IV класса.

Райко Райкович присутствовал на 1–4; 6–12 заседаниях Кружка (26 сентября 1901 г. – 24 марта 1902 г.). На 5-м заседании (2 декабря) его не было. Для хронологии : 13-е заседание - это 28 апреля, 14-е - 22 сентября 1902 г. Осенью 1902 г. он вернулся в Вену.

Л. 5: Как можно судить по протоколу 3-го заседания Московского кружка (Вс, 11 ноября 1901 г.) - Р. Р. Нахтигаль делал замечания по докладу Н. Н. Дурново «О трудах В. И. Чернышова по русской диалектологии». Д-р Р. Р. Нахтигаль сообщил, что недавно вышла грамматика языка А. С. Пушкина, составленная профессором Е. Ф. Будде, и что эта грамматика, по отзыву акад. Ф. Ф. Фортунатова, лучше, чем школьная грамматика того же автора [Е. Ф. Б.].

Л. 6: [О произношении в современном русском языке сложной аффрикаты «щц»]. А. Д. Григорьев, И. М. Тарабрин и Р. Р. Нахтигаль слышали в произношении сочетания «сц» взрывной элемент между двумя «с».

Л. 8: 4-е заседание (22 ноября 1901 г.). Н. Н. Дурново прочёл сообщение о последней статье акад. А. И. Соболевского «Из истории русского языка» в

октябрьской книжке Журнала Министерства Народного Просвещения, причём сделал свои дополнения и поправки к 1-й главе этой статьи, посвящённой неорганическому *j* перед гласными в начале слова в русском языке. По поводу доклада Р. Р. Нахтигаль отметил, что в сербском языке при пении наблюдаются подобные же паразитные гласные в условиях пения.¹⁵

Л. 12: 6-е заседание (Вс, 16 декабря 1901 г.). Н. Н. Дурново прочёл доклад «О словарном составе великорусских наречий». То есть, северного и южно-го. При обсуждении доклада Р. Р. Нахтигаль указал многочисленные параллели приведённым докладчиком словам - из словенского и других славянских языков.

Л. 13: 7-е заседание (20 января 1902 г.). Р. Р. Н-ль сделал несколько замечаний по поводу напечатанной в 4-й книжке «Известий Отделения русского языка и словесности ИАН» за 1901 год статьи акад. А. А. Шахматова об общеславянском *ä*. Обсуждался доклад Н. Н. Дурново «Об ударениях в великорусских наречиях».

Л. 14 (там же): Р. Р. Нахтигаль указал на важное значение сербского и словинского языков для определения места ударения в словах в общеславянском языке, особенно чакавского наречия сербско-хорватского языка.

Л. 176б: 9-е заседание (10 марта 1902 г.). Акад. А. А. Шахматов из СПб предлагает выработать устав Кружка и возбудить ходатайство о приписке Кружка к Академии Наук. А. Д. Григорьев (как основатель Кружка) совещался о цели Кружка и с Р. Р. Нахтигалем и с другими членами Кружка. Проект Устава Общества для изучения русского языка А. Д. Григорьев обсуждал в том числе и с Р. Р. Н-лем.

Л. 20: 12-е заседание (24 марта 1902 г.). А. Д. Григорьев просит выезжающих в СПб членов Кружка Н. Н. Соколова и Р. Р. Нахтигалья содействовать сношениям с акад. Шахматовым о приписке Кружка к Академии Наук или Второму её отделению.

Дело 197-1-2 в СПФ АРАН – протоколы [о заседаниях] Комиссии для диалектологического изучения русского языка, 1904—1931 гг.

Л. 345: Протокол юбилейного, 189-го заседания МДК 6 февраля 1929 г. Аудитория № 1 Семинарского корпуса I МГУ. 8³⁵ - 11³⁰.

Л. 347: Воспоминания Ник. Ник. Дурново (по авторской рукописи). «На первом заседании [Кружка] нас было только пятеро : [кроме Ал-дра Дмитр. Григорьева и меня, также Ник. Ник. Соколов, Ив. Мемном. Тарабрин и

¹⁵ Протокол заседания А. Д. Григорьевым не вычитан и далее нет возможности цитировать замечания к докладу без ошибок.

Райк. Райк. Нахтигаль]. Живший тогда в Москве молодой словинский учёный, ученик Ягича, Райко Райкович Нахтигаль, теперь профессор славянской филологии в Люблянском университете, ещё недавно выпустивший ценную работу по русскому ударению.¹⁶ Нахтигаль посещал аккуратно все заседания Кружка до своего отъезда на родину. Все мы пятеро были по Университету однокурсники, кончили в 1899 году, Григорьев, Соколов, Тарабрин и я, Московский, Нахтигаль в 1900 году - Венский Университет. Д. Н. Ушаков вошёл в наш кружок только с 5-го¹⁷ заседания, т. е. через 2 с небольшим месяца».

Л. 348: «Моя [Н. Дурново] лингвистическая подготовка оставалась очень слабой и несистематичной, а в моих познаниях по сравнительной грамматике славянских и индоевропейских языков оставались большие пробелы, не совсем восполненные даже и до сих пор. Григорьев и Тарабрин были от лингвистики ещё дальше меня. При таких условиях ясно, какое значение для Кружка с самого его возникновения имело присутствие в нём чистого лингвиста Н. Н. Соколова, и слависта, уже тогда хорошо знакомого с сравнительной грамматикой славянских языков, Р. Р. Нахтигалья».

Конец цитирования протоколов.

В 1901–1902 гг. изучением словенского языка в Словении и в ближайших окрестностях занимались И. А. Бодуэн-де-Куртене (1845–1929) и В. Н. Щепкин (1863–1920) - см., например, дела 1-1-212 и 9-1-809 в СПФ АРАН). Поэтому (можно думать) могли быть и контакты Р. Р. Нахтигалья с этими учёными - даже впоследствии. Сегодня я не имею возможности в Москве это проверить. Известно, что в 1900–1918 гг. Бодуэн преподавал в Петербургском университете, а В. Щепкин – с 1900 г. – в Московском университете (до какого времени не знаю, даже биографические книги ничего не дают, до февраля 1917 г. однозначно). Словинский же язык уже вымер (польское Поморье).

Из молодых русских славистов Нахтигаль, по-видимому, имел связи с Н. Н. Дурново. Райко Райкович переводил совместно с Ягичем его библиографический обзор трудов о русских диалектах, помещённый затем в «Архиве...» (Rokopisna zbirka NUK, ms. 895, m. XI). Общался Нахтигаль и с Ламанским, которому в письме к И. Приятелю¹⁸ передавал привет наряду с Шахматовым и Фортунатовым. Но к учёным славяно-фильского направления он относился скептически. «Славянофилы, - писал Нахтигаль Приятелю 31 мая 1903 г.,

16 Вероятно: R. Nahtigal: Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung I. Substantiva auf Konsonanten. Heidelberg, 1922.

17 Неправильно, с 3-го заседания. Заседание № 3, 11. XI. 1901 г.

18 Иван Приятель (1875–1937) - словенский учёный-литературовед.

– правда, возможно, очень симпатичные и интересные, даже очень необходимые люди, но несчастье в том, что их так много среди... славистов... Такие люди настолько понимают в науке, в её холодной объективности, безпристрастности и единственном стремлении следовать истине, насколько это понимает последний священник... Да, действительно, слависты-славянофилы... скорее реакционные журналисты, чем учёные» (Чуркина 1986:186–187).

Литература

- Нахтигал, Р., 1963³: *Славянские языки*. (Пер. со словенского Н. М. Ёлкиной. Под ред. и с предисловием С. Б. Бернштейна), 1938¹, 1952². Москва: Издательство иностранной литературы.
- Флоринский, Т. Д., 1902: Критико-библиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению. *Унив. изв.* 9. Киев.
- Чуркина, И. В., 1986: *Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в. - 1914 г.* Москва: «Наука» (Институт славяноведения и балканистики АН СССР).
- Шахматов, А. А., 1864–1920: *Сборник статей и материалов. Труды Комиссии по истории Академии Наук СССР* 3. Москва – Ленинград: Издательство АН СССР.
- Kolarič, R., 1948: Prof. dr. Rajko Nahtigal. Življenje in delo. *Slavistična revija* 1, 95–100.
- Nahtigal, R., 1898 (ocena): Karl Goetz, Geschichte der Slavenapostel Konstantinus (Kyrillus) und Methodius, 1897. *Archiv für slavische Philologie* 20, 124–140.
- Nahtigal, R., 1901, 1902: Ein Beitrag zu den Forschungen über die sogenannte Besěda trehъ svjatitelej. *Archiv für slavische Philologie* 23 (1901), 1–95; 24 (1902), 321–408.
- Nahtigal, R., 1941–42: *Euchologium Sinaiticum*. Starocerkvenoslovanski glagolski spomenik. I. in II. del. Ljubljana: Akademija znanosti in umetnosti.
- Nahtigal, R., 1946: *Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči*. Ljubljana: DZS.
- Nahtigal, R., 1954: *Staroruski ep Slovo o polku Igořevě*. Ljubljana: SAZU.
- Šivic-Dular, A., 2017: *Življenje in delo Rajka Nahtigala*. Predavanje v organizaciji Kulturnega društva Severin Šali ob izročitvi posmrtno maske Rajka Nahtigala Knjižnici Mirana Jarca Novo mesto (Novo mesto, 6. junija 2017). Dostopno na: http://kd-severinsali.si/wp-content/uploads/2017/07/Sivic-Dular_Nahtigal-Rajko_Novo-mesto2017_pdf.pdf

Сокращения

СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии Наук

АРАН – Архив Российской Академии Наук

NUK – Narodna in univerzitetna knjižnica v Ljubljani (ROKOPISNA ZBIRKA NUK, MS. 895, M. XI)

ОРЯС – Отделение русского языка и словесности (полное название «Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук» (1841–1927).

МДК – (МДК; позднее - Постоянная комиссия по диалектологии русского языка) - объединение российских учёных (русистов и славистов) в единую организацию, учреждённую в 1904 году в Москве при Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук и просуществовавшую до 1931 года.

Summary: The Stay of R. Nahtigal in Russia and his Contribution to Russian Linguistics

In this article, the author talks about the stay of a famous Slavist, linguist and researcher of Old Church Slavonic language and written heritage, Rajko Nahtigal, in Russia, 1901–1902. Nahtigal was working in Russian libraries, listening to lectures of Russian Slavists. He met F. F. Fortunatov, E. F. Korsh, R. F. Brandt and other scientists. He participated in the establishing of the Moscow Circle for the Scientific study of the Russian language – the “precursor” of the Moscow Dialectological Commission. At the meeting of this group, he actively discussed language problems as a Slavist, already well familiar with the comparative grammar of Slavic languages, and he took part in the process of joining the Circle of the Academy of Sciences. In addition, R. Nahtigal, as a member of the Commission of Slavists, gave lectures at the Moscow Archaeological Society.

Key words: Russian linguistics, stay in Russia, R. Nahtigal, Jagić's letters, slavistics

Rajko Nahtigal – portret klasičnega slavista

Neža Zajc

Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Ljubljana

Prispevek prek različnih gledišč prikaže tako raziskovalno kot biografsko pot Rajka Nahtigala kot enega poslednjih »klasičnih slovanskih filologov«. Predstavljene so različne metode, s katerimi je obravnaval slovansko pismenost od začetkov do časov razvoja slavistike kot znanosti, ki segajo na področja kulturne zgodovine, sociolingvistike, liturgike, literarne zgodovine in poetike slovanskih književnosti. Kot take presegajo ozko lingvistično obravnavo in zaradi njih so Nahtigalove študije še danes aktualne ne le za raziskovalce starocerkvenoslovanske pismenosti, temveč tudi za preučevalce ostalih slovanskih jezikov in književnosti. V pričujočem besedilu so tudi prvič objavljeni nekateri rokopisni odlomki korespondenčnega gradiva, ki deloma osvetlijo tudi poglobljeno osebnost Rajka Nahtigala.

Ključne besede: starocerkvenoslovanščina, ruščina, stara slovenščina, slovanska filologija, stare verzne molitve, Brižinski spomeniki, sveta brata Ciril in Metod

Uvodne besede

Kakor je bil Izmail Ivanovič Sreznjevski prvi ruski profesor slavistike, tako je bil Rajko Nahtigal prvi profesor slovanske filologije na ljubljanski univerzi. V svojem univerzitetnem in znanstvenem delu je združeval znanje slovanskih jezikov s klasično filologijo. A če je Vatroslav Jagić *Zgodovino slovanske filologije* zasnoval po načelu sistematičnosti, kritičnosti in enciklopedičnosti, ki naj bi »verodostojno odražalo /.../ sodobno stanje znanosti z vsemi njenimi luknjami in pomanjkljivostmi« (Jagić 1910:V), je Rajko Nahtigal svoj pregled slovanske filologije vpel v metodološko zgoščeno študijo, s katero je dojemanje slovanske filologije uvrstil ob ideje najstarejših grških mislecev o jeziku, kot so bili Sokrat, Platon, Eratosthénes in Homerjev komentator Aristarh (Nahtigal 1949:5–6). Na ta način je začrtal tisto klasično razsežnost slovanske filologije, h kateri bi slednja morala težiti, in ki jo je raziskovalec pogrešal kot nujno podstat slehernega ožjega jezikoslovnega preučevanja na področju slovanske pismenosti. Slednja bi se skupaj s tradicijo dunajske šole namreč morala gojiti tudi v slovenskem prostoru. Nahtigalova prizadevanja dokazujejo, da je bil vtis, da klasična slovanska filologija izumira, ne le v slovenskem prostoru ampak v znanstveni slavistiki nasploh, pravzaprav vedno prisoten (prim. Kolarič 1948:100).

Brižinski spomeniki in Sinajski evhologij

Pristop k slavistiki in preučevanju najstarejših spomenikov more biti ponazorjen z razdelitvijo raziskovalcev *Brižinskih spomenikov*, ki jo je nazorno opravila Martina Orožen, v dve skupini, med katerimi je uvrstila v drugo, nazorsko širšo in znanstveno temeljitejšo skupino naslednje tri slaviste, Franca Grivca, Aleksandra Vasiljeviča Isačenka ter Rajka Nahtigala (Orožen 1996:21, 22). Omenjenim slavistom pa je bilo skupno več kot to, da so bili vsi trije rusisti, filologi in slavisti – njihove študije so se dopolnjevale v točno določeni obravnavi *Brižinskih spomenikov*, in sicer v opazovanju, ki je vključevalo kulturnozgodovinsko, sociolingvistično in nazorsko-teološko razsežnost. Podobno kot pred njimi že J. Kopitar in F. Miklošič so vsi trije slavisti s svojimi raziskavami potrjevali stik *Brižinskih spomenikov* in ciril-metodovske dejavnosti v Panoniji (Orožen 1996:22). Tako kot I. Grafenauer sta tudi Rajko Nahtigal in Franc Grivec pokrajino delovanja Cirila in Metoda opredelila kot Panonijo skupaj s Karantanijo, ki je kot taka predstavljala enotno misijonsko področje (Orožen 1996:24) širjenja nove slovanske liturgije.

Vendar je A. V. Isačenko preveč razburil slovenske slaviste s sporno izdajo *Brižinskih spomenikov*, da bi bil njegov znanstveni domet neoporečen, prav tako Franc Grivec s svojimi teološko-patrističnimi študijami ni nikdar povsem ustrezal kriterijem tedanjih slovenističnih raziskav,¹ medtem ko je Rajko Nahtigal s historično dosledno² metodo pritegnil pozornost slavistične javnosti še desetletja pozneje tudi zato, ker je s svojimi razpravami odpiral vprašanja in teme, ki so vezana bodisi na vsebinske in tekstološke raziskave bodisi na zgodovinske (sociološko-politične), kanonične (cerkvenopravne) in zgodovinsko-liturgične raziskave. Poleg tega je Nahtigal (v nasprotju z Isačenkom in Grivcem) s svojo metodo sistematičnega raziskovanja jezika *Brižinskih spomenikov*, s katero je nadaljeval nedosledno izpeljana opažanja Stanislava Škrabca, zgolj še poudaril slovenski značaj *Brižinskih spomenikov* (Pogorelec 1977:389, 390, 293).

Z etimološko-filološkim pristopom, ki je morda najbolj očiten v treh razpravah, objavljenih pod skupnim naslovom *Starocerkvenoslovanske študije*, v katerih je

1 Vredno je poudariti, da sta se tako R. Nahtigal kot tudi F. Grivec zavedala medsebojnih strokovnih navezav in dopolnjevanj, kar je pomembno gradilo ne samo njuno znanstveno informacijo, temveč tudi širšo sporočilnost njihovih slavističnih študij. Nahtigal je na primer Grivčevo teološko-patristično metodo v slovanski filologiji imenoval kar nova »šola« (prim. Nahtigal 1942:108), upošteval pa je tudi Grivčev prevod kritičnega mesta v Metodovem Žitju (Nahtigal 1949:30, op. 75). Grivec je navajal Nahtigala kot enega redkih izmed svojih slovenskih somišljenikov: »Vsi poznavalci stare cerkvene slovanske književnosti od Vostokova do Jagića, Lavrova in Nahtigala soglašajo, da so frisinškim spomenikom vtisnjeni sledovi cerkvene slovanščine.« (Grivec 1942:9.)

2 V tem pogledu je povedno navesti besede A. V. Isačenka, ki je v pismu F. Grivcu 16. 11. 1947 omenil, da se mu zdi Nahtigalova knjiga *Ruski jezik* (verjetno gre za izdajo, ki jo je Nahtigal skromno naslovil *Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči* /Nahtigal 1946/) »preveč historična« (pismo je deloma objavljeno v Zajc 2015:43). Prim. tudi Derganc 2002.

Nahtigal pokazal na izposojenke iz starovisokonemščine v stari moravsko-panonski krščanski terminologiji (Nahtigal 1936:11, 14–15), je ostal spoštovana stalnica mednarodne slavistike ne samo prek navezovanj na njegove raziskave, temveč so njegove metode postale predmet ponovnih preučevanj, novega navdiha in spodbud za odkrivanje novih vprašanj ter razreševanje težav, povezanih z najstarejšo slovansko pismenostjo. V izdaji in spremni študiji *Sinajskega evhologija* je predstavil trdne dokaze za črpanje izrazov in besednih zvez pri prevodu svetobavarske molitve (Pentkovski 2014:76), in sicer v molitvi ob »Vstopu v cerkev«, kjer je našel sledi besednih zvez iz panonsko-karantanskega jezika in jezikovnega območja, ki jih je mogoče opazovati tako v tretjem *Brižinskem spomeniku* kot tudi v *Sinajskem evhologiju* (Nahtigal 1942, 2:209). Prav liturgični značaj *Brižinskih spomenikov*, na katerega nujnost preučitve je opozoril Nahtigal, je namreč tisto področje, ki še danes ostaja nedorečeno in kot tako predmet številnih tujih raziskav (Pentkovski 2014:38), saj dokazuje zlasti soobstoj takratnih sočasnih različnih cerkvenih središč v procesu pokristjanjenja podalpskih etničnih območij. Vsebinski opis M. Smolika v zadnji izdaji BS (Smolik 2004:15), ki je resda za vodilo upošteval Nahtigalovo pobudo za podrobnejšo raziskavo arhiva freisingškega škofa Abrahama, danes več ne zadošča docela, saj zahteva dopolnitev o dokončni opredelitvi vloge in pomena, ki ju je tedaj imelo bogoslužje v slovenščini kot ljudskem jeziku za krst, izpoved grehov, osnovne molitve Credo in Očenaš ter za patristične homilije oziroma poučno-katehitične govore med mašo (Pentkovski 2014:36; Zagiba 1971:104–124). Popis posameznih enot (vsega skupaj 73, od tega jih ostaja 26 še neraziskanih) latinskega kodeksa, ki naj bi bil last škofa Abrahama, pa kaže na nekatere dogmatično-bogoslužne izpostavke, ki so bile tedaj močno zastopane in aktualne tudi v tradiciji Vzhodne cerkve. Na tem mestu bi omenili le nekaj vsebin, ki bi terjale strožjo,³ predvsem natančnejšo kulturnozgodovinsko osvetlitev v stoletju, ki je neposredno sledilo problematičnemu 9. stoletju, ko sta ne samo Ciril in Metod utemeljevala legitimnost slovanske liturgije, temveč so cerkev prevevali najostrejši teološko-dogmatični spori med Vzhodom in Zahodom, ki so vodili do razkola leta 1054. Med njimi so naslednji: odlomek govora o ključnem vprašanju izhajanja Svetega Duha (prim. »govor o prihodu«, Smolik 2004:13), ki je z latinskimi dodatkom k osnovnemu veroizpovednemu obrazcu »Simbolu vere« (lat. Credo), kontroverznem lat. filioque, v začetku 9. stoletja (Siecinski 2010:95), in posledičnem izpostavljanju liturgičnega pomena epikleze v Vzhodni cerkvi bistveno zamajalo krščansko enotnost; vez (omemba) s cerkvenim delovanjem Leona I., pomembnim za poznejši bizantinski teološki jezik (na primer v hagiografsko-kronikalnem opusu Simeona Metafrasta, gl. *Metaphrastes* 1971:50–52),

3 Žal podrobnejša obravnava presega okvir tega prispevka.

pogosto citiranim tudi v starocerkvenoslovanski pismenosti istega časa, kakor se beleži nastanek Brižinskega kodeksa v slovenščini; besedilo o izobčenju (anate-mi), v freisingškem kodeksu še nedatirano in anonimno, prav tako pomembno v vzhodni pravoslavni dogmatični tradiciji; govor za praznik Jezusovega Darovanja v templju, istovetnim z Marijinim očiščenjem, praznikom, ki se je v Rimu za časa Cirila in Metoda obhajal v cerkvi Santa Maria Maggiore (Leksikon 1979:495), kjer sta sveta brata leta 868 prvič vodila bogoslužje v slovanskem jeziku po tistem, ko je papež Hadrian II. blagoslovil slovanske bogoslužne knjige (Grivec 1927:61). Ta kanonična norma se je nahajala v vsebini pisma rimskega pontifikata slovanskim knezom Rastislavu, Svetopolku in Koclju, kot se to omenja v razširjeni redakciji slovanskega prevoda tega besedila (Lavrov 1930:73–74). Rajko Nahtigal je bil torej tisti, ki sicer medsebojnega – izključno jezikovnega – stika med fonološko razmeroma doslednim zapisom cirilo-metodovskega jezika in glasoslovno ohlapnim zapisom jezika Brižinskih spomenikov ni mogel niti ni hotel zanikati, zato pa se je zaradi tovrstnega spornega dotikanja obeh tedaj nastajajočih tradicij (tako kontinuitete slovenskega obrednega jezika, ki je vplivala na nadaljnjo vzpostavitev pesniške tradicije (Mikhailov 2001:57), kot tudi vse nadaljnje zgodovine starocerkvenoslovanske tradicije) toliko bolj zavedal pomembnosti razrešitve tega stika, kakor ga le-ta ima za slovensko kulturno, jezikovno in slovstveno zgodovino (prim. Pogorelec 1977:398). V znanstveni izdaji *Sinajskega evhologija* je Nahtigal izpostavil, da ena spovedna molitev v spovednem obredu predstavlja starocerkvenoslovansko predelavo moravsko-panonskega prevoda starovisokonemške spovedne molitve, ki je razvidna tudi v tretjem Brižinskem spomeniku, medtem ko je v isti obred vključena homilija Klimenta, ki izpričuje močno navezanost na drugi Brižinski spomenik (Nahtigal 1941:XXV). Danes še vedno nepojasnjena povezava med *Sinajskim evhologijem* in *Brižinskimi spomeniki* je Nahtigalu pomenila izhodišče za nadvse zanimivo osvetlitev neke razsežnosti slovenske kulturne zgodovine, ki sicer ni imela nadaljevanja, pomembno pa opredeljuje položaj slovenščine znotraj kompleksne zgodovinsko-politične situacije na prehodu iz 10. v 11. stoletje, ko so bili zapisani tako *Brižinski spomeniki* kot tudi *Sinajski evhologij*. Nahtigalova izdaja *Sinajskega evhologija*, ki sicer ne zadošča oznaki kritične izdaje, predstavlja še danes temeljno razpravo za vsakega primerjalnega slavista in preučevalca najstarejše slovanske pismenosti. S to izdajo je bila »postavljena nova panonska teorija eksistence nekega starocerkvenoslovanskega (v ožjem smislu) karantansko-panonskega pismenstva pred starocerkvenoslovanskim na Moravskem in v Panoniji« (Nahtigal 1941:XXV). Že omenjena hibridna spovedno-molitvena praksa, ki je deloma prevedena iz nemščine deloma dopolnjevana s slovanskim prevodom latinskega penitenciala (Nahtigal 1942:177–244, 319–330),

je bila umeščena v Sinajski evhologij zaradi zgodovinsko-političnih okoliščin in ne odraža narave spomenika v celoti, saj ta vsebuje molitve osebnega in skupnega bogoslužja bizantinskega obreda (Pentkovski 2014:88–89).

Da bi поблиže mogli razumeti načela in sredstva raziskav nekaterih slavistov, se je Rajko Nahtigal zavedal, da ni pomembno zgolj golo sprejemanje njihovih dosežkov, temveč tudi seznanjenje z njihovimi raziskovalnimi smernicami in pobudami. Nahtigal je namreč izhajal tudi iz premise, ki jo je zapisal tik pred zaključkom *Uvoda v slovansko filologijo*:

»Vsako vedo pa mora spremljati seveda tudi kritično usmerjena zgodovina vede. Tako mora tudi zgodovina slovanske filologije predstaviti njen postanek in razvoj v vsem njenem sistemu, reševanje in naraščanje problemov, podprto in pojasnjeno z biografskimi in bibliografskimi podatki. A viri so ji ne le študij znanstvenih del, temveč tudi življenjepisi znanstvenih delavcev in z obojimi v zvezi tudi njihove korespondence, katere so zlasti za prvo dobo slovanske filologije prvovrstne važnosti in katerih izdaja se stalno večja.« (Nahtigal 1949:50.)

K Nahtigalovi metodi

Ozadje Nahtigalovega dela more biti zato približano tudi s podatki iz znanstvenikove osebne korespondence in biografije, s katerimi bomo dopolnili popis Nahtigalovih korespondentov iz leta 1977 (Jakopin 1977:119–135) z namenom, da bi pokazali širino raziskovalčeve osebnostne poglobljenosti v slovanske študije. Gotovo je Nahtigalovo študijsko in akademsko pot najbolj zaznamovalo bivanje (med letoma 1900 in 1902) v Rusiji, kjer je svojim raziskavam našel podlago in recepcijski kontekst, pa tudi ploden odziv, saj je kmalu pridobil svoj zvesti krog bralcev in tudi poslušalcev. V Moskvi in Peterburgu je namreč imel niz predavanj, ki so bila dobro obiskana. Tam se je seznanil z vodilnimi ruskimi slavisti, s katerimi je ohranjal stike vse svoje življenje predvsem prek pisemskih vezi. V Rusiji pa je Rajko Nahtigal izoblikoval tudi svojo strokovno precizacijo, in sicer usmeritev v slovansko filologijo, ki je odtlej postala njegova specializacija.⁴ Leta 1902, ko je Jagić dobil naročilo sestaviti *Zgodovino slovanske filologije*, je bil Nahtigal kot mlad študent dunajske slavistike že dve leti njegov slušatelj in eden od njegovih najbolj zvestih učencev, ki je v svojih raziskavah zaobsegel tudi južnoslovanske razsežnosti slovanske filologije. Istega leta je Nahtigal namesto Matije Murka, ki je odšel za univerzitetnega profesorja v Gradec, na Dunaju dobil mesto učitelja ruščine na Zavodu za vzhodne jezike, docenta za ruski jezik na Ekspozitni akademiji ter lektorja ruščine v okviru Seminarja za zgodovino vzhodne Evrope in Seminarja za slovansko filologijo. Leta 1913 je postal profesor in bil istega leta imenovan

⁴ V Rusiji še danes ni slavistov kot absolventov izobrazbe posebne smeri, temveč so za slaviste imenovani tisti filologi, ki so specializirani za slovanske jezike oziroma za katerikoli slovanski jezik.

za izrednega profesorja slovanske filologije s posebnim poudarkom za slovenski jezik in književnost na Univerzi v Gradcu.⁵ M. Murku, ki ga je Rajko Nahtigal v pismih nagovarjal z »mnogospoštovani gospod profesor« in je zanj predstavljal tudi založnika (urednika, izdajatelja), je v pismu z Dunaja, 21. januarja leta 1913, naslovljenem v Gradec, pisal o svojem delu, povezanem z obsežno razpravo (»prek sto tiskovnih strani«) o glasoslovju ruskega jezika, ki je izšla šele skoraj desetletje za tem (Nahtigal 1922). V tem pismu je Nahtigal – tako se zdi – razkril tudi pomembno raziskovalno metodo, ki je že tedaj vzbudila zanimanje V. Vondráka:

»Zakasnilo je pisanje tudi to, da so se mi vedno novi rezultati pojavljali v perspektivi. O njih sem pravil mej dr. prof. Vondráku, ki se mu zdijo zelo zanimivi. /.../ Gotovo pa se je moja stvar tako razrasla, da bi prav lahko izšla v treh delih: 1) naglas pri oblikah 2) v besedotvoritvi in 3) občeslovanski del. Prvi del, ki bo obširen in bo imel precej novih rezultatov, boste imeli že v febr. gotovo v rokah, da, morda že tudi drugi, le tretji si bom prihranil za pozneje.«⁶

V Nahtigalovem raziskovalnem opusu se je ta način analitičnega opazovanja pozneje izčistil v metodo primerjalne lingvistične rekonstrukcije, na podlagi katere je postalo mogoče združiti raznoliko lingvogenetsko podlago treh verznihs starocerkvenoslovanskih spomenikov (Azbučna molitvena pesnitev z akrostihom pred predgovorom k razlagam nedeljskih evangelijev; Proglas svetemu evangeliju na začetku tetravevangelija; Pohvala carju Simeonu).⁷ V temeljni razpravi *Rekonstrukcija treh starocerkvenoslovanskih izvirnih pesnitev*, ki jo je dokončal med drugo svetovno vojno leta 1942, je namreč Nahtigal postavil metodološko nove smernice interpretacije besedil starocerkvenoslovanske pismenosti, ki so bile ključne tudi zaradi povsem individualnega pristopa k opazovanju jezikovnega gradiva. Zato je vredno omeniti Nahtigalovo presežno skromnost v razmerju do lastnih raziskav in dognanj, s katero je premagoval tudi dosežke svojih učiteljev in s tem uresničil lastno trditev, da »individualnemu obvladovanju kakršne koli vede niso stavljenе seveda nikakršne meje« (Nahtigal 1949:51). V tej razpravi je sicer izhajal iz preteklih študij tujih slavistov, vendar je svoje razglabljanje osnoval na rokopisnih virih ter samovoljno izbranem kriteriju vrednotenja. Na ta način je Nahtigal zmoget dokazati trdnejše osnove tako ustvarjalnosti, ki se odraža v najstarejših slovanskih spomenikih, kot tudi poetoloških načel prvih besedil starocerkvenoslovanske pismenosti, s čimer je v mnogem zamajal pretekle in poznejše poskuse zavrnitve izjemnosti in literarne dovršenosti prvih spomenikov, pripisanih neposredno svetima bratoma Cirilu in Metodu ter njunim učencem. Poleg tega je potrdil tesnejšo vez z bizantinsko patristično

5 <http://www.slovenska-biografija.si/oseba/sbi384232/>, vpogled 31. 3. 2018.

6 Narodna univerzitetna knjižnica v Ljubljani: rokopisni oddelek: Ms 1392, zapuščina Matije Murka, mapa VII/1: korespondence.

7 Pri navajanju vprašanje avtorstva namenoma puščamo ob strani, saj je v znanosti izzvalo nedokončane polemike.

mislijo Gregorija Nazianskega (Nahtigal 1942:11, 48) in Janeza Damaščana (Nahtigal 1942:87) ter njeno recepcijo utemeljil prav tako z metričnim načelom (in odstopi od le-tega, ki jih je raziskovalec razumel kot nedvomne ‚licentias poeticas‘), pri čemer je imel odločilno vlogo fonetični ustroj glagolice (Nahtigal 1942:24) v nasprotju z latinskimi črkami, ki te sposobnosti za slovanske jezike niso imele. S tem je Nahtigal ne le dokazal nesporen ritmično-riman značaj najstarejših slovanskih besedil, tako v slovenščini kot tudi v starocerkvenoslovanščini, temveč je z opredelitvami redkih poetskih sredstev, načinov in izrazov, kot so na primer palilologija, muzikalni naglas, molitveni zaključek, pokazal tudi na razmeroma nespremenljiv in arhaičen metrični sistem ter s tem ustvaril podlago za sleherno nadaljnje premišljevanje o poetiki starocerkvenoslovanske pismenosti. V tem pogledu je s to študijo Nahtigal postavil temelje preučevanja staroslovanske pismenosti kot nabožne književnosti, saj je opozoril na njeno umetelnost, premišljenost in globljo sporočilnost. Namen in obzorje starocerkvenoslovanskega izraza sta se tako z Nahtigalovo razpravo naenkrat neogibno razširila (s teologije, zgodovine in liturgike) še na poezijo, filozofijo in mistiko – vse preučevane seveda v nujni sopostavitvi z bizantinskim duhovnim in zgodovinskim izročilom, ki je šele omogočilo dokončno ovrednotenje osamosvojenega slovanskega (knjižnega, literarnega) izraza, rabljenega v obliki molitvenih hvalnic, evokacij in posvetitev. Tega ni pred njim v tako sintetični obliki in s tako nedvoumnimi trditvami med slavisti izrazil nihče. Nahtigal se je bržkone zavedal, da piše prvo retoriko prve starocerkvenoslovanske ustvarjalnosti.

V pismu z dne 4. aprila leta 1913 je Nahtigal Murku poročal, kako napreduje z delom in ob tem zagovarjal svojo metodo celostne in podrobne obravnave jezikovnega gradiva. V zaključku omenja, da mu edino zadovoljstvo predstavlja vest o tem, da je njegove izsledke navajal V. Jagić v svoji novi razpravi:

»Te dni mislim končati substantive, kar je pač glavni del – saj adjektivi in konjugacija ne zavzamejo toliko prostora. Napisanih je za tisk okrog 150 strani celopolnih strani ter je poleg po možnostih popolnega materiala tudi v veliki vrsti najrazličnejših podrobnosti mnogo novega. J. prof. Reiterja sem v daljšem razgovoru zainteresiral. /.../ Lahko si mislite, kako bi si iz vseh ozirov želel po mogočnosti čim prej dati v tisk potrebni zaokroženi kvantum svojega dela. Gotovo bi bil lahko, kakor Kul'bakin, zbral le nekaj vidnih stvari in o njih govoril, ali to ni bilo od samega početka moja namera. Kajti za mojo svrhu se je hotelo pregleda črez čim več materiala. Tudi Iv. Prijatelj in Fr. Kidrič, ki mu tudi, kakor je pravil, neče prav spešno iti delo od rok, mi svetujeta, naj se osebno pogovorim z Vami. Ali ne bi bilo mogoče dati takoj substantive v tisk, pa bi v tem času pribavil še ostalo iz oblikoslovja, mej tem ko bi besedotvoritev izšla v drugem zvezku? /.../ Veselilo me je zadnje čase, da je Jagić v celem večjem odstavku svoje nove ‚Entstehungsgeschichte‘⁸ uporabil mojo rusko razpravo, ki mu služi tam za podlago. Pa to boste pač sami najbolje razsodili.«⁹

8 Verjetno gre za razpravo V. Jagića *Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache*. Najprej je izšla v dveh delih, ki sta kmalu pošla, zato se je avtor odločil za razširjeno izdajo (gl. Sturm-Schnabl 2004:34, op. 30).

9 Narodna univerzitetna knjižnica v Ljubljani: rokopisni oddelek: Ms 1392, zapuščina Matije Murka, mapa VII/1: korespondence.

Roman Osipovič Jakobson je šele leta 1953 pisal Francu Grivcu, da za svoje nadaljnje raziskovanje nujno potrebuje Nahtigalovo razpravo *Rekonstrukcija treh starocerkvenoslovanskih pesnitev* (Zajc 2017:249). Prav tako se je Jakobson zavedal, da ne more prek Nahtigalove izdaje in prevoda *Besede o pohodu Igorjevem*, ki je izšla v celoti leta 1954 in ki predstavlja Nahtigalovo delo poznih let (prim. tudi Derganc 2002, 2007). Zdi se torej, da je Jakobson, ki je v Ameriki v okviru seminarja pravoslavnega Inštituta svetega Vladimirja načrtoval niz predavanj o svojih dolgoletnih izsledkih glede izvornosti tega prvega staroruskega spomenika, Nahtigalovo izdajo upošteval bolj kot tedanje ruske interpretacije. Tako je Rajku Nahtigalu tudi posvetil svojo razpravo *Verzni citati v velikomoravski hagiografiji*, v kateri se je navezoval na njegovo študijo *Rekonstrukcija treh starocerkvenoslovanskih pesnitev*, objavljena pa je bila v *Slavistični reviji* leta 1957 (Jakobson 1985:285). To Nahtigalovo ključno razpravo je Jakobson upošteval tudi pri lastni izdaji (objavi) Konstantinovega Prologa k Evangelijem, zlasti glede oznak razdelitve verzne vrstice na pet zlogov (enojna razdelitev: /), po njih pa cezuri ter s cezuro po sedmem zlogu (dvojna razdelitev: //), kot je to eksplicitno tudi navedel (Jakobson 1985:198). Nepogrešljiv je bil Nahtigalov prispevek še pri Jakobsonovih razpravah *Drobni domačijski viri za slovansko cerkveno zgodovino* (*Minor Native Sources for the Early History of the Slavic Church*), ki je bila posvečena Franciscu Dvorniku in objavljena v reviji *Harvard Slavic Studies* leta 1954, ter pri temeljni Jakobsonovi razpravi z naslovom *Srž primerjalne slovanske književnosti* (*The Kernel of Comparative Slavic Literature*) (Jakobson 1985:35, 186).

Naravnost imenitno se zdi, da je študije Rajka Nahtigala navajal v prid lastni argumentaciji že knez Nikolaj S. Trubeckoj, ta začetnik kritične slovanske primerjalne fonologije in med drugim tudi mentor pri doktorski disertaciji A. V. Isačenka, ko je razpravljal *O odrazih splošnoslovanskega nosnika ě v češčini*. Čeprav se je Trubeckoj v tej razpravi v opombi skliceval tudi na Ramovševo *Historično gramatiko slovenskega jezika* (I), je Nahtigalova referenca zanj predstavljala vezni člen v vmesni navidezni zastranitvi, ki jo je avtor potreboval za utemeljitev diskurzivne sposobnosti lingvističnega mišljenja: na ta način je pokazal na daljnosežnejši pomen Nahtigalovih raziskav, v katerih je našel tiste obrobne notice, ki so jezikoslovje odpirale drugim vedam oziroma so vzpostavljale osnove za širitev raziskave v literarne vede, sociolingvistiko in semiotiko. Takole pravi N. S. Trubeckoj, ki je izhajal iz svoje ugotovitve, da niti najstarejša slovanska abeceda niti primeri najstarejših izposojenk ne potrjujejo teze o obstoju nazaliziranih/nosnih samoglasnikov v slovanskih jezikih, obstajajo le sledi v primerih iz laških jezikov (severnomoravska narečja češčine): »K temu se pridružuje še vtis, da /.../ razdelitev nosnega zloga na ‚čisti samoglasnik + nosni soglasnik‘, še posebej pred

zvenečimi obstaja, čeprav, seveda, more biti dopuščena tudi fiziološka razlaga« (Trubetskoy 1988:214–215), pri čemer je navedel navezavo na Nahtigalovo razpravo *Freisingensia II. Zastopniki prvih slovanskih nosnih samoglasnikov v brižinskih spomenikih* (Nahtigal 1915:90).

Nahtigalovo delovanje v Ljubljani

Nahtigal se ni nikdar oddaljil od kritične šole graške in dunajske slavistike, saj je bil najprej leta 1917 sprejet za rednega profesorja na Univerzi v Gradcu in šele dve leti za tem, leta 1919, postal tudi redni profesor na tedaj mladi Univerzi v Ljubljani, kjer je predaval splošno slovansko filologijo s staro cerkveno slovanščino. Janku Šlebingerju je Rajko Nahtigal pisal prijateljska pisma, v katerih se je podpisoval kot »Rajko Slavec«. Kljub familiarnemu tonu je J. Šlebingerju Nahtigal tedaj že kot predsednik Znanstvenega društva za humanistične vede in kot vodja Seminarja za slovansko filologijo iz Gradca pisal v Ljubljano o zadevah, ki so ga notranje najbolj zadevale, saj so se dotikale njegovih raziskovalnih zanimanj. S Šlebingerjem, ki je Nahtigalu med drugim kolegialno svetoval glede rabe starih narečnih izrazov (Nahtigal 1936:49, 51), sta si medsebojno pomagala tudi v obliki različnih priporočil za določene izdaje knjig. Iz pisma z dne 21. 12. 1911 izvemo, da je Nahtigal načrtoval tudi povsem literarni zapis o slogu L. N. Tolstoja, ki naj bi bil objavljen v Zvonu. Že leta 1912 je Šlebingerja prosil za priporočilo o Krajncjevi izdaji Valvazorjeve *Slave vojvodine Kranjske*. V pismu z dne 13. junija leta 1918 mu je poročal tudi o uredniških zadregah glede izdaj historičnih slovanskih jezikovnih vsebin, na primer Štrekljevih predavanj. Nahtigalovo pismo je predstavljalo priporočilo za nadaljnje možnosti objave v Ljubljani:

»... da bi mariborsko zgodovinsko društvo, kjer sem tudi v odboru, izdalo Štrekljeva predavanja o zgodovinski slovenski slovnici. Ima pa pri tem precejšnje težave. Kar je zopet umevno, saj zgodovinsko društvo res ni kompetentno izdajati take knjige, pa si tudi dr. Slomšek ne privaja nepotrebne poklicanosti, postati redaktor izdaje. Od neke ali celo nekih strani, posebno še ljubljanske Tiskovne zadruge se je odboru svetovalo, naj se pobriga, da izda knjigo Matica. Tudi jaz sem mnenja, da bi to lepo lahko spadalo v delokrog Matičin, ki bi s tem pokazala tudi dobro pieteto do pokojnika ter mu tako poskrbela še za nov literaren spomenik. Da bi bil naš jezikoslovni Časopis tako daleč, da bi lahko mislilo tudi že na izdajo nameravanih posebnih znanstvenih knjig, bi kratko malo priložil izdajo per nas. Ali naše strogo znanstveno podjetje ne uživa pri našem provincijalno izobraženem svetu tiste popularnosti /.../ Za redaktorja tiska bi imeli sedaj v Ljubljani kot nalašč privatnega docenta dr. Fr. Ramovša.«¹⁰

Ob 80-letnici V. Jagića je iz Gradca pisal Šlebingerju o svojem prispevku za Ljubljanski zvon:

10 Ms 1431, mapa VII: korespondenca.

»Sedaj pišem za Lj. Zv¹¹ (so me že zopet ujeli in napregli) o Jagičevi 80-letnici. Ali meni je to lažje pisati nego kateremu koli drugemu. Koliko je tu treba takta in treba pazljivosti si ne smem ponavljati le za drugimi itd. itd.! Brskati sem moral za svojimi pismi od njega, brati tudi dostopno že korespondenco njegovo idr. Torej stvar napravlja več posla, nego si more misliti.«¹²

S svojim učencem Franom Ramovšem je imel Rajko Nahtigal pristen prijateljski in obenem spoštljiv odnos, zavedal pa se je tudi Ramovševe interesne prioritete, ki jo je predstavljal ljudski jezik (Nahtigal 1955/1956, 239). Čeprav je bil mojster knjižne slovenščine, se je Nahtigal z namenom nove raziskave ter vračanja vrednosti predhodnikom slavistom edinstveno lotil tudi obravnave jezika ljudskega izročila na primeru ljudske baladne pesmi *Mlada Breda*. Nahtigal je opozoril na vse slovenske in južnoslovanske različice (hrvaške) ter izdaje (dve glavni redakciji) (Nahtigal 1940:32–36), obenem pa poudaril vrednost tiste *Mlade Brede*, ki jo je izdal Izmail Ivanovič Sreznjevski in jo med drugim tudi zelo pravilno žanrsko označil kot baladno. Celo več, Nahtigal je pokazal, da je slednjo različico upošteval tudi France Prešeren pri iskanju adekvatnega slovenskega molitvenega jezika, ki ga je predal v verzih najlepšega elegičnega zaključka *Krsta pri Savici*, iz ust Bogomile (prim. Zajc 2017:81–82). Sreznjevskemu je potemtakem Rajko Nahtigal skušal vrniti tisti pomen prvega preučevalca originalnih rokopisnih virov, začetnika primerjalne slovanske leksikologije ter historične gramatike ruskega jezika (Nahtigal 1949:23), ki ga je V. Jagić deloma okrnil (Jagić 1910:468). Strogo razumsko sprejemanje dosežkov prejšnjih slavistov, Jagića in Miklošiča, pa je Nahtigala pravzaprav že od začetka vodilo v nezmotljivi smeri odkrivanja natančnih robov med staro slovenščino in pisemskim izročilom starocerkveno-slovanščine. Ne preseneča tudi, da je Nahtigal v zadnjih letih ustrezno nastopil nasproti zmedi glede fonetičnih pravil izgovora, ki naj bi se uvajala v slovenski jezik prek šolskih učbenikov: opazil je mešanje navodil za izgovor dvoustničnega ‚u‘ in dvoglasniškega ‚w‘, ki sta se v strokovni literaturi sicer že dalj časa deloma zamenjevala (Škrabec, Breznik, Kolarič), vendar pa slednje ni moglo biti predmet razprave v šolskih učbenikih (Nahtigal 1955/1956:237–239).

Velja omeniti tudi Nahtigalova pisma Mirku Ruplu kot tedanjemu upravniku ljubljanske Narodne univerzitetne knjižnice, ki jih je pisal dve leti pred smrtjo, v katerih se je močno razburil. Najbolj ga je vznemirilo, da se je izgubilo besedilo njegovega govora, ki ga je imel še kot doktorski študent (»cand.phil.«) na Dunaju, na slavnostni prireditvi vseh slovanskih dijaških društev, leta 1900, ob stoletnici Prešernovega rojstva. Besedilo je bilo sicer objavljeno v Ljubljanskem zvonu, vendar ta različica »ne zadošča, ker je ‘veliki liberallec’ Aškerc izpremenil mesto o požigu pesmi ob času

11 Seveda je mišljen Ljubljanski Zvon.

12 Prav tam.

Prešernove smrti«, izvornik pa je Nahtigal podaril Prešernovemu muzeju, ko je ta še nastajal. Nahtigal je vztrajal, da se mu vrne njegov rokopis, ki je »bliže resnici«. V pismu z dne 11. aprila leta 1956 je ugotavljal malomarnost univerzitetnih delavcev in akademikov, saj se je njegov rokopis znašel med zapuščino Franca Kidriča. Pismo, naslovljeno na M. Rupla, je Rajko Nahtigal zaključil z ogorčenimi besedami:

»Prof. Kos pripominja, da je omenjeno gradivo Akademija po smrti prof. Kidriča prejela od vlade ne samo v neurejenem, marveč tudi v zelo okrnjenem stanju. Rad bi vedel, kdo je moj rokopis odzvel ali ga celo zavrzel. Smatram, da je to za mene, oprostite, kulturni škandal, da se tako postopa z gradivom, ki je bilo zbrano in podarjeno za Prešernov muzej. Ali so Vam kaj znana pota gradiva naprej iz Knjižnice?«¹³

Za zaključek

Še posebej se zdi pomembno, da je Rajko Nahtigal – kot novodobni lingvist – zmožl sintetično združevati diahrone in sinhrono raziskave, saj je dejavno spremljal na primer starocerkvenoslovanske sledi v tedaj sodobni ruščini, s tesno naslonitvijo na Šahmatova (prim. Derganc 2002). Prav tako mu niso ostale tuje obrobne redakcije »središčnega starocerkvenoslovanskega jezika« (opozarjal je na primer na valaško-moldavsko cerkvenoslovansko recenzijo, ki je bila vedno odrinjena na rob staroslovanskih študij /Nahtigal 1949:96/), ki ga je razumel kot »historičnega reprezentanta praslovanščine kot izhodišča« (Nahtigal 1949:51) ter v tem pogledu nenazadnje tudi kot »staroslovenski« jezik, kakor ga je poimenoval Fran Miklošič (Miklosich 1852:VI–VII), katerega misel in delo je v resnici Rajko Nahtigal nadaljeval. Oba (edina prava) klasična slovenska filologa sta namreč nadgradila in obogatila vsa prejšnja prizadevanja slavistov ter obenem poskušala zaobjeti historično strukturo vseh slovanskih jezikov (prim. Nahtigal 1949:19, 65, op. 43).

Usodo Rajka Nahtigala kot klasičnega slovanskega filologa naj sklenejo besede iz neobjavljenega nekrologa izpod peresa Bratka Krefta:

»Tudi njemu kakor Kopitarju ni dala posebne teže aktualna publicistika, saj je po ruski revoluciji 1917. leta objavil v Gradcu v neruščini članek 'Menševiki in boljševiki', 'Alpski Nemci in Slovenci', pozneje pa še v objavah doma (1919) razmišljanje 'Južnoslovansko-italijansko sporno vprašanje' in leta 1923 članek 'Vpliv ruske revolucije na ruski jezik' (Jutranje novosti 1923, str. 233-239). Tudi ti Nahtigalovi spisi, ki so jih izgovarjale takratne politične razmere, izrekajo z vsem njegovim delom o globokem Nahtigalovem slovenskem patriotizmu, hkrati pa o njegovem svetovljanstvu. S hvaležnostjo in priznanjem se ga spominjam še posebej kot vnetega soustanovnega člana in kot svojega prvega predsednika. Ne spominjam pa se ga le ob stoletnici njegovega rojstva¹⁴ marveč zmeraj in povsod, kadar je beseda o naših velikih znanstvenikih /.../

13 Mirko Rupel, Ms 1851, mapa II: pisma.

14 Slednja besedna zveza napotuje k sklepu, da je nedokončan Kreftov zapis prvotno nastal ob neki obletnici Nahtigalovega rojstva.

Med njimi vsekakor častno in trdno mesto zastopa tudi Nahtigal s svojim znanstvenim delom, nič manj pa kot človek plemenite nature, čigar delo ne izpričuje le vélikega slavista, marveč tudi humanista s tistimi etičnimi lastnostmi iz prvih časov slavistike in romantike, Herderja in Dobrovskega, ko je pomenila za vsakega dobronamernega in kulturnega človeka beseda Slovan toliko kakor človek, kar je pesniško najbolj in najlepše izpovedal tudi Prešeren v svoji Zdravljici. SLAVA IN ČAST NAHTIGALOVEMU DELU IN SPOMINU.«¹⁵

Literatura

Rokopisi

- Janko Šlebinger: Ljubljana, Narodna univerzitetna knjižnica, rokopisni oddelek:
Ms. 1431, mapa VII: korespondenca.
- Mirko Rupel: Ljubljana, Narodna univerzitetna knjižnica, rokopisni oddelek:
Ms. 1851, mapa II: pisma.
- Matija Murko: Ljubljana, Narodna univerzitetna knjižnica, rokopisni oddelek:
Ms 1392, mapa VII/1: korespondence.
- Bratko Kreft: Ljubljana, Narodna univerzitetna knjižnica, rokopisni oddelek:
Ms. 1820, mapa: nekrologi.

Babič, V. 2012: Cerkvonoslovanska ostalina na Slovenskem: Žitje sv. Gregorija, rimskega papeža iz Supraseljskega zbornika. *Slavistična revija* 60/1, 41–58.

Grivec, F., 1927: *Slovanska apostola sv. Ciril in Metod*. Ljubljana: Apostolstvo sv. Cirila in Metoda, Jugoslovanska tiskarna.

Grivec, F., 1942: *Zarja stare slovenske književnosti. Frisinški spomeniki v zarji sv. Cirila in Metoda*. Ljubljana: Ljudska tiskarna.

Derganc, A., 2002: Rusistika v delih R. Nahtigala. A. Derganc. *Historizem v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi*. Obdobja 18. Ljubljana: Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik pri Oddelku za slovanske jezike in književnosti Filozofske fakultete, 43–62.

Derganc, A., 2007: Novejši prispevki k polemiki o avtentičnosti Slova o polku Igoreve. *Slavistična revija* 55/1–2, 389–397.

Jakobson, R. O., 1985: *Selected Writings – Early Slavic Paths and Crossroads*. New York; London; Berlin: Walter de Gruyter.

Kolarič, R., 1948: Bibliografija prof. dr. Rajka Nahtigala. *Slavistična revija* 1, 99–105.

15 Ms. 1820, Nekrologi (Bratko Kreft).

- Lavrov, P., 1930. *Materialy po istorii voznikovenija drevnejšej slavjanskoj pis'mennosti*. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Trudy slavjanskoj komissii, I.
- Leksikon ikonografije, liturgike i simbolike zapadnog kršćanstva*, 1979. Zagreb: Institut za povijest umjetnosti Sveučilišta u Zagrebu.
- Jagić, V., 1910: *Istorija slavjanskoj filologii*. Sanktpeterburg: Tipografija imperatorskoj akademii nauk.
- Jagić, V., 1913: *Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache*. Berlin.
- Jakopin, F., 1977: Krog Nahtigalovih korespondentov – jezikoslovcev in filologov. *Nahtigalov zbornik ob stoletnici rojstva*. Slovansko jezikoslovje. Ljubljana: Univerza v Ljubljani, FF. XIII. Seminar slovenskega jezika, literature in kulture, 119–135.
- Jakopin, F., 1991: Iz spominov na R. Nahtigala in F. Ramovša. *Jezikoslovni zapiski* 1, 9–19.
- Mikhailov, N. 2001: *Jezikovni spomeniki zgodnje slovenščine. Rokopisna doba slovenskega jezika (od XIV. stol. do leta 1550)*. Trst: Mladika.
- Metaphrastes, S. 1971: *Die Chronik des Symeon Metaphrastes und Logothetes*. München: Wilhelm Fink Verlag.
- Nahtigal, R. 1915: Freisingensia. Doneski k razlagi jezika brižinskih spomenikov. II. Zastopniki prvotnih slovanskij nosnih samoglasnikov v brižinskih spomenikih. *Časopis za zgodovino in narodopisje* 12, 77–122.
- Nahtigal, R., 1922: *Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung. I. Substantiva auf Konsonanten*. Heidelberg: Slavica VII.
- Nahtigal, R., 1936: *Starocerkvenoslovanske študije*. Razprave znanstvenega društva v Ljubljani 15. Filološko-lingvistični odsek 3. Ljubljana: Učiteljska tiskarna.
- Nahtigal, R. 1940: Prezrta izdaja I. I. Sreznevskega slovenskih narodnih pesmi »Mlade Brede« in ziljskega »reja«. *Slovenski jezik* 3/1–2, 28–45.
- Nahtigal, R., 1941–42: *Euchologium Sinaiticum: starocerkvenoslovanski glagolski spomenik*, (Dela, 1; 2). Ljubljana: Akademija znanosti in umetnosti.
- Nahtigal, R., 1942: *Rekonstrukcija treh starocerkvenoslovanskih izvirnih pesnitev*. Razprave I. Filozofsko-filološko-historični razred. Ljubljana: Akademija znanosti in umetnosti (posebni odtis), 1–116.
- Nahtigal, R., 1946: *Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči*. Ljubljana: Državna založba Slovenije.
- Nahtigal, R., 1949: *Uvod v slovansko filologijo*. Ljubljana: Univerza v Ljubljani, Humanistični oddelek filozofske fakultete.

- Nahtigal, R. 1955–56: Neki fonetično napačni nauk v slovenskih slovnica. *Jezik in slovstvo* 1, 237–239.
- Miklosich, F., 1852: Vergleichende Lautlehre der slavischen Sprachen. Wien.
- Orožen, M., 1996: *Poglavja iz zgodovine slovenskega knjižnega jezika (od Brižinskih spomenikov do Kopitarja)*. Ljubljana: Filozofska fakulteta, Univerza v Ljubljani, Oddelek za slovanske jezike in književnosti.
- Pentkovski, A. M., 2014: Slavjanskoe bogosluženie v arhepiskopii svjatitelja Metodija. *Sancti cyrillus et Methodius et hereditas slavica litteraria DCCCLXIII–MMXIII*. Belgradi MMXIV: Institutum linguae serbicae academiae scientiarum et artium serbicae. *Paleoslavica et serbica antiqua* I, 25–102.
- Pogorelec, B., 1977: Nahtigalova Freisingensia v luči novejših študij. *Nahtigalov zbornik ob stoletnici rojstva*. Slovansko jezikoslovje. Ljubljana: Univerza v Ljubljani, FF. XIII. Seminar slovenskega jezika, literature in kulture, 375–389.
- Siecienski, E. A., 2010: *The Filioque. A History of a Doctrinal Controversy*. Oxford: Oxford University Press.
- Smolik, M., 2004: Vsebinski opis. *Brižinski spomeniki. Monumenta frisingensia*. Znanstvenokritična izdaja. Ljubljana: ZRC SAZU, 10–16.
- Sturm-Schnabl, K., 2004: Aktualnost Miklošičevega znanstvenega dela in misli. *Jezikoslovni zapiski* 10/2, 19–46.
- Trubetzkoy, N. S., 1988: *Opera slavistica minora linguistica*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Zagiba, F., 1971: *Das Geistesleben der Slaven im frühen Mittelalter: die Anfänge des slavischen Schrifttums auf dem Gebiete des östlichen Mitteleuropa vom 8. bis 10. Jahrhundert*. Annales Instituti Slavici 9. Wien-Köln-Graz: Böhlau.
- Zajc, N., 2015: Jezikovne etude, variacije in rime A.V. Isačenka. Ljubljana: Inštitut za civilizacijo in kulturo.
- Zajc, N., 2017: Izmail Ivanovič Sreznjevski, prvi profesor slovanskih jezikov v Rusiji. *Pogled od zunaj na slovenski jezik, prostor in kulturo*. Ljubljana: ZRC SAZU, 65–84.
- Zajc, N., 2017: Roman Osipovič Jakobson. *Pogled od zunaj na slovenski jezik, prostor in kulturo*. Ljubljana: ZRC SAZU, 219–252.

Summary: Rajko Nahtigal – a Portrait of Classical Slavist

This contribution through different perspectives shows both research and biographical path of Rajko Nahtigal as one of the last “classic Slavic philologists”. Different methods, with which he dealt with Slavic literacy from the beginnings to the development days, are presented. They deal with Slavic literacy from the beginnings to the development days,

which extend to areas of cultural history, sociolinguistics, liturgy, literary history and the poetics of Slavic literature, and as such exceed narrow linguistic treatment and for which Nahtigal's studies are topical not only for present researchers of Old Church Slavic literacy, but also for the examiners of other Slavic languages and literature.

The text also includes some manuscript passages of correspondence material published for the first time, which also partially illuminate the deepened personality of Rajko Nahtigal.

Key words: Old Church Slavonic, Russian, Old Slovene, Slavic Philology, Old Prayers in Verse, Freising Manuscripts, Saint Cyril and Methodius.

Imensko kazalo

A

Abicht, Johann Georg 126
 Abraham (škof v Freisingu) 377
 Adrian (papež)/Hadrian II./Адриан
 53, 378
 sv. Aleksander Nevski: св. Александр
 Невский 197–211
 Alferjev, Semjon: Альферьев, Семен
 197
 Anastasij Sinajski: Анастасий
 Синайски 83
 Anna Petrovna: Анна Петровна,
 великая княжна 200
 Antipas Pergamski: мч. Антипа
 Пергамский 199
 Aškerc, Anton 21, 384
 Ažbe, Anton 173

B

Bajec, Anton 40
 Baranov, Victor A. 63, 65
 Barić, Henrik 128
 Bartoli, Matteo Giulio 19
 Basilij Veliki/Василий Велики 15,
 55–56, 147
 Baudouin de Courtenay, Jan/Бодуэн-
 де-Куртене Иван А. 26, 372
 Bazylík, Syprian 185
 Belić, Aleksandar/ Белич, Александр
 25, 128, 224, 295
 Berčić, Ivan 154–155, 158, 170
 Bernik, France 40
 Bernštejn, Samuil: Бернштейн,
 Самуил Б. 287, 289
 Bergynda, Pambo: Берында, Памво 242
 Bezlaj, France 40

Bláhová, Emilie: Блахова, Емилие 146
 Bogorodickij, Vasilij: Богородицкий,
 Василий А. 369
 sv. Boris in Gleb: свв. Борис и Глеб
 198, 201, 207, 209–210
 Borštnik, Marja 40
 Brandt, Roman/Брандт, Роман Ф. 13,
 366, 374
 Breznik, Anton 346, 353, 361, 384
 Broch, Olaf/Брок, Олаф 369
 Budde, Jevgenij: Будде, Евгений Ф.
 370

C

Caf, Oroslav 173, 175
 Cankar, Ivan 43
 Celevyč, Julian 354
 Christens-Barry, Bill 67
 Ciril/Cyril/Ćiril/Кирил 52–53, 89,
 115, 118–119, 128, 136, 140,
 375–378, 380, 389
 Cypkin, Denis O. 64
 Czechowicz Marcin: Чехович,
 Мартин 242

Č

Černyšov, Vasilij: Чернышов,
 Василий И. 370
 sv. Daniil Moskovski: св. Даниил
 Московский 197–211

D

Demetrius/Димитър Олтарник 50,
 73–74
 Derganc, Franc 347
 Dětmar (prvi češki škof) 305

- Dežman, Dragotin 174, 183
 Dionizij Areopagit: Дионисий
 Ареопагит 141
 Dionizij (arhimandrit): Архимандрит
 Дионисий 197
 Dobrovský, Josef 19, 386
 Dolenc, Metod 345
 Durnovo Nikolaj N./Дурново
 Николай Н. 114, 216, 229, 231,
 290, 366, 370–372
 Dvorník, František: Ф. Дворник 53
- E**
 Eilhart iz Oberga 186
 Eřifanij iz Salamine: Епифаний 83
 Eřifanij Slavineckij: Епифаний
 Славинецкий 251
 Evtimij Čudovski: Евфимий
 Чудовский 251, 253
- F**
 Florinskij, Timotej: Флоринский,
 Тимофей Д. 366
 Fortunatov, Filip F./Фортунатов
 Филипп Ф. 13, 126, 128, 215–219,
 225, 227, 229–230, 274, 366–367,
 370, 372
 Fotij (carigradski patriarh): патриарх
 Фотий 89, 142, 147–149
 Franco, Ivan: Франко, Иван Я. 136–
 137, 140
- G**
 Geitler, Leopold 128–129
 Georgij Namartol: Георги Амартол 93
 Glonar, Joža 174, 182, 346
 Goetz, Leopold K./Гетц, Леополд 15,
 365
- Gogolj, Nikolaj V. 234
 Gotfryd ze Strasburgu 186
 Gregorij Nazianski/Gregor teolog/
 Григорий Богослов 15, 142, 381
 Grigorjev, Aleksander D.: Григорьев,
 Александр Д. 370–372
 Grimm, Jakob 131
 Grivec, Franc 376, 382
 Grunskij, Nikolaj K. 128
- H**
 Hadrian gl. Adrian
 Harlfinger, Dieter 64
 Havránek, Bohuslav 129
 Henrik I.: Jindřich Ptáčník 305
 Herder, Johann G. 386
 Hilferding, Alexander F.:
 Гильфердинг, Александр Ф. 135
 Hirt, Hermann: Хирт, Херман 217
 Hnatjuk Vl. 354
 Hrabr/Черноризец Храбр 101–102,
 106, 112, 116, 119, 132, 136
- I**
 Ibersberger, Hans: Иберсбергер, Ганс
 367
 Iešič, Fran 352–353
 Ilič-Svityč, Vladislav: Илич-
 Свитыч, Владислав М. 219, 293
 Iona Dumin (arhimandrit 1584 –
 1588): Иона Думин 200, 202,
 204, 208
 Isačenko, Aleksander V. 16, 376, 382
 Ivan Grozni: Иван Грозный 197
 Ivanov, Jordan: Иванов, Йордан
 136–137
 Ivanova-Mirčeva, Dora: Иванова-
 Мирчева, Дора 146

J

- Jagić, Vatroslav/Ягич, Ватрослав
13, 15, 19, 54, 125–126, 130–131,
134, 146, 153, 158, 215–216, 227,
229, 271, 348–349, 365–369, 372,
374–376, 379, 381, 383–384
- Jakil, Andrej 347
- Jakobson, Roman O./Якобсон, Роман
O. 16, 137, 142, 234, 236, 239, 382
- Jakopin, Franc 10–11, 40
- Jan Scholastik/Йоан Схоластик 55,
83, 147–148, 313
- Janez V. (cesar): Иоанн V 197
- Janez VIII (papež): Йоан VIII 55
- Janez Damaščan/ Иоанн Дамаскин
140, 381
- Janez Eksarh: Иоанн Экзарх 140
- Janez Zlatoust/Йоанн Златоуст 15, 53,
55–56, 241–242, 246
- Jeremija Drekselij: Иеремия
Дрекселий 253
- Jireček, Konstantin/Иречек,
Константин 13, 215
- Jožef Flavij: Йосиф Флавий 93
- Jožef Svetogorec: Иосиф Святогорец
242
- Justinian I: Юстиниан I 147

K

- Karadžić, Vuk S. 173
- Karel Veliki: Карл Великий 289
- Karion: Карион (Борина) 198
- Karion: Карион (Истомин) 198
- Kaspret, Anton 343–346, 349–350
- Kidrič, France 43, 345–346, 349, 355,
381, 385
- Kliment Ohridski/Климент Охридски
50, 53, 82, 119

- Kmecl, Matjaž 40
- Kocelj (slovanski knez) 378
- Kodov, Hristo: Кодов, Христо 146
- Kolarič, Rudolf 19, 384
- Kondakov, Nikodim: Кондаков,
Никодим П. 51
- Konstantin-Ciril: Константин-Кирил
49, 51, 125, 127, 130, 132, 135–
136, 142, 365, 382 gl. tudi Ciril
- Konstantin Preslavski/Константин
Преславски 102–103, 106–107,
117, 119, 136, 140
- Konštantin Kristoferidij 15
- Korečnú, František: Копечный,
Франтишек 295
- Kopitar, Jernej 19, 376, 385
- Korš, Fedor E./Корш, Федор Е. 13,
366–367, 374
- Kos, Franc 355
- Kos, Milko 360–361, 385
- Kovačević, Radmila 128
- Kovačić, France 345–346
- Kozma prezbiter: Презвитер Козма
82
- Kraigher, Alojz 354–355
- Kreft, Bratko 385
- Krek, Gregor 41
- Krilov, N. P.: Крилов, Н. П. 51
- Kulbakin, Stepan: Кульбакин, Степан
М. 224
- Kuryłowicz, Jerzy: Курьлович Ежи
218, 224
- Kurz, Josef/Josip 129

L

- Lah, Evgen 352
- Lamanskij, Vladimir I./Ламанский,
Владимир И. 127, 372

- Lavrov, Petr A./Лавров, Петр А. 126, 136, 376
- Lehr-Spławiński, Tadeusz 129
- Leon I. (papež) 377
- Lermontov, Mihail Ju. 234
- Levec, Fran 352
- Ljarunov, Boris M.: Ляпунов, Борис М. 295
- Logar, Cene 360
- Lomonosov, Mihail V. 233
- Lončar, Dragotin 361
- M**
- Makarij: Макарий 198
- Mantuani, Josip 350, 355, 361
- Meillet, Antoine: Мейе Антуан 289, 291, 296
- Melanchthon, Filip: Меланхтон, Филипп 251
- Melik, Anton 360
- Merhar, Boris 177
- Meringer, Rudolf/Мерингер, Рудолф 13, 215
- Metod/Methoděj/Методий 49, 51–55, 81, 83, 89, 145–150, 313–314, 375–378, 380
- Mihail: Михаил (мних) 198–202, 204, 209
- Miklošič/Miklosich, Franc 19, 39, 190, 376, 384
- Mirčev, Kiril: Мирчев, Кирил 295
- Moisej: Моисей (иеромонах Чудова манастиря) 252
- Murko, Matija 13, 344, 379–381
- N**
- Naumow, Aleksander: Наумов, Александр 146, 148
- Negalevskij, Valentin: Негалевский, Валентин 242
- Nikolskij, Boris V. 126
- O**
- Oblak, Vatroslav: Облак, Ватрослав 368
- Obnorskij, Sergej P. 233, 236
- Ocvirk, Anton 360
- Ohonovski, Omeljjan 354
- Oláh, Miklós 185
- Orožen, Martina 40, 376
- Oštir, Karel 360
- P**
- Paschen, Anton 236
- Paternu, Boris 40
- Pekmezi, Georg 15
- sv. Peter in Fevronija: свв. Петр и Феврония 198
- Peter I. (car): Петр I/Petr I. 197, 233
- Peter Aleksandrijski: Петр Александрийский 253
- Pintar, Luka 346
- Pivko, Ljudevit: Пивко, Людевит 369
- Platon: Платон (митрополит) 200, 211
- Pleteršnik, Maks 353
- Pollak, Karel 347
- Porfirij Uspenski: Порфирий Успенски 51
- Porzeziński, Jan Wiktor: Поржезинский Виктор К. 295
- Prešeren, France 21, 176–177, 384–386
- Priatelj, Ivan/Приятел, Иван 43, 230, 346, 352–355, 372, 381
- Proust, Marcel 38

Pugelj, Milan 355
 Puškin, Aleksander S./Пушкин,
 Александр С. 234, 370

R

Rački, Franjo: Рачки, Франьо 146
 Radojčić, Nikola 360
 Radosav 115
 Radovich, Natalino: Радович,
 Наталино 82, 271
 Raič, Božidar 352
 Ramovš, Fran 9, 15, 37, 41, 43, 175,
 343, 345–351, 353, 361, 382–384
 Ravnikar-Požencan, Matevž 173, 175
 Rešetar, Milan/Решетар, Милан 115,
 368–369
 Ribarova, Zdenka 154–155
 sv. Roman: св. Роман Углицкий 198
 sv. Romuald 75
 Rostislav: Ростислав 101
 Rozwadowski, Jan Michał:
 Розвадовский, Ян Михал 369
 Rupel, Mirko 385

S

de Saussure, Ferdinand: де Сауссуре/
 де Соссюр, Фердинанд 216–219,
 224
 sv. Sava: св. Сава Срѣбски 148–149
 Savile, Henry: Генри Савиль 242
 van Schooneveld 272
 Seliščev, Afanasij M. 129
 Senekovič, Andrej 355
 Sergij: Сергей (монах) 197–198, 203
 Shevelov, George Y. 234
 Skok, Petar 19
 Sławski, Franciszek: Славский,
 Францишек 293

Smotrickij, Meletij: Смотрицкий,
 Мелетий 241, 249, 254
 Sobolevski, Aleksej I./Соболевский,
 Алексей И. 126, 136, 138, 370
 Sokolov, Nikolaj N./Соколов,
 Николай Н. 216, 229, 231,
 366–367, 371–372

Š

Šafařík, Pavel J./Шафарик, Павел
 127, 146
 Šahmatov/Šaxmatov, Aleksej A./
 Шахматов, Алексей А. 13, 216,
 229–230, 233–235, 238–239,
 266–372, 385
 Ščerkin, Vjačeslav: Щепкин,
 Вячеслав Н. 372
 Škrabec, Stanislav 346, 376, 384
 Šlebinger, Janko 350, 353, 355, 383
 Štefanić, Vjekoslav 126, 128–129, 154
 Štrekelj, Karel/Штрекел, Карел 173,
 216, 344, 346, 369, 383
 Šuklje, Franjo 352, 354

T

Tarabrin, I. M.: Тарабрин, И. М.
 370–372
 Tarnanidis, Joannis: Тарнанидис,
 Йоанис 49, 51, 53, 55
 Taylor, Isaac 129
 Teodor Balsamon: Теодор Вальсамон/
 Феодор Вальсамон 149, 253
 Teodor Studit: Теодор Студит 148
 Teodorit Kirski: Теодорит Кирски 83
 Teofan: Теофан (монах Чудова
 монастыря) 253
 Tjарinskij, Vasilij: Тяпинский,
 Василий Н. 242

Tomšič, Franc 40

Trubačev, Oleg N./Трубачев, Олег Н.
294, 296, 322

Trubeckoj/Trubetzkoy, Nikolaj S./
Трубецкой, Николай С. 129, 290,
382

Tunickij, Nikolaj L.: Туницкий,
Николай Л. 53

Turner, Pavel 345

U

Ušakov, Dmitrij N./Ушаков, Дмитрий
Н. 216, 229, 231, 366, 372

V

Vaillant, André: Вайян, Андре
137–142

Vajs, Josef 126–130, 154, 156, 158

Valjavec, Matija 173, 175

Valvazor, Janez Vajkard 383

Vašica, Josef 129

Veber, France 355, 361

Vey 272

Vilinskij, Sergej G. 126

Vince, Zlatko 19

Vondrák, Václav/Вондрак, Вацлав
13, 53–54, 126–128, 140, 215, 217,
271, 366, 368, 380

Vraz, Stanko 173, 175–177

W

Wessely, C. 127–128

van Wijk, Nicolaas: Ван Вайк/Ван
Вейк, Николас 146, 224, 296

Wujek, Jakob: Вуйк, Якоб 252

Z

Zilinskij, Ivan: Зилинский, Иван М.
369

Zizanij, Lavrentij I./Зизаний,
Лаврентий И. 241, 251–254

Zorman, Ivan 347

Zwitter, Fran 360

Žakelj Anton - Rodoljub Ledinski 173,
175–179, 182–183